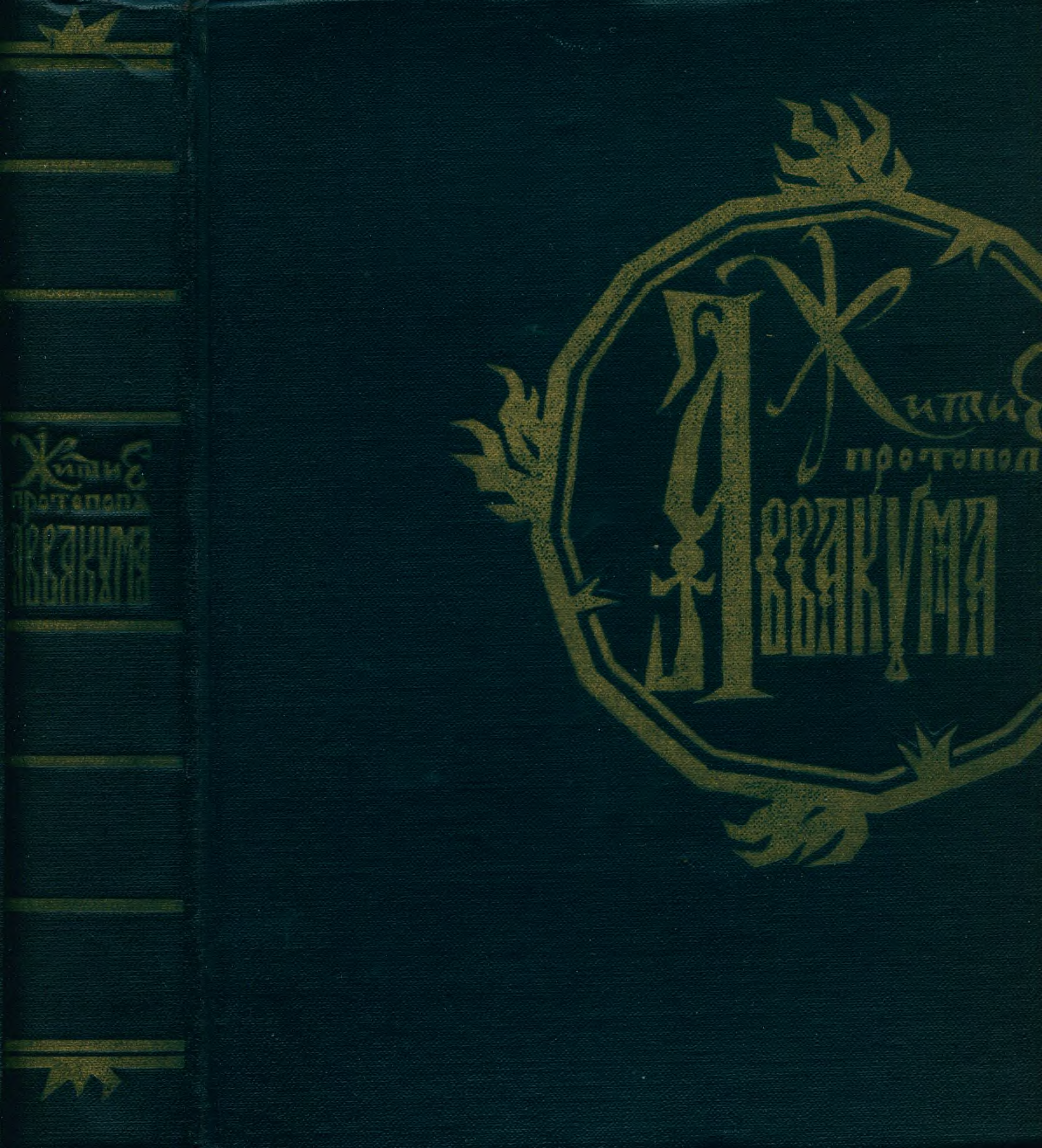
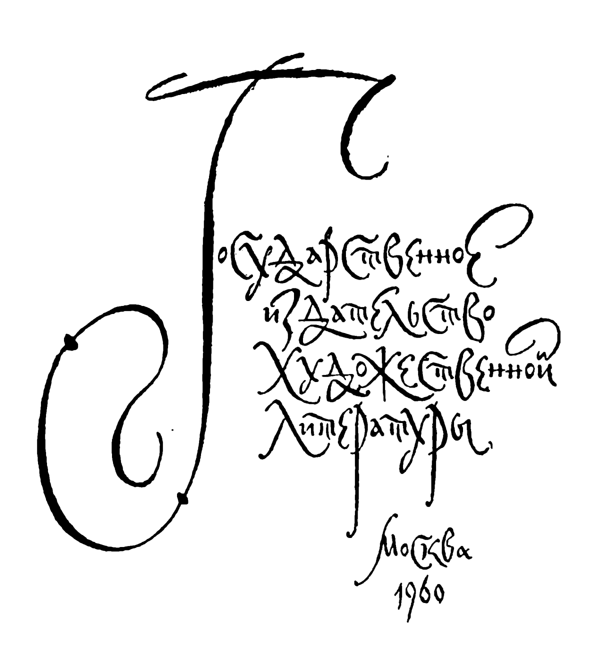

Житие протопопа Аввакума
Житие протопопа Аввакума


Государственное
издательство
художественной
литературы
Москва
1960

Житие
протопопа
Аввакума
им самим
написанное
и други его
сочинения

Под общей редакцией
Н. К. ГУДЗИЯ

Вступительная статья
В. Е. ГУСЕВА

Подготовка текста и комментарий
Н. К. ГУДЗИЯ, В. Е. ГУСЕВА,
А. С. ЕЛЕОНСКОЙ, А. И. МАЗУНИНА,
В. И. МАЛЫШЕВА, Н. С. САРАФАНОВОЙ

ПРОТОПОП АВВАКУМ ПЕТРОВ — ВЫДАЮЩИЙСЯ РУССКИЙ ПИСАТЕЛЬ XVII ВЕКА

1

Протопоп Аввакум Петров был самым крупным идеологом того религиозно-общественного движения, которое вошло в историю под неточным названием «раскола». В то же время это был писатель, обладавший выдающимся литературным талантом. Чтобы понять сущность движения старообрядчества и смысл литературной деятельности Аввакума, следует принять во внимание некоторые факты русской жизни второй половины XVII века.

В классическом труде Ф. Энгельса «Крестьянская война в Германии» содержится глубокий анализ сущности и форм классовой борьбы в феодальном обществе. Этот анализ приводит Ф. Энгельса к выводу: «Революционная оппозиция феодализму проходит через все средневековье. Она выступает, соответственно условиям времени, *то*

в виде мистики, то в виде открытой ереси, то в виде вооруженного восстания»[1]. (Курсив наш.— *В. Г.*)

«Условия времени» в Московской Руси XVII века определили своеобразную форму антифеодальной оппозиции демократических слоев русского общества той эпохи. После подавления первой крестьянской войны начала XVII века положение народных масс на Руси особенно ухудшилось. Посадские тяглые люди, как было сказано в одной челобитной 1648 года, «оскудели и обнищали до конца». Земским собором 1649 года было принято специальное Уложение, которое окончательно завершило закрепощение крестьян. Это послужило причиной новых волнений: в 1654 году происходит «чумный бунт», в 1662 году — «медный бунт» и восстания поволжских крестьян, в 1666 году действуют казацко-крестьянские дружины под руководством Василия Уса, в 1667—1671 годах разгорается вторая крестьянская война под руководством Степана Разина. Вооруженная борьба посадских людей и крестьян против феодалов нуждалась в идеологическом обосновании. Официальная церковь с ее феодальными формами эксплуатации, стоявшая на страже государственной власти, проповедовавшая смирение и покорность, не оправдывала эту борьбу. Но русская церковь XVII века не была единой организацией. В ней отчетливо проявились те же противоречия, которые были свойственны феодальному обществу в целом. Это многое объясняет в идеологическом содержании «раскола».

Церковная знать владела крупными земельными участками и богатствами. Высшему духовенству в конце XVII века принадлежало почти $^{2}/_{3}$ всех земель страны и 440 тысяч душ крепостных[2]. Глава русской церкви — патриарх — являлся крупнейшим собственником-феодалом. Так, например, патриарх Никон построил три крупных монастыря, которые стали его вотчинами. Кроме того, по данным Церковного собора 1665 года, Никон захватил в свое владение еще шестна-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2-е, т. 7, стр. 361.

[2] Н. М. Никольский, История русской церкви, М. 1930, стр. 91. Подробнее см. С. Коллинз, Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне (русский перевод — в «Русском вестнике», 1841, № 8 и 9 и в «Чтениях в Обществе истории и древностей российских при Московском университете», М. 1846, т. 1, ч. 1); Г. К. Котошихин, О России в царствование Алексея Михайловича, 4-е изд., СПб. 1906.

дцать монастырей. По свидетельству приехавшего на Русь антиохийского архидиакона Павла Алеппского, Никон владел 25 тысячами крестьянских дворов; ежегодный доход от принадлежавших ему монастырей составлял 20 тысяч рублей, а одни только московские церкви выплачивали ему 14 тысяч рублей в год[1], что составляло по тем временам громадную сумму.

Обладая такими богатствами и пользуясь даровым трудом крепостных, церковная знать утопала в роскоши, чинила произвол в подвластных ей епархиях. Челобитная неизвестного лица к патриарху Иосифу обличала церковных «начальников»: «любят сребро и злато и украшение келейное... к подвластным зверообразни являются... и сами в домех и гостят и обнощевают, упивающеся и объядающися, бесом вожделенным пьянством с женами пирующе...»[2]

В то же время низшее белое духовенство, особенно сельские священники и дьяконы, не говоря уже о простых монахах, по своему положению в обществе и по образу жизни мало чем отличались от крестьян и рядовых посадских людей. Источником пропитания этой, по выражению Ф. Энгельса, «плебейской части» духовенства был небольшой земельный надел или мизерное жалованье; священникам запрещалось торговать и заниматься ремеслами. Монахи подвергались на монастырских землях, в сущности, такой же эксплуатации, что и приписанные к монастырям крестьяне. Городское и сельское белое духовенство было обременено поборами, находилось в сильнейшей материальной зависимости от церковных властей; оно было бесправно и перед светской властью, о чем свидетельствует одна из челобитных царю Алексею Михайловичу: «...попов и дьяконов по боярским и дворянским вотчинам в колоды и цепи сажают, бьют и от церкви отсылают»[3]. Естественно, что в среде низшего духовенства росло недовольство своим положением и сочувствие угнетенному народу. Поэтому

---

[1] См. «Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном архидиаконом Павлом Алеппским», вып. 3, М. 1898, стр 161—162; ср. Н. Ф. Каптерев, Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович, т. 2, Сергиев Посад, 1912, стр. 165—171.

[2] Н. Ф. Каптерев, Патриарх Никон и его противники в деле исправления церковных обрядов, изд. 2-е, Сергиев Посад, 1913, Приложения, стр. 178—179.

[3] С. М. Соловьев, История России, т. XI, СПб. 1880, стр. 208.

в периоды оппозиционных движений против церковно-феодального гнета именно из этой среды духовенства «выходили теоретики и идеологи движения...» [1]

В конце 40-х годов XVII века в Москве в среде духовенства возник кружок «ревнителей благочестия». Он составился в основном из провинциальных протопопов — Аввакума, Даниила, Лазаря, Логгина и других. Важную роль в кружке играл протопоп Иван Неронов, переведенный в Москву из Нижнего Новгорода; среди «ревнителей благочестия» был и архимандрит московского Новоспасского монастыря Никон, вскоре ставший митрополитом Новгородским. Кружок поставил перед собой задачу оздоровления церковного быта, исправления богослужебных книг по древним рукописям, а также искоренения языческих пережитков в сознании и быту русского народа. Укрепление церкви и религиозных чувств в народе соответствовало интересам феодального государства, поэтому кружок фактически возглавлялся окольничим Феодором Ртищевым и царским духовником Стефаном Вонифатьевым. Кружок пользовался вниманием и покровительством самого царя Алексея Михайловича, который лично знал и принимал у себя «ревнителей». Но в деятельности некоторых членов кружка постепенно обозначились такие тенденции, которые не входили в расчеты его руководителей. Священники, близко стоявшие к народным массам и хорошо знавшие их положение, особенно Неронов и Аввакум, резко обличали неустройства русской жизни, произвол и жестокость светских властей. Они произносили горячие и доходчивые проповеди, «не обинующася лиц сильных». Так, Иван Неронов бесстрашно «обличаша» воеводу Федора Шереметева «пред народом о неправдех от него творимых» и требовал от всесильного «начальника», «да милосерд будет к людем» [2]. Аввакум следовал примеру своего друга. Даже близкие Неронову и Аввакуму лица, более осторожные, чем их учителя, находили, что «Аввакум лишние слова говорил, что и не подобает говорить» [3]. Особенно пылко и негодующе указанные члены кружка «ревнителей благочестия» обличали в своих проповедях развращенность, пьянство, мздоимство и другие

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2-е, т. 7, стр. 352.

[2] Н. Ф. Каптерев, Патриарх Никон и его противники..., стр. 114.

[3] Материалы для истории раскола за первое время его существования (тт. I—IX, М. 1875—1890); т. I, 1875, стр. 29.

пороки высшего духовенства[1]. Не удивительно поэтому, что, по свидетельству современника и биографа Ивана Неронова, «простии людие зело любляху Иоанна яко проповедника истинне, и пред цари не стыдящася... и много истинне страждуща»[2]. О своей популярности среди народа говорил сам Аввакум: «Меня жалуют люди те, знают гораздо везде». И если ригористическое осуждение любимых народом обычаев и увеселений (ряжения, обрядовых игрищ, скоморошьих представлений и др.) вызывало подчас недовольство паствы и приводило даже к столкновениям между ею и проповедниками «благочестия», то, с другой стороны, содержащаяся в проповедях Неронова и Аввакума острая критика недостатков общественной жизни и церковного быта, защита угнетенных от насилий и произвола светских и духовных «начальников» собирала большую аудиторию и рождала горячие симпатии слушателей.

В конце концов деятельность некоторых «ревнителей благочестия» и разделявших их мнения служителей культа приобрела оппозиционный характер по отношению к церковной и светской власти. Это произошло во время проведения реформы русской церкви (1653—1660 годы).

Инициатором реформы был сам царь. По его замыслам, реформированная церковь явилась бы еще более мощным средством централизации русского государства. К реформе царя побуждало также стремление к объединению православной русской церкви и церкви Украины. Наконец, этого требовала и внешнеполитическая программа правительства, планы присоединения к России земель, находившихся в то время под властью турецкой империи. Эти далеко идущие планы политической экспансии нуждались в идеологическом оправдании. Оно состояло в том, что на великую свободную христианскую державу возлагалась священная миссия защитить попираемую веру православных народов мусульманского Востока. Однако, чтобы претендовать на признание этой миссии другими православными церквами, необходимо было поднять авторитет русской церкви, а также пойти на некоторые формальные уступки восточным церквам, поскольку за столетия раздельного развития русской и восточных церквей в их об-

---

[1] Н. Ф. Каптерев, Патриарх Никон и его противники..., стр. 126—133.

[2] Материалы для истории раскола..., т. I, 1875, стр. 143.

рядности образовались некоторые различия; они касались ритуала церковного богослужения, произнесения некоторых молитв, сложения пальцев при крестном знамении; разнились и тексты некоторых богослужебных книг. Царь Алексей Михайлович пришел к выводу о необходимости привести русскую церковную обрядность и написание богослужебных книг в соответствии с современной обрядовой греческой практикой и новопечатными греческими богослужебными книгами.

Решение провести реформу совпало со смертью главы русской церкви — патриарха Иосифа. Выбор царя пал на одного из членов кружка «ревнителей благочестия» — Никона. Возведенный в июле 1652 года на патриаршество, Никон, исполняя волю царя и его окружения, уже в марте 1653 года начал осуществлять реформу. Однако новый патриарх преследовал при этом и свои цели, отвечавшие интересам и правящей церковной партии. Будучи человеком энергичным, умным, честолюбивым, Никон стремился укрепить церковь, чтобы освободить ее от царской опеки, а тем самым приобрести и личную неограниченную власть. Завоевав сначала доверие царя, Никон принял на себя титул «великого государя», стал вмешиваться в государственные дела, в дипломатическую и военную политику правительства, и в конце концов открыто провозгласил идею превосходства духовной власти над светской. Естественно, что эта опасная для самодержавия политика Никона вызвала решительное сопротивление со стороны царя. Никон не нашел поддержки и в самой церкви, так как своим высокомерием и самоуправством, доходившим до рукоприкладства, успел восстановить против себя бо́льшую часть духовенства. В 1658 году он вынужден был оставить патриаршество, а после неудавшейся попытки в 1664 году вернуть себе патриарший престол, собором 1666—1667 годов был лишен сана и осужден на ссылку простым монахом. После отстранения Никона во главе церкви, в сущности, оказался сам царь, который и довел до конца реформу, хотя и вынужден был пойти на некоторые уступки феодальной верхушке церкви — признать компромиссное решение собора о невмешательстве светской власти во внутреннюю жизнь церкви, упразднить Монастырский приказ (посредством которого государственная власть контролировала экономическую и административную деятельность церкви, а также осуществляла судопроизводство над духовенством) и др.

Значительно более серьезным и опасным противником царя оказались те члены кружка «ревнителей благочестия», которые с самого

начала решительно выступили против церковной реформы, ее организаторов и проводников: сперва, полагая главным ее виновником патриарха,— против Никона, а после его отстранения и особенно после собора 1666—1667 годов, когда выяснилось, что вдохновителем ее был сам царь,— и против Алексея Михайловича. Власти ответили на это отлучением противников реформы от церкви и «градским судом», ссылками в отдаленные окраины, заключением в тюрьмы, казнями.

На первый взгляд может показаться, что сопротивление приверженцев старых обрядов церковной реформе объяснялось чисто догматическими соображениями, начетническим педантизмом. В самом деле, так ли уж важно, даже с точки зрения церковно-богословской, креститься двумя или тремя перстами, писать «Исус» или «Иисус», произносить «аллилуйя» два или три раза! А ведь в открытой полемике споры велись именно вокруг этих и им подобных вопросов [1]. Сам Аввакум в полемическом увлечении клялся умереть «за единый аз». Однако действительные причины ожесточенного сопротивления реформе были значительно более серьезными. С другой стороны, и те жестокие репрессии, которым подвергались старообрядцы, вряд ли были бы возможны, если бы и сторонники реформы видели в своих врагах только упрямых начетчиков. Сами участники борьбы прекрасно понимали, что сущность спора лежит за пределами вопроса об обрядности и написания богослужебных книг. Еще глубже и значительнее были *объективные* причины раскола, не осознанные самими его участниками и даже вождями.

Не следует думать, что Неронов, Аввакум и их единомышленники были вообще против всяких изменений в богослужебной практике или в богослужебных книгах. В сущности, они-то первые и начали проводить некоторые изменения в современной им обрядности. Они не были и принципиальными противниками исправления книг, только считали авторитетными не современные греческие книги, а древние греческие рукописи. В конце концов ожесточенная борьба «ревнителей благочестия» против Никона и его реформ объяснялась именно тем, что Никон ограничился лишь *формальным* исправлением книг и обрядов, в то время как, по мнению некоторых «ревнителей благочестия»,

---

[1] Полный перечень пунктов, по которым основоположники раскола расходились с церковью, см. в «Росписи» попа Лазаря (Материалы для истории раскола..., т. IV, 1879, стр. 179—206).

в исправлении нуждались в первую очередь не книги и обряды, а самый церковный быт, нравы духовенства и — шире — неустройства русской жизни в целом. Глубоко противоречили убеждениям «ревнителей» и вводимые Никоном порядки церковного управления: они мыслили его на демократических началах выборности и широкой, многообъемлющей соборности, а Никон поощрял ставленничество, укреплял патриаршее единовластие.

Не случайно в постановлении собора 1666—1667 годов Аввакуму и его сторонникам вменялось в вину вовсе не приверженность к старым обрядам или старым книгам, а покушение на авторитет самой церкви, то, что они «возмущают народ буйством своим»[1]. Поэтому собор недвусмысленно назвал Аввакума «мятежником»[2]. И хотя на допросе Аввакум на вопрос «православна ли церковь» дипломатически ответил, что «церковь православна, а догматами церковными... искажена», однако в других случаях он выражал свое отношение к церкви более решительно, называя ее «разбойничьим вертепом». Вслед за Аввакумом и слушавшие его проповеди отзывались о церкви весьма нелестно: «В некоторое время и конюшня-де иные церкви лучше!»[3]

Существенным основанием для осуждения деятельности Никона со стороны Аввакума и его единомышленников было то, что нравы, насаждаемые патриархом в церкви, еще больше развращали духовенство, стремившееся во всем подражать своему «великому государю». Красноречивым свидетельством морального облика деятелей реформированной церкви является челобитная соловецких монахов: «Прежней архимандрит Варфоломей до конца святую обитель... пиянством, и бесчинством, и житием с послушником своим... обругали... и нас, убогих, не по делу всячески напрасно и бесчеловечно оскорбляли»[4].

Не последнюю роль в расхождении между «ревнителями благочестия» и правящей церковной партией, а затем царской властью сыграло и то обстоятельство, что требование отказаться от обычаев и обрядов, освященных веками, и признать превосходство греческой церкви больно задевало и оскорбляло национальное чувство многих русских людей XVII века. Аввакум и его приверженцы были воспитаны

---

[1] Материалы для истории раскола..., т. II, 1877, стр. 122.
[2] Там же, стр. 82.
[3] Материалы для истории раскола..., т. I, 1875, стр. 31.
[4] Материалы для истории раскола..., т. III, 1878, стр. 312—313.

на теории «Москва — третий Рим»[1], свято верили в превосходство над другими странами Руси, сумевшей сохранить свою независимость, и не соглашались искать образец в греческой земле, поскольку Византийская империя не смогла устоять против натиска внешних врагов[2].

Кроме того, поскольку греческая церковь по Флорентийской унии 1439 года пыталась объединиться с католической церковью ценой некоторых уступок, «ревнители благочестия» опасались вторжения на Русь особенно ненавистной им «латинской ереси». Реформа воспринималась ими поэтому как оскорбление чувства национального достоинства, как покушение на чистоту культуры, национальную самобытность. Никона ненавидели, в частности, за то, что он «устрояет все по фряжскому, сиречь по неметцкому», то есть на иностранный образец (согласно широкому значению слова «немец» в ту эпоху), а сами приверженцы Никона в сознании раскольников были «немцы руския». Эти чувства соответствовали настроениям посадских людей. Еще в XVI веке «захватив в свои руки торговые пути, произвольно возвышая цены на свои произведения, понижая на русские, англичане оказывали презрительное обхождение русскому народу и через то возбудили против себя неудовольствие»[3]. Поскольку иностранные обычаи насаждались сверху, феодальной властью, это вызывало сопротивление простых русских людей XVII века.

Но самой важной объективной причиной возникновения «раскола» как *общественного* движения, переросшего рамки небольшого кружка «ревнителей благочестия» и даже сферу всей церкви, явилось то, что в результате реформы еще больше укреплялась власть феодальной знати, еще больше усиливалась эксплуатация крестьянства и посадского населения. Вот почему движение «раскола» в конечном счете *слилось* с протестом народных масс.

«Раскол» был пестрым по своему социальному составу движением, он объединил на первых порах все слои населения феодальной Руси, недовольные укреплявшимся дворянским государством — его пыталось использовать в своих интересах лишенное былых привилегий боярство,

---

[1] Об этом свидетельствует челобитная попа Лазаря (см. Материалы для истории раскола..., т. IV, 1879, стр. 250—251).

[2] Там же, стр. 252.

[3] Н. И. Костомаров, Собр. соч. Исторические монографии и исследования, кн. 8, т. XX, СПб. 1906, стр. 244; ср. стр. 253, 269—270.

к нему примкнули богатые «гости», стрелецкое войско; оно привлекло и часть высшего духовенства — всех, кто по тем или иным причинам был недоволен Никоном. Но постепенно, особенно с конца 60-х годов, после упразднения Монастырского приказа и введения Новоторгового устава, предоставлявшего льготы купцам, от «раскола» отошла значительная часть торговых людей и духовенства. Основную массу участников «раскола» составляли крестьяне и посадские люди [1], они же были и его главной движущей силой. Это наложило на «раскол» свою печать, в нем отразились как сильные, так и слабые стороны сознания демократических слоев русского общества XVII века.

«Раскол» как бы освящал и делал законной в сознании религиозно настроенных масс их борьбу против феодального гнета, придавал ей «благочестивый» характер, оказался весьма подходящей в условиях XVII века идеологической оболочкой социальных чаяний народа. Этим и следует объяснить ту заметную роль, которую играли «раскольники» почти во всех вооруженных восстаниях последней трети XVII века. Это определило особенность уже московского восстания 1654 года, которое прошло под знаменем защиты «старой веры». В конце XVII века это отчетливо проявилось в борьбе голутвенного казачества на Дону, куда раскольниками «вместе с древним учением веры занесены были... иные учения, чисто политического характера, лишь прикрывавшиеся ее формой» [2]. Особенно ярким примером слияния «раскола» и вооруженной борьбы явилось длившееся восемь лет и трагически закончившееся соловецкое восстание (1668—1676). Наряду с монахами (среди них было более ста сосланных учеников Аввакума) в восстании приняло активное участие население окрестных деревень и посадов, а также сбежавшие от преследований сподвижники Степана Разина (который и сам в свое время ходил на богомолье в Соловецкий монастырь), объявившие троеперстие «печатью антихриста». Весьма характерны и фигуры вождей и идеологов этого восстания — архимандрита Никанора и старца Геронтия. Особенно примеча-

---

[1] См. Л. Е. Анкудинова, Социальный состав первых раскольников. Вестник Ленинградского университета. Серия истории языка и литературы, т. 14, вып. 3, Л. 1956, стр. 56—68.

[2] В. Г. Дружинин, Раскол на Дону в конце XVII в., СПб. 1889, стр. 214—215. (См. также Н. М. Никольский, История русской церкви, М. 1930, стр. 129—133).

телен второй из них. Последователь Аввакума, убежденный сторонник старой веры, начитанный и одаренный, он вступил в резкую и пламенную полемику с властями, а затем искусно наладил оборону монастыря, осажденного царскими войсками [1].

Однако, отмечая демократическую основу «раскола», его протестантский характер, его связь во многих случаях с вооруженной антифеодальной борьбой, не следует забывать, что неоднородный социальный состав движения и различие социальных устремлений разных его элементов, классовая незрелость крестьянства, стихийный характер борьбы масс, а также мистические настроения некоторых руководителей «раскола»,— все это делало его весьма противоречивым явлением, привносило в него и реакционное содержание. Г. В. Плеханов, характеризуя своеобразный консервативный характер идеалов «трудящейся массы» в XVII веке, писал: «...постоянное обращение оппозиционной мысли назад, а не вперед обусловливалось неразвитостью общественных отношений, отнимавшей у представителей оппозиции всякую возможность наметить для своей страны путь поступательного, а не попятного движения» [2].

Религиозная оболочка антифеодального движения, безусловно, затрудняла понимание демократическими массами своих классовых интересов, затушевывала, а иногда и совсем скрывала от участников «раскола» его социальную сущность, приводила к распространению в народе эсхатологических представлений о пришествии антихриста и конце мира. Страшным выражением бессильного протеста сторонников старой веры против преследований правительства явилось массовое самосожжение, совершенное в 1672 году в нижегородском Закудемском стану.

Защита русских национальных обычаев и протест против начинавшегося засилья иностранцев в некоторых сферах русской жизни переходили у сторонников старой веры в националистическую ограниченность, в злобное неприятие всего нерусского. Страстная борьба Аввакума и его единомышленников против новогреческой книжности и образованности, против «латинской ереси» и западноевропейского

---

[1] См. И. Я. Сырцов, Возмущение соловецких монахов-старообрядцев в XVII в., 2-е изд., Кострома, 1889; Н. А. Барсуков, Соловецкое восстание (1668—1676), Петрозаводск, 1954.

[2] Г. В. Плеханов, Собр. соч., т. XV, М.— Л. 1926, стр. 355.

схоластического образования переходила в отрицание всякой науки и философии: отвергались «и Платон, и Пифагор, Аристотель и Диоген, Иппокрит и Галин», ибо «вси сии мудри быша и во ад угодиша» (Аввакум). Признавая одну только «премудрость» священных книг, противопоставляя науке веру, основоположники «раскола» противились распространению светского образования, с презрением отзывались о естествоиспытателях и «зодейщиках» — астрономах [1].

Все эти отрицательные свойства «раскола» в конце концов в XVIII—XIX веках привели к перерождению его в крайне реакционное течение, противившееся прогрессивному развитию русского общества, хотя и впоследствии, в периоды обострения классовых противоречий, под знамя «старой веры» собирались недовольные самодержавно-крепостническим режимом, как это, например, было во время Булавинского восстания или в период крестьянских войн под руководством Пугачева. В. И. Ленин, осмысляя исторически другие факты выражения недовольства русского крестьянства, видел в них выражение определенной закономерности: «...выступление политического протеста под религиозной оболочкой есть явление, свойственное всем народам, на известной стадии их развития...» [2]

Итак, «раскол» следует рассматривать как массовое движение XVII века, возникшее на антифеодальной, демократической основе; следует понимать также противоречивую природу этого движения, уметь видеть в нем исторически неизбежную, закономерную, но ограниченную и подчас уродливую форму выражения социального протеста демократических масс и их борьбы против церковно-феодального гнета.

---

[1] В этом отношении от старообрядцев не отличались и сторонники реформы. В области духовной культуры они вовсе не стремились приобщить русское общество к прогрессивной идеологии Западной Европы. Они не выходили за пределы средневековой религиозной культуры. Это в значительной мере было еще характерно вообще для всей русской культуры второй половины XVII в. Например, в предисловии к знаменитой грамматике Смотрицкого читатель предупреждался, что приобретение знаний ни в коем случае не должно вредить вере, и осуждались «некие», которые «от внешниа премудрости повредишася умом, восхотевши смыслити о небесех и прочих тварех».

[2] В. И. Ленин, Сочинения, т. 4, стр. 223.

2

Противоречивая сущность «раскола» определила смысл деятельности Аввакума. Будучи служителем культа, он вместе с тем был плотью от плоти простого народа, был «по рождению и по миросозерцанию истинным сыном крестьянской среды; книжное просвещение дало ему известное лишнее орудие в борьбе за старую веру, но не переделало по существу его натуры»[1]. И хотя Аввакум вряд ли ясно сознавал действительное социальное содержание и смысл происходящих событий, но, связанный бесчисленными духовными нитями с представителями различных слоев русского общества, он объективно был выразителем народных настроений, воплотил во всей своей деятельности, в том числе и в литературной, дух антифеодального движения — страстную непримиримость, гнев, железную волю к борьбе, бескомпромиссную готовность стоять насмерть за свои идеалы,— все те чувства, которые клокотали в груди народа, пока еще порабощенного и темного, опутанного цепями феодального гнета и религиозных предрассудков.

Аввакум Петров родился в 1621 году в селе Григорове, Нижегородского края, в семье священника. О детстве Аввакума известно очень немного. Надо думать, оно мало чем отличалось от детства его сверстников — крестьянских детей. От забот и тягот, столь характерных для быта сельского духовенства, отец Аввакума находил утешение в «питии хмельном»; воспитанием детей, видимо, больше занималась мать — «молитвеница и постница», которая и внушила Аввакуму глубокое религиозное чувство. В ранней юности Аввакум осиротел — отец умер, а мать ушла в монастырь. Семнадцати лет Аввакум женился на дочери кузнеца. По неизвестным причинам через некоторое время он был изгнан из родного села в Лопатицы, Нижегородского же края, и здесь в 1642 году был рукоположен в дьяконы, а через два года — в священники. Уже спустя три года Аввакум был вынужден с женой Настасьей Марковной и новорожденным сыном бежать в Москву от преследований местных властей. В столице он заручился с помощью земляка Ивана Неронова поддержкой царского духовника Стефана Вони-

---

[1] Н. М. Никольский, История русской церкви, М. 1930, стр. 119.

фатьева и возвратился в Лопатицы, где нашел свой дом разоренным. Связанный с образовавшимся в Москве кружком «ревнителей благочестия», Аввакум добросовестно осуществлял в своей деятельности его программу исправления нравов, чем снова навлек на себя гнев «начальников». В конце концов он вынужден был совсем покинуть Лопатицы и переехать в Юрьевец-Повольский. Но и там он продержался недолго, причем здесь он уже восстановил против себя и духовенство и прихожан суровой проповедью нравственности (Аввакум вспоминает, что унимал «попов и баб» от «блудни»). Оставив семью в Юрьевце, он снова появился в Москве в 1652 году и стал служить в Казанском соборе, настоятелем которого был его покровитель Иван Неронов. Аввакум начал играть видную роль в деятельности кружка «ревнителей благочестия» в переломный период его истории — в момент избрания Никона патриархом и подготовки реформы. После заключения Неронова в Спасокаменный монастырь борьбу против нововведений патриарха возглавил Аввакум. Отказавшись служить в Казанском соборе по новому обряду, он демонстративно перенес службу во двор дома опального Неронова, приспособив для этой цели «сушило» (сеновал), где во время всенощной и был схвачен и заключен в Андроньевский монастырь (в Москве). Здесь его по распоряжению Никона жестоко били и морили голодом, требуя от него признания нововведений, но Аввакум держался стойко, и в сентябре 1653 года был сослан в Сибирь. Недолгое время он служил в Тобольске протопопом Вознесенской церкви, не принимая нововведений Никона, и в результате доносов в 1655 году был приговорен к новой ссылке на Лену, которая вскоре была заменена ссылкой в Забайкалье, на границу Монголии. Оказавшись в течение своей долгой ссылки в полной зависимости от жестокого воеводы Пашкова, Аввакум с семьей испытывали острую нужду и голод, выносили побои и издевательства. Двое его сыновей умерли. Несмотря на все это, Аввакум не пал духом и даже решался обличать самого Пашкова. В Сибири, в сущности, и родилась слава Аввакума как героя и мученика за правду. Молва о его подвиге и стойкости распространялась по Руси, дошла до Москвы. Теперь Аввакум не ограничивался одной религиозной проповедью, но и обличал социальную несправедливость, заявлял «буттось... везде в начальных людех, во всех чинех нет никакой правды» и даже пытался «учинить смуту» среди казаков. В представлении воеводы Пашкова мятежный протопоп был таким же «вором», как и восставшие казаки

на Байкале и в Верхоленске[1]. Он превратился в опасного врага всего дела Алексея Михайловича. К этому времени Никон был уже отстранен от руководства церковью, и царь, предполагая склонить Аввакума милостью на свою сторону, весной 1662 года вызвал его из ссылки. Около двух лет длился обратный путь Аввакума в Москву. Можно легко себе представить досаду царя Алексея Михайловича, когда он узнавал, что тот по-своему понял эту милость и «по всем городам и селам, во церквах и на торгах кричал», проповедуя свои идеи и обличая новые церковные порядки. Принятый все же благосклонно в Москве, Аввакум и здесь обнаружил нетерпимое отношение к врагам. Царь и бояре старались переубедить его, прибегали к помощи его старых друзей, льстили ему, даже подкупали, но добились очень немногого — только на несколько месяцев хватило терпения мятежного протопопа. Он не только не менял своих убеждений, но в конце концов разразился гневной челобитной, самовольно стал восстанавливать старые обряды и открыто проповедовать свои взгляды, вследствие чего «запустошил церкви» в Москве. Царь и власти в августе 1664 года приняли решение снова сослать его — на этот раз на далекий север, в Пустозерск. По-видимому, царь Алексей Михайлович в душе уважал Аввакума, поэтому, желая несколько смягчить приговор, но не решаясь это сделать по своему почину, он посоветовал Неронову (к тому времени внешне примирившемуся с официальной церковью) написать челобитную о милосердии к Аввакуму[2]. Получив от Неронова челобитную, написанную очень искренне и убедительно, которую и сейчас нельзя читать без волнения, царь заменил место ссылки на Мезень[3]. Спустя полтора года, в марте 1666 года, Аввакум был привезен в Москву, где с февраля месяца заседал церковный собор с участием представителей восточных церквей. После бурной полемики во время «деяний» собора, Аввакум был расстрижен и посажен на цепь в Никольском монастыре на Угреши. С середины мая 1666 года его перевозили из монастыря в монастырь, а архимандриты, архиепископы и патриархи продолжали уговаривать его покаяться и примириться с церковью, но вы-

---

[1] В. И. Малышев, Неизвестные и малоизвестные материалы о протопопе Аввакуме. Труды Отдела древней русской литературы, М.—Л. 1953, т. IX, стр. 396, 398.

[2] См. Материалы для истории раскола..., т. I, 1875, стр. 314.

[3] Челобитную Неронова царю от 6 декабря 1664 года см.: Материалы для истории раскола..., т. I, 1875, стр. 198—201.

нуждены были признать, что «тщетен труд и ждания бяше»[1]. 17 июля 1667 года был вынесен окончательный приговор собора о «расколоучителях», затем Аввакум и его соратники были преданы «градскому суду» и в августе того же года сосланы в Пустозерск, в «место тундряное, студеное и безлесное». Последовало пятнадцатилетнее «сидение» его в срубе и в земляной тюрьме. Но и зарытый в мерзлую землю, лишенный самого необходимого, без книг[2], Аввакум продолжал свою деятельность, но уже в другой форме. Не имея возможности проповедовать в церквах и на торгах, он взялся за перо. Из пустозерского «рва», с берега Печоры, из-за полярного круга передавались через «верных людей» пламенные «сказки» Аввакума — на Мезень, а оттуда в Москву и, переписанные «добрым письмом», распространялись по всей Руси. Никогда, может быть, раньше слава Аввакума не была так велика, а его деятельность так опасна для дворянского государства, как именно теперь, когда власти сделали все от них зависевшее, чтобы заставить его замолчать. Огненные слова Аввакума как искры западали в души его многочисленных «духовных детей», воспламеняли тысячи и тысячи людей. Не без прямого воздействия пустозерских писаний началось и ширилось соловецкое восстание. Теперь Аввакум, обращаясь к царям, не столько уговаривал их, сколько угрожал. Так, он написал царю Федору Алексеевичу (в челобитной), что его отец — царь Алексей Михайлович — угодил в ад. Это напоминание было тем более многозначительным, что Алексей Михайлович умер вскоре после подавления соловецкого восстания, проклятый его участниками. В другом своем сочинении — «Послании всем „ищущим живота вечнаго“» — Аввакум писал, что «Соловецкой монастырь сломил гордую державу его» (царя.— *В. Г.*). В довершение всего церковному собору 1681 года стали известны факты распространения и даже открытой продажи сочинений Аввакума в самой столице. Вскоре последовал царский указ, и 14 апреля 1682 года Аввакум вместе со своими «соузниками» — попом Лазарем, иноком Епифанием и дьяконом Федором были сожжены.

---

[1] См. Материалы для истории раскола..., т. II, 1877, стр. 82.

[2] «Соузник» Аввакума Лазарь писал в челобитной царю Алексею Михайловичу: «Книг, государь, нам не дают лет больше десяти» (Материалы для истории раскола..., т. IV, 1879, стр. 224).

Вся жизнь Аввакума была героическим служением идее, и умирал он, конечно, не за «единый аз», а за нечто гораздо для него более важное и дорогое. Мировоззрение Аввакума было насквозь противоречиво. Определить его как христианское — значило бы сказать очень мало и не вполне точно. В самой религиозности его было нечто противоречившее догмам христианского учения. В ряде случаев он был настолько неканоничен, что повергал в смущение даже своих ближайших, ортодоксально настроенных друзей. Примечательным эпизодом в этом отношении является его спор с дьяконом Федором по некоторым богословским вопросам — спор, в котором Аввакум, толкуя важнейшие догматы христианской веры, в сущности сам впадал в ересь; не случайно впоследствии старообрядцы даже пытались отрицать принадлежность соответствующих сочинений Аввакуму, а признававшие их истинность подвергались особым гонениям в своей же среде [1]. Аввакуму было чуждо отвлеченно-схоластическое мышление. Христианские понятия и символы приобретали у него материализованное выражение. В учении о троице он отступает от признания ее нераздельности, в еретическом учении о схождении Христа в ад он воскрешает старую апокрифическую легенду, выражавшую социально-утопические надежды угнетенного народа. Рай в представлении Аввакума наполнен вполне материальными благами: «жилища и полаты стоят», а в палате — «стоят столы, а на них настлано бело. И блюда с брашнами стоят...» В рай — в его «узкую щель» — не пролезут «толстобрюхие». Это — рай угнетенных, изможденных трудом и голодом. Страшный суд Аввакум рисует как расправу преследуемых над теми, кто сейчас у власти: последние попадут «под начал» первым. «Надеюся на Христа, яко будете у меня в руках,— угрожает Аввакум,— выдавлю я из вас сок-от!» Так в самом религиозном учении Аввакума своеобразно проявлялись настроения угнетенных масс.

Весьма важной стороной мировоззрения Аввакума было его убеждение в том, что все в мире «наделано для человеков». Жизнь человека должна быть деятельной, ее следует наполнять добрыми делами для других людей. Он говорит: «Когда от века слышать, еже бы мертвый что доброе сотворил? Токмо видим воню от гроба злосмрадну исходящу и червьми тело растлеваемо, понявою повиваемо и землею по-

---

[1] См. П. С. Смирнов, Внутренние вопросы в расколе в XVII в., СПб. 1898, стр. 235—237; Приложения, стр. 091—092.

крываемо». Своеобразный гуманизм Аввакума проявляется и в утверждении им права *всех людей* в одинаковой мере пользоваться благами жизни, в отрицании им какого-либо исключительного права, доставляемого привилегированным положением в обществе: «ты нас тем лутчи, что бояроня? Да единако нам бог распростре небо, еще же луна и солнце всем сияет равно, такожде земля, и воды, и вся прозябающая по повелению владычню служит тебе не больши, и мне не меньши». Можно найти немало других подобных примеров, которые позволяют говорить о присущей Аввакуму демократической в своей основе идее равенства людей, лишь приобретшей религиозную оболочку, но вполне отвечавшей социальным чаяниям народных масс [1]. С большой теплотой и участием Аввакум относился к простому, трудящемуся человеку, понимая тяжесть его жизни: «Он, мой бедной, мается шесть-ту дней на трудах».

Но, с другой стороны, в мировоззрении Аввакума было немало и крайне реакционного. Это проявлялось в мистических элементах его учения, в его отношении к науке и просвещению, в признании им нерушимости всех старых обычаев и порядков, в его традиционном для средневековья отношении к женщине.

Характер Аввакума был очень сложным, противоречивым. К своим врагам Аввакум относился беспощадно, даже жестоко, угрожал им такими казнями, которые сам в других случаях осуждал; но в то же время он искренне жалел «заблудших» никониан, готов был им все простить и молиться за них. Столь же крутые переходы от нетерпимости к состраданию проявлялись у Аввакума в отношении с близкими ему людьми. Весьма показательно, например, его обращение с дочерью духовной Еленой: подвергнув ее тяжелому наказанию, он тут же с трогательной заботливостью утешает ее и предлагает свою дружбу: «...оба мы равны. Видала ли ты? — земские ярышки друг друга не осужают. Тако и мы». С другой стороны, людей, разделивших его участь, но в чем-то не согласных с ним, он не щадил, прибегая подчас даже к недостойным приемам, как это было, например, в полемике с дьяконом Федором, у которого по навету Аввакума стрельцы похитили рукопись, а самого его избили. Аввакуму было присуще

---

[1] См. Н. С. Сарафанова, Идея равенства людей в сочинениях протопопа Аввакума. Труды Отдела древней русской литературы, т. XIV, 1958, стр. 385—390.

критическое отношение к себе, сочетавшееся в то же время с гордым сознанием своего избранничества, своего чуть ли не апостольского дара чудотворства и пророчества. Щепетильный в вопросах морали, требуя от себя и от других строгого соблюдения «правил» христианского благочестия, он в то же время простодушно допускал и обман и хитрость, внешнюю покорность нововведениям и лишь тайное исповедание «истинной» веры [1].

Полно и ярко раскрываются различные элементы его сложного мировоззрения и особенности его незаурядной, в высшей степени одаренной натуры в его литературном творчестве.

Перу Аввакума принадлежит свыше восьмидесяти сочинений, причем подавляющая их часть приходится на последние два десятилетия его жизни, преимущественно на годы пустозерской ссылки. Произведения Аввакума не плод досужих размышлений или созерцания жизни из земляной тюрьмы, а страстный отклик на текущие события. Это — те же проповедь, беседа, поучение, обличение, только уже не устные. Он по-прежнему «кричит», и его письменная речь — взволнованный монолог, передающий все оттенки живой речи. Этим определяется и содержание и форма его сочинений — «Книги бесед» (1669—1675), «Книги толкований» (1673—1676), «Книги обличений» (1679), его различных «Записок» об особенно драматических событиях из своей жизни и жизни главных деятелей «раскола», наконец — его замечательных челобитных, писем, посланий и прославленного «Жития».

Челобитные и письма Аввакума переписывались и ходили по рукам наравне с другими его сочинениями и, подобно письмам Ивана IV, стали значительным фактом древней русской художественной литературы. Сохраняя до наших дней самостоятельное значение, они вместе с тем объективно являются своего рода школой мастерства, творческой лабораторией, в которой вырабатывалась своеобразная писательская манера Аввакума, с такой смелостью и уверенностью проявившаяся в «Житии». Например, первая челобитная Аввакума царю Алексею

---

[1] О противоречивых свойствах характера Аввакума подробнее см. Н. К. Гудзий, Протопоп Аввакум как писатель и как культурно-историческое явление, в кн. «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения». Редакция, вступительная статья и комментарии Н. К. Гудзия, «Academia», М.—Л. 1934, стр. 45—53.

Михайловичу может рассматриваться исследователем как первый набросок автобиографии писателя.

Письма, послания и челобитные Аввакума затрагивают самые разнообразные темы и отражают различные состояния его души — здесь и рассказ о своем заточении, и воспоминания о прошлых испытаниях, и пересказ сновидений, и пространное поучение, и толкование отдельных мест из книг священного писания; гневное обличение врагов и мольба пощадить жену и детей, трогательная забота о «духовных детях» и суровое осуждение их ошибок и слабостей, проповедь отречения от всех земных благ, и тут же — просьбы прислать «гостинец какой-нибудь». Эти произведения Аввакума поражают своей искренностью, темпераментом, силой духа, пафосом обличения, бесстрашием, независимостью суждений. «Никово не боюся,— с гордостью заявляет он в «Послании „верным“» (ред. 1678 г.),— ни царя, ни князя, ни богата, ни сильна, ни диявола самого...» Многие письма Аввакума согреты любовью к людям, желанием прийти им на помощь, поддержать их в трудную минуту: «Мне веть некoли плакать: всегда играю со человеки...» О чем бы Аввакум ни писал — он пишет страстно, не сдерживаясь в гневе, щедро изливая свою нежность. Вот его обращение к другу-женщине: «Маремьяна Феодоровна, свет моя, еще ль ты жива, голубка?.. изрядное и избранное дитятко церковное и мое, грешнаго». К сыну: «Афанасьюшко Аввакумович, голубчик мой! — утешил ты меня». К духовной дочери: «Друг мой миленькой Еленушка!» К скрывавшемуся от преследований знакомому: «Миленькой дитятко, где ты гулял?» Но ласковая интонация и сердечность обращения сменяются резким тоном, криком, бранью и угрозами, когда Аввакум пишет врагу или провинившемуся перед ним близкому человеку: «Собака, дура! Не хощу имени твоего рещи... Чаяшь, у меня уйдешь? Не уйдешь, небось!»

В письмах и посланиях Аввакума можно встретить образцы древнерусского «красноречия», напоминающие витийственную манеру древнерусских проповедников и книжников — мастеров «плетения словес», как определил этот стиль один из его создателей — писатель Епифаний Премудрый (конец XIV — начало XV века). Будучи человеком начитанным в области предшествующей и современной ему литературы, Аввакум не мог не усвоить господствовавшей в ней стилистической манеры. Необходимо учесть и то обстоятельство, что некоторые книги, написанные в традициях «плетения словес», пользовались особым

авторитетом в старообрядческой среде. Так, например, очень популярны были среди приверженцев старой веры сочинения видного писателя XVI века, митрополита Даниила[1].

Аввакум хорошо владел искусством высокого, торжественного стиля. В письме к Морозовой, Урусовой и Даниловой заслуги опальной боярыни описываются Аввакумом в традиционных выражениях: «Феодора — огненный им Афанасия Александрскаго, православия насаждь учения, злославия терние иссекла еси, умножила семя веры одождением духа...» В письме к Морозовой и Урусовой Аввакум воспроизводит торжественный стиль акафиста: «Увы Феодосья! Увы Евдокея! Два супруга нераспряженная, две ластовицы сладкоглаголивыя, две маслицы и два свещника, пред богом на земли стояще». Дальше похвала Аввакума достигает как будто риторического апогея: «О светила великия, солнца и луна руския земли, Феодосия и Евдокея, и чада ваша, яко звезды сияющыя пред господем богом. О две зари, освещающия весь мир на поднебесней...» Но и этот панегирик кажется Аввакуму все-таки недостаточным, и он уже совершенно в тоне Епифания Премудрого продолжает: «Как вас нареку? Вертоград едемский именую и Ноев славный ковчег, спасший мир от потопления... киот священия, скрижали завета, жезл Ааронов прозябший, два херувима одушевленная!»

Однако следует иметь в виду, что в литературном наследии Аввакума приведенные образцы «украшенного» стиля занимают весьма незначительный удельный вес. Там, где иной древнерусский книжник давал волю своему велеречию, впадая в явную напыщенность, Аввакум умел соблюсти чувство меры. Так, например, тема смерти была излюбленной темой средневековых писателей. Отдал ей дань и Аввакум. В традиционных выражениях, прибегая к риторическим вопросам, размышляет он о судьбе человека: «Где благолепие лица, где светлейши очи, где юность и зрак наш? Все исше яко цвет, яко трава подсечена бысть!» У митрополита Даниила подобные рассуждения, являющиеся подражанием Екклезиасту, переходят из «Слова» в «Слово», развиваются весьма пространно; назойливо повторяются тавтологические образы, определяющие тщету земной жизни: «Все пепел, вся персть, вся прах, вся сень», «яко дым, яко сон или яко свет

---

[1] См. В. Жмакин, Митрополит Даниил и его сочинения, М. 1881, стр. 761.

увядает»[1]. Достаточно сопоставить самый отбор образов, чтобы увидеть разницу между Аввакумом и Даниилом: у первого сравнение умершего человека со скошенной травой оставалось в сфере обыденных житейских наблюдений (оно встречается и в народной поэзии), у Даниила преобладают отвлеченные, бесплотные образы: сень, сон, прах...

Для стиля «плетения словес» характерно было нагромождение однородных членов, синонимов или близких определений при описании какого-либо явления. Писатель как бы подыскивал нужное, точное выражение и потому перечислял приблизительно совпадавшие по смыслу слова. Например, у Даниила: «Таже клевещеши, осуждаеши, облыгаеши, насмехаешися, укоряеши, досажаеши...»; «оклеветанием, и осужением, и оболганием, и роптанием, и укорением...»[2] Такое изобилие стилистических рядов — аналогий приводило к замедленному и нарочито торжественному повествованию. У Аввакума же, по меткому наблюдению исследователя, «каждая формула не поясняет предшествующую, а подвигает изложение вперед»[3]. Очень редко даже в самых торжественных случаях Аввакум употребляет сложные, двусоставные слова («сладкоглаголивые», «мимошедшие»), которые так характерны для Даниила и вообще для всех писателей, усвоивших манеру риторического велеречия[4].

Яркой особенностью стиля Аввакума являются внезапные переходы от торжественности к разговорной интонации и простонародной фразеологии. Аввакум, например, в письме к Морозовой вспоминает о смерти ее сына в таких традиционных выражениях: «Яко трава посечена бысть, яко лоза виноградная с плодом к земле приклонился, и отъиде в вечная блаженства со ангелы ликовствовати и с лики праведных предстоит святей троицы. Уже к тому не печется о суетной многострастной плоти...» И тотчас, без всякой паузы, Аввакум про-

---

[1] В. Жмакин, Митрополит Даниил и его сочинения, М. 1881, Приложения, стр. 48—49.

[2] Там же, стр. 25—26.

[3] В. Виноградов, О задачах стилистики. Сб. «Русская речь», под ред. Л. В. Щербы, Пг. 1923, стр. 269.

[4] Ср. у Епифания: маловременное, скороминующее, мимоходящее и др. У Даниила: мимотекущее, скоропогибающий, злодетельный, чрезпотребственный, суетрудный, скотнояростный, красносияющий, златопрядный и т. п.

должает: «...и тебе уже нековo чотками стегать и не на ково поглядеть, как на лошадки поедет, и по головки нековo погладить — помнишь ли, как бывало?» Символика, книжная приподнятость сменяется конкретными бытовыми деталями, живым выражением сочувствия и скорби, разговорной интонацией. Рядовой древнерусский книжник так писать не посмел бы. Подобные резкие переключения из одной стилевой манеры, из одной тональности в другую встречаются у Аввакума довольно часто. Эти стилистические стыки — следствие близкого соприкосновения двух разных сфер мышления Аввакума — религиозно-отвлеченный и бытовой, житейской. Отсюда и частые переходы от «пророческой» речи к брани: «Горе вам смеющимся яко восплачете и возрыдаете! Дайте только срок, собаки, не уйдете у меня...»

Поразительна порою смелость образов у Аввакума. Даже о самых, казалось бы, возвышенных вещах он говорит грубовато просто: «молитву Исусову грызи», «само царство небесное валится в рот». Боярыня Морозова, пострадавшая за веру, «ездила, ездила в коретах, да и в свинарник попала». Дьякон Федор, проповедующий нераздельность трех ипостасей бога, «блюет на святую троицу». Обращаясь к ненавистным ему врагам — никонианам, Аввакум прибегает к издевательским, почти кощунственным выражениям: троеперстное знамение называет «кукишем», а крестное знамение, положенное рукой никонианского попа на лоб верующим,— «каракулей».

В письмах и посланиях Аввакума немало живых сцен, быт врывается даже в религиозную фантастику: бесы, посещающие Аввакума ночью, играют на домрах и на гудках; святой, ратоборствующий с дьяволом, вступив с ним в драку, «брякнул чернова о камень лбом». Особенно замечательно как образец «бытописательства» Аввакума то место из «Послания „горемыкам миленьким“», где он преподает своеобразный «урок в лицах», как вести себя мирянину с никонианским попом, пришедшим освящать дом (см. стр. 247). Эта новеллистическая сценка характеризует умение Аввакума живо, с чувством юмора, воссоздавать картины жизни.

Незаурядным писательским дарованием отмечены и богословские сочинения Аввакума — «Книга бесед», «Книга толкований», статьи на различные темы. Нас привлекает в этих сочинениях, разумеется, не их религиозное содержание и дидактическая направленность, а проявляющийся в них интерес к действительности, к русскому быту, их «просторечие». Больше чем в других своих сочинениях зави-

симый от канонической литературы (библейских книг и писаний отцов церкви), и здесь Аввакум все же крепко связан с жизнью. Отказываясь от традиционного сравнения писателя и проповедника с пчелой, собирающей нектар с цветов, Аввакум находит другой образ, столь характерный для русского быта: «Подобен я нищему человеку, ходящу по улицам... и по окошкам милостыню просящу». Библейских персонажей Аввакум смело распределяет по иерархической лестнице, означающей в сущности социальную дифференциацию русского общества: «У богатова человека, царя Христа, из Евангелия ломоть хлеба выпрошу; у Павла апостола, у богатова гостя, из полатей его хлеба крому выпрошу, у Златоуста, у торговова человека, кусок словес его получю; у Давыда царя и у Исаи пророков, у посадцких людей, по четвертине хлеба выпросил». Это тем более примечательно, что одновременно по тому же принципу, хотя и с другой целью и в других образах, социальная иерархия персонифицируется в народной поэзии и в демократической сатире XVII века («Повесть о Ерше Ершовиче»).

В связи с уже отмеченной особенностью религиозного мышления Аввакума — своеобразной материализацией христианских понятий — находится и часто встречающееся в его богословских сочинениях «снижение» и своего рода «приземление» библейских персонажей, характерное для Аввакума осмысление их поступков и действий по аналогии с обыденными явлениями, часто свойственными русскому быту. Победу бога над дьяволом Аввакум изображает так: «Обманул ево, яко рыболов рыбу удицею подцепил». Святой Никола «Ария, собаку, по зубам брязнул». Адам и Ева в толковании Аввакума — простые мужик и баба, мало чем отличающиеся от обличаемых им современников: «Каков муж, такова жена; оба бражники, а у детей и давно добра нечева спрашивать, волочатся ни сыты, ни голодны». Изгнание Адама и Евы из рая после их грехопадения рисуется в полном соответствии с хорошо знакомыми русскому человеку картинами жизни: «О миленькие! одеть стало некому; ввел дьявол в беду, а сам и в сторону. Лукавой хозяин накормил и напоил, да и с двора спехнул. Пьяной валяется на улице, ограблен, а никто не помилует...» Отсюда — прямой переход в современность, к злобе дня, к волнующим Аввакума проблемам неустройств русской жизни. Те же Адам и Ева необходимы Аввакуму лишь для того, чтобы обличить безнравственность и неугодность богу своих врагов — служителей церкви: «подчивают друг друга зелием нерастворенным, сиречь зеленым вином процеженным и про-

чими питии и сладкими брашны, а опосле и посмехают друг друга, упившеся допьяна — слово в слово что в раю было при дьяволе и Адаме». Так богословское сочинение у Аввакума незаметно и естественно переходит в сатиру.

В сочинениях Аввакума нередко встречаются обличения закулисной стороны жизни и быта церковников, обычно скрытой от глаз мирян-прихожан: «все говорите, как продавать, как куповать, как есть, как пить, как баб блудить...»

В связи с этим обращает на себя внимание обилие сатирических элементов в сочинениях Аввакума, с характерными для них грубовато-натуралистическими образами. Царь Алексей Михайлович, ставший на сторону правящей церковной партии и не оправдавший надежд Аввакума, характеризуется весьма нелестно: «Накудесил много, горюн, в жизни сей, яко козел скача по холмам, ветр гоня...» Патриарх Никон называется «носатым и брюхатым», «борзым кобелем». Выразителен портрет архиепископа рязанского Илариона: «В карету сядет, растопырится, что пузырь на воде, сидя на подушке, расчесав волосы, что девка, да едет, выставя рожу, по площади, чтобы черницы-ворухи унеятки любили».

Изнеженность, склонность к роскоши, чревоугодие — пороки высших слоев духовенства и феодальной знати — постоянный предмет сатирического изображения у Аввакума. Не раз он негодующе издевается над теми, кто «любил вино и мед пить» и «после причастия в олтаре птицы рафленые заедать на золотых блюдах с похмелья». Аввакуму противны поэтому «толстобрюхие» и милы изображения святых, изможденных «от поста и труда» (см. в наст. изд. беседу четвертую в «Книге бесед»). В нетерпимом отношении Аввакума к новому, натуралистическому стилю в иконописании, входившему на Руси в моду во второй половине XVII века, прорывалась, в сущности, социальная неприязнь голодных и «тонких» к сытым и «толстым»: «А вы ныне подобие их (святых.— *В. Г.*) переменили, пишете таковых же, якоже вы сами: толстобрюхих, толсторожих, и ноги и руки яко стульцы. И у кажного святаго — спаси бог-су вас — выправили вы у них морщины те, у бедных...» В неприятии Аввакумом нового иконописания наряду с соображениями догматического порядка не последнюю роль играли его эстетические симпатии и антипатии, обусловленные конкретной русской действительностью. Так и в данном случае в религиозной оболочке выступило социальное содержание его критики. Н. К. Гудзий справедливо отмечал, что критика Аввакумом нового иконописа-

ния вызывалась также и тем, что оно было по своему происхождению западно-католическим [1].

И хотя, разумеется, эта критика была продиктована прежде всего полемическими соображениями и велась с позиций «истинного благочестия», однако жизненная правда, объективно содержащаяся в сатирических описаниях Аввакума, сохраняет свое значение.

В учительных сочинениях Аввакума внимание писателя меньше всего направлено на отвлеченно-религиозные темы. Интерес к быту, к людям, к их житейским нуждам побуждает Аввакума вносить и в эти сочинения целые бытовые сценки и очерки. Характерно, например, в этом отношении окончание главы «Что есть тайна христианская и как жити в вере Христове» из «Книги толкований» (см. стр. 173—174).

Наряду с сильной бытовой и сатирико-обличительной струей в творчестве Аввакума, в его сочинениях, в первую очередь в различных «Записках», постоянно присутствует и героическая тема подвига, образы страдальцев за «правду», за «истинную веру». Особенно примечательно в этом отношении остававшееся до сих пор неизвестным, впервые публикуемое в настоящем издании «О трех исповедницах слово плачевное», посвященное боярыне Ф. П. Морозовой, княгине Е. П. Урусовой и М. Г. Даниловой. Написанное вскоре после смерти трех женщин, под непосредственным впечатлением от известия об их мучительной кончине, это сочинение принадлежит к лучшим созданиям Аввакума. С потрясающей искренностью изливает в нем Аввакум свою скорбь и свой гнев, с восхищением вспоминает о «доблести, и мужестве, и изящном страдании» своих духовных дочерей, создает групповой портрет, в центре которого находится идеализированный и в то же время очень правдивый образ боярыни Морозовой. Аввакум искусно использует приемы житийной литературы в описании своей героини, но и здесь сквозь золотое сияние условного, иконописного лика проступают правда жизни, черты русского быта и сильный характер русской женщины.

Самоотверженность характера Морозовой подчеркнута тем, что она, вступив в борьбу, пожертвовала не только своими боярскими при-

---

[1] См. Н. К. Гудзий, Протопоп Аввакум как писатель и как культурно-историческое явление, в кн.: «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения», «Academia», М.—Л. 1934, стр. 45.

вилегиями и богатством, но и жизнью сына. Потеряв его, Морозова не замыкается в своем горе, а продолжает проповедовать свои убеждения. Обличения «властей» Морозова «запечатала» смелым обобщением: «Все-де вы еретики, власти, от перваго и до последняго. Разделите между собою глаголы моя!» Аввакум образно характеризует силу и превосходство Морозовой над врагами даже тогда, когда она была ими уже «обесчещена»: «Зверь бо, яко лукавый лис, восхитил ю из дому и предал за приставство воинству, бесчестя и волоча на чепях, яко льва окованy». Произведение завершается лирическим плачем, напоминающим народно-поэтические причеты. Здесь Аввакум уподобляет погибших героинь «магниту каменю, влекущу к естеству своему всяко железное». В конце плач переходит в страстное обращение ко всем русским людям, призыв к возмездию врагам. Это придает произведению еще бóльшую силу эмоционального воздействия.

«Слово плачевное» является прекрасным образцом сочетания в одном произведении драматического повествования и лиризма; это слияние весьма знаменательно, как это особенно станет ясным при обращении к центральному произведению Аввакума.

3

Особенности мировоззрения Аввакума и его писательского мастерства наиболее ярко проявляются в самом значительном, знаменитом его произведении — «Житии».

Инициатива создания «Жития», возможно, принадлежала «духовному отцу» и «соузнику» Аввакума — Епифанию, как об этом свидетельствует собственноручная запись последнего в автографе «Жития»: «Аввакум протопоп понужен бысть житие свое написати иноком Епифанием...» О том же говорит и сам Аввакум, обращаясь к Епифанию и некоему «рабу Христову»: «Вы мя понудисте сие говорить». Однако это «понуждение» совпадало с внутренней потребностью самого Аввакума придать законченную форму своим рассказам и размышлениям о собственной жизни, которые в немалом количестве были раз-

бросаны уже по его челобитным и письмам и которыми он, очевидно, в устных беседах не раз делился со своими друзьями в Москве и со своими «соузниками» в Пустозерске.

Наше предположение подтверждает упоминавшаяся выше челобитная Ивана Неронова царю Алексею Михайловичу, где Неронов обнаруживает прекрасную осведомленность о тех фактах из сибирской ссылки Аввакума, которые впоследствии изложит сам Аввакум в «Житии». С другой стороны, понуждая и Епифания написать автобиографию, Аввакум перечисляет уже известные ему эпизоды из жизни сотоварища. Естественно, что Аввакум и Епифаний коротали время в заключении, рассказывая друг другу замечательные случаи из своей жизни[1].

«Житие» явилось как бы систематизированным сводом всех этих бесед, рассказов и поучений; возможно, что оно пополнилось и рядом новых эпизодов, фактов и рассуждений. Но так или иначе все эти отдельные и разрозненные элементы были подчинены единому замыслу, заново переосмыслены и приобрели качественно новую жанровую, литературную форму.

Известны три основные редакции «Жития». Первая редакция была написана Аввакумом в 1672—1673 годах. Третья редакция, судя по предисловию к ней,— не позже 1676 года (здесь Аввакум пишет: «...предлагаю житие свое от юности и до лет пятьдесят пяти годов»).

В промежутке между этими датами создавалась вторая редакция. Особенно существенны различия — как по размерам, так и по содержанию и композиции — между первой и третьей редакциями. Все три редакции известны в многочисленных списках, но только первая сохранилась в автографе[2]. Сличение позднейших списков первой ре-

---

[1] См. А. Робинсон, Аввакум и Епифаний (К истории общения двух писателей). Труды Отдела древней русской литературы, т. XV, стр. 397—400.

[2] В настоящее время зарегистрировано 44 списка «Жития»: 19 списков первой редакции, 13 списков — второй, 6 списков — третьей, одна переработка «Жития», близкая ко 2-й редакции, и одна довольно свободная переработка, два отрывка — вступления к «Житию», два отрывка из первой редакции (см. заметки о рукописных списках «Жития» протопопа Аввакума В. И. Малышева: Труды Отдела древней русской литературы, т. VIII, 1951, стр. 385—393; т. IX, 1953, стр. 404; т. XII, 1956, стр. 581—591. Историю находки автографа см. в статье того же автора в сборнике «Из истории русских литературных отношений XVIII—XIX веков», АН СССР, М.—Л. 1959, стр. 344—351).

дакции с автографом показывает, что переписчики очень бережно относились к тексту подлинника и видели свою задачу в точном его воспроизведении. Можно поэтому с уверенностью сказать, что и списки двух других редакций очень близки к не дошедшим до нас автографам; это подтверждается также и текстуальной близостью соответствующих во всех трех редакциях мест и незначительными разночтениями по спискам второй и третьей редакций. Особое место занимает так называемый Прянишниковский список, являющийся своеобразным сводом трех редакций (см. В. И. Малышев, Заметка о рукописных списках Жития протопопа Аввакума, Труды ОДРЛ, т. VIII, 1951, стр. 385—387. Текст и примечания см. в наст. издании, стр. 303, 444).

Рукопись, именуемая во всех исследованиях и учебных пособиях «Житием», в сущности не является единым по жанру произведением, а представляет собою сборник разнородных, хотя и более или менее связанных друг с другом произведений, состав и композиция которого в различных редакциях и списках менялись.

Так, в первой редакции сборника вслед за собственно «Житием» идет первая часть «Жития» Епифания, а затем уже статьи Аввакума: «О божестве и о твари», «О сложении перст», «О жертве никонианской». В третьей редакции две последние статьи помещаются между дополнительными рассказами, следующими за традиционной концовкой «Жития», но находятся перед заключением к сборнику в целом. С другой стороны, статья «О причастии», включенная в первой редакции в текст собственно «Жития», в третьей редакции переносится за его пределы и присоединяется к статье «О жертве никонианской», а последняя, в свою очередь, отделяется от статьи «О сложении перст». Появляющаяся в третьей редакции сборника новая статья «Поучение... Дорофея о любви» помещается перед приступом к «Житию». Перечисленные статьи, входившие в сборник, создавались в разное время и независимо от «Жития», существовали в виде самостоятельных автографов Аввакума и распространялись в списках как вполне самостоятельные произведения. Известны списки «Жития» (сборника), в которых отсутствуют те или иные статьи, находящиеся в составе соответствующих его редакций; особый интерес в этом отношении представляет один список XIX века, в котором вслед за несколько переработанной припиской Епифания идут слова «Аз протопоп Аввакум сице живу и умираю» (обычно заключающие группу поучительных статей), а затем

и само «Житие»: «Рождение же мое в нижегороских пределах...» (См. Рукописное собрание ИРЛИ, Печорское собрание, поступления 1956 г., № 21.) С другой стороны, в некоторых случаях переписчики, которых интересовали богословские трактаты Аввакума, ограничивались перепиской из сборника лишь статей, дополняя их другими поучениями Аввакума, но по традиции оставляя вступительную приписку Епифания, что Аввакум «понужден» свое «Житие» написать, хотя самого «Жития» в таком сборнике и не оказывалось! (См. Рукописное собрание ИРЛИ, текущие поступления 1953 г., № 23.) Таким образом, самим Аввакумом и его читателями осознавался сложный состав так называемого «Жития» и относительная самостоятельность его частей. Вот почему рукопись «Жития» следует рассматривать не как единое произведение, а по отдельным частям, выделив прежде всего его центральную, вполне законченную и самостоятельную часть — собственно «Житие». Недифференцированный подход к рукописи в целом долгое время мешал правильно определить границы, жанр и самый смысл основного произведения, входящего в состав памятника.

Сравнительный анализ редакций сборника показывает, что хотя рукопись в целом разрасталась, но собственно «Житие» сжималось, совершенствовалось, приобретало все большее композиционное, стилистическое, жанровое единство [1].

Обогащаясь новым фактическим материалом, «Житие» освобождалось от авторских рассуждений по поводу излагаемых событий, от некоторых рассказов о чудесах, полемических выпадов, риторических сентенций,— от всего, что в первой редакции нарушало последовательность повествования.

К какому жанру следует отнести «Житие»? Хотя Аввакум в качестве образца мог иметь и различные жития святых (среди них в первую очередь автобиографическое житие писателя конца VI — начала VII века Дорофея) и евангельские «Деяния» и «Послания» апостолов, однако, сохраняя лишь некоторые жанровые признаки этих произведений, «Житие» Аввакума оказалось вполне оригинальным и довольно

[1] Сравнительный анализ трех редакций «Жития» произведен французским исследователем Пьером Паскалем (см. Avvakum et les débuts du rascol. La crise religieuse aux XVII-e siècle en Russie, par Piere Pascal. Paris, 1938, p. 486—488). Далее речь идет о собственно «Житии».

сложным по своему жанру. Дело, вообще, не в элементах «Жития», напоминающих жития святых или библейские книги — эти элементы в силу господства религиозной идеологии в средние века проникали и в летописи, и в воинские и даже в бытовые повести.

«Житие» представляет собой широкое художественное обобщение характерных явлений русской жизни середины XVII века. Отражая важные по историческому значению события, Аввакум отбирал из пестрого жизненного материала самое существенное, характерное, самое яркое, довольно четко сформулировав принцип отбора: «Стану сказывать верхи своим бедам». Не литературные традиции, а прежде всего реальное содержание жизни самого Аввакума, как одного из предводителей социально-религиозной оппозиции, подсказывало Аввакуму-писателю и адекватную форму отражения событий — сложное развернутое повествование с широким социальным фоном, большим количеством действующих лиц, с главным героем в центре.

Задуманное как произведение полемическое и поучительное, «Житие», в процессе авторской работы над его редакциями, приобретало совсем иной характер, идейный смысл его перерастал задачи, первоначально поставленные Аввакумом перед собою. Увлекшись повествованием, он допускал отступления бытового и интимного содержания, хотя и понимал, что они не имеют отношения к заданной цели: «Простите меня... А однако уже розвякался — еще вам повесть скажу». И этими извинениями или оправданиями, следующими за отступлениями («к слову мóлылось»), пестрит все произведение. Многочисленные картины реальной жизни наполнили «Житие» богатым и обильным материалом, который вышел далеко за пределы первоначально намеченных рамок поучительной и полемической притчи, и в результате мы имеем дело с произведением, значительно отличающимся от задуманного — как по жанру, так и (объективно) по идее. По сути дела «Житие» является многофигурной бытовой автобиографической повестью, тяготеющей в значительной мере к большой форме романа [1].

Идейное содержание «Жития» оказалось весьма противоречивым. Это объясняется и противоречивостью мировоззрения Аввакума, и про-

---

[1] Об этом см. подробнее: В. Е. Гусев, О жанре «Жития» протопопа Аввакума, Труды Отдела древней русской литературы, т. XV, 1958, стр. 192—202.

тиворечиями самой действительности, отраженной в «Житии». В нем причудливо переплелись идеи религиозного фанатизма и мученичества, с одной стороны, а с другой — ненависть к различным церковным и светским «начальникам», страстная жажда правды и справедливости на земле, боль за неурядицы на Руси и за страдания народа, идея борьбы. Этот сложный идейный комплекс явился отражением реально существовавших противоречий в социальной практике и в сознании оппозиционно настроенных к феодализму слоев русского общества. Особенная форма выражения этих противоречий — религиозная оболочка социального протеста — также неизбежно отразилась и на самом «Житии», определила его специфическую жанровую природу — религиозно-дидактическую окрашенность бытового повествования.

Ярким новаторством отмечено изображение человека в «Житии», особенно изображение главного героя. В сущности, это первый опыт законченного психологического автопортрета в древней русской литературе.

Писателю удалось воссоздать этот образ во всей его противоречивой сложности и в то же время героической цельности. Мы видим героя «Жития» в самые различные моменты его жизни — среди толпы и в кругу семьи, с единомышленниками и врагами, в царском дворце в Москве и у байкальских рыбаков, проповедующего в церкви и тянущего сани по льду Иргень-озера, вступающего в рукопашную с медведями и умиленно созерцающего природу. Он то непреклонен и требователен, то отзывчив и уступчив; то суров и жесток, то нежен и снисходителен; то гневается и злословит, то шутит и балагурит; чувство юмора не изменяет ему в самые тяжелые минуты жизни, но он осознает трагизм своего положения; без ложной скромности понимает величие своего подвига, а собственные ошибки и слабости вызывают в нем жгучее чувство неудовлетворенности собою. В нем слиты воедино, казалось бы, несовместимые качества. Он — нетерпимый фанатик, мученик, проповедник «божьего дела», убежденный в своем апостольском призвании и даре чудотворства, гонитель просвещения и народных увеселений, ригорист и начетчик. Но *одновременно* он, по выражению А. Н. Толстого,— и «бунтарь»[1] и борец, вступающий в острые и открытые конфликты с представителями правящей

---

[1] А. Н. Толстой, О драматургии, Полн. собр. соч., т. XIII, М. 1949, стр. 362.

партии, с главой русской церкви; он — человек, не отрешенный от жизни и ее практических интересов и даже ее суеты, повседневно связанный с самыми различными слоями современного ему общества — посадскими людьми, крестьянами, казаками, духовенством, боярством и разделяющий в ссылке образ жизни подневольных «мужиков», умирающих на работе. Аввакум — чадолюбивый отец и заботливый супруг; в кратких, полных неутихшей боли словах он вспоминает о страданиях «милого сына Ивана» и дочери «бедной горемыки Огрофены»; особенно чутко и трогательно его отношение к жене; семья занимает такое большое место в его сердце, что он колеблется даже, следует ли ему проповедовать «слово божье». Ему не свойственно стремление к умерщвлению плоти; он радуется, когда ему перепадет «хлепца немношко» или удается «штец похлебать»; он, не в пример святым, *мучится* жаждой и голодом и далеко не в восторге, когда приходится «перебиваться травой и корением», — потому он с такой растроганностью поминает «курочку черненьку», кормилицу его детей. Снесший столько побоев и готовый вновь пойти на пытку, он в то же время проявляет и известную осторожность в отношениях с Пашковым: он приемлет физические страдания, когда они могут принести ему моральную победу над противником, но старается избежать их, когда они не необходимы; это совершенно непохоже на то болезненное влечение к страданию, которое испытывали многие герои житийной литературы, находя в физической боли даже своего рода наслаждение.

В образе Аввакума достигнута та степень индивидуализации и многосторонности, какой не знала не только житийная литература с ее идеальным героем, но, пожалуй, и другие предшествовавшие «Житию» литературные памятники. Резко индивидуальные черты, проявляющиеся в характере Аввакума, не лишают его автопортрета типичности. Типичность его автопортрета и сказывается в противоречивости его поведения, его побуждений, чувств и настроений, столь характерной для той социальной среды, которую представлял Аввакум,— среды, мятущейся в поисках правды и ежечасно заблуждающейся, стремившейся примирить религию и свое недовольство церковью и освящаемыми ею феодальными порядками, предписания христианского учения и естественные стремления, церковный обряд и быт.

Как ни сосредоточено внимание читателя на центральной фигуре «Жития», однако она лишена, в сущности, исключительности, не

подавляет остальных персонажей своим превосходством. Мы все время ощущаем связь героя с определенной средой, его «нормальное» в известном смысле положение: в постигшем его несчастье он не оказывается одиноким. Среди бегло и не всегда выразительно очерченных образов его единомышленников и соратников — протопопа Неронова, обоих Даниилов, дьякона Федора, священника Лазаря, юродивых Федора и Афанасьюшки, Еремея — заметно выделяется героическая, под стать Аввакуму, фигура его жены — Настасьи Марковны. Этот образ должен быть поставлен в ряд с лучшими женскими образами нашей древней письменности. «Сиротина», живущая «в скудости», она по любви выходит замуж за Аввакума и навсегда остается для него верной женой, другом и союзником в борьбе. Твердо идет она рука об руку с ним, принимая на себя все удары его судьбы. Она бежит от преследований «начальника» с младенцем на руках; после расправы над Аввакумом остается в Юрьевце, подвергаясь опасности быть убитой; больная, с новорожденным, трясется в телеге до Тобольска. Она спасает детей на тонущем дощанике, совершает тяжелый путь по Иргень-озеру, подбадривая изнемогающих сыновей. Лишь однажды непосильные страдания вырывают у нее упрек, но тотчас же берет она себя в руки. «Я пришол,— вспоминает Аввакум,— на меня, бедная, пеняет, говоря: «долго ли муки сея, протопоп, будет?» И я говорю: «Марковна, до самыя до смерти!» Она же, вздохня, отвещала: «добро, Петрович, ино еще побредем». Активность и страстность ее волевой натуры проявляется в другом случае, когда в «русских градах» пришлось ей даже ободрять мужа: «Господи помилуй! что ты, Петрович, говоришь?.. Аз тя и с детьми благословляю: дерзай проповедати слово божие по-прежнему, а о нас не тужи... Поди, поди в церковь, Петрович,— обличай блудню еретическую!»

Тема супружеской любви как духовной близости и дружбы, выдерживающей труднейшие испытания, является одной из самых волнующих в «Житии». Образ Настасьи Марковны ярко воплощает в себе лучшие национальные черты русского женского характера в их конкретно-историческом выражении. М. Горький в статье «Разрушение личности», говоря о «спокойной готовности» русской женщины «жертвовать собою ради торжества своей мечты», приводит как один из наиболее ярких примеров — образ Настасьи Марковны [1].

---

[1] М. Горький, Собр. соч. в тридцати томах, т. 24, М. 1953, стр. 72.

С большой теплотой воссоздаются Аввакумом в «Житии» обобщенные, групповые образы простых людей. Казаки выполняют жестокие приказы Пашкова не по своей воле; они изображаются людьми добрыми, сочувствующими Аввакуму: «...глядя, плачют на меня, жалеют по мне». Производя обыск у Аввакума, они проявляют такт и деликатность, не тревожат Настасью Марковну, выражая ей явное сострадание: «Матушка, опочивай ты, и так ты, государыня, горя натерпелась!»

В характеристике своих врагов Аввакум, в отличие от других его сочинений, избегает гротеска и натуралистических приемов — их образы даются в более сдержанной манере. Характерно, что в «Житии» исчезает описание внешнего облика ненавистных Аввакуму людей с излюбленным в других случаях подчеркиванием какой-нибудь детали — «толстого брюха», «красной рожи», «длинного носа» и т. п. Внимание Аввакума сосредоточено на действиях, на поступках, на высказываниях персонажей, в их образы привносятся элементы психологической характеристики. Так, Никон живо обрисован в двух контрастных сценах, в которых обнаруживаются разные стороны его характера: в одном случае, перед избранием в патриархи, он заискивает и «лицемерится»; в другом — добившись расправы над противниками, он с циничной насмешливостью отзывается о чудесном «видении» одному из заключенных: «знаю-су я пустосвятов тех!» Воевода Пашков не выглядит условным злодеем, фигура его достаточно жизненна и даже не лишена известной человечности; ему, оказывается, знакомо чувство благодарности и даже раскаяния: «Сел Пашков на стул, шпагою подперся, задумався и плакать стал, а сам говорит: «согрешил, окаянной, пролил кровь неповинну, напрасно протопопа бил...»

В многофигурном полотне, каким является «Житие», Аввакум сохранил *единство принципов* изображения людей, отсутствие схематического противопоставления персонажей и резкого выделения идеального, безупречного героя, что было столь характерно для средневековой литературы. Это не значит, что Аввакум вовсе отказывается от оценки событий и людей — она выражена достаточно определенно,— но эта тенденциозность достигается художественными, а не публицистическими средствами.

Особенности содержания «Жития» определили и его своеобразную, новаторскую форму. Стремление Аввакума дать широкую карти-

ну жизни, рассказать о своей борьбе, передать свои страсти, искания, раздумья, свести счеты с врагами — все это обусловило особенности композиции «Жития», внешне нестройной, свободной, как будто разорванной, с перемежающимися картинами и лирическими отступлениями, с нарушениями хронологической последовательности и непрерывности повествования, допускающей постоянное перевоплощение рассказчика в героя, героя — в рассказчика. Такая композиция позволила Аввакуму вместить и организовать столь разнообразный материал, избежать плавной, спокойной эпичности, которая противоречила бы бурному течению жизни Аввакума.

Стилевое новаторство Аввакума, восходящее в конечном счете к его своеобразному бунтарству, характеризуется органическим единством разнообразных, на первый взгляд даже несовместимых, средств художественной изобразительности. Никто еще в древней русской письменности, включая и Ивана IV, не достигал такого решительного и последовательного сближения двух языковых и стилистических стихий — церковно-книжной и простонародно-речевой, народно-поэтической. Это был первый смелый опыт, который долгое время не решится повторить ни один русский писатель. Очень хорошо оценил эту особенность «Жития» один зарубежный исследователь: «При помощи такого соединения... Аввакум... создал... один из стилистических феноменов мировой литературы» [1]. И действительно, автору «Жития» присущ особый, неповторимый метафористический строй повествования, в котором сливаются библейская и народно-бытовая образность, торжественность и обыденность, символика и жизненная достоверность. Демократическое — в конкретно-исторических условиях — содержание «Жития» обусловило демократизацию его стиля, его «просторечие», установку на устный рассказ, точнее — на народный сказ, непритязательное «вяканье». Это воспроизведение устного рассказа в эстетическом плане следует рассматривать как ориентацию на народную поэзию, на народное красноречие — в противовес письменной литературе духовной и светской аристократии, недоступной народу. Отсюда — насыщенность речи Аввакума народными пословицами, поговорками, присловьями («из моря напился, а крошкою подавился»;

---

[1] Das Leben des Protopopen Avvakum von ihm selbst niedergeschrieben. Übersetzung aus dem nebst Einleitung und kommentar von Rudolf Iagoditsch. Berlin, 1930, S. 65—66.

«стану опять про свое горе говорить, как вы меня жалуете-потчиваете»; «...присланы к нам гостинцы: повесили на Мезени в дому моем двух человеков...»). Отсюда — нарочитая грубоватость и свобода выражений (о борьбе с бесом: «ночь всю зимнюю с ним простряпал»; о молящемся юродивом Федоре: «тысячу поклонов отбросает»); отсюда — обилие вульгаризмов и бранных слов. Вместе с тем, где это было Аввакуму необходимо, он легко и естественно переходил на торжественный, высокий стиль проповеди. Но и в том и в другом случае его произведение было рассчитано на чтение вслух. Аввакум хотел быть понятным каждому «слышателю», каждому простому, неграмотному человеку.

В своей манере повествования Аввакум добился соединения эпического повествования с лирической одушевленностью — в связи с этим необычайно важное значение приобретает разговорная, живая, гибкая интонация рассказчика — героя. Быстрый темп повествования, создаваемый лаконичной, простой фразой, богатой глаголами, беспрерывная смена картин перебиваются короткими, эмоционально насыщенными восклицаниями: «О горе мне», «Увы мне!», «Ох, времени тому!», «И смех и горе!», «Чюдно!», «Да што делать!» и т. п. Эти особенности интонации «Жития» хорошо передают постоянно сдерживаемое, но как бы невольно прорывающееся и потому особенно действующее на читателя волнение, придают стилю «Жития» необычайную динамичность. Важным средством эмоционального воздействия на читателя и выделения особо драматических мест в повествовании является искусно применяемая Аввакумом ритмическая организация речи, что часто подчеркивается рифмой (чаще всего глагольной) или созвучием:

У церкви за волосы дерут,
и под бока толкают,
и за чепь торгают,
и в глаза плюют.

На кол было посадил,
да еще бог сохранил.

Сидел три дни,— ни ел, ни пил.

Большое значение для раскрытия внутренней борьбы героя и драматизма его жизненных конфликтов и столкновений приобрели в

«Житии» средства драматической характеристики — внутренний монолог, многочисленные реплики и диалоги. Речь персонажей является у автора «Жития» одним из основных приемов обрисовки характера (см. в приведенных выше примерах, относящихся к образу Настасьи Марковны). Иногда в «Житии» возникают целые драматические миниатюры: избиение Аввакума Пашковым; переход по льду Иргень-озера и разговор протопопицы, мужика и Аввакума; покушение Пашкова на своего сына; препирательство Аввакума со вселенскими патриархами на соборе и другие.

Важную функцию в «Житии» выполняет пейзаж. В одном случае он имеет служебное назначение, оттеняет невыносимо тяжелые условия существования Аввакума: «Горы высокия, дебри непроходимыя, утес каменной, яко стена стоит, и поглядеть — заломя голову!.. На те горы выбивал меня Пашков, со зверьми, и со змиями, и со птицами витать» (стр. 70). В другом случае (описание «Байкалова моря», стр. 86) он приобретает более самостоятельное значение. Этот эпизод знаменует собой конец даурской ссылки Аввакума — одного из самых страшных эпизодов его житейского «плавания», поэтому пейзаж проникнут светлым настроением, приобретает символический смысл. Люди спаслись от бури и на надежной земле спокойно наблюдают природу. Пейзаж передает умиротворенное душевное состояние героя. Обилие инверсий придает рассказу своеобразную покойно-неторопливую интонацию, резко выделяющую это место из всего драматического повествования. Очень важна композиционная роль пейзажа «Байкалова моря»,— он как будто предвещает мирный исход борьбы, конец испытаниям; в философских рассуждениях созерцающего природу Аввакума прорывается желание покойной, мирной жизни, радостей бытия. Но сразу же за этим следует сильная драматическая сцена, раскрывающая внутренние колебания героя — разговор Аввакума с женой, побуждающей его продолжать борьбу,— и он идет навстречу новым, еще более тяжелым испытаниям.

Все средства художественной изобразительности в «Житии» служат одной цели — они выявляют пронизывающий все произведение драматизм, пафос борьбы. Секрет воздействия «Жития» на читателя и неумирающей красоты этого произведения — в счастливо найденном Аввакумом единстве содержания и формы, подсказанном его талантом,

его художественной интуицией. Вот почему, отдаленное от нас почти на три столетия, «Житие» остается одним из шедевров русской и мировой литературы, а язык и стиль его, по верному определению М. Горького, является «непревзойденным образцом пламенной и страстной речи бойца»[1].

4

Литературное наследие Аввакума в целом и особенно его гениальное «Житие» занимают заметное место во всей древней русской литературе. Однако, как ни оригинально содержание лучших его произведений, как ни значительно своеобразие его писательского дарования, как ни велика его смелость новатора в области художественной формы,— его литературная деятельность не может быть отделена от всего историко-литературного процесса в древней Руси. У Аввакума были свои предшественники в древней русской письменности, которым он не подражал, но опыт которых так или иначе подготовил его открытия в области искусства. Речь идет не столько о прямом воздействии тех или иных традиций или писателей на его творчество, сколько о тех *тенденциях* в развитии предшествующей литературы, которые объективно подводили ее к такому яркому явлению, как творчество Аввакума. В какой-то мере Аввакум завершает одно из важных направлений в развитии древней русской культуры, являясь последним и самым талантливым писателем средневековой христианско-нравоучительной литературы.

Связь «Жития» Аввакума с русской житийной литературой проявляется не столько в усвоении Аввакумом традиционных жанровых трафаретов, сколько в развитии и углублении той относительно прогрессивной тенденции, которая выразилась в проникновении в русскую агиографию элементов живой действительности, а в изображение

---

[1] М. Горький, Собр. соч. в тридцати томах, т. 27, М. 1953, стр. 166.

героев — реальных черт живого человека. Это своеобразие наметилось сначала в произведениях, посвященных князьям Борису и Глебу (XII в.), Александру Невскому (XIII в.), Дмитрию Донскому (XIV—XV вв.), а к XVII веку проявилось и в житиях, лишенных официального значения, каким, например, было «Житие Юлиании Лазаревской». «Житие» протопопа Аввакума в этом отношении явилось самым ярким и последовательным выражением такой тенденции, что, в сущности, и вывело его уже за пределы собственно житийной литературы.

Интерес к человеку и его судьбе особенно отчетливо намечался в автобиографических произведениях древней русской литературы. Уже в «Поучении» Монаха (XII в.) за дидактической схемой и несколько идеализированным автопортретом угадывается реальное жизненное содержание и облик сурового воина и бесстрашного охотника. Элементы психологического самоанализа и даже несколько преувеличенное внимание к собственной личности проявляются в оригинальном «Молении» Даниила Заточника (XIII в.); оно предвосхищает «Житие» Аввакума страстностью самозащиты и утверждения своих прав, остротой критики, совмещением жгучего сарказма и почти сентиментального лиризма.

Ярко и смело освещены некоторые стороны внутреннего мира человека в письмах Ивана IV к Курбскому; то торжественно-величественный, то гневно-саркастический, то раздражительно-бранчливый тон их также во многом предваряет литературную манеру Аввакума. Смелое обращение к просторечию, к прозаической бытовой детали, живые разговорные интонации — все это сближает обоих писателей. Иногда стилистическое сходство настолько поразительно, что невольно возникает предположение о знакомстве Аввакума с посланиями Ивана IV и, в некоторых случаях, о прямом воздействии последнего на Аввакума. «Его дочерям всякое узорочье покупай,— благословно и здорово, а моим дочерям — проклято да за упокой. Да много того! Что мне от вас бед, всего того не исписати». К этому месту из второго письма Ивана IV к Курбскому можно привести немало параллелей из произведений Аввакума, синтаксически и текстуально чрезвычайно близких, почти совпадающих.

Несколько в ином литературном ряду находится «Хождение Афанасия Никитина за три моря», но и в нем обнаруживается бытовая конкретность, дневниковая непосредственность, элементы лиризма, что позволяет почувствовать своеобразную индивидуальность героя.

Но, разумеется, ни в XVI веке, ни тем более в ранние периоды феодальной эпохи не было еще необходимых объективных условий для полного и всестороннего изображения *личности* даже в автобиографических произведениях, и в этом смысле и «Моление» Даниила Заточника, и письма Ивана IV, и особенно «Поучение» Владимира Мономаха и «Хождение» Афанасия Никитина дают лишь более или менее эскизные изображения человека и его внутреннего мира. Решительного освобождения от условности, от схемы в изображении своего «я» впервые достигает лишь Аввакум.

Наряду с нарастанием интереса к человеку и его внутреннему миру постепенно расширялась и конкретизировалась в древней русской литературе и бытовая сфера, окружавшая русского человека. В обобщенные и несколько условные описания обстановки, в которой действовал герой, все чаще и чаще привносились отдельные картины реальной жизни. В ряде памятников XV—XVI веков («Повесть о Петре и Февронии», «Домострой» и др.) внимание автора привлекали те стороны быта, которые были отмечены печатью национального своеобразия. Этот наивный и непосредственный «этнографизм» средневековой русской литературы подготовил подлинное открытие национального, народного быта у Аввакума, произведения которого с почти этнографической точностью воспроизводят обыденную жизнь русского человека XVII века.

Вместе с тем творчество Аввакума развивалось под сильнейшим воздействием традиций учительной и полемической литературы — литературы посланий, поучений, «слов»; особенно близки ему были произведения Иосифа Волоцкого, некоторые обличительные «слова» Даниила, послание Ивана IV игумену Кирилло-Белозерского монастыря Козьме, а также хорошо известные ему произведения Златоуста, Сирина, Дорофея и других писателей христианского Востока, переведенные на русский язык.

Таким образом, оригинальность Аввакума состоит в смелом преобразовании и синтезе близких ему тенденций, проявившихся в разных жанрах и произведениях предшествовавшей ему литературы, в творчестве разных, в том числе и заметно отличавшихся друг от друга писателей.

В русской литературе XVII века произошли существенные изменения, вызванные в конечном счете зарождением в русском обществе буржуазных отношений. Литература все больше и больше проникается

интересами низших слоев русского общества, ее содержание становится разнообразнее, расширяется жанровый состав, *современность* оттесняет на задний план историческую и легендарную тематику. Литература заметно демократизируется, главным предметом ее изображения становится жизнь простого человека, преимущественно жителя городского посада; в замечательном памятнике первой половины XVII века «Повести об Азовском осадном сидении донских казаков» положительным героем оказывается казачья масса. Резче и беспощаднее освещаются неустройства феодальной действительности, что приводит к появлению сатирического *направления* в русской литературе. Наконец, для многих памятников XVII века характерна демократизация языка и стиля, активное усвоение народно-поэтической образности и речи («Повесть об Азовском осадном сидении донских казаков», «Повесть о Горе и Злочастии»). Занимая особое место в литературе XVII века, творчество Аввакума вместе с тем входило в современный ему литературный процесс.

Хотя по своему замыслу произведения Аввакума сохраняли еще служебное, практическое, утилитарное назначение как средство агитации и проповеди определенных идей, однако объективно они знаменуют собою выделение художественной литературы в относительно самостоятельную область идеологии. Не случайно такое внимание Аввакума к художественной форме, к эмоциональным средствам воздействия на читателя и слушателя, такая забота о художественной отделке, совершенствовании своих произведений. В этом отношении Аввакум шел в общем русле русской литературы XVII века, постепенно сознающей свои специфические задачи и специфические средства выражения идей.

В соответствии с вниманием к внутреннему миру человека, к столкновению в нем разных душевных побуждений, резко обозначившимся в повествовательной литературе второй половины XVII века (особенно в повестях о Савве Грудцыне, о Горе и Злочастии), находится и психологизм «Жития» Аввакума. Этот процесс в русской литературе объясняется обострившимся интересом к человеческой *личности, индивидуальности,* что, в свою очередь, явилось следствием наметившихся изменений в феодальном обществе, постепенным разрушением подавляющих личность феодально-сословных представлений об отношениях между человеком и обществом, постепенным пробуждением сознания личных прав. В этом смысле «Житие» и другие со-

чинения Аввакума не являлись исключением, но индивидуализация образа обозначилась в них резче, чем в других, современных ему памятниках в силу особого свойства обобщаемого им материала — это был автобиографический материал. В данном случае общей тенденции в развитии литературы как нельзя более соответствовал личный талант художника, в совершенстве овладевшего *своим* материалом [1].

С другой стороны, общим для произведений Аввакума и других произведений русской литературы XVII века, включая и сатиру и стихотворство, явилось повышенное внимание к конкретно-бытовому окружению человека, стремление и умение изобразить реальную житейскую обстановку, в которой действуют герои. Это своеобразное бытописательство явилось важным завоеванием не одного Аввакума, а знаменовало собою общий прогресс русской литературы по пути ее сближения с реальной русской жизнью. Сам по себе бытовой консерватизм Аввакума, любовное его отношение к традиционным русским нравам и обычаям не является исключительным в русской литературе XVII века. Если, с одной стороны, в ней отразились и изменения в быту русского человека, а главное — и критическое отношение к старым бытовым устоям («Повесть о Фроле Скобееве», «Повесть о Карпе Сутулове»), то, с другой стороны, в ряде памятников, в том числе и демократической литературы, сильна еще приверженность к освященным традицией нравам и обычаям русской старины («Повесть о Горе и Злочастии», «Повесть о Савве Грудцыне» и др.). Характерно, что даже Симеон Полоцкий, учитель Петра, в своей литературной деятельности выражал, в сущности, идею компромисса старины и новизны, стремился примирить старый русский быт с входившими в него новшествами.

Приверженность Аввакума к старому русскому быту отнюдь не приводила его к идеализации русской жизни, напротив — она явилась источником резко критического его отношения ко всем уклонениям от нормы, какой ее представлял себе Аввакум. И здесь в его произведениях появляется тот обличительный пафос, который по средствам его выражения, а иногда и по содержанию, позволяет говорить о некоторых точках соприкосновения его творчества с сатирической

---

[1] Ср. Д. С. Лихачев, Человек в литературе древней Руси, изд. АН СССР, М.—Л. 1958, гл. 10.

литературой XVII века. Сарказм и ирония Аввакума направлены подчас в тот же социальный адрес, что и демократическая сатира. Конечно, сатира Аввакума уступает силой обличения более социально острой демократической сатире XVII века, но, с другой стороны, Аввакум решительнее выступает против тех недостатков народной жизни, к которым демократическая сатира относилась весьма снисходительно (бражничество, греховная связь между мужчиной и женщиной и проч.).

Некоторые особенности языка, стиля и формы произведений Аввакума также находятся в соответствии с теми процессами, которые происходили в современной ему литературе (сближение с народной поэзией, вторжение «просторечия»).

Превращение канонического жанра жития в автобиографическую бытовую повесть, тяготеющую к форме романа, что имеет место в «Житии» Аввакума, по-своему выражает общую закономерность русской литературы XVII века, проявившуюся в расцвете жанра бытовой повести и в зарождении ранних форм романа с характерными для последних некоторыми признаками: многофигурность, развернутость повествования, полнота жизнеописания главного героя, стремление к изображению истории его характера, внимание к острым моментам его жизни — приключениям или злоключениям, многоэпизодность и в то же время однолинейная, «цепочная» композиция с довольно свободным соединением различных эпизодов из жизни героя. Эти особенности довольно очевидно проявляются не только в «Житии» Аввакума, но и в «Повести о Савве Грудцыне», в «Повести о Горе и Злочастии» и «Повести о Тверском отроче монастыре». Не случайно эта тенденция возникновения романа проявилась именно во второй половине XVII века. Это было выражением того закономерного процесса, который — в одних странах раньше, в других позже — протекал во всех европейских литературах. И те же самые причины, которые в конечном счете определили появление романа в Западной Европе эпохи Возрождения (развитие буржуазных отношений и обусловленное этим выдвижение на первый план личности и повышенный интерес к ней), вызвали его к жизни и на Руси, когда и здесь создались благоприятные объективные условия. Но в отличие от западноевропейской литературы, где первыми формами романа явились рыцарский и плутовской роман, в условиях русской действительности XVII века более характерным оказалось появление начальных форм социально-бытово-

го романа со специфической религиозно-дидактической направленностью.

Итак, литературная деятельность Аввакума, при всей ее неповторимости, по-своему выражала общий ход поступательного движения русской литературы и вместе с другими произведениями второй половины XVII века предвещала еще более значительные достижения в художественном развитии русского народа.

Еще не так давно было принято думать, что между древней русской письменностью и новой русской литературой лежит непроходимая пропасть. Усилиями, преимущественно советских историков литературы, изучающих переходную эпоху второй половины XVII — первой половины XVIII века, все больше и больше доказываются преемственность и глубокие органические связи в русском историко-литературном процессе. Становится все более и более очевидным значение художественных ценностей древней русской литературы и для современной культуры.

Среди замечательных памятников прошлого литературное наследие Аввакума Петрова привлекало и привлекает особое внимание деятелей русской литературы. «Житие» протопопа Аввакума было одной из самых любимых книг многих выдающихся писателей. Большой интерес к Аввакуму проявил Л. Н. Толстой. По воспоминаниям современников, он отзывался об Аввакуме как о писателе «с большим уважением и любовью» [1], не раз читал «Житие» Аввакума вслух семье и близким [2]. Однажды, читая отрывки из «Жития», включенные в «Историю» С. М. Соловьева, Толстой был потрясен до слез [3]. Тонким ценителем писательского мастерства Аввакума был и другой великий русский писатель — И. С. Тургенев. «Я часто перечитываю его книгу»,— признавался он в разговорах [4]. «Житие» принадлежало к числу тех произведений, которые знал почти наизусть В. М. Гаршин [5]. Высокую оценку «Житию» давал писатель Д. Н. Мамин-Сибиряк, называя это произведение «забытым литературным перлом» [6], ставя его в древней русской литературе рядом лишь со «Словом о полку Игореве»: «...по языку нет

---

[1] Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., т. 55, М. 1937, стр. 544.
[2] «Ежегодник С. А. Толстой» — там же, стр. 400.
[3] Там же, стр. 544.
[4] «Северный вестник», 1887, № 2, стр. 55—56.
[5] В. М. Гаршин, Полн. собр. соч., СПб. 1910, стр. 46.
[6] Д. Н. Мамин-Сибиряк, Собр. соч., т. VII, М. 1955, стр. 200.

равных этим двум гениальным произведениям...— писал он,— первому уже отдана приличная дань уважения, а теперь очередь за вторым...»[1] Русских писателей особенно восхищали язык и стиль Аввакума. По определению Л. Н. Толстого, Аввакум выражался «коротко и образно». И. С. Тургенев считал, что Аввакум «...писал таким языком, что каждому писателю непременно следует изучать его». «Вот она... живая речь московская!»[2] — восхищенно восклицал автор стихотворения в прозе «Русский язык». Ф. М. Достоевский был убежден, что никакой иностранный перевод совершенно не в состоянии передать самобытную речь «Жития»[3]. У Аввакума учился такой признанный знаток русского языка, как Н. С. Лесков[4].

Из советских писателей, отдавших дань уважения Аввакуму, следует в первую очередь назвать А. М. Горького, А. Н. Толстого, Л. М. Леонова, А. П. Чапыгина. Великий основоположник литературы социалистического реализма, как известно, придавал большое значение усвоению советскими писателями опыта старых мастеров слова. Именно в связи с известной оценкой высокого мастерства Аввакума А. М. Горький обратился к советским писателям: «В старинной литературе нашей есть чему поучиться»[5]. М. Горький был убежден, что такие произведения, как «Житие» Аввакума, должен знать каждый образованный человек, и еще в 1900 году добивался включения «Жития» в программы средних учебных заведений[6]. Большое историческое значение литературной деятельности Аввакума придавал А. Н. Толстой: «...в омертвелую словесность, как буря, ворвался живой, мужицкий, полнокровный голос. Это были гениальные «Житие» и «Послания» бунтаря, неистового протопопа Аввакума...»[7] О непрекращающемся воздействии литературного наследия талантливейшего писателя

---

[1] Отрывок из неопубликованной рукописи 2-й половины 80-х гг. XIX в. Свердловский областной архив, ф. 136, оп. 1, дело 44, л. 271 и об.

[2] «Северный вестник», 1887, № 2, стр. 55—56.

[3] Ф. М. Достоевский, «Дневник писателя за 1876 г.», Собр. соч., т. XI, М. 1929, стр. 362.

[4] См. И. З. Серман, Протопоп Аввакум в творчестве Н. С. Лескова. Труды Отдела древн. русск. лит., т. XIV, 1958, стр. 404—407.

[5] М. Горький, Собр. соч. в тридцати томах, т. 27, М., стр. 166.

[6] В. А. Десницкий, М. Горький нижегородских лет, сб. «Горький на родине», Горький, 1937, стр. 201.

[7] А. Н. Толстой, «О драматургии», Полн. собр. соч., т. XIII, М. 1949, стр. 362.

XVII века на современную литературу свидетельствует также признание Л. М. Леонова: «По своему языку, по своему эпическому темпераменту для меня имело большое значение Житие протопопа Аввакума — замечательный памятник XVII века»[1].

Не приходится сомневаться, что призыв А. М. Горького к советским писателям учиться и у древней русской литературы будет восприниматься все более и более широким кругом современных художников слова. Литературное наследие выдающегося демократического писателя XVII века Аввакума, правильно понятое и критически воспринятое, поможет советским писателям в овладении мастерством «пламенной и страстной речи бойца», поможет советским читателям проникнуть в существо сложных процессов жизни Руси XVII века, заглянуть глубже во внутренний мир русского человека той эпохи, поможет лучше оценить красоту древней русской художественной культуры.

В. Гусев

---

[1] Л. Батова, Леонид Леонов. «Советская литература», 1946, № 3, стр. 67 (на франц. яз.).

Подборку высказываний деятелей русской и советской культуры об Аввакуме см. в заметках В. И. Малышева (Труды Отдела древней русской литературы, т. VIII, стр. 388—391; т. IX, стр. 403—404; т. X, стр. 441—446).

[ПРЕДИСЛОВИЕ]

По благословению отца моего старца Епифания * писано моею рукою грешною протопопа Аввакума, и аще что реченно просто, и вы, господа ради, чтущии и слышащии, не позазрите просторечию нашему, понеже люблю свой русской природной язык, виршами филосовскими не обык речи красить, понеже не словес красных бог слушает, но дел наших хощет. И Павел пишет: «аще языки человеческими глаголю и ангельскими, любви же не имам, — ничто же есмь» *. Вот что много рассуждать: не латинским языком, ни греческим, ни еврей-

ским, ниже иным коим ищет от нас говоры господь, но любви с прочими добродетельми хощет; того ради я и не брегу о красноречии и не уничижаю своего языка русскаго, но простите же меня, грешнаго, а вас всех рабов Христовых, бог простит и благословит. Аминь [1].

[ПРИСТУП]

Всесвятая троице, боже и содетелю всего мира! Поспеши и направи сердце мое начати с разумом и кончати делы благими, яже ныне хощу глаголати аз недостойный; разумея же свое невежество, припадая, молю ти ся и еже от тебя помощи прося: управи ум мой и утверди сердце мое приготовитися на творение добрых дел, да, добрыми делы просвещен, на судище десныя ти страны причастник буду

---

[1] *Предисловие в автографе отсутствует; приводится по списку редакции В* (л. 105/об.). *В этом же списке за выпиской из поучения аввы Дорофея* идут следующие обращения Аввакума:*

Вот вам, питомникам церковным, предлагаю житие свое от юности и до лет пятьдесят пяти годов. Авва Дорофей описал же свое житие ученикам своим, понуждая их на таяжде (поучение 4, лист 49), и я такожде, убеждая вашу любовь о Христе Исусе, господе нашем, сказываю вам деемая мною, непотребным рабом божиим, о святем дусе со отцем и сыном. Богу благодарение вовеки.

Вото тебе, чадо мое возлюбленное, книга живота вечнаго; поминай мя в молитвах своих и старца не забывай Епифания. Я писал, а он мне молитвами помогал; над всем же сим благословит тя господь и Марию твою Пиминовну, и чад ваших, и снох, и внучаток, и сродников, и знаемых, и други, и другиня, и вся вас любящия; еще же да будет всяк благословляяй тя благословен и проклинаяй тя — проклят; и да подаст ти господь от влаги земныя и от росы небесныя свыше и множа да умножит в дому твоем всякия красоты и благодати и да ясте ветхая ветхих и ветхая от лица новых изрините, сиречь всего изобильно и с остатками. Дай вам господи и хлеба, и мяса, и рыбы; от жен да ядят сия хлебы священныя!.. (л. 3/об.— л. 4). См. также комментарий, стр. 350—351.

со всеми избранными твоими. И ныне, владыко, благослови, да, воздохнув от сердца, и языком возглаголю Дионисия Ареопагита о божественных именех, что есть богу присносущные имена истинные, еже есть близостные, и что виновные, сиречь похвальные. Сия суть сущие: сый, свет, истинна, живот; только четыре свойственных, а виновных много; сия суть: господь, вседержитель, непостижим, неприступен, трисиянен, триипостасен, царь славы, непостоянен, огнь, дух, бог и прочая по тому разумевай.

Того ж Дионисия о истинне: себе бо отвержение истинны испадение есть, истинна бо сущее есть; аще бо истинна сущее есть, истинны испадение сущаго отвержение есть; от сущаго же бог испасти не может, и еже не быти — несть *.

Мы же речем: потеряли новолюбцы существо божие испадением от истиннаго господа, святаго и животворящаго духа. По Дионисию: коли уж истинны испали, тут и сущаго отверглися. Бог же от существа своего испасти не может, и еже не быти несть того в нем: присносущен истинный бог наш. Лучше бы им в символе веры не глаголати *господа,* виновнаго имени, а нежели *истиннаго* отсекати, в нем же существо божие содержится. Мы же, правовернии, обоя имена исповедаем: *и в духа святаго, господа, истиннаго и животворящаго* *, света нашего, веруем, со отцем и сыном поклоняемаго, за него же стражем и умираем, помощию его владычнею. Тешит нас Дионисий Ареопагит, в книге ево сице пишет: сей убо есть воистинну истинный християнин, зане истинною разумев Христа и тем благоразумие стяжав, исступив убо себе, не сый в мирском их нраве и прелести, себя же весть трезвящеся и изменена всякаго прелестнаго неверия, не токмо даже до смерти бедствующе истинны ради, но и неведением скончевающеся всегда, разумом же живуще, и християне суть свидетельствуемы *. Сей Дионисий научен вере Христове от Павла апостола, живый во Афинах, прежде, даже не прийтти в веру Христову, хитрость имый ищитати беги небесныя; * егда ж верова Христови, вся сия вмених быти яко уметы. К Тимофею пишет в книге своей *, сице глаголя: «дитя, али не разумеешь, яко вся сия внешняя блядь ничто же суть, но токмо прелесть и

тля и пагуба? аз проидох делом и ничто ж обретох, но токмо тщету». Чтый да разумеет. Ищитати беги небесныя любят погибающии, понеже любви истинныя не прияша, воеже спастися им; и сего ради послет им бог действо льсти, воеже веровати им лжи, да суд приимут не веровавшии истинне, но благоволиша о неправде. (Чти Апостол, 275.) *

Сей Дионисий, еще не приидох в веру Христову, со учеником своим во время распятия господня быв в солнечном граде * и видев: солнце во тьму преложися и луна в кровь, звезды в полудне на небеси явилися черным видом. Он же ко ученику глагола: «или кончина веку прииде, или бог-слово плотию стражет»; понеже не по обычаю тварь виде изменену: и сего ради бысть в недоумении. Той же Дионисий пишет о солнечнем знамении, когда затмится: есть на небеси пять звезд заблудных, еже именуются луны. Сии луны бог положил не в пределех, яко ж и прочии звезды, но обтекают по всему небу, знамение творя или во гнев или в милость, по обычаю текуще. Егда заблудная звезда, еже есть луна, подтечет под солнце от запада и закроет свет солнечный, то солнечное затмение за гнев божий к людям бывает. Егда ж бывает, от востока луна подтекает, то по обычаю шествие творяще закрывает солнце.

А в нашей России бысть знамение: солнце затмилось в 162 году *, пред мором за месяц или меньши. Плыл Волгою рекою архиепископ Симеон Сибирской и в полудне тьма бысть перед Петровым днем недели за две; часа с три плачючи у берега стояли; солнце померче, от запада луна подтекала, по Дионисию, являя бог гнев свой к людям: в то время Никон отступник веру казил и законы церковныя, и сего ради бог излиял фиал гнева ярости своея на русскую землю; зело мор велик был *, неколи еще забыть, вси помним. Потом, минув годов с четырнатцеть, вдругорядь солнцу затмение было; в Петров пост, в пяток, в час шестый, тьма бысть; солнце померче, луна подтекала от запада же, гнев божий являя, и протопопа Аввакума, беднова горемыку, в то время с прочими остригли в соборной церкви власти и на Угреше в темницу, проклинав, бросили *. Верный разумеет, что делается в земли нашей за нестроение

церковное. Говорить о том полно; в день века познано будет всеми; потерпим до тех мест.

Той же Дионисий пишет о знамении солнца, како бысть при Исусе Наввине во Израили. Егда Исус секий иноплеменники, и бысть солнце противо Гаваона, еже есть на полднях, ста Исус крестообразно, сиречь распростре руце свои, и ста солнечное течение, дондеже враги погуби. Возвратилося солнце к востоку, сиречь назад отбежало, и паки потече, и бысть во дни том и в нощи тридесеть четыре часа, понеже в десятый час отбежало; так в сутках десять часов прибыло. И при Езекии царе бысть знамение: оттече солнце вспять во вторый на десять час дня, и бысть во дни и в нощи тридесять шесть часов. Чти книгу Дионисиеву, там пространно уразумеешь *.

Он же Дионисий пишет о небесных силах *, росписует, возвещая, како хвалу приносят богу, разделяяся деветь чинов на три троицы. Престоли, херувими и серафими освящение от бога приемлют и сице восклицают: благословенна слава от места господня! И чрез их преходит освящение на вторую троицу, еже есть господства, начала, власти; сия троица, славословя бога, восклицают: аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя! По алфавиту, *аль* отцу, *иль* сыну, *уйя* духу святому. Григорий Нисский толкует: аллилуйя — хвала богу; а Василий Великий пишет: аллилуйя — ангельская речь, человечески рещи — слава тебе, боже! До Василия пояху во церкви ангельския речи: аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя! Егда же бысть Василий, и повеле пети две ангельския речи, а третьюю, человеческую, сице: аллилуйя, аллилуйя, слава тебе, боже! У святых согласно, у Дионисия и у Василия; трижды воспевающе, со ангелы славим бога, а не четыржи, по римской бляди; мерско богу четверичное воспевание сицевое: аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя, слава тебе, боже! Да будет проклят сице поюще. Паки на первое возвратимся. Третьяя троица, силы, архангели, ангели, чрез среднюю троицу освящение приемля, поют: свят, свят, свят господь Саваоф, исполнь небо и земля славы его! Зри: тричислено и сие воспевание *. Пространно пречистая богородица протолковала о аллилуйи, явилася ученику Ефросина Псков-

скаго, именем Василию. Велика во аллилуйи хвала богу, а от зломудрствующих досада велика, — по-римски святую троицу в четверицу глаголют *, духу и от сына исхождение являют; * зло и проклято се мудрование богом и святыми. Правоверных избави боже сего начинания злаго, о Христе Исусе, господе нашем, ему же слава ныне и присно и во веки веком. Аминь.

Афанасий Великий рече: иже хощет спастися, прежде всех подобает ему держати кафолическая вера, ея же аще кто целы и непорочны не соблюдает, кроме всякаго недоумения, во веки погибнет. Вера ж кафолическая сия есть, да единаго бога в троице и троицу во единице почитаем, ниже сливающе составы, ниже разделяюще существо; ин бо есть состав отечь, ин — сыновень, ин — святаго духа; но отчее, и сыновнее, и святаго духа едино божество, равна слава, соприсущно величество; яков отец, таков сын, таков и дух святый; вечен отец, вечен сын, вечен и дух святый; не создан отец, не создан сын, не создан и дух святый; бог отец, бог сын, бог и дух святый не три бози, но един бог; не три несозданнии, но един несозданный, един вечный. Подобне: вседержитель отец, вседержитель сын, вседержитель и дух святый. Равне: непостижим отец, непостижим сын, непостижим и дух святый. Обаче не три вседержители, но един вседержитель: не три непостижимии, но един непостижимый, един пресущный. И в сей святей троице ничтоже первое или последнее, ничтоже более или менее, но целы три составы и соприсносущны суть себе и равны. Особно бо есть отцу нерождение, сыну же рождение, а духу святому исхождение: обще же им божество и царство *. (Нужно бо есть побеседовати и о вочеловечении бога-слова к вашему спасению.) За благость щедрот излия себе от отеческих недр сын-слово божие в деву чисту богоотроковицу, егда время наставало, и воплотився от духа свята и Марии девы, вочеловечився, нас ради пострадал, и воскресе в третий день, и на небо вознесеся, и седе одесную величествия на высоких и хощет паки приитти судити и воздати комуждо по делом его, его же царствию несть конца *. И сие смотрение в бозе бысть прежде, даже не соз-

датися Адаму, прежде, даже не вообразитися. (Совет отечь.) Рече отец сынови: сотворим человека по образу нашему и по подобию. И отвеща другий: сотворим, отче, и преступит бо. И паки рече: о единородный мой! о свете мой! о сыне и слове! о сияние славы моея! аще промышляеши созданием своим, подобает ти облещися в тлимаго человека, подобает ти по земли ходити, плоть[1] восприяти, пострадати и вся совершити. И отвеща другий: буди, отче, воля твоя. И посем создася Адам. Аще хощеши пространно разумети, чти Маргарит: * Слово о вочеловечении; там обрящеши. Аз кратко помянул, смотрение показуя. Сице всяк веруяй в онь не постыдится, а не веруяй осужден будет и во веки погибнет, по вышереченному Афанасию. Сице аз, протопоп Аввакум, верую, сице исповедаю, с сим живу и умираю.

[ПЕРВЫЕ ИСПЫТАНИЯ]

Рождение же мое в нижегороцких пределех, за Кудмою рекою, в селе Григорове *. Отец ми бысть священник Петр, мати — Мария, инока Марфа. Отец же мой прилежаше пития хмельнова; мати же моя постница и молитвеница бысть, всегда учаше мя страху божию. Аз же некогда видев у соседа скотину умершу, и той нощи, восставше, пред образом плакався довольно о душе своей, поминая смерть, яко и мне умереть; и с тех мест обыкох по вся нощи молитися. Потом мати моя овдовела, а я осиротел молод и от своих соплеменник во изгнании быхом. Изволила мати меня женить. Аз же пресвятей богородице молихся, да даст ми жену помощницу ко спасению. И в том же селе девица, сиротина ж, беспрестанно обыкла ходить

---

[1] Плоть — вписано, возможно, Епифанием вместо заключенного в скобки слова «апостолы».

в церковь,— имя ей Анастасия. Отец ея был кузнец, именем Марко, богат гораздо; а егда умре, после ево вся истощилось. Она же в скудости живяше и моляшеся богу, да же сочетается за меня совокуплением брачным; и бысть по воли божии тако. Посем мати моя отыде к богу в подвизе велице. Аз же от изгнания преселихся во ино место *. Рукоположен во дьяконы двадесяти лет с годом, и по дву летех в попы поставлен; живый в попех осьмь лет, и потом совершен в протопопы православными епископы *,— тому двадесеть лет минуло; и всего тридесят лет, как имею священство [1].

А егда в попах был, тогда имел у себя детей духовных много,— по се время сот с пять или с шесть будет. Не почивая, аз, грешный, прилежа во церквах, и в домех, и на распутиях, по градом и селам, еще же и в царствующем граде и во стране сибирской проповедуя и уча слову божию,— годов будет тому с полтретьяцеть *.

Егда еще был в попех, прииде ко мне исповедатися девица многими грехми обремененна, блудному делу и малакии всякой повинна; нача мне, плакавшеся, подробну возвещати во церкви, пред Евангелием стоя. Аз же, треокаянный врач, сам разболелся, внутрь жгом огнем блудным, и горько мне бысть в той час: зажег три свещи и прилепил к налою, и возложил руку правую на пламя, и держал, дондеже во мне угасло злое разжение, и, отпустя девицу, сложа ризы, помоляся, пошел в дом свой зело скорбен. Время же, яко полнощи, и пришед во свою избу, плакався пред образом господним, яко и очи опухли, и моляся прилежно, да же отлучит мя бог от детей духовных, понеже бремя тяшко, неудобь носимо. И падох на землю на лицы своем, рыдаше горце и забыхся, лежа; не вем, как плачю; а очи сердечнии при реке Волге. Вижу: пловут стройно два корабля златы, и весла на них златы, и шесты златы, и все злато; по единому кормщику на них сидельцов. И я спросил: «чье корабли?» И оне отвещали: «Лукин

---

[1] *После этих слов в редакции В:* а от рода на шестой десяток идет (л. 10/об.).

и Лаврентиев». Сии быша ми духовныя дети, меня и дом мой наставили на путь спасения и скончалися богоугодне. А се потом вижу третей корабль, не златом украшен, но разными пестротами,— красно, и бело, и сине, и черно, и пепелесо,— его же ум человечь не вмести красоты его и доброты; юноша светел, на корме сидя, правит; бежит ко мне из-за Волги, яко пожрати мя хощет. И я вскричал — «чей корабль?» И сидяй на нем отвещал: «твой корабль! да плавай на нем с женою и детьми, коли докучаешь!» И я вострепетах и седше рассуждаю: что се видимое? и что будет плавание?

А се по мале времени, по писанному, «объяша мя болезни смертныя, беды адавы обретоша мя: скорбь и болезнь обретох» *. У вдовы начальник отнял дочерь, и аз молих его, да же сиротину возвратит к матери, и он, презрев моление наше, и воздвиг на мя бурю, и у церкви, пришед сонмом, до смерти меня задавили. И аз лежа мертв полчаса и больши, и паки оживе божиим мановением. И он, устрашася, отступился мне девицы. Потом научил ево дьявол: пришед во церковь, бил и волочил меня за ноги по земле в ризах, а я молитву говорю в то время.

Таже ин начальник, во ино время, на мя рассвирепел,— прибежал ко мне в дом, бив меня, и у руки отгрыз персты, яко пес, зубами. И егда наполнилась гортань ево крови, тогда руку мою испустил из зубов своих и, покиня меня, пошел в дом свой. Аз же, поблагодаря бога, завертев руку платом, пошел к вечерне. И егда шел путем, наскочил на меня он же паки со двема малыми пищальми и, близ меня быв, запалил из пистоли, и божиею волею на полке порох пыхнул, а пищаль не стрелила. Он же бросил ея на землю и из другия паки запалил так же,— и та пищаль не стрелила. Аз же прилежно, идучи, молюсь богу, единою рукою осенил ево и поклонился ему. Он меня лает, а ему рекл: «благодать во устнех твоих, Иван Родионович, да будет!» [1] Посем

---

[1] *После этих слов в редакции Б:* Сердитовал на меня за церковную службу: ему хочется скоро, а я пою по уставу, не борзо; так ему было досадно * (л. 11/об.).

двор у меня отнял, а меня выбил, всево ограбя, и на дорогу хлеба не дал.

В то же время родился сын мой Прокопей, которой сидит с матерью в земле закопан *. Аз же, взяв клюшку, а мати — некрещенова младенца, побрели, амо же бог наставит [1], и на пути крестили, яко же Филипп каженика древле *. Егда ж аз прибрел к Москве *, к духовнику протопопу Стефану и к Неронову протопопу Иванну *, они же обо мне царю известиша, и государь меня почал с тех мест знати. Отцы же с грамотою паки послали меня на старое место, и я притащился — ано и стены разорены моих храмин. И я паки позавелся, а дьявол и паки воздвиг на меня бурю. Прийдоша в село мое плясовые медведи с бубнами и с домрами, и я, грешник, по Христе ревнуя, изгнал их, и [у]хари и бубны изломал на поле един у многих и медведей двух великих отнял,— одново ушиб, и паки ожил, а другова отпустил в поле *. И за сие меня Василей Петрович Шереметев, пловучи Волгою в Казань * на воеводство, взяв на судно и браня много, велел благословить сына своего Матфея бритобратца. Аз же не благословил, но от писания ево и порицал, видя блудолюбный образ *. Боярин же, гораздо осердясь, велел меня бросить в Волгу и, много томя, протолкали. А опосле учинились добры до меня: у царя на сенях со мною прощались; * а брату моему меньшому бояроня Васильева и дочь духовная была *. Так-то бог строит своя люди.

На первое возвратимся. Таже ин начальник на мя рассвирепел: приехав с людьми ко двору моему, стрелял из луков и из пищалей с приступом. А аз в то время, запер-

---

[1] *После этих слов в редакции В:* а сами, пошед, запели божественные песни, евангельскую стихеру большим роспевом. «На гору учеником идущим за земное вознесение предста господь и поклонишася ему», всю до конца; а пред нами образ несли. Певцов в дому моем было много; поюще со слезами, на небо взираем; а провождающии жители того места, мужи, и жены, и отрочата, множество народа, с рыданием плачюще и сокрушающе мое сердце, далече нас провожали в поле. Аз же, на обычном месте став и хвалу богу воздав, поучение прочет и, благословя, насилу в дом их возвратил, а с домашними впредь побрели (л. 12/об.— л. 13).

шися, молился с воплем ко владыке: «господи, укроти ево и примири, ими же веси судьбами!» И побежал от двора, гоним святым духом. Таже в нощь ту прибежали от него и зовут меня со многими слезами: «батюшко-государь! Евфимей Стефанович при кончине и кричит неудобно, бьет себя и охает, а сам говорит: дайте мне батька Аввакума! за него бог меня наказует!» И я чаял, меня обманывают; ужасеся дух мой во мне. А се помолил бога сице: «ты, господи, изведый мя из чрева матере моея, и от небытия в бытие мя устроил! Аще меня задушат, и ты причти мя с Филиппом, митрополитом Московским; * аще зарежут, и ты причти мя с Захариею пророком;* а буде в воду посадят, и ты, яко Стефана Пермскаго, паки свободишь мя!» * И моляся, поехал в дом к нему, Евфимию. Егда ж привезоша мя на двор, выбежала жена ево Неонила и ухватила меня под руку, а сама говорит: «подит-ко, государь наш батюшко, поди-тко, свет наш кормилец!» И я сопротив тово: «чюдно! давеча был блядин сын, а топерва — батюшко! Большо у Христа тово остра шелепуга та; скоро повинился муж твой!» Ввела меня в горницу. Вскочил с перины Евфимей, пал пред ногама моима, вопит неизреченно: «прости, государь, согрешил пред богом и пред тобою!» А сам дрожит весь. И я ему сопротиво: «хошеши ли впредь цел быти?» Он же лежа, отвеща: «ей, честный отче!» И я рек: «востани! бог простит тя!» Он же, наказан гораздо, не мог сам востати. И я поднял и положил ево на постелю, и исповедал, и маслом священным помазал, и бысть здрав. Так Христос изволил. И наутро отпустил меня честно в дом мой, и с женою быша ми дети духовныя, изрядныя раби Христовы. Так-то *господь гордым противится, смиренным же дает благодать* *.

Помале паки инии изгнаша мя от места того вдругоряд. Аз же сволокся к Москве *, и божиею волею государь меня велел в протопопы поставить в Юрьевец-Повольской. И тут пожил немного, — только осьмь недель; дьявол научил попов, и мужиков, и баб, — пришли к патриархову приказу, где я дела духовныя делал, и, вытаща меня из приказа собранием, — человек с тысящу и с полторы их

было,— среди улицы били батожьем и топтали; * и бабы были с рычагами. Грех ради моих, замертва убили и бросили под избной угол. Воевода с пушкарями прибежали и, ухватя меня, на лошеди умчали в мое дворишко; и пушкарей воевода около двора поставил. Людие же ко двору приступают, и по граду молва велика. Наипаче ж попы и бабы, которых унимал от блудни, вопят: «убить вора, блядина сына, да и тело собакам в ров кинем!» Аз же, отдохня, в третей день ночью, покиня жену и дети, по Волге сам-третей ушел к Москве. На Кострому прибежал,— ано и тут прóтопопа ж Даниила изгнали *. Ох, горе! везде от дьявола житья нет! Прибрел к Москве, духовнику Стефану показался; и он на меня учинился печален: на што-де церковь соборную покинул? Опять мне другое горе! Царь пришел к духовнику благословитца ночью; меня увидел тут; опять кручина: на што-де город покинул? — А жена, и дети, и домочадцы, человек с дватцеть, в Юрьевце остались: неведомо — живы, неведомо — прибиты! Тут паки горе.

Посем Никон, друг наш, привез из Соловков Филиппа митрополита *. А прежде его приезду Стефан духовник, моля бога и постяся седмицу с братьею,— и я с ними тут же,— о патриархе, да же даст бог пастыря ко спасению душ наших, и с митрополитом казанским Корнилием, написав челобитную за руками, подали царю и царице — о духовнике Стефане, чтоб ему быть в патриархах *. Он же не восхотел сам и указал на Никона митрополита. Царь ево и послушал, и пишет к нему послание навстречю: * преосвященному митрополиту Никону новгороцкому и великолуцкому и всея Русии радоватися, и прочая. Егда ж приехал, с нами яко лис: челом да «здорóво!». Ведает, что быть ему в патриархах, и чтобы откуля помешка какова не учинилась. Много о тех козняx говорить! [1] Егда

---

[1] *После этих слов в редакции В:* Царь его на патриаршество зовет, а он бытто не хочет *, мрачил царя и людей, а со Анною по ночам укладывают * как чему быть и много пружався со дьяволом, взошел на патриаршество божиим попущением, укрепя царя своим кознованием и клятвою лукавою (л. 15/об.).

поставили патриархом *, так друзей не стал и в крестовую пускать *. А се и яд отрыгнул; в пост великой прислал память к Казанской к Неронову Иванну. А мне отец духовной был; я у нево все и жил в церкве: егда куды отлучится, ино я ведаю церковь. И к месту, говорили, на дворец к Спасу, на Силино покойника место; да бог не изволил. А се и у меня радение худо было. Любо мне, у Казанские тое держался, чел народу книги. Много людей приходило.— В памети Никон пишет: «год и число. По преданию святых апостол и святых отец, не подобает во церкви метания творити на колену, но в пояс бы вам творити поклоны, еще же и трема персты бы есте крестились» *. Мы же задумалися, сошедшеся между собою; видим, яко зима хощет быти; сердце озябло, и ноги задрожали. Неронов мне приказал церковь, а сам един скрылся в Чюдов *,— седмицу в полатке молился. И там ему от образа глас бысть * во время молитвы: «время приспе страдания, подобает вам неослабно страдати!» Он же мне плачучи сказал; таже коломенскому епископу Павлу, его же Никон напоследок огнем жжег в новгороцких пределех; * потом — Данилу, костромскому протопопу; таже сказал и всей братье. Мы же с Данилом, написав из книг выписки о сложении перст и о поклонех, и подали государю; много писано было; он же, не вем где, скрыл их; мнитмися, Никону отдал *.

После тово вскоре схватав Никон Даниила в монастыре за Тверскими вороты *, при царе остриг голову и, содрав однарятку, ругая, отвел в Чюдов в хлебню и, муча много, сослал в Астрахань. Венец тернов на главу ему там возложили, в земляной тюрьме и уморили. После Данилова стрижения взяли другова, темниковскаго Даниила ж протопопа, и посадили в монастыре у Спаса на Новом *. Таже протопопа Неронова Иванна — в церкве скуфью снял и посадил в Симанове монастыре, опосле сослал на Вологду, в Спасов Каменной монастырь, потом в Кольской острог *. А напоследок, по многом страдании, изнемог бедной,— принял три перста, да так и умер *. Ох, горе! *всяк мняйся стоя, да блюдется, да ся не падет* *. Люто

время, по реченному господем, *аще возможно духу антихристову прельстити и избранныя* *. Зело надобно крепко молитися богу, да спасет и помилует нас, яко благ и человеколюбец.

Таже меня взяли от всенощнаго Борис Нелединской со стрельцами; человек со мною с шестьдесят взяли: их в тюрьму отвели, а меня на патриархове дворе на чепь посадили ночью. Егда ж россветало в день недельный, посадили меня на телегу, и ростянули руки, и везли от патриархова двора до Андроньева монастыря * и тут на чепи кинули в темную полатку, ушла в землю, и сидел три дни, ни ел, ни пил; во тьме сидя, кланялся на чепи, не знаю — на восток, не знаю — на запад *. Никто ко мне не приходил, токмо мыши, и тараканы, и сверчки кричат, и блох довольно. Бысть же я в третий день приалчен,— сиречь есть захотел,— и после вечерни ста предо мною, не вем — ангел, не вем — человек, и по се время не знаю, токмо в потемках молитву сотворил и, взяв меня за плечо, с чепью к лавке привел и посадил и лошку в руки дал и хлебца немношко и штец дал похлебать,— зело прикусны, хороши! — и рекл мне: «полно, довлеет ти ко укреплению!» Да и не стало ево. Двери не отворялись, а ево не стало! Дивно только — человек; а что ж ангел? ино нечему дивитца — везде ему не загорожено. На утро архимарит с братьею пришли и вывели меня; журят мне, что патриарху не покорился, а я от писания ево браню да лаю. Сняли большую чепь да малую наложили. Отдали чернцу под начал, велели волочить в церковь. У церкви за волосы дерут, и под бока толкают, и за чепь торгают, и в глаза плюют. Бог их простит в сий век и в будущий: не их то дело, но сатаны лукаваго. Сидел тут я четыре недели.

В то время после меня взяли Логина, протопопа муромскаго: в соборной церкви, при царе, остриг [1] в обедню *. Во время переноса снял патриарх со главы у архидьякона дискос и поставил на престол с телом Христовым;

---

[1] *После этих слов в редакции В:* его овчеобразный волк (л. 17/об.—л. 18).

а с чашею архимарит чюдовской Ферапонт вне олтаря, при дверех царских стоял. Увы рассечения тела Христова, пущи жидовскаго действа! * Остригше, содрали с него однарятку и кафтан. Логин же разжегся ревностию божественнаго огня, Никона порицая, и чрез порог в олтарь в глаза Никону плевал; распоясався, схватя с себя рубашку, в олтарь в глаза Никону бросил; и чюдно! — растопоряся рубашка и покрыла на престоле дискос, бытто возду́х. А в то время и царица в церкве была. На Логина возложили чепь и, таща из церкви, били метлами и шелепами до Богоявленскова монастыря и кинули в полатку нагова, и стрельцов на карауле поставили накрепко стоять. Ему ж бог в ту нощь дал шубу новую да шапку; и на утро Никону сказали, и он, россмеявся, говорит: «знаю-су я пустосвятов тех!» — и шапку у нево отнял, а шубу ему оставил.

Посем паки меня из монастыря водили пешева на патриархов двор, также руки ростяня, и, стязався много со мною, паки также отвели. Таже в Никитин день ход со кресты *, а меня паки на телеге везли против крестов. И привезли к соборной церкве стричь и держали в обедню на пороге долго. Государь с места сошел и, приступя к патриарху, упросил. Не стригше, отвели в Сибирской приказ и отдали дьяку Третьяку Башмаку, что ныне стражет же по Христе, старец Саватей, сидит на Новом, в земляной же тюрьме. Спаси ево, господи! и тогда мне делал добро *.

[ССЫЛКА В СИБИРЬ]

Таже послали меня в Сибирь с женою и детьми. И колико дорогою нужды бысть, тово всево много говорить, разве малая часть помянуть. Протопопица младенца родила, — больную в телеге и повезли до Тоболь-

ска; * три тысящи верст недель с тринатцеть волокли телегами и водою и саньми половину пути *.

Архиепископ в Тобольске к месту устроил меня *. Тут у церкви великия беды постигоша меня: в полтара годы пять слов государевых сказывали на меня *, и един некто, архиепископля двора дьяк Иван Струна, тот и душею моею потряс. Съехал архиепископ к Москве, а он без нево, дьявольским научением, напал на меня: церкви моея дьяка Антония мучить напрасно захотел. Он же, Антон, утече у него и прибежал во церковь ко мне. Той же Струна Иван, собрався с людьми, во ин день прииде ко мне в церковь,— а я вечерню пою,— и вскочил в церковь, ухватил Антона на крылосе за бороду. А я в то время двери церковныя затворил и замкнул и никово не пустил,— один он Струна в церкве вертится, что бес. И я, покиня вечерню, с Антоном посадил ево среди церкви на полу и за церковной мятеж постегал ево ременем нарочито-таки; а прочии, человек с двацеть, вси побегоша, гоними духом святым. И покаяние от Струны приняв, паки отпустил ево к себе. Сродницы же Струнины, попы и чернцы, весь возмутили град, да како меня погубят. И в полунощи привезли сани ко двору моему, ломилися в ызбу, хотя меня взять и в воду свести. И божиим страхом отгнани быша и побегоша вспять *. Мучился я с месяц, от них бегаючи втай; иное в церкве ночюю, иное к воеводе уйду *[1], а иное в тюрьму просился,— ино не пустят. Провожал меня много Матфей Ломков, иже и Митрофан именуем в чернцах,— опосле на Москве у Павла митрополита ризничим был, в соборной церкви с дьяконом Афонасьем меня стриг: * тогда добр был, а ныне дьявол ево поглотил. Потом приехал архиепископ с Москвы и правильною виною ево, Струну, на чепь посадил за сие: некий человек с дочерью кровосмешение сотворил, а он, Струна, полтину взяв и, не наказав мужика, отпустил. И владыка

---

[1] *После этих слов в редакции В:* Княгиня меня в сундук посылала: «я-де, батюшко, над тобой сяду, как-де придут тебя искать к нам». И воевода от них мятежников боялся, лишо плачет, на меня глядя (л. 19/об.).

ево сковать приказал и мое дело тут же помянул *. Он же, Струна, ушел к воеводам в приказ и сказал «слово и дело государево» на меня *. Воеводы отдали ево сыну боярскому лутчему, Петру Бекетову, за пристав *. Увы, погибель на двор Петру пришла. Еще же и душе моей горе тут есть. Подумав архиепископ со мною, по правилам за вину кровосмешения стал Струну проклинать в неделю православия в церкве большой. Той же Бекетов Петр, пришед в церковь, браня архиепископа и меня, и в той час из церкви пошед, взбесился, ко двору своему идучи, и умре горькою смертию зле. И мы со владыкою приказали тело ево среди улицы собакам бросить, да же граждяня оплачют согрешение его. А сами три дни прилежне стужали божеству, да же в день века отпустится ему. Жалея Струны, такову себе пагубу приял. И по трех днех владыка и мы сами честне тело его погребли. Полно тово плачевнова дела говорить.

Посем указ пришел: велено меня из Тобольска на Лену вести за сие, что браню от писания и укоряю ересь Никонову *. В та же времена пришла ко мне с Москвы грамотка. Два брата жили у царицы вверху, а оба умерли в мор и с женами и с детьми: и многия друзья и сродники померли. Излиял бог на царство фиял гнева своего! Да не узнались горюны однако,— церковью мятут. Говорил тогда и сказывал Неронов царю три пагубы за церковной раскол: мор, меч, разделение: * то и сбылось во дни наша ныне. Но милостив господь: наказав, покаяния ради и помилует нас, прогнав болезни душ наших и телес, и тишину подаст. Уповаю и надеюся на Христа: ожидаю милосердия его и чаю воскресения мертвым.

Таже сел опять на корабль свой, еже и показан ми, что выше сего рекох,— поехал на Лену *. А как приехал в Енисейской *, другой указ пришел: велено в Дауры вести — дватцеть тысящ и больши будет от Москвы *. И отдали меня Афонасью Пашкову в полк,— людей с ним было 6 сот человек: и грех ради моих суров человек: беспрестанно людей жжет, и мучит, и бьет *. И я ево много уговаривал, да и сам в руки попал. А с Москвы от Никона приказано ему мучить меня.

Егда поехали из Енисейска *, как будем в большой Тунгуске реке *, в воду загрузило бурею дощеник мой совсем: налился среди реки полон воды, и парус изорвало,— одны полубы над водою, а то все в воду ушло. Жена моя на полубы из воды робят кое-как вытаскала, простоволоса ходя *. А я, на небо глядя, кричю: «господи, спаси! господи, помози!» И божиею волею прибило к берегу нас. Много о том говорить! На другом дощенике двух человек сорвало, и утонули в воде. Посем, оправяся на берегу, и опять поехали вперед.

Егда приехали на Шаманской порог, навстречю приплыли люди иные к нам, а с ними две вдовы — одна лет в 60, а другая и больши: пловут пострищись в монастырь. А он, Пашков, стал их ворочать и хочет замуж одать. И я ему стал говорить: «по правилам не подобает таковых замуж давать». И чем бы ему, послушав меня, и вдов отпустить, а он вздумал мучить меня, осердясь. На другом, Долгом пороге * стал меня из дощеника выбивать: «для-де тебя дощеник худо идет! еретик-де ты! поди-де по горам, а с казаками не ходи!» О, горе стало! Горы высокия, дебри непроходимыя, утес каменной, яко стена стоит, и поглядеть — заломя голову! В горах тех обретаются змеи великие; в них же витают гуси и утицы — перие красное, вороны черные, а галки серые; в тех же горах орлы, и соколы, и кречаты, и курята индейские, и бабы, и лебеди, и иные дикие — многое множество птицы разные. На тех же горах гуляют звери многие дикие: козы, и олени, изубри, и лоси, и кабаны, волки, бараны дикие — во очию нашу, а взять нельзя! На те горы выбивал меня Пашков, со зверьми, и со змиями, и со птицами витать. И аз ему малое писанейце написал, сице начало: «человече! убойся бога, седящаго на херувимех и призирающаго в безны, его же трепещут небесныя силы и вся тварь со человеки, един ты презираешь и неудобство показуешь»,— и прочая: там многонько писано: и послал к нему *. А се бегут человек с пятьдесят: взяли мой дощеник и помчали к нему,— версты три от него стоял. Я казакам каши наварил да кормлю их: и оне, бедные, и едят и дрожат, а иные, глядя, плачют на меня, жалеют по

мне. Привели дощеник: взяли меня палачи, привели перед него. Он со шпагою стоит и дрожит: начал мне говорить: «поп ли ты или роспоп?»; и аз отвещал: «аз есмь Аввакум протопоп; говори: что тебе дело до меня?» Он же рыкнул, яко дивий зверь, и ударил меня по щоке, таже по другой и паки в голову, и сбил меня с ног и, чекан ухватя, лежачева по спине ударил трижды и, разболокши, по той же спине семьдесят два удара кнутом. А я говорю: «господи Исусе Христе, сыне божий, помогай мне!» Да то ж, да то ж беспрестанно говорю. Так горько ему, что не говорю: «пощади!» Ко всякому удару молитву говорил, да осреди побой вскричал я к нему: «полно бить тово!» Так он велел перестать. И я промолыл ему: «за что ты меня бьешь? ведаешь ли?» И он паки велел бить по бокам, и отпустили. Я задрожал, да и упал. И он велел меня в казенной дощеник оттащити: сковали руки и ноги и на беть кинули. Осень была, дождь на меня шел, всю нощь под капелию лежал. Как били, так не больно было с молитвою тою; а лежа, на ум взбрело: «за что ты, сыне божий, попустил меня ему таково больно убить тому? Я веть за вдовы твои стал! Кто даст судию между мною и тобою? Когда воровал, и ты меня так не оскорблял, а ныне не вем, что согрешил!» Бытто доброй человек — другой фарисей с говенною рожею,— со владыкою судитца захотел! Аще Иев и говорил так *, да он праведен, непорочен, а се и писания не разумел, вне закона, во стране варварстей, от твари бога познал. А я первое — грешен, второе — на законе почиваю и писанием отвсюду подкрепляем, *яко многими скорбьми подобает нам внити во царство небесное* *, а на такое безумие пришел! Увы мне! Как дощеник-от в воду ту не погряз со мною? Стало у меня в те поры кости те щемить и жилы те тянуть, и сердце зашлось, да и умирать стал. Воды мне в рот плеснули, так вздохнул да покаялся пред владыкою, а господь-свет милостив: не поминает наших беззакониих первых покаяния ради; и опять не стало ништо болеть.

Наутро кинули меня в лотку и напредь повезли. Егда приехали к порогу, к самому большему, Падуну,— река о том месте шириною с версту, три залавка чрез всю реку

зело круты, не воротами што попловет, ино в щепы изломает *,— меня привезли под порог. Сверху дождь и снег, а на мне на плеча накинуто кафтанишко просто; льет вода по брюху и по спине,— нужно было гораздо. Из лотки вытаща, по каменью скована окол порога тащили. Грустко гораздо, да душе добро: не пеняю уж на бога вдругорят. На ум пришли речи, пророком и апостолом реченныя: «сыне, не пренемогай наказанием господним, ниже ослабей, от него обличаем. Его же любит бог, того наказует; биет же всякаго сына, его же приемлет. Аще наказание терпите, тогда яко сыном обретается вам бог. Аще ли без наказания приобщаетеся ему, то выблядки, а не сынове есте» *. И сими речьми тешил себя.

Посем привезли в Брацкой острог * и в тюрьму кинули, соломки дали. И сидел до Филипова поста * в студеной башне; там зима в те поры живет, да бог грел и без платья. Что собачка, в соломке лежу: коли накормят, коли нет[1]. Мышей много было, я их скуфьею бил,— и батошка не дадут дурачки! Все на брюхе лежал: спина гнила. Блох да вшей было много. Хотел на Пашкова кричать: «прости!» — да сила божия возбранила,— велено терпеть. Перевел меня в теплую избу, и я тут с аманатами и собаками жил скован зиму всю. А жена с детьми верст с дватцеть была сослана от меня. Баба ея Ксенья мучила зиму ту всю, — лаяла да укоряла. Сын Иван — невелик был — прибрел ко мне побывать после Христова рождества, и Пашков велел кинуть в студеную тюрьму, где я сидел: начевал милой и замерз было тут. И на утро опять велел

---

[1] *После этих слов в редакции В:* Есть тово после побой тех хочется, да ведь-су неволя то есть: как пожалуют, дадут. Да бесчинники ругались надо мною: иногда одново хлебца дадут, а иногда ветчинки одное невареной, иногда масла коровья без хлеба же. Я таки что собака, так и ем. Не умывался веть, да и кланятися не смог, лише на крест Христов погляжу, да помолитвую. Караульщики по пяти человек одаль стоят. Щелка на стене была,— собачка ко мне по вся дни приходила, да поглядит на меня; яко Лазаря во гною у вратех богатаго * пси облизаху гной его, отраду ему чинили, так и я со своею собачкою поговаривал, а человецы далече окрест меня ходят и поглядеть на тюрьму не смеют (л. 24/об.).

к матери протолкать. Я ево и не видал. Приволокся к матери,— руки и ноги ознобил.

На весну паки поехали впредь. Запасу небольшое место осталось, а первой разграблен весь: и книги и одежда иная отнята была, а иное и осталось. На Байкалове море паки тонул. По Хилке * по реке заставил меня лямку тянуть: зело нужен ход ею был,— и поесть было некали, нежели спать. Лето целое мучилися. От водяные тяготы люди изгибали, и у меня ноги и живот синь был. Два лета в водах бродили, а зимами чрез волоки волочилися. На том же Хилке в третьее тонул. Барку от берегу оторвало водою,— людские стоят, а мою ухватило, да и понесло! Жена и дети остались на берегу, а меня сам-друг с кормщиком помчало. Вода быстрая, переворачивает барку вверх боками и дном; а я на ней ползаю, а сам кричю: «владычице, помози! упование, не утопи!» Иное ноги в воде, а иное выползу наверх. Несло с версту и больши; да люди переняли. Все розмыло до крохи! Да што петь делать, коли Христос и пречистая богородица изволили так? Я, вышед из воды, смеюсь; а люди-те охают, платье мое по кустам развешивая, шубы отласные и тафтяные, и кое-какие безделицы тое много еще было в чемоданах да в сумах; все с тех мест перегнило — наги стали. А Пашков меня же хочет опять бить: «ты-де над собою делаешь за посмех!» И я паки свету-богородице докучать: «владычице, уйми дурака тово!» Так она-надежа уняла: стал по мне тужить.

Потом доехали до Иргеня озера: * волок тут,— стали зимою волочитца. Моих работников отнял, а иным у меня нанятца не велит. А дети маленьки были, едоков много, а работать некому: один бедной горемыка-протопоп нарту сделал и зиму всю волочился за волок [1]. Весною на пло-

---

[1] *После этих слов в редакции В:* У людей и собаки в подпряшках, а у меня не было; одинова лишо двух сынов,— маленьки еще были, Иван и Прокопей,— тащили со мною, что кобельки, за волок нарту. Волок — верст со сто: насилу бедные и перебрели. А протопопица муку́ и младенца за плечами на себе тащила; а дочь Огрофена брела, брела, да на нарту и взвалилась, и братья ея со мною помаленьку тащили. И смех

тах по Ингоде реке * поплыли на низ. Четвертое лето от Тобольска плаванию моему. Лес гнали хоромной и городовой. Стало нечева есть; люди учали с голоду мереть и от работныя водяныя бродни. Река мелкая, плоты тяжелые, приставы немилостивые, палки большие, батоги суковатые, кнуты острые, пытки жестокие — огонь да встряска, люди голодные: лишо станут мучить — ано и умрет! [1] Ох, времени тому! Не знаю, как ум у него отступился. У протопопицы моей однарятка московская была, не сгнила, — по-русскому рублев в полтретьяцеть * и больши по-тамошнему. Дал нам четыре мешка ржи за нея, и мы год-другой тянулися, на Нерче реке * живучи, с травою перебиваючися. Все люди с голоду поморил, никуды не отпускал промышлять, — осталось небольшое место; по степям скитающеся и по полям, траву и корение копали, а мы — с ними же; а зимою — сосну; а иное кобылятины бог даст, и кости находили от волков пораженных зверей, и что волк не доест, мы то доедим. А иные и самых озяблых ели волков, и лисиц, и что получит — всякую скверну. Кобыла жеребенка родит, а голодные втай и жеребенка и место скверное кобылье съедят. А Пашков, сведав, и кнутом до смерти забьет. И кобыла умерла, — все извод взял, понеже не по чину жеребенка тово вытащили из нея: лишо голову появил, а оне и выдернули, да и почали кровь скверную есть. Ох, времени тому! И у меня два сына маленьких умерли в нуждах тех *, а с прочими, скитающеся по го-

---

и горе, как помянутся дние оны: робята те изнемогут и на снег повалятся, а мать по кусочку пряничка им даст, и оне, съедши, опять лямку потянут; и кое-как перебилися волок, да под сосною и жить стали, что Авраам у дуба мамврийска *. Не пустил нас и в засеку Пашков сперва, дондеже натешился, и мы неделю-другую мерзли под сосною с робяты одны, кроме людей, на бору, и потом в засеку пустил и указал мне место. Так мы с робяты отгородились, балаганец сделав, огонь курили и как до воды домаялись (л. 26 — л. 26/об.).

[1] *После этих слов в редакции В:* И без битья насилу человек дышит, с весны по одному мешку солоду дано на десять человек на все лето, да петь работай, никуды на промысл не ходи; и верьбы, бедной, в кашу ущипать сбродит — и за то палкою по лбу: не ходи, мужик, умри на работе! Шестьсот человек было, всех так-то перестроил (л. 26/об.).

рам и по острому камению, наги и боси, травою и корением перебивающеся, кое-как мучилися. И сам я, грешной, волею и неволею причастен кобыльим и мертвечьим звериным и птичьим мясам. Увы грешной душе! *Кто даст главе моей воду и источник слез* *, да же оплачю бедную душу свою, юже зле погубих житейскими сластьми? Но помогала нам по Христе боляроня, воеводская сноха, Евдокея Кириловна, да жена ево, Афонасьева, Фекла Симеоновна: оне нам от смерти голодной тайно давали отраду, без ведома ево,— иногда пришлют кусок мясца, иногда колобок, иногда мучки и овсеца, колько сойдется, четверть пуда и гривенку-другую, а иногда и полпудика накопит и передаст, а иногда у коров корму из корыта нагребет. Дочь моя, бедная горемыка Огрофена, бродила втай к ней под окно. И горе, и смех! — иногда робенка погонят от окна без ведома бояронина, а иногда и многонько притащит. Тогда невелика была; а ныне уж ей 27 годов,— девицею, бедная моя, на Мезени, с меньшими сестрами перебиваяся кое-как, плачючи живут. А мать и братья в земле закопаны сидят *. Да што же делать? пускай горькие мучатся все ради Христа! Быть тому так за божиею помощию. На том положено, ино мучитца веры ради Христовы. Любил, протопоп, со славными знатца, люби же и терпеть, горемыка, до конца. Писано: «не начный блажен, но скончавай» *. Полно тово; на первое возвратимся.

Было в Даурской земле нужды великие годов с шесть и семь, а во иные годы отрадило. А он, Афонасей, наветуя мне, беспрестанно смерти мне искал. В той же нужде прислал ко мне от себя две вдовы,— сенныя ево любимые были,— Марья да Софья, одержимы духом нечистым. Ворожа и колдуя много над ними, и видит, *яко ничто же успевает, но паче молва бывает* *,— зело жестоко их бес мучит, бьются и кричат; призвал меня и поклонился мне, говорит: «пожалуй, возьми их ты и попекися об них, бога моля; послушает тебя бог». И я ему отвещал: «господине! выше меры прошение; но за молитв святых отец наших вся возможна суть богу». Взял их, бедных. Простите! Во

искусе то на Руси бывало,— человека три-четыре бешаных приведших бывало в дому моем, и, за молитв святых отец, отхождаху от них беси, действом и повелением бога живаго и господа нашего Исуса Христа, сына божия-света. Слезами и водою покроплю и маслом помажу, молебная певше во имя Христово, и сила божия отгоняше от человек бесы, и здрави бываху, не по достоинству моему,— ни никако же,— но по вере приходящих. Древле благодать действоваше ослом при Валааме, и при Улиане мученике — рысью, и при Сисинии — оленем: говорили человеческим гласом *. *Бог идеже хощет, побеждается естества чин* *. Чти житие Феодора Едесскаго, тамо обрящеши: и блудница мертваго воскресила *. В Кормчей * писано: не всех дух святый рукополагает, но всеми, кроме еретика, действует. Таже привели ко мне баб бешаных; я, по обычаю, сам постился и им не давал есть, молебствовал, и маслом мазал, и, как знаю, действовал; и бабы о Христе целоумны и здравы стали. Я их исповедал и причастил. Живут у меня и молятся богу; любят меня и домой не йдут. Сведал он, что мне учинилися дочери духовные, осердился на меня опять пущи старова,— хотел меня в огне жжечь: «ты-де выведываешь мое тайны!» А как петь-су причастить, не исповедав? А не причастив бешанова, ино беса совершенно не отгонишь. Бес-от веть не мужик: батога не боится; боится он креста Христова, да воды святыя, да священнаго масла, а совершенно бежит от тела Христова. Я, кроме сих тайн, врачевать не умею. В нашей православной вере без исповеди не причащают; в римской вере творят так,— не брегут о исповеди; а нам, православие блюдущим, так не подобает, но на всяко время покаяние искати. Аще священника, нужды ради, не получишь, и ты своему брату искусному возвести согрешение свое, и бог простит тя, покаяние твое видев, и тогда с правильцом причащайся святых таин. Держи при себе запасный агнец. Аще в пути или на промыслу, или всяко прилучится, кроме церкви, воздохня пред владыкою и, по вышереченному, ко брату исповедався, с чистою совестию причастися святыни: так хорошо будет! По посте и по правиле пред образом Хри-

стовым на коробочку постели платочик и свечку зажги, и в сосудце водицы маленько, да на ложечку почерпни и часть тела Христова с молитвою в воду на лошку положи и кадилом вся покади, поплакав, глаголи: «верую, господи, и исповедую, яко ты еси Христос сын бога живаго, пришедый в мир грешники спасти, от них же первый есмь аз. Верую, яко воистинну се есть самое пречистое тело твое, и се есть самая честная кровь твоя. Его же ради молю ти ся, помилуй мя и прости ми и ослаби ми согрешения моя, вольная и невольная, яже словом, яже делом, яже ведением и неведением, яже разумом и мыслию, и сподоби мя неосужденно причаститися пречистых ти таинств во оставление грехов и в жизнь вечную, яко благословен еси во веки. Аминь». Потом, падше на землю пред образом, прощение проговори и, восстав, образы поцелуй и, прекрестясь, с молитвою причастися и водицею запей и паки богу помолись *. Ну, слава Христу! Хотя и умрешь после тово, ино хорошо. Полно про то говорить. И сами знаете, что доброе добро. Стану опять про баб говорить.

Взял Пашков бедных вдов от меня; бранит меня вместо благодарения. Он чаял: Христос просто положит; ано пущи и старова стали беситца. Запер их в пустую избу, ино никому приступу нет к ним; призвал к ним чернова попа, и оне ево дровами бросают, — и поволокся прочь. Я дома плачю, а делать не ведаю что. Приступить ко двору не смею: больно сердит на меня. Тайно послал к ним воды святыя, велел их умыть и напоить, и им, бедным, легче стало. Прибрели сами ко мне тайно, и я помазал их во имя Христово маслом, так опять, дал бог, стали здоровы и опять домой пошли да по ночам ко мне прибегали тайно молитца богу. Изрядные детки стали, играть перестали и правильца держатца стали [1]. На Москве с бояронею в Вознесенском монастыре вселились *. Слава о них богу!

Таже с Нерчи реки паки назад возвратилися к Русе *. Пять недель по льду голому ехали на нартах. Мне под

---

[1] Слово «стали» написано, возможно, рукой Епифания.

робят и под рухлишко дал две клячки, а сам и протопопица брели пеши, убивающеся о лед. Страна варварская, иноземцы немирные; отстать от лошедей не смеем, а за лошедьми итти не поспеем, голодные и томные люди. Протопопица бедная бредет-бредет, да и повалится, — кольско гораздо! В ыную пору, бредучи, повалилась, а иной томной же человек на нея набрел, тут же и повалился; оба кричат, а встать не могут. Мужик кричит: «матушка-государыня, прости!» А протопопица кричит: «что ты, батько, меня задавил?» Я пришол, — на меня, бедная, пеняет, говоря: «долго ли муки сея, протопоп, будет?» И я говорю: «Марковна, до самыя до смерти!» Она же вздохня, отвещала: «добро, Петрович, ино еще побредем».

Курочка у нас черненька была; по два яичка на день приносила робяти на пищу, божиим повелением нужде нашей помогая; бог так строил. На нарте везучи, в то время удавили по грехом. И нынеча мне жаль курочки той, как на разум прийдет. Ни курочка, ни што чюдо была: во весь год по два яичка на день давала; сто рублев при ней плюново дело, железо! А та птичка одушевлен[н]а, божие творение, нас кормила, а сама с нами кашку сосновую из котла тут же клевала, или и рыбки прилучится, и рыбку клевала; а нам против тово по два яичка на день давала. Слава богу, вся строившему благая! А не просто нам она и досталася. У бояруни * куры все переслепли и мереть стали; так она, собравше в короб, ко мне их прислала, чтоб-де батько пожаловал — помолился о курах. И я-су подумал: кормилица то есть наша, детки у нея, надобно ей курки. Молебен пел, воду святил, куров кропил и кадил; потом в лес сбродил, корыто им сделал, из чево есть, и водою покропил, да к ней все и отслал. Куры божиим мановением исцелели и исправилися по вере ея. От тово-то племяни и наша курочка была. Да полно тово говорить! У Христа не сегодни так повелось. Еще Козьма и Дамиян человеком и скотом благодействовали и целили о Христе. Богу вся надобно: и скотинка и птичка во славу его, пречистаго владыки, еще же и человека ради.

Таже приволоклись паки на Иргень озеро. Бояроня пожаловала,— прислала сковородку пшеницы, и мы кутьи наелись. Кормилица моя была Евдокея Кириловна, а и с нею дьявол ссорил, сице: сын у нея был Симеон,— там родился, я молитву давал и крестил, на всяк день присылала ко мне на благословение, и я, крестом благословя и водою покропя, поцеловав ево, и паки отпущу; дитя наше здраво и хорошо. Не прилучилося меня дома; занемог младенец. Смалодушничав, она, осердясь на меня, послала робенка к шептуну-мужику. Я, сведав, осердился ж на нея, и меж нами пря велика стала быть. Младенец пущи занемог; рука правая и нога засохли, что батошки. В зазор пришла; не ведает, что делать, а бог пущи угнетает. Робеночек на кончину пришел. Пестуны, ко мне приходя, плачют; а я говорю: «коли баба лиха, живи же себе одна!» А ожидаю покаяния ея. Вижу, яко ожесточил диявол сердце ея; припал ко владыке, чтоб образумил ея. Господь же, премилостивый бог, умяхчил ниву сердца ея: прислала на утро сына среднева Ивана ко мне,— со слезами просит прощения матери своей, ходя и кланяяся около печи моей. А я лежу под берестом наг на печи, а протопопица в печи, а дети кое-где: в дождь прилучилось, одежды не стало, а зимовье каплет,— всяко мотаемся. И я, смиряя, приказываю ей: «вели матери прощения просить у Орефы колдуна». Потом и больнова принесли, велела перед меня положить; и все плачют и кланяются. Я-су встал, добыл в грязи патрахель и масло священное нашол. Помоля бога и покадя, младенца помазал маслом и крестом благословил. Робенок, дал бог, и опять здоров стал,— с рукою и с ногою. Водою святою ево напоил и к матери послал. Виждь, слышателю, покаяние матерне колику силу сотвори: душу свою изврачевала и сына исцелила! Чему быть? — не сегодни кающихся есть бог! На утро прислала нам рыбы да пирогов, а нам то, голодным, надобе. И с тех мест помирилися. Выехав из Даур, умерла, миленькая, на Москве; я и погребал в Вознесенском монастыре. Сведал то и сам Пашков про младенца,— она ему сказала. Потом я к нему пришел. И он, поклоняся низенько мне, а сам говорит:

«спаси бог! отечески творишь,— не помнишь нашева зла»[1]. И в то время пищи довольно прислал.

А опосле тово вскоре хотел меня пытать; слушай, за что. Отпускал он сына своево Еремея в Мунгальское царство * воевать,— казаков с ним 72 человека да иноземцов 20 человек,— и заставил иноземца шаманить, сиречь гадать: удастлися им и с победою ли будут домой? Волхв же той мужик, близ моего зимовья, привел барана живова в вечер и учал над ним волхвовать, вертя ево много, и голову прочь отвертел и прочь отбросил. И начал скакать, и плясать, и бесов призывать и, много кричав, о землю ударился, и пена изо рта пошла. Беси давили ево, а он спрашивал их: «удастся ли поход?» И беси сказали: «с победою великою и с богатством большим будете назад». И воеводы ради, и все люди радуяся говорят: «богаты приедем!» Ох, душе моей тогда горько и ныне не сладко! Пастырь худой погубил своя овцы, от горести забыл реченное во Евангелии, егда Зеведеевичи на поселян жестоких советовали: «господи, хощеши ли, речеве, да огнь снидет с небесе и потребит их, яко же и Илия сотвори». Обращжеся Исус и рече им: «не веста, коего духа еста вы; сын бо человеческий не прииде душ человеческих погубити, но спасти. И идоша во ину весь» *. А я, окаянной, сделал не так. Во хлевине своей кричал с воплем ко господу: «послушай мене, боже! послушай мене, царю небесный, свет, послушай меня! да не возвратится вспять ни един от них, и гроб им там устроиши всем, приложи им зла, господи, приложи, и погибель им наведи, да не сбудется пророчество дьявольское!» И много тово было говорено. И втайне о том же бога молил. Сказали ему, что я так молюсь, и он лишо излаял меня. Потом отпустил с войским сына своего. Ночью поехали по звездам. В то время жаль мне их: видит душа моя, что им побитым быть, а сам таки на них погибели молю. Иные, приходя, прощаются ко мне; а я им говорю: «погибнете там!» Как поехали, лошади под ними взоржали

---

[1] *После этих слов в редакции В:* Внучок ему любимой был младенец сей, крестил ево сам, так об нем кручинился гораздо (л. 35).

вдруг, и коровы тут взревели, и овцы и козы заблеяли, и собаки взвыли, и сами иноземцы, что собаки, завыли; ужас на всех напал. Еремей весть со слезами ко мне прислал: чтоб батюшко-государь помолился за меня. И мне ево стало жаль. А се друг мне тайной был и страдал за меня. Как меня кнутом отец ево бил, и стал разговаривать отцу, так со шпагою погнался за ним. А как приехали после меня на другой порог, на Падун, 40 дощеников все прошли в ворота, а ево, Афонасьев, дощеник,— снасть добрая была, и казаки все шесть сот промышляли о нем, а не могли взвести,— взяла силу вода, паче же рещи — бог наказал! Стащило всех в воду людей, а дощеник на камень бросила вода; чрез ево льется, а в нево не идет. Чюдо, как то бог безумных тех учит! Он сам на берегу, бояроня в дощенике. И Еремей стал говорить: «батюшко, за грех наказует бог! напрасно ты протопопа тово кнутом тем избил; пора покаятца, государь!» Он же рыкнул на него, яко зверь, и Еремей, к сосне отклонясь, прижав руки, стал, а сам, стоя, «господи помилуй!» говорит. Пашков же, ухватя у малова колешчатую пищаль,— никогда не лжет,— приложася на сына, курок спустил, и божиею волею осеклася пищаль. Он же, поправя порох, опять спустил, и паки осеклась пищаль. Он же и в третьи также сотворил; пищаль и в третьии осеклася же. Он ее на землю и бросил. Малой, подняв, на сторону спустил; так и выстрелила! А дощеник единаче на камени под водою лежит. Сел Пашков на стул, шпагою подперся, задумався и плакать стал, а сам говорит: «согрешил, окаянной, пролил кровь неповинну, напрасно протопопа бил; за то меня наказует бог!» Чюдно, чюдно! по писанию: «яко косен бог во гнев, а скор на послушание»; дощеник сам, покаяния ради, сплыл с камени и стал носом против воды; потянули, он и взбежал на тихое место тотчас. Тогда Пашков, призвав сына к себе, промолыл ему: «прости, барте, Еремей, правду ты говоришь!» Он же, прискоча, пад, поклонився отцу и рече: «бог тебя, государя, простит! я пред богом и пред тобою виноват!» И взяв отца под руку, и повел. Гораздо Еремей разумен и добр человек: уж у него и своя седа борода, а гораздо почитает отца

и боится его. Да по писанию и надобе так: бог любит тех детей, которые почитают отцов. Виждь, слышателю, не страдал ли нас ради Еремей, паче же ради Христа и правды его? А мне сказывал кормщик ево, Афонасьева, дощеника,— тут был,— Григорей Тельной. На первое возвратимся.

Отнеле же отошли, поехали на войну. Жаль стало Еремея мне: стал владыке докучать, чтоб ево пощадил. Ждали их с войны,— не бывали на срок. А в те поры Пашков меня и к себе не пускал. Во един от дней учредил застенок и огнь росклал — хочет меня пытать. Я ко исходу душевному и молитвы проговорил; ведаю ево стряпанье,— после огня тово мало у него живут. А сам жду по себя и, сидя, жене плачющей и детям говорю: «воля господня да будет! *Аще живем, господеви живем; аще умираем, господеви умираем»* *. А се и бегут по меня два палача. Чюдно дело господне и неизреченны судьбы владычни! Еремей ранен сам-друг дорошкою мимо избы и двора моево едет, и палачей вскликал и воротил с собою. Он же, Пашков, оставя застенок, к сыну своему пришел, яко пьяной с кручины. И Еремей, поклоняся со отцем, вся ему подробну возвещает: как войско у него побили все без остатку, и как ево увел иноземец от мунгальских людей по пустым местам, и как по каменным горам в лесу, не ядше, блудил седмь дней,— одну съел белку,— и как моим образом человек ему во сне явился и, благословя ево, указал дорогу, в которую страну ехать; он же, вскоча, обрадовался и на путь выбрел. Егда он отцу россказывает, а я пришел в то время поклонитися им. Пашков же, возвед очи свои на меня,— слово в слово что медведь морской белой, жива бы меня проглотил, да господь не выдаст! — вздохня, говорит: «так-то ты делаешь? Людей тех погубил столько!» А Еремей мне говорит: «батюшко, поди, государь, домой! молчи для Христа!» Я и пошел [1]. Десеть лет он меня мучил * или я ево — не знаю; бог разберет в день века.

---

[1] *После этих слов в рекации Б:* ничево не говоря,— Христом запечатлел уста моя Еремей! (л. 39).

[ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РУСЬ]

Перемена ему пришла, и мне грамота: велено ехать на Русь. Он поехал, а меня не взял; умышлял во уме своем: «хотя-де один и поедет, и ево-де убьют иноземцы [1]. Он в дощениках со оружием и с людьми плыл, а слышал я, едучи, от иноземцов: дрожали и боялись. А я, месяц спустя после ево, набрав старых и больных и раненых, кои там негодны, человек с десяток, да я с женою и с детьми — семнатцеть нас человек, в лотку седше, уповая на Христа и крест поставя на носу, поехали *, амо же бог наставит, ничево не бояся [2]. Книгу Кормчию дал прикащику, и он мне мужика кормщика дал. Да друга моего выкупил, Василия, которой там при Пашкове на людей ябедничал и крови проливал и моея головы искал; в ыную пору, бивше меня, на кол было посадил, да еще бог сохранил! А после Пашкова хотели ево казаки до смерти убить. И я выпрося у них Христа ради, а прикащику выкуп дав, на Русь ево вывез, от смерти к животу,— пускай ево, беднова! — либо

---

[1] *Вместо:* «хотя-де один и поедет, и ево-де убьют иноземцы» — *в редакции В:* умышлял во уме, чаял, меня без него и не вынесет бог, а се и сам я убоялся с ним плыть; на поезде говорил: «здесь-де земля не взяла, на дороге-де вода у меня приберет»; среди моря бы велел с судна пехнуть, а сказал бы, бытто сам ввалился; того ради и сам я с ним не порадел (л. 33/об.).

[2] *После этих слов в редакции В:* А во иную пору и боялись, человецы бо есмы; да где же стало детца, однако смерть! Бывало то и на Павла апостола; сам о себе свидетельствует сице: «внутрь убо страх, а вне убо боязнь»; а в ином месте: «уже бо-де не надеяхомся и живи быти, но господь избавил мя есть и избавляет» *. Так-то и наша бедность: аще не господь помогал бы, в мале вселися бы во ад душа моя. И Давид глаголет: «яко аще не бы господь в нас, внегда востати человеком на ны, убо живы пожерли быша нас» *, но господь всяко избавил мя есть и доныне избавляет; мотаюсь, яко плевел посреде пшеницы, посреде добрых людей, а инде посреде волков, яко овечка, или посреде псов, яко заяц, всяко перебиваесься о Христе Исусе; но грызутся еретики, что собаки, а без божии воли проглотити не могут; да воля господня — что бог даст, то и будет. Без смерти и мы не будем; надобно бы что доброе то сделать и с чем бы появит[ь]ся пред владыку, а то умрем всяко. Полно о сем (л. 34 — л. 34/об.).

покаятся о гресех своих. Да и другова такова же увез замотая. Сего не хотели мне выдать; а он ушел в лес от смерти и, дождався меня на пути, плачючи, кинулся мне в карбас. Ано за ним погоня! Деть стало негде. Я-су,— простите! — своровал: яко Раав блудная во Ерихоне Исуса Наввина людей, спрятал ево *, положа на дно в судне, и постелею накинул, и велел протопопице и дочери лечи на нево. Везде искали, а жены моей с места не тронули,— лишо говорят: «матушка, опочивай ты, и так ты, государыня, горя натерпелась!» — А я,— простите бога ради,— лгал в те поры и сказывал: «нет ево у меня!» — не хотя ево на смерть выдать. Поискав, да и поехали ни с чем; а я ево на Русь вывез. Старец да и раб Христов, простите же меня, что я лгал тогда. Каково вам кажется? не велико ли мое согрешение? При Рааве блуднице, она, кажется, так же сделала, да писание ея похваляет за то. И вы, бога ради, порассудите: буде грехотворно я учинил, и вы меня простите; а буде церковному преданию не противно, ино и так ладно. Вот вам и место оставил: припишите своею рукою мне, и жене моей, и дочери или прощение или епитимию, понеже мы за одно воровали — от смерти человека ухоронили, ища ево покаяния к богу. Судите же так, чтоб нас Христос не стал судить на страшном суде сего дела. Припиши же что-нибудь, старец.

<Бог да простит тя и благословит в сем веце и в будущем, и подружию твою Анастасию, и дщерь вашу, и весь дом ваш. Добро сотворили есте и праведно. Аминь.> [1]

Добро, старец, спаси бог на милостыни! Полно тово [2].

---

[1] Приписка Епифания.

[2] *В редакции Б вместо слов:* «Да друга моего выкупил... Полно тово» — Да друга своего ябедника вывес, которой моея головы там искал научением сатаны. Хотели ево после Пашкова войским убить; так я ево отпросил у них; пожаловали, отдали мне, и я ево, кормя, вывес на Русь. Не слаще и он мне, Василей, Пашкова там был; в иную пору, бьючи меня, на рожен было посадил; да бог ево простит! Надобе Евангелие помнить реченное: «любите враги ваша и благотворите» *, и прочая. Я бы и Никона отступника простил, как бы он покаялся о блудни своей ко Христу; ино лиха не та птица: залетела

Прикащик же мучки гривенок с тритцеть дал, да коровку, да овечок пять-шесть, мясцо иссуша; и тем лето питалися, пловучи. Доброй прикащик человек, дочь у меня Ксенью крестил. Еще при Пашкове родилась, да Пашков не дал мне мира и масла, так не крещена долго была,— после ево крестил. Я сам жене своей и молитву говорил и детей крестил с кумом с прикащиком, да дочь моя большая кума, а я у них поп. Тем же обрасцом и Афанасия сына крестил и, обедню служа на Мезени, причастил. И детей своих исповедывал и причащал сам же, кроме жены своея; есть о том в правилех,— велено так делать. А что запрещение то отступническое *, и то я о Христе под ноги кладу, а клятвою тою,— дурно молыть! — гузно тру. Меня благословляют московские святители Петр, и Алексей, и Иона, и Филипп *,— я по их книгам верую богу моему чистою совестию и служу; а отступников отрицаюся и клену,— враги они божии, не боюсь я их, со Христом живучи! Хотя на меня каменья накладут, я со отеческим преданием и под каменьем лежу, не токмо под шпынскою воровскою никонияанскою клятвою их. А што много говорить? Плюнуть на действо то и службу ту их, да и на книги те их новоизданныя,— так и ладно будет! Станем говорить, како угодити Христу и пречистой богородице, а про воровство их полно говорить. Простите, барте, никонияне, что избранил вас; живите, как хочете. Стану опять про свое горе говорить, как вы меня жалуете-подчиваете: 20 лет тому уж прошло; еще бы хотя столько же бог пособил помучитца от вас, ино бы и было с меня, о господе бозе и спасе нашем Исусе Христе! А затем сколько Христос даст, только и жить. Полно тово,— и так далеко забрел. На первое возвратимся.

Поехали из Даур, стало пищи скудать и с братиею бога помолили, и Христос нам дал изубря, большова зве-

---

в пустыя дебри непроходимыя, возвратитися не хощет; питается червьми и змиями и на селах рожцы ядше со свиниями, а ко отцу возвратитися не хощет и не уйдет от руки господни. Пущай его еще поиграет! Полно тово (л. 40—л. 40/об.).

ря,— тем и до Байкалова моря доплыли. У моря русских людей наехала станица соболиная, рыбу промышляет; рады, миленькие, нам, и с карбасом нас, с моря ухватя, далеко на гору несли Терентьюшко с товарищи; плачют, миленькие, глядя на нас, а мы на них. Надавали пищи сколько нам надобно: осетроф с сорок свежих перед меня привезли, а сами говорят: «вот, батюшко, на твою часть бог в запоре нам дал,— возьми себе всю!» Я, поклонясь им и рыбу благословя, опять им велел взять: «на што мне столько?» Погостя у них, и с нужду запасцу взяв, лотку починя и парус скропав, чрез море пошли. Погода окинула на море, и мы гребми перегреблись: * не больно о том месте широко,— или со сто, или с осьмдесят верст. Егда к берегу пристали, востала буря ветренная, и на берегу насилу место обрели от волн. Около ево горы высокие, утесы каменные и зело высоки,— дватцеть тысящ верст и больши волочился, а не видал таких нигде. Наверху их полатки и повалуши, врата и столпы, ограда каменная и дворы,— все богоделанно. Лук на них ростет и чеснок,— больши романовскаго * луковицы, и слаток зело. Там же ростут и конопли богорасленныя, а во дворах травы красныя и цветны и благовонны гораздо. Птиц зело много, гусей и лебедей по морю, яко снег, плавают. Рыба в нем — осетры, и таймени, стерледи, и омули, и сиги, и прочих родов много. Вода пресная, а нерпы и зайцы великия в нем: во окиане-море большом, живучи на Мезени, таких не видал. А рыбы зело густо в нем: осетры и таймени жирни гораздо,— нельзя жарить на сковороде: жир все будет. А все то у Христа тово света наделано для человеков, чтоб, упокояся, хвалу богу воздавал. *А человек, суете которой уподобится, дние его, яко сень, преходят;* * скачет, яко козел; раздувается, яко пузырь; гневается, яко рысь; съесть хощет, яко змия; ржет, зря на чюжую красоту, яко жребя; лукавует, яко бес; насыщаяся довольно, без правила спит; бога не молит; отлагает покаяние на старость и потом исчезает и не вем, камо отходит: или во свет, или во тьму,— день судный коегождо явит. Простите мя, аз согрешил паче всех человек.

Таже в русские грады приплыл и уразумел о церкви, *яко ничто ж успевает, но паче молва бывает*. Опечаляся, сидя, рассуждаю: что сотворю? проповедаю ли слово божие или скроюся где? Понеже жена и дети связали меня. И виде меня печальна, протопопица моя приступи ко мне со опрятством и рече ми: «что, господине, опечалился еси?» Аз же ей подробну известих: «жена, что сотворю? зима еретическая на дворе; говорить ли мне или молчать? — связали вы меня!» Она же мне говорит: «господи помилуй! что ты, Петрович, говоришь? Слыхала я,— ты же читал,— апостольскую речь: «привязался еси жене, не ищи разрешения; егда отрешишися, тогда не ищи жены» *. Аз тя и с детьми благословляю: дерзай проповедати слово божие по-прежнему, а о нас не тужи; дондеже бог изволит, живем вместе; а егда разлучат, тогда нас в молитвах своих не забывай; силен Христос и нас не покинут! Поди, поди в церковь, Петрович,— обличай блудню еретическую!» Я-су ей за то челом и, отрясше от себя печальную слепоту, начах по-прежнему слово божие проповедати и учити по градом и везде, еще же и ересь никониянскую со дерзновением обличал.

В Енисейске зимовал и паки, лето плывше, в Тобольске зимовал. И до Москвы едучи, по всем городам и по селам, во церквах и на торгах кричал, проповедая слово божие, и уча, и обличая безбожную лесть. Таже приехал к Москве. Три годы ехал из Даур *, а туды волокся пять лет против воды; на восток все везли, промежду иноземских орд и жилищ. Много про то говорить! Бывал и в ыноземских руках. На Оби великой реке предо мною 20 человек погубили християн, а надо мною думав, да и отпустили совсем. Паки на Иртише реке собрание их стоит: ждут березовских наших с дощеником и побить. А я, не ведаючи, и приехал к ним и, приехав, к берегу пристал: оне с луками и обскочили нас. Я-су, вышед, обниматца с ними, што с чернцами, а сам говорю: «Христос со мною, а с вами той же!» И оне до меня и добры стали и жены своя к жене моей привели. Жена моя также с ними лицемеритца, как в мире лесть совершается; и бабы удоб-

рилися. И мы то уже знаем: как бабы бывают добры, так и все о Христе бывает добро. Спрятали мужики луки и стрелы своя, торговать со мною стали,— медведен я у них накупил,— да и отпустили меня. Приехав в Тоболеск, сказываю; ино люди дивятся тому, понеже всю Сибирь башкирцы с татарами воевали тогда. А я, не разбираючи, уповая на Христа, ехал посреде их. Приехал на Верхотурье,— Иван Богданович Камынин *, друг мой, дивится же мне: «как ты, протопоп, проехал?» А я говорю: «Христос меня пронес, и пречистая богородица провела; я не боюсь никово; одново боюсь Христа».

[В МОСКВЕ И МОНАСТЫРЯХ]

Таже к Москве приехал, и, яко ангела божия, прияша мя государь и бояря,— все мне ради. К Федору Ртищеву зашел: * он сам из полатки выскочил ко мне, благословился от меня, и учали говорить много-много,— три дни и три ночи домой меня не отпустил и потом царю обо мне известил. Государь меня тотчас к руке поставить велел и слова милостивые говорил: «здорово ли-де, протопоп, живешь? еще-де видатца бог велел!» И я сопротив руку ево поцеловал и пожал, а сам говорю: «жив господь, и жива душа моя, царь-государь; а впредь что изволит бог!» Он же, миленькой, вздохнул, да и пошел, куды надобе ему. И иное кое-что было, да што много говорить? Прошло уже то! Велел меня поставить на монастырском подворье в Кремли и, в походы мимо двора моево ходя, кланялся часто со мною низенько-таки, а сам говорит: «благослови-де меня и помолися о мне!» И шапку в ыную пору, мурманку, снимаючи с головы, уронил, едучи верхом. А из кореты высунется, бывало, ко мне. Таже и все бояря после ево челом да челом: «протопоп, благослови

АВТОГРАФ «ЖИТИЯ» АВВАКУМА 1672—1673 гг.

См. стр. 84

и молися о нас!» Как-су мне царя тово и бояр тех не жалеть? Жаль, о-су! видишь, каковы были добры! Да и ныне оне не лихи до меня; дьявол лих до меня, а человеки все до меня добры. Давали мне место, где бы я захотел, и в духовники звали, чтоб я с ними соединился в вере; аз же вся сия яко уметы вменил, да Христа приобрящу, и смерть поминая, яко вся сия мимо идет.

А се мне в Тобольске в тонце сне страшно возвещено (блюдися, от меня да не полма растесан будеши). Я вскочил и пал пред иконою во ужасе велице, а сам говорю: «господи, не стану ходить, где по-новому поют, боже мой!» Был я у завтрени в соборной церкви на царевнины имянины,— шаловал с ними в церкве той при воеводах; да с приезду смотрил у них просвиромисания дважды или трожды, в олтаре у жертвеника стоя, а сам им ругался; а как привык ходить, так и ругатца не стал,— что жалом, духом антихристовым и ужалило было. Так меня Христос-свет попужал и рече ми: «по толиком страдании погибнуть хощешь? блюдися, да не полма рассеку тя!» Я и к обедне не пошел и обедать ко князю пришел и вся подробну им возвестил. Боярин, миленькой, князь Иван Андреевич Хилков, плакать стал. И мне, окаянному, много столько божия благодеяния забыть? *[1]

Егда в Даурах я был, на рыбной промысл к детям по льду зимою по озеру бежал на базлуках; там снегу не живет, морозы велики живут, и льды толсты намерзают,—

---

[1] *Этот абзац в редакции В читается так:* А се мне в Тобольске в тонце сне страшно возвещено было. Ходил в церковь большую и смотрил в олтаре у них действа, как просвиры вынимают: что тараканы, просвиру исщиплют. И я им говорил от писания и ругался их безделью. А егда привык ходить, так и говорить перестал,— что жалом ужалило: молчать было захотел. В царевнины имянины, от заутрени пришед, взвалился. Так мне сказано: «аль-де и ты по толиких бедах и напастех соединяесься с ними? блюдися, да не полма растесан будешь!» Я вскочил во ужасе велице и пал пред иконою, говорю: «господи, не стану ходить, где по-новому поют!» Да и не пошел к обедни к той церкве. Ко иным ходил церквам, где православное пение, и народы учил, обличая их злобесовное и прелестное мудрование (л. 36/об.— л. 37).

блиско человека толщины; пить мне захотелось и, гараздо от жажды томим, итти не могу; среди озера стало: воды добыть нельзя, озеро верст с восьмь; стал, на небо взирая, говорить: «господи, источивый из камени в пустыни людям воду, жаждущему Израилю, тогда и днесь ты еси! напой меня, ими же веси судьбами, владыко, боже мой!» Ох, горе! не знаю, как молыть; простите, господа ради! Кто есмь аз? умерый пес! — Затрещал лед предо мною и расступился, чрез все озеро сюду и сюду и паки снидеся: гора великая льду стала, и, дондеже уряжение бысть, аз стах на обычном месте * и, на восток зря, поклонихся дважды или трижды, призывая имя господне краткими глаголы из глубины сердца. Оставил мне бог пролубку маленьку, и я, падше, насытился. И плачю и радуюся, благодаря бога. Потом и пролубка содвинулася, и я, востав, поклоняся господеви, паки побежал по льду куды мне надобе, к детям. Да и в прочии времена в волоките моей так часто у меня бывало. Идучи, или нарту волоку, или рыбу промышляю, или в лесе дрова секу, или ино что творю, а сам и правило в те поры говорю, вечерню, и завтреню, или часы — што прилучится. А буде в людях бывает неизворотно, и станем на стану, а не по мне таварищи, правила моево не любят, а идучи мне нельзя было исполнить, и я, отступя людей под гору или в лес, коротенько сделаю — побьюся головою о землю, а иное и заплачется, да так и обедаю. А буде жо по мне люди, и я, на сошке складеньки поставя, правильца поговорю; иные со мною молятся, а иные кашку варят. А в санях едучи, в воскресныя дни на подворьях всю церковную службу пою, а в рядовыя дни, в санях едучи, пою; а бывало, и в воскресныя дни, едучи, пою. Егда гораздо неизворотно, и я хотя немношко, а таки поворочю. Яко же тело алчуще желает ясти и жаждуще желает пити, так и душа, отче мой Епифаний, брашна духовнаго желает; не глад хлеба, ни жажда воды погубляет человека; но глад велий человеку — бога не моля, жити.

Бывало, отче, в Даурской земле,— аще не поскучите послушать с рабом тем Христовым, аз, грешный, и то воз-

вещу вам,— от немощи и от глада великаго изнемог в правиле своем, всего мало стало, только павечернишные псалмы, да полунощницу, да час первой, а больши тово ничево не стало; так, что скотинка, волочюсь; о правиле том тужу, а принять ево не могу; а се уже и ослабел. И некогда ходил в лес по дрова, а без меня жена моя и дети, сидя на земле у огня, дочь с матерью — обе плачют. Огрофена, бедная моя горемыка, еще тогда была невелика. Я пришел из лесу — зело робенок рыдает; связавшуся языку ево, ничево не промолыть, мичит к матери, сидя; мать, на нея глядя, плачет. И я отдохнул и с молитвою приступил к робяти, рекл: «о имени господни повелеваю ти: говори со мною! о чем плачешь?» Она же, вскоча и поклоняся, ясно заговорила: «не знаю, кто, батюшко-государь, во мне сидя, светленек, за язык-от меня держал и с матушкою не дал говорить; я тово для плакала, а мне он говорит: «скажи отцу, чтобы он правило по-прежнему правил, так на Русь опять все выедете; а буде правила не станет править, о нем же он сам помышляет, то здесь все умрете, и он с вами же умрет». Да и иное кое-что ей сказано в те поры было: как указ по нас будет и сколько друзей первых на Руси заедем *,— все так и сбылося. И велено мне Пашкову говорить, чтоб и он вечерни и завтрени пел, так бог ведро даст, и хлеб родится, а то были дожди беспрестанно; ячменцу было сеено небольшое место за день или за два до Петрова дни,— тотчас вырос, да и сгнил было от дождев. Я ему про вечерни и завтрени сказал, и он и стал так делать; бог ведро дал, и хлеб тотчас поспел. Чюдотаки! Сеен поздо, а поспел рано. Да и паки бедной коварничать стал о божием деле. На другой год насеел было и много, да дождь необычен излияся, и вода из реки выступила и потопила ниву, да и все розмыло, и жилища наши розмыла. А до тово николи тут вода не бывала, и иноземцы дивятся. Виждь: как поруга дело божие и пошел страною, так и бог к нему странным гневом! Стал смеятца первому тому извещению напоследок: робенок-де есть хотел, так плакал! А я-су с тех мест за правило свое схва-

тался, да и по ся мест тянусь помаленьку. Полно о том беседовать, на первое возвратимся. Нам надобе вся сия помнить и не забывать, всякое божие дело не класть в небрежение и просто и не менять на прелесть сего суетнаго века.

Паки реку московское бытие. Видят оне, что я не соединяюся с ними, приказал государь уговаривать меня Родиону Стрешневу, чтоб я молчал *. И я потешил ево: царь то есть от бога учинен, а се добренек до меня,— чаял, либо помаленьку исправится. А се посулили мне Симеонова дни сесть на Печатном дворе книги править *, и я рад сильно,— мне то надобно лутче и духовничества. Пожаловал, ко мне прислал десеть рублев денег, царица десеть рублев же денег, Лукьян духовник * десеть рублев же, Родион Стрешнев десеть рублев же, а дружище наше старое Феодор Ртищев, тот и шесть десят рублев казначею своему велел в шапку мне сунуть; а про иных нечева и сказывать: всяк тащит да несет всячиною! У света моей, у Федосьи Прокопьевны Морозовы, не выходя жил во дворе, понеже дочь мне духовная, и сестра ее, княгиня Евдокея Прокопьевна, дочь же моя. Светы мои, мученицы Христовы! И у Анны Петровны Милославские покойницы всегда же в дому был *. А к Федору Ртищеву бранитца со отступниками ходил. Да так-то с полгода жил, да вижу, яко церковное *ничто же успевает, но паче молва бывает,*— паки заворчал, написав царю многонько-таки, чтоб он старое благочестие взыскал и мати нашу общую — святую церковь, от ересей оборонил и на престол бы патриаршеский пастыря православнова учинил вместо волка и отступника Никона, злодея и еретика *. И егда письмо изготовил, занемоглось мне гораздо, и я выслал царю на переезд с сыном своим духовным с Феодором юродивым, что после отступники удавили его, Феодора, на Мезени, повеся на висилицу *. Он же с письмом приступил к цареве корете со дерзновением, и царь велел ево посадить и с письмом под красное крыльцо,— не ведал, что мое; а опосле, взявше у него письмо, велел ево отпустить. И он, покойник, по-

бывав у меня, паки в церковь пред царя пришед, учал юродством шаловать, царь же, осердясь, велел в Чюдов монастырь отслать[1]. Там Павел архимарит * и железа на него наложил, и божиею волею железа рассыпалися на ногах пред лю[дь]ми. Он же, покойник-свет, в хлебне той после хлебов в жаркую печь влез и голым гузном сел на полу и, крошки в печи побираючи, ест. Так чернцы ужаснулися и архимариту сказали, что ныне Павел митрополит. Он же и царю возвестил, и царь, пришед в монастырь, честно ево велел отпустить. Он же паки ко мне пришел. И с тех мест царь на меня кручиноват стал: не любо стало, как опять я стал говорить; любо им, как молчю, да мне так не сошлось. А власти, яко козлы, пырскать стали на меня и умыслили паки сослать меня с Москвы, понеже раби Христовы многие приходили ко мне и, уразумевше истинну, не стали к прелесной их службе ходить *. И мне от царя выговор был: «власти-де на тебя жалуются, церкви-де ты запустошил, поедь-де в ссылку опять». Сказывал боярин Петр Михайлович Салтыков *. Да и повезли на Мезень *. Надавали было кое-чево во имя Христово люди добрые много, да все и осталося тут; токмо с женою и детьми * и с домочадцы повезли. А я по городам паки людей божиих учил, а их, пестрообразных зверей, обличал. И привезли на Мезень.

Полтара года держав, паки одново к Москве взяли *, да два сына со мною,— Иван да Прокопей,— съехали же, а протопопица и прочии на Мезени осталися все. И привезше к Москве, отвезли под начал в Пафнутьев монастырь. И туды присылка была,— тож да тож говорят: «долго ли

---

[1] *После этих слов в редакции В:* Я пред царем стою, поклонясь, на него гляжу, ничего не говорю; а царь, мне поклонясь, на меня, стоя, глядит, ничего ж не говорит, да так и розошлись; с тех мест и дружбы только: он на меня за письмо кручинен стал, а я осердился же за то, что Феодора моего под начало послал; да и комнатные на меня ж: «ты не слушаешь царя», да и власти на меня ж: «ты нас оглашаешь царю, и в письме своем бранишь, и людей учишь ко церквам к пению нашему не ходить». Да и опять стали думать в ссылку меня послать (л. 38/об.).

тебе мучить нас? соединись с нами, Аввакумушко!» Я отрицаюся, что от бесов, а оне лезут в глаза! Сказку им тут с бранью с большою написал* и послал с дьяконом ярославским, с Козьмою, и с подьячим двора патриарша. Козьма та не знаю коего духа человек: въяве уговаривает *, а втай подкрепляет меня, сице говоря: «протопоп! не отступай ты старова тово благочестия; велик ты будешь у Христа человек, как до конца претерпишь; не гляди на нас, что погибаем мы!» И я ему говорил сопротив, чтоб он паки приступил ко Христу. И он говорит: «нельзя; Никон опутал меня!» Просто молыть, отрекся пред Никоном Христа, так же уже, бедной, не сможет встать. Я, заплакав, благословил ево, горюна; больши тово нечева мне делать с ним; ведает то бог, что будет ему.

Таже, держав десеть недель в Пафнутьеве на чепи, взяли меня паки в Москву [1] и в крестовой, стазався власти со мною *, ввели меня в соборной храм и стригли по переносе меня и дьякона Феодора *, потом и проклинали; а я их проклинал сопротив; зело было мятежно в обедню ту тут!

И, подержав на патриархове дворе, повезли нас ночью на Угрешу к Николе в монастырь *.. И бороду враги божии отрезали у меня. Чему быть? волки то есть, не жалеют овцы! оборвали, что собаки, один хохол оставили, что у поляка, на лбу [2]. Везли не дорогою в монастырь — болотами да грязью, чтоб люди не сведали. Сами видят, что дуруют, а отстать от дурна не хотят: омрачил дьявол,— что на них

---

[1] *После этих слов в редакции В:* свезли томнова человека, посадя на старую лошадь; пристав созади — побивай, да побивай; иное вверх ногами лошадь в грязи упадет, а я через голову; и днем одным перемчали девяносто верст, еле жив дотащился до Москвы (л. 39/об.).

[2] *Вместо этой фразы в редакции Б:* Дети, чему быть? волки то есть. Коли волк овцы жалеет? Оне бы и мясо то мое съели. Да еще то, кажется, царь-ет вдруг не выдаст. А какое царь? Бог до времени снабдевает. Как будет время, так вдруг проглотят. Да буди же воля господня (л. 46—46/об.).

и пенять! Не им было, а быть же было иным; * писанное время пришло по Евангелию: «нужда соблазнам прийти» *. А другой глаголет евангелист: «невозможно соблазнам не прийти, но горе тому, им же приходит соблазн» *. Виждь, слышателю: необходимая наша беда, невозможно миновать! Сего ради соблазны попущает бог, да же избрани будут, да же разжегутся, да же убелятся, да же искуснии явленни будут в вас. Выпросил у бога светлую Росию сатона, да же очервленит ю кровию мученическою. Добро ты, дьявол, вздумал, и нам то любо — Христа ради, нашего света, пострадать!

Держали меня у Николы в студеной полатке семнатцеть недель *. Тут мне божие присещение бысть; чти в цареве послании, тамо обрящеши *. И царь приходил в монастырь; около темницы моея походил и, постонав, опять пошел из монастыря. Кажется потому, и жаль ему меня, да уш то воля божия так лежит. Как стригли, в то время велико нестроение вверху у них бысть с царицею, с покойницею: она за нас стояла в то время, миленькая; напоследок и от казни отпросила меня *. О том много говорить. Бог их простит! Я своево мучения на них не спрашиваю, ни в будущий век. Молитися мне подобает о них, о живых и о преставльшихся. Диявол между нами рассечение положил, а оне всегда добры до меня. Полно тово! И Воротынской бедной князь Иван тут же без царя молитца приезжал; * а ко мне просился в темницу; ино не пустили горюна; я лишо, в окошко глядя, поплакал на него. Миленькой мой! боится бога, сиротинка Христова; не покинет ево Христос! Всегда-таки он Христов да наш человек. И все бояре те до нас добры, один дьявол лих. Что-петь сделаешь, коли Христос попустил! Князь Ивана миленькова Хованскова и батожьем били *, как Исаию сожгли *. А бояроню ту Федосью Морозову и совсем разорили, и сына у нея уморили, и ея мучат;* и сестру ея Евдокию, бивше батогами, и от детей отлучили и с мужем розвели, а ево, князь Петра Урусова, на другой-де женили. Да что-петь делать? Пускай их, миленьких, мучат: небеснаго жениха

достигнут. Всяко то бог их перепровадит век сей суетный, и присвоит к себе жених небесный в чертог свой, праведное солнце, свет, упование наше![1] Паки на первое возвратимся[2].

Посем свезли меня паки в монастырь Пафнутьев и там, заперши в темную полатку, скована держали год без

---

[1] *Вместо последней фразы в редакции Б:* Красные и светлые боярони в русской земли явились; не токмо славы, но и плоти своей и деток не пощадели, да Христа приобрящут. Пускай Христос своих собирает к себе! Умер же бы Иванушко всяко, а то мученик Христов Морозовых бояр. Исповедал ево-света в темнице, на Москве бывше, и причастил тела Христова, яко непорочнаго агнца. Добро. Полно тово. Любо мне, что за Христа умирают, я их тому и учил. Что по них и тужить? Слава богу о всем (л. 48 — 48/об.).

[2] *Вместо двух последних абзацев в редакции В:* и, продержав на патриархове дворе, вывели меня ночью к спальному крыльцу; * голова досмотрил и послал в тайнишные водяные ворота; а чаял, в реку посадят, ано от тайных дел шиш антихристов стоит, Дементей Башмаков *, дожидается меня, учал мне говорить: «протопоп, велел тебе государь сказать — не бойся ты никово, надейся на меня!» И я ему, поклонясь, а сам говорю: «челом,— реку,— бью на ево жалованье; какая он надежа мне? надежа моя Христос!» Да и повели меня по мосту за реку; я, идучи, говорю: «не надейтеся на князя, на сыны человеческия, в них же несть спасения» *, и прочая.

Таже полуголова Осип Салов со стрельцами повез меня к Николе на Угрешу в монастырь; посмотрю, ано предо мною и дьякона тащат, везли болотами, а не дорогою, до монастыря, и привезше, в полатку студеную над ледником посадили, и прочих — дьякона и попа Никиту суздальского — в полатках во иных посадили, и стрельцов человек с дватцеть с полуголовою стояли. Я сидел семнатцеть недель, а оне, бедные, изнемогли и повинились, сидя пятнатцеть недель; так их в Москву взяли опять *, а меня паки в Пафнутьев перевезли и там в полатке, сковав, держали близко с год. А как на Угреше был, тамо и царь приходил и, посмотря около полатки, вздыхая, а ко мне не вошел; и дорогу было приготовили, насыпали песку, да подумал, подумал, да и не вошел; полуголову взял и с ним, кое-што говоря про меня, да и поехал домой. Кажется, и жаль ему меня, да видит, богу уж то надобно так. Опосле и Воротынской князь Иван в монастырь приезжал и просился ко мне, так не смели пустить; денег, бедной, громаду в листу подавал, и денег не приняли. После, в другое лето, на Пафнутьеве подворье в Москве я скован сидел, так он ехал в корете нароком мимо меня, и благословил я ево, миленькова. И все бояра те добры до меня, да диявол лих. Хованскова князь Ивана и батогами за благочестие били вверху, а дочь ту мою духовную, Федосью Морозову, и совсем разо-

мала *. Тут келарь Никодим сперва добр до меня был [1]. А се бедной большо тово же табаку испил, что у газскаго митрополита выняли напоследок 60 пудов, да домру, да иные тайные монастырские вещи, что поигравше творят *. Согрешил, простите; не мое то дело: то ведает он; своему владыке стоит или падает. К слову молылось. То у них были любимые законоучителие. У сего келаря Никодима попросился я на велик день * для празника отдохнуть, чтоб велел, дверей отворя, на пороге посидеть; и он, меня наругав, и отказал жестоко, как ему захотелось; и потом, в келию пришед, разболелся: маслом соборовали и причащали, и тогда-сегда дохнет. То было в понедельник светлой. И в нощи против вторника прииде к нему муж во образе моем, с кадилом, в ризах светлых, и покадил ево и, за руку взяв, воздвигнул, и бысть здрав. И притече ко мне с келейником ночью в темницу,— идучи говорит: «блаженна обитель,— таковыя имеет темницы! блаженна темница — таковых в себе имеет страдальцов! блаженны и юзы!» И пал предо мною, ухватился за чепь, говорит: «прости, господа ради, прости, согрешил пред богом и пред тобою; оскорбил тебя,— и за сие наказал мя бог». И я говорю: «как наказал? повеждь ми». И он паки: «а ты-де сам, приходя и покадя, меня пожаловал и поднял,— что-де запи-

---

рили, и сына ея Ивана Глебовича, уморили, и сестру ея, княгиню Евдокею Прокопьевну, дочь же мою духовную, с мужем и с детьми, бивше, развели и ныне мучат всех; не велят веровать в старова сына божия спаса Христа, но к новому богу, антихристу, зовут. Послушай их, кому охота жупела и огня, соединись с ними в преисподний ад! Полно тово.

В Никольском же монастыре мне было в полатке в Вознесеньев в день божие присещение; в цареве послании писано о том — тамо обрящеши (л. 39/об.— 41).

[1] *После этих слов в редакции В:* в первом году, а в другой привоз ожесточал, горюн, задушил было меня, завалял и окошка и дверь, и дыму негде было итти,— тошнее мне было земляныя тюрьмы: где сижу и ем, тут и ветхая вся срание-сцание; прокурить откутают, да и опять задушат. Доброй человек, дворянин друг, Иваном зовут, Богданович Камынин, вкладчик в монастыре, и ко мне зашел, да на келаря покричал, и лубье и все без указу разломал, так мне с тех мест окошко стало и отдух (л. 41—41/об.).

раесься!» А келейник, тут же стоя, говорит: «я, батюшко государь, тебя под руку вывел из кельи, да и поклонился тебе, ты и пошел сюды». И я ему заказал, чтоб людям не сказывал о тайне сей. Он же со мною спрашивался, как ему жить впредь по Христе, «или-де мне велишь покинуть все и в пустыню пойти?» Аз же его понаказав, и не велел ему келарства покидать, токмо бы, хотя втай, держал старое предание отеческое. Он же, поклоняся, отиде к себе и на утро за трапезою всей братье сказал. Людие же бесстрашно и дерзновенно ко мне побрели, просяще благословения и молитвы от меня; а я их учю от писания и пользую словом божиим; в те времена и врази кои были, и те примирилися тут. Увы! коли оставлю суетный сей век? Писано: «горе, ему же рекут добре вси человецы» *. Воистинну не знаю, как до краю доживать: добрых дел нет, а прославил бог! То ведает он,— воля ево.

Тут же приезжал ко мне втай с детьми моими Феодор покойник, удавленой мой *, и спрашивался со мною: «как-де прикажешь мне ходить — в рубашке ли по-старому или в платье облещись? — еретики-де ищут и погубить меня хотят. Был-де я на Резани под началом, у архиепископа на дворе, и зело-де он, Иларион, мучил меня,— реткой день коли плетьми не бьет и скована в железах держал, принуждая к новому антихристову таинству *. И я-де уже изнемог, в нощи моляся и плача говорю: господи! аще не избавишь мя, осквернят меня, и погибну. Что тогда мне сотворишь? — И много плачючи говорил.— А се-де вдруг, батюшко, железа все грянули с меня, и дверь отперлась, и отворилася сама. Я-де богу поклонясь, да и пошел; к воротам пришел — и ворота отворены! Я-де по большой дороге, к Москве напрямик! Егда-де россветало,— ано погоня на лошедях! Трое человек мимо меня пробежали — не увидели меня. Я-де надеюся на Христа, бреду-таки впредь. Помале-де оне едут навстречю ко мне, лают меня: ушел-де, блядин сын,— где-де ево возьмешь! Да и опять-де проехали, не видали меня. И я-де ныне к тебе спроситца прибрел: туды ль-де мне опять мучитца пойти или, платье вздев, жить на Москве?» — И я ему, грешной, велел вздеть

платье[1]. А однако не ухоронил от еретических рук, удавили на Мезени, повеся на висилицу. Вечная ему память и с Лукою Лаврентьевичем! Детушки миленькие мои, пострадали за Христа! Слава богу о них! Зело у Федора тово крепок подвиг был: в день юродствует, а нощь всю на молитве со слезами. Много добрых людей знаю, а не видал подвижника такова! Пожил у меня с полгода на Москве,— а мне еще не моглося,— в задней комнатке двое нас с ним, и, много, час-другой полежит да и встанет; 1000 поклонов отбросает, да сядет на полу и иное, стоя, часа с три плачет, а я таки лежу — иное сплю, а иное неможется; егда уж наплачется гораздо, тогда ко мне приступит: «долго ли тебе, протопоп, лежать тово, образумься,— веть ты поп! как сорома нет?» И мне неможется, так меня подымает, говоря: «встань, миленькой батюшко,— ну, таки встащися как-нибудь!» Да и роскачает меня. Сидя мне велит молитвы говорить, а он за меня поклоны кладет. То-то друг мой сердечной был! Скорбен, миленькой, был с перетуги великия: черев из него вышло в одну пору три аршина, а в другую пору пять аршин[2]. Неможет, а кишки перемеряет. И смех с ним и горе! На Устюге пять лет беспрестанно мерз на морозе бос, бродя в одной рубашке: я сам ему самовидец. Тут мне учинился сын духовной, как я из Сибири ехал. У церкви в полатке,— прибегал молитвы ради,— сказывал: «как-де от мороза тово в тепле том станешь, батюшко, отходить, зело-де тяшко в те поры бывает»,— по кирпичью тому ногами теми стукает, что коченьем, а на утро и опять не болят. Псалтырь у него тогда была новых печатей в келье,— маленько еще знал о новизнах; и я ему россказал подробну про новыя книги; он же, схватав книгу, тотчас и в печь кинул, да и проклял всю новизну. Зело у него во Христа горяча была вера! Да что много говорить? — как начал, так и скончал! Не на баснях проходил подвиг, не

---

[1] *Вместо этой фразы в редакции В:* Я, подумав, велел ему платье носить и посреде людей таяся жить (л. 43).

[2] *После этих слов в редакции В:* от тяготы зимныя и от побой (л. 43/об.).

как я, окаянной; того ради и скончался боголепне[1]. Хорош был и Афонасьюшко * миленькой, сын же мне духовной, во иноцех Авраамий, что отступники на Москве в огне испекли, и яко хлеб сладок принесеся святей троице[2]. До иночества бродил босиком же в одной рубашке и зиму и лето; только сей Феодора посмирнее и в подвиге малехнее покороче. Плакать зело же был охотник: и ходит и плачет. А с кем молыт, и у него слово тихо и гладко, яко плачет. Феодор же ревнив гораздо был и зело о деле божии болезнен; всяко тщится разорити и обличати неправду. Да пускай их! Как жили, так и скончались о Христе Исусе, господе нашем.

---

[1] *Вместо:* Псалтырь у него тогда была... и скончался боголепне.— *в редакции В:* Отец у него в Новегороде богат гораздо, сказывал мне, мытоимец-де, Феодором же зовут, а он уроженец мезеньской, и баба у него, и дядя, и вся родня на Мезени. Бог изволил, и удавили его на виселице отступники у родни на Мезени. «А уродствовать тово как обещался богу, да солгал, так морем ездил на ладье к городу с Мезени, и погодою било нас, и не ведаю, как упал в море, а ногами зацепился за петлю и долго висел, голова в воде, а ноги вверху, и на ум взбрело обещание: яко не солгу, аще от потопления мя бог избавит, и не вем, кто силен — выпехнул меня из воды на полубы; с тех мест стал странствовать». Домой приехав, житие свое девством прошел, бог изволил. Многие борьбы блудныя бывали, да всяко сохранил владыко: слава богу о нем, и умер за христианскую веру! Добро, он уже скончал свой подвиг; как-то еще мы до пристанища доедем? Во глубине еще пловем, берегу не видеть, грести надобе прилежно, чтоб здорово за дружиною в пристанище достигнути. Старец, не станем много спать: дьявол около темниц наших бодро зело ходит, хочется ему нас гораздо, да силен Христос и нас не покинуть. Я дьявола не боюсь, боюсь господа своего, творца и содетеля и владыки; а дьявол — какая диковина? чево ево боятца! Боятца подобает бога и заповеди его соблюдать, так и мы со Христом ладно до пристанища доедем (л. 43/об.— 44/об.).

[2] *После этих слов в редакции В:* Павел Крутицкой за бороду ево драл и по щокам бил своими руками, а он истиха писанием обличал их отступление; таже и плетьми били и, муча всяко, кончали во огне за старую нашу христианскую веру; он же скончался о Христе Исусе, после Феодорова удавления два года спустя. И Лука Лаврентьевич сын же мне был духовной, что на Мезени вместе с Феодором удавили те же отступники, на висилице повеся; смирен нрав имел покойник: говорил, яко плакал, москвитянин родом, у матери вдовы сын был единочаден, сапожник чином, молод леты — годов в полтретьятцеть, да ум столетен; егда вопроси его Пилат: «как ты, мужик, кресстисься?» — он же отвеща:

Еще вам побеседую о своей волоките. Как привезли меня из монастыря Пафнутьева к Москве, и поставили на подворье, и, волоча многажды в Чюдов[1], поставили перед вселенских патриархов *, и наши все тут же, что лисы, сидели,— от писания с патриархами говорил много; бог отверз грешные мое уста, и посрамил их Христос! Последнее слово ко мне рекли: «что-де ты упрям? вся-де наша палестина,— и серби, и албанасы, и волохи, и римляне, и ляхи,— все-де трема персты крестятся, один-де ты стоишь во своем упорстве и крестисься пятью персты! — так-де не подобает!» * И я им о Христе отвещал сице: «вселенстии учитилие! Рим давно упал и лежит невсклонно, и ляхи с ним же погибли, до конца враги быша християном. А и у вас православие пестро стало от насилия турскаго Магмета,— да и дивить на вас нельзя: немощни есте стали. И впредь приезжайте к нам учитца: у нас, божиею благодатию, самодержство. До Никона отступника в нашей Росии у благочестивых князей и царей все было православие чисто и непорочно и церковь немятежна *. Никон волк со дьяволом предали трема персты креститца; а первые наши пастыри яко же сами пятью персты крестились, такоже пятью персты и благословляли по преданию святых отец наших Мелетия антиохийскаго и Федорита Блаженнаго, епископа киринейскаго, Петра Дамаскина и Максима Грека *. Еще же и московский поместный бывый собор при царе Иване так же слагая персты креститися и благословляти повелевает, яко ж прежнии святии отцы Мелетий и прочии научиша *. Тогда при царе Иване быша на соборе знаменосцы Гурий и Варсонофий, казанские чудо-

---

«как батюшко мой, протопоп Аввакум, так и я крещуся». И, много говоря, предаде его в темницу; потом с Москвы указали удавить, так же, что и Феодора, на висилице повеся; он же и скончался о Христе Исусе. Милые мои, сердечные други, помогайте и нам, бедным, молитвами своими, даже бы и нам о Христе подвиг сей мирно скончати. Полно мне про детей тех говорить, стану про себя сказывать (л. 44/об.— 45).

[1] *После этих слов в редакции В:* грызлися что собаки со мною власти (л. 45).

творцы и Филипп, соловецкий игумен, от святых русских»*. И патриарси задумалися; а наши, что волчонки, вскоча, завыли и блевать стали на отцев своих, говоря: «глупы-де были и не смыслили наши русские святыя, не учоные-де люди были,— чему им верить? Они-де грамоте не умели!» О, боже святый! како претерпе святых своих толикая досаждения? Мне, бедному, горько, а делать нечева стало. Побранил их, побранил их, колько мог, и последнее слово рекл: «чист есмь аз, и прах прилепший от ног своих отрясаю пред вами, по писанному: «лутче един творяй волю божию, нежели тьмы беззаконных!» * Так на меня и пущи закричали: «возьми, возьми его! — всех нас обесчестил!» Да толкать и бить меня стали; и патриархи сами на меня бросились, человек их с сорок, чаю, было *,— велико антихристово войско собралося! Ухватил меня Иван Уаров * да потащил. И я закричал: «постой,— не бейте!» Так оне все отскочили. И я толмачю-архимариту * говорить стал: «говори патриархам: апостол Павел пишет: «таков нам подобаше архиерей — преподобен, незлобив» *, и прочая; а вы, убивше человека, как литоргисать станете?» Так оне сели. И я отшел ко дверям да набок повалился: «посидите вы, а я полежу», говорю им. Так оне смеются: «дурак-де протопоп-от! и патриархов не почитает!» И я говорю: *мы уроди Христа ради; вы славни, мы же бесчестни; вы сильни, мы же немощни!* * Потом паки ко мне пришли власти и про аллилуйя стали говорить со мною. И мне Христос подал — посрамил в них римскую ту блядь Дионисием Ареопагитом, как выше сего в начале реченно. И Евфимей, чюдовской келарь, молыл: «прав-де ты,— нечева-де нам больши тово говорить с тобою». Да и повели меня на чепь.

Потом полуголову царь прислал со стрельцами, и повезли меня на Воробьевы горы; * тут же священника Лазоря и инока Епифания старца; * острижены и обруганы, что мужички деревенские, миленькие! Умному человеку поглядеть, да лише заплакать, на них глядя. Да пускай их терпят! Что о них тужить? Христос и лутче их был, да тож ему, свету нашему, было от прадедов их, от Анны и Ка-

иафы; * а на нынешних и дивить нечева: с обрасца делают! Потужить надобно о них, о бедных. Увы, бедные никонияня! погибаете от своего злаго и непокориваго нрава!

Потом с Воробьевых гор перевели нас на Андреевское подворье, таже в Савину слободку. Что за разбойниками, стрельцов войско за нами ходит и срать провожают; помянется,— и смех и горе,— как то омрачил дьявол! Таж к Николе на Угрешу; тут государь присылал ко мне голову Юрья Лутохина благословения ради, и кое о чем много говорили [1].

Таже опять ввезли в Москву нас на Никольское подворье и взяли у нас о правоверии еще сказки. Потом ко мне комнатные люди многажды присыланы были, Артемон и Дементей, и говорили мне царевым глаголом: «протопоп, ведаю-де я твое чистое и непорочное и богоподражательное житие, прошу-де твоево благословения и с цари-

---

[1] *Вместо последних двух абзацев в редакции В:* Потом полуголову царь прислал со стрельцами, и повезли меня на Воробьевы горы; тут же священника Лазаря и старца Епифания, обруганы и острижены, как и я был прежде. Поставили нас по розным дворам; неотступно 20 человек стрельцов, да полуголова, да сотник над нами стояли,— берегли, жаловали, и по ночам с огнем сидели, и на двор срать провожали. Помилуй их, Христос! прямые добрые стрельцы те люди, и дети таковы не будут, мучатся туды же, с нами возяся; нужица та какова прилучится, и оне всяко, миленькие, радеют. Да што много рассуждать? У спаса они лутче чернцов тех, которые клабуки те рогатые ставцами теми носят *. Полно. Оне, горюны, испивают допьяна да матерны бранятся, а то бы оне и с мучениками равны были; да што же делать? и так их не покинет бог!

Таже нас перевезли на Ондреевское подворье. Тут приезжал ко мне шпынять от тайных дел Дементей Башмаков; бытто без царева ведома был, а опосле, бывше у меня, сказал: по цареву велению был. Всяко бедные умышляют, как бы им меня прельстить, да бог не выдаст за молитв пречистые богородицы: она меня помощница, обороняет от них.

А на Воробьевых горах дьяк конюшей Тимофей Марков от царя присылан и у всех был. Много кое-чево говоря, с криком разошлись и со стыром большим. Я после ево написал послание и с сотником Иваном Лобковым к царю послал; * кое о чем многонько поговоря, и благословение ему и царице и детям приписал.

Потом, держав на Воробьевых горах, и на Ондреевском подворье, и в Савине слободке, к Николе на Угрешу перевезли; тут голову Юрья Лутохина ко мне опять царь присылал и за послание «спаси бог» с поклоном большое сказал, и, благословения себе и царице и детям прося, молитце о себе приказал (л. 46/об.— 48).

цею и с чады,— помолися о нас!» Кланяючись, посланник говорит. И я по нем всегда плачю; жаль мне сильно ево. И паки он же: «пожалуй-де послушай меня: соединись со вселенскими теми хотя небольшим чем!» И я говорю: «аще и умрети ми бог изволит, с отступниками не соединяюся! Ты,— реку,— мой царь; а им до тебя какое дело? Своево,— реку,— царя потеряли, да и тебя проглотить сюды приволоклися! Я,— реку,— не сведу рук с высоты небесныя, дондеже бог тебя отдаст мне». И много тех присылок было. Кое о чем говорено. Последнее слово рек: «где-де ты ни будешь, не забывай нас в молитвах своих!» * Я и ноне, грешной, елико могу, о нем бога молю [1].

[ПУСТОЗЕРСКАЯ ССЫЛКА]

Таже, братию казня, а меня не казня, сослали * в Пустозерье [2]. И я из Пустозерья послал к царю два послания: первое невелико, а другое больши. Кое о чем говорил. Сказал ему в послании и богознамения некая, по-

---

[1] *После этих слов в редакции В:* аще и мучит мя, но царь бо то есть; бывало время, и впрямь добр до нас бывал. До Никона злодея, прежде мору, к Казанской пришед, у руки мы были, яйцами нас делил, и сын мой Иван маленек еще был и не прилучился подле меня, а он, государь, знает гораздо ево, послал брата моего роднова сыскивать робенка, а сам долго, стоя, ждал, докамест брат на улице робенка сыскал; руку ему дает целовать, и робенок глуп, не смыслит, видит, что не поп, так не хочет целовать; и государь сам руку губам робенку принес, два яйца ему дал и погладил по голове. Ино-су и сие нам надобе не забывать, не от царя нам мука сия, но, грех ради наших, от бога дьяволу попущено озлобити нас, да же, искусяся ныне, вечнаго искушения уйдем. Слава богу о всем (л. 48/об.).

[2] *Вместо этого предложения в редакции В:* Таже братию, Лазаря и старца, казня, вырезав языки, а меня и Никифора протопопа не казня, сослали нас в Пустозерье; а двоих сынов моих, Ивана и Прокопья,

казанная мне в темницах; тамо чтый да разумеет *. Еще же от меня и от братьи дьяконово снискание послано в Москву, правоверным гостинца, книга «Ответ православных» и обличение на отступническую блудню. Писано в ней правда о догматех церковных *. Еще же и от Лазаря священника посланы два послания царю и патриарху *. И за вся сия присланы к нам гостинцы: повесили на Мезени в дому моем двух человеков, детей моих духовных, — прежденареченнаго Феодора юродиваго да Луку Лаврентьевича, рабов Христовых. Лука та московской жилец, у матери-вдовы сын был единочаден, усмарь чином, юноша лет в полтретьятцеть; приехал на Мезень по смерть с детьми моими. И егда бысть в дому моем всегубительство, вопросил его Пилат: * «как ты, мужик, крестисься?» Он же отвеща смиренномудро: «я так верую и крещуся, слагая персты, как отец мой духовной, протопоп Аввакум». Пилат же повеле его в темницу затворити, потом, положа петлю на шею, на релех повесил. Он же от земных на небесная взыде. Больши тово что ему могут сделать? Аще и млад, да по-старому сделал: пошел себе ко владыке. Хотя бы и старой так догадался! В те жо поры и сынов моих родных двоих, Ивана и Прокопья, велено ж повесить; да оне, бедные, оплошали и не догадались венцов победных ухватити: испужався смерти, повинились [1]. Так их и с матерью троих в землю живых закопали. Вот вам и без смерти смерть! Кайтеся, сидя, дондеже дьявол иное что умыслит. Страшна смерть: недивно! Некогда и друг ближний Петр отречеся *и, исшед вон, плакася горько* * и слез ради прощен бысть *. А на ро-

---

оставили на Москве за поруками; и оне, бедные, мучились годы с три, уклоняяся от смерти властелинскова навета: где день, где ночь, никто держать не смеет, и кое-как на Мезень к матери прибрели; * не пожили и с год, ано и в землю попали. Да пускай! лутче пустые бродни, чем по улицам бродить. Я беспрестанно бога о том молю: «господи, аще хотим, аще и не хотим, спаси нас!» И господь и промышляет о нашем спасении помаленьку; пускай потерпим тако, а то пригодится не в кую пору; тогда слюбится, как время будет (л. 48/об.— 49).

[1] *После этих слов в редакции В:* Виноваты пред богом и пред великим государем — а не сведомо, что своровали (л. 49/об.).

бят и дивить нечева: моего ради согрешения попущено им изнеможение. Да уж добро; быть тому так! Силен Христос всех нас спасти и помиловати [1].

Посем той же полуголова * Иван Елагин был и у нас в Пустозерье, приехав с Мезени, и взял у нас скаску. Сице реченно: год и месяц, и паки: «мы святых отец церковное предание держим неизменно, а палестинскаго патриарха Паисея с товарыщи еретическое соборище проклинаем». И иное там говорено многонько, и Никону, завотчику ересям, досталось небольшое место. Посем привели нас к плахе и, прочет наказ, меня отвели, не казня, в темницу. Чли в наказе: Аввакума посадить в землю в струбе и давать ему воды и хлеба. И я сопротив тово плюнул и умереть хотел, не едши, и не ел дней с восьмь и больши, да братья паки есть велели [2].

Посем Лазаря священника взяли и язык весь вырезали из горла; мало попошло крови, да и перестала. Он же и паки говорит без языка. Таже, положа правую руку на плаху, по запястье отсекли, и рука отсеченная, на земле

---

[1] *Вместо:* Вот вам и без смерти смерть... спасти и помиловати,— *в редакции В:* Да по правилам так оне сделали, спаси бог: того ради, робята, не бойтеся смерти, держите старое благочестие крепко и неползновенно! А мать за то сидит с ними, чтоб впредь детей подкрепляла Христа ради умирати, и жила бы, не розвешав уши; а то баба, бывало, нищих кормит, сторонных научает, как слагать персты и креститца и творить молитва, а детей своих и забыла подкрепить, чтоб на виселицу пошли и с доброю дружиною * умерли заодно Христа ради. Ну, да бог вас простит: не дивно, что так сделали,— и Петр апостол некогда убоялся смерти и Христа отрекся и о сем плакася горько; таже помилован и прощен бысть. А и о вас некогда молящу ми ся тощно, и видев вашу пред собой темницу и вас троих на молитве стоящих в вашей темнице, а от вас три столпа огненны к небесем стоят простерты; а с тех мест обрадовался и, лехче мне стало, яко покаяние ваше принял бог; слава о сем богу (л. 49/об.— 50).

[2] *Вместо:* и, прочет наказ... есть велели.— *в редакции В:* и прочитали наказ: «изволил-де государь, и бояра приговорили тебя, Аввакума, вместо смертные казни учинить струб в землю и, сделав окошко, давать хлеб и воду, а прочим товарищам резать без милости языки и сечь руки». И я, плюнув на землю, говорил: «я,— реку,— плюю на ево кормлю; не едше, умру, а не предам благоверия». И потом повели меня в темницу, и не ел дней с десяток, да братья велели (л. 50 — 50/об.).

лежа, сложила сама персты по преданию и долго лежала так пред народы; исповедала, бедная, и по смерти знамение спасителево неизменно. Мне-су и самому сие чюдно: бездушная одушевленных обличает! Я на третей день у него во рте рукою моею щупал и гладил: гладко все,— без языка, а не болит. Дал бог, во временне часе исцелело. На Москве у него резали: тогда осталось языка, а ныне весь без остатку резан; а говорил два годы чисто, яко и с языком. Егда исполнилися два годы, иное чюдо: в три дни у него язык вырос совершенной, лишь маленько тупенек, и паки говорит, беспрестанно хваля бога и отступников порицая[1].

Посем взяли соловецкаго пустынника, инока-схимника Епифания старца, и язык вырезали весь же; у руки отсекли четыре перста. И сперва говорил гугниво. Посем молил пречистую богоматерь, и показаны ему оба языки, московской и здешней, на воздухе; он же, един взяв, положил в рот свой, и с тех мест стал говорить чисто и ясно, а язык совершен обретеся во рте. Дивны дела господня и неизреченны судьбы владычни! — и казнить попускает, и паки целит и милует! Да что много говорить? Бог — старой чюдотворец, от небытия в бытие приводит. Во се петь в день последний всю плоть человечю во мгновении ока воскресит. Да кто о том рассудити может? Бог бо то есть: новое творит и старое поновляет. Слава ему о всем!

Посем взяли дьякона Феодора; язык вырезали весь же, оставили кусочик небольшой во рте, в горле накось резан;[2] тогда на той мере и зажил, а после и опять со старой

---

[1] *Вместо:* Дал бог... и отступников порицая.— *в редакции В:* А говорит, яко и прежде, играет надо мною: «щупай, протопоп, забей руку в горло-то, небось не откушу!» И смех с ним и горе! Я говорю: «чево щупать? на улице язык бросили!» Он же сопротив: «собаки они, вражьи дети! пускай мои едят языки». Первой у него лехче и у старца на Москве резаны были, а ныне жестоко гораздо. А по двух годах и опять иной язык вырос, чюдно, с первой же величиною, лишь маленько тупенек (л. 50/об.— 51).

[2] *После этих слов в редакции В:* не милость показуя, но руки не послужили; от дрожи и трепета нож из рук вывалился; (л. 53).

вырос и за губы выходит, притуп маленько. У нево же отсекли руку поперег ладони. И все, дал бог, стало здорово,— и говорит ясно против прежнева и чисто.

Таже осыпали нас землею: струб в земле, и паки около земли другой струб, и паки около всех общая ограда за четырьми замками; *стражие же пре[д] дверьми стрежаху темницы**. Мы же, здесь и везде сидящии в темницах, поем пред владыкою Христом, сыном божиим, песни песням, их же Соломан воспе, зря на матерь Вирсавию: се еси добра, прекрасная моя! се еси добра, любимая моя! очи твои горят, яко пламень огня; зубы твои белы паче млека; зрак лица твоего паче солнечных луч, и вся в красоте сияешь, яко день в силе своей * (Хвала о церкви).

Таже Пилат, поехав от нас, на Мезени достроя, возвратился в Москву. И прочих наших на Москве жарили да пекли: Исаию сожгли, и после Авраамия сожгли, и иных поборников церковных многое множество погублено, их же число бог изочтет. Чюдо, как то в познание не хотят приити: огнем, да кнутом, да висилицею хотят веру утвердить! Которые-то апостоли научили так? — не знаю. Мой Христос не приказал нашим апостолом так учить, еже бы огнем, да кнутом, да висилицею в веру приводить. Но господем реченно ко апостолам сице: «шедше в мир весь, проповедите Евангелие всей твари. Иже веру имет и крестится, спасен будет, а иже не имет веры, осужден будет» *. Смотри, слышателю, волею зовет Христос, а не приказал апостолом непокоряющихся огнем жечь и на висилицах вешать. Татарской бог Магмет написал во своих книгах сице: «непокараящихся нашему преданию и закону повелеваем главы их мечем подклонити». А наш Христос ученикам своим никогда так не повелел. И те учители явны яко шиши антихристовы, которые, приводя в веру, губят и смерти предают; по вере своей и дела творят таковы же. Писано во Евангелии: «не может древо добро плод зол творити, ниже древо зло плод добр творити»: * от плода бо всяко древо познано бывает. Да што много говорить? аще бы не были борцы, не бы даны быша венцы. Кому охота венчатца, не по што ходить в Персиду, а то дома Вавилон.

Ну-тко, правоверне, нарцы имя Христово, стань среди Москвы, прекрестися знамением спасителя нашего Христа, пятью персты, яко же прияхом от святых отец: вот тебе царство небесное дома родилось! Бог благословит: мучься за сложение перст, не рассуждай много! А я с тобою за сие о Христе умрети готов. Аще я и не смыслен гораздо, неука человек, да то знаю, что вся в церкви, от святых отец преданная, свята и непорочна суть. Держу до смерти, яко же приях; не прелагаю предел вечных, до нас положено: лежи оно так во веки веком! Не блуди, еретик, не токмо над жертвою Христовою и над крестом, но и пелены не шевели. А то удумали со дьяволом книги перепечатать, вся переменить — крест на церкви и на просвирах переменить *, внутрь олтаря молитвы иерейские откинули, ектеньи переменили, в крещении явно духу лукавому молитца велят,— я бы им и с ним в глаза наплевал,— и около купели против солнца лукаво-ет их водит, такоже и, церкви святя, против солнца же и, брак венчав; против солнца же водят *,— явно противно творят,— а в крещении и не отрицаются сатоны. Чему быть? — дети ево: коли отца своево отрицатися захотят! Да что много говорить? Ох, правоверной душе! — вся горняя долу быша. Как говорил Никон, адов пес, так и сделал: «печатай, Арсен *, книги как-нибудь, лишь бы не по-старому!» — так-су и сделал. Да больши тово нечем переменить. Умереть за сие всякому подобает. Будьте оне прокляты, окаянные, со всем лукавым замыслом своим, а стражущим от них вечная память трижды!

Посем у всякаго правовернаго прощения прошу: иное было, кажется, про житие то мне и не надобно говорить; да прочтох Деяния апостольская и Послания Павлова,— апостоли о себе возвещали же, егда что бог соделает в них: не нам, богу нашему слава. А я ничто ж есмь. Рекох, и паки реку: аз есмь человек грешник, блудник и хищник, тать и убийца, друг мытарем и грешникам и всякому человеку лицемерец окаянной. Простите же и молитеся о мне, а я о вас должен, чтущих и послушающих. Больши тово жить не

умею; а что сделаю я, то людям и сказываю; пускай богу молятся о мне! В день века вси жо там познают соделанная мною — или благая или злая. Но аще и не учен словом, но не разумом; не учен диалектики и риторики и философии, а разум Христов в себе имам, яко ж и апостол глаголет: «аще и невежда словом, но не разумом» *.

[ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ РАССКАЗЫ]

Простите,— еще вам про невежество свое побеседую. Ей, сглупал, отца своего заповедь преступил, и сего ради дом мой наказан бысть; вни[май] бога ради, како бысть. Егда еще я попом бысть, духовник царев, протопоп Стефан Вонифантьевич, благословил меня образом Филиппа митрополита да книгою святаго Ефрема Сирина *, себя пользовать, прочитая, и люди. Аз же, окаянный, презрев отеческое благословение и приказ, ту книгу брату двоюродному, по докуке ево, на лошедь променял. У меня же в дому был брат мой родной, именем Евфимей, зело грамоте горазд и о церкве велико прилежание имел; напоследок взят был к большой царевне вверх во псаломщики, а в мор и с женою скончался. Сей Евфимей лошедь сию поил и кормил и гораздо об ней прилежал, презирая правило многажды. И виде бог неправду в нас с братом, яко, неправо по истинне ходим,— я книгу променял, отцову заповедь преступил, а брат, правило презирая, о скотине прилежал,— изволил нас владыко сице наказать: лошедь ту по ночам и в день стали беси мучить,— всегда мокра, заезжена, и еле жива стала. Аз же недоумеюся, коея ради вины бес так озлобляет нас. И в день недельный после ужина, в келейном правиле, на полунощнице, брат мой Евфимей говорил кафизму непорочную и завопил высоким гласом: «призри на мя и помилуй мя!» * — и, испустя книгу

из рук, ударился о землю, от бесов поражен бысть,— начат кричать и вопить гласы неудобными, понеже беси ево жестоко начаша мучить. В дому же моем иные родные два брата — Козьма и Герасим, больши ево, а не смогли удержать ево, Евфимия; и всех домашних человек тритцеть, držа ево, рыдают и плачют, вопиюще ко владыке: «господи помилуй, согрешили пред тобою, прогневали твою благостыню, прости нас, грешных, помилуй юношу сего, за молитв святых отец наших!» А он пущи бесится, кричит, и дрожит, и бьется. Аз же, помощию божиею, в то время не смутихся от голки тоя бесовския. Кончавше правило, паки начах молитися Христу и богородице со слезами, глаголя: «владычице моя, пресвятая богородица! покажи, за которое мое согрешение таковое ми бысть наказание, да, уразумев, каяся пре[д] сыном твоим и пред тобою, впредь тово не стану делать!» И, плачючи, послал во церковь по потребник и по святую воду сына своего духовнаго Симеона — юноша таков же, что и Евфимей, лет в четырнатцеть, дружно меж себя живуще Симеон со Евфимием, книгами и правилом друг друга подкрепляюще и веселящеся, живуще оба в подвиге крепко, в посте и молитве. Той же Симеон, плакав по друге своем, сходил во церковь и принес книгу и святую воду. Аз же начах действовать над обуреваемым молитвы Великаго Василия с Симеоном: он мне строил кадило и свещи и воду святую подносил, а прочии держали беснующагося. И егда в молитве речь дошла: «аз ти о имени господни повелеваю, душе немый и глухий, изыди от создания сего и к тому не вниди в него, но иди на пустое место, идеже человек не живет, но токмо бог призирает» *,— бес же не слушает, не идет из брата. И я паки ту же речь в другоряд, и бес еще не слушает, пущи мучит брата. Ох, горе мне! Как молыть? — и сором, и не смею; но по старцову Епифаниеву повелению говорю; сице было: взял кадило, покадил образы и беснова и потом ударился о лавку, рыдав на много час. Восставше, ту же Василиеву речь закричал к бесу: «изыди от создания сего!» Бес же скорчил в кольцо брата и, пружався, изыде и сел на окошко; брат же быв яко

мертв. Аз же покропил ево водою святою; он же, очхняся, перстом мне на беса, седящаго на окошке, показует, а сам не говорит, связавшуся языку его. Аз же покропил водою окошко, и бес сошел в жерновный угол. Брат же и там ево указует. Аз же и там покропил водою, бес же оттоля пошел на печь. Брат же и там указует. Аз же и там тою же водою. Брат же указал под печь, а сам прекрестился. И аз не пошел за бесом, но напоил святою водою брата во имя господне. Он же, воздохня из глубины сердца, сице ко мне проглагола: «спаси бог тебя, батюшко, что ты меня отнял у царевича и двух князей бесовских! Будет тебе бить челом брат мой Аввакум за твою доброту. Да и мальчику тому спаси бог, которой в церковь по книгу и воду ту ходил, пособлял тебе с ними битца. Подобием он что и Симеон же, друг мой. Подле реки Сундовика * меня водили и били, а сами говорят: «нам-де ты отдан за то, что брат твой Аввакум на лошедь променял книгу, а ты-де ея любишь; так-де мне надобе брату поговорить, чтоб книгу ту назад взял, а за нея бы дал деньги двоюродному брату». И я ему говорю: «я,— реку,— свет, брат твой Аввакум». И он мне отвещал: «какой ты мне брат? Ты мне батько; отнял ты меня у царевича и у князей; а брат мой на Лопатищах живет,— будет тебе бить челом». Аз же паки ему дал святыя воды; он же и судно у меня отнимает и съесть хочет,— сладка ему бысть вода! Изошла вода, и я пополоскал и давать стал; он и не стал пить. Ночь всю зимнюю с ним простряпал, маленько я с ним полежал и пошел во церковь заутреню петь; и без меня беси паки на него напали, но лехче прежнева. Аз же, пришед от церкви, маслом ево посвятил, и паки бесы отидоша, и ум цел стал; но дряхл бысть, от бесов изломан: на печь поглядывает и оттоля боится; егда куды отлучюся, а беси и наветовать ему станут. Бился я с бесами, что собаками, недели с три за грех мой, дондеже взял книгу и деньги за нея дал. И ездил к другу своему Илариону игумну: он просвиру вынял за брата; тогда добро жил,— что ныне архиепископ резанской, мучитель стал христианской *. И иным духовным я бил челом о брате, и умолили бога о нас, грешных, и сво-

божден от бесов бысть брат мой. Таково то зло заповеди преступление отеческой! Что же будет за преступление заповеди господня? Ох, да только огонь да мука! Не знаю, дни коротать как! Слабоумием объят и лицемерием и лжею покрыт есмь, братоненавидением и самолюбием одеян, во осуждении всех человек погибаю, и мняся нечто быти, а кал и гной есмь, окаянной — прямое говно! отвсюду воняю — душею и телом. Хорошо мне жить с собаками да со свиниями в конурах: так же и оне воняют, что и моя душа, злосмрадною вонею. Да свиньи и псы по естеству, а я от грехов воняю, яко пес мертвой, повержен на улице града. Спаси бог властей тех, что землею меня закрыли: себе уж хотя воняю, злая дела творяще, да иных не соблажняю. Ей, добро так...

Да и в темницу ту ко мне бешаной зашел, Кирилушко, московской стрелец, караульщик мой. Остриг ево аз, и вымыл, и платье переменил,— зело вшей было много. Замкнуты мы с ним двое жили, а третей с нами Христос и пречистая богородица. Он, миленькой, бывало серет и сцыт под себя, а я ево очищаю. Есть и пить просит, а без благословения взять не смеет. У правила стоять не захочет,— дьявол сон ему наводит, и я постегаю чотками, так и молитву творить станет и кланяется, за мною стоя. И егда правило скончаю, он и паки бесноватися станет. При мне беснуется и шалует, а егда ко старцу пойду посидеть в ево темницу, а ево положу на лавке, не велю ему вставать и благословлю его и, докамест у старца сижу, лежит, не встанет, богом привязан,— лежа беснуется. А в головах у него образы и книги, хлеб и квас и прочая, а ничево без меня не тронет. Как прийду, так встанет, и дьявол, мне досаждая, блудить заставливает. Я закричю, так и сядет. Егда стряпаю, в то время есть просит и украсть тщится до времени обеда; а егда пред обедом «Отче наш» проговорю и благословлю, так тово брашна и не ест, просит неблагословеннова. И я ему силою в рот напехаю, и он и плачет и глотает. И как рыбою покормлю, тогда бес в нем вздивиячится, а сам из него говорит: «ты же-де меня ослабил!» * И я, плакався пред владыкою, опять постом стягну

и окрочю ево Христом. Таже маслом ево освятил, и отрадило ему от беса. Жил со мною с месяц и больши. Перед смертию образумился. Я исповедал ево и причастил, он же и преставился, миленькой, скоро. И я, гроб купя и саван, велел погребсти у церкви; попам сорокоуст дал. Лежал у меня мертвой сутки, и я ночью, востав, помоля бога, благословя ево, мертвова, и с ним поцеловався, опять подле его спать лягу. Таварищ мой миленькой был! Слава богу о сем! Ныне он, а завтра я так же умру...

Да у меня ж был на Москве бешаной,— Филипом звали,— как я из Сибири выехал. В ызбе в углу прикован был к стене, понеже в нем бес был суров и жесток гораздо, бился и дрался, и не могли с ним домочадцы ладить. Егда ж аз, грешный, со крестом и с водою прийду, повинен бывает и, яко мертв, падает пред крестом Христовым и ничево не смеет надо мною делать. И молитвами святых отец сила божия отгнала от него беса, не токмо ум еще несовершен был. Феодор был над ним юродивой приставлен, что на Мезени веры ради Христовы отступники удавили,— Псалтырь над Филиппом говорил и учил ево Исусовой молитве *. А я сам во дни отлучашеся от дому, токмо в нощи действовал над Филиппом. По некоем времени пришел я от Феодора Ртищева зело печален, понеже в дому у него с еретиками шумел много о вере и о законе; а в моем дому в то время учинилося нестройство: протопопица моя со вдовою домочадицею Фетиньею меж собою побранились,— дьявол ссорил ни за што. И я, пришед, бил их обеих и оскорбил гораздо, от печали [1] согрешил пред богом и пред ними. Таже бес вздивиял в Филиппе, и начал чепь ломать, бесясь, и кричать неудобно. На всех домашних нападе ужас, и зело голка бысть велика. Аз же без исправления приступил к нему, хотя ево укротити; но не бысть попрежнему. Ухватил меня и учал бить и драть и всяко меня, яко паучину, терзает, а сам говорит: «попал ты мне в руки!» Я токмо молитву говорю, да без дел не пользует

---

[1] *После этих слов в редакции В:* да и всегда такой я окаянной сердит, дратца лихой. Горе мне за сие! (л. 57/об.).

и молитва. Домашние не могут отнять, а я и сам ему отдался. Вижу, что согрешил: пускай меня бьет. Но,— чюден господь! — бьет, а ничто не болит. Потом бросил меня от себя, а сам говорит: «не боюсь я тебя!» Так мне в то поры горько стало. Бес, реку, надо мною волю взял. Полежал маленько, с совестию собрался. Воставше, жену свою сыскал и пред нею стал прощатца со слезами, а сам ей, в землю кланяясь, говорю: «согрешил, Настасья Марковна,— прости мя, грешнаго!» Она мне также кланяется. Посем и с Фетиниею тем же образом простился. Таже лег среди горницы и велел всякому человеку бить себя плетью по пяти ударов по окаянной спине: человек было с дватцеть,— и жена, и дети, все, плачючи, стегали. А я говорю: «аще кто бить меня не станет, да не имать со мною части во царствии небеснем!» * И оне нехотя бьют и плачют; а я ко всякому удару по молитве. Егда ж все отбили, и я, воставше, сотворил пред ними прощение. Бес же, видев неминучюю, опять вышел вон из Филиппа. И я крестом ево благословил, и он по-старому хорош стал. И потом исцелел божиею благодатиею о Христе Исусе, господе нашем, ему ж слава [1].

А егда я был в Сибири,— туды еще ехал,— и жил в Тобольске, привели ко мне бешанова, Феодором звали. Жесток же был бес в нем. Соблудил в велик день с женою своею, наругая празник,— жена ево сказывала,— да и взбесился. И я, в дому своем держа месяца с два, стужал об нем божеству, в церковь водил и маслом освятил, и помиловал бог: здрав бысть, и ум исцеле. И стал со мною на крылосе петь в литоргию; во время переноса и досадил мне *. Аз в то время, побив его на крылосе, и в притворе, велел пономарю приковать к стене. И он, вышатав пробой, пущи и первова взбесясь, в обедню ушел на двор к большому воеводе и, сундуки разломав, платье княинино на себя вздел, а их розгонял. Князь же, осердясь, многими

---

[1] В рукописи следующий рассказ отделен пропуском строки.

людьми в тюрьму ево оттащили; он же в тюрьме юзников бедных всех перебил и печь разломал. Князь же велел ево в деревню к жене и детям сослать. Он же, бродя в деревнях, великие пакости творил. Всяк бегает от него. А мне не дадут воеводы, осердясь. Я по нем пред владыкою плакал всегда. Посем пришла грамота с Москвы,— велено меня сослать из Тобольска на Лену, великую реку. И егда в Петров день собрался в дощеник, пришел ко мне Феодор целоумен, на дощенике при народе кланяется на ноги мои, а сам говорит: «спаси бог, батюшко, за милость твою, что помиловал мя. По пустыни-де я бежал третьева дни, а ты-де мне явился и благословил меня крестом, и беси-де прочь отбежали от меня, и я пришел к тебе поклонитца и паки прошу благословения от тебя». Аз же, на него глядя, поплакал и возрадовался о величии божии, понеже о всех нас печется и промышляет господь: ево исцелил, а меня возвеселил! И поуча ево, благословя, отпустил к жене ево и детям в дом. А сам поплыл в ссылку, моля о нем Христа, сына божия-света, да сохранит его и впредь от неприязни. А назад я едучи, спрашивал про него, и мне сказали: «преставился-де, после тебя годы с три живучи христиански с женою и детьми». Ино и добро. Слава богу о сем!

Простите меня, старец с рабом тем Христовым: вы мя понудисте сие говорить. А однако уж розвякался,— еще вам повесть скажу. Как в попах еще был, там же, где брата беси мучили, была у меня в дому <моем>[1] вдова молодая,— давно уж, и имя ей забыл, помнится, Офимьею звали,— ходит и стряпает, и все хорошо делает. Как станем в вечер начинать правило, так ея бес ударит о землю, омертвеет вся, яко камень станет, и не дышит, кажется,— ростянет ея среди горницы, и руки и ноги,— лежит яко мертва. И я, «О всепетую»* проговоря, кадилом покажу, потом крест положу ей на голову и молитвы Василиевы в то время говорю: так голова под крестом и свободна станет, баба и заговорит; а руки и ноги и тело еще мертво и каменно. И я по руке поглажу крестом, так и рука сво-

[1] Слово вписано рукой Епифания.

бодна станет; я — и по другой, и другая так же освободится; я — и по животу, так баба и сядет. Ноги еще каменны. Не смею туды крестом гладить,— думаю, думаю,— и ноги поглажу: баба и вся свободна станет. Вставше, богу помолясь, да и мне челом. Прокуда-таки — ни бес, ни што был в ней, много времени так в ней играл. Маслом ея освятил, так вовсе отшел прочь: исцелела, дал бог. А иное два Василия у меня бешаные бывали прикованы,— странно и говорить про них: кал свой ели.

А еще сказать ли тебе, старец, повесть? Блазновато, кажется,— да было так. В Тобольске была у меня девица, Анною звали, дочь мне духовная, гораздо о правиле прилежала о церковном и о келейном и вся мира сего красоту вознебрегла. Позавиде диявол добродетели ея, наведе ей печаль о первом хозяине своем Елизаре, у него же взросла, привезена из полону из кумыков. Чистотою девство соблюла, и, егда исполнилася плодов благих, дьявол окрал; захотела от меня отити и за первова хозяина замуж пойти, и плакать стала всегда. Господь же пустил на нея беса, смиряя ея, понеже и меня не стала слушать ни в чем и о поклонех не стала радеть. Егда станем правило говорить, она на месте станет, прижав руки, да так и простоит. Виде бог противление ея, послал беса на нея: в правиле стоящу ей, да и взбесится. И мне, бедному, жаль: крестом благословлю и водою покроплю, так и отступит от нея бес. И многажды так бысть. Она же единаче в безумии своем и непокорстве пребывает. Благохитрый же бог инако ея наказал: задремала в правило, да и повалилась на лавке спать, и три дни и три ночи не пробудяся спала. А лишо ея по времяном кажу, спящую: тогда-сегда дохнет. Чаю, умрет. И в четвертый день очхнулась; села, да плачет; есть ей дают — не ест. Егда я правило канонное скончав и домочадцов, благословя, роспустил, паки начах во тьме без огня поклоны класть; она же с молитвою втай приступила ко мне и пала на ноги мои; и я, от нея отшед, сел за столом. И она, приступя паки к столу и плачючи, говорит: «послушай, государь, велено тебе сказать». Я стал слушать у нея. «Егда-де я в правило задремала и повалилась, при-

ступили ко мне два ангела и взяли меня и вели меня тесным путем. И на левой стране слышала плач, и рыдание, и гласы умиленны. Потом-де меня привели во светлое место, зело гораздо красно, и показали-де многие красные жилища и полаты; и всех-де краше полата, неизреченною красотою сияет паче всех и велика гораздо. Ввели-де меня в нея; ано-де стоят столы, и на них послано бело, и блюда с брашнами стоят. По конец-де стола древо кудряво повевает и красотами разными украшено; в древе-де том птичьи гласы слышала я, а топерва-де не могу про них сказать, каковы умильны и хороши! И подержав-де меня, паки из полаты повели, а сами говорят: знаешь ли, чья полата сия? И аз-де отвещала: не знаю, пустите меня в нея. Оне же отвещали: отца твоего, протопопа Аввакума, полата сия. Слушай ево и живи так, как он тебе наказывает персты слагать, и креститца, и кланятца, богу молясь, и во всем не протився ему, так и ты будешь с ним здесь. А буде не станешь слушать, так будешь в давешнем месте, где плакание то слышала. Скажи жо отцу своему. Мы не беси водили тебя; смотри: у нас папарты; беси-де не имеют тово. И я-де, батюшко, смотрила,— бело у ушей тех их». Да и поклонилася мне, прощения прося. Потом паки исправилася во всем. Егда меня сослали из Тобольска, и я оставил ея у сына духовнаго тут. Хотела пострищися, а дьявол опять сделал по-своему: пошла за Елизара замуж и деток прижила. И по осьми летех услышала, что я еду назад, отпросилася у мужа и постриглася. А как замужем была, по временам бог наказывал,— бес мучил ея. Егда ж аз в Тоболеск приехал, за месяц до меня постриглася и принесла ко мне два детища и, положа предо мною робятишок, плакала и рыдала, кающеся, бесстыдно порицая себя. Аз же, пред человеки смиряя ея, многажды на нея кричал; она же прощается в преступлении своем, каяся пред всеми. И егда гораздо ея утрудил, тогда совершенно простил. В обеднюю за мною в церковь вошла. И нападе на нея бес во время переноса,— учала кричать и вопить, собакою лаять, и козою блекотать, и кокушкою коковать. Аз же сжалихся об ней: покиня херуви[м]скую петь, взяв-

ше от престола крест и, на крылос взошед закричал: «запрещаю ти именем господним; полно, бес, мучить ея! Бог простит ея в сий век и в будущий!» Бес же изыде из нея. Она же притече ко мне и пала предо мною за ню же вину. Аз же крестом ея благословя, и с тех мест простил, и бысть здрава душею и телом. Со мною и на Русь выехала. И как меня стригли, в том году страдала с детьми моими от Павла митрополита на патриархове дворе веры ради и правости закона. Довольно волочили и мучили ея. Имя ея во иноцех Агафья.

Ко мне же, отче, в дом принашивали матери деток своих маленьких, скорбию одержимы[х] грыжною; и мои детки егда скорбели во младенчестве грыжною болезнию, и я маслом священным, с молитвою презвитерскою, помажу вся чювства и, на руку масла положа, младенцу спину вытру и шулнятка, и божиею благодатию грыжная болезнь и минуется во младенце. И аще у коего отрыгнет скорбь, и я так же сотворю, и бог совершенно исцеляет по своему человеколюбию.

А егда еще я был попом, с первых времен, как к подвигу касатися стал, бес меня пуживал сице. Изнемогла у меня жена гораздо, и приехал к ней отец духовной; аз же из двора пошел по книгу в церковь нощи глубоко, по чему исповедать ея. И егда на паперть пришел, столик до тово стоял, а егда аз пришел, бесовским действом скачет столик на месте своем. И я, не устрашась, помолясь пред образом, осенил рукою столик и, пришед, поставил ево, и перестал играть. И егда в трапезу вошел, тут иная бесовская игра: мертвец на лавке в трапезе во гробу стоял, и бесовским действом верхняя роскрылася доска, и саван шевелитца стал, устрашая меня. Аз же, богу помолясь, осенил рукою мертвеца, и бысть по-прежнему все. Егда ж в олтарь вошел, ано ризы и стихари летают с места на место, устрашая меня. Аз же, помоляся и поцеловав престол, рукою ризы благословил и пощупал, приступая, а оне по-старому висят. Потом, книгу взяв, из церкви пошел. Таково-то ухищрение бесовское к нам! Да полно тово говорить. Чево крестная сила и священное масло над бешаными и боль-

ными не творит благодатию божиею! Да нам надобе помнить сие: не нас ради, ни нам, но имени своему славу господь дает. А я, грязь, что могу сделать, аще не Христос? Плакать мне подобает о себе. Июда чюдотворец был, да сребролюбия ради ко дьяволу попал. И сам дьявол на небе был, да высокоумия ради свержен бысть. Адам был в раю, да сластолюбия ради изгнан бысть и пять тысящ пятьсот лет во аде был осужден *. Посем разумея всяк, мняйся стояти, да блюдется, да ся не падет. Держись за Христовы ноги и богородице молись и всем святым, так будет хорошо... [1]

---

[1] *В редакции В последнего абзаца нет.* Вместо него следует рассказ о борьбе Аввакума с бесами («О жертве никонианской») и статья «О причастии», после чего читаем:

Еще тебе скажу, старец, повесть. Как я был в Даурах с Пашковым с Афонасьем на озере Иргене, гладны гораздо, а рыбы никто добыть не может, а инова и ничево нет; от глада исчезаем. Помоляся бога, взяв две сети, в протоке перекидал, наутро пришел, ано мне бог дал шесть язей да две щуки: ино во всех людях дивно, потому никто ничево не может добыть. На другие сутки рыб с десять мне бог дал. Тут же сведав Пашков и исполняся зависти, сбил меня с тово места и свои ловушки на том месте велел поставить, а мне на смех и ругаясь, указал место на броду, где коровы и козы бродят. Человеку воды по лодышку,— какая рыба? и лягушек нет! Тут мне зело было горько, а се, подумав, рече: «владыко человеколюбче, не вода дает рыбу,— ты вся промыслом своим, спасе наш, строишь на пользу нашу. Дай мне рыбки той на безводном том месте, посрами дурака тово, прослави имя твое святое, да не рекут невернии, где есть бог их». И помоляся, взяв сети, в воде с детьми бродя, положили сети. Дети, на меня, бедные, кручиняся, говорят: «батюшко, к чему гноить сети-те? Видишь ли, и воды нету, какой быть рыбе?» Аз же, не послушав их совету, на Христа уповая, сделал так, как захотелось. И наутро посылаю детей к сетям. Оне же отвещали: «батюшко государь, пошто итти? какая в сетях рыба? благослови нас, и мы по дрова лутче сбродим». Меня же дух подвизает, чаю в сетях рыбу. Огорчась на большова сына Ивана, послал ево одново по дрова, а с меньшим потащился к сетям сам. Гораздо о том Христу докучаю. Егда пришли, ино и чюдно и радостно обрели: полны сети напехал бог рыбы, свившися клубом, и лежат с рыбою о середке. И сын мой Прокопей закричал: «батюшко государь, рыба, рыба!» И аз ему отвещал: «постой, чадо, не тако подобает, но прежде поклонимся господу богу и тогда пойдем в воду». И, помолясь, вытащили на берег рыбу, хвалу воссылая Христу богу, и, паки построя сети на том же месте, рыбу

Ну, старец, моево вяканья много веть слышал. О имени господни повелеваю ти, напиши и ты рабу тому Христову *, как богородица беса тово в руках тех мяла и тебе отдала, и как муравьи те тебя ели за тайно-ет уд, и как бес-от дрова те сожег, и как келья та обгорела, а в ней цело все, и как ты кричал на небо то, да иное, что вспомнишь во славу Христу и богородице. Слушай же, что говорю: не станешь писать, я петь осержусь. Любил слушать у меня, чево соромитца,— скажи хотя немношко! Апостоли Павел и Варнава на соборе сказывали же во Еросалиме пред всеми, *елика сотвори бог знамения и чю-*

насилу домой оттащили. Наутро пришли опять, столько же рыбы, на третей день паки столько же рыбы; и слезно и чюдно то было время, а на прежнем нашем месте ничево Пашкову не дает бог рыбы. Он же, исполняяся зависти, паки послал ночью и велел сети мои в клочки изорвати. Что петь с дураком делаешь! Мы, собрав рваные сети, починя втай, на ином месте промышляя рыбу, кормились, от нево таяся, и сделали ез. Бог же и там стал рыбы давать, а дьявол ево научил и ез велел втай раскопать. Мы, терпя Христа ради, опять починили, и много тово было. Богу нашему слава ныне и присно и во веки веком.

Терпение убогих не погибнет до конца.

Слушай-ко, старец: еще ходил я на Шакшу * озеро к детям по рыбу,— от двора верст с пятнатцеть, там с людьми промышляли,— в то время как лед треснул и меня напоил бог, и у детей накладше рыбы нарту большую, и домой потащил маленьким детям после Рождества Христова и, егда буду насреди дороги, изнемог, таща по земле рыбы, понеже снегу там не бывает, токмо морозы велики; ни огня, ничево нет, ночь постигла, выбился из силы, вспотел, и ноги не служат. Верст с восьмь до двора: рыба покинуть и так побрести — ино лисицы разъедят, и домашние гладны; все стало горе, а тащить не могу; потаща гоны места, ноги задрожат, да и паду в лямке среди пути ниц лицем, что пьяной; и озябше, встав, еще попойду столько ж и паки упаду; бился так много, блиско полуночи; скиня с себя мокрое платье, вздел на мокрую рубаху сухую, тонкую тафтяную белую шубу и взлез на вершину древа — уснул, поваляся. Пробудился,— ино все замерзло: безлуки на ногах замерзли, шубенко тонко, и живот озяб весь; увы, Аввакум, бедная сиротина, яко искра огня, угасает и яко неплодное древо, посекаемо бывает,— только смерть пришла. Взираю на небо и на сияющия звезды, тамо помышляю владыку, а сам и перекреститися не смогу, весь замерз; помышляю лежа: «Христе, свете истинный, аще не ты меня от безгоднаго сего и нечаемаго времени избавишь, нечева мне стало делать; яко червь, исчезаю». А се согреяся сердце мое во мне, ринулся с места паки

деса во языцех с нима, в Деяниих, зач. 36 и 42 зач., *и величашеся имя господа Исуса. Мнози же от веровавших прихождаху исповедующе и сказующе дела своя* *. Да и много тово найдется во Апостоле и в Деяниих. Сказывай, небось, лише совесть крепку держи; не себе славы ища, говори, но Христу и богородице. Пускай раб-от Христов веселится, чтучи! Как умрем, так он почтет, да помянет пред богом нас. А мы за чтущих и послушающих станем бога молить; наши оне люди будут там у Христа, а мы их во веки веком. Аминь.

к нарте и на шею, не помню как, взложил лямку, опять потащил; ино нет силки; еще версты с четыре до двора,— покинул, и нехотя, все; побрел один, тащился с версту, да и повалился: только не смогу; полежав, еще хощу побрести, ино ноги обмерзли: не смогу подымать, ножа нет, базлуков отрезать от ног нечем; на коленях и на руках полз с версту; колени озябли: не могу владеть, опять лег; уже двор и не само далеко, да не могу попасть, на гузне помаленьку ползу,— кое-как и дополз до своея конуры; у дверей лежу, промолвить не могу, а отворить дверей не могу же. Ко утру уже встали; уразумев, протопопица втащила меня, бытто мертвова, в ызбу; жажда мне велика,— напоила меня водою, разболокши. Два ей горя, бедной, в ызбе стало: я да корова немощная,— только у нас и животов было,— упала на воде под лед; изломався, умирает, в ызбе лежа; в дватцети в пяти рублях сия нам пришла корова, робяткам молочка давала. Царевна Ирина Михайловна * ризы мне с Москвы и всю службу в Тоболеск прислала, и Пашков на церковной обиход взяв, мне в то число коровку ту было дал: кормила с робяты год-другой; бывало, и с сосною, и с травою молочка тово хлебнешь, так лехче на брюхе. Плакав, жена бедная с робяты зарезала корову и истекшу кровь из коровы дала найму казаку, и он приволок мою с рыбою нарту (л. 65—68).

[ВВЕДЕНИЕ]

Книгу святую собрал от святого писания протопоп Аввакум на крестоборную ересь * никонияпскую и на протчая их коби.

Беседа человека грешна, человека безобразна и бесславна *, человека не имуща видения, ни доброты, ниже подобия господня. Поистинне рещи, яко несть и человек. Но гад есмь или свиния; якоже и она питается рожцы, так и я грехми. Рожцы вкус имут, в гортани сладость, во чреве же бредкость. Тако и аз, яко юнейший блудный сын, заблудих от дому отца моего, пасяхся со свиниями *, еже

есть с бесы, питаюся грехми, услаждая плоть, огорчеваяй же душу делы, и словесы, и помыслы злыми.

...Человек бысть Иов *, праведен, непорочен, беззлобив; человек божий Моисей *, боговидец; человек бысть Исус Наввин, молитвою постави на небе текущее солнце; * человек бысть Давыд, царь и пророк, его же похвали божие сердце сице: «обретох Давыда, сына Иессеева, мужа по сердцу моему»; * человек бысть пророк Даниил, его же в Вавилоне, в рове, устыдешася лютые звери *, видевше на нем божий образ непорочен, ради добродетелей в нем цветущих; человек бысть пророк Аввакум, его же принесе ангел от Иеросалима с пищею в Вавилон, в ров, к Даниилу *.

Но не я, окаянный Аввакум: я и сам сижу в рове, душею и телом обнажився, сам пят *, с нагими же.

...Ныне нам подобает плакати в настоящее время *. *Увы, увы мне! Мати, кого мя роди? По Иову, проклят день, в оньже родихся, и нощь она буди тьма, иже изведе из чрева матере моея* *. Понеже антихрист прииде ко вратом двора * и народилось выблятков его полна поднебесная. И в нашей русской земли обретеся чорт большой, ему же мера — высоты и глубины — ад преглубокий. Помышляю, яко, во аде стоя, главою и до облак достанет. Внимайте и разумейте вси послушавшии, даст бо вам господь разум о всем.

БЕСЕДА ПЕРВАЯ

Повесть о страдавших в России за древлецерковная благочестная предания

В лета 7160-го году, июня в день [1], по попущению божию вскрался на престол патриаршеский бывшей поп Никита Минич, в чернецах Никон *, обольстя святую душу

[1] июня в 1 день — ф. 98, № 1366 (л. 4).
июня 10 день — Собр. Дружинина, № 467 (л. 154).
Список условных сокращений см. на стр. 475.

протопопа духовника царева [1], Стефана, являяся ему яко ангел, а внутрь сый диявол. Протопоп же увеща царя и царицу, да поставят Никона на Иосифово место *. И я, окаянной, о благочестивом патриархе к челобитной приписал свою руку *. Ано врага выпросили и беду на свою шею. Тогда и я, при духовнике, в тех же палатах шатался, яко в бездне мнозе. Много о том потонку беседовать, едино рещи: за что мучат мя, тогда и днесь, большо и до исхода души. Егда же бысть патриархом злый вожь, и начат казнити правоверие, повелеваяй трема персты креститися и в пост великий в церкви в пояс творити метания. Мы же, со отцы и братиею, не умолчав, почали обличать еретика *, предтечу антихристова. Он же нас, муча много, и розослал в ссылки всех. *И рассеяны быша, яко от скорби, бывшия при Стефане апостоли* *. Тако, отец и братию мою, епископа Павла Коломенскаго, муча, и в Новогородских пределех огнем сожег; Даниила, костромскаго протопопа, муча много, и в Астрахани в земляной тюрьме заморил; * такоже стриг, как и мене, в церкви, посреде народа: муромскаго протопопа Логина,— остригше и муча, в Муром сослал, тут и скончался в мор; * Гавриилу, священнику в Нижнем, приказал голову отсечь; Михаила священника без вести погубил: за Тверскими служил в монастыре Богородичне, перевел к тюрьме, да не и стало вдруг; двух священников, вологжан, безвестно же и сих дел; со мною 60 человек у всенощнова взял *, муча и бив и проклиная, в тюрьме держал, малии в живых обретошася; а меня в Даурскую землю сослал,— от Москвы, чаю, тысящ будет с дватцать за Сибирь,— и волоча впредь и взад 12 лет, паки к Москве вытощили, яко непогребеново мертвеца *. Зело там употшивали палками по бокам и кнутом по спине 72 удара. А о прочих муках потонку неколи говорить,— всяко на хребте моем делаша грешницы. Егда же выехал

---

[1] В рукописи: духовнаго царева; исправлено по другим спискам — ф. 98, № 1366 (л. 4); № 1885 (л. 49); № 1898 (л. 3); ф. 203, п. 188, ед. 12 (л. 40/об.); ф. 212, № 54 (л. 8); ф. 236, № 2548 (л. 29/об); Музейн. собр., № 2582 (л. 3/об); Собр. Хлудова, № 257 (л. 62/об.).

на Русь, на старые чепи и беды попал *. Видите, видите, яко аз есмь, наг Аввакум протопоп, в землю посажен. Жена моя, протопопица Настасья, с детьми в земли же сидит *. И старец Соловецкия пустыни Епифаний, наг, в земли же сидит; два языка у него никонияна вырезали за исповедание веры, да и руку отсекли, а и паки ему третий язык бог дал. И Лазарь поп, наг же, сидит в земле, казнен, говорит также *. И диякон Федор и Киприян *, нагой, с нами же мучится. В тюрьме за православие же пытан в прошлом году. А Соловецкой монастырь в осаде 7 лет от никониян сидит *. На Мезени из дому моего двух человек удавили * никонияна еретики на виселице. На Москве старца Авраамия, духовнаго сына моего, Исаию Салтыкова в костре сожгли. Старца Иону казанца в Кольском рассекли на пятеро. На Колмогорах Ивана юродиваго сожгли. В Боровске Полиекта священника и с ним 14 человек сожгли. В Нижнем человека сожгли. В Казани 30 человек. В Киеве стрельца Илариона сожгли. А по Волге той живущих во градех, и в селех, и в деревеньках тысяща тысящими положено под меч * нехотящих принять печати антихристовы. А иные ревнители закона суть, уразумевше лесть отступления, да не погибнут зле духом своим, собирающеся во дворы с женами и детьми, и сожигахуся огнем своею волею *. Блажен извол сей о господе! Мы же, оставшии, еще дышуще, о всех сих поминание творим жертвою, со слезами, из глубины воздыхании неизглаголаными, воспеваем, радующеся, Христа славяще: «упокой, господи, душа раб своих, всех пострадавших от никониян на всяком месте, и учини их идеже присещает свет лица твоего, в селех со святыми, избранными твоими, яко благ и человеколюбец». Рабом божиим побиенным вечная память трижды ж. Почивайте, миленькие, до общаго воскресения и о нас молитеся, да же и мы ту же чашу испием о господе, которую вы испили и уснули вечным сном. Пряно вино: хорошо умели никонияне употшивать. Да не тужите о здешнем том окаянном житии, но веселитеся и радуйтеся праведнии о господе, понеже прейдоша от злаго во благое и от темнаго в житие светлое. Мы же еще в море,

плаваем пучиною *, и не видим своего пристанища. Не вемы бо, доколе живот наш протянется, умилосердитлися владыка и даст ли нам та же чаша пить, ея же сам пил, и вас, рабов своих, напоил.

...*Душе моя, душе моя, восстани,* что спиши! Конец приближается, и хощеши молвити. *Воспряни убо, да пощадит тя Христос бог, иже везде сый и вся исполняяй* *. Душе, я же зде — временно, а я же тамо — вечно. Потщися, окаянная, и убудися: уснула сном погибельным, задремала еси в пищах и питии нерадения. Виждь, мотылолюбная, и то при тебе: бояроня Феодосья Прокопьевна Морозова и сестра ея Евдокея Прокопьевна княгиня Урусова, и Даниловых дворянская жена Марья Герасимовна с прочими! Мучатся в Боровске, в землю живы закопаны *, по многих муках, и пытках, и домов разорении, алчут и гладуют. Такие столпы великия, им же не точен мир весь! Жены суть, немощнейшая чадь, а со зверем по человеку борются. Чудо, да только подивитися лише сему. Как так? Осмь тысящ хрестиян имела *, домовова заводу тысящ больши двух сот было,— дети мне духовныя, ведаю про них,— сына не пощадила, наследника всему, и другая тако же детей. А ныне вместо позлащенных одров в земле закопана сидит за старое православие. А ты, душе, много ли имеешь при них? Разве мешок, да горшок, а третье лапти на ногах. Безумная, ну-тко опрянися, исповеждь Христа, сына божия, явствене, полно укрыватися того. Добро рече некто от святых отец, яко всем нам един путь предлежит. Иного времени долго такова ждать: само царство небесное валится в рот. А ты откладываешь, говоря: дети малы, жена молода, разориться не хощется *, а тово не видишь, какую честь ту бросили бояроне те, да еще жены суть. А ты — мужик, да безумнее баб, не имеешь цела ума: ну, дети переженишь и жену ту утешишь. А за тем что? не гроб ли? Таже смерть, да не такова, понеже не Христа ради, но общей всемирной конец...

ИЗ БЕСЕДЫ ВТОРОЙ

[Об образе креста Христова]

Пребывайте, чада, о господе пребывайте, и крест Христов трисоставный почитайте от кипариса, и певга, и кедра устроен, по речению Исайи пророка к лицу церкви, яко «приидет к тебе слава Ливанова от кипариса, и певга, и кедра, прославити место святое мое и место ногу моею прославлю» *.

...А иже крест трисоставный Христов суемудренный отлагают и четвероконечный римский крыж почитают *, кольми суть врежают душа своя, по реченному: аще кто любит Христа, той любит и крест святый и тричастный, от кипариса, и певга, и кедра сложенный. Аще отлагает кто сего Христова креста, той отмещется и Христа, бога нашего. Держи, християнин, церковная неизменна вся, и благословен будеши богом вышним и нами, грешными. И не предвигай вещей церковных с места на место, но держи. Что положиша и святии отцы, то тут да пребывает неизменно, якоже и Василий Великий рече: «не прелагай пределы, яже положиша отцы!» * Слыши и вонми, яже глаголю: да будет крест Христов тричастный на престоле, и на жертве, еже есть на просвире, и на главе церкви, и на иконах, и повсюду вместо образная, еже есть в поклонение. Держим же и четвероконечный крест во церкви, по преданию святых отец, но не вместо образная, токмо на ризах, и стихарях, и патрахилях, и пеленах. А иже кто его учинит на просвирах, или написав на нем образ распятаго Христа и положив его на престол, вместо тричастного: таковый мерзок есть и непотребен во церкви, подобает его изринути. Почто на владычнем месте садится!

...Что блядословят никонияна научением сатаны,— говорят: Соломону-де царю бес принесе со главы Адамовы от Едема срасленное древо на связи церкви, и от того-де древа и крест Христов делан четвероконечной: и се блядь, нечему веры нять, в еретических кобях писано. Ино стат-

НИКОН

Из Титулярника 1672 г.

нее тово я читал: не бес принесе одное [1] срасленное древо, но Тирской князь привезе Соломону три древа в связи,— кипариса, и певга, и кедра. А те древа израстоша Лотова ради покаяния, егда паде со дщерьми своими и каяся греха своею пред Авраамом. Он же посла его на Восток по главни бывшаго венца Адамля, емуже сын Сиф от рая принесе, от ангела взяв древо преступления, и возложи на главу во утешение скорби его. И по смерти-де Адамли от венца того изростоша древеса и сгореша. Напоследок же Лот, главни те взяв, на горах подкнул и водою и слезами поливал, каяся своего греха, и бог-де его простил, и главни в три древа процвели. И Тирской князь древа те Соломону привезе, Соломон их в церкви святая святых в седалищи устрои. И при царе Езекии обоготвориша людии церковные вещи вся. Он же повеле змию медную разбить, иже в Синайстей пустыни чюдотворная была *, и древа вышереченная из церкви извреще за обоготворение их. И стояху у церкви до пришествия Христова невреждени никем. Егда же приспе время распятися Христу, повелеша жидове от всех трех древ отсещи по концу и в трех чюрбанах сотвориша крест Христу, по речению пророчю — от кипариса, и певга, и кедра, тричастен. Я, грешный, сице читал, а не в церковных же книгах, кои обносятся во церкви, свидетельствованы, но в лежащих и не свидетельствованых *. Аще сие правда или ни, бог весть. Аз верую крепко пророком, апостолом, и богословцем всем. Они нас научают, яко тричастен крест Христов, сиречь от трех древ сотворен. И над распятым Христом повеле Пилат титла положить *. Пространно о том Епифаний Кипрский благовестит: * дску с надписанием пригвоздиша ко кресту, и возглавие над дскою оставиша кресту, еже есть верхней чибышек над титлом зрим. А без возглавия — тот не Христов крест, но Петров: колода на кресте, а не титло положено.

---

[1] одно срасленное древо — ф. 98, № 1885 (л. 63); № 1898 (л. 19/об.); ф. 203, п. 188, ед. 12 (л. 51/об.); Музейн собр., № 2582 (л. 14).

в других списках: оное срасленое древо — ф. 236, № 2548 (л. 36); Собр. Хлудова, № 257 (л. 78/об.).

Внимай о сем, мы тебе со Христом возвестим. Егда в Риме Петр апостол от Нерона царя пострада, и повелеша его пригвоздити ко кресту,— Петр же глагола: не подобает[1] подобитися смерти владыки моего Христа, но учините мя стремглав в распятии моем. Распинатели же поворотя вверх ногами Петра и в колоду вдолбиша верхней конец креста, по прошению его *. Егда же соблудиша римстии людие и весь Запад над церковию, нарекоша имя ей костел, понеже стоит на костях апостола Петра: оттоле же восприяша и крест с колоткою, Петров, а Христов отринуша прочь. И стали писать распятие Христово на сеновном, еже есть — на четвероконечном кресте. И сии две вещи, Петров крест и четвероконечный, изгнаша с одново Владыку своего — крест Христов. Мы же, правовернии, сие блядское мудрование Римскаго костела и выблядков его, поляков и киевских унияг *, еще же и наших никониян, за вся их нововводныя коби еретическия анафеме трижды предаем и держим от святых отец преданное неизменно все. И почитаем крест Христов с возглавием на престоле, и на просвирах, и на церкве на главе и прочая, идеже положиша отцы поклонятися и почитати его честне и сердечне, со усердием облобызаем и поклоняемся, припадающе к нему, милости прося и победы на видимых и невидимых врагов.

БЕСЕДА ТРЕТЬЯ

[Об иноческом чине]

...Бысть в лета наша в руской земли божие попущение, а дияволе злохитрие: изникоша из бездны мниси, нареченныя монахи, имеюще на себе образ любодейный:

---

[1] В других списках: не подобает ми — ф. 98, № 1366 (л. 18); ф. 212, № 54 (л. 16/об.); ф. 236, № 2548 (л. 36/об.); Собр. Дружинина, № 467 (л. 170/об.); Собр. Хлудова, № 257 (л. 80).

камилавки — подклейки женския и клобуки рогатыя; * получиша себе сию пагубу от костела римскаго. Бысть в Риме, прежде собора Фларенскаго, на престоле в папах баба еретица *. В Римской церкви, по пущению [1] божию, устроила себе клобук на подклейки,— сицевым образом, яко же Никон, еже носят и ныне прельщении тамо и здесь. Идущу ей, любодейце, за кресты, в ходу родила, на пути идучи, младенца выблядка. Разумевше же римстии людие, извергоша от сана святительства, яко на Москве врага божия, патриарха Никона; клобук же ея и всяко мудрование в церкви не изриновено бысть. И от тогда [2] в церкве их слабость бысть велия: жены и девы во олтарь входяща, за престолом, на горнем месте, саждахуся; людие же ослабеша и не брегуще о сем, понеже ереси одоле благочестие. И егда умножися грех, ту преизбыточествова благодать. При Евгении *, папе Римстем, воздвижеся род християнский от простаго чина, изгнаша еретика, папу Евгения, в Базилийский град. На месте же его в Риме возведоша папу именем Фелика *. И бысть распря в народе между большими и меньшими, понеже большии побороающе по Евгении, а меньшии народи по Фелике. Понеже Фелик держа во церкви старое благочестие и за сие дело любим бысть народу; а Евгений еретик мздою великих ударил. И того ради бысть в них разделение. И увещаша вельможи народ, даже соберут вселеньский осмый собор на исправление падения своего. Богу же попущающу, по начинанию сердец их, а врагу действующу, собрашася на сонм той лукавый царь, и патриарси гречестии, и весь Восток и Запад, от всех стран; и наш митрополит Исидор Московский таможе бысть. И сотвориша во Флоренце граде собор *, яко и у нас бысть ныне при вселенских в Москве

[1] В других списках: по попущению божию — ф. 98, № 1366 (л. 21); № 1885 (л. 69); № 1898 (л. 24/об.); ф. 203, п. 188. ед. 12 (л. 57); ф. 212, № 54 (л. 18); ф. 236, № 2548 (л. 38); Музейн. собр., № 2582 (л. 19); Собр. Хлудова, № 257 (л. 84/об.).

[2] В других списках: от того — ф. 98, № 1366 (л. 21); ф. 212, № 54 (л. 18/об.); Собр. Дружинина, № 467 (л. 174).

такая же лукавая сонмища; утвердиша прелесть свою паче прежнего. Не приста же совету и делу их епископ Марко Ефесский *. И осудиша его в заточение смертное, якоже и нас, бедных, здесь. Да воздаст им господь по делом их! Тогда Фелик, видя свое изнеможение, уступи папство Евгению. Он же, Евгений, прииде на собор в прежереченнем рогатом клобуце, управляяй правило и уставляяй законы и предания новая, а старая вся, отеческая, отмещуще. И приписаша царь и власти гречестии к нему, лукавому собору, руки своя. Сия уставы и в Царьград пришли: оттоле и греки развратилися; клабуки такия вздели на себя и иныя догматы Флоренскаго собора учиниша в церквах своих. Тому времени 282 года, как бысть Фларенский собор *. Писано в летописцах латынских, и в летописцах руских помянуто. Оттоле в Риме и повсюду нача болезнь болети болезненно, и распространятися гной по вселенной всей. Царь же Иван Калуян * поехал домой, умре на пути, его же земля не прия в недра своя. А патриарх Иван Антиохийский в Риме зле живот свой сконча, егда начат руки прикладывать, в то время ангел исторже душу от него. А Цареградский Иосиф *, разболевся, приволокся домой. А митрополит наш Московский приехал домой с гордостию. Его же князь великий и встретить не велел, понеже гостинцы неладны привез: по правую руку крыж латынской вез, а по левую крест Христов. За сие его князь предал под начал: * он же, тайно убежав паки в Рим, и тамо скончася зле. А кои правовернии, на соборе том бывше и не хотя рук приложити к приговору сонмицы лукавыя тоя: римляне же их овых заточиша, а инии разбегошася. И наш старец Сергиева монастыря оттоле ушел и на пути заблудил, ему же явился игумен преподобный Сергий Радонежский *, и проведе старца сквозе нужна места, и путь указал. И вопросил преподобный старца, глагола ему: «видел ли еси третьягонадесять апостола, Марка Ефесскаго?» Старец же, поклонися ему, рече: «ей, отче, и благословения сподобился от руки его». Таже Сергий невидим бысть, старец же прииде восвоя и поведа всем. Ви-

дите ли, вернии, римское-то дело родилося каково хорошо! А и у нас на Москве той нехуже тово. Мне царя тово беднова жаль пуще всех греческаго: здешняя и вечная вся погубил! Посем брата ево роднова, Констянтина царя, предал бог за отступление-то сие Магнету, турскому царю, и все царство греческое с ним *. А на Русь было напряг в мимошедшем году *. Да еще удержа молитвы сидящих по темницам и тюрьмам, вопиющих к богу день и нощь. А никонияне пущи устремишася на зло, чают добро творят, еже пожигают Христовых людей. Бог ожидает обращения их и дает время на покаяние их, пострашает тем и сем; а им мнится — ради достоинства их терпит. Увы, ослепил сатана! Водимы духом противным, и сами не ведят [1], камо грядут. Токмо жги да пали, секи да руби единородных своих! Слыши небо и внуши земле! Вы будите свидетели нашей крови изливающейся. Толико наша великая вина, еже держим отец своих предание неизменно во всем! Аще мнится имя извергнути от памяти преже бывших царей и патриархов и всех, на что оне нам после себя оставили книги сия, за них же мы полагаем душа своя! Аще ли им памяти честне творят и святых руских почитают всех, ихже мы уставы и предания неизменно держим: за что же нас мучит и губит? Али не правду говорю? Отвещай ми! Что задумался? «Безумне, в сию нощь ангел душу твою истяжет от тебе, а я же уготова, кому будет?» * Разве турскому царю? Ох, ох, затмение ума! А все-то блюдолизы римские устроили с Никоном врагом гонение сие на християн. Да воздаст им господь по делом их! Мы же со Христом не боимся ваших гроз, любим сию старину, преданную от святых, и не изменяем риз священных и простых, понеже изменения ради риз гнев божий на люди живет. Почти себе пророка Софония 3 главу; * он тебе повестит, что случается от бога изменяющим ризы

---

[1] не видят—ф. 98, № 1366 (л. 24); Собр. Дружинина, № 467 (л. 177/об.) В других списках: не ведят — ф. 203, п. 188, ед. 12 (л. 60); ф. 212, № 54 (л. 20); Музейн. собр., № 2582 (л. 21/об.).

не токмо священныя, но и простыя на себе. А то малое ли дело: богом преданное скидали с голов, и волосы расчесали, чтобы бабы блудницы любили их; выставя рожу свою да подпояшется по титькам, воздевши на себя широкий жюпан! Так-то святыя предали смирения образ носить? Почти-тко, никониян, как Василий Великий научает. Не ведаешь? А где тебе ведать. Всегда пиян и блуден,— прости, не то тебе на ум идет, как душу спасти. Василий Великий иноку повелевает * мало и на небо глядеть, но всегда землю зри. А егда за трапезою с братиею ясти сядешь, тогда и паче клобуком лице свое накрой, да же не видят друг друга, како ядят.

...Подобает истинному иноку делы Христу подобитися, а не словесы глумными, и так творить, якоже святии. Помнишь ли? Иван Предтеча * подпоясывался по чреслам, а не по титькам, поясом усменным, сиречь кожанным: чресла глаголются под пупом опоясатися крепко, даже брюхо-то не толстеет. А ты что чреватая жонка, не извредить бы в брюхе робенка, подпоясываесе по титькам! Чему быть! И в твоем брюхе том не меньше робенка бабья накладено беды тоя,— ягод миндальных, и ренсково, и романеи, и водок различных с вином процеженных налил: как и подпоясать. Невозможное дело, ядомое извредить в нем! А сей ремень на тобе долог! [1] Бедные, бедные! Так-то Христос приказал жить и святии научиша? Увы, погибе благоговейный от земля и несть исправляющаго в человецех. Ну-су полно браниться — тово нам. Приимите вы первыя наши святыя и непорочныя книги, их же святии предаша, и обычая свои дурныя отложите: мы станем пред вами прощатися о Христе Исусе, господе нашем. Писал протопоп Аввакум своею рукою.

---

[1] В других списках: надобе долог — ф. 98, № 1366 (л. 26); № 1885 (л. 75); № 1898 (л. 29); ф. 236, № 2548 (№ 41); Собр. Дружинина, № 467 (л. 180); Собр. Хлудова, № 257 (л. 92).

БЕСЕДА ЧЕТВЕРТАЯ

[Об иконном писании]

...По попущению божию умножися в нашей руской земли иконнаго письма неподобнаго изуграфы *. Пишут от чина меньшаго, а велиции власти соблаговоляют им *, и вси грядут в пропасть погибели, друг за друга уцепившеся, по писанному: слепый слепца водяй, оба в яму впадутся, понеже в нощи неведения шатаются; а ходяй во дне не поткнется, понеже свет мира сего видит, еже есть: просвещенный светом разума опасно зрит коби и кознования еретическая и потонку разумевает вся нововводная, не увязает в советех, яже умышляют грешнии. Есть же дело настоящее: пишут Спасов образ Еммануила *, лице одутловато, уста червонная, власы кудрявые, руки и мышцы толстые, персты надутые, тако же и у ног бедры толстыя, и весь яко немчин брюхат и толст учинен, лишо сабли той при бедре не писано. А то все писано по плотскому умыслу, понеже сами еретицы возлюбиша толстоту плотскую и опровергоша долу горняя. Христос же бог наш тонкостны чювства имея все, якоже и богословцы научают нас. Чти в Маргарите слово Златоустаго на Рожество богородицы, в нем писано подобие Христово и богородично: ни близко не находило, как ныне еретицы умыслиша. А все то кобель борзой Никон, враг *, умыслил, будто живыя писать, устрояет все по-фряжскому, сиречь по-неметцкому. Якоже фрязи пишут образ благовещения пресвятыя богородицы, чреватую, брюхо на колени висит, — во мгновения ока Христос совершен во чреве обретеся! А у нас в Москве в Жезле книге * написано слово в слово против сего: в зачатии-де Христос обретеся совершен человек, яко да родится. А в другом месте: яко человек тридесяти лет. Вот смотрите-су, добрыя люди: коли с зубами и с бородою человек родится! На всех на вас шлюся от мала и до велика: бывало ли то от века? Пуще оне фрягов тех напечатали, враги божии. Мы же, правовернии, тако исповедуем, яко святия научают нас. Иван Дамаскин и прочии:

в членах, еже есть в составех, Христос, бог наш, в зачатии совершен обретеся, а плоть его пресвятая по обычаю девятомесячно исполняшеся; и родися младенец, а не совершен муж, яко 30 лет. Вот, иконники учнут Христа в рожестве с бородою писать, да и ссылаются на книгу ту: так у них и ладно стало. А богородицу чревату в благовещение, яко же и фрязи поганыя [1]. А Христа на кресте раздутова: толстехунек миленькой стоит, и ноги те у него, что стульчики. Ох, ох, бедныя! Русь, чего-то тебе захотелося немецких поступов и обычаев! А Николе Чюдотворцу имя [2] немецкое:* Николай. В немцах немчин был Николай *, а при апостолех еретик был Николай; * а во святых нет нигде Николая. Только с ними стало. Никола Чудотворец терпит, а мы немощни: хотя бы одному кобелю голову ту назад рожею заворотил, да пускай бы по Москве той так ходил. Да что петь делать? Христос им время-то попустил, якоже Июда апостол пишет: «яко господь люди от земли Египетския спасл, последи неверовавших погуби. Ангелы же, не соблюдшая своего начальства, но оставльших свое жилище, на суд великаго дне узами вечными под мраком соблюде»*. Виждь, слышателю, яко терпит им бог, яко и бесом, до суднаго дни. Тогда им весь указ будет; а ныне пускай их поиграют с бесами теми заодно над Христом, и над Николою, и над всеми святыми с богородицею, светом нашим, да и над нами бедными, что черти над попами,— пускай возятся! Златоуст Иван и лутче нас был, а как время пришло, так спрятали * так же, как и нас. И Филипп митрополит на Москве *. Да много того есть. Коли же кто изволил богу служить, о себе ему не подобает тужить. Не токмо за имение святых книг, но и за мирскую правду подобает ему душа своя положить, якоже Златоуст за вдову и за Феогностов сад, а на Москве за опришлину Филипп. Кольми же за церковной изврат,— всяк правоверный много

---

[1] В другом списке: поганцы — ф. 98, № 1366 (л. 28).

[2] дали имя — ф. 98, № 1366 (л. 28/об.).

имя немецкое написали — ф. 236, № 2548 (л. 41/об.); Собр. Хлудова, № 257 (л. 93/об.).

не рассуждай, пойди в огонь. Бог благословит, и наше благословение да есть с тобою во веки! Не по што в Персы итти пещи огненныя искать: но бог дал дома Вавилон *, в Боровске пещь халдейская, идеже мучатся святии отроцы *, херувимом уподобльшеся, трисвятую песнь воссылающе. Право хорошо учинилося. Лучше дому Новходоносорова, палаты и теремы златоверхими украшены, преграды и стены златом устроены, и пути каменьми драгими намощены, и садовие древеса различные насажены, и птицы воспевающе, и зверие в садах глумящеся, и крины и травы процветающе, благоухание износяще повеваемо. А Навходоносор, раздувшеся, глагола ко господу богу небесному: «ты царствуешь на небеси, а я подобен тебе здесь, на земли». И егда виде бог гордость его необратную, претвори Новходоносора сопреди тельцом, а созади львом *, и хождаше в дубраве со скоты 7 лет, ядый траву, дондеже покаяся. Так-то *господь гордым противится, смиренным же дает благодать* *. Разумейте, правовернии, как трие отроцы, ради своего страдания, в царстве, по всей поднебесней величаются, а Новходоносор уничижается. Сие дело предлежит во образ за хотящих наследовати спасение. Не покланяйся и ты, рабе божий, неподобным образом, писанным по немецкому преданию, якоже и трие отроки в Вавилоне телу златому, поставленному на поле Дейре. Толсто же телищо-то тогда было и велико, что нынешние образы, писанные по-немецкому! Да и много же у них изменение тово во иконах тех: власы расчесаны, и ризы изменны, и сложение перстов — малакса. Вместо Христова знамения — малаксу погубную целуй! Знаешь ли, что я говорю? А то руку ту раскорякою тою пишут. Не умори, не целуй ея, то антихристова печать *. Плюнь на нея; привяжется дурная мысль. Буде образа подобна написана не прилучится: и ты на небо, на восток, кланяйся, а таким образом не кланяйся. Посем мир вам от нас и благословение. Я, грешной протопоп Аввакум, со отцы и братиею о Христе Исусе, вам светом, всякому верному, попремногу челом бьем. Молитеся о нас, а мы должны о вас. Богу нашему слава о всем, аминь.

БЕСЕДА ПЯТАЯ

[О внешней мудрости]

...Альманашники, и звездочетцы, и вси зодейшики познали бога внешнею хитростию, и не яко бога почтоша и прославиша, но осуетишася своими умышленьми, уподоблятися богу своею мудростию начинающе, якоже первый блядивый Неврод *, и по нем Зевес прелагатай, блудодей, и Ермис * пияница, и Артемида любодеица *, о них же Гронограф и вси кронники свидетельствуют; * таже по них бывше Платон и Пифагор, Аристотель * и Диоген *, Иппократ * и Галин: * вси сии мудри быша и во ад угодиша, достигоша с сатаною разумом своим небесных твердей, и звездное течение поразумевше, и оттоле пошествие и движение смотрях небеснаго круга, гадающе к людской жизни века сего,— настоящей, или тщету, или гобзование,— и тою мудростию своею уподобляхуся богу, мнящеся вся знати. Якоже древле рече диавол: «поставлю престол мой на небеси и буду подобен вышнему» *, тако и тии глаголют: «мы разумеем небесная и земная, и кто нам подобен!» И взимахуся блядины дети выше облак,— слово в слово, яко и сатана древле. Сего ради отверже их бог: благоизволил буйством апостольским спасти хотящих наследовати спасение. Вси християне от апостол и отец святых научени быша смирению, и кротости, и любви нелицемерной; с верою непорочною, и постом, и со смиренною мудростию, живуще в трезвости, достизают не мудрости внешния,— поразумевати и лунного течения,— но на самое небо восходят смирением ко престолу царя славы, и со ангелы сподоблятися славити бога; души их во благих водворяются, а телеса их на земли нетленни быша и есть. Виждь, гордоусец и альманашник, твой Платон и Пифагор: тако их же, яко свиней, вши съели, и память их с шумом погибе, гордости их и уподобления ради к богу. Многи же святии смирения ради и долготерпения от бога прославившася и по смерти обоготворени быша, понеже и телеса их являют в них живущую благодать господню, чюдесьми и

знаменьми яко солнце повсюду сияют. Вижь, безумной зодийшик, свою богопротивную гордость, каковы плоды приносите богу и творцу всех, Христу; токмо насыщатися, и упиватися, и баб блудить ваше дело. Прости — не судя глаголю, к слову прилучилося. Не ваше то дело, но бесовское научение. Плакати о вас подобает, а не ругати: понеже плоть от плоти нашея и кость от костей наших, тела нашего и уды отчасти. Увы, отцы и братия наша! Увы, чада и друзи! Увы, приятели и сродство! Уже бо разлучишася от святых зде и в будущем веце. Како о вас не плакать? Плачю, рече, яко взял вас живых диавол и не вем, где положити хощет: яве есть, сводит в преглубокий тартар и огню негасимому снедь устрояет. Посмотри-тко на рожу ту, на брюхо то, никониян окаянный,— толст ведь ты! Как в дверь небесную вместитися хощешь! Узка бо есть и тесен и прискорбен путь, вводяй в живот. Нужно бо есть царство небесное и нужницы восхищают е, а не толстобрюхие. Воззри на святые иконы и виждь угодившия богу, како добрыя изуграфы подобие их описуют: лице, и руце, и нозе, и вся чувства тончава и измождала от поста, и труда, и всякия им находящия скорби. А вы ныне подобие их переменили, пишите таковых же, якоже вы сами: толстобрюхих, толсторожих и ноги и руки яко стульцы. И у кажного святаго,— спаси бог-су вас,— выправили вы у них морщины те, у бедных: сами оне в животе своем не догадалися так сделать, как вы их учинили! Помните ли? — на сонмице той лукавой, пред патриархами теми вселенскими *, говорите мне, Иларион и Павел: * «Аввакум милой, не упрямься, что ты на руских святых указываешь, глупы наши святые были и грамоте не умели, чему им верить!» Помните, чаю, не забыли,— как я бранить стал, а вы меня бить стали. Разумныи! [1] Мудрены вы со дьяволом! Нечего рассужать. Да нечева у вас и послушать доброму человеку: все гово-

---

[1] В других списках: Разумные свиньи — ф. 98, № 1366 (л. 34/об.); № 1885 (л. 83); № 1898 (л. 35); ф. 203, п. 188, ед. 12 (л. 71/об.); ф. 236, № 2548 (л. 44); Музейн. собр., № 2582 (л. 29/об.); Собр. Дружинина, № 467 (л. 189/об); Собр. Хлудова, № 257 (л. 100/об.).

рите, как продавать, как куповать, как есть, как пить, как баб блудить, как робят в олтаре за афедрон хватать. А иное мне и молвить тово сором, что вы делаете: знаю все ваше злохитрство, собаки, бляди, митрополиты, архиепископы, никонияна, воры, прелагатаи, другия немцы руския. Святых образы изменили и вся церковныя уставы и поступки: да еще бо християном милым не горько было! Он, мой бедной, мается шесть-ту дней на трудах, а в день воскресной прибежит во церковь помолити бога и труды своя освятити: ано и послушать нечево — по-латыне поют, плясавицы скоморошьи! Да еще бы в огонь християнин не шел! Сгорят-су все о Христе Исусе, а вас, собак, не послушают. Да и надобно так правоверным всем: то наша и вечная похвала, что за Христа своего и святых отец предания сгореть, да и в будущем вечно живи будем, о Христе Исусе, господе нашем, ему же слава ныне, и присно, и во веки веком, аминь.

ИЗ БЕСЕДЫ ВОСЬМОЙ

[*Об Аврааме*]

О Мелхиседеке

...Сей Мелхиседек сын царев, отец его именем Мелхил, мати Салима, брат Мелхил же. Отец же его любляше брата его Мелхила, а мати его любляше Мелхиседека. И восхоте отец его, Мелхиседека, на жертву богом принести; мати же плакаше о нем и глагола мужу своему: метнем жребия о чадех наших и по жребию на жертву богом возложим. И паде жребий на Мелхила, к пожрению сотвориша велие торжество, и инии чад своих с царевичем уготовиша на жертву великую. А скота, овец и быков и прочих, и масла, и круп, числа нет. Все царство их снидеся на празднество се. Мелхиседек же отъиде в гору, в чащу леса, и моляшеся господу богу небесному с воплем крепким, да

пожрет земля отца его и матерь, и брата, и всех, жертву творящих истуканным богом. Бог же с небесе услышав его молитву, повеле расступитися земле и пожре их и грады и царство все. Оста един Мелхиседек в горе, не имый отца и матери, ни причта роду, уподоблен сыну божию: напоследок господь наш воссия на земли от девы, не имый отца на земли, а на небеси без матери,— здесь без отца родися, а на небеси без матери; прежде век вечных из чрева от отца родися, не имать начала днем, ни животу конца, по чину Мелхиседекову царь и священник пребывает во веки. Не якоже в Моисеове законе кровию козлию и тельчею жертвы приношахуся о гресех на всяк день, но единою Христос себя принесе в жертву отцу своему, и освятив нас кровию своею и сыны света сотвори, и наследники царствию небесному. На што нам лутче тово? Сыны божия стали верующии во Христа! А никонияна сыны дияволи: понеже не любят Христа и божественнаго его креста.

Сей Мелхиседек, живый в чащи леса того, в горе сей Фаворской, седмь лет ядый вершие древес, а вместо пития росу лизаше *, прямой был священник, не искал ренских, и романей, и водок, и вин процеженных, и пива с кордомоном, и медов малиновых, и вишневых, и белых розных крепких. Друг мой Иларион *, архиепископ Рязанской. Видишь ли, как Мелхиседек жил? На вороных в каретах не тешился, ездя! Да еще был царские породы. А ты хто? Воспомяни-тко, Яковлевич, попенок! В карету сядет, растопырится, что пузырь на воде, сидя на подушке, расчесав волосы, что девка, да едет, выставя рожу, по площади, чтобы черницы-ворухи унеятки любили. Ох, ох, бедной! Некому по тебе плакать! Недостоин суть век твой весь Макарьевскаго монастыря единыя нощи. Помнишь, как на комарах тех стояно на молитве? Явно ослепил тебя диявол! Где ты ум-от дел? Столько добра и трудов погубил! На Павла митрополита что глядишь? Тот не живал духовно *,— блинами все торговал, да оладьями, да как учинился попенком, так по боярским дворам блюдолизить научился: не видал и не знает духовнаго тово жития. А ты, мила голова, нарочит бывал и бесов молитвою прогонял. Помнишь,

камением тем в тебя бросали на Лыскове том у мужика того, как я к тебе приезжал! А ныне уж содружился ты с бесами теми, мирно живешь, в карете с тобою же ездят и в соборную церковь и в верх к царю под руки тебя водят, любим бо еси им. Как им тебя не любить? Столько християн прижег и пригубил злым царю наговором, еще же и учением своим льстивым и пагубным многих неискусных во ад сведе! Никто же ин от властей, якоже ты, ухищрением басней своих и пронырством царя льстишь и люди божия губишь. Да воздаст ти господь по делом твоим в день страшнаго суда! Полно мне говорить. Хощу от вас ныне терпеть. Якоже образ нам даде Христос, терпя от жидов: тако и мы ныне от вас не стужаем,— терпим о Христе до смертнаго часа. Хощу и всех, да же постражут, якоже и мы, а мы якоже и Христос, от вас, новых жидов. Иларион! Не лгу веть я,— сердиты были и жиды те, якоже и вы: Исаию пророка пилою претерли;* Иеремию* в кал ввергли; Науфея камением побили;* Захарии главу отрезали в церкве *, якоже и вы меня, стригше в церкви, браду отрезали;* напоследок и самого сына божия убили, истинну им свидетельствующа; архидиякона Стефана камением побили; Иякова, брата Иванова, мечем скончали *. Да и много у них стряпни той было,— почтите токо. И вы не меньше их наклочили беды той, людей тех перегубили, мняся службу приносити богу. Мне сие гораздо любо: руская освятилася земля кровию мученическою. Не ленитеся, бедные, подвизайтеся гораздо, яко Махмет, подклоняйте под меч непокоряющихся в веру свою, да и по смерти своей, яко Ирод древле, прикажите владык и старейшин галилейских на память кончины своея побить. Да пускай плачет Израиль, в день умертвия вашего поминая мертвыя своя.

...Молю убо аз, юзник, вас всех страждущих о Христе: претерпим мало здесь от никониян, да бога вечно возвеселим. С ним и мы возрадуемся: ныне же в зерцале и в гадании, таможе со Христом лицем к лицу. Ныне нам от никониян огнь и дрова, земля и топор, и нож и виселица; тамо ангельския песни и славословие, хвала и радость, и

честь, и вечное возрадование. Яра ныне зима, но тамо сладок рай. Болезнено терпение, но блаженно восприятие. Да не смущается сердце ваше и устрашается. Слышите господем реченное: «блажени плачущии, яко тии утешатся» *, и: «многими скорбьми подобает нам внити в царство небесное» *. Не начный блажен, но скончавый: «претерпевый до конца, той спасен будет» *. Всяк верный не развешивай ушей тех и не задумывайся: гряди со дерзновением во огнь и с радостию господа ради постражи, яко добр воин Исус Христов правости ради древних книг святых! И мы с тобою же, вкупе бога моля и пречистую владычицу нашу богородицу и всех святых, уповаем, конечно: не оставит нас господь и богомати. Аще они нас и мучат и губят, а сами дрожат; шлюсь на их совесть нечистую. А праведник, уповая, яко лев рыкая, ходит, не имать попечения ни о чем, токмо о Христе. Станем, братие, добре, станем мужески, не предадим благоверия! Аще и покушаются никонияне нас отлучити от Христа муками и скорбми: да статочное ли дело изобидить им Христа? Слава наша Христос, утвержение наше Христос, прибежище наше Христос.

...Я, братия моя, видал антихриста тово, собаку бешаную,— право, видал, да и сказать не знаю как. Некогда мне печальну бывшу и помышляющу, как приидет антихрист, враг последней. и коим образом, да сидя молитвы говоря, и забылся, понеже не могу стоять на ногах,— сидя молюся, окаянный. А се на поле на чистом много множество людей вижу. И подле меня некто стоит. Я ему говорю: «чего людей много в собрании?» Он же отвеща: «антихрист грядет; стой, не ужасайся». Я подперся посохом двоерогим своим, протопоповским, стал бодро: ано ведут ко мне два в ризах белых нагова человека,— плоть та у него вся смрад и зело дурна, огнем дышит, изо рта, из ноздрей и из ушей пламя смрадное исходит. За ним царь наш последует и власти со множеством народа. Егда ко мне привели его, я на него закричал и посохом хощу его бить. Он же мне отвещал: «что ты, протопоп, на меня кричишь? Я нехотящих не могу обладать, но волею последующих ми, сих во области держу». Да изговоря, пал предо мною, поклонился на землю.

Я плюнул на него, да и очутился[1] *, а сам вздрогнул и поклонился господеви. Дурно сильно мне стало, ужасно, да нечево на то глядеть. Знаю я по писанию о Христе и без показания, скоро ему быть. А выблядков тех ево уже много, бешаных собак. Нас же да избавит от них Христос, сын божий, ему же слава ныне и присно и во веки веком. Аминь.

ИЗ БЕСЕДЫ ДЕВЯТОЙ

[Толкование на 87—88 зачало Послания к римлянам и 23 зачало Евангелия от Иоанна

Апостол: «Неточию же, но и хвалимся в скорбех, ведуще, яко скорбь терпение соделовает, терпение же искуство, искуство же упование, упование же не посрамит: яко любы божия излияся в сердца наша духом святым данным нам» *.— Толкование: Паки реку: ей, хвалимся и радуемся в скорбех своих, мучими от вас, никониян, в темницах, и во оковах, и в смертях многажды от вашева жалованья. Двадесять два лета плаваю и так и сяк, иногда наг, иногда гладен, иногда убит, иногда на дожде, иногда на мразе, иногда на чепи, иногда в железах, иногда в темнице, кроме повседневных нападений и разлучений жены и детей *. «Кто изнемогает, и аз не изнемогаю? Кто соблажняется, и аз не разжизаюся?» * Но терплю, бедной о Христе Исусе упованием будущих благ. А ты, никониян чем похвалишься? — скажи-тко! антихристом своим нагим разве, да огнем, да топором, да виселицею? Богаты вы тем! — знаю я. Да кто от святых так делал? Разве Саул царь, сын Киссов. Егда Доик оклеветал архиерея Авимелеха и сына его Авиафара про зятя его Давыда, понеже угостили его и оружие Галиафово отдали ему: уведав же

[1] В другом списке: очувствовался — ф. 98, № 1366 (л. 66/об.).

Саул мерский от Доика Идумейска и приказал, взбесяся, леввит со архиереи тысящи с две и больши убить *. Ни пути, ни дела! Так то и вы ныне: секи да руби, жги да пали, да вешай! А неведомо за што. Сами же соблудили над церковию с Никоном с носатым и с брюхатым, с борзым кобелем, отступником и еретиком, да бросайся на тех, кои правду говорят. Больно-су нам! Мать нашу ограбили святую церковь, да еще бы мы ж молчали! Не умолчим-су и по смерти своей вашему воровству. Отдайте матери нашея имение все, и аз-от, которой передвигнули на иное место, положите на старом месте, где от святых отец положен был *. То малое ли дело; всю невесту Христову разорили. Разорили римляна-воры, блядины дети,— разорили, зело обесчестили! Бесятся, играют в церкве той! Кой что захватил, тот то и потащил: иной за сердце-то ухватил, еже есть престол святый четверостолпый переменял и пятой столп в средине учинил и тут мощи положил, а иной вор за голову невесту Христову ухватил и венец богоукрашенный сорвал, еже есть древо жизни и спасения, древо бессмертия, древо разума, древо трилюбезно, нетленно и неизнуряемо, крест трисоставный, честное древо, троица бо носит трисоставныя образ. Сице пишет Григорий Синаит: * «радуйся кресте, образе неописанный и многоименитый, древо требогатое, страшное же и всеблаженно, радуйся кресте всесвятый и всесильный, радуйся хранителю жизни нашея, господень кресте многопетый, образом своим бесы низлагая, враги отгоняяй, страсти упражняяй, и благословение даруя нам, и жизнь и силу содействием святаго духа, и честными пречистыя мольбами нам, свет, помогая». А от воров терпи,— пускай тебя бесчестят.

...А иной вор церковной с просвир Христов крест схватил да крыж римской положил. А просвиру ту Предотечю, что таракан изгрыз, девять дыр сделал, а сам говорит: «в девять чинов небесных сил так надобе». Господи помилуй! Где у них ум-от? Да мне видится, чины-те небесныя бесплотны, а жертва та приносится в воспоминание бывших на земли плотных, самого Христа агнец, а вторая

просвира — богоматери, а третья всех святых,— неразлучным соединением, в части единой, все лики святых купно в мольбу предлагаем к богу о наших согрешениях, воспоминая им сродник наших труды и подвиги пред богом, и милися деем к ним же сочетатися в неразлучное соединение сего ради приношения; а лики частьми не разлучаем их: се бо есть нечестиво, аще кто разлучает их, единаче послуживших богови. Таже четвертую просвиру и часть из нея приносим со агньцем предложенным о чине святительства, да же правят дело божие, и о спасении их. Таже пятую просвиру и часть из нея приносим о цари благочестивом и всем княжестве, пекущихся о правоверии. Таже шестую просвиру и часть из нея приносим со агньцем к богу о всех живущих на земли, да же ради части сея подаст всему миру долгоденство и здравие и спасение. Таже седьмую просвиру и часть из нея приносим за усопшия в правой вере, да же ради части сея помянет бог души отец и братию наших во царствии своем. Аще и за единаго изволишь часть принести особь, да будет особная просвира: нечестиво бо есть един хлеб многажды святить и един принос к богу дважды и трижды приносить, якоже никонияна из единаго хлеба самочинием многи части приносят в принос.

Повесть писана в Духовном Цветнике *.

Некий священник егда творяще просвиромисание, прихождаше к нему дух святый в видении орла, священник же действуя, взираше на него. По прилучаю же пономарь над просвирами прежде священника в пекарне действо сотвори по обычаю олтаря и принесе к действу священническу. Егда же священник нача просвиромисать, и не бысть пред ним в видении орла. Он же начат плакався, которати себя, глаголя: «яко греха ради моего не прииде святый дух». Бысть же глас к нему: «сего ради не прииде к действу твоему, яко закланное ми паки закалаешь и принесенное паки приносишь». Священник же вопросив пономаря о тайне сей; он же исповедав подробну вся, како учинил, пад пред священником, прощения испросил.

Видишь ли, никониянин, что вы делаете, над одною просвирою кудесите,— дыр с 300 навертишь! Ох, собаки! Переменили предание святых отец и пять просвир вместо седми возлюбили. Так же и в Риме прежде вас соделалося. Папа еретик,— забыл я имя ему, Спиридон Потемкин * покойник помнил,— так же откинул от седми две просвиры: подобает-де над пятию просвирами служити в пять чувств человеческих. А другой папа после тово еще две откинул: подобает-де над трема служить во образ святыя троицы. А после тово третий папа еще две откинул: подобает-де над единою служить во едино божество. А иной папа: не подобает-де кислой просвире в службе быть, но опреснок * надобе Моисеова закона ветхаго.

ИЗ БЕСЕДЫ ДЕСЯТОЙ

Беседа о наятых делателях

...В Луке зачало осмьдесят третие: «нищ же бе некто именем Лазарь, иже лежаще пред враты его гноен, и желаше насытитися от крупиц, падающих от трапезы богатаго. Но и пси, приходяще, облизаху гной его. Бысть же умрети нищему, и несену быти на лоно Авраамле. Умре же богатый, и погребоша его, и во аде. Возвед очи свои сый в муках, узре Авраама издалеча и Лазаря в недрех его. И той возгласи, рече: «отче Аврааме, помилуй мя и посли Лазаря, яко да омочит конец перста своего в воде и остудит язык мой, яко стражду в пламени сем». Рече же Авраам: «чадо, помяни, яко восприял еси благая твоя в животе твоем, и Лазарь такожде злая: ныне же зде утешается, ты же страждеши. И над всеми сими между нами и вами пропасть велика утвердися, яко да хотящии преити отсюду к вам не возмогут, ниже оттуду к нам преходят». Рече же: «молю тя убо, отче, да послеши его в дом отца моего, имам бо пять братия, яко да засвидетельствует им, да не и тии придут

на место се мучное». Глагола ему Авраам: «имут Моисея и пророки, да послушают их». Он же рече: «ни, отче Аврааме; но аще кто от мертвых идет к ним, покаются». Рече же ему: «аще Моисея и со пророки не послушают, ниже аще кто от мертвых воскреснет, не имут веры» *. Видите ли, братие, како смири его мука? Преже даже пред очима не видел Лазаря гнойна, а ныне зрит издалеча и мил ся деет ко Аврааму, а Лазарю говорить сором, понеже не сотворил добра ничтоже. Возьми,— пойдет Лазарь в огонь к тебе с водою! Каков сам был милостив! Вот твоему празднеству отдание! Любил вино и мед пить, и жареные лебеди, и гуси, и рафленые куры: вот тебе в то место жару в горло, губитель души своей окаянной! Я не Авраам,— не стану чадом звать: собака ты! За что Христа не слушал, нищих не миловал? Полно-тко милостивая душа Авраам-от миленькой,— чадом зовет, да разговаривает, бытто с добрым человеком. Плюнул бы ему в рожу ту и в брюхо то толстое пнул бы ногою! Да что тово говорить? — по себе я знаю: хотя много надосадит никониянин, да как пришед с лестию бывало: «ведаю твое чистое, и непорочное и богоподражательное житие, помолися о мне, и о жене, и о детях, и благослови нас!» — так мне жаль станет, плачю пред богом о нем. Да и ныне ево жаль,— не знаю што. Завел его собака Никон за мыс, а то он доброй человек был, знаю я его. Полно тово.

[ИЗ ТОЛКОВАНИЙ ПСАЛМОВ]

Псалом: «Обновится, яко орлу, юность твоя»*. Толк: Чти Алфавит, да разумееши, како обновляется орел. Аще внимаеши, и аз ти повем. Егда состареется орел и обветшает весь, тогда обретает источник воды чисты и возлетает выспрь с великим трудом, еже есть в высоту, взимается к небесному огню, сиречь близ солнца подлетит, и обгорит вся ветхость на нем; он же паки возвращается на прежереченный источник чистыя воды и измывается довольно в нем, и, паки опернатев, бывает юн вместо ветха. Ну, душе, сотвори и ты так. Аще обетшала грехми, да

обновится, яко орлу, юность твоя; так же прибегни ко огню небесному, попаляющему терние наших грехов *. С Павлом реку: «бог наш огнь паядаяй есть *. И измойся чистою водою естественною» *, еже есть крестися паки во второе, по писанию, понеже второе крещение грешнику — слезы и покаяние. *Да обновится, яко орела, юность твоя.*

...Псалом: «Господь на небеси уготова престол свой и царство его всеми обладает» *. Толк: Царствует господь наш Исус Христос над всею тварию, над верными и неверными, еллинами, июдеями и самими бесами. Не пресекается царство его, и: его же царствию несть конца. Слыши, никониянин, что глаголет пророк, яко вечно царство господне и не пресекается времены. Аще и блядословишь на погибель себе, не по разуму говоря: «его же царству не будет конца», и я на тебя не дивлю: понеже пьян ты, упился еси от жены любодеицы, седящия на водах многих и ездящи на звери червленне. Зело пияно вино и пьяно питие у блядки. Нарядна вор-блядь; в царской багрянице ездит и из золотой чаши подливает *. Упоила римское царство и польское, и многия окрестные веси, да и в Русь нашу приехала * во 160 году *, да царя с царицею напоила: так он и пьян стал; с тех мест не проспится; беспрестанно пиет кровь свидетелей Исусовых. Ну, разумеете ли про жену ту, чада церковная? Всякая ересь блядня глаголется. У еретиков у всех женская слабость: якоже блудница всякова осквернити желает, тако и отступник Никон с товарищи всех тщится перемазать сквернами любодеяния своего, да же отведет от бога великия и малыя, богатыя и убогия, смиренныя и нищия, старыя и младыя, юноша и девы и ссущия сосца матерня младенцы — всех сих еретик ищет погубить и ко диаволу подклонить.

...Псалом: «Слово законопреступно возложиша на мя: еда спяй не приложит воскреснути» *. Толк: Жиды лгаху Пилату на Христа, вадяще, да распнет его *, и ругающеся глаголаху: «аще снидет со креста, упова на бога, да видим и веру имем ему!» * А нынешние жиды, в огонь сажая правоверных християн, тоже ругаяся говорят: «аще-де праведен и свят, и он-де не сгорит!» А кой и не сгорит, и оне,

иссекши бердышами, и паки дров насеченных накладут, да в пепел правоверных жгут, яко и там на кресте Христа мертва в ребра мужик стрелец рогатиною пырнул *. Выслужился блядин сын, пять рублев ему государева жалованя, да сукно, да погреб! Понеже радеет нам, великому государю. Ох, ох, бедныя!

Псалом: «Ибо человек мира моего, на нь же уповах, ядый хлебы моя, возвеличи на мя пяту» *. Толк: Сие реченно о Июде предатели. Ступил на шею Христу тому свету враг божий, забыл хлеб-соль; все на руках было, и ковчежец имеяша и вметаемая ношаше *. Да что на Июду? И ныне много таких; всяк Июда, иже льстит и обманывает, любя тленные вещи и сребро паче души своея.

...Псалом 41:

«Им же образом желает елень на источники водныя, сице желает душа моя к тебе, боже» *. Толк: Елень бо зверь легкий и быстрый, питается мохом, и зиму и лето щиплет подле земли пищу свою, и по прилучию пожирает змей и поглатает живы во утробу свою; змия же, егда утробу терзати начнет, елень же течет быстро на источник водный и, пиюще текущую воду, умерщвляет в себе змию и паки здрав и жив бывает; аще ли же не получит воды в той час, змия его умерщвляет (о сем писано во Алфавите). Сице подобает и нам желание имети к богу, пожерше змию мысленную, еже есть беса возгнездившагося в нас, многокозненными умыслы и страстьми различными на вечную смерть устроающа *. Дондеже есмы в животе, потщимся взыскати текущия живыя воды, ею же спас поил самаряныню жену, сице глагола к ней: «всяк, пияй от воды сея, вжаждется паки, а иже пиет от воды, юже аз дам ему, не вжаждется во веки; но вода, юже аз дам ему, будет в нем источник воды, текущи в живот вечный» *. Вот живая вода во Евангелии и во всех святых писаниях. Заливай ею, слышателю, змей-те в себе.

...Псалом: «Красотою твоею и добротою твоею и налецы и спей, и царствуй, истинны ради, и кротости, и правды, и наставит тя дивно десница твоя» *. Толк: Силенде ты, Христе, налицая налячеши лук свой на скипетры

сатанины и спешно-де сотвори добротою своею красною, испровергше диявола; царствуй над грехом, кротости ради и правды истинныя; наставит тя дивно десница твоя. Мудро господь диявола тово победил, братия; обманул ево, яко рыболов рыбу удицею подцепил. Евсевий Самосадцкий * пишет: «якоже лшение ловец на уду вонзе, рыбу уловляет, тако и Христос плоть облече на божество, утаився, диявола уловил». Дурачищо большой, не Адама в породе снедном обмануть! Сам, что собака бешаная, в петлю попал! Да ладно так Христос сын божий сделал,— заколол его древяным копием, еже есть трисоставным крестом, да и нам приказал тем же крестом его побеждать и власть дал, наступати на змию, и на скорпию, и на всю силу вражию.

...Псалом: «Помяну имя твое во всяком роде и роде. Сего ради людие исповедятся тебе в век и в век века» *. Толк: Зри, и нам поминати имя господне, великим и малым, во всяком роде, и апостольски во Христе жити.

Да и есть в нашем роде; на них зря людие исповедятся богу в век и в век века непрестанно. Наипаче же в нынешнее время в нашей Росии сами во огнь идут от скорби великия, ревнуя по благочестии, яко древле апостоли; не жалеют себя, но Христа ради и богородицы в смерть идут, да вечно живи будут. А как-су нейти в огонь християнскому роду? Богородицу согнали со престола * никонияне-еретики, воры, блядины дети. Да еще бы не горько християнину! Горько-су будет, не покручинься. У християн только и надежи она, упование, с сыном своим и богом. А еретики с престола сбросили и обесчестили. Ну, поп еретик, с чем о велике дни приидешь на двор ко крестиянину? Ни креста Христова в руках нет, ни образа богородична! По польскому обычаю крыжок из зепи вынявши, и благословлять, смеяся, станешь. Ох, воры, блядины дети! Каковы митрополиты и архиепископы, таковы и попы наставлены. Воли мне нет да силы,— перерезал бы, что Илья пророк студных и мерских жерцов всех, что собак. А к чему их блюсти! Тушны уже гораздо, упиталися у тряпезы Иезавелины * и *держаще учение Валаамово, иже*

учаше Валаака положити соблазн пред сынми Израилевыми, ясти жертвы идольския и любы творити *. Ей, прямо так; не затеял я: чти книги 4-я Моисеовы, глава 24. Слово в слово так же и ныне. В Ферапонтове монастыре новой Валаам *, блудодей, царя тово развратил и выблядков тех наплодил. Знаете ли, вернии? Никон пресквернейший; от него беда та на церковь ту пришла. Как бы доброй царь, повесил бы его на высокое древо, яко древле Артаксеркс Амана, хотяща погубити Мардохея и род Израилев искоренити *. Миленькой царь Иван Васильевич * скоро бы указ сделал такой собаке. А то чему быть! Ум отнял у милова, у нынешнева, как близ ево был. Я веть тогда тут был, все ведаю. Всему тому сваха Анна Ртищева со дьяволом.

...А противник, еже есть антихрист, зачнется от блуда, от жены жидовки, от колена Данова.

Мнитмися, сам сатана сблудит с нею сим подобием, якоже змий ныне летает к женам *, дьявольской же дух; и дасться зачатому душа за плоть матерню. А хотя и бусорман сблудит, ино тот же поганец,— духом своим дьявол помажет его, так и стал помазанец. Исперва будет казатися людям кроток, и смирен, и милостив, и человеколюбив: слово в слово как Никон, ближней предтеча его, плакать горазд. Я ево высмотрил дияволова сына, до мору тово еще,— великий обманщик, блядин сын! Как-то при духовнике том, Стефане, вздыхает, как-то плачет, овчеобразный волк. В окно из палаты нищим деньги бросает, едучи по пути нищим золотые мечет! А мир-от слепой хвалит: государь такой-сякой, миленькой, не бывал такой от веку! А бабы молодые,— простите бога ради,— и черницы, в палатах тех у него веременницы, тешат его, великого государя пресквернейшаго. А он их холостит, блядей. У меня жила Максимова попадья, молодая жонка, и не выходила от него: когда-сегда дома побывает воруха, всегда весела с воток да с меду; пришед песни поет: у святителя государя в ложнице была, вотку пила. А иные речи блазнено и говорить. Мочно вам знать и самим, что прилично блуду *. Простите

же меня за сие. И больши тоя безделицы я ведаю, да плюнуть на все. Слово в слово таков-то и антихрист будет.

...И царя тово враг божий омрачил, да к тому величает, льстя, на переносе: «благочестивейшаго, тишайшаго, самодержавнейшаго государя нашего, такова-сякова, великаго,— больше всех святых от века!— да помянет господь бог во царствии своем, всегда, и ныне, и присно, и во веки веков». И веков тех,— и то в Кириллове книге * описует ересь: малое-де слово сие, да велику ересь содержит *. А царь-ет, петь, в те поры чается и мнится бутто и впрямь таков, святее его нет! А где пуще гордости той! Мерзко богу горделиваго и доброе дело, колми же блудня и слабоумие, истинну в неправде содержаще. И бесплотных на небеси не пощадил бог за гордость и неправду, якоже Иезекииль пророк глаголет,— «херувим из среды огня извержен бысть, зане обретошася неправда в нем» *. Кольми же берна [1] человека не пощадит бог за гордость и неправду. Прежде во православной церкви на переносе не так бывало, но ко всему лицу мирскому глагола дьякон и священник: «всех вас до помянет господь бог во царствии своем, всегда, и ныне, и присно, и во веки веком»; а до царя дошед, глаголет: «да помянет господь бог благородие твое во царствии своем»; а к патриарху пришед: «да помянет господь бог святительство твое во царствии своем». А не в лице говорили имянем его, посылая во царство небесное: буде он и грешен, ино род его царев православен, а в роду и святой обрящется. Тако и патриарх, аще и согрешит нечто, яко человек, но святительство непорочно. А ныне у них все накось да поперег; жива человека в лице святым называй: коли не пропадет. В Помяннике напечатано сице: «помолимся о державном святом государе царе». Вот, как не беда человеку! А во Отечниках написано: *

---

[1] бренна — в Боровском списке (XVIII в.), по которому печатал отрывки из данного сочинения Н. Субботин (см. Материалы для истории раскола под ред. Н. Субботина, т. VIII, М. 1887, стр. VI, IX). В настоящее время этот список неизвестен и разночтение указывается на основании свидетельства Н. Субботина.

«егда-де человека в лице похвалишь, тогда сатане его словом предаешь». От века несть слыхано, кто бы себя велел в лице святым звать, разве Навходоносор Вавилонский! Да досталось ему, безумному! Седмь лет быком походил по дубраве, траву ядше, плачучи. Да, хорошо; слава богу о сем. Как простил бог слез тех ради, так потом годе усу тому воля давать; не стал уж раздувать, но и до смерти семеньми питашеся. А то приступу не было: «бог есмь аз! Кто мне равен? Разве небесной! Он владеет на небеси, а я на земли равен ему!»

...Много мучительства сотворил и крови неповинныя реки потекли. Во Апокалипсисе писано: «аще кто в пленение ведет, в пленение да идет, а аще кто мечем убиет, подобает ему убиенну быти» *. Писание не лжет, будет так; праведен суд божий; терпит господь, наказуя, ожидает обращения. Манасии пятьдесят лет терпел, да дождался *. Также шаловал дурачищо, бога отступя, и на высоких жрал, сиречь на горах болванам кланялся. Исаия пророк, велегласная труба, так же ему журил, как и ныне бывает, и он ево на полы древяною пилою перетер: «навось! не указывай нам, великому государю! на нас то положено!» А кто положил? В коих правилах писано царю церковью владеть, и догматы изменять, и святая кадить? Только ему подобает смотрить и оберегать от волк, губящих ея, а не учить, как вера держать и как персты слагать. Се бо не царево дело, но православных архиереов и истинных пастырей, иже души своя полагают за стадо Христово, а не тех, глаголю, пастырей слушать, иже и так и сяк готовы на одном часу перевернутца. Сии бо волцы, а не пастыри, душегубцы, а не спасители: своими руками готовы неповинных крови пролияти и исповедников православныя веры во огнь всажати. Хороши законоучителие! Да што на них дивить! Таковыя нароком наставлены, яко земские ярышки,— что им велят, то и творят. Только у них и вытвержено: «а-се, государь, во-се, государь, добро, государь!» Медведя Никон, смеяся, прислал Ионе Ростовскому на двор, и он челом медведю — митрополитищо, законоположник! А тут же в сонмице с палестинскими седит *,

бутто знает! А о Павле Крутицком мерско и говорить: * тот явной любодей, церковной кровоядец и навадник, убийца и душегубец, Анны Михайловны Ртищевой любимой владыка, подпазушной пес борзой, готов зайцов Христовых ловить и во огнь сажать. Добро-су, други, пришла ваша година и область темная. Творите, еже хощете. Нечево много говорить, не пособить подождать воли господни, аже умилосердится о нас бедных и услышит плач вопиющих к нему день и нощь. Надеюся, яко прекратит дние сии за молитв святых отец наших и подаст рабом своим отраду и утеху. Да и при Манасии жерцы те также шурмовали; да как самово выдал бог персам, так и все скуталися, и хвосты те, воскрылия риз своих, прижали. А Манасию татаровя в коноб всадили, самово изжарить хотели, как он жарил во Израили глаголющих истину и правду. Видит беду свою неминучую, яко не помогут боги, стоящии на горах высоких, притече душею ко истинному богу, животворящему мертвыя, и возопи, в конобе медяне седя: «господи вседержителю, боже отец наших, Авраамов, и Исааков, и Ияковль», и прочая. Вот, пророк Давыд не солгал, рекше: «броздами и уздою челюсти их востягнеши, неприближающихся к тебе» *. Слава тебе, господи! Любо и мне; хорошо так, Христе, сыне божий! А то с дураком ладу не было, все переломал на свой лад, и сына божия попрал, и кровь заветную осквернил, а в котле том узнал Авраамова бога. И Авраам отец стал. А до тово глупым звал, как и в Московском сонме: глупы-де были русские наши святыя, грамоте не умели! Так и там было. Господь милостив: покаяния ради избави его от смерти,— расседеся коноб, и ангел восхитя ево и принесе во Иеросалим. Ну же он жерцов тех душить, и живых и мертвых: от васде разорение се, и мне была кончина! воры-де, блядины дети, с ума меня свели! А сам где был? А то Исаия говорил. Полно противитца! Сам так захотел: новой закон блядивой положил, а отеческой истинной отрынул и обругал. Кто бы тя принудил? Самовластен еси и священная писания измлада умееши, могущая тя умудрити во спасение твое, да не восхотел последовати учению отца ис-

тиннаго духовнаго твоего, но приял еси змию вогнездящуюся в сердце твое, еже есть тогда и днесь победители. Кайся вправду, Манасия! Не гляди на Озию, во отчаяние пришедша, дерзнувшаго святая покадити *, но зри на богоотца царя и пророка Давыда. Егда изочте Израиля и прогневал тем бога, послан ангел и уби от полка его в три часа 70 000. Давыд же плакаше и бияше в перси, глаголя: «аз, пастырь, согреших; аз тя, господи, прогневах, а сии овцы ничтоже о сем разумеют; меня казни и дом мой, а сих помилуй!» И умилосердися господь, покаяния ради царева, повеле ангелу престати от пагубы людцкой *. Виждь, начальных согрешения какову беду миру наносит, тогда и ныне и во веки. А в нашей России в 20 в 3 лета, отнележе враг развратил церковь и внесены быша еретическия уставы, много пагубы бывало: мор на всю землю и сеча, и междоусобие, и кровь беспрестанно льется, за начальных игрушки. А еретики ему блазнят и лагодят, глаголя: «яко на кроткова, государь, Давыда напасти и беды на тебя и на царство твое бывают». А не молвят так, что-де, государь, войны те и смущение во царстве том, яко при Сауле царе, сыне Киссове; несть ли-де и во твоей души таковаго смущения, якоже и в его, Саулове, мерской, осмотрися-де, государь, и прибегни с покаянием к богу, да милостив будет той зде и в будущем веце яко Манасии, умилосердися-де, государь, яко Ахав развративше Израиля; прибегни, яко блудница; * возопи, яко хананея; * припади, яко мытарь *, бия в перси, и, яко разбойник, возопи: * «помяни мя, господи, егда придеши во царствии си», да милостив будет ти господь бог, не ревнуй лукавнующим, ниже завиди творящим беззаконие, *зане яко трава скоро истшут и яко зелие злака скоро отпадут* *. Престани-де, государь, проливати крови неповинных; пролей в то место слезы, угаси пещь, палящую рабов Христовых в Боровске и в Казани; с воздыханием из глубины сердца расторгни узы седящих в темницах и изведи живых, закопанных в землю; припади к коленома их с покаянием, да умолят о тебе бога, яко о Феофиле иконоборце Мефодий *. Древле также был ми-

ленький Мефоди-ет с двема разбойникома закопан в землю, яко и бояроня Морозова Феодосья в Боровске с прочими, в земле сидя, яко кокушка кокует.

...Пострижена ты уж нынеча, инокиня схимница Феодора *, миленькая моя! Как-то человеку тому, душка та коему больна, всяко домышляется, еже бо не во тщету жизнь изнуряти! Хороша ты и так милостиею божиею была и без чернечества тово. А ныне и давно добро, кстае плакать сильно ладно [1]. Также бы нам надобно царя тово Алексея Михайловича постричь беднова, да пускай поплачет хотя небольшое время. Накудесил много, горюн, в жизни сей, яко козел скача по холмам, ветр гоня, облетая по аеру, яко пернат, ища станы святых, како бо их поглотить и во ад с собою свести. Но спаси его, господи, имиже веси судьбами своими, Христе, за молитв кокушек тех, бедных, седящих в земле.

...О царю Алексее! Покажу ли ти путь к покаянию и исправлению твоему? Воззри на царя Давыда, что сотвори, внегда вниде к Вирсавии, жене Уриеве, сиречь у живова мужа отнял жену и на постелю к себе взял. Таже вниде к нему Нафан пророк и глагола пророк пророку со дерзновением: «царю Давыде! даждь ми суд праведен на сильнаго, имущаго у себя сто овец, и едина бысть овца у некоего, он же, восхитя, и ту к себе привлече. Да судиши праведне обидящаго со обидимым!» Давыд же отвеща: «сотворивый неправду повинен смертному осуждению» *. И глагола ему Нафан: «царю Давыде! ты сию неправду сотворил: понеже имаши триста жен и семьсот наложниц, не удоволився ими, убив боярина своего Урию, и жену его Вирсавию к себе же на ложе привлече. По суду своему повинен еси смерти». Давыд же рече: «о Нафане, что сотворю? Согреших, неправду сотворих». И глагола ему Нафан: «возри вспять и виждь осуждение твое». Обозревжеся Давыд, виде над собою ангела,— оружие наго держа, хотя его за беззаконие посещи *. И возопи Давыд ко господу: «помилуй мя боже, по велицей милости твоей и по многим щедротам твоим очисти беззакония моя» и прочая

---

[1] В Боровском списке (см. стр. 154): сильно хорошо, ладно.

псалма того, весь до конца. И плакався о гресе том непрестанно и до смерти своей. Вот, царю! коли тебя притрапезники те твои Давыдом зовут, сотвори и ты Давыдски к богу покаяние о себе и не гневайся на мя, правду свидетельствующу ти, якоже и на Нафана Давыд, но послушай совета моего болезненнаго к себе. Ей, тебе истинну говорю,— время покаятися.

...Любя я тебе, право, сие сказал, а иной тебе так не скажет, но вси лижут тебя,— да уже слизали и душу твою! А ты аще умеешь грамоте той, но и нонеча хмельненек от Никанова тово напоения; не помнишь Давыдова тово покаяния. Ведаю разум твой; умеешь многи языки говорить, да што в том прибыли? С сим веком останется здесь, а во грядущем ничимже пользует тя. Воздохни-тко по-старому, как при Стефане, бывало, добренько, и рцы по рускому языку: «господи, помилуй мя грешнаго!» А кирелеисон-от отставь; так елленя говорят; плюнь на них! Ты ведь, Михайлович, русак, а не грек. Говори своим природным языком; не уничижай ево и в церкви и в дому, и в пословицах. Как нас Христос научил, так и подобает говорить. Любит нас бог не меньше греков; предал нам и грамоту нашим языком Кирилом святым и братом его *. Чево же нам еще хощется лучше тово? Разве языка ангельска? Да нет, ныне не дадут, до общаго воскресения. «Да аще бы и ангельски говорили,— Павел рече,— любве же не имам, бых яко медь звенящи или яко барабаны ваши!» * Никоея пользы в них несть. «Любы не превозносится, не бесчинствует, любы не завидит, ни гордится, не раздражается, не ищет своя си, не вменяет злое, не радуется о неправде, радуетжеся о истинне, вся любит» *. А ты, миленькой, посмотри-тко в пазуху-то у себя, царь християнской! Всех ли християн тех любишь? Несть больше, отбеже любы и вселися злоба. Еретиков никониян токмо любишь, а нас, православных християн, мучишь, правду о церкве божии глаголющих ти. Перестань-ко ты нас мучить тово! Возьми еретиков тех, погубивших душу твою, и пережги их, скверных собак, латынников и жидов, а нас распусти, природных своих. Право, будет хорошо. Меня хотя и не замай в земле той до смерти

моей; иных тех распусти. Потому что меня жалуют люди те, знают гораздо везде: так мне надобе себя поупасти, чтобы в гордость не войти. Писано: «отрада на душу гонение велико живет». И ты, пожалуй, распусти иных тех при себе, а я и так хорош. Сын твой после тебя распустит же о Христе всех страждущих и верных по старым книгам в господа нашего Исуса Христа. На шестом соборе бысть же сие,— Констянтин Брадатый проклявше мучителя, отца своего еретика *, и всем верным и страждущим по Христе живот дарова. Тако глаголет дух святый мною грешным, рабом своим: и здесь тоже будет после тебя! И ты послушай меня, сделай доброе при себе, дондеже еси в животе. Егда приидет хищник и восхитит тя, не успеешь тогда; *понеже суд бывает без милости несотворшим милости* *. Веть мы у тебя не отнимаем царства тово здесь, ниже иных взущаем на тебя, но за веру свою стоим, боля о законе своем, преданнем от святых отец. Что ти успеет во грядущий век? Грабишь нас напрасно и обнажаешь от Христа. Время и тебе покаятися, понеже любит господь бог покаяние.

Хощещи ли, ин путь тебе покажу? Взри на неввитян. В три дни милость божию к себе привлекли сицевым образом. Глагола господь ко пророку Ионе с повелением: «иди и проповеждь ниневвитяном, да покаются, понеже грехи их внидоша во уши моя; аще ли ни, погибнут пагубою». Иона́ же, ведав божие милосердие, яко милостив бывает кающимся, не восхоте в Неввию итти, но седше в корабль и в Фарсис побеже, да же не солжется пророчество. Став же корабль непоступно на пучине морстей, ветру велию дышущу. Иона же навклиром, еже есть корабleником, рече: «вверзите мя в море, понеже мене ради не поступит корабль». Егда же вовергоша, и повеле бог киту великому, да пожрет его. И бысть три дни и три нощи во чреве китове, прообразуя Христово тридневное погребение в сердцы земли. И принесе его кит жива к Ниневии, граду великому, ему же обхождение седмь дний. В книгах Ионы пророка, в Библии писано. Егда же испусти его зверь, он же проповеда людям, глаголя: «аще не покаетеся, тако глаголет господь, в три дни погибнете». И изыде на поле, седе

под смерчием, ожидая граду погубления. Людие же умилишася и с ссущими младенцы сосцы матерни три дни постишася и плакавше грех своих, во вретища облекошася и перстию главы своя посыпавше, и скоту не даша пищи и пития. Много их бысть, иже не познаша десницы и шуйцы, больши двунадесяти тем,— сиречь робят тех столько, а старых тех и гораздо много. И виде бог умиление и покаяние их, раскаявся владыко и помилова их. Пророк же оскорбися, яко не сбысться пророчество его и уснув, сидя под смерчием,— сиречь древца некакие,— и он, милой, с кручины взвалился под куст и уснул. И взыде об нощь тыковь над главою его, красна и лепа. Он же возрадовахся и возвеселихся о ней. И повеле господь червю ночному подгрызти: и изсше из корени. Пророк паки оскорбися о ней. И глагола ему господь: «како ты, Иона, ни садил, ни поливал тыковь сию,— об нощь возрасте, об нощь и погибе, а скорбию великою оскорбился еси о ней? Кольми же в Ниневии людии мои, иже не познаша десницы и шуйцы, больши паче, нежели дванадесят тем, вси оскорбишася и притекоша ко мне» *. Виждь, человече, како любит бог покаяние грешников, понеже праведника пророка тешит, а грешных милует. Прибегнем к нему, милостивому богу и спасу нашему, и не отчаем своего спасения, якоже Каин сотворил, или царь Озия во Израили. Добр человек был и милостив, и правдолюбив, но впаде в недуг гордости, сицевым образом разгордевся: вниде во святая святых, взем кадило и приступи к жертвеннику, начат святая кадить. Архиереи же умолчаша ему за величество сана его, но токмо един священник Азар приступи к царю и рече (как бы то я, бедной, тебе ворчу,— архиереи те не помогают мне, злодеи, но токмо потакают лишо тебе: жги, государь, крестьян тех, а нам как прикажешь, так мы в церкве и поем; во всем тебе, государю, не противны; хотя медведя дай нам в олтар-ет и мы рады тебя, государя, тешить, лише нам погребы давай, да кормы с дворца. Да, право, так,— не лгу). И глагола Азар: «Озия! не подобает ти святая кадити, но токмо единем иереом, сыном Аароним». Он же, не стыдевся гласа священническа, своя совершая. И порази

его господь язвою на челе, еже есть бог проказу наведе. Изгнаша его из церкви по закону Моисеову, понеже закон повелевая прокаженных вне сонма и из града изгоняти, дондеже исцелиет, и паки по свидетельству священническу приемлется и прощен бывает. Людие же, устыдевся сана царьска, не изгнаша его из града. Он же, Озия, живяше в доме своем неисходно, не приде в покаяние греха своего и до смерти. Бог же о сем прогневася на люди, удержа пророчество за их согрешение и за пророческое ослабление, яко не изгнаша прокаженнаго царя вне града. И молча пророк Исаия до смерти Озиины, понеже дух святый не сниде на пророка к недостойным людям глаголати, яко прогневаша господа удержанием прокаженнаго во граде. И в лето, в неже умре Озия царь, виде господа седяща на престоле высоце и превознесенне, и окрест его херувимы, шесть крыл единому и шесть крыл другому, двема облетаху, двема очи закрываху, двема же — ноги, и вопиюще друг ко другу: свят, свят, свят господь Саваоф, исполнь небо и землю славы его. И един от предстоящих, взяв клещи и от престола угль горящий, и прикоснуся устом моим, рече пророк и возопив: «о, окаянный аз, провидех воплощаемаго бога, света невечерня и миром обладающа!» И нача паки пророчествовати *. Виждь и разумей, колики беды гордость рождает: сам погиб и людям охрипу наведе и тщету дарования божия. Тако и ныне от гордости вниде во церковь нестроение и догматное пременение.

[ИЗ ТОЛКОВАНИЯ НА КНИГИ ПРИТЧЕЙ И ПРЕМУДРОСТИ СОЛОМОНА]

...Коли взбесился, не унять тебя. Ну и церковь ту под гору со всем! Разделай костел римской и опреснок учини, яко папа, еретик римской, после причастия в олтаре птицы рафленыя заедать на золотых блюдах, с похмелья! как быть хорошо! прикусны! лутче просвир! мясцо птичье

брюшка не пыщит! Воры, воры, блядины дети! Как вам себя не сором! Июдейская вся возлюбили, яко и оне древле похотеша желанию в пустыни и искусиша бога в безводне: и даст им прошение их, посла сытость в душа их. Но потекла им по пятам сия сытость! Поражени бо быша в пустыне, и от змей погибоша, и из ноздрей черви потекоша, и многоразлично казни неблагодарнии прияша; * наконец же, всех кости падоша, — не вниде ни един в обетованную землю, токмо Исус Наввин, чад их обрезав; * а старые те черти все падоша в пустыни. Такие же, как и вы, сластолюбцы были. Манну едят, а о чесноке египетском тужат. Да помяните себе, что я говорю: пропасть и вам за собак места! Ждет вас бог на обращение; не узнаетеся враги креста Христова, сластолюбцы, блудодеи, осквернивше ризу крещения, убийцы и прелюбодеи, пьяницы и непрестаемаго греха желатели. Горе вам, насыщении, яко взалчете! Горе вам смеющимся, яко восплачете и возрыдаете! Дайте только срок, собаки, не уйдете у меня: надеюся на Христа, яко будете у меня в руках! выдавлю я из вас сок-от! Ну, да полно тово! яжьте, пейте, веселитеся, разоряйте церковь ту! не соромьтеся, делайте костел-от! пришла ваша година и область темная. А мы с православными християны за святую церковь о Христе Исусе помрем от вас, не изменим отеческое ничто же.

...Рассуждай глагол Христов: своего врага люби, а не божия, сиречь еретика и наветника душевнаго уклоняйся и ненавиди, отрицайся его и душею и телом, а аще кто не богоборец и не еретик досаждает ти, таковаго любити подобает по господни заповеди. Тому же подобно и мирное поставление. С еретиком какой мир? Бранися с ним и до смерти, и не повинуйся ево уму развращенному.

...Беги от еретика: обесчестишься, поречешь себя, сиречь душу свою извредишь: ево не исправишь, а себе язвы приимешь. В еретиках жестоки нравы и неизвратны на благое; зудит его слово то правое, яко мозоль.

...Аще он когда и мяхко с тобой говорит, уклоняйся его, понеже ловит тебя, да же наведет беду душевную и телесную. Но с премудрым советы сердечныя рассуждай.

...Взыщи християнина, который старых святых книг не уничижает, и с ним беседуй, рассуждая премудрость, писанную во святых старопечатных книгах, и приложит примати. Так обоим добро будет от Христа бога.

...Сущее: «Падут грады, вознегодует на них вода морская, реки же потекут жесточае» *. Толк: Глаголет, — падут грады — от бога отступят люди, а вознегодует вода морская — грешные праведных изгоняют; реки же потекут жесточае — еже есть праведники пуще их воровство обличают: грешники праведников мучат, а оне больши их обличают, не молчат небось, стреляют их праведными словесы своими метко; не обмишулится праведник-от, — уж как пустит слово-то свое о Христе на собаку никониянина, тотчас неправду ту в еретике-то заколет.

...Сущее: «Седина же есть мудрость человеком и возраст старости житие нескверное» *. Толк: Зри житие чистое и не скверное и безгрешное, мудрость, и честь, и слава, и старость честная человеку. Всех богатых богатейший и славных славнейше, во всем мире обносится имя его, живущаго в вере Христове и в делех господних. Блажен есть таковый и треблажен, иже не ульсти языком своим, и не сотвори искреннему своему зла, и поношения не прият на ближния своя. Окаянен же и безумен же оттекает от веры Христовы, истинные старыя премудрости, и прилепляется бесом, молодой вере, глупостию младенческою одержим. Таковый и дел благих не имать, тако глуп, яко робенок: по земле прилежай и щепу и говно поемля, в рот себе пихает; и падая с лавки и с полатей, язвы себе от безумия приемлет. Тако любяй никониянския книги спадает с высоты разума старопечатных книг московских и язвит себя по внутреннему человеку: яко щепу и кал пихает в рот, научаяся лжи и неправде от блядивых книг никониянских; таковый аще и сед и многолетен, но младенец сый неразумия ради.

...Сущее: «Рачение бо злое губит добрая и желание похоти пременяет ум незлобив» *. Толк: Аще кто возлюбит злыя никониянския книги и иные поступки, — наречия и одежды и прочия бляди, нововодныя коби, — таковый вся

своя добрая погубляет и от бога чюжд бывает, понеже желание дурное переменит его беднова, ко всему нестроен учинится: ум-от у нево омрачится от погани той новой, и бывает милостивый не милостив, и незлобивый злобен, и праведный лживый учинится. Такова-то их новая та благодать проклятая, губит людей-тех добрых. Того ради подобает неослабно прибегати к богу и милости просити: всяк бо, правости ища и веры правыя, не погибнет, но имать по словеси Христову, живот вечный, а прилежай настоящей блазни, всяко погрязнет.

[ИЗ ТОЛКОВАНИЯ НА КНИГУ ПРОРОКА ИСАЙИ]

...Сущее: «И ту будет вселение птицам и водворение сирином, и тростие, и стеблие»*. Толк: Много птиц поющих по пустыни сей. Птичье житие проходят многие святые отцы и, яко сирины, со умилением и со слезами песнь богу поют. Сирин бо есть птица краснопеснивая,— писано во Алфавите* о ней,— обретается к востоку близ рая, во Аравитцких странах, в райских селениях живет и, егда излетает из рая, поет песни красныя и зело неизреченны, и не вместимыи человечю уму; егда же обрящет ея человек и она узрит его, тогда и паче прилагает сладость пения своего. Человек же, слышавше, забывает от радости вся видимая и настоящая века сего и вне бывает себя; мнози же и умирают, слушавше, шествуя по ней, понеже красно и сладко пение;* и есть не захочет горюн от желания своего. Было также и при Христе, бозе нашем, якоже и Евангелие повествует о сем: егда хождаше в пустыни Исус, а за ним народа пять тысящ и паки 4 с бабами и с робяты волочатся, слушавше, яко сирина, песен его, и не ядше, бедные приседят, сладки гораздо песни. Он же, умилосердився о них, и хлебом чюдесным и рыбою их накормил*

после учения пречистаго своего. Да плуты люди те сия забыли все и песни и чюдеса; идоша вспять от него. Кто их похвалит, дураки! начали, а не совершили. *Претерпевый до конца, той спасен будет* *, не начный блажен, но скончавый. Тако и ныне: кто сиринов тех, светов, слушает, сиречь учения святых отец, и тщится делом совершить, блажен будет и треблажен; понеже, яко июдей, не отступает вспять от Христа, но и умереть за истину готов, уповая на господа, яко трость вкоренень крепко и яко стебль у кореня Христа прицепился неотлучно.

Сущее: «И тамо будет путь чист, и путь свят наречется, и мимо идет тамо нечист, ниже будет тамо путь нечистых, рассеяни иже пойдут по нему и не заблудят» *. Толк: Путь чист и путь свят — заповеди божия глаголет, в них же ходят святии, чистое и непорочное живуще житие о Христе Исусе, а нечистии сими путьми не ходят, еже есть еретики не соблюдают заповедей господних, но и текущим по них возбраняют: не любят по бозе живущих, понеже стыдно им глядеть на постника, многоядцем, и блудным на целомудрых, и пьяным на трезвых. Праведник, яко светильник, не угасая светит, и люди о нем веселятся, по писанию: похваляему праведнику, возвеселятся людие. А богоотступнику досадно: ево так не хвалят, да ищет, как бы праведника уловить или погубить. Рассеяни же поидут по нему и не заблудят, сиречь, аще еретик праведника и изгоняет в ссылки, в расеяние посылает во страны дальныя, якоже Никон отступник делал с никонияны: отец и братию мою в Астрахань, и в Новгород, и в Сибирь, и в Дауры, и в Пустозерье, везде рассеяни по лицу всей земли, а оне, миленькие, не заблуждают, единаче ходят по пути господни.

...Сущее: «Почто цените сребро не в хлебы и труд ваш не в сытость; послушайте мене и снесте благая, и насытится во благих душа ваша; внимайте слухом вашим и последуйте путем моим: и жива будет во благих душа ваша» *. Толк: Развратився Израиль тогда, от закона и заповедей божиих ослабели, имения ваша изживаху в неподобство, якоже и у нас в новом Израили бывает; также

по-жидовски украшают плоть, а душу же презирают, а инии строят многоценныя ризы, инии возгражают домы красныя и различныя жилища, а инии кони и колесницы и иная несказанная, а к душевному строю претит диявол: в церковь и нищим подати не хощет, а что и подает, ино смеху достойно — денешку и полденешку или кусок корки сухие, а имеет тысящи сребра и злата и на псах ожерелки шелковые и кольца сребряные *. Ох, увы, ценившим сребро не в хлебы и труд не в пост! Глад себе вечной немилостивии собирают, изживая в непотребство и в блудню, вечных благих не желают, ушми не слушают и сердцем не внимают господу, зовущу: «внимайте слухом вашим и последуйте путем моим и жива будет во благих душа ваша. А сребролюбцы и немилостивии пуще изощряются на злая,— тогда во июдеях и ныне в наших единаче недугует человеч род сим недугом смертоносным необратно.

...Сущее: «Горы бо и холми изменятся, чающе вас в радости, и вся древеса дубравная восплещут ветьвми, и вместо прута взыдет кипарис, вместо же праха взыдет мирсина, и будет имя господне во знамение вечно и не оскудеет» *,— рече господь. Толк: Горы бо и холми — царие язык и власти земстии изменяются учением Христовым и святых его, приходят в благоразумие, чающе радости небесныя со святыми. И вся древеса дубравная восплещут; люди все верни бывше во Христа возрадуются; прежде бывше яко голая лоза и яко прут сухой, процветут во благовонный кипарис верою во Христа; израстут древеса чудная; по всей земли воня благоухания чудес наполнено святых. И ныне явился новой святой, Илинарх в Соловецком монастыре,— вместо же праха взыдет мирсина. Зрите и разумейте: не прах ли был Илинарх-от *, в земле лежал, кто ево знал, земля ино земля, а ныне яко мирсина взошел, зело завонял во всю русскую землю. Мирсина бо есть древо райское, обретается к восточным странам, посреде кедров и кипарисов, и зело древо уханно, еже есть вони исполненно благой, издалеча приходящаго обвеселит. Тако и Иринарх во всей земли верных возвеселил, а никониян взбесил своим и скорбь им наведе

явлением. Понеже старыя нашея изгнанныя православныя веры крин процвете, на обличение никонияном новолюбцам, врагом и отступником от Христа и от пречистой богородицы и от соловетцких чудотворцов. Как вы, никонияне, скрыть чудо сие умыслите? Али сице рцете, яко вашего ради достояния земля Иринарха отца изведе из недр своих ради ваших новых блядивых молитв? Гордоусы! — обмишулились,— не так, не так! не лгите на истину: пение в Соловках церковное и келейное по старому православию и книги имеют старопечатные, вашим блядям противятся, того ради от вас в осаде сидят седмь годов * милые, алчни и жадни, наги и боси, терпят всякую нужду ради веры православныя. Того ради, утешая их, бог изведе из земля стараго игумна Иринарха, бывшаго древле в православной вере при благочестивом царе Михаиле Федоровиче всея Руси. И будет имя господне во знамение вечно, рече господь: еще же и не оскудеет, по словеси божию, старое наше православие молитвами святых отец. А ваше никонияиское собачье умышление скоро извод возьмет, не будет яко мирсина и кипарис, но яко неверия паки в прут иссохнет и в прах разыдется, и провоняет яко мертвый пес.

ЧТО ЕСТЬ ТАЙНА ХРИСТИАНСКАЯ И КАК ЖИТИ В ВЕРЕ ХРИСТОВЕ

...Еже есть хощеши помилован быти — сам такожде милуй; хощеши почтень быти — почитай; хощеши ясти — иных корми; хощеши взять — иному давай. Се бо есть равенство, а по превосходному уму — себе желай хуждьшее, а искреннему лутьшее; себе желай меньшее, а искреннему большее. Богатому поклонись в пояс, а нищему в землю. Ударит тя кто по ланите — обрати ему и другую и, отшед, ему же поклонися. Чти отца твоего и матерь твою лю-

безне и сердечне, яко ко святым, к стопам ног их главу приклоняй благоговейне, изведших тя от своея утробы; тебя ради утроба матерня болезнь претерпе, отец же, болезнуя о тебе, воздыханием и печалию снедаем всегда. Сего ради старость его поддержи, болезнь его уврачюй, гной его своима рукама обмой, ризы мягкие на плоть его возложи, седины его облобызай, пищею сладкою напитай и, отшед, поклонись, яко Иосиф Прекрасный отцу своему, не постыдеся Египта, державы своея*. Такоже и матери твори, яко Соломан царь Вирсавию* одесную престола своего устрои. Аще ветха деньми — на руку своею поноси; чрез грязь на плещу принеси; прежде ея напитай — потом сам вкуси; со гласом хваления главу свою к персям ея преклоняй и облобызай корень рождения своего. Воздохни о старости ея и, пад, поклонися родителю своему,— се бо есть благоприятно и любезно пред богом. Яко же бо ты отцу своему и матери сотворишь, такожде и тебе чада твоя сотворят, и в ню же меру мериши — возмерит ти ся. Еще же по плоти брата и сестру своих почитай; не рцы им грубо и досадительно ничто; ниже возносись на единородных своих; понеже единаго корене леторосли масличныя; едина утроба вас поноси и единая ссаша сосца матери своея; из единых изыдоша ложесн; едино лоно матерне вас воспита, и руце ея равно строиша вас; единаче сердцем и утробою уязвляяся о вас и равною любовию прилежаше к вам. Воспоминайте, чада, между собою союз сея любви и равное к вам строение родителя своего; не возноситеся друг на друга и не преобижайте словом и делом, и помышлением единоутробных своих, но меньшей брат к большему повиновение приноси; больший же о меньшем вседушне промышление твори.

...Разумеете ли силу любви? Не сию, глаголю, любовь. еже любит рачитель блудный рачительницу или пьяница пьяницу; тако же любятся тати с татями и мытарь с мытарем: ядят и пьют и друг друга, восхитя чюжая, с любовию да пиют. Ни, ни! — се бо есть пагубная, бесовская любовь. Истинная же любовь о господе бозе и спасе нашем, Исусе Христе; сия есть от трудов и пота лица своего.

Алчна накорми; жадна напой; нага одежи; странна в дом свой введи; священство и иночество почитай, главу свою до земли им преклоняй; в темницу пришед, седящим упокоение сотвори; о вдовице и о сиром попекись; грешника на покаяние приведи; заповедь божию творити научи; должнаго искупи; обидимаго заступи; * мимоходящему путь укажи и проводи и поклонись. И о всех и за вся молитвы богу приноси, о здравии и спасении всех православных христиан. Се бо есть сила любви. Аще время привлечет и пострадать брата ради, не оторцыся по Христову словеси.

...Братия и чада моя о господе, богатии и убозии, мали и велицы, смиренныя и нищия, сирыя и вдовицы! Дондеже имамы время, попецемся о единородных своих душах и о домашных своих: муж о жене, жена о муже; отец о сыне, сын о отце; мати о дщери, тщи о матери; брат о сестре, сестра о брате. Не во тлю, молю вы, попечение творим, якоже неверни попечение творят о брашнех, и о ризах, и о чести настоящаго века сего: како сына ризами украсить, како тщерь веном, сиречь приданым, довольно наделить или пиршество ясно и светло сотворить или в дому храмы красныя и повапленныя возградить. Ни, ни, чада моя о господе! — се бо языческо есть, в вас же, Христовых учениках, не тако да буди, но пещися вам подобает: како сына и тщерь во благоразумие привести, како к любви божии привлещи, в православной вере утвердить, на милость и любовь к человеком научить, молитве и посту и иным добродетелем вразумить. Се бо есть благоприятно и любезно богу.

Еще же муж жене и жена мужу своему да воздают должную любовь о господе. И пейте от своих студенец источника, еже есть в чюжия кладези не ходите, но свою воду пийте. Просто рещи — друг от друга не соблудите и не желайте красоты чюжия. Во всяком кладезе единака вода и не разнствует ничем же друга друзей. Тако и совокупление мужа и жены, токмо красота чужая греху ходатайственна, а сладость смешению одна. Якоже в раи красен бе и добр в снедь, иже Адама уморивый, плод,

озоба и наг бысть от славы своея, тако и здесь чюжая красота нага благодати святаго крещения сотворит. Так что стал еси? О, муж или жена, бес — не бес, человек — не человек! Как на тебя Христос поглядит, как пречистая богородица позрит? Как явишися на страшнем и нелицемерном суде наг красоты и одеяния светло блещащихся риз? Скрыся под древо со Еввою Адам * и прикрыста листвием смоковичным свою наготу. Тогда богу ходящу в раи и глаголющу: «Адаме, Адаме, где бе?» Спрятался бедной под куст, как подъявитца наг? О, окаянный Адам, куды от бога бежишь? Со дияволом любил пировать и воровать, а к зиждителю повинутца не захотел. Так же бывает и здесь: мотрошит окаянной прелюбодей, яко Адам, листвием закрывает свою срамоту, сиречь в бане парится и измывается начисто, яко селезнь, сблудя с чюжею, или блудница с чюжим, рубаху белую воздевает, к церкве пришед, молитвы у попа просит, бутто и всегда доброй человек — праведник. А совесть та замучила злодея, да тут же идет ко кресту и к прочим святыням касается.

Ох, ох, безумия! не зрит внутрь души своея наготы и срамоты, яко вместо риз благодатных скверна выми ризы оболчен и помазан блудною тиною и вонею злосмрадною повит. И бес блудной в души на шее седит, кудри бедной расчесывает и ус расправливает посреде народа. Сильно хорош, и плюнуть не на ково. А прелюбодейца белилами, румянами умазалася, брови и очи подсурмила, уста багряноносна, поклоны ниски, словеса гладки, вопросы тихи, ответы мяхки, приветы сладки, взгляды благочинны, шествие по пути изрядно, рубаха белая, ризы красныя, сапоги сафьянныя *. Как быть хороша — вторая египтяныня, Петерфийна жена *, или Самсонова Диалида * блядь. Посмотри-тко, дурка, на душю свою, какова она красна. И ты, кудрявец, чосаная голова! Я отселе вижу в вас: гной и червие в душах ваших кипят; беси же вас злосмрадною водою кропят и ликовствуют в вас, яко в адовых темных жилищах, веселящеся. Вы же не чюете в себе зверей таковых, яко снедают вас ради беззаконныя сласти сея.

...Не ищите риторики и философии, ни красноречия, но здравым истинным глаголом последующе, поживите. Понеже ритор и философ не может быть християнин.

...Аз есмь ни ритор, ни философ, дидаскалства и логофетства неискусен, простец человек и зело исполнен неведения. Сказать ли, кому я подобен? Подобен я нищему человеку, ходящу по улицам града и по окошкам милостыню просящу. День той скончав и препитав домашних своих, на утро паки поволокся. Тако и аз, по вся дни волочась, сбираю и вам, питомником церковным, предлагаю,— пускай, ядше, веселимся и живи будем. У богатова человека, царя Христа, из Евангелия ломоть хлеба выпрошу; у Павла апостола, у богатова гостя, из полатей его хлеба крому выпрошу, у Златоуста, у торгового человека, кусок словес его получю; у Давыда царя и у Исаи пророков, у посадцких людей, по четвертине хлеба выпросил. Набрав кошел, да и вам даю, жителям в дому бога моего. Ну, ешьте на здоровье, питайтеся, не мрите с голоду. Я опять побреду сбирать по окошкам, еще мне надают, добры до меня люди те,— помогают моей нищете. А я и паки вам, бедненьким, поделюсь, сколько бог дает. Не подобает скрывати данного нам таланта, да же не осудимся, яко и оный, обертев во убрус сребро господина своего и скрых в землю; за сие ввержен бысть во тьму кромешную, идеже плач и скрежет зубом, и зело прягут во огни негасимом *. Не ленись того для, собака!

...Слышал еси милосердие божие, о друже, гладкая глава и учесаныя кудри, и ты, разумная, похотка гладкая, умазанное лице, добрая жена? Вонмите евангельским словесем, престаните поне при кончине от беззакония. Отдали есте юность дияволу: дайте поне старость богу, дайте целомудрие творцу своему и содетелю-свету. Не таковый рачитель на смешение друг друга, якоже бог спасения и обращения вашего хощет. Покайтеся, прибегнете поне позде к нему, создателю своему свету! Ей, запоздали! Верите настоящему сему веку? Не быша ли прежде вас сильнии царие и князи, богатии и убози, малии и велиции? Где оне? Се видим, пожерты быша, всех поглоти смерть,

всех увяди, всех истни! Воистину, быв, яко не быв. Возри во гроб и виждь: где юность, где очи краснии и зрак наш? Вся изше, яко сено, и яко цвет отцвете, и яко трава посеченна бысть. Гной, червие, смрад лют, блудящая плоть бедная лежит, таже прах и без вести бысть. Где же душа прелюбодеевая? Во адовых темных жилищах, идеже несть света, но тма кромешная, идеже гроза неумолимая и лютии немилостиви приставницы, скрежет зубом и плач неутешимый. Ох мне, како избуду сих? Люто есть место и зело страшно, ужасает ми ся ум и трепещет ми душа, воспоминая сия. Помяните, чада, богатаго онаго, о нем же спас рече, како яко лев ревет за блудни своя, жгом негасимым огнем. Изо ада ко Аврааму рече: «Отче Аврааме, помилуй мя! Посли Лазаря, да омочит конец перста своего в воде и ухладит язык мой, яко стражю во пламени сем». Видите ли, како смири его мука? Издалеча Авраама и Лазаря видит! А прежде, у врат лежаща, пред глазы, не видал! Недосуг больше чесать кудрей стало! Так же здесь дурил, как и вы ныне дурите, забывше смерть. Кто молвит о добре, так и слушать не хотел,— заревет, да закричит: «не указывай,— не тебе за меня отвечать! Знай ты себя! не слушаю говори твоея! Как хощу, так живу!» А мазаное-то лицо защекочет, бутто и всегда добрая жена: «бог судит! — напрасно оглашаешь! Я за тем не хожю,— право и не знаю тово!» Ох, бесчинница! Ворует, да и запирается! Беду на беду творит! А как бы: «согрешила, прости, впред престану!» — ино бы и бог простит, да и жила бы чинненко, плакався о первой той глупости. Ино диавол претит, а своя слабость престать не велит. Да еще огрызается, что сука, пред добрым человеком.

Ох, горе мне,— не хощется говорить, да нужда влечет. Как вора не обличить, коли не кается! Я, окаянный, в Сибири * зашел сам со огнем: в храмине прелюбодей на прелюбодеице лежит. Вскочили. И я говорю: «что се творите? не по правилам грех содеваете!» И оне сопротиво мне: «не осужай!» И аз паки им: «не осужаю, а не потакаю». Прелюбодей мил ся деет и кланяется мне, еже бы отпустил. А женщина та беду говорит: «напраслину-де ты на

меня наводишь, протопоп, и затеваешь небылицу! — братде он мне, и я-де с ним кое-што говорю». А сама портки подвязывает, — блудницы те там портки носят. И я говорю: «враг божий! а то вещи обличают». И она смеется. Так мне горько стало, — согрешает, да еще не кается! Свел их в приказ воеводы. Те к тому делу милостивы, — смехом делают: мужика, постегав маленько, и отпустил, а ея мне ж под начал и отдал, смеючись. Прислал. Я под пол ея спрятал. Дни с три во тьме сидела на холоду, — заревела: «государь-батюшко, Петрович! Согрешила пред богом и пред тобою! Виновата, — не буду так впредь делать! Прости меня, грешную!» Кричит ночью в правило, — мешает говорить. Я-су, перестал правило говорить, велел ея вынять и говорю ей: «хочешь ли вина и пива?» * И она дрожит и говорит: «нет, государь, не до вина стало! Дай, пожалуй, кусочик хлебца». И я ей говорю: «разумей, чадо, — похотение-то блудное пища и питие рождает в человеке, и ума недостаток, и к богу презорство и бесстрашие: наедшися и напився пьяна, скачешь, яко юница, быков желаешь и, яко кошка, котов ищешь, смерть забывше». Потом дал ей чотки в руки, велел класть пред богом поклоны. Кланялася, кланялася, да и упала. Я пономарю шелепом приказал. Где-петь детца? Черт плотной на шею навязался! И плачю пред богом, а мучю. Помню, в правилех пишет: «прелюбодей и на Пасху без милости мучится». Началя много, да и отпустил. Она и паки за тот же промысл, сосуд сатанин.

Да слышит глаголы сын мой духовный — Фетька отщепенец, от никониян рукоположенец, зря на животворящий крест господень; да буди распятый на кресте сем судия между мною и тобою, днесь и в день века. Живешь развращенно и нелепо мудрствуешь о образе святыя троицы *. Рекох ти и паки реку: веруй и исповеждь по писанию, якоже святыя книги научают, а не по своему обольщенному смыслу. Ей, бога тебе свидетеля поставляю и святый крест господень!

Блудишь, сице пиша и глаголя о святей троице: понеже-де божественное несозданное существо святыя троицы несекомо есть и не расстоящо, лицем же до друг друга и отнюдь не раздельно. Аз ти глаголю: возбесился еси, человече, святая сливаешь, раздельную лицы глаголеши нераздельну. Впал еси в бреге стремнины; украдше свои очи, помрачил свою душу; истинны в писании не разумевше, глаголешь образ един святыя троицы сличен; и исповедуешь, пиша в своих подметных тетратках, с клятвою и ротою глаголя, яко сын во отце, тако же и дух святый внутрь отца — имут един образ, нераздельными лицы. И приводишь в приводе душу человечю, толкуя суматоху, глаголя: якож-де душа трисоставна — ум, слово, дух — имать един образ, також-де и бог: сын и дух святый во отце соединенно и совокупно, а не слитно и нераздельно всяко.

...Подобно Федьке бешенному бывал у меня в Сибири бешенный, Феодором же звали *, — тезоименит тебе, а другой на Лопатищах Васильем звали: на чепи сидя, у.....ся, говно то свое ухватя, в рот пехает себе же, а сам говорит: царь, царь, царенки, царенки. И едино лице и два лица знаменит; понеже дьяволи так учат. Как я, мазав маслом святым, да потом шелепом свитым: твори молитву Исусову, бешенный страдник! Да бывало Христовою милостию и оцеломудрствуется недели в две, а в три и исправится. А с тобою уж десять лет мучюся, а не могу от тебя бесов тех отогнать: за моя некоторыя грехи суровы велиары в тебя вошли. Да легче беса от бешеннаго изгнать, нежели от еретика.

...Федор, веть ты дурак! как тово не смыслишь! В писании лежит о зачатии Христове писано сице: «слухом бо вниде и неизреченно изыде». И ты, не зная силы глаголу, блекочешь, страдник: «ухом-де девыя бог слово во чрево ея вниде и боком изыде». Тако ты рече, Федор! Лазарь и бранил тебя за сие, а я уж на тебя и плюнул.

Как о сем не знаешь? Слухом бо вниде, сиречь, со гласом архангеловым зачатся бог слово в девей; не раз-

АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ

Из Титулярника 1672 г.

верз двери девства в воплощении, а дверьми ея вселися во утробу, а не ухом.

...Кто изрещи может сие необычное дело? От века несть слыхано, николи же, нигде же. Аще и по благовещению радишася Сиф, Енох, Исаак, Иван Предтеча и Сампсон, и владычица наша, свет царица небесная *, но отцы ложесна прежде детища разверзаху, и потом рождашеся младенец, врата разбивше. Здесь же, во Христе, не тако. Бог идеже хощет, побеждается естества чин: без болезни вниде, без болезни и изыде. И млеко дояше, дева питаше питающаго всю тварь. И сие не по естеству бе, но выше естества неизреченно. Не бывает у дев млеко, дондеже с мужем во чреве не зачнет.

У пречистыя матери господни и у девы млеко бысть. Егда родила бога-человека * без болезни, на руках ея возлегша, сосал титечки свет наш. Потом и хлебец стал есть, и мед, и мясца, и рыбку, да и все ел за спасение наше. И винцо пияше, да не как веть мы — объядением и пиянством, — нет, но благоискусно дая потребная плоти. Больше же в посте пребывая.

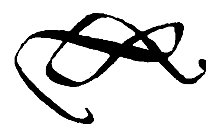
...Да что-су вы, добрые люди, говорите: «батько-де сердито делает. У Николы тово и не мое смирение было, да не мог претерпеть: единако Ария, собаку *, по зубам брязнул. Ревнив был миленькой покойник. Не мог претерпеть хулы на святую троицу. Собором стащили с него и чин весь: неправильне-де творишь, архиепископ. Да ему даром дали пестрыя те ризы Христос да богородица. И опять ево нарядили, а он себе... [1] никово не бояся. Проклят блядин сын Арий да буди, — не называй тварию творца, сына божия-света. За што-то меня в те поры не было. Никола бы вора по щоке, а я бы по другой, блядина сына.

...Ох, блядин сын, собака косая, дурак, страдник! Коли не знаешь в книгах силы и ты вопроси бабы поселянки: *

---

[1] Пропуск в рукописи.

заблудил-де от гордости, государыня матушка, на водах пустыни и не знаю праваго пути к богу. А со отцем-де своим духовным дьявол спроситца претит ми, и от него-де за воровство свое учинился проклят. Помози-де, матушка, моему сиротству, исправь мою душу косую, и весь-де мой орган по души катится косо, с трудом великим, не путем еду...



Из статьи

Списание и собрание о божестве и о твари и како созда бог человека

Сице Моисей пишет: «искони сотвори бог небо и землю» *. Гранограф толкует: * небо небес, на нем же престол божий, то небо огненно, а сие, видимое, глаголется твердь быти; под тем небом ангельское ликостояние и служение бывает к богу, а сотворил его бог словом своим от несущества, еже есть от небытия в бытие приведе. Слово божие живо и действенно,— рекл: «буди небо»,— и бысть, «буди вода»,— и бысть, «буди земля»,— и бысть. Землю взял от воды, а не от пены: пена — лехкое дело *, а водное естество тяшко, того для и земля тяжела. Петр апостол

пишет: «яко небеса убо исперва, и земля от воды, и водою составленна божиим словом» *. И приказал лежать на воде, а не на китах. Дамаскин пишет: «утвержей ни на чем же землю повелением си и распространи неодержимую тяготу»,— всегда поет церковь.

Паки Библея: «земля же бе невидима и неукрашенна» *, сиречь без лица в водах морских вся плавала, яко камень,— ни дров, ни травы, ни рек, никакова украшения не бысть, много воды было.

Бытия: «и разлучи бог между водою и водою, и рече: да будет твердь, и бысть» *. Слово и дело вскоре,— от тое же воды, сгустилося, егоже видим — небо. Давыд о нем же вещает: «пропиная небо, яко кожу, покрываяй водами превыспреняя своя» *. Сиречь там половина воды, яко на полатях лежит и николи к нам не сходит, токмо в потоп, при Нои, за грехи людския оттоле спустил бог; разверзошася хляби небесныя, и шесть недель вода лила на землю. Еще же приказал и морю из предел выступить, и погрязла земля в водах. Над высокими горами пятьнадесять сажен было воды. И стояла вода 40 недель [1], шесть недель прибывала, шесть недель убывала, и всего год было, дондеже ковчег Ноев на месте ста. Все померло в водах: и люди, и скоты, и звери, и птицы небесныя; токмо Ной праведник с своими спасеся.

На первое возвратимся и рцем паки Бытия: «и тьма верху безны, и дух божий ношашеся верху воды» *. Сиречь не видеть ничево, дня не было,— темно.

И рече бог: «да будет свет», и бысть свет. И нарече свет — день, а тьму нарече нощь. И бысть вечер, и бысть утро, день един» *. Просто молыть: нощь да день — сутки стали. День на дело людям приготовил, а нощь — на покой и на словословие к нему, свету, яко и Давыд глаголет: «седмижды днем хвалих тя о судьбах правды твоея» *, си-

---

[1] В списках: 40 дней — ф. 98, 1885 (л. 116/об.); № 1898 (л. 60); ф. 203, п. 188, ед. 12 (л. 127/об.); ф. 236, № 2548 (л. 78/об.); Музейн. собр., № 2582 (л. 55/об.).

речь в сутках так всякому подобает: вечерня, павечерня, правила, полунощница, утренняя, часы, литургия. Да он же говорит: «полунощи востах исповедатися на судьбы правды твоея». Сверх тово и нам так надобе вставать и плакатися о гресех.

Паки Бытия: «и бысть мрачен день и не светел без светил». И в первый день бог звезду сотворил, ей же имя Аррис; * а во вторый сотворил звезду Ермис; а в третий день Крон; а в четвертый Афродиту, и Артемида она же словет, и положил их на тверди небесной в нощи светити по земли; в четвертый же день солнце сотворил и украсил день яко пресветлым венцем; в пятый же день месяц сотворил и небо звездами украсил. *И положил солнце во область дни, луну же во область нощи* *.

...*И повеле господь, да изнесет земля траву, сеющу семенну породу и по подобию, и древа плодовитая, творящая плод* *. Гранограф толкует: во второй день землю красил господь, а Златоуст в Маргарите глухо пишет. И израстиша былия прекрасная, травы цветныя разными процветении: * червонныя, лазоревыя, зеленыя, белыя, голубыя и иныя многия цветы пестры и пепелесы, по господню глаголу, яко ни Соломан премудрый возмог себе таковыя цветныя одежды устроить; оне же и благоуханием благовонным облагоухают. Такоже и древеса израстоша: кипариси, и певги, и кедри, мирьсины и черничие, смокви и финики, и виноградие, и иное садовие, — множество много различные плодовитые древа из земли изыдоша. И реки посреде гор протекоша, и источники водныя. Таже от земли сотворил бог скоты и зверие дубравнии, а от воды птицы небесныя, парящая по аеру; от воды же и вся летающая по аеру: мухи и прочая гады, пресмыкающиеся по земле. Посем насадил рай во Едеме, на востоце, древа и крины райския, по 12 плодов в году приносят; древа не гниющая, травы не ветшающия, цветы не увядаемыя, плоды неистлеваемыя; аще и на земле рай, но посреде плотнаго и духовнаго жития устроен.

...И сотвори человека, сиречь яко скуделник скуделу, еже есть горшешник горшок. И положил пред собою. Он

же бездушен пред ним лежит, недвижим. И виде бог, яко добро: дуну на него. И дадеся ему душа, яко ангел некий чистейший; дух же возвратися ко господеви, а персть отъиде в землю. И бысть человек в душу живу. Зри, всю тварь господь сотворил словом, а человека боголепными руками *.

...И нарече имя ему Адам. Посем введе его в рай и заповеда ему, да не вкусит от древа, еже разумети добро и зло, и вложи в него сон, и успе Адам. И взят господь от ребра его. И сотвори ему жену, помощницу по нем, и нарече имя ей Евва.

...Паки Бытию рцем: «и приведе господь ко Адаму звери, и скоти, и птицы небесныя, и поклонишася ему, видя его во славне образе сияюща, Адам же нарече им всем имена». И поживе Адам в раю, по Филону *, сто лет, а инии глаголют три годы *, а инии шесть часов *, яко царь над всею тварию. Вся ему покорна, вся повинна, лютые звери пред ним трепетаху и бояхуся Адама. И сам бог беседоваше с Адамом. И позавиде диявол чести и славе Адамли, восхоте у бога украсти. Вниде во змию, лучшаго зверя *, и оболга бога ко Адаму, рече: «завистлив бог, Адаме, не хощет вас быти таковых, яко же сам. Аще вкусите от древа, от него же вам заповеда, будете яко бози». Адам же отказал, помня заповедь зиждителеву. Змия же, отклоняся от Адама, прииде ко Евве: ноги у нее были и крылье было. Хорошой зверь была, красной, докаместь не своровала. И рече Евве те же глаголы, что и Адаму. Она же, послушав змии, приступи ко древу: взем грезнь и озоба его, и Адаму даде, понеже древо красно видением и добро в снедь, смоковь красная, ягоды сладкие, слова междо собою льстивые: оне упиваются, а дьявол смеется в то время. Увы, невоздержания, увы небрежения господни заповеди! Оттоле и доднесь творится также лесть в слабоумных человеках. Потчивают друг друга зелием нерастворенным, сиречь зеленым вином процеженным и прочими питии и сладкими брашны. А опосле и посмехают друг друга, упившагося до пьяна,— слово в слово что в раю бывает при дьяволе и при Адаме.

Бытие паки: «и вкусиста Адам и Евва * от древа, от него же бог заповеда, и обнажистася». О миленькие! одеть стало некому; ввел дьявол в беду, а сам и в сторону. Лукавой хозяин накормил и напоил, да и с двора спехнул. Пьяной валяется на улице, ограблен, а никто не помилует.

Увы! Безумия и тогдашнева и нынешнева!

Паки Библея: «Адам же и Евва сшиста себе листвие смоковничное от древа», от него же вкусиста, прикрыста срамоту свою и скрыстася, под древо возлегоста. Проспалися бедные с похмелья, ано и самим себя сором: борода и ус в блевотине, а от гузна весь и до ног в говнех, со здоровных чаш голова кругом идет.

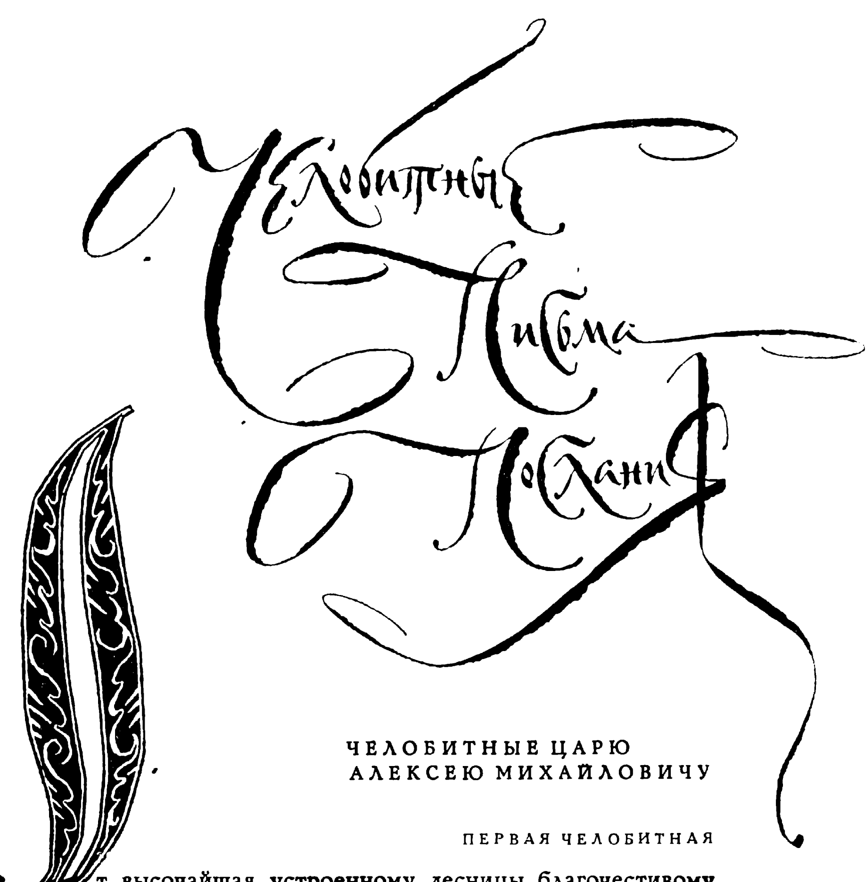
Паки Бытия: и ходящу богу в раи, глаголющу: «Адаме, Адаме, где бе?» Он же отвеща: «господи, гласа твоего слышу, а видети тя не могу». Господь же, наруга ему, рече: «се Адам, яко един от нас». И паки рече господь: «что се сотворил еси?» Он же отвеща: «жена, еже ми сотворил еси». Просто молыть: на што-де мне дуру такую сделал. Сам неправ, да на бога же пеняет. И ныне похмельные, тоже шпыняя, говорят: «на што бог и сотворил хмель-ет, весь-де до нага пропился и есть нечева, да меня ж-де избили всево», а иной говорит: «бог-де его судит, упоил до пьяна»; правится бедной, бытто от неволи так сделалось. А беспрестанно тово ищет и желает; на людей переводит, а сам где был? Что, Адам, на Евву переводишь? А сам от дьявола и прежде поущение слышал. Ино было, уразумев навет дьявольской, и жена укрепить к соблюдению заповеди. Так в те поры не так было: небрежем о заповеди зиждителеве: ешь да пей, да веселися. А топеря: «жена, еже ми даде». Чем было рещи: согрешил господи, прости мя. Ино стыдно так молыть, лукавая совесть не велит, коварством хощет грех загладить, да на людей переводит.

«Жена, еже ми даде». Господь же рече ко Евве: «Евва, что се сотворила еси?» Она же отвеща: «змия прельсти мя». Вот хорошо: каков муж, такова жена; оба бражники, а

у детей и давно добра нечева спрашивать, волочатся ни сыты, ни голодны.

Бытия: змия же отвеща: «дьявол научил мя». Бедные! все правы и виноватова нет. А то и корень воровству сыскался. Чем еще поправитеся? И все за одно, с вором стакався, воровали: чем дело вершить? Да нечем переменить. Кнутом бить, да впредь не воруют.

Бытия паки: «и повеле господь херувиму всех изгнати из рая». Изгнан бысть Адам и запечатлен бысть рай. И осудил бог Адама делати землю, от нея же взят бысть; жене же в печалех родити чада; а змии на креслех ползать и ясти землю, а дьявола проклять.



ЧЕЛОБИТНЫЕ ЦАРЮ АЛЕКСЕЮ МИХАЙЛОВИЧУ

ПЕРВАЯ ЧЕЛОБИТНАЯ

От высочайшая устроенному десницы благочестивому, государю, царю-свету Алексею Михайловичю, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцу, радоватися. Грешник протопоп Аввакум Петров, припадая, глаголю тебе, свету, надеже нашей. Государь наш свет! что ти возглаголю, яко от гроба восстав, от дальняго заключения, от радости великия обливаяся многими слезами,— свое ли смертоносное житие возвещу тебе, свету, или о церковном раздоре реку тебе, свету?

Я чаял, живучи на Востоке в смертях многих, тишину здесь в Москве быти; а я ныне увидял церковь паче и прежняго смущенну. Свет наш государь, благочестивый царь! Златаустый пишет на Послание к ефесеом: * «ничтоже тако раскол творит во церквах, якож во властех любоначалие, и ничтож тако прогневает бога, якоже раздор церковной». Воистинно, государь, смущенна церковь ныне.

Летом, в Преображениев день *, чюдо преславно и ужасу достойно в Тобольске показал бог: в соборной большой церкви служил литоргию ключарь тоя церкви Иван, Михаилов сын, с протодьяконом Мефодием, и егда возгласиша: «двери, двери мудростию вонмем», тогда у священника со главы взяся воздýх и повергло на землю; и егда исповедание веры начали говорить, и в то время звезда на дискосе над агнцем на все четыре поставления преступала * и до возглашения «Победныя пе[сни]»; и егда приспе время протодьякону к дискосу притыкати, приподнялася мало и стала на своем месте на дискосе просто. А служба у них в церкви по новым служебни[кам], по приказу архиепископлю *. И мне, государь, мнится, яко и тварь рыдает, своего владыку видя бесчестна, яко неистинна глаголют духа святаго быти и Христа, сына божия, на небеси не царя быти во исповедании своея веры *.

Да не одно, государь, то, но и моровое поветрие * не мало нам знамение было от Никоновых затеек, и агарянской меч стоит десять лет беспрестани *, отнележе разадрал он церковь. Добро было при протопопе Стефане *, яко все быша тихо и немятежно ради его слез, и рыдания, и негордаго учения; понеже не губил Стефан никого до смерти, якоже Никон, ниже поощрял на убиение. Тебе, свету, самому житие ево вестно. Увы души моей бедной! Лучши бы мне в пустыни даурской, со зверьми живучи, конец прияти, нежели ныне слышу во церквах Христа моего глаголюща невоскресша *.

Вем, яко скорбно тебе, государю, от докуки нашей. Государь-свет, православной царь! Не сладко и нам, егда ребра наша ломают и, розвязав, нас кнутьем мучат и томят на морозе гладом. А все церкви ради божия стражем.

Изволишь, государь, с долготерпением послушать, и я тебе, свету, о своих бедах и напастех возвещу немного.

Егда я был в попех в Нижегороцком уезде, ради церкви божия был удавлен и три часа лежал, яко бездушен, руки мои и ноги были избиты, и имение мое не в одну пору бысть в разграблении, и сие мне *яко уметы, да Христа моего приобрящу* *.

И егда устроил мя бог протопопом в Юрьевце-Повольском, бит ослопием и топтан злых человек ногами, и дран за власы руками; отнял меня Дионис Крюков еле жива. И о сем молихся, да простит им бог зде и в будущем веце.

А Никон меня, патриарх бывшей, на Москве по ногам бив, мучил недели с три по вся дни *, от перваго часа до девятаго. И о сих всех благодарю бога.

Да он же, Никон, егда мя взял от всенощнаго с двора протопопа Иоанна Неронова, по ево патриархову веленью, Борис Нелединской со стрельцами ризы на мне изодрали и святое Евангелие, с налоя сбив, затоптали; и посадя на телегу с чепью, по улицам, ростяня мои руки, не в одну пору возили. И уж то, государь, так попустил бог им.

И потом во Андроньеве монастыре посадил под полату пустую в землю и три дни и три нощи на чепи держал без пищи. И о сих всех благодарю, государь, бога. Прости, государь,— тут мне пищу принесе ангел за молитв святаго отца протопопа Стефана. Не скучно ли тебе, государю-свету?

И сибирския беды хощу воспомянути, колико во одиннатцеть лет на хрепте моем делаша язв беззаконнии за имя Христово. Не челобитьем тебе, государю, ниже похвалою глаголю, да *не буду безумен, истинну бо,* по апостолу, *реку* *. Яко ты наш государь, благочестивый царь, а мы твои богомольцы: некому нам возвещать, како строится во твоей державе.

Егда патриарх бывшей Никон послал меня в смертоносное место, в Дауры, тогда на пути постигоша мя вся злая. По лицу грешному воевода бил своими руками, из главы волосы мои одрал и по хрепту моему бил чеканом, и седмьдесят два удара кнутом по той же спине, и скована в тюрьме держал пять недель, тритцеть и седмь

недель морозил на морозе, чрез день дая пищу, и два лета против воды заставил меня тянуть лямку. От водяного наводнения и от зноби осенния распух живот мой и ноги, и от пухоты разседалася на ногах моих кожа, и кровь течаше беспрестанно.

А инии твои, государевы-световы, казаки, тружающиися в водах, в то время многие помирали от тоя воеводския налоги и муки.

И как мы дошли до места, тамо нас и совершенное зло постигло: ел я с казаками не по естеству пищу: вербу и сосну, и траву, и коренье, и мертвыя мяса зверины, а по напраснству и по прилучаю и кобылие. И тово было ядения шесть лет. А казаки бедные — всякую мертвечину, иные — волки и лисицы, иные — человеческую лайну. И от тоя нужды человек с пятьсот померло; а осталось немного — человек ныне с сорок. А иных он, воевода Афонасей Пашков, пережег огнем и перебил кнутьем до смерти, якоже и меня мучил. А что, государь, у меня было из Енисейска везено с собою в запас хлепца на предъидущая лета, и тот хлеб он, Афонасей, у меня отнял после кнутнова биения и продавал мне на платьишко мое и на книги свою рожь немолотую дорогою ценою, по два рубли пуд вещей и больши. И я из первых лет ел рожь немолотую вареную, покамест чево было. А он, Афонасей, и до съезду жил в покое, потому, государь, что завезено у него всего было много казачьими трудами.

У меня же, грешника, в той нужде умерли два сына, не могли претерпеть тоя гладныя нужды; а прочих, государь, детей моих снабдевала от смерти жена ево, Афонасьева, и другая — сноха ево — втайне; егда от нас кто начнет с голоду умирати, тогда присылали нужную пищу. Понеже жены милостивы быша, яко древняя серафтяныни *.

И не то, государь-свет, надежда наша, едино; но в десеть лет много тово было: беды в реках и в мори, и потопление ми многое было. Первое — с челядию своею гладен, потом без обуви и без одежди, яко во иное время берестами вместо одеяния одевался и по гарам великим каменным босы ходящя, нужную пищю собираху от травы и

корения, яко дивии звери; иногда младенцы мои о острое камение ноги свои до крови розбиваху и сердце мое зле уязвляху, рыдающе горькими слезами; а во иное время сам и подружие мое шесть недель шли по голому льду, убивающеся о лед, волокли на волоченыках малых детей своих в пустых даурских местех, мерзли все на морозе.

И о сих всех, государь-свет, благодарим бога, яко первые мы в тех странах с женою моею и детьми учинились от патриарха в такой пагубной, паче же хорошей, ссылке. Упоил нас *чашею вина нерастворенна* *. Да не поставит ему бог в грех здесь и в будущем веце!

Не прогневайся, государь-свет, на меня, что много глаголю: не тогда мне говорить, как издохну! А близ исход души моей, чаю, понеже время належит.

То не отеческой у патриарха вымысл, но древняго отступника Иулияна * и египтенина Феофила *, патриарха Александрова града, и прочих еретик и убийц, яко християн погубляти. Мне мнится, и дух пытливой таков же Никон имать, яко и Феофил, понеже всех устрашает. Многие ево боятся, а протопоп Аввакум, уповая на бога, ево не боится. Твоя, государева-светова, воля, аще и паки попустишь ему меня озлобить, за помощию божиею готов и дух свой предати. Аще не ныне, умрем же всяко и житию должная послужим; *смерть мужу покой есть;* * смерть греху опона.

А душа моя прияти ево новых законов беззаконных не хощет. И во откровении ми от бога бысть се, яко мерзок он пред богом, Никон. Аще и льстит тебе, государю-свету, яко Арий древнему Констянтину *, но погубил твои в Руси все государевы люди душею и телом, и хотящии ево законы новыя прияти на страшнем суде будут слыть никонияня, яко древнии ариaня. Христа он, Никон, не исповедует, в плоть пришедша; Христа не исповедует ныне царя быти и воскресение ево, яко июдеи, скрывает; он же глаголет неистинна духа святаго, и сложение креста в перстех разрушает, и истинное метание в поклонех отсекает, и многих ересей люди божия и твоя наполнил; инде напечатано: «духу лукавому молимся» *. Ох души

моей и горе! Говорить много не смею, тебя бы, света, не опечалить; а время отложить служебники новые и все ево, Никоновы, затейки дурные! Воистинно, государь, сблудил во всем, яко Фармос* древней. Потщися, государь, исторгнути злое ево и пагубное учение, дондеже конечная погуба на нас не приидет, и огнь с небесе или мор древний и прочая злая нас не постигло. А егда сие злое корение исторгнем, тогда нам будет вся благая: и кротко и тихо все царство твое будет, яко и прежде Никонова патриаршества было; и агарянской меч бог уставит и сподобит нас получити вечная благая.

О патриархе престану, государь, тебе, свету, извещати, но молю тебя, государя, о воеводе, которой был с нами в Даурах, Афонасей Пашков, — спаси ево душю, якож ты, государь, веси. А время ему и пострищись, да же впредь не губит, на воеводствах живучи, християнства. Ей, государь, не помнит бога: или поп, наш брат, или инок — всех равно губит и мучит, огнем жжет и погубляет. Токмо, государь, за мою досаду не вели ему мстити! И паки тебе, государю, припадая, глаголю, слезы от очию моею испущая: не вели ему мстити! Не должни суть чада родителем имения снискати, но собирают родители чадом. Аще и стропотное, но мое он чадо, Афонасей Пашков, и чадо мое и брат мне по благодати: едина купель всех нас породила, едина мати всем нам церковь, един покров — небо, едино светило — солнце. Аще и досаждают, но любовию их нам приимати.

Помилуй, государь, царь православной, не оскорби бедную мою душу: не вели, государь, ему, Афонасью, мстити своим праведным гневом царским, но взыщи ево, яко Христос заблуждшее овча, Адама. Твое бо, света, миловати и спасати всегда, и ныне, и присно, и до кончины.

Свет-государь! Пред человеки не могу тебе ничтож проговорити, но желаю наедине светлоносное лице твое зрети и священнолепных уст твоих глагол некий слышати мне на пользу, как мне жити.

ЗАПИСКА О ЖЕСТОКОСТЯХ ВОЕВОДЫ ПАШКОВА, ПРИЛОЖЕННАЯ К ПЕРВОЙ ЧЕЛОБИТНОЙ АЛЕКСЕЮ МИХАЙЛОВИЧУ

В 169 * Афонасей Пашков * увез из Даур Никанские земли два иноземца, Данилка да Ваську, а те люди вышли на государево имя в даурской земле в полк к казакам.

Да другие два перевотчика, Ивашко Тимофеев Жючерской да Илюшка Тунгусской, жили у тех же даурских казаков многие лета. И Ивашковым да Илюшкиным толмачеством государю сбирали казаки государские ево казны многие лета.

А после розгрому Богдойскова пришли достальные казаки снизу ко Офонасью Пашкову на Иргень озеро. А те четыре человека: Данилко, да Васька, да Ивашко, да Илюшка, пришли с ними же, казаками, служить великому государю. А воевода Афонасей Пашков у казаков их отнял и взял к себе во двор сильно, и оне и по се время плачючи, живут, мучася у него во дворе, пособить себе не могут. А бьют челом великому государю, чтоб их свободил от порабощения и пожаловал в свой чин государев. Да он же, Афонасей, увез из Острошков от Лариона Толбозина троих аманатов: Гаврилка, Алешку, Андрюшку. Да он же увез 19 человек ясырю у казаков: Бакулайко да две ево дочери, имен их не помню, Марьица, Анютка, две Овдотьицы, четыре Маринки, две Палашки, и третьяя Овдотьица ж, три Анютки ж, Офроська с братом с Ывашком. И те все люди у него.

А та землица без аманатов и досталь запустела, государевым людям быть не у чево, лише государеве казне напрасная проторь. Да он же, Офонасей, государевых служилых двух человек взял во двор к себе сильно: Олешку Брацкова да Юшку Иванова. А те все люди, кроме государя, помощника себе не имеют.

Да он же, Афонасей, живучи в даурской земли, служивых государевых людей не отпущаючи на промысл, чем им, бедным, питатися, переморил больши пяти сот человек голодною смертию. А которые, не претерпев гладу.

ходили промышлять нужные пищи, и он, Афонасей, их пытал, бил кнутьем, и ребра ломал, и огнем жег. Таковых ради вин Ивашко Сватеныш да Климко Шамандрухин с товарыщи, осмь человек, свою казачью лошедь [съели][1], и он их, пытав, в тюрьме и уморил. Ияков Красноярской молыл: «Только бы-де воевода по государеву указу ехал прямою дорогою, и мы бы-де нужи такие не терпели». И он, Афонасей, ево, Иякова, за то, бив кнутом, жжег до смерти. И к моему протопопову зимовью мертваго кинул под окошко, что он, Ияков, на пытке творил Исусову молитву.

Да он же, Афонасей Пашков, двух человек, Галахтиона и Михайла, бил кнутом за то, что один у него попросил есть, а другой молыл: «краше бы сего житья смерть!» И он, бив за то кнутом, послал нагих за реку мухам на снедение и, держав сутки, взял назад. И потом Михайло умер, а Галахтиона Матюшке Заряну велел Пашков в пустой бане прибить палкою. А преж тово ево же, Галахтиона, и Стефана Подхолюгу, и Харпегу, и иных многих бил кнутьем за то, что оне с голоду кобыльи кишки немытые с калом и кровь с снегом хватали и ели от нужи великия.

Березовскаго казака Акишу бил кнутом за то, что он ево, Афонасьевы, три щуки распластал нехорошо, не умеючи. Такова ево милость, Афонасьева, была к государевым служивым людям. Кожи, и ноги, и головы давал есть казакам, а мяса своим дворовым людям. А иных двух человек повесил, ей, безвинно.

Прочих же ево ругательств и муки к государевым служивым людям *не достанет ми повествовати лето* *. А иные ево, Афонасьевы, ругательства сказать странно и страшно: при смерти их и причащать мне не давал, и пречистыя тайны у меня отнял и держал у себя в коробке. Да приходили в Нерчинской острог из Енисейска служилые люди, пятидесятник Иван Елисеев с товарыщи, с грамотами го-

---

[1] В рукописи это слово отсутствует; введено по изд. Памятники, стлб. 702.

АВТОГРАФ ТРЕТЬЕЙ ЧЕЛОБИТНОЙ АВВАКУМА АЛЕКСЕЮ МИХАЙЛОВИЧУ

1664 г.

сударевыми, как бог дал государыню царевну и великую княжну Софью Алексеевну *. И он, Афонасей, для вести, чтоб про него на Руси неведомо было, не отпустил их назад и уморил в дощенике двух человек, прикащика самова Ивана да толмача Констянтина.

ТРЕТЬЯ ЧЕЛОБИТНАЯ

Христолюбивому государю, царю и великому князю Алексею Михайловичю, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодер[жцу], бьет челом богомолец твой, в Даурех мученой прото[поп], Аввакум Петров.

Прогневал, грешной, благоутроби[е] твое от болезни серца неудержанием моим; а иное тебе, свету-государю, и солгали на меня, им же да не вменит господь во грех.

Помилуй мя, равноапостольный государь-царь, робятишек ради моих умилосердися ко мне!

С великою нуждею доволокся до Колмогор; а в Пустозерской острог до Христова Рождества не возможно стало ехать, потому что путь нужной, на оленех ездят. И смущаюся, грешник, чтоб робятишка на пути не примерли с нужи.

Милосердый государь, царь и великий князь Алексей Михайлович, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец! Пожалуй меня, богомольца своего, хотя зде, на Колмогорах, изволь мне быть, или как твоя государева воля, потому что безответен пред царским твоим величеством.

Свет-государь, православной царь! Умилися к странству моему, помилуй изнемогшаго в напастех и всячески уже сокрушена: болезнь бо чад моих на всяк час слез душу мою исполняет. И в даурской стране у меня два сына от нужи умерли. Царь-государь, смилуйся.

ЧЕТВЕРТАЯ ЧЕЛОБИТНАЯ

Список с грамотки

Государь-царь, державный свет! — протопоп Аввакум, не стужаю ти много, но токмо глаголю ти: радоватися и здравствовати о Христе хощу, и благоволит душа моя, да благословит тя господь, и света мою государыню-царицу, и детушек ваших, и всех твоих да благословит их дух и душа моя во веки.

Помню твой приказ с Дементьем: приказывал памятовати о себе,— нет, государь, не забуду. Якож зрит господь, сердце мое не притворяя, говорю: аще получю дерзновение и в будущем веце, и там о тебе хощу припасти ко всех владыце, не токмо зде, в темнице. Протопоп Аввакум не помнит тово ничево, благодатию божиею, что над ним делается. Одново желаю — пред богом стати вам непостыдным. Да и много столько мне, грешному,— забыти ваше благородие! Один ты у нас царь на сем свете. Да и надеюся, яко силен бог спасти нас с вами. Ну, государь, моли ж ся и за мя, грешнаго, и в чем перед тобою погрешил, прости мя; а тебя тако ж да простит господь бог и да помянет любовь твою ко мне, нищему, во царствии своем, егда приидет воздати комуждо по делом его.

Да и заплутаев тех бог простит, кои меня проклинали и стригли: *рабу господню не подобает сваритися, но кротку быти ко всем* *. Не оне меня томят и мучат, но диявол наветом своим строит; а оне тово не знают и сами, что творят. Да уж, государь, пускай, быти тому так! Положь то дело за игрушку! Мне то не досадно. Посем паки да благословит тя третицею господь и дух мой здесь и в будущем веце.

Прости ж, государе, уже рыдаю и сотерзаюся страхом, и недоумением содержим есмь; помышляю моя деяния и будущаго судища ужас. Брат наш, синбирской протопоп Никифор, сего суетнаго света отъиде; * посем та же чаша и меня ждет. Ох, увы мне, окаянному, и горе! Како отвещаю бессмертному судии, царю всех и богу! Токмо на-

деюся на его праведныя щедроти, понеж любящим его вся поспешествуют во благое. Подобает, государь, и всем нам помышляти смерть, ад, небо, и отца нашего, протопопа Стефана, учение помнить. Паки тя, государь, благословляю и, опрятне став, поклоняюся тебе, самодержавному, честне.

А корму твоего, государева, дают нам в вес — муки по одному пуду на месец, да и о том слава богу. Хорошо бы, государь, и побольши для нищие братии за ваше спасение.

Изволь, самодержавне, с Москвы отпустить двух сынов моих * к матери их на Мезень, да тут, живучи вместе, за ваше спасение бога молят; и не умори их с голоду, господа ради. А обо мне, якож богу и тебе годе: достоин я, окаянный, грехов ради своих, темнице пустозерской. Умилися, святая душа, о жене моей и о детех.

ПЯТАЯ ЧЕЛОБИТНАЯ

Царь-государь и великий князь Алексей Михайлович! Мнагажды писахом тебе прежде и молихом тя, да примиришися богу и умилишися в разделении твоем от церковного тела. И ныне последнее тебе плачевное моление приношу, из темницы, яко из гроба, тебе глаголю: помилуй единородную душу свою и вниди паки в первое свое благочестие, в нем же ты порожден еси с преже бывшими тебе благочестивыми цари, родители твоими и прародители; и с нами, богомольцы своими, во единой святой купели ты освящен еси; единыя же Сионския церкви святых сосец ея нелесным млеком воспитен еси с нами, сиречь единой православной вере и здравым догматом с нами от юности научен еси.

Почто по духу братию свою тако оскорбляеши? Единаго бо мы себе отца имамы вси, иже есть на небесех, по святому Христову Евангелию. И не покручинься, царю, что

тако глаголю ти: ей, истинна так. Господин убо есть над всеми царь, раб же со всеми есть божий. Тогда ж наипаче наречется господин, егда сам себе владеет и безместным страстем не работает, но споборника имея благочестива помысла, непобедимаго самодержца бессловесных страстей, иже всех матеря похоти всеоружием целомудрия низлагает. «Честь царева суд любит» *, по пророку.

Что есть ересь наша или кий раскол внесохом мы во церковь, якож блядословят о нас никонияня, нарицают раскольниками и еретиками в лукавом и богомерском Жезле *, а инде и предотечами антихристовыми? Не постави им, господь, греха сего, не ведят бо беднии, что творят. Ты, самодержче, суд подымеши о сих всех, иже таково им дерзновение подавый на ны. Не вемы в себе ни следу ересей, коих пощади нас сын божий от такова нечестия и впредь, ниж раскольства: бог сведетель и пречистая богородица и вси святии! Аще мы раскольники и еретики, то и вси святии отцы наши и прежнии цари благочестивии, и святейшия патриархи такови суть. О, небо и земле, слыши глаголы сия потопныя и языки велеречивыя! Воистинну, царь-государь, глаголем ти: смело дерзаете, но не на пользу себе. Кто бы смел рещи таковыя хульныя глаголы на святых, аще бы не твоя держава попустила тому быти? Вонми, государь, с коею правдою хощеши стати на страшном суде Христове пред т[мы] анг[ельскими и пред всеми племены][1] язык верных и зловерных. Аще во православии нашем, отеческих святых книгах и в догматех их хотя едина ересь и хула на Христа бога и церковь его обрящется, ей, ради мы за них прощаться пред всеми православными, паче же за то, аще мы что от себя внесохом — соблазны или раскол — во церковь. Но несть, несть! Вся церковная права суть разумевающим истинну и здрава обретающим разум по Христе Исусе, а не по стихиям сего мира, за ню же мы страждем и умираем и крови своя проливаем.

---

[1] В этом месте рукопись дефектна; слова в скобках восстановлены по изд. Памятники, стлб. 758.

Испытай, царю християнский, писание и виждь, яко в последняя времена исправления веры и обретения истинны нигде же несть и не будет, но везде писано есть, что в последняя времена отступят веры, а не исправят ю, и исказят писания, и превратят, и внесут ереси погибельныя, и многих прельстят. Сице везде суть в писаниих святых узриши. И не дивися, тако истинна. Христос сам рече: «егда приидет сын человеческий, обрящет ли веру свою на земли?» * На се богословцы глаголют: не обря[ще]т, кроме малых избранных, забегших в горы, а во градех и селех не обрящется ни единаго православна[го] епископа и попа. Тако будет, царю, по словеси Христову. И помяни дни Ноевы: много ли осталось благочестивых пред потопом? Веси, только осмь душ. И в скончании века тако будет: мало Христово стадо, много ж сатанино и антихристово воинство будет. И ты не хвалися. Пал ся еси велико, а не востал искривлением Никона, богоотметника и еретика, а не исправлением, умер еси по души ево учением, а не воскрес. И не прогневися, что богоотметником ево называю. Аще правдою спросиши, и мы скажем ти о том ясно с очей на очи и усты ко устом возвестим ти велегласно; аще ли же ни, то пустим до Христова суда: там будет и тебе тошно, да тогда не пособишь себе ни мало. Здесь ты нам праведнаго суда со отступниками не дал, и ты тамо отвещати будеши сам всем нам, а льстящии и ласкающии тебе, им же судом судиша нас, тако ж и сами от Христа и святых его осудятся, и в ню же меру мериша нам, возмерится им от сына божия. Несть бо уже нам к ним ни едино слово. Все в тебе, царю, дело затворися и о тебе едином стоит. Жаль нам твоея царския души и всего дому твоего, зело болезнуем о тебе, да пособить не можем ти, понеж сам ты пользы ко спасению своему не хощешь.

А о греческих властех и вере их нынешной сам ты посылал прежде испытовати у них догматов Арсения Суханова * и ведаешь, что у них иссяче благочестие по пророчеству святых — царя Констянтина и Силивестра папы, и ангела божия, явльшагося тогда Филофею Цареград-

[скому] патри[арху] и сказавшу о том же. Ведаешь ли, писано се во Истории о белом клаб[уце *и,][1] ведая, почто истинну в неправде содержиши? Сего ради открывается гнев божий на вас и бысть многажды ты наказан от бога и все царство твое, да не позналися есте.

А еже нас не велишь, умерших, у церкви погребати, и исповеди и святых таин лишать в животе сущих еще коих, да Христос нас не лишит благодати своея: той есть присно с нами и будет, надеем бо ся на нь крепко, и никто ж — человек смертной и тленной — отлучити нас от него возможет, с ним бо стражем и умираем. А по смерти нашей грешная телеса наша — добро так, царю, ты придумал со властьми своими, что псом пометати или птицам на растерзание отдати. Вемы бо, да и ты слышишь по вся дни во церкви, яко святым мучеником ни единому честнаго погребения не бысть от убивающих их или в темницах умоpяющих, но метаху их в бесчестныя места, и в воду иных, и в ровы, и в кал, овых же и сожигали мощи, да Христос их нигде не забыл. Тако ж и нас негли не забудет надежда наша и купно с первыми соберет кости наша в последний день и оживотворит мертвенная телеса наша духом святым. Несть мы лутши древних мученик и исповедник — добро так нам валятися на земли! Земли же есть и доброволне себе святии отцы погребати себе не повелеша, великаго ради смирения, да большую мзду восприимут от Христа бога. И елико ты нас оскорбляеши больши и мучишь, и томишь, толико мы тебя любим, царя, больши и бога молим до смерти твоей и своей о тебе и всех кленущих нас: спаси, господи, и обрати ко истинне своей! Аще ж не обратитеся, то вси погибнете вечно, а не временно.

Прости, Михайлович-свет, либо потом умру, да же бы тебе ведомо было, да никак не лгу, ниж притворяяся говорю: в темнице мне, яко во гробу, сидящу, что надобна? Разве смерть? Ей, тако.

---

[1] В этом месте рукопись дефектна; слова в скобках восстанавливаются по изд. Памятники, стлб. 760.

Некогда мне молящюся о тебе с горькими слезами от вечера и до полунощи и зело стужающу божеству, да же бы тебе исцелитися душею своею и живу быти пред ним; и от труда своего аз, многогрешный, падох на лицы своем, плакахся и рыдая горько, и от туги великия забыхся, лежа на земли, и видех тя пред собою или ангела твоего умиленна стояща, подпершися под лице правою рукою. Аз же возрадовахся, начах тя лобызати и обымати со умиленными глаголы. И увидех на брюхе твоем язву зело велику *, исполнена гноя многа, и убоях, вострепетах душею, положих тя взнак на войлок свой, на нем же молитвы и поклоны творю, и начах язву на брюхе твоем, слезами моими покропляя, руками сводити, и бысть брюхо твое цело и здраво, яко николи же болé. Душа ж моя возрадовалася о господе и о здравии твоем зело.

И паки поворотих тя вверх спиною твоею, видех спину твою сгнившу паче брюха, и язва больши первыя явихся. Мне ж так же плакавшуся, руками сводящу язву твою спинную, и мало-мало посошлася и не вся исцеле.

И очютихся от видения того, не исцелих тя всего здрава до конца. Нет, государь, большо покинуть мне плакать о тебе, вижу, не исцелеть. Ну, прости ж, господа ради, дондеж увидимся с тобою.

Якож присылал ко мне Юрья Лутохина *, и рекл он, Юрье, усты твоими мне на Угреше: «рассудит-де, протопоп, меня с тобою праведный судия Христос». И я на том же положил: буди тако по воли твоей. Коли тебе, государь, тако годе, ино и мне так любо: ты царствуй многа лета, а я мучуся многа лета, и поидем вместе в домы своя вечныя, еда бог изволит. Ну, государь, да хотя меня и собакам приказал выкинуть, да еще благословляю тя благословением последним, а потом прости, уж тово чаю только.

Царь-государь Алексей Михайлович, любим бо еси мне, исповемся тебе всем сердцем моим и повем ти вся чюдеса господня. Ей, не лгу — буди мне с сею ложью стати на страшнем суде с тобою пред лицем господним. Того ради хощу тебе сказать, яко мнит ми ся, не коснит господь о

кончине моей, и помышляет ми ся, будет скоро о[т]ложение телиси моему, яко утомил мя еси зело, еще ж мне и самому о жизни сей нерадящу. Послушай, державне, побеседаю ти, яко лицем к лицу.

Нынешня 177 году, в великий пост на первой неделе * по обычаю моему хлеба не ядох в понедельник, тако ж и во фторник, и в среду не ядох, еще ж и в четверг не ядше пребых, в пяток же прежде часов * начах келейное правило, псалмы Давыдовы пети, прииде на мя озноба зело люта, и на печи зубы мои розбило с дрожи. Мне же, и лежа на печи, умом моим глаголющу псалмы, понеж от бога дана Псалтырь и наизусть глаголати мне,— прости, царю, за невежество мое,— от дрожи тоя нападе на мя мыт; и толико изнемог, яко отчаявшу ми ся и жизни сея, уже всех дней не ядшу ми дней с десять и больши. И лежащу ми на одре моем и зазирающу себе, яко в таковыя великия дни правила не имею, но токмо по чоткам молитвы считаю, и божиим благоволением в нощи вторыя недели, против пятка, распространился язык мой и бысть велик зело, потом и зубы быша велики, а се и руки быша и ноги велики, потом и весь широк и пространен под небесем по всей земли распространился, а потом бог вместил в меня небо, и землю, и всю тварь. Мне же, молитвы беспрестанно творящу и лествицу перебирающу в то время, и бысть того времени на полчаса и больши, и потом восставши ми от одра лехко и поклонившуся до земля господеви, и после сего присещения господня начах хлеб ясти во славу богу.

Видишь ли, самодержавне? Ты владеешь на свободе одною русскою землею, а мне сын божий покорил за темничное сидение и небо и землю; ты, от здешняго своего царства в вечный свой дом пошедше, только возьмешь гроб и саван, аз же, присуждением вашим, не сподоблюся савана и гроба, но наги кости мои псами и птицами небесными растерзаны будут и по земле влачимы; так добро и любезно мне на земле лежати и светом одеянну и небом прикрыту быти; небо мое, земля моя, свет мой и вся тварь — бог мне дал, якож выше того рекох. Да не первому

мне показанно сице; чти, державный, книгу Палею: егда ангел великий Альтез древле восхитил Авраама выспрь *, сиречь на высоту к небу, и показа ему от века сотворенная вся, богу тако извольшу. А и ныне, чаешь, изнемог бог? Несть, несть, той же бог всегда и ныне, и присно, и во веки веком. Аминь.

Хвалити ми ся не подобает, токмо о немощах моих, да вселится в мя сила Христова — не только то тово божия присещения. Егда мне темныя твоя власти волосы и бороду остригли и, проклявше, за твоим караулом на Угреше в темнице держали,— о, горе мне, не хочется говорить, да нужда влечет,— тогда нападе на мя печаль, и зело отяготихся от кручины и размышлях в себе, что се бысть, яко древле и еретиков так не ругали, якож меня ныне: волосы и бороду остригли, и прокляли, и в темнице затворили никонияня, пущи отца своего Никона надо мною, бедным, сотворили. И о том стужах божеству, да явит ми, не туне ли мое бедное страдание. И в полунощи во всенощное, чтущу ми наизусть святое Евангелие утреннее, над ледником на соломке стоя, в одной рубашке и без пояса, в день Вознесения господня, бысть в дусе весть, и ста близ меня по правую руку ангел мой хранитель, улыскаяся, и приклоняяся ко мне, и мил ся мне дея; мне же чтущу святое Евангелие не скоро и ко ангелу радость имущу, а се потом изо облака госпожа богородица яви ми ся, потом и Христос с силами многими и рече ми: «не бойся, аз есмь с тобою». Мне же к тому прочетше к концу святое Евангелие и рекшу: «слава тебе, господи», и, падшу на земли, лежащу на мног час, и, егда отъиде слава господня, востах и начах утреннюю кончати. Бысть же ми радость неизреченна, ея же невозможно исповедати ныне. За любовь тебе господню, Михайлович, сказано сие, понеже хощу умереть. Молю тя именем господним, не поведай врагом моим, никониянам, тайны сея, да не поругают Христа Исуса, сына божия и бога: глупы веть оне, дураки, блюют и на самого бога нечестивыя глаголы; горе им, бедным, будет.

Посем, государь, мир ти и паки благословение, аще снабдиши, о нем же мо[лю твою царскую душу; аще ли же ни, буди во]¹ля твоя, якож хощеши. Не хотелося боло мне в тебе некрепкодушия тово: веть то всячески всяко будем вместе, не ныне, ино тамо увидимся, бог изволит.

ПИСЬМО К ЦАРЕВНЕ ИРИНЕ МИХАЙЛОВНЕ РОМАНОВОЙ

Свет-государыня, всегосподованная дево, Ирина Михайловна! Что аз, грубый, хощу пред тобою рещи? Вем, яко мудра еси, дево, сосуд божий, избранный, благослови поговорить! Ты у нас по царе над царством со игуменом Христом, игумения. Якоже он, надежа наша, иссек римскою властью любоплотный род еврейский *, подобает, государыня, и здесь любоплотным по тому же уставу быть. Не страша же глаголю, но предлагаю законопреступникам сбывшееся издревле во Израили. Егда в законе поблядят, тогда и разорение, егда же обратятся ко господу богу, тогда им милость и ужитие мирно и безмолвно. Но вижль, предобрая, что над собою и греки учинили, ко псу ездя, на Флоренском соборе *, истиннее рещи на сонмище жидовское, руки приписали, Мануилович * с товарищи, что наведе греческой державе? Помнишь ли, свет, реченное или запамятовала? Ну, ино я препомню.

Тому лет с двести семьдесят с лишком, варвар, Бахмет турской *, взял Царьград * и брата Мануиловича Констянтин *. Не коснел Христос, скоро указ учини. Блюдусь и трепещу. Та же собака заглядывает и в нашу бедную Росию. Мнит ми ся по греческому же уставу ступает, малупомалу на высоту восходит и со дияволом предуспевает. Егда помышляю, ужас меня объемлет; отвсюду ми тесно ныне, душа, плавание, а тогда телесем гробы.

---

¹ В этом месте рукопись дефектна: слова в скобках восстанавливаются по изд. Памятники, стлб. 766.

Преудобренная невесто Христова, не лучши ли со Христом помиритца и взыскать старая вера, еже дед и отец твои держали, а новую блядь в гной спрятать? Пускай Никонов устав мотыльноской до общаго воскресения тут препочиет. А будет так и не учинитца, тако глаголет дух святый, пострадать будем и нам, якоже и греком. А потом варвар попустит и на самую первую блудницу, еже есть костел римской, потом же и последний диявол, глаголю антихрист, потом пророцы Илия и Енох с Богословом, потом изменение твари. Потом *се жених грядет, исходите во стретение его* *, по глаголющему пророку: «зрех, дондеже престоли поставятся и ветхий дньми седе, и книги разверзошася, и тьмы тьмами предстояху ему, и тысяща тысящами служаху ему» *. Тогда праведницы просветятся, а грешницы омрачатся, тогда християне возвеселятся, а никонияня восплачются и возрыдают, яко прииде отмщение коварству их.

Воистинну, государыня, никониянская вера и устав не по бозе, но по человеку. Умыслил Никон оружием и пищальми и со дрекольми на противныя, не разумех пророка вопиюща: «не на лук бо мой уповаю и оружие мое не спасет мене» *. По тому же рекл прилично апостол Павел: «несть наша брань к крови и плоти, но к началом и ко властем и к миродержителем тьмы века сего, к духовом злобе под небесным» *. И еще он же: «сего ради приимете вся оружия божия, да возможете противитися в день лют, и вся содеявше стати» *. Паки он же: «станете убо препоясани чресла ваша истинною и оболкшеся во броня правды и обувше нозе во благовествования миру. Надо всеми же сими восприимше щит веры, в нем же возможете вся стрелы лукаваго разжженныя угасити» *.

Царевна-государыня, Ирина Михайловна! Умоли государя-царя, чтобы мне дал с никонияны суд праведный, да известна будет вера наша християнская и их никониянская. Иду, раб ваш, братися с турским по[1] святей божии церкви, взявши братию мою страждущих повсюду. Не

---

[1] В рукописи: во; исправлено по списку XVIII в. (Печорское собр., № 37, л. 5.— Архив Института русской литературы АН СССР).

надобе нам ни пищали, ни сабли, ни ино что от таковых, но токмо облецемся в ризы священныя; попы и дияконы со кресты и с фимияном, а черньцы в черныя ризы и схимы. И всяк возраст мужеска полу и женска [1] плачюще и восклицающе горце: «владыко, не остави нас сиры, но прииди и стани с нами, да воспоем песнь раба божия Моисея: «коня и всадники фараоновы вверже в море, избранныя всадники потопи в Чермном мори» * и прочая. Надеюся на господа, яко Ияков Никейский * прогнав перскаго царя комарами.

А никонияня, патриархи и митрополиты и архиепископы со архимандриты и игумены, пускай против варвара своим сонмом пойдут. Как знают, так и молят по-своему бога. В молитвах их напечатано: «молимся тебе, дух лукавый» *. Пускай оне с лукавым духом, а мы, християне, со Христом Исусом. Нам оне, поганцы, в товарищы не надобны. Мы пойдем на турская полки от десных, в руках победное оружие, крест, держа, а никонияня пускай да идут о левую, с крыжами и с партесным пением *. Оне пускай против воевод идут турскаго, а мы на самого диявола и Салтана-царя. Я хощу о Христе бозе моем, яко Давыд на Голияда *, тако и Салтана-царя патрахилию обязав, в Москву притащу ти и пред царя моего поставлю, яко пса, и благословение царю-государю подам.

Пойду в пустыню, куды очи несут, направляем Христом и пречистою богородицею, а избранное Христово воинство, куды кто хочет, туды и поди, бог благословит. А никонияня назад не возвратятся, тако глаголет дух святый, истреблени будут, *яко Мадиям и Сисара, Иавим в потоце Кисове,* со иноплеменники брашася, погибнут вси, *потребятся,* яко древле *во Аендоре, будут яко гной земный* * Да больше того полно говорить, будет так, якоже рекох.

По сих всех прости мя, святая душа, и благослови, елико согреших словом и делом и помышлением и осуждением и всеми моими чювствы. Аминь.

---

[1] В рукописи после этого слова зачеркнуто: и отроки и отрочицы.

ЧЕЛОБИТНАЯ ЦАРЮ ФЕДОРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

Благаго и преблагаго и всеблагаго бога нашего благодатному устроению, блаженному и треблаженному и всеблаженному государю нашему, свету-свитилу, рускому царю и великому князю Феодору Алексеевичу.

Не смею нарещися богомолец твой *, но *яко некий изверг* *, и непричастен ногам твоим, издалеча вопию, яко мытарь: *милостив буди ми, господи;* * подстилаю главу и весь орган тела моего со гласом: *милостив буди ми, господи,* яко серафинисса, жена еллинска * к сыну божию, ибо и *пси ядят от крупиц, падающих от трапезы господий своих* *. Ей, пес есмь аз, но желаю крупицы твоея милости.

Помилуй мя, страннаго, устраншагося грехми бога и человек, помилуй мя, Алексеевич, дитятко красное, церковное! Тобою хощет весь мир просветитися, о тебе люди божия расточенныя радуются, яко бог нам дал державу крепкую и незыблему. Отради ми, отрасль царская, и не погуби мене со беззаконньми моими, ниже в век враждовав, соблюдеши зол моих, зане ты еси царь мой, и аз раб твой; ты *помазан елеом радости* *, а аз обложен узами железными; ты, государь, царствуешь, а аз во юдоли плачевной плачюся. Увы мне! Кого мя роди мати моя! *Проклят день в онь же родихся, и нощь она буди тьма* *, еже изведе из чрева матере моея.

Помилуй мя, сыне Давыдов *, помилуй мя! Аще благодать обретох пред тобою, помилуй мя! *Услыши моление мое* *, *внуши молитву мою не во устнах льстивых!* * Глаголю ти: разрежь чрево мое и посмотри сердце мое, яко с трепетом молю и мил ся дею; припадаю: приклони ухо твое и внуши глаголы моя из болезненны души. Царю, послушав, от лют мя избави: един бо еси ты нашему спасению повинен. Аще не ты по господе бозе, кто нам поможет? Столпи поколебашася наветом сатаны, патриарси изнемогоша, святители падоша, и все священство еле живо — бог весть! — али и умроша. Увы, погибе благого-

вейный от земля и несть исправляющаго в человечецех! Спаси, спаси, спаси их, господи, ими же веси судьбами! Излей на них вино и масло, да в разум приидут!

А что, государь-царь, как бы ты мне дал волю, я бы их, что Илия пророк, всех перепластал * во един час. Не осквернил бы рук своих, но и освятил, чаю. Да воевода бы мне крепкой, умной — князь Юрья Алексеевич Долгорукой! * Перво бы Никона, собаку, и рассекли начетверо, а потом бы никониян. Князь Юрья Алексеевич, не согрешим, небось, но и венцы победныя приимем! Помнишь, ты мне жаловал, говорил: «естли-де, что, протопоп Аввакум, — на соборе том говорит, — и я тебе сопротив безответно реку: «государь, видно, так ты». Да инде и слава богу. А после не так у них стало.

Бог судит между мною и царем Алексеем. В муках он сидит, слышал я от спаса; то ему за свою правду *. Иноземцы те что знают? Что велено им, то и творили. Своего царя Константина *, потеряв безверием, предали турку *, да и моего Алексея в безумии поддержали, костельники и шиши антихристовы, прелагатаи, богоборцы!

Князь Юрья Алексеевич, здрав буди, а благословение мое есть на главе твоей. Помнишь, и дважды благословил тя да и ныне так же. Прости и моли о мне, грешнем, бога, да не разлучит нас во царствии своем в день века. Мои, светы, вы все, князи и боляре, отступником до вас нет дела. Говорите Иоакиму патриарху *, престал бы от римских законов: дурно затеели, право. Простой человек Яким-от. Тайные те шиши, кои приехали из Рима, те ево надувают аспидовым ядом. Прости, батюшко Якимушко! Спаси бог за квас, егда напоил мя жаждуща, егда аз с кобелями теми грызся, яко гончая собака с борзыми, с Павлом и Ларионом *.

Чюдо! Чюдо! Заслепил диявол! Отеческое откиня, им же отцы наши, уставом, до небес достигоша, да странное богоборство возлюбиша, извратишася. Не я своим умыслом, скверной, затеваю, ни, ни, никако же, но время открыет, *яко чаша в руце господни нерастворенна исполнь растворения и уклони от сея в сию, обаче и дрождие его*

не искидашася *. Псалмопевец глагола: «и дрождей не кинет даром, но испиют ѐ вси грешнии земля» *.

Рече господь: «имеяй уши слышати, да слышит!» *

Прости, прости, прости, державне, пад, поклоняюся. Прости, господа ради, в чем согрубил тебе, свету. Благословение тебе от всемогущия десницы и от меня, грешнаго, Аввакума протопопа. Аминь.

ПИСЬМА К БОЯРЫНЕ Ф. П. МОРОЗОВОЙ

1

Прежде сих грамоток * за четыре месеца понудил мя дух святый сыну нашему о Христе написати благословение к брачному совокуплению: в нощи сжалися дух мой о нем, и возгореся душа моя, да благословен будет к женитве. И стрельцу у бердыша в топорище велел ящичек сделать, и заклеил своима бедныма рукама то посланейце в бердыш, и дал с себя ему шубу и денег близко полтины, и поклонился ему низко, да отнесет богом храним до рук сына моего, света; а ящичек стрельцу делал старец Епифаний; а посланейце я никому не показал, писал ево и без твоево прошения: у меня он благословен буди богом.

Да пишешь ты ко мне в сих грамотках на Федора, сына моего духовнаго, чтоб мне ему запретити от святых таин по твоему велению, и ты, бытто патриарх, указываешь мне, как вас, детей духовных, управляти ко царству небесному. Ох, увы, горе! бедная, бедная моя духовная власть! Уж мне баба указывает, как мне пасти Христово стадо! Сама вся в грязи, а иных очищает; сама слепа, а зрячим путь указывает! Образумься! Веть ты не ведаешь, что клусишь! Я веть знаю, что меж вами с Феодором сделалось.

Писал тебе преж сего * в грамотке: пора прощатца — петь худо будет, та язва будет на тебе, которую ты Фео-

дору смышляешь. Никак не по человеку стану судить. Хотя мне 1000 литр злата давай, не обольстишь, не блюдись, яко и Епифания Евдоксия *. Дочь ты мне духовная — не уйдешь у меня ни на небо, ни в безну. Тяжело тебе от меня будет. Да уж приходит к тому. Чем боло плакать, что нас не слушала, делала по своему хотению — и привел боло диявол на совершенное падение. Да еще надежа моя, упование мое, пресвятая богородица заступила от дияволь-скаго осквернения и не дала дияволу осквернить душу мою бедную, но союз той злый расторгла и разлучила вас, окаянных, к богу и человеком поганую вашу любовь разорвала *, да в совершенное осквернение не впадете! Глупая, безумная, безобразная, выколи глазища те свои челноком, что и Мастридия *. Оно лутче со единем оком внити в живот, нежели две оце имуще ввержену быти в геену. Да не носи себе треухов тех, сделай шапку, чтоб и рожу ту всю закрыла, а то беда на меня твои треухи те.

Ну, дружец мой, не сердитуй жо! Правду тебе говорю. Кто ково любит, тот о том печется и о нем промышляет пред богом и человеки. А вы мне все больны: и ты и Федор. Не кручинься на Марковну: * она ничево сего не знает; простая баба, право.

2

Господь грядет грешники мучити, праведники же спасти *. Плачемся и воздыхаем, и приимем чювство онаго дне, в онь же безвестная и тайная открывый человеком отдаст по достоянию. Страшен судия приидет, и кто против станет его? Не обленися потрудитися в нынешнем веце, предварим и восплачемся прежде суда онаго, егда небеса погибнут, и звезды спадут, и вся земля поколеблется, да милостива обрящем тогда бога нашего.

Свет моя, государыня! Люблю я правило нощное и старое пение. А буде обленишься на нощное правило, тот день окаянной плоти и есть не давай. Не игрушка душа, что плотским покоем ея подавлять! Да переставай ты и медок попивать. Нам иногда случается и воды в честь, да

живем же. Али ты нас тем лутчи, что боярыня? Да единако нам бог распростре небо, еще же луна и солнце всем сияет равно, такожде земля, и воды, и вся прозябающая по повелению владычню служат тебе не больши, и мне не меньши. А честь прелетает. Един честен,— тот, кто ночью востает на молитву, да медок перестанет, в квас примешивая, пить.

Еще ли, государыня, браниться?

Мне мнится, обленилася ты на ночную молитву. Того ради тебе так говорю с веселием — Евангелие воспоминаю: «егда поносят вам и изженут вы, возрадуйтеся в той день и взыграйте, се бо мзда ваша многа на небесех» *. Аще и радостию тебе глаголю, не радуйся о глаголех сих. Дние наши не радости, но плача суть. Воспомяни: егда ты родилася, не взыграла, но заплакала, от утробы исшед матерни. И всякой младенец тако творит, прознаменуя плачевное сие житие, яко дние плача суть, а не праздника. Якоже мне, грешнику, на земли и праздника несть, развее святым и праведным, кои веселятся законы божиими и заповедьми его соблюдающе. Тако и ты, государыня, плачи суетнаго жития своего и грехов своих, понеже призвал тя бог в домовое строение и рассуждение; но и возвеселися, егда, в нощи востав, совершиши 300 поклонов в седмь сот молитв веселием и радости духовныя. И меня, грешнаго, помяни тут, надежда моя, к богу, и жену мою и дети мои.

Еще же реку ти: *егда молишися, вниди в клеть свою, затвори двери своя* *, сиречь все помыслы злыя отринь и единому богу гори душею; воздохни со восклицанием и рцы: «господи, согрешила, окаянная, прости! Несмь достойна нарещися дщерь твоя, сотвори мя, яко едину от наемниц твоих!» * Еще же глаголю: аще и все добродетели сотворишь, рцы души своей: «ничтоже благо сотворих, ниже начах добро творити». Нощию воставай,— не людем себя приказуй будить, но сама воспряни от сна без лености,— и припади, и поклонися сотворшему тя. А к вечеру меру помни сидеть, поклоны: еда метание на колену твориши, тогда главу свою впрямь держи; егда же великий прилу-

чится, тогда главою до земли. А нощию триста метаний на колену твори. Еда совершиши сто молитв стоя, тогда «Слава» и «Ныне», «Аллилуйя», и тут три поклоны великия бывают. Тако ж и на «Достойне» всегда поклон великий. На святую Пасху и во всю пятьдесятницу и нощию — в пояс. И промеж Рожества и Крещения — в пояс. И во всякую суботу, и неделю, и в праздники — в пояс. Разве в Великую суботу против Великаго дни — то метание на колену.

Блюдися ты, государыня, лестьцов — чернцов, и попов, и черниц, еже бы не развратили душю твою, и всех злых человек уклоняйся, а с добрыми беседуй. Не презирай живова мертвеца.

ПИСЬМО К БОЯРЫНЕ Ф. П. МОРОЗОВОЙ КНЯГИНЕ Е. П. УРУСОВОЙ и М. Г. ДАНИЛОВОЙ

Книга иноке Феодоре, а по-мирскии бояроне, с сестрами.

«Херувимом подобящеся, отроцы в пещи ликовствоваху, вопиюще: «благословен еси, боже, яко истинною и судом навел еси сый вся грех ради наших, препетый и препрославленный во веки вся» *.

Молитвами святых отец наших, господи Исусе Христе, сыне божий, помилуй нас. Аминь.

Херувимы многоочития, серафими шестокрильнии, воеводы огнепальныя, воинство небесных сил, тричисленная единица трисоставнаго божества, раби вернии: Феодора в Евдокее, Евдокея в Феодоре и Мария в Феодоре и Евдокее! Чюдной состав — по образу святыя троицы, яко вселенстии учителие: Василий, и Григорий, Иоанн Златоустый! * Феодора — огненный ум Афанасия Александрскаго *, православия насаждь учения, злославия терние иссекла еси, умножила семя веры одождением духа. Преподобная, по

троицы поборница великая, княгиня Евдокея Прокопьевна, свет трисиянный, вселивыйся в душу твою, сосуд избран показа тя, треблаженная, светло проповеда троицу пресущную и безначальную. Лоза преподобия и стебль[1] страдания, цвет священия и плод богоданен, верным присноцветущая даровася, но яко мучеником сликовна, Мария Герасимовна, со страждущими с тобою взываше: «ты еси, Христе, мучеником светлое радование». Старец, раб вашего преподобия, поклоняюся главою грешною за посещение, яко простросте беседу довольную и напоили мя водою животекущею. Зело, зело углубили кладезь учения своего о господе, а ужа моя кратка, досягнути немощно, присенно и прикровенно во ином месте течения воды.

Понуждаете мя молитися, чтобы дал бог терпение и любовь и покорение, безлобие и воздержание, безгневие и терпение, и послушание. И я о сем в души своей колеблюся: нет ли в вас между собою ропоту? — боюся и трепещу навета дияволя. Евдокея Прокопьевна! Худо, свет моя, неблагодарение. Мария Герасимовна! Чево у вас не бывало преже сего, ныне ли чести искать или о нужной пищи ропотить? В мимошедшее времена и рабичища слаще тово ели у вас, чем вы ныне питаетеся; а в пустошном сем только ропот и бессоветие.

Увы мне, грешному! Ей, слезам достойно есть: у меня здесь диявол от десных ссору положил, — в догматах считалися, да и разбилися. Молодой щененок, Федор дьякон *, сын духовной мне, учал блудить над старыми книгами и о святей троице предкнулся, и о Христове во ад сошествии, и о иных, догматствуя по-никониянски, нелепотно. В книге моей написано и послано к вам * о господе. Аз же, не утерпев безумию его, и слышати не мог хулы на господа бога моего, отрезал его от себя и положил под клятвою, не ради внешних досад к ним, — никако же, — но ради бесстудства его на бога и хулы на старых книг. Буди он проклят, враг божий!

[1] В рукописи: святитель; исправлено по списку нач. XIX в. (Собр. митр. Макария, № 58, л. 94).

А у вас, светы мои, какое догматство между собою? Женской быт одно говори: «как в старопечатных книгах напечатано, так я держу и верую, с тем и умираю». Да молитву Исусову грызи, да и все тут. А о пищи и питии, и о чести века сего что ропотать? Бросили вы сие, плюньте уже на все! Наудачю ведь говорю. Аль то и нет у вас тово, милостию Христа, бога моего, и заступлением пречистыя владычицы нашея, богородицы, помощницы нашея, света?

А ты, друг мой головной, пожалуй, господа ради, на себе притирай. Ты уже мертвец, отреклася всего, а оне еще, горемыки, имут сердца своя к супружеству и ко птенцам. Можно нам знать, яко скорбь их томит. Я и мужик, а всяко живет. У меня в домишку девка — рабичища робенка родила. Иныя говорят: Прокопей, сын мой, привалял, а Прокопей божится и запирается. Ну, что говорить, в летах, недивно и ему привалять! Да сие мне скорбно, яко покаяния не могу получить. В ыную пору совесть рассвирепеет, хощу анафеме предать и молить владыку, да послет беса и умучит его, яко древле в Коринфах соблудившаго с мачехою *. И паки посужю, как бы самому в напасть не впасть; аще только не он, так горе мне будет тогда: мученика казни предам.

Увы, Феодора Прокопьевна, мати моя! Утеснися душа моя отвсюду грех ради моих. Молися, молися, крепко молися господа ради о мне! А я уже и не знаю, как живу в горести ума моего; не помню иное в печалях, как день, как нощь преходят меня. Ох, ох, ох души, отвсюду утеснившеся моей! Евдокея да Марья оханье прислали ко мне, а у меня и своего много! Глядел, глядел в ваше рукописание, огорчилася утроба моя, я ударился о землю: «владыко! Соблюди,— реку,— их во имя твое, и меня, грешнаго, за молитв их спаси! Кому помощи, аще не ты?» А ты говоришь иную суторщину: «взойду ль-де я тебе на ум-от когда? Большо-де ты меня забыл». Я тебя избранил в те поры,— прости бога ради! Вот, реку, она во сне брусит, и слушать нечево! Разве, реку, сама забываешь меня? А что, петь, о Иване том больно сокрушаешься? * «Главы, главы не сохранил!» Полно-су плюскать тово Христа для! Главы

не сохранил! Как пороссудить тово дело твое, ино ужас возьмет. Как то, надежа — свет, Христос изволил! То бы по-твоему добро, как бы на лошадях тех без тебя ездить стал, да баб тех воровать? Привели бы оне на вся, ругаяся тебе,— и Христа бы отрекся, как и оне ж! А то дорогое дело — по-новому-су робенка причастили! Великая беда, куды! Он и не знает, ни ведает в печалех в то время, что над ним кудесили, блядины оне дети, и со всем умыслом своим. У спаса-света правда будет на суде. Только бы он ево, надежа-свет, не возлюбил, и он бы ево в такую нужную пору не взял к себе. Я благодарю бога о нем,— причастил я ево, помню, довлеет ему сие во веки веком, не истлела в нем благодать! Я на твое плюсканье не гляжю: тебе бы таки всяк исповедник! Ох, матка божия, не по Федосьину хотению делается! Плачь-ко ты о себе больше, а о нем, слава Христу, и без твоих возгрей! А што? Горе уже от безумия твоего стало мне! Есть о нем плачющих тех. Иной и один воздохнет, ино адом потрясет; хотя бы и впрямь осужден был, ино выпустят. А то за что ево осудить? В муках скончался робя. Григорей о Трояне, о мучители, помолился, ино отдали *. Сказал же ему Христос: «опять-де не моли мне о таковых, не стужай», а однакотаки отдал милостивый бог. А Иван не мучитель был, сам, покойник, мучился и света не видал вся дни живота своего. Да собаки опоганили при смерти, так у матушки и брюхо заболело: «охти мне, сына опоганили! Во ад угодил!» Не угодил, не суетися! Для тебя так попущено, чтобы ты не вознеслась. Блюдися себевозношения тово, инока-схимница! Дорога ты, что в черницы те попала, грязь худая? А хто ты? Не Феодосья ли девица преподобнамученица? * Еще не дошла до тое версты! Ну, полно браниться. Прости, согрешил. Не кручинься о Иване, так и бранить не стану.

На тебя глядя, и Евдокея кручинится о своих робятах. Да мóлоть ли правда? Евдокее той, миленькой, тяшко: то-су и есть мужеское и девическое дело, чтобы в грехи не ввалились без приятеля. А батюшко * по-за воронами охоч, знаю я ево, да что же делать? Прокопьевна, миленькая, положим

упование на Христа и пречистую богородицу, света. Она детей наших не покинет. Евдокея Прокопьевна! Авось бы ты умерла, ведь бы им жить же без тебя? Ну, да станем Христу докучать: он управит их к себе, создатель наш.

Марья Герасимовна! Не прекуйте же вы пред старицею тою с Евдокеею тою: она ведь ангельский чин содержит, а вы веть простые бабы, грех вам пред нею пререковать. Да, чаю, то у вас и нет тово о Христе, надеюся на господа, яко даст вам бог терпения и долгодушство, и кротость, и повиновение, и любовь. А что, петь, ты о Акинфее печалуешься? Вели ему пострищися, да и ты постригися, да прямою дорогою ко Христу тому побредите неоглядкою, а затем — как вас Христос наставит. Мир ему и благословение, свету моему Ивановичю, и всем благословение, любящим вас. Евдокея Прокопьевна! Чаю, уже великоньки детушки те у тебя, светы мои! Да что же делать? Не больно кручинься о них: бог о всяком человеке промышляет.

Ну, простите же, светы мои, сердечныя друзья, простите, государыни мои, простите же-су бога для!

Господи Исусе Христе, сыне божий, помилуй нас!

Мати честная и преподобная Феодора! Прости мя, грешнаго, елика согреших словом и делом, и помышлением! Прости же, оскорбил тебя, прости, государеня моя! Ну, прости же, старица! Тово для не кручинься о Иване: еще и не так стану бранить, будет не перестанешь сетовать. Чем было тем не велеть сетовать, а она сама кручинится!

А Меланью * ту твою веть я знаю, что она доброй человек, да пускай не розвешивает ушей, стадо то Христово крепко пасет, как побраню. Ведь я не сердит на нея,— чаю, знаешь ты меня. Оне мне и малины прислали, радеют миленькие. А мне, петь-су, своих тех как покинуть! Надобе друг друга журить, как бы лутчи. Я браню ея, а она благословения просит. Видишь ли, совесть та в ней хороша какова? Полно уже мне ея искушать. Попроси у ней мне благословения: прощается-де пред тобою! Да вели ей ко мне отписнуть рукою своею что-нибудь. Ну, прости же и ты меня и молися бога для о мне. Я веть надеюся на молитвы те ваши. Посем мир вам и благословение, и по по-

клонцу рядом всем. И Устине — старице с побратимом мир и благословение. Терпите, светы мои, о Христе.

<Многогрешный инок Епифаний, милости у Христа бога прося, а ваши святыя молитвы в помощь себе призывая, благословение вам Христово приписал.

Не забывайте нас, светы, новые исповедницы, во святых своих молитвах>[1].

ПИСЬМО К БОЯРЫНЕ Ф. П. МОРОЗОВОЙ и КНЯГИНЕ Е. П. УРУСОВОЙ

Увы, измолче гортань мой, исчезосте очи мои! Благоволи, господи, избавити мя. Господи, помощи ми потщися! *Скоро да предварят ны щедроты твоя, господи, яко обнищахом зело. Помози нам, боже, спасителю наш!* *

Свет моя, еще ли ты дышишь? Друг мой сердечной, еще ли дышишь, или сожгли, или удавили тебя?

Не вем и не слышу; не ведаю — жива, не ведаю — скончали! Чадо церковное, чадо мое драгое, Феодосья Прокопьевна! Провещай мне, старцу грешну, един глагол: жива ли ты?

Увы, Феодосья! Увы, Евдокея! Два супруга нераспряженная, две ластовицы сладкоглаголивыя, две маслицы и два свещника, пред богом на земли стояще! Воистинну подобни есте Еноху и Илии *. Женскую немощь отложше, мужескую мудрость восприявше, диявола победиша и мучителей посрамиша, вопиюще и глаголюще: «приидите, телеса наша мечи ссецыте и огнем сожгите, мы бо, радуяся, идем к жениху своему Христу».

О, светила великия, солнца и луна руския земли, Феодосия и Евдокея, и чада ваша, яко звезды сияющыя пред господем богом! О, две зари, освещающия весь мир на поднебесней! Воистинну красота есте церкви и сияние при-

---

[1] Слова в скобках — очевидно, приписка Епифания.

сносущныя славы господни по благодати! Вы забрала церковная и стражи дома господня, возбраняете волком вход во святая. Вы два пастыря, пасете овчее стадо Христово на пажетех духовных, ограждающе всех молитвами своими от волков губящих. Вы руководство заблуждшим в райския двери и вшедшим — древа животнаго наслаждение! Вы похвала мучеником и радость праведным и святителем веселие! Вы ангелом собеседницы и всем святым сопричастницы и преподобным украшение! Вы и моей дряхлости жезл, и подпора, и крепость, и утверждение! И что много говорю? — всем вся бысте ко исправлению и утверждение во Христа Исуса.

Как вас нареку? Вертоград едемский именую и Ноев славный ковчег, спасший мир от потопления! Древле гаваривал и ныне то же говорю: киот священия, скрижали завета, жезл Ааронов прозябший *, два херувима одушевленная! Не ведаю, как назвать! Язык мой короток, не досяжет вашея доброты и красоты; ум мой не обымет подвига вашего и страдания. Подумаю, да лише руками возмахну! Как так, государыни, изволили с такия высокия степени ступить и в бесчестия вринутися? Воистинну подобни сыну божию: от небес ступил, в нищету нашу облечеся и волею пострадал. Тому ж и здесь прилично о вас мне рассудить.

Недивно, яко 20 лет и единое лето мучат мя: на се бо зван есмь, да отрясу бремя греховное; а се человек нищей, непородней и неразумной, от человек беззаступной, одеяния и злата и сребра не имею, священническа рода, протопоп чином, скорбей и печалей преисполнен пред господем богом. Но чюдно о вашей честности помыслить: род ваш,— Борис Иванович Морозов * сему царю был дядька, и пестун, и кормилец, болел об нем и скорбел паче души своей, день и нощь покоя не имуще; он сопротив тово племянника ево роднаго, Ивана Глебовича Морозова, опалою и гневом смерти напрасной предал,— твоего сына и моего света.

Увы, чадо драгое! Увы, мой свете, утроба наша возлюбленная,— твой сын плотской, а мой духовной! Яко трава посечена бысть, яко лоза виноградная с плодом, к земле приклонился и отъиде в вечная блаженства со ангелы ли-

ковствовати и с лики праведных предстоит святей троицы. Уже к тому не печется о суетной многострастной плоти, и тебе уже некого чотками стегать и не на ково поглядеть, как на лошадки поедет, и по головки некого погладить,— помнишь ли, как бывало? Миленькой мой государь! В последнее увидился с ним, егда причастил ево. Да пускай, богу надобно так! И ты небольно о нем кручинься. Хорошо, право, Христос изволил. Явно разумеем, яко царствию небесному достоин. Хотя бы и всех нас побрал, гораздо бы изрядно! С Феодором там себе у Христа ликовствуют *,— сподобил их бог! А мы еще не вемы, как до берега доберемся.

Поминаешь ли Феодора? Не сердитуеши ли на него? Поминай-су бога для, не сердитуй! Он не больно пред вами виноват был,— обо всем мне пред смертию, покойник, писал: стала-де ты скупа быть, не стала милостыни творить и им-де на дорогу ничево не дала, и с Москвы от твоей изгони съехал, и кое-што сказывал. Да уже бог вас простит! Нечево старова поминать: меня не слушала, как я говорил, а после пеняешь мне. Да што на тебя и дивить! У бабы волосы долги, а ум короток.

Ну, прости ж меня, а тебя бог простит во всем. Мучьтеся за Христа хорошенько, не оглядывайтеся назад. Спаси бог, денег ты жене моей и кое-что послала. Да мужик ничево не отдал, ни полушки, перед ним! Пускай ево! Не до денег нам ныне. У тебя и больши нашева заводов было, да отняли же. Да добро так! Благодарите же бога, миленькие светы мои, не тужите о безделицах века сего.

Ну, и тово полно — побоярила: надобе попасть в небесное боярство.

Мир вам, Евдокеи и Феодоре, и всем благословения. Заплатите же сему за труды принесшему.

<Многогрешный инок Епифаний, пустынник честныя обители соловецкия, в темницы, яко во гробе, сидя, бога моля, благословения преписал. О, светы мои, новые исповедницы Христовы! Потерпим мало, да великая восприимем> [1].

---

[1] Слова в скобках — очевидно, приписка Епифания.

ПИСЬМА К СЕМЬЕ

1

СПИСОК С ГРАМОТКИ СТРАДАЛЬЦА ХРИСТОВА, АВВАКУМА ОТЦА

Детям моим благословение и дому моему мир! Настасья, большо мне с вами только видания, прижали плотно ко узам.

В Пафнотьеве монастыре * держали девять недель на переменных цепях. И после того мчали к Москве девяносто верст на переменных лошедях, не отдыхая; затрясли было. Потом остригли и прокляли.

У Николы на Угреше * сежю в темной полате, весь обран и пояс снят со всяцем утвержением, и блюстители пред дверьми и внутрь полаты — полуголова со стрельцами. Иногда есть дают хлеб, а иногда и щи. Дети бедные к монастырю приезжают, да получить меня не могут: всяко крепко от страха, насилу и домой уедут.

Нет у меня строки книжные, пою богу моему наизусть: глагол божий во устех моих. Подстилаю плоть души моей и почиваю на ребрех, одеваюся слезами и воздыханием, видя людей, в конец прельстившихся.

А вас уже я и забыл, токмо прошу о спасении вашем. Аще жив, мизинцу моему * целование, аще же умер, блажен есть. Паки всем благословение. Помолитеся о мне, да же совершу путь течения добре.

Дорого столбец сей куплен, неколи много писать. Писано же лучинкою.

Помышляю о себе, яко удавят мя еретики: попущено бо им гораздо.

Не обленись, жена, детей тех понуждати к молитве, паче же сами молитеся. Молитва бо Петра из темницы избави *, молитва Иону из чрева китова изведе *, молитва триех отроков от огня свободи *, молитвою Анна Самойла породи *, молитвами вси святии спасошася, молитва прилежна паче огня на небо возлетает. Добро молитва! Ей же

помогает пост и милостыня. Не ленитеся молитися, да не бесплодни будете.

В Вознесеньев день, в темнице, во время утрени начах чести святое Евангелие. Падох на лици моем и глаголах: «кто есьм аз, умерый пес, яко господь присети мя в темнице?» По сих мысленныма очима видех господа, и глаголюща ми: «не бойся, аз есмь с тобою!» И в то время радости многия исполнен бых *. О сих до зде. Воистинну, молитися добро. Мир вам паки.

Еще ми от бесов многи наветы и пакости бывают, и о сих ныне несть ми глаголати подробну. Молитеся о мне, да избавлюся от них.

Писано в темнице лучинкою, кое-как. Маия в 1 день.

2

Сыну Ивану и Прокопью, с матерью и с братом и сестрами, с женою и дочерью *, всем благословение. Посланы грамотки к Москве, и ты их, прочетше, запечатай и сошли. Да к вам же послано десять крестов — старец * трудился. Мне бояроня * главотяжец да саван прислала против первых пусем. Буде от нея грамотки к вам придут, не роспечатовайте. Буде годно, я отселе к вам пришлю. Паки мир вам.

А кресты кедровые послано. Запечатай грамотки, да пошли к Москве.

Еще таинства в крестом, а грамоток в мир не чтите — петь себе.

3

Ивану с матерью, и с женою, и с дочерью, и Прокопью с братом, и с сестрами, и с домашними, Феодору с Лукою, всем без розбору — благословен[ие]; Марковну бог простит.

Пришли с Машиги[ным] ваши все посылки *. Я Огрофене * холстинку послал, да неведомо до нея дошла, неведомо — нет; уш то ей, бедной, некому о том грамотки напи-

сать? Уш-то она бранится с братиею? А я сетую: не весть — дошла, неведомо — нет. А о рубашках,— я с Тимофеем писал, и про холстинку и про него, что он сплутал, нам посылку с Москвы не привез. И он уш то то и отодрал? Три рубахи пришлите. Давн[о] рубахи надобно: часто наг хожу. Да и башмачишков нет, какие бы нибудь, да и ферезишков нет, да и деньженец нет. Грамотки, Иван, бояроне в столпчик запечатай да пошли. Послал ныне богоявленской воды боченку, а летом — августовы; * а и нынешнюю и первую сам святил. О мире преж сего писал я вам. Феодор, что об одном деле двожды говоришь? В первые, реку, лета быша православнии епископи, аще и при Никоне священо.

И Маремьяне * попадье я грамотку с Ываном Архиповым послал, велю жить с попом, что она плутает? Апостол глаголет: «святит бо ся муж неверен о жене верней» *. Многонько там писано. А ныне с Стефаном... [1], послал с сестрою, неколи много писать, надобе боло итить.

В Соловки те, Феодор, хотя бы подъехал *, письма те спрятав, в монастырь вошел как мочно тайно бы, письма те дал, а буде нельзя, ино бы и опять назад со всем.

И как весною приедете, тогда и Орину * привезите; а у вас бы жила смирно, не плутала; а буде станет плутать, и вы ее смиряйте.

Хто тебе научил указывать тово мне, чтоб я Федосье * той запретил? Плутаешь иное и ты много. Ведаю веть я и твое высокое житье, как, у нее живучи, кутил ты! Горе, барте, мне с вами стало.

4

Возлюбленнии, молю вы, яко странники и пришельцы, отгребатися от плотских похотей, яже воюют на душю нашю *.

Воистинну, по пророку, *вся суета суете, и все суетие* *. От нужных не заповедано промышлять, но излишняя отсе-

---

[1] Далее в рукописи одно или два слова не поддаются прочтению.

кать. Аще о внешнем всегда будем пещися, а о души когда будем промышлять? Тогда, егда умрем? Мертвый не делает, мертвому тайны не открываются. Когда от века слышать, еже бы мертвый что доброе сотворил? Токмо видим воню от гроба злосмрадну исходящу и червьми тело растлеваемо, понявою повиваемо и землею покрываемо. Увы, красный уныл и ясен померк! Где благолепие лица, где светлейши очи, где юность и зрак наш? Все исше, яко цвет, яко трава подсечена бысть. Воистинну, вся увяди смерть. Уже к тому не печется о суетной многострастной плоти. Где ныне род и друзи? Се бо разлу[ча]емся. Воистинну, суета человеческая *.

Ну, Марковна, али не так говорю? Ей, так. Чего для печесься о излишних и о плотских скорбишь? Глаголете ми: «не знаем-де как до конца доживать». *Имеющу пищу и одежду, сим довольни будем* *, а [о] прочих возложим на бога. Али бог забыл нас? Ни, ни. «Аще и забудет мати не помиловати рожения своего, но аз не забуду» *,— рече господь.— «Не пять ли птиц ценится единому пенязю, и ни едина от них падет без воли отца моего. Вас же и власы главныя вси изочтены суть. Не убойтеся, убо мнозех птиц лутше есте вы» *. Имеши ли речению сему веры? Поверь, не ложно. Рече господь: «небо и земля мимо идут, а словеса моя не имут прейти» *. Разве неверен и невежда не имет сему веры! Аз верую богу моему, ему же и служю всею совестию от чиста сердца, яко будет, так и есть, еже рече господь. А егда обнажихся во имя его пресвятое и от труда повалился в темнице, молитву говорю лежа, псалом: «внуши, боже, молитву мою и не презри моления моего» *, и прочая. Егда доидох речи «умякнуша словеса их паче елея, и та суть стрелы» *, примрачило ум мой о том месте. И речено ми, надо мною, от образа: «возверзи на господа печаль свою, и той тя препитает, не даст в век молвы праведнику». И вскочил и поклонихся господеви. А сам говорю: «ты же, боже, низведеши их в студенец истления» *, и прочая. Потому и рубашку с себя скинул и поверг неимущим. Наг оттоле и доныне,— уже три года будет,— да бог питает мя и согревает, и вся благая подает ми изобиль-

но. Слава о всех сих творцу и содетелю всех Христу-богу, и богородице-свету со бесплотными и со всеми святыми!

И ты, Марковна, положися всею крепостию душевною на Христа и богоматерь: она, надежда наша, не оставит нас погружатися в неверствии и бури. Вем до конца, яко попреизлиха о нас печется она и промышляет все, упование наше, и покрывает нас кровом крылу своею и от враг огражает же. Надолго ли бы ми жили, аще бы не она защищала? Ведайте, каково диявол на нас огнено дышет со угодники своими,— в Даурах и повсюду — живых поглотити ищет! Да бог не выдаст, уповаю на нь крепко. Помните, зверь даурский * всяко распопу беднова, еже есть меня, протопопа, умышлял погубить, а не явно ли божия милость? На Москве в руки мне бог его выдал,— растеняся, лежит предо мною, что мертвой! Помнишь, жена, как он мне говорит: «ты волен, и со мною что хощешь, то и сотворишь!» А я постриг его и посхимил по воли божии и по докуки своей к нему, свету. Помнишь ли, в Даурах казаком на поезде говорил и в Енесейске Ржевскому *, и везде по городом: «мне,— реку,— Пашкова постричь надобно!» Да бог мне тово и дал. А то вы и не ведаете, как о том докучал богу.

А нынешнюю зиму потерпите только маленько: силен бог, уже собак тех, перепутав огненным ужем, отдаст нам в руки. Тогда умей спасать их. А что им попущено от нас умерщвлять, и то добро так. По господню речению сбывается: «и умертвят от вас, и будите ненавидими всеми имени моего ради, и влас главы вашея не погибнет. В терпении вашем стяжите душа ваша» *. Ну, да полно тово.

Спаси бог, Афанасьюшко Аввакумович, голубчик мой! Утешил ты меня! Сказывал воевода здешней, похваляя тебе, были-де у него вы, и он-де спросил тебя: «как-де ты, Афанасей, персты слагаешь?» И ты-де показал ему, воеводе: «вот-де, я слагаю». А он-де тебе молвил: «уже-де где отец и мати, там же будешь!» И ты-де супротив рек: «силен-де бог, не боюся!»

Воистинну, господь силен, не боюся никого! Упование нам на него, владыку. Яко лев рычи, живучи, обличая их многообразную прелесть.

А учителя твоего, Григорья *, что не слышать? Жив ли он, беднинькой? А девок тех, свет, учи, Марью да Окулину *, а сам у братей учися. Не гнушайся их, что оне некогда смалодушничали, на висилицу Христа ради не пошли: * уш то моего ради согрешения попущено изнеможение. Что же делать? И Петр апостол некогда так сделал *, слез ради прощен бысть. А он так же богу кающихся прощает и припадающих к нему приемлет. Разговаривай братий: «не сетуйте-де о падении своем выше меры,— простит вас. Да и батюшко-де по воле божии вас прощает и разрешает, дает прощение в сий век и в будущий». Впредь не падайте, стойте; задняя забывающе, на предняя простирающеся, живите. Един бог без греха и без изврат, а человечество немощно, падает, яко глина, и востает, яко ангел. Се тому не работает греху, но присносущному богу Христу, сыну божию, свету, со отцем и со святым духом, ныне и присно и во веки веком.

Бог простит всех смалодушствующих и паки возвращайся на первое достояние! Аминь, аминь!

ПИСЬМА К СИМЕОНУ

1

Ну, Симеонушко, вот тебе вести. Однако ты приказываешь: «батюшко, отпиши что-нибудь!»

Я ведь не богослов, что на ум напало, я тебе то и говорю. Горазд я, Симеон, есть да спать, а как ветхая та испражнять? Покой большой у меня и у старца милостию божиею, где пьем и ядим, тут, прости бога ради, и лайно испряжняем, да складше на лопату, да и в окошко. Хотя

воевода тут приходит *, да нам даром. Мне видится, и у царя Алексея Михайловича нет такова покоя.

Еретики, собаки! Как то их диявол научил: жива человека закопай в землю! Хлебом кормят, а срать не пускают!

Как то бедная боярыня мучится с сестрами? Так же веть нешто! О миленькая моя, не твое бы дело то! Ездила, ездила в коретах, да и в свинарник попала, друг мой милой! Кормят, кормят, да в лоб палкою, да и на огонь жарить. А что ты, Прокопьевна, не боисся ли смерти то? Небось, голупка, плюнь на них, мужествуй крепко о Христе Исусе! Сладка веть смерть та за Христа-света. Я бы умер, да и опять бы ожил, да и паки бы умер по Христе, бозе нашем. Сладок веть Исус-от. В каноне пишет: «Исусе сладкий, Исусе пресладкий, Исусе многомилостиве[й]», да и много тово. «Исусе пресладкий», «Исусе сладкий», а нет тово, чтоб горький. Ну, государыня, пойди же ты со сладким Исусом в огонь, подле нево и тебе сладко будет. Да помнишь ли три отроки в пещи огненней в Вавилоне? Навходоносор глядит — ано сын божий четвертой с ними! В пещи гуляют отроки, сам-четверт с богом *. Небось, не покинет и вас сын божий. Дерзайте, всенадежным упованием таки размахав, да и в пламя! Нà-вось, диявол, еже мое тело, до души моей дела тебе нет! Аз есмь раба бога живаго и сына его единороднаго, света, *его же положи наследника всем, им же и веки сотвори; иже сый сияние славы отча и образ ипостаси его, нося же всяческая глаголом силы своея, собою очищение сотворив грехов наших, седе одесную престола величествия на высоких, толико лучши быв ангел, елико преславнее их наследствова имя* *. И паки пойте, в пещь идуще, огнем горяще: *благословен еси, господи, боже отец наших, хвально и прославлено имя твое во веки* *, и прочая до конца.

Ну, голупки, там три отроки, а здесь вас трое же и весь собор православных с вами же. Там не предстоящу пророку Даниилу со отроки в пещи, но духом купно с ними. Тако и я: аще и отдален от вас, но с вами горю купно о Христе Исусе, господе нашем.

Рабом нашим божиим всем пожженным вечная память трижды, большая.

Бог вас благословит, всех чтущих и послушающих. Писано моею рукою грешною, сколько бог дал, лутче тово не умею. Глуп ведь я гораздо, так, человеченко ни к чему не годно, ворчю от болезни сердца своего. А бог всех нас правит о Христе Исусе.

2

Чадо богоприимче! * Разумееши ли кончину арапа онаго, иже по вселенной и всеа руския державы летал, яко жюк мотыльный из говна прилетел и паки в кал залетел,— Паисей Александрейский епископ? Распял-де ево Измаил на кресте *, еже есть турской. Я помыслил: ано достойно и праведно. Помнишь, во Апокалепсисе пишет: «аще кто в пленение ведет, в пленение да идет, и аще кто мечем убиет, подобает ему оружием убиенну быти» *. Распяли оне Христа в руской земле, мздою исполнь десницы своя, правильне варвар над ними творит! Яко Теверий древле Пилата и Каияфу *, первых распинателей, а нынешних других — Салтан Магметович.

Подай господи! Подай господи! Не смейся враг, новой жидовин, распенше Христа! Еще надеюся Тита втораго Иуспияновича на весь новый Иеросалим, идеже течет Истра река, и с приго[ро]дком, в нем же Неглинна течет *. Чаю, подвигнет бог того же турка на отмщение кровей мученических. Пускай любодеицу * ту потрясет, хмель-ет выгонит из блядки! Пьяна кровьми святых, на красном звере ездит, рассвирепев, *имущи чашу злату в руце своей, полну мерзости, и скверне любодеяния ея* *, сиречь из трех перстов подносит хотящим прянова пьянова пития и без ума всех творит, испивших из кукиша десныя руки. Ей, бога свидетеля сему поставляю, всяк, крестивыйся трема персты, изумлен бывает. Аще некогда и пятию персты начнет знаменоватися, а без покаяния чистаго не может на первое достояние приитти. Тяжела-су просыпка та пившему чашу сию, треперстную блядь! А к тому еще малакса на чело поп

наложит *, так и вовсе спи, не просняся и до суднаго дни! Малаксу тово знаешь ли ты, Семион? А то каракуля та!

Беда-су миру бедному от сего пития! И не хотящих поят, силою на лоб воротит поп, выблядков сын. А человечество немощно и полско, по писанию: «семя тли во всяком лежит». И не хотя, иной омрачится и уступит спасения своего, подклонит главу свою к печати сей, ов—страха ради, а ин — зазрения. Как не принять! Царица в золотой чаше подносит. Сиречь патриарх или митрополит уставит каракулю ту, да еще и царь тут же глядит или воевода на городе присматривают. Беда миру бедному пришла! Не пить чаша — во огнь посадят и кости пережгут, а пить чаша скверная сия — в негасимый огнь ввержену быть и в век нескончаемый в плач.

Ну, как же християном нам быть? Приклони-тко ухо то ко мне и услыши глаголы моя, право, не солгу. Чево себе ищу, тово ж желаю и тебе. Аще не хощешь в стень сию итти господа ради своего, а в существо пойдешь же. Сиречь: стень — огнь сей онаго огня, иже хощет поясти сопротивныя. Сей огнь плоти снедает, души же не коснется; оный же обоя язвит в неистление. Писано есть: восшумит же удоль вся плачевная страшным скрежетанием, вся видящии согрешившия вечнующим мукам судом праведным божиим отпущаемы. А прежде возгласят трубы, и истощаются гробы, и воскреснет человеческое, трепеща, естество все: иже добрая содеявшеи — в радости радуются, согрешившии же трепещут, плачюще и люте восклицающе, в муку посылаеми и от избранных разлучаеми во тьму кромешную, во огнь вечный, в пропасть глубокую, в черви лютыя, в скрежет зубный и неусыпный, в болезни беспрестанныя. Страшно бо судище, брате мой, на нем же вси обнажени станем. Несть помошника тогда и несть предстателя, ни отец сыну, ни сын отцу, ни мати тщери, ни друг другу, несть помогающего, кождо от дел прославится или осудится. Сотвори же, брате, дело сие о Христе и не пей пития тово из чаши той скверныя вышереченныя! Воистинно будет добро и впредь слюбится. А хотя и бить станут или жечь, ино и слава господу богу о сем. *Достоин*

бо есть делатель мзды своея *, на се бо изыдохом из чрева матери своея. На что лутче сего? С мученики в чин, со апостолы в полк, со святители в лик, победный венец, сообщник Христу, святей троице престолу предстоя со ангелы и архангелы и со всеми бесплотными, с предивными роды вчинен! А в огне том здесь небольшее время потерпеть, аки оком мгнуть, так душа и выступит! Разве тебе не разумно? Боишися пещи той? Дерзай, плюнь на нея, небось! До пещи той страх-от, а егда в нея вошел, тогда и забыл вся. Егда же загорится, а ты и увидишь Христа и ангельския силы с ним: емлют души те от телес, да и приносят ко Христу, а он, надежа, благословляет и силу ей подает божественную, не уже к тому бывает тяшка, но яко восперенна, туды же со ангелы летает, равно яко птичка попорхивает. Рада, из темницы той вылетела! Вот пела до тово, плачюще: «изведи из темницы душу мою, исповедатися имяни твоему. Мене ждут праведницы, дондеже воздаси мне» *. Ну, а то выплакала! Темница горит в пещи, а душа, яко бисер и яко злато чисто, взимается со ангелы выспрь, в славу богу и отцу, сын божий и святый дух возносят ю в высоту. А темницу никонияня бердышами секут во огне. Да уже не слышит, ни чюет ничево, персть бо есть, яко камень горит или земля. Аще и не горит, ино таков ж до востаннаго дни, нечювственна и несмысленна персть. Аще святых телеса и нетленна суть, не силою естественною содержими бывают, но, благодатию духа святаго укрепляеми, не истлевают, и действует благодать духа святаго в бездушном телеси. Еще живу ему сущу, вселися в него бог, ради веры и добродетелей его, и по смерти телеси его не оставляет бог. Душа же праведных в руце божии, áмо же он весть, во всеобъятии его, якоже и Христос распятся на кресте, душу свою в руце отцу предаде, плоть же его три дни во гробе лежа, не истле без души, понеже бог слово в ней бесстрастно пребысть, им же Христова содержима плоть. Егда посла бог-отец душу в телеси *, паки душею оживе, и пожерто бысть мертвенное животом. Сниде во ад, плени адова сокровища. Таже явися ученикам, потом взыде на небеса и седе одесную отца, *к тому*

*уже не умрет, смерть на нь к тому не обладает**. Тако и о святых телесех разумей: до востаннаго дни лежат благодатию содержими, в день же последний душами подымутся, и грешничи мертвена телеса оживотворятся тем же духом святым. Во трубах глас божий будет. Егда первая труба вострубит, тогда отверзутся гробы. Егда же вторая труба вострубит, тогда потечет кость к кости, состав к составу своему. Так то созидати дух святый прах телес наших будет. Таже вострубит третьяя труба, крепко, громко, неизреченно. И слышавше души повеление господне, потекут каяждо к своему телеси и подымут своя телеса. Страшно и дивно! Беседует Златауст: тогда дивно и преславно позорище будет. Тамо зрим прах земный на высоту возметающ, онамо также человецы воставают, река же огненная потечет, *огнь* искусный *коегождо дела искусит,* и погнани будут вои небесными. *И его же дело пребудет, спасется и просветится, а его же дело сгорит, отщетится. Сам же спасется тако же, якоже огнем**. И Павел апостол так же пишет. Сиречь: каков почернел во огне том — грехи те в нем и о нем горят — таков уж и стал темнообразен, валяется на земли, нет силы крохи. Вот дурак, сластей тех ради земных что над собою сделал! Пропал, погиб, некому пособить! А ужжо еще тебе ж будет указ. Сей же огнь искусит небо и землю, и всю тварь, солнце, и луну, и звезды. Будет небо ново и земля нова, бела, яко хартия, и моря не будет к тому. Ядовит бо сей огнь, понеже потечет от престола господня и пояст соблазны вся. Таже праведницы просветятся и взяты будут на облацех по воздуху на встретение господне. Златаустый пишет: тогда бо плоть святых лехка будет, яко восперенна, носитися по воздуху начнет, яко птицья. Полетим, братия, тогда надежу своего встречать с великою радостию и веселием и с ним воцаримся во веки веком. А никонияня валяются на земли, и валяются, яко огорелыя главни. Таже сядет господь на престоле славы своея судити праведным и грешным и воздаст комуждо по делом его.

Ну, вот, дожили, дал бог, до краю. Не кручиньтеся, наши православные християня! Право, будет конец, скоро

будет. Ей, не замедлит. Потерпите, сидя в темницах тех, господа ради бога и святаго Израилева, не поскучьте, су, пожалуйте. И я с вами же, грешник, должен. Никола Чюдотворец и лутче меня, со крестьяны сидел пять лет в темнице от Максимияна-мучителя *. Да то горькое время пережили, миленькие, а ныне радуются радостию неизглаголанною и прославленною со Христом. А мучитель ревет в жупеле огня. На́-вось тебе столовые, долгие и безконечные пироги, и меды сладкие, и водка процеженая, с зеленым вином! А есть ли под тобою, Максимиян, перина пуховая и возглавие? И евнухи опахивают твое здоровье, чтобы мухи не кусали великаго государя? А как там срать тово ходишь, спальники-робята подтирают ли гузно то у тебя в жупеле том огненном? Сказал мне дух святый, нет-де там уж у вас робят тех, все здесь остались, да уж-де ты и не серешь кушенья тово, намале самого кушают черви, великого государя. Бедной, бедной, безумное царишко! Что ты над собою сделал! Ну, где ныне светлоблещающиися ризы и уряжение коней? Где златоверхие полаты? Где строение сел любимых? Где сады и преграды? Где багряноносная порфира и венец царской, бисером и камением драгим устроен? Где жезл и меч, им же содержал царствия державу? Где светлообразныя рынды, яко ангели, пред тобою оруженосны попорхивали в блещащихся ризах? Где вся затеи и заводы пустошнаго сего века, о них же упражнялся невостягновенно, оставя бога и яко идолом бездушным служаше? Сего ради и сам отриновен еси от лица господня во ад кромешной. Ну, сквозь землю проподай, блядин сын! Полно християн тех мучить, давно тебя ждет матица огня! * Воспоем, християня, господу богу песнь Моисеову, раба божия: «славно бо прославися» * господь бог наш, яко судил любодеице и отмстил крови наша, всех соженных и в темницах сидящих! Паисея Александрийскаго патриарха, распял турок, а Макар Антиохийский забежал в Грузи *, якоже от волка в подворотню нырнул, да под лестницу спрятался. А здешним любодеям то же будет от Христа, бога и спаса нашего. А нас Христос, бог наш, десницею своею покроет и сохранит, якоже он весть, ему же слава

со отцем и со святым духом, ныне и присно, и во веки веком. Аминь.

Бог вас благословит, всех чтущих и послушающих. Писано моею грешною рукою сколько бог дал, лутче тово не умею. Глуп веть я гараздо. Так, человеченко ничему не годной, ворчю от болезни сердца своего. А бог всех правит о Христе Исусе.

Чадо Симеоне! Бог благословит тя сею книгою *. Поминай мя в молитвах своих и неослабно господа зови, да милостив будет ми за молитв твоих, ныне и присно, и во веки веком. Аминь.

3

Чадо Семионе, на го́ре я родился.

В Тобольске граде прииде ко мне в дом искуситель, чернец пьяной, и кричит: «учителю, учителю, дай мне скоро царство небесное!» — часу в пятом или в шестом нощи. Аз с домочадцы кануны говорю. Кричит чернец неотступно. Подумаю: «беда моя, что сотворю?» Покинул правило говорить, взял ево в ызбу и рекох ему: «чесо просиши?» Он же отвещав: «хощу царства небеснаго скоро-скоро!» Аз же глаголю ему: «можеши ли пити чашу, ея же ти поднесу?» Он же рече: «могу, давай в сий час, не закосня». Аз же приказал пономарю стул посреде избы поставить и топор мясной на стул положить: вершить чернеца хощу. Еще же конатной толстый шелеп приказал сделать. Взявше книгу, отходную стал ему говорити и со всеми прощаца. Он же задумался. Таже на стул велел ему главу возложити, и шелепом пономарь по шее. Он же закричал: «государь, виноват! Пощади, помилуй!» И пьянство отскочило. Ослабили ему. Пал предо мною. Аз же дал ему чотки в руки, полтораста поклонов пред богом за епетимию велел класть. Поставил его пономарь в одной свитке, мантию и клабук снял и на гвоздь повесил. Я, став предо образ господень, вслух Исусову молитву говоря, на колени поклоняюся. А он последуя, стоя за мною, также на колени. А пономарь шелепом

по спине. Да уже насилу дышать стал, так ево употчивал пономарь-[ет] [1]. Вижю я, яко довлеет благодати господни; в сени ево отпустили отдохнуть, и дверь не затворили. Бросился он из сеней, да и чрез забор, да и бегом. Пономарьет кричит вослед: «отче, отче, мантию и клобук возьми!» Он же отвеща: «горите вы и со всем! Не до манатьи!»

С месец времяни минув, пришел в день к окошку, молитву искусно творит и чинно. А я чту книгу Библею. «Пойди,— реку,— Библею слушать в избу». И он: «не смею-де, государь, и гледеть на тебя. Прости, согрешил!» Я простил ево со Христом и велел манатью отдать. Потом издали мне в землю кланяется. И архимарита и братию стал почитать, и воеводы мне ж бьют челом. А до тово никто с ним не смел говорить.

Отрадние, чадо, Лоту в Содоме и Гоморе житие бысть *, нежели мне в волокитах тех. Беспрестанно душевное плавание и неусыпныя наветы и беды. Яко со зверьми, по человеку со искусители брахся. Вне убо страх, а внутрь такожде боязнь. И во церковь иду, а тово и гляжу, как нападут. А в церкве стою, паки внутренняя беда: бесчинства в ней не могу претерпеть. Беспрестанно ратуюся с попами пьяными * и с крылошаны, и с прихожаны. Малая чадь, робята, в церкви играют, и те душу мою возмущают. Иное хощу и промолчать, ино невозможное дело: горит во утробе моей, яко пламя палит. И плачю, и ратуюся. А егда в литоргею нищия по церкве бродят, и не могу их унять, и я им кланяюся, и денег посулю, велю на одном месте стоять, а после обедни и заплачю. А которые бродят и мятежат людьми, не послушают совета моего, с теми ратуюся, понеже совесть нудит, претерпеть не могу. Еще же и Златаустом реченное воспоминаю души моей. Есть писанно в Беседах апостольских *, во нравоучении. Вселенныя учитель рече: «аще бы-де варвар или скиф, в церковь вшед, начат во олтаре престол раззорять и тряпезу опроверг, наругав святая святых, еже есть святый сокро-

---

[1] Рукопись в этом месте дефектна; «ет» восстановлено по изд. Памятники, стлб. 564.

мент долу опроверг (тело Христово)[1], не вси ли бы прилучившиися тут руце свои возложили на него и, уязвльше, яко бешенаго пса, далече отгнавше, восплакали и возрыдали погибели его». Зде же не тряпезу раззоряют, ниже святая опровергают, но самый дух святый оскорбляют и досажают богу паче, нежели оный раззоритель тряпезы. Вошед в церковь, ов смиется, ин празнословит и плищь счиняет во время соборнаго моления, ин же, разгордевся, устав церковный пременяет, и ин иная непотребства. Стоящии же в церкве яко изумлени и неми, и глуси, и слепи. слышавше не слышат и видявше не разумеют, ни болезнуют о разрушении церковнаго устава. Вси бегуны, вси потаковники, вси своя си ищут, а не яже суть божия. Аз же глаголю и повелеваю на мятежника церковнаго всем верным руки возложити и далече от церкви отгнати, паче онаго варвара; и дондеже в покаяние придет, ни на праг церковный не попущу таковому восступити. Церковь бо есть небо, церковь — духу святому жилище: херувимом владыка возлежит на престоле, господь серафимом почивает на дискосе. Егда восступил еси на праг церковный, помышляй, яко на небо взыде, равно со ангелы послужити богу, богу живому, истинному, богу животворящему мертвыя и разрешающему от греховныя смерти к вечной нестареющейся жизни, ея же да улучим вси о Христе Исусе.

Слышал ли еси, чадо Семионе, Златаустово учение и поболение о церкве? Напоследок же и душу свою предаде по церкве святый, яко храбрый и непобедимый воин царя небеснаго, света. Читал ли ты, чадо Семионе, житие то ево твердо и внятно? Честнаго отца сын, воеводыименем Секунда, матере Анфисы. Бе единочаден. От юности возлюбив бога и работая Христу всем сердцем и всею душею, Мелетием в четцы поставлен, а Флавиян в той же Антиохии совершил во освященство, напоследок же с честию царь Аркадий, Евдоксия царица в Царьград взяша

[1] Скобки в рукописи.

на престол патреаршеский и пять лет святый церковь правил, ядый хлеб токмо ячменный, и родостаму, еже есть вареную воду, пияше. Возрастом мал бе, главу имея велику, языком златословесен, милости источник, кипящия во устех его благодать духа святаго, яко река, изливашеся повсюду. На гордыя высок, к кающимся милостив, заблуждшия обращая, непокоривыя обличая и потязая, гладныя питая, обидимыя заступая, всем вся бых, да вся приобрете *. Егда же исполнися время и прииде кончина, рыкнул Иркан в царице *,— возьми да понеси, собирай собор на извержение Иванново! * Надоело житье святое: понуждает на всякое благочестие, а в царских надобно прокладно пить-есть, поиграть в дутки, сиповшики с трупками, детей потешить, самим повеселиться! — Иван мешает.

Слово в слово изначала у нас бысть так же. При духовнике протопопе Стефане Алексеюшко-то с Марьюшкой * добры до нас были и гараздо, яко Аркадий и Евдоксия ко Иоанну. Егда же огорчило житие святое, яко и мед ядущим много,— возьми да понеси, россылай в сылки, стриги, проклинай! Новый Феофил, александри[й]ский епископ, имеяй дух пытливый,— Никон: Златауста — в Куксы арменския, потом в Каманы; * Аввакума протопопа — в Сибирь, в Тоболеск, потом в Дауры! Прочих же отец и братий наших бесчисленно губи и души, возьми таковых от земли: не подобает им жити! И оттоле двадесяте три лета и поллета и месяц по се время беспрестани жгут и вешают исповедников Христовых. Оне, миленькие, ради пресветлыя и честныя, и вседетельныя, пренеисчетныя и страшныя троица несытно пуще в глаза лезут, слово в слово яко комары или мушицы. Елико их больше подавляют, тогда больши пищат и в глаза лезут. Так же и русаки бедные,— пускай глупы! — ра́ди: мучителя дождались, полками во огнь дерзают за Христа, сына божия, света. Мудры блядины дети греки, да с варваром турским с одново блюда патриархи кушают * рафленыя курки. Русачки же миленькия не так: во огнь лезет, а благоверия не предает. В Казани никонияня тридесять человек сожгли, в Сибире столько

же, в Володимере шестеро, в Боровске четыренадесять человек; а в Нижнем преславно бысть: овых еретики пожигают, а инии, распальшеся любовию и плакав о благоверии, не дождався еретическаго осуждения, сами во огнь дерзнувше *, да цело и непорочно соблюдут правоверие. И сожегше своя телеса, душа же в руце божии предаша, ликовствуют со Христом во веки веком, самовольны мученички, Христовы рабы. Вечная им память во веки веком! Добро дело содеяли, чадо Семионе, надобно так. Рассуждали мы между собою и блажим кончину их. Аминь.

ПИСЬМО К ИГУМЕНУ ФЕОКТИСТУ

Отписка с Мезени протопопа Аввакума ко игумену Феоктисту. Списано с сущия ево протопоповы руки слово в слово.

Рече господь: «аще согрешают пред вами человецы до седмьдесят крат, седморицею и каются, прощайте их» *.

Отче Феоктисте и вся братия! Я, протопоп Аввакум, пред богом и пред вами согрешил и истинну повредил: простите мя, безумнаго и нерассуднаго, *имущаго ревность божию не по разуму* *. Глаголете ми, яко мною вредится истинна и лутче бы мне умереть в Даурах, а нежели бы мне быть у вас на Москве.

И то, отче, не моею волею, но божиею до сего времени живу. А что я на Москве гной росшевелил и еретиков раздразнил своим приездом из Даур: и я в Москву приехал прошлаго году не самозван, но взыскан благочестивым царем и привезен по грамотам. Уш то мне так бог изволил быть у вас на Москве. Не кручиньтеся на меня господа ради, что моего ради приезда стражете. *Аще бог по нас, кто на ны? Кто поемлет на избранныя божия? Бог оправ-*

даяй и кто осуждаяй? Христос Исус умерый, паче ж и воскресый, иже и проповедует о нас *.

Отче, что ты страшлив? Слышишь ли: есть о нас промышленик! Феоктист, что ты опечалился? Аще не днесь, умрем ж всяко. Не малодушствуй, понеже *наша брань несть к крови и плоти* *. А что на тебя дивих! Не видишь, глаза у тебя худы. Рече господь: «ходяй во тьме не весть, камо грядет» *. Не забреди, брате, со слепых тех к Никону в горькой Сион! * Не сделай беды, да не погибнем зле! Около Воскресенскова * ров велик и глубок выкопан, прознаменует ад: блюдися да не ввалисся, и многих да не погубиши. Я-су право, блюдуся горькаго того Сиона, понеж в нем не сладки песни поет *дщи Вавилоня, окаянная!* * Расширила и народила выблядков Родиона и Ивана * и иных душепагубных волков, и оне пожирают стадо Христово зле. И я, отче Феоктисте, видя их, хищников, ловящих овец Христовых, не умолчал ему, Родиону, и Ивану и начальнику их Илариону, понеж возбудил вас, рабов Христовых, приездом своим. *А аще бы нам умолчать, камение возопиет* *.

И ты не кручинься на меня, миленькой! Я поехал от вас с Москвы паки по городом и по весем словесныя рыбы промышлять: а вы там бегайте от никониян! Поминайте реченное: «не бойся, малое мое стадо, яко отец мой благоизволи вам дати царство» *. Батько Феоктист! скажи Василью Рогожке от меня мир, и благословение, и поклон, и прощение и спроси, что с ним, не видался, тако ж и протчей братье всем за меня кланяйся — твое то дело: протопоп-де прощения просит, кому в чем досадил. Да и сам престань бога для пить сикера.

А Ондрей Самойлов у меня на Колмогорах недели с четыре жил: * у всех у вас благословения просит и прощения. Да отпиши ко мне кое о чем пространно — не поленись, или Афонасья заставь *. А я жду на Мезени вашева письма до весны.

Не езди к Николе на Болото: никониане удавят. Шатайся кое-как вскровенне или ко мне приедь, буде сможешь. Про все пиши, а про старцово житье мне не пиши *,

не досажай мне им, не могут мои уши слышати о нем хульных глагол ни от ангела. Уш то грех ради моих в сложении перстов малодушствует. Да исправит его бог, надеюся! Отпиши ко мне, как живут отщипенцы, блядины дети, новые унияты, кои в рогах ходят *, понеж отец их диявол, бляди и лжи начальник, их тому ж научил лгать и прельщать народы.

Посем мир ти, господине и брате, и отче! И жена моя и дети благословения просят, и Фетинья и Григорей *.

ПИСЬМО К АЛЕКСЕЮ КОПЫТОВСКОМУ

Во юдоль плачевную новорожденному чаду моему Алексею Копытовскому мир и милость от господа бога и спаса нашего Исуса Христа и от меня, грешника, от протопопа, благословение и поклон.

Миленькой дитятко, где ты гулял? Не слыхать было про тебя. В лесу большом ты, Алексей, бродил, или в *расселинах каменных* *, или по холмам скакал? Да доброе то семя и горою не рассыплет, ниже зной еретический иссушит. Разумно ли тебе, о чем тебя спрашиваю?

А то шум никониянский, яко ветром лес, возмущает человеческия души; в расселинах книг их человецы погибают, яко холмы, никоньяня взимаются, разгордевся. Да не может Христовы части сам диявол, яко гора, подавити, ниже детей его, еже есть еретиков, учение знойное праведную душю обольстити.

Спаси бог тебе, дитятко, на утешительном послании. Хорошо так, яко дряхлуешь, грехи своя поминая.

А от Лукияна * отлучися. Бог тебя благословит, и наше благословение да есть с тобою, аще тако сотворишь изгнания с рабы Христовыми, понеже *несть сообщения свету со тьмою* *, тако и целомудрому с блудным. Пишет он ко

мне в грамоте [лесть][1], а не покаяние своему беззаконию. *Растлил он храм божий, растлит его самого бог* *. К добрым людям я ево писанием своим усвоил, чаял в нем добра, а он запсеял, окрадше душю християнску, яко древле диявол Адама. Но милостив господь кающимся, а ему горе *по непокаянному и жестокому его сердцу* *. Не помышляй себе того, дурак, еже от бога тебе, кроме покаяния, помиловану быти; но *изволися духу святому и мне* * *предати тя сатане в озлобление, да дух твой спасется* *. Да приидет на тя месть Каинова, и Исавова, и Саулова, да пожжет тя огнь, яко содомлян *, а все не зазришь души своей треокаянной.

Кайся, треглавный змей, кайся! Еще ти даю нарок покаяния, да нечто малу отраду приимешь; аще ли ни, будет так, еже выше рекох. Собака, дура! Не хощу имени твоего рещи, согрубил ты богу. Чаяшь, у меня уйдешь? Не уйдешь, небось,— *не наемник я, но душю свою полагаю за овцы* * за страх господа моего. Силен мне господь помощи во всем. Несть ти мира и благословения; а клятвы погожу возложить, али оплачеши грех свой пребеззаконный.

Мир ти, Алексеюшко, миленькой мой,— побей его, господа ради, палкою, по моему благословению, и аще станет каятися, и ты о том мне возвести, и аз ему во исцеление души и тела епитимию пришлю; а буде взбесится, и ты и рукою махни. Не подобает приходящаго к нам отгнать, а за бешеным не нагонятца же.

Прости, Алексей! А тебя бог простит и благословит. Возьми у братьи чоточки — мое благословение себе. Дайте ему, Максим * с товарищи, и любите Алексея, яко себя. Аминь.

---

[1] В рукописи это слово отсутствует; вставлено нами по другому списку этого письма — XVII в. (Собр. Хлудова, № 149 (доп. каталог), л. 76).

ПИСЬМО К АФАНАСИЮ

Афонасий, не умер ли ты? Да как умереть: Афонасий бессмертие толкуется. Носи гораздо пироги те по тюрьмам тем.

А Борис Афонасьевич еще ли троицу ту страха ради не принял? * Жури ему: боярин-де-су, одинова умереть, хотя бы то-де тебя скать по гузну тому плетьми теми и побили, ино бы не какая диковина, не Христова бы кровь пролилась, человечья.

А Хованской князь Иван Большой * изнемог же. Чему быть! Не хотят отстать от Антиоха тово Египетскаго *, рафленые куры да крепкие меды как покинуть? Бедненькие, увязают в советех, яже умышляют грешнии! Да покинут, будет и не хотя, егда повелит господь расторгнути душу с телом.

Аще и Илия и Енох не вкусили смерти плотски, но при антихристе и те плотию постраждют * и, на стогнах убити, полежав три дни и пол, оживут паки и на небо взыдут.

Видишь ли, толикия светила смерть плотски вкусят. А мы когда бессмертни будем?

Ну, Афонасей, прости. Спаси бог тя за пироги. Моли бога о мне. Мир ти и благословение от всех нас, а от меня и поклон с любезным целованием.

ПИСЬМО К МАРЕМЬЯНЕ ФЕОДОРОВНЕ

Маремьяна Феодоровна, свет моя, еще ль ты жива, голубка? Яко голубица посреде крагуев ныряешь и так и сяк, изрядное и избранное дитятко церковное и мое, грешнаго.

Ну, свет, бог тебя благословит, перебивайся и так и сяк, аще господь и отрадит нам, бедным.

Спаси бог, что не забываешь бедныя протопопицы с детьми. Посажена горюша так же в землю, что и мы, с Иваном и Прокопием; а прочии горе мычют. Да пускай их терпят.

Как там братия наша, еще ли живы или все сожжены? Бог их, светов моих, благословит и живых и мертвых! Вси бо живи Христу, хотя и сожжены и повешены, те и лучшая приобрели.

Не остави и нас, владыко, и не отлучи от дружины нашея! Собери нас под крыло свое, воедино всех наших! Удержи диявола, да не поглотит наших никого же! Ты бо еси бог наш, судия живым и мертвым.

Ну, голубка, скажи всем благословение от меня, грешна старца, да молятся о мне отцы и братия. Дмитрию отпиши от меня благословение, Козьме священнику, Стефану священнику и домом их благословение, и прочим всем, в грамотке писанным, равно благословение. Аще живи, и Якову и Максиму * с домами их благословение. Страждущим Христа ради, еще же их же знаю и не знаю, их же вем и не вем, стоящих право душами своими в вере — всех их бог благословит, и жены их, и детки, и вся сродники, отцы их, и братию, и сестр, всякаго чина в православии пребывающих, за него же стражем и умираем.

Потерпите, светы мои, господа ради потерпите! И не унывайте душами своими, но уповающе на бога и пречистую богоматерь в молитвах и молениих да пребудем. Время жития сего суетнаго сокращенно: яко дым исчезает, тако вся сия минует. Доброродие и слава века сего и богатство — все ничтоже, едино спасение души сей всего нужнее. *Без веры нам невозможно угодити богу* *, веровати же подобает право, како от отец прияхом. Не учити вас о том стало — ведаете путь господень, его же ради и стражете. А аще кого и сшибет диявол с ног православия, муками и томлением отречется, и он бы не лежал отчаянием, но паки бы к первому православию с покаянием прицепился. Милостив господь и праведен, ведает немощь естества нашего человеческаго, простит и помилует

кающагося. Горе же тому будет, иже отчается, упадше, и возненавидит перваго света и ко тьме прилепится. «Лучше бы не родился человек той» *, яко Июда по писанию.

Зело богу гнусно нынешное пение. Грешному мне человек доброй из церкви принес просфиру и со крестом Христовым. А поп, является, по-старому поет, до тово пел по-новому. Я чаял, покаялся и перестал, ано внутрь ево поган. Я взял просвиру, поцеловал, положил в уголку, покадил, хотел по причастии потребить. В нощи той, егда умолкнуша уста моя от молитвы, прискочиша беси ко мне, лежащу ми, и един завернул мне голову, рек мне: «сем-ко ты сюды!» — только и дыхания стало. Едва-едва умом молитву Исусову сотворил, и отскочил бес от меня. Аз же охаю и стону, кости разломал, встать не могу. И кое-как встал, молитвуя довольно, опять взвалился и мало замгнул. Вижю: у церкви некия образ, и крест Христов на нем распят по-латыне, неподобно, и латынники молятся тут, приклякивают по-польски. И мне некто велел той крест поцеловать. Паки нападоша на мя беси и утрудиша мя зельно и покинуша. Аз же без сна ночь ту проводих, плачючи. Уразумех, яко просвиры ради стражю, выложил ея за окошко. Не знаю, что над нею делать — крест на ней! И лежала день. В другую ночь не смею спать, лежа молитвы говорю. Прискочиша множество бесов, и един сел с домрою в углу на месте, где до тово просвира лежала. И прочии начаша играти в домры и в гутки. А я слушаю у них. Зело мне груско, да уже не тронули меня и исчезли. Аз же, востонав, плакався пред владыкою, обещался сожечь просвиру. И бысть в той час здрав. И кости перестали болеть, и во очию моею, яко искры огнены, от святаго духа являхуся. И в день сжег просвиру, и пепел за окошко кинул, рекше: «вот, бес, жертва твоя, мне не надобе». И в другую ночь лежа по чоткам молитвую. Вошол бес в келию мою и ходил около меня. Ничево не сделал, лишо из рук чотки вышиб, и я, подняв, опять стал молитвы говорить. И паки в день с печалию стих лежа пою: «и печаль мою пред ним возвещю, услыши ны, господи!» * И бес

вскричал на меня зело жестоко. Аз вздрогнул и ужасся от него. И паки в ыную ночь, не вем как, вне ума, о просвире опечалился и уснул, и бес зело мя утрудил. С доски свалясь на пол, пред образом немощен, плачючи Никона проклял и ересь ево. И паки в той час здрав бысть.

Видишь ли, Маремьяна, как бы съел просвиру ту, так бы что Исакия Печерскаго затомили *. Такова та их жертва та хороша. И от малой святыни беда, а от большие то и давно, нечево спрашивать.

Маремьяна, прости же. Скажи Анне Амосовне * благословение. Бог разберет всякую правду и неправду, надобно лише потерпеть за имя ево святое. Мир тебе о Христе. Аминь.

ПОСЛАНИЕ «ВЕРНЫМ»

ПОСЛАНИЕ К ВЕРНЫМ ОТ НЕГО ЖЕ, СТРАДАЛЬЦА ХРИСТОВА, АВВАКУМА ИЗ ПУСТООЗЕРСКОЙ ТЕМНИЦЫ

Возлюбленнии мои, *их же аз люблю воистинну* *, друзии мои о господе, раби господа вышняго, светы мои, имена ваша написаны на небеси! Еще ли вы живии, любящии Христа истиннаго, сына божия и бога, еще ли дышите?

Попустил им Христос, предал нас в руки враг. Уш то аз, окаянный, достоин ранам быти сим. Жаль мне стада верных, *влающихся и скитающихся в ветренном учении, во лжи человечестей, в коварстве льщения* *. Да что же делать? Токмо уповати на бога, рекшаго: «не бойся, малое мое стадо, яко отец мой благоизволи дати вам царство небесное» *. Не сего дни так учинилось кораблю Христову влаятися, еже есть святей церкви, но помяни, что Златоуст говорит: «многи волны и люто потопление, но не боимся погрязновения, на камени бо стоим. Аще каменю волны и приражаются, но в пены претворяются, каменя же вредити не может, еже есть Христа».

Что же делать, братия моя любимая, потерпим со Христом, да слюбится нам, а они постыдятся. Горе им, бедным, будет в день судный, судия бо близ, при дверех, сотворити кончину веку сему суетному. Горе тому, кто не внимает о прелести последних времен! *Зде есть терпение святых* *, иже соблюдают заповедь божию и веру Исусову, якоже Лествичник Иоанн * пишет: «аще не вкусиши горчицы и опреснока, не можеши свободитися фараона. Фараон есть диавол, а горчицы — топоры, и огнь, и висилицы».

А которыя на нас строят, на тех нечево винить: диавол тому виновен, а они были братия наша.

Станем бога ради добре, станем мужески, не предадим благоверия! Аще и яра зима, но сладок рай, аще и болезнено терпение, да блаженно восприятие. Отъята буди рука — да вечно ликовствуем, да такожде и нога — да во царствии веселимся, еще же и глава — да венцы увяземся. Аще и все тело предадут огневи, и мы, хлеб сладок, троице принесемся. *Не убоимся, братие, от убивающих тело, души же не могущих убити* *, *убоимся вторыя смерти* *, еже есть вечныя муки.

Братия моя зде со мною под спудом сидят, дважды языки резали и руки секли *, а они и паки говорят попрежнему, и языки таковы же выросли божиею благодатию. Вот, не смеху ли достойно — диавольской умысл! — паче же слезам, не о нас, но о режущих. *Горе им, яко в путь Каинов ходиша и в лесть Валаамову предашася!* * Спаси их, господи, ими же веси судьбами! Не вмени им за озлобление наше, пречистый владыко!

Милинькие мои! Аз сижу под спудом тем засыпан. Несть на мне ни нитки, токмо крест с гойтаном да в руках чотки — тем от бесов боронюся. Да что бог пришлет, и аз то снем, а коли нет — ино и так добро. О Христе Исусе питайся наш брат, живой мертвец, воздыханием и слезами, донеле же душа в теле. А егда разлучится, ино и так добро: жив погребен.

Воистинну и на свободе люди те в нынешнее время равны с погребеными. Во всех концех земли ох и рыдание,

и плач, и жалость, наипаче же любящим бога туга и навет сугубой: душевной и телесной.

Увы, камо ся дежем, прежде того осуждени и прежде вечных мук утомлени? Се ныне прибегаем во твое, владычице, теплое заступление, предстани нам в помощь и не закосни, всегосподствованная небесная царице, госпоже богомати, *видя виждь озлобление людей сих* *, и умоли сына своего, света, да избавит нас сугубых бед и напастей, еже есть в нынешнем житии времени и в будущем.

Братия, свети мои! Простите мя, грешнаго, и помолитеся о мне, и вас бог простит и благословит, и наше грешное благословение да есть с вами неразлучно. Вас и жен ваших, и деток, и домашних всех, целую целованием духовным о Христе и, пад, покланяюся на плесны ног вашых, слезами помывая. *Спаситеся,* свети мои, *от рода строптиваго сего* * и нас в молитвах своих поминайте, а мы вас должни.

Спаси бог за платки. По платку нам прислали закона ради отец нашых и веры ради Христовы.

Детей своих учите, бога ради для, неослабно страху божию, играть не велите. Ох, светы мои! Вся мимо идет, токмо душа — вещь непременна. Стойте в вере Христа, спасителя нашего, не ослабевайте душами своими. Паки мир вам всем и благословение, благодать господа нашего Исуса Христа, сына божия, с вами. Аминь.

Жаль их бедных, от гнева погибающих. Побили наших, о Христе пострадавших, на висилицах и огнем пожгли. И в моем дому двоих повесили *, и детей, было, приказали удавить, да, не вем како, увертелися у висилицы. А ныне и Соловки во осаде морят, пять лет не етчи. Чюдно в новой той их вере родилося. Помилуй их, Христос, бедных! Потеряли, горюны Христа-бога, поработилися страстем сего века. Ждет их Христос ко обращению, да обратятся бедныя никониане, да как хотят! Мы чисти от них. Говорили мы им по своей силе, затем умрем о Христе Исусе, сыне божии. Не дорожи мне сим веком, *не имам зде града, но грядущаго взыскуем* *.

ПОСЛАНИЕ «ГОРЕМЫКАМ МИЛЕНЬКИМ»

Книга всем нашим горемыкам миленьким.

Любо мне, что вы охаете: «ох, ох, как спастися, искушение прииде!» Чаю-су, ох, да ладно так, меньше, петь, спите, убужайте друг друга.

А я себе играю, в земле той сидя. Пускай, реку, диявол-от сосуды своими поганяет от долу к горнему жилищу и в вечное блаженство рабов тех Христовых. Павел пишет: «житие наше на небесех есть» *.

Благодать господа бога и спаса нашего Исуса Христа со всеми вами, любящими святую троицу, отца и сына и святаго духа.

Раб и посланник Исус Христов, волею божиею земляной юзник, протопоп Аввакум чадом святыя соборныя и апостольския церкви: Акинфею с сестрою Маврою, Родиону, Андрею брату и сестре Марье Исаии сожженнаго *, Феодору Железному, Мартину, Мавре, Феодосьи, Анне, Парасковии, Димитрию Колашнику, Димитрею Молодому, Симеону, Агафону, Ксеньи со Игнатьем, Анне Амосовне с детьми, Акилине девице, Евдокеи, Марфы, Анне, Ксеньи, Ирине, Ивану Сахарному, Маремьяне с Димитрием, Агафонником, старице Меланьи, Пелагии, Мавре, Таисеи, Елене, Ираиде и Сусане, Марье, Неониле, Афонасию, Луке и всей тысящи. Пад пред всеми, равным лобзанием целую главы ваша и перси, и руце, и нозе, и весь орган телесный подъемлю, своима рукама приношу вас в жертву богу живу и истинну, богу животворящему мертвыя; сам по нем аз умираю, и в вас того желаю.

Станем добре, станем твердо, отцы мои и братия, и чада и сестры, и матери и дщери! Аще не ныне, умрем же всяко. Не предадим благоверия, други мои сердечныя, светы, но *оболкшеся во броня веры и шлем упования приемше* *, подвигнемся на богоотступныя и богомерския нечестивыя никонияня, обличаем их богоборную прелесть.

Аще кто силен, да борется словесы и делы, *взирающе на начальника вере и совершителя Исуса* *. Аще кто немощен, *да уклонится от зла и сотворит благо. Зане очи господни на праведныя и уши его в молитву их, лице же господне на творящая злая, еже потребити их от земля* *.

Вы просили есте о недоведомых вам вещех — о сожженных братии, како их почитати? И аз о имени господни со духом вашим согласую: добро почитати сожженных за правоверие отец и братий наших. Но в место образная их не поставляем, дондеже бог коего прославит. Тогда, перекрестясь, поклонимся, егда бог изволит обавить.

А да тех времен сожженных кости держим в чесне месте, кажение и целование приносим по страдавших за Христа-спаса, избавителя душ наших.

Аще приключится и вода святити, полагаем их со крестом Христовым в воды и теми покропляемся водами, и испиваем, поучающеся на тот же подвиг, и в молитвы их призываем, сице рекше: «боже, за молитв пострадавших, сего и сего, спаси нас, господи, и их помяни во царствии небеснем». Да прекрестяся, богу лбом в землю. А мощи кадя, глаголи: «отче мой или брате, елико имаши дерзновение к богу, молися о мне, грешнем». Да поцеловав и покадя, челом ему усердно, просто. Аще и прекрестясь поцелуешь — не согрешишь. Но добро, кто бог оправдает, а не мы, человеки.

Ответ о причастии. Есть в правилех пишет, повелевает исповедатися искусному простолюдину, нежели невеже попу, паче же еретику.

Аще нужда привлечет, и причаститися без попа мочно святым комканием.

Аще мужеск пол или женеск, в нынешнее настоящее огнепальное время со исповеданием и с прощением друг ко другу тела Христова и крови причащаетесь: пред образом владычним возжги свещу и на стольце устрой плат, и на нем поставь сосудец с вином и водою, и вложи часть тела Христова; земше фимиян и кадило, со Исусовою молитвою покади образ и святая, и дом весь, и потом целуй святыя иконы и крест на себе носяй, и, поклонився на

землю, глаголи полное прощение пред образом господним, и, востав, глаголи: «владыко, господи, Исусе Христе, человеколюбче, да не во осуждение ми будет причастие святых ти тайн, но во очищение и освящение души и телу, и во обретение будущия жизни и царствия, яко благословен еси во веки, аминь». Таже и к нам прощение, изливая свою душу, и бог тебя благословит, причастися святаго сокромента.

И паки моли о себе и о нас бога, а мы о вашем благоприступании, елико можем.

Ответ о крещающихся младенцах. По старому служебнику и новоставленой поп, аще в нем дух не противен, да крестит робенка. Где же деться? — нужда стала. Аще и старой поп по новому служебнику — не прията. А за царя хотя бога и молят, то обычное дело. Есть пишет в правилех: не всех дух святый рукополагает, но всеми действует, кроме еретика. И я то помышляю: иной станет в попы те, а душею о старине той горит. Таковых по нужды приемлем, аще богоборствует. И старой чорт — плюнь на него и с паками.

А младенцов тех причащайте истинным запасом * и всех плакавше, кой и по-новому тому крещен. Жаль мне младенцов тех, хотя бы тела тово Христова сподобилися искусненько! И мирянин причащай робенка, бог благословит.

А исповедяться пошто итти к никонияну? Аще нужда и привлечет тя, и ты с ним в церкви той скаски сказывай, как лисица у крестьянина куры крала: «прости-де, батюшко, я-де не отгнал», и как собаки на волков лают: «прости-де, батюшко, я-де в конюру сабаки той не запер». Да он, сидя, исповедывает, а ты ляг перед ним, да и ноги вверх подыми, да слину попусти, так он и сам от тебя побежит: чорная-де немочь ударила. Простите-су бога ради, согрешил я пред вами. А што? Уже горе меня взяло от них, от блядиных детей. Плюйте на них, на собак! Ведь оне, воры, и дочерей духовных воруют, право, не лгу. «Исповедайте друг другу согрешения, по апостолу, и молитеся друг о друге, яко да исцелеете» *.

А воду ту святит, хотя истинной крест погружаем, да молитву диявольскую говорит. В правилех пишет: и образу Христову в еретическом соборе не кланятися. Егда оне престанут от молитвы, тогда после их кланяйся. А то тоже, хотя и крест, да еретическое действо.

А будет нужею в церковь ту затощат, и ты молитву Исусову, воздыхая, говори, а пения тово не слушай их.

А на молебны те хотя и давайте им, а молебны те в Москву-реку сажайте. Хотя и попа тово, врага божия, в воду ту посадишь, и ты не согрешил: Лев Катанский в огонь посадил же такова вора *.

А по старым книгам кои пострыжены от никониян, за простоту не пособить, быть ему черньцу, господь видит нужду человеческую.

Поминайте покойников, кои и по-новому причащены: розберет Христе, какова в ком совесть была.

А с водою тою как он приидет, так ты во вратех тех яму выкопай, да в ней роженья натычь, так он и абрушится тут, да и пропадет. А ты охай, около ево бегая, бутто ненароком. А будет которой и яму ту перелезет, и в дому том быв, водою тою и намочит, и ты после ево вымети метлою, а робятам тем вели по-за печью от него спрятаться, а сам с женою ходи тут и вином ево пой, а сам говори: «прости, бачко, ночесь с женою спал и не окачивался, недостойны ко кресту!» Он кропит, а ты рожу ту в угол вороти или в мошну в те поры полезь да деньги ему добывай; а жена — и она собаку из-под лавки в те поры выгоняй, да кричи на нея. Он ко кресту зовет, а она говори: «бачко, недосуг! Еще собаку выгоняю, тебя же заест!» Да осердись на него, раба Христова: «бачко, какой ты человек! Аль по своей попадье не разумеешь? Не время мне!» Да как-нибудь, что собаку, отживите ево. А хотя и омочит водою тою — душа бы твоя не хотела! Велика та, су, и есть вам нужда та от них, от лихоманов, мочно знать! Да что же, светы мои, делать? Больши станем перед спасом плакать.

А в чем погрешится, и ты кайся пред господем богом! Где же деться? Живыя могилы нет!

А крест Христов на печатех тех без полныя подписи нехорошо: без копия, и без трости, и без «Ника» и без «Царя славы»; некто играет, яко жидовин древле, и ругается кресту Христову.

Спаси бог за послание отца Авраамия *. Сын мне духовный был, в бельцах Афонасей. Пускай сгорел — сгорел за Христа! Любо мне гораздо. А здесь Киприяну голову отсекли, 83, июля в 7 день, в среду *.

Борисушко! Бог тебя простит, яже согреших от юности и до сего часа, или словом, или делом, или помышлением, или в разуме, и в недомысле, или пронырством и лукавством, и человекоугождением, татьбою и блудом и всякою нечистотою. Бог простит тя о всем в сий век и в будущий, и да неосуждена тя сподобит предстати на страшнем суде своем Христос, бог наш, сый благословен во веки, аминь.

Ну, Борисушко, всегда прощения говори; а я ведь слышу, и на всяк день по-дважды кажу вас кадилом, и домы ваша, верных рабов Христовых, и понахиды пою, и мертвых кажу, и благословляя вас крестом Христовым и потом рукою своею грешною пятья днем, по всяком правиле. А ты за меня кланяесся ли богу толь свету? Я веть о вас молю, а ваших молитв требую же, да и надеюся за молитв ваших спасен быти.

У отца Досифея благословения прошу, и старец Епифаний также, по премногу челом бьем: отец святый, моли бога о нас!

Симеон! Деньги твоего привозу все пропали: только три рубли пришло с пустобородом, а то всю — девяносто рублев — съел диявол.

Феодосей привез к нам 11.

Да воздаст господь бог всем творящим к нам милость, и за те, кои и пропали! Да напишутся имена их в книгах животных!

Раби бога вышняго! Посылайте деньги мои к жене моей и детям; * а я, милостию Христа, моего бога, покоен, сыт и пьян,— дал бог! Оне, бедные, требуют и ко мне приказывают с Мезени той; не ведомо, кои беды гладуют: жи-

вут большо неблагодарно. Чему быть? Робята робяцки и движутся.

Маремьяна! А с кем вы послали лествицу ту? Ешь, пожалуй, во вторники те и в четверги те, бог простит тя! Правила не теряй — молитв и поклонов — и о мне моли бога. Спаси бог за лествицу: дойдет ли, не дойдет ли, а вы ведь послали. Вы правду, я кривду, уж то недостоин.

Маремьяна! Вот тебе игуменья Акилина Гавриловна, девица, будь у нея в послушании о Христе Исусе, господе нашем, ему же слава и ныне, и присно, и во веки веком, аминь.

Посем вам всем паки мир и благословение. И старец, мир дав, по-премногу челом бьем. Молитеся о нас всеусердно. Ну, простите, а вас бог простит.

<Инок Епифаний * милости у Христа бога прося, а ваши святыя молитвы в помощь себе призывая, благословение Христа Исуса приписал.> [1]

«СОВЕТ СВЯТЫМ ОТЦЕМ ПРЕПОДОБНЫМ»

Паки реку и паки возглаголю всем святым, живущим в Лиде и во Ассароне *, еже есть в пустынях и горах скитающимся, отцем и братиям, богомольцам, о своем спасении и о недостатках мирских.

Вы бо есте вожи и дверь райския породы, скитаетеся посреде видимаго леса, душа же ваша витает в горнем Сионе *. Вы есте ходатаи слепоте мирстей, омываете прозрение своими слезами, приводяще к свету святыя троица. Вы есте корабли, фарсийскаго исполнены злата *, пловуще во пристанище тихим ветром. Вы есте необуздании кони, текуще ретящеся, превосходяще друг друга желанием кра-

---

[1] Приписка Епифания.

сот небесных. Вы есте поущание ленивым; нашей братье, заблуждшим, столпи непоколебимии и утвержение вере. Вы есте камение избранное, на положеннем во главу углу камени себе наздасте. Вы есте слепым вожи и хромым хождение, прокаженным очищение, мертвым воздвижение, болящим исцеление. Молитва ваша, яко огнь, попаляяй дубровы и яко пламень, пожигаяй горы, тако и вы никонияиския еретическия гнусныя уставы.

Милостив буди ми, господи! Даждь ми слово проглаголати подвиг святых твоих, им же не точен весь мир.

О возлюбленнии богом! О чета богоизбранная горняго Сиона! Кто не воспоет песнь богу, в разуме приемше ваш труд и подвиг! Ужаснися небо, и да подвижатся вся основания земная. Убойтеся вси, живущии на Гаваоне *, противнии Исусу! Востече солнце от запада на полудне, зря Исусову победу, взыде праведное солнце от врагов римлян, ненавидящих его и изгнавших, и вселихся со святыми своими в тесных пустынных дебрях, и даст святым своим победу на новыя гаваониты. Изгнаша жиды Исуса Христа, божия сына, он же прошед, посреде их идяше, и прииде в гору, со ученики пребывая. Тако и никонияня изгнаша святых божиих от градов и сел и весей. Они же, вселишася в горах, со ученики витают. О отцы святии, подобни бысте тверди небесней, на ней же сияет видимое солнце! В ваших же душах мысленное солнце, молитвами вашими просвещает весь мир. За молитв ваших не убоюся и я. Что сотворит ми человек духа никонияиска? Но крепко и всенадежно упование имам, яко есть за мя ходатаи к богу. Отцы святии, духоносцы, кто вам подобен? разве лик апостольский и пророческий, и святителей, и преподобных, иже в посте просияша и на небесех пред владыкою сияют?!

Чюдно, батюшки, извол божий и попущение Велиару * нас дьявол видимый мучит, а вас душевныя и телесныя страсти, и везде фараониты *. Да как от них избудем в тленнем телеси сем, со бесплотным брався? Батьки, а батьки, сказать ли вам? Я доведался, сказал мне дух святый: видимых тех врагов велено побеждать терпением от них и благодарением к богу, взирающе на распятаго нас

ради, а невидимых тех постом и молитвою со слезами, и смирением, и любовию, между собою без ропоту живуще, душею и сердцем единем, нелицемерно и негневливо, не самолюбно. Брату пошедшу, отвори ему келью и затвори за ним сенцы. С пути приидет — встретя, поклонився на колену, целовавше. Сняв с него бремя и положа к месту, совлецы с него и котыгу, развесь мокрую на грядку, возложи на брата сухую. Та же на столец возложи хлеб и зелияницу против дней по уставу. Аще прилучится, и с маслецом разрешите на радостях: два отца — два братца. Разве пост соборной, среда и пяток,— и вы ягодок или медку за любовь Христову полижите, да и меня поминайте: я люблю мед-от. Та же от трапезы воставше и достойно благодарение богу воздавше, сытым брюхом седше, друг друга о вестях вопрошайте, любезно, не кичением говорите друг другу. Пришлец тем не величайся, яко был в Вавилоне *, а домашней — не ставь свое велико, яко без него нагревал келью. Но грех ради наших вселилася в человеки ересь. Пыщится, надувается гневливой, един спросить гордится, а другий отвещать не хощет. Оба, яко сено, истлевают, и яко древо, червием изгрызаеми бывают. А и сами не знают, о чем мутятся. Мало им в глаза те сего света, и тьму ту желают [в] свою душу вложити.

Увы о сем братстве! Лучше бы, не взявше аггельскаго чина, во тьме житейстей жити, во Египте, не исходя в пустыню с Моисеом, и в котлах египетских мяса жрати, нежели ропщуще в Синаи приобщатися манне, гневаяся на бога и на Моисея. Гнев бо мужу правду божию не соделовает, гнев от бога отлучает и душе убийство сотворяет. Прогневася брат на брата, на Авеля Каин *, и изведе его на поле, убив каменем. Виждь, что успело Каину в сей и в будущей жизни, омочил десницу свою в горле крови братни, омочился и сам в темницах адовых в век века.

О зависть и нелюбка, сатанино дело! Да слышите, братоубийцы, гневающеися туне на брата, разгну вам Каинову повесть [1] (беседа Златоустова, слово 6 на июдея). Рече

---

[1] На поле рукописи киноварью: О Каине.

господь ко Каину: «к тебе обращение братне, и ты обладаеши им. Дерзай,— рече,— и не бойся, ниже устрашайся о сем. К тебе обращение его, и ты начальствуеши им». А еже глаголет, сицево есть: пребывай на чести первороднаго и бывай брату твоему прибежище и покров, и предстательство, и держава, и обладай им, точию да не ко убийству искочиши, ниже на законопреступное оно изыдеши заколение. Но обаче ни тако не послуша, ниже умолкну, но содела убийство, и десницею в горле омочи братнем.

Видите, отцы и братия, начальствуемии! Не бывайте подначальным, яко Каини, внимайте наказание бога самого ко Каину: пребывал на чести первенства, бывай брату прибежище и покров, и предстательство и держава, и обладай им, точию не бей, законопреступно не твори. Аще ученик не брежет о своей души, не брези о нем, но прилежи, кое же спаси его. Да слыши бога, о Каине промышляюща. Что убо по братоубийстве оном, егда рече бог «оставим его», прочее, кая в нем польза? «Содела убийство, убил есть брата, преобиде моего наказания, неисцельно некое и не прощаемо заколение дерзну, толика и такова промышления восприим, и учительства и совета моего, но вся изверже от смысла своего, и нимало не послушав, да оставится убо, и отвержен будет», прочее. И ниже слову некоторому: «да сподобится от мене». Но ничто же таково бог не рече, ни содела, но и приходит к нему паки и исправляет человека.

И рече бог-господь: ««где есть Авель, брат твой?» Каин же отвеща: «не веде»,— рече. Господь же не оставляет его, отметающася, но приводит и не хотяща к соделания исповеданию. И рече ко Каину: «глас крове брата твоего вопиет ко мне», самая та вещь проповедует убийство. Что же убо той? «Больший грех мой, еже оставити ми сь, аще изгониши мя от земли и от лица твоего скрыюся». А еже глаголет, сице есть: большими убо согреших прощения и отвещания, и еже оставити ми ся. (Попросту рещи: великде грех сотворил, нет мне прощения; нечево много гово-

рить, пропал-де, да все тут.) Обаче, аще восхощеши отмстити о бывшем, всем предлежати хощу на убийство, иже от тебе пособия пусть быв.

Станем зде и рассудим о себе. Тако подобает прилежати о падшем брате наставнику, яко бог о Каине. Падшему же не подобает подобитися Каинову безумию, и не глаголати: «больший грех мой, еже оставити ми ся, аще изгониши мя от земли, и от лица твоего скрыюся». Преводне рещи: аще-де мя запретишь, аз-де из кельи да и из пустыни от тебя, отца журливова, вон поиду. Не тако, не тако, нехорошо, неладно. Дуруешь, плут! Кайся, кайся, пади на ногу отцу: «виноват, согрешил!» Ну и я за тебя ко отцу: «прости, отче святый, господа ради прости! Заповедь твою презрел, преслушание сотворил, в грех впал, прости, отче святый, господа ради прости!» Кланяйся, дурачищо, не отчаивайся! Что в землю ту глядишь, что бык истурился? Ну, кайся, сказывай отцу тому, что тебе дьявол запретил? А то пророк Исаия, глава 43: «глаголи ты беззакония своя первие, яко да оправдишись» *. Не бо просто рече пророк: «глаголи ты беззакония своя», но что глаголи ты беззакония своя первее, сиречь: «не жди обличающаго и оглаголующаго. Виждь, Каин не рече первее, но пождаваше обличен быти от бога, паче же и обличаем отметашеся, так же, как и ты упрямисься; неладно, миленькой, так, Каинович. Сего ради и ин некий рече: «праведный себе оглагольник в первословии есть». Видишь ли, не ждати, яже от других обличения, но еже первее себя самому оглаголовати. Петр убо по отвержении оном лютом, понеже вскоре свой воспомяну грех, и никому же обличающу, глаголаше свое прегрешение и плакася горько, сице исправи отвержение оно, яко и первый быти апостолом сподобися и вселенней всей врученне быти ему. Так то и ты заплачь пред батюшком, да и ладно. Виждь, отче, а то о падении своем плачет, бедной. Прости ево бога ради! Разделим грех-от ево на части: мне часть, тебе часть, ему часть, а четвертую на бога положим. Он нас сильнее всех, истребляя свой пай, и наша испепелит. Ну-су, горюн, люби же отца тово нелицемерно и в заповедех и оправда-

ниих его ходи беспорочно: ныне уж ты не Каинов, но Петрович, апостола перваго сын стал, а мне брат учинился. Каково то хорошо сделалося! Моли бога и о мне, грешнем, да же исправит мя, яко и тебя, зиждитель наш и господь.

Паки возвратимся на ту же повесть. Обаче, аще восхощеши отмстити о бывшем, всем предлежати хощу на убийство, иже от тебе пособия пуст быв. Что убо бог, не тако рече: «всяк, убивый Каина, седмь отмщений разрешит, сиречь приимет»? Не бойся,— рече,— сего, поживеши житие долго, и аще убиет тя кто, многим мукам будет повинен». Еже седмь числ писании, неуставну множеству есть незнаменательно. Пишет в Гранографе, тысящу лет жил. Елма убо ты, Каин, многими обложен бысть муками: боязнию, и трепетом, и стонаньми, и печалию, и расслаблением телесным (просто рещи, земля под ним, яко вода колебалася), убивыи тя, рече, и от сих тя пременивый мук, сам на ся привлечет мучение. Вото-су, отец, как бы ты ученика тово убил, и упустил от себя — быть было и тебе битому самому, и мнится, убо быти тяжко и бременно глаголемое. Многа же се есть благодетельства указание, ибо яже по сих уцеломудрити хотя, таков умысли образ мучения, иже пременити его от греха можаше. Аще бо бы абие того убил, отшел бы, убо имея грех закровен и сущим потом не бы был ведом. Ныне же оставлен быв много лет пожити. Во оно время учитель сретающим его бысть всем ради зрения и мятежа плотскаго наказуя всех, никогда же таковая дерзнути. И сам же уньший бысть паки, страх бо и трепет, и еже с боязнию жити, и телесное расслабление, якоже уздою некоторою держаше его и не оставляше его, ниже на другое искочити, таково дерзнутие паки. И первейшее чисто воспоминати, и всих ему душю целомудреннейшю соделоваше.

Никонияне, а никонияне! Видите, видите, клокочюща и стонюща своег[о]... [1] Расслаблен бысть прежде смерти и

---

[1] В рукописи «своег», далее оставлено место для двух слов — вероятно: «царя Алексея».

прежде суда того осужден, и прежде бесконечных мук мучим. От отчаяния стужаем, зовый и глаголя, расслаблен при кончине: «господие мои, отцы соловецкие, старцы, отродите ми да покаюся воровства своего, яко беззаконно содеял, отвергся християнския веры, играя, Христа распинал и панью богородицею сделал, и детину голоуса Богословом, и вашу соловецкую обитель под меч подклонил, до пяти сот братии и больши. Иных за ребра вешал, а иных во льду заморозил, и бояронь живых, засадя, уморил в пятисаженных ямах. А иных пережег и перевешал, исповедников Христовых, бесчисленно много. Господие мои, отрадите ми поне мало!» А изо рта и из носа и из ушей нежид течет, бытто из зарезаные коровы. И бумаги хлопчатые не могли напастися, затыкая ноздри и горло. Ну-су, никонияне, вы самовидцы над ним были, глядели, как наказание божие было за разрушение старыя християнския святыя нашея веры. Кричит, умирая: «пощадите, пощадите!» А вы ево спрашивали: «кому ты...[1] молился?» И он вам сказывал: «Соловецкие старцы пилами трут мя и всяким оружием, велите войску отступить от монастыря их!» А в те дни уж посечены быша.

Ужаснись, небо, и вострепещи, земле, преславную тайну видя! Вам засвидетельствую, вам являю, будете ми свидетели во всей Июдеи и Самарии и даже до последних земли. Никонияня не чювствуют, никонияня, яко свиньи, забрели в заходы, увязли в мотылах, не зрят гнева божия, на облацех восходяща. Огнь ни единыя лавки не оставил, вся перелизал, и собор было их на площади всех и с молитвою слизал, насилу в Кремль ушли. А не очхнутся в покаяние притти! Лепко-су больно антихристова та печать — три те перстика, укрепила блядь сатонин сосуд вся погибающая, умроша смертию второпервою, сиречь преже мук вечных уснуша сном, воздремашеся вси и спаху. Зрите, наши, огонь их не разбудит, мор их не приведе в чювство, меч не подклони главы их под руку вседержателя бога, пречистая богородица явлением своим не уцело-

[1] Далее оставлено место для одного слова — вероятно, «царь».

мудри, святыя жены явишася и в разум не приведоша их. Аще и паки Христос приидет, пригвоздят, на Голгофе крест поставя, глаголемии християне. Милостив буди нам, господи, рабом своим повсюду, и не введи нас во искусы, но избави нас от лукавых, яко твое есть царство и сила, и слава ныне и в день века, аминь.

ПИСЬМО К «ОТЦАМ СВЯТЫМ» И «ПРЕПОДОБНЫМ МАТКАМ»

Благословите, отцы святии, благословите, преподобныя матки.

Како пребываете, и все ли по-здорову? Дерзнух, нагой грешник, из земли приитти в недра ваша. Освятите мя молитвами своими, понеж пришлец есмь из скверняго мира. Ну, творите ж о мне молитву: «благослови благословящая тя, господи, и святи уповающая на тя», и прочая.

Спаси бог, миленькие батюшки, очистники всего мира, и меня очистили, поганца. Ей, право, от грех осквернен есмь.

Ведаете ли, отцы и матки, есть ли любовь между вами? Скажите ми кратко: «скажем ти, отче Аввакум, яко богу: «люблю брата, яко фусточку, себя ж вменяю пред ним, яко онучку». Оле, чюдо! Нашол достояния нашего образ — Христа, превечнаго бога. Ей, добро так! *Всяк бо возносяяйся да смирится, а смиряяйся вознесется* *. Смирение бо побеждает всяк грех, отцы святии, понеж Христос *смирил себе, послушлив быв, даже до смерти, смерти же крестней; тем же и бог его превознесе, и дарова ему имя, еже паче всякаго имени* *.

Простите, батьки, пошол я к маткам-старицам в кельи.

Благословите, преподобныя, небесных красот смотрящии! Како труждаетеся, со страстьми и похотьми брав-

шеся, и молящеся о благостоянии святых божиих церквах, и о царе Феодоре, и иже с ним, пекущихся о исправлении православныя веры? Рцыти ми, по-здорову ли душа и телеса ваша о Христе Исусе: «здрав буди, отец Аввакум, со всеми православными християны! Мы живем десницею божиею покровени, *взирающе на начальника вере и совершителя Исуса* *, ходяще в заповедех божиих и оправданиих господних беспорочно».

Слава господу богу! Веселитеся о господе и радуйтеся, праведнии, хвалитеся вси правии сердцем. Простите и молите о мне бога.

Мир вам всем и благословение со граждане. Повидался с вами.

ПОСЛАНИЕ «ЧАДОМ ЦЕРКОВНЫМ» О ДЬЯКОНЕ ФЕДОРЕ

Се аз, протопоп А[ввакум] всем верным повсюду православным християном, отцем и братиям моим, чадом церковным. Пад пред всеми, поклоняюся, мир дав и благословение, целую главы ваша и руце и нозе целованием духовным о Христе Исусе и молю вы, о господе всех рабов божиих, не примешатись сему скверному сыну моему духовному, врагу божию Ф[едору]. Мерзок есть таковый святей троице и отцу и сыну и святому духу, и от меня, отца ево, положен под правила и отсечен, яко гнилый уд, от церкви божия, понеже лет с десять целил ево и моля, увещал, еже бы престал сливати святая во единицу по-жидовски, и савелиянски не мудрствовал, и прочая, в книжице сей еже есть писано. Обо всем о сем молил многажды, чтобы престал бесноватися, он же нимало в чювство не восхоте приити, но и книги написал блядивыя по своему уму обольщенному и в мир послал, возмущая стадо божие, яко не троица бог, но единица слиянная, и прочая многая на

церковь вражда от него, врага святыя троицы, в мир поплыла.

Судите вы, божии избраннии: аще праведно мне терпеть ему? Близ мене отрава в люди раждается, а мне молчать? Как сын божий претерпит? Ни, никакоже!

И вас молю, аще кто где узрит ево письма подметныя *, предавайте огню господа ради, яко в них яд пишет мног сокровен и отсохлою своею рукою сеченою утверхает писанное: «сие-де писано рукою моею сеченою за православие, слушайте-де и сице веруйте, якоже писано». Называет себя святым, а явен враг божий. Исперва о казни нарочито говорил, а ныне онемел, при прежнем худо и говорит. Помните, писано: «и еже мнится имеяй, возьмется от него». А рука, отсеченой уд, исперва была цела, а ныне измозгла *. Он же со стыда ея велел в землю бросить. Видит сам, что нехорошо делает, а не хощет престать!

Да уж не о нем. Пропади он, враг проклятой, но вы господа ради блюдитеся ево учения. Лютой лис и обманщик, божится и ротится, хотя обольстити ково! Во един от дней отца Е[пифания] обольстя, и, ссоря со мною, говорит ему: «отче Епифаний, подвизайся всеми силами, как бы Аввакума преломить о образе троическом, и о прочих, и тогда-де наша будет добра».

А я, петь, коли послушаю, кроме писания о Христе? Обыкох бо я от купели троицу чести в трех образех по равенству, а не единицу жидовскую. Старец же прост человек, правду чаял шептание ево и напал на меня по ево учению всеми силами. Увы, горе часу тому, якоже пророк рече. Внимай, в конец да не растлиши. Тотчас было в погибель впал старец-от, на меня роптит, а мне с ним роставтися не хочется. Вздумал я потешить ево, пошел ночью ко врагу тому божию, как бы примирить ево. Прощаюся с ним и сам не знаю в чем. Он блюет на святую троицу, а я лише помикиваю, бытто и не слышу, токмо примиряю ево. И помиряся с ним, сказал старцу. Он рад, бедной, судит внешняя, а не внутренняя.

Пришел я в хижу свою, повалился спать. Вижу ся со старцем у церквицы некия, а одаль нас Ф[едор] д[ьякон]

на холму высоком стоит со скоты и с немцами и с татарами. Старец же посла меня к нему, как на яве том было, так и тут видится, и горе и смех у беса тово блиско все. Пришел я к холму тому, к Ф[едору], он на меня почал сцать. На ноги мои мокрота та пловет. А се ноги мои стали гореть, зело больно горят, а я кричю: «господи, согреших, прости мя, окаяннаго!» Да не во сне уже, обудяся, горят. А некто, стоя, говорит мне: «то тебе за ходьбу!» Я молюся, ано не слушает, жгут ноги. Да он же, стоящей, рече: «вот еще за безумие твое в прибавку!» Да ну ж меня мучить, душить и ломать. Больно устряпал, покинул, и встать не могу. Лежа говорю: «благодарю тя, господи,— по писанию,— посылал еси ангелы лютыми путь сотворити, стезю гневу своему» *. Да сваляся с доски, кое-как лбом о землю, весь болю. Полехче мало стало, дьякона та опять проклял, да и оздоровел.

Ну же потом старца косить! Нечево о том много ковырять, и сами знаете, не до друшка стало — до своево брюшка, вправду осердился. Да после со старцем и помирился. А как бы не осердился, так бы меня самово велели до смерти забить, не подорожат, друг, тамо и не Аввакумом, много тое грязи у Христа наделано. Не тот А[ввакум], ино другой. А за ним дело не станет спасения человеческаго. Колесница та таки катится, как ей надобе. А[ввакум] п[ротопоп] бодрствовать станет господа ради, себе ему во грядущий век должная своя возьмет. А еже разленится, и ему кнут на спину. Не как Пашков — ременной *, но железо разженно огнем клокщущим. Лют есть он, братие, огнь, и вне и внутрь, наши кишки переест, проходя до членов же и мозгов, и до самыя окаянныя души. Потщимся будить друг друга нелицемерно, любя не токмо любовных, но и досадителей нам подобает любити, аще нас в душу не вредят. Любите враги ваша душеядцов же, еретиков, отгребайтеся. Аще спасение ваше вредят, подобает ненавидети их.

ПОСЛАНИЕ СИМЕОНУ, КСЕНИИ ИВАНОВНЕ И АЛЕКСАНДРЕ ГРИГОРЬЕВНЕ

...Во странах сибирских от врага патриарха. Царие же тогда до меня зело добры быша. Егда же мя паки из Даур привезоша, тому лет 15, развратишася милыя мои други. Токмо добра была царица Марья *, а царя озлобили вожди злии и лукавыя власти, понеже приняли от Никона тово новизну ту. Как им сором покинуть стало, а мы обличать стали, так на бесстудие приидоша и сами глаголаша с нами: «хотя-де в черта веровати, да вам не покоримся!» Вселенские-те, было, и говорили взять старые те книги, да наши псы не восхотели, заупрямку им стало. Царь тот меня и зело милосердовал, да уже и ему нечево стало делать. Властишка те мне многия друзья духовныя были, да свратил бранью их, бывало так. Оне с сердца приговор написали сжечь меня да царица-покойница не дала. Да петь то много, возясь, что черти над попом, да и сюды послали. Я им, отсюду написав, послал всем фигуру. А бояроня-покойница, дочь мне была духовная, Феодосия Морозова, ревнивой человек была, свет моя, уставшицу ту, сестру свою Анну Веньяминовну * и в дому и в верху: «ты-де, блядь, Никоновы отирки, церковию колеблешь». А властей тех так же, бабоблудов. А отселе тож и им и досталь за беду стало. А Ртищевых тех ты и сам знаешь, да Артамон * заедино, наговоря царя со властьми,— возьми да пали бедных наших, и Соловки не пощадели. Ведаешь ты о сем и сам пространно, нечево мне ковырять много.

Оттоле и до днесь лежит устав той, тьмы тьмами и тысяща тысящами погублено народу. Да уже с горя милые, не хотя отступити бога, сами во огнь лезут христиане. Воистинну блажени и треблажени творящии таковая! И прежде сего при мучителях мнози во огнь сами дерзали, якоже и ныне воочию нашею бывает. Едина погибель: яко тогда идолу пожрати, тако и ныне от стараго благочестия отступити и лукавому духу поклонитися.

Аще бы кто разумел в новых книгах беды те, сам бы ся заморил не ядши. Во крещении напечатано: «но молим ти ся, господи, дух лукавый понеже помрачение помыслом наводяй» *. А в Шестодневе богородицу явно злословят, в слове Дамаскина Иоанна * переменили воровски. Евангельская речь: «и прият Иосиф жену свою и не знаяше ея, дондеже роди сына своего, первенца» *. И оне напечатали: «по сему-де не пресекается деторождение ея и по Христе». Я с ними говорил: «почто вы чистую деву бесчестите, глаголете, иных детей после Христа родила, яко и жиды глаголют, «дети быша со Иосифом»?» И оне токмо смеются: «надобе-де так». Я бы за едину ту богородицу пятью умер. Как бы мне мочь Илии пророка, всех бы еретиков тех, яко Илия, ножем переколол за владычицу ту, яко он в потоце Киссове пол-осма [1] ста перепластал, покойник, при Ахаве*. Сердит же был миленькой.

А во ином месте сокровенно напечатана Ариева ересь * сице: «аще кто речет, яко ты еси един бог, творяй чудеса — внутрь трижды, а иже исповесть сына единосущна отцу — вне трижды». Вото каково красно сказывают: не единосущен сын отцу, но иного естества.

И все ли то в малых сих словесех могу тебе возвестить? И тремя теми персты Никон принудил царя креститися, то тем ум ево помрачил. Беда велика в трех перстах сих, глаголют богословци: змий, зверь, лжепророк являет в перстах сих, сиречь змий — диавол, зверь — антихрист, лжепророк — учитель лукавый, папа римский и патриарх руской, да и вси учители тому злому делу лжепророцы глаголются. Сам, собака, презрит свою душу, да в зазор пришед и протчих за собою же тянет. Не токмо о честных говорити, но и меньшие учители погуби.

Также здесь есть, в Пустозерье, попенко косой Оська Никольской. Не умеет трох свиней накормить, а губит людей, бутто и доброй еретик. Григорьем звали, байник, сын мне был духовной. Егда же еще в ызбах жили и после того, он [к] попенко на исповедь. Как причастил ево, так

[1] На полях рукописи: полдевята ста.

мужик и взбесился, да и без ума стал. Я с ним уведевся, говорю ему: «проклени попа тово со всею службою, так беси от тебя отступят. И я о тебе должен молити бога». И он говорит мне: «не могу-де никак тово сотворити: беси грозят, удавить хотят». Я и рукою махнул: «пропадай,— реку,— коли не хочешь обратиться». Послышу после, оно в бане и удавили черти. Таковы то оне, никонияне, человекогубцы, прелагатаи! После тово попенко той призвал меня к себе на лице свое и передо мною прощался и проклинал новизну ту. Я ево маслом помазал и потрахиль алтын в полтретьяцеть вздел на него, крест ему большой позолоченой дал ради поклонения тово. Агда же Артамон сюды приехал, и паки ево развратил. Артамон — ученой ловыга, и цареву душу в руках держал, а сия ему тварь — за ничто же.

Чесо ради много беседую о нем? Блюди и ты душу свою от него, держа старово отеческаго предания, и блажен будеши. И кая то игрушка душею играть настоящих ради временных? Есть пишет Исайя пророк сице, нарекая нам днесь: «размладел еси плотию и упитался еси сластьми, и светло имаши лице, юностию цветый, буй-силою. А наутре таже сый уныл и дряхл, и леты увянул или язею содручен онсица славный и богатством словый зело, или самая постиже смерть. Увы! Где юность, где слава, где злато, и о здании, кони и колесницы четвероконныя? Вся с веком сим рассыпашася. Блажен человек, его же господь обрящет бдяща о единородной души, ему же слава в нетленых о господе.

Ксения Ивановна, учила ли ся еси, госпоже моя, псалмом, и како приносиши вечернюю песнь, и словесную службу сыну божию Христу? Разумно ли поешь псалом «Благослови, душе моя, господа» * о мирстем бытии, или учитися требуешь еще?

Да гряди убо, чадо, да тя повожу, прежде за руку ем, по граду и покажу ти сокровенная чюдеса великаго сего града и разумнаго, и угощу тя в нем. В нем же граде отечество наше исперва есть, из него же изведе человекогубец-бес, своими ласканьми прельстив человека.

Да ты узришь первое человече бытие и яже абие постиже смерть, ею же роди грех первый от продувнаго злаго беса. И познаеши земна суща родом, но дело руку божию, силою же зело хуждши скота, но владыку поставлена богом всему скоту и бездушней твари всей, естественным приготовлением хуждша, но умным обилием могуща и выше небес взыти.

Да аще то разумеваем, то и сами ся увемы, что есть мы, и бога познаем, и творцу поклонимся, владыце работаем, отца славим, кормителя любим, благодетеля устыдимся, начальника жизни нашея, иже есть быти, кланяющеся, не препочием.

Еже да есть нам богатство во обещанных, искушает бо сим искушением нынешним и утверждает нам чаемая. Да елма же малогодная суть сице, то како будет вечная? И аще видимая суть добро сия, то како будет невидимая? Аще величество небесное мысли человека превосходит и меры, то присносущее естество кий ум может исследити? Им же ти повинно есть солнце, толико есть добро величество имы противу всему, яко не именовать кроме всего намерения и добротою естественною, аки око светлое, украшает тварь. Да елма же годная суть позорующе, то како будет добротою солнце праведное Христос, бог наш? Да аще невышнему тщета бывает, елма сего солнца не видит, то какова тщета будет слепому, не хотящу истиннаго солнца, Христа, видети?

Разгнем книги, душе моя, и видим хитреца и содетеля и начен песнь вечернюю, псалом: «благослови, душе моя, господа».

Чесо ради Давид * понуждает душу свою хвалити господа, да нам отрыгнет словеса устен своих тако же славословити господа: «господи, боже мой, возвеличился еси зело» *. И когда и в кое время возвеличился? Толк: Не о горнем бытии глаголет пророк, но о смотрении. Тамо начало безначально, тамо начало несказанно. Здесь же на земли бысть Христово вочеловечение под леты. Отселе воссия величество плотяну богу.

Да слыши псалом: «Исповедание и в велелипоту ся облече. Одеяся светом, яко ризою» *. Толк: Проразуме псал-

мопевец духом святым за тысещу лет, яко приити сыну божию на землю и вочеловечитися, пострадати за ны и облещися плотию в велелепоту. Когда же то бысть, онагрили [1] еси, душе, сего не разумеешь. Егда Христос пригвоздися на крест, таже во гробе положен бысть и в третий день воста, *якоже жених от чертога* *, того же пророка по словеси. Господь воцарися, в лепоту ся облече, облечеся господь в силу и препоясася, еже есть одеяся, яко ризою. По востании из гроба сниде во ад, якоже писание о нем свидетельствует, силою лучшею одолевшу ему, сиречь смертию на смерть наступи. И ада разруши, изведе вся святых отцы, и Адама свободи, и введе й в рай. Велий господь наш и велия крепость его, и разуму его несть числа! Той есть бог богом и господь господем, той есть сотворил небо и землю и вся видимая и невидимая. Есть бо ино тварное творение им — силы ангельския. Но прекращу беседу о сих, о видимом же с Давидом повем.

Псалом: «Пропиная небо, яко кожу. Покрывая водами превыспренная своя, полагая облаки на восхождение свое, ходяй на крилу ветреню» *. Толк: Небо сие видимое распростерто, кругом грядый над нами по повелению хитреца-бога, еже повеле исперва: «небо, вертися скоро, звезды, теките борзо, и друг другу не препинайте». На нем же воды недвижимы пребывают, а твердь под водами в посолонь кругом грядый. Звезды же под ним отлучене, разлучне со своими круги летяще под землю и по малой тверди под землею шедше, паки на око ю҆ восходят, коловратствуя непрестанно.

А еже рече: «полагаяй облаки на восхождение свое, ходяй на крилу ветрену; творяй ангелы своя духи и слуги своя огнь палящ» *, и се являет псалмопевец: которой во ефире под горним небом сотворил ангельския силы, той же и по видимым силам — облаком — итти имать. И бысть. И по воскресении из мервых взыде на небеса по облаком с горы Елеонския идуще. О нем же и Даниил провиде и рече сице, й видех: «и се сын человеч, грядый на облацех

---

[1] Так в рукописи.

небесных, и прииде до ветхаго деньми, и дастся ему власть и царство. И власть его — власть вечна, и царство его не престанет» *.

Так веруем со пророки, яко вознесеся и седит одесную отца Христос и царствует непресекомо, его же царствию несть конца. А Никон блядет: не царствует Христос совершенно, но по судном дни воцарится, и тогда царству его не будет конца. Так Никон, алгимей, толкует ся и в символе говорит так же. Мы же не пресекаем Христова царства, но обладает бо Христос и владеет всеми верными и неверными, еллинами, и июдеями, и самыми бесами. Не пресекает бо ся его царство, его же царствию несть конца.

Псалом: «Основаяй землю на тверди своей, не преклонится в век века. Бездна, яко риза, одеяние ея» *. Толк: Разумно се идет. К сим сказует пророк под землею другую малую твердь, еже место несведомое. Бездна бо та глаголется тартар, якоже Патрикий Пруский * пиша сице глаголет: есть низу во основании земли ад, темное место. Низу же есть твердь под землею, под твердию же бездна, глаголемый тартар. Тамо по тверди зодии ходят, тамо планиты обтекают, и от них в тартаре строится лютая студень. Тамо река огненная в день последний снидет, тамо бо мучатся еллинстии бози, и тамо и диавол с бесы осужден будет, тамо и наши отступники будут, и мраз и огнь купно на врагов Христовых.

Еще же по Исаии — пророку: и солнце тогда седьмосугубеч свет приимет, едина в нем светящая сила будет, а жгущая отъимется и послется тамо же в тартар на врагов божиих, казителей закона. Добро так, праведен еси, господи, и праведно судишь!

Возвратимся о твари беседовати, паки прогнали отступников в тартар преисподний.

Псалом: «На горах станут воды. От запрещения твоего побегнут, от гласа грома твоего устрашатся» *. Толк: Егда разгнана бысть повелением божиим от земли тьма и мрак, и бысть свет, и протяжено во вторый день твердь, нами видимая, на ней же полводы положи хитрец — бог. Не бяше бо тогда солнца, и луны, и звезд, но свет просто

простираяся три дни и скутываяся, амо же весть господь отдохну; бо земли совлекшеся от воды, егда речет бог: «да соберутся воды в сонм един и да явится суша». И бысть дело божие скорее молнии. Обнажися земля повелением божиим, и быша горы, и холми, и юдоли, и равни, и быша в земле лукияты жилы. Двизашеся воздух, и быша ветри крепцы и погоняху морскую горькую воду в лукияты жилы. Вода же протесняяся, восходя на высоту гор, и горесть в земле оставляя, от них же сладка бываше. Текуще же от гор реки и источники водные, от них же строятся езера и болота.

Тако то псалмопевец глаголет: «восходят горы и нисходят поля в место, еже основал еси им. Предел положи, его же не прейдут, ниже обратятся покрыти землю» *. И како тварь поступити смеет? Повеленно земли преклонится в век века и горам.

Таже псалом: «Посылая источники в дебрех, посреде гор пройдут воды. Напаяют вся зверя сельныя. Ждут онагри в жажду свою. На ты птицы небесныя привитают, от среды камения дадят глас» *. Толк: Зри, слыша[те]лю, и поплачи, како то есть водное естество устроено. Повсюду напаяют зверей и птиц: в дебрех, и в камениях горских, и инде. Рассадит вода та камень текуще, ждет онагрев жадных напоити. Онагр по Алфавиту * конь глаголется или осел, а попросту — лошадь. Тепло на желание естество имать прилучается, или человек на нем едет, или просто в дебрех витает, обретает текущую воду, испивает, а хозяин ево, его же ради живот сей создася, глаголют, человек, о сем славит бога. Лошадка напиталася — опять поехал путем или на работу о имени господни. Не толико ан живот воды жаждет, якоже лошедь: велбуд, путем грядый, токмо соль лижет, под ярмом идуще.

Псалом: «Напояя горы от превыспренних своих, от плода дел твоих насытится земля. Прозябая пажити скотом и траву на службу человеком, извести хлеб от земли. И вино веселит сердце человеку» *. Толк: Виждь дело божие. До потопа исхождаше рекша и напаяше лице земли на плодотворение, по потопе грома и молния напояют

поля и верси горам, с высот сходя. Како же, да слыши, дождь строится? Егда бо солнце, пришед развратить воды морския, заидет под землю, влага же от вод на воздух земся, бывает мгла, и ста вся на воздусе, состынув, бывает облако, идеже богу хотящу, тамо по воздуху и носится, воды исполнено, иде же бог повелит, тамо проливается, напояет горы и поля, и юдолия, да насытится земля мокроты и прорастит траву, и вся пажити, хлеб и виноград. Что же вино веселит сердце человеку, рече пророк, проразуме бо духом святым? И яко от пшеницы хлеб будет тело Христово и от лозы виныя вино — кровь его, от масличных древ — масло на освящение.

Сего ради рече: «умастити лице елеом душевное, и хлеб сердце укрепит» *. Причастие истиннаго служения — хлеб,— в плоть нашу разыдется, а дух святый в душу внидет с верою приемлющим. Такожде и скверных еретик служение: хлеб в тело человече внидет, а дух лукавый в душу темную, не хотящую разумети истинны.

Псалом: «Насытятся древа польская, кедри ливанстии, их же еси насадил. Ту птица вогнездятся, Еродиево жилище обладает ими» *. Толк: Видя, виждь, боголюбезне, како то хитрец-бог землю утвердил человека ради, крины насадил и древа польская, влагою своею питает землю и кедри в Ливане, сиречь во благоуханных древах кипарисах, в них же вогнеждаются птицы, ими же обладает Еродий *, птица большая. Пишет о нем во Алексиконе: на многих древах гнездо свое делает и ту витает со птицами на кедрах ливанских. Преводне да разумееши: Еродий — Христос, Еродий и диавол, кедри — святии божии, на них же Христос селитьбу имать; ливан — благодать духа святаго, облагоухает правоверную душу; птицы — беси со диаволом живучи, блазнят в тех же недрах.

Псалом: «Горы высокия — еленем, камень — прибежище заяцем» *. Толк: Елени, глаголют, пустынницы, Христа ради отходят в дебри и рассели горския, яко елени по холмам скачуще; камень, глаголет, церковь божия; зайцы — християне православныя. Яко зайчик под камень хоронится от совы и от серагуя и от псов, наветующих ему,

тако и христианин, в церковь приходя, избывает душегубителя диавола и бесов. А ныне и во церквах тех, яко под камень заец бедной не уйдет, яко совы, пастыри тово и ищут, как бы христианина погубити. И не токмо совы, но и псы тово и нюхают, сиречь своя братия, мирстии, друг друга предают. Люто время пришло. Муж жены боится, а жена мужа опасается, а все боятся бесов, не хотя, за страх мнози попускают в нечестие.

Псалом: «Сотворил еси луну во времена, солнце позна запад свой. Положи тьму и бысть нощь, в них же пройдут вси зверие дубравнии» *. Толк: Сотворил бог светила сия в четвертый день и положи я на тверди небесней, яко сияет им по земли. Солнце сотворил на востоце, и потече днем к западу, а луну сотворил на западе полну, яко пятьнадесятую, и потече под землю. Солнце позна запад свой, а луна восхождаше на востоце во времена. Глаголет: яко луна изменяется, света своего лишаема, яко умирающе еще во времена, в леты и в годы менит, в последний день вся громада сия рассыплется и будет вся нова, егда солнце заидет под землю, а луна нощная — владыка умирающий. Тогда бывает нощь темная, в ней же пройдут вси зверие дубравнии: медведи и волцы аравитстии, и лисы, и мыши, и всякая гадина, ищуще себе потребная. Преводне: нощь — неведения божия; без солнца — праведнаго Христа — во тьме неверия всяк, яко зверь, шатается, ища, яко волк, сожрати искренняго. А нихто же безбожен, ин таков и зол, яко еретик, без милости есть, яко лис и яко псец, и единоплеменнаго, чюждь быв благодати божия осенения, яко лев, ища погубити вся зверьки церковная.

Псалом: «Скимни рыкающе восхитити и испросити от бога пищу себе. Воссия солнце, и собрашася и в ложах своих лягут» *. Толк: Скимен глаголется молодой львичищ *, рыкает, ища лов на снедь себе восхитити. Ему же и гласныя арганы бог в естество вложи. Егда какова зверя восхощет, тем гласом и зовет к себе, яко органом возбряцающе. Избытка же вчерашнего уловления не яст, яко царь, новое брашно имат по-всячески. Егда же лев обыдет остров кой, ни един зверь не смеет чрез прелести стези его —

всех ту искоренит. Пишется в писании: лев — Христос, лев и антихрист. Злобы ради и умысла подобен лев антихристу, за образ же царский и владыческий подобен лев Христу, сыну божию, и по многим тайнам сокровенным. А егда бо лев спит, то единем оком спит, а другим бдит, яко и Христос во гробе, уснув плотию, а божеством зрех во ад из гроба. Еще же: егда родится скимен, сиречь львичищ младой, мертв рождается, и в третий день внидет дух животен в онь, и оживет, яко Христос мертв был плотию и в третий день воскресе из мертвых, сниде во ад, диавола связа и Адама свободи и нам дарова живот вечный. Воссия солнце праведное, и в ложах своих зверие — в темницах адовых дияволи — возлегли, страхом одержими, трепещуще. А и видимыя звери во дни том мало волочатся.

Псалом: «Изыдет человек на дело свое и на делание свое до вечера. Яко возвеличишася дела твоя, господи, вся премудростию сотворил еси» *. Толк: Подобает нам, христианом, весь день до вечера дела слична свету делать, егда же нощь приидет, сиречь покрыет очи наши гроб, тогда делать не имам, но токмо спать до дне восстаннаго.

Александра Григорьевна, госпоже и мати моя, не спи, не спи сном лености! Прииде вечер, приспе нощь ко дверем твоим. Тогда убо успнем на долгий сон, егда очеса не узрят животнаго света сего. Ныне время благоприятно делания, ныне дни спасения, во гробе бо никто же может делати. Им же образом желает елень за источники водныя, сице желает душею ко господу богу с верою правою. Елень бо, ядши мох, пожирает змей — гада ядовитаго. Егда же во утробе его змия учнет торгати, тогда елень зело быстро течет на воду текущую и пиюще жаждею уморяет в себе змию, гада ядовитаго. Аще укоснит елень живыя воды взыскати, проедает змия чрево его и пропадает весь *. Тако и мы, пожерше грех смертоносный, ускорим на покаяние, испивше живыя воды святых словес книжнаго разума. Аще ли обленимся и не взыщем своего спасения? Горе человеку, во гресех умершему! Лучши бы ему не родитися, нежели в себе образ божий обесчестити грехи скверными.

Молю тя, христолюбивая, не ходи к еретику попу Осипу! Ей, бога свидетеля поставляю, сосуд пагубы. Нарочито попенко богородское не пьяница, да и смирен. Али тут *обновится, яко орлу, юность твоя?* * Орел бо егда состареется и естеству его изнемогшу и перьем обетшавшу, всяко старость сокрушит его, обретает же воды живы, сиречь текущий источник, и, вземся выспрь, возлетает на высоту ко огню небесному, еже есть высше облак, под солнцем. И обгорит от пламени того весь и, спустився низу на преждереченный источник, измывается в нем довольно и, опернатев, бывает паки на многи лета юн вместо ветха *. Тако то пророк и тебе, старийшую, понуждает, глаголя: «обновится, яко орлу, юность твоя», сиречь коснися, умом возлетев, престола огнезрачного, на нем же пребывает истневаяй горы и сокрушаяй камение. Той твою обновит ветхость и грехи возьмет, и чисту тя сотворит от греховныя скверны. Умойся естественною водою, еже имаши слезный источник, текущий паче воды живы в живот вечный.

Григорьевна, перестань-ко ты мясца кушать, господа ради, но питайся семеньми, яко трие отроцы в Вавилоне. Не уморит тебя о Христе Исусе и без мяса, яко стерчин родителя своего на старость. Есть стерх-птица, бела перьем, с жеровля ростом, егда состареется и не возможет летать, ни пищи добывает, тогда чада, ея подъемлюще, преносят с места на место крилома своима и пищу ему приносят. Виждь, нрав имеют вскрай словесных, как быть человецы, добрые детки о родителях своих пекутся. И за тот их добрый нрав преславно о них бог промышляет. Егда стрехи прелетают и отлетают, служат им враны, злосердыя птицы. Встречают их и провожают, оберегая от иных птиц сопостатных *.

Григорьевна, стараго нашего православия чадо, и винца перестань пить, ино пей квасок и воду, так в голове ум не мутится, и очи с похмелья не кружают, и руце и нозе не упадают, чревеса и утроба здрава, паче же греха меньши. Лоту и праведнику запят пиянство, и Ное * от того же поруган бысть. Сампсон и смерть прият от пиянства. Али мы крепчайше такова исполина? Некогда восторже

врата градская, сиречь башню, вознесе на гору высоку. И путем ему идущу, нападоша на нь иноплеменницы 1000 человек, хотяху его убити: Он же восхитив ослию щоку и всех поби костию тою, и, поймав триста лисиц, ввяза в ошиби их по свещи горящей, и пусти в нивы их. И пожже вся нивы. Чтец да чтей в бытийстей книги *. А после погиб от пьянства. Окаянно таково то піянство: ни юность блюдет, ни седин милует, ни святаго почитает, ни честна мужа хранит, но всех без ума творит и во грехи поощряет. Богатым скудость наводит, убогим — раны, женам — бесчестие, юнотам — поползновение, девам — срамота, а попам и чернцам всех злейши препретается. Яко богомольцы то есть, всегда жрут жертву пьяному Дионису *. Нас то мимо о Христе Исусе.

Подобает христианину правым путем ходити, понеже праведник, яко финикс, процветет. Есть финикс-птица *, обретается близ рая во странах восточных, она же глаголется и сирин и неясыть пустынная. Излетает бо из рая и витает в кедрах ливанских. Красна и велелепа, перием созлатна и песни поет сладки, яко не восхощет человек ясти, слышавше ея гласы. Гнездо бо ея на 12 древах и вящще. Егда бо отлетает в Ливан обьюхатися арамат, птенца своего во гнезде оставя. Змей же с нею непрестанно враждуя и усмотря без нея, получа время, надхнет птенца ея ядом смертоносным, измирает. Прилетев же финикс из Ливана, добыв змия, убивает, и проклевав своя ребра, кровию мертвеца своя покропляет. И оживотворятся юныя ея детки. Тако и Христос сотвори, на кресте вися, яко неясыть, от ребра своего источа кровь и воду, и оживотвори нас, умерших грехми, убив диавола крестом, и Адама свободи, и на 12 апостолех гнездо свое устрои, восcед яко на коня, послав их в поднебесную, да проповедят его, яко той есть судия живым и мертвым и воздает комуждо по делом его.

Возвратимся паки на первую беседу, отнюду же изыдохом.

Псалом: «Исполнися земля твари твоея» *. Толк: Колицы суть на земли, роди травы сельныя и древа дубрав-

ныя, по них же суть одушевленный живот: зверие и скоты, и птицы пернаты. Овы кормятся от земли, а инныя живот животом. Их же родов несведомое множество есть: * птицы зерноберные есть, друзии плотоядцы суть, а инии травою и древом питаются. Тако ж и зверие: овии мясоядцы суть, еже же и плижущеи по земли, и по воздуху парящс, и мухи большие и малые, и комарие от тины ся ражающе. Вся бо та увиди и настрой благий божия нас ради человек и нашего ради спасения.

Псалом: «Се море велико и пространно; ту гади, им же несть числа, животна малая с великими. Ту корабли преплавают» *. Толк: Елико суть живота на земли, толико и в водах и множае суть. Есть в мори во Алантичестей стране лежаги, сиречь киты велицыи, жируют. Егда воспловут, подобны суть горам великим или яко грады велицыи. Туды корабли не заходят. Но на удивление и на страх нам таковый живот сотворил хитрец. По них же и инии мнози велицы животи есть в море: пси велицы, и изугени, и приони, и дельфини, селахи же, и фоки, и ин живот дробный, его же родов несть числа, токмо той весть, иже я сотворил, рыбы и гады, и вся ныряющая и плавающая. Ови ся ражают птицами, ови яица несут, и инии своим образом. Рыбы же икру пущают, и от того бывает живот, животна малая с великими.

Есть в мори живот именем острей, а другий — каркин *. И желает каркин ясти плоть астреев и немощно ему улучити ея, в сколку огражена. Егда же острея уразумеет каркин в заветренне месте греющеся, разверше сколца своя, бив его каркин, и ввержет камычец в сколца его. И к тому не возможет стягнути их, тако то его и погубит. О злый, пронырливый каркин, прехитрил милаго острея-живота! Тако то и никонияне добывают християн, умышляют, на смерть предают. Егда християнин, не хотя их жертвам приобщатися, в заветреннем месте греющеся или молитвует втай, или ино что служит богови, разверше сколца своя, сиречь не о[па]сется бедной горюн, уведав же, еретицы на нь и, бив его, совсем разорят, яко острея каркин, съедят совсем.

Есть в мори рыба многоножица *, пронырлива глубоце, изменяет вид своего естества. Егда прислонится к камени, бывает яко камень, а к зеленому — зелена, а белому — бела, или ко траве, или ко древу — везде ся пригодит. Мног же дробной живот, аки бы не разумив, заплывает в челюсти ея, она же поглатающе. Тацы мнози суть человецы во градех пронырливы, коварни суть, пременяются на нравы различныя, друг друга оманывая, а наипаче суть в духовном чину малии и велицыи изменяют лица своя. Кажутся, яко постницы, даже вящши чин улучат. Егда же взыдет на высоту, тогда от воздержания и раздует его девство. Где ся у святаго отца кожа возьмет! Был тоненек, а стал брюхат, яко корова-матушка, пестрая или черная.

Животна малая с великими. Ту корабли преплавают. Корабли бо по морю преплавают из царства в царство, строя нашу человеческую жизнь. Превозят бо вещи из земли в землю, иде же чево несть, отинуде превозят *. Море бо совокупляет воедино всех нас, да любим друг друга и хвалим чинотворца, хитреца-бога. Мы же несть тацы суть, не хощем бо обще стяжания иметь, но вся хощу мне собрать, яко несытый всеядец. Аще бы ми возможно, вся бы вещи морския и земския во утробу свою вместил.

Псалом: «Змий сей, его же созда, ругатися ему» *. Толк: Древне в породе змия крылья имела и нозе. Егда же прельсти праотца, тогда отъяты быша и нозе и крыле. И повеле бог ясти землю и ползати на чреве, якоже она наругала со дьяволом в человецех образ божий, науча преступить заповедь божию. Да тоже и сама поругание претерпе. Адама изгна из рая бог и постави у врат вертящееся оружие на стражу раю, и повеле Адаму делать землю, от нея же взят бых, жене же в печалех родить чада, а змеи на чреве ползать и ясти землю, а дьявола прокля *. Так то богопротивление зло есть, подобает внимати и нам, да не то ж правило подъимем и мы.

Псалом: «Всяк к тебе, чают дати пищу им во благо время. Давшу тебе им, соберут; отвершу тебе руку, вся-ческая исполнятся благости; отвращшу же тебе лице, возмятутся» *. Толк: И кая тварь может от небытия пищи

себе привлещи, аще не господь земле повелит из нея умножитися пищи всему животу, человеком и скотом? Аще он, надежда, прострет пречистую руку свою и послет на землю дар свой — дождь и теплоту, тогда всяческая исполнятся благости: умножит земля хлеба и овоща человеком и скотом, и зверем, и птицам небесным, и всему животу; християне обогатеют, и бояром добро. Егда же отвратит лице свое за умножение беззакония грешных человек, тогда вся возмятутся, и самая стихия, еже есть воздух, и земля, и вода, и огнь огорчатся на противных богови и из предел своих выступают. Земля плоды своя умалит, вода иссыхает, а инде потопляет, огнь пожирает, якоже в Москве пожары видеша очи наши. Еще же и воздух изменяет: овогда студень, овогда сухо бывает и не подаст влаги на плоды земныя. Зверие оттекают, и птица небесныя от беззаконных отлетают, и в водах умаляются рыбы. А сами тии человецы, грешницы, мятутся, яко прузи бьются, и дерутся, яко пьяни суть. Не явно ли то бысть в нашей Росии бедной: Разовщина * — возмущение грех ради, и прежде того в Москве коломенская пагуба *, и мор, и война *, и иная многа. Отврати лице свое владыка, отнеле же Никон нача правоверие казити, оттоле вся злая постигоша ны и доселе. Преводне же «всяк тебе, чают дати пищу им во благо время», — сиречь благое время во грядущем веце, тогда бо насытятся святии пищи некончаемыя. Ему же по достоянию даст бог, той приимет вечная благая, а от него же лице свое отвратит, той возмятется вечно во пламени огненне.

А прежде се будет. Псалом: «Отъимеши духи их, и исчезнут, и в персть свою возвратятся. Послеши дух свой, и созиждутся, и обновиши лице земли» *. Толк: Виждь, кончину и воскресение и всему обновление глаголет пророк. «Отъимеши духи их» — ту смерть являет, а «исчезнут», рече, — ту раскидание плоти и в землю паки возвратит; а еже рече: «послеши дух свой, и созиждутся» — ту и востание являет. И тако то смысл, разум глубок.

О воскресении мертвых Павел апостол пишет: «вси убо не успнем, вси же изменимся во мгновении ока в

после[дне]й трубе. Вострубит бо, и мертвии востанут нетленнии, и мы изменимся волею божиею. Подобает бо тлеемому сему облещися в нетление, и мертвенному сему облещися в бессмертие. И тогда убо пожерто будет мертвенное животом» *. Да слыши попросту, аще бы единою нагою душею жили, не требовали бы глагола, ниже слуха, но глагол и тутнание слуха деля, а слух глагола ради. Аще не быша уши и устне, и язык плотян, то бы от ума моего к твоему уму разумение исходило без звука и без грома, ныне же подоба глагола и слуха.

Да разумеется востание мертвых. Вся убо не успнем, вси же, глаголет Павел, сиречь не умрем, до последние трубы живущии на земли будут. Егда первая труба вострубит, в ней же повеление божие, гласом ея отверзутся гробы. Таже вторая труба вострубит, и потечет кость к кости и состав к составу своему. Третия труба вострубит, и созиждутся телеса мертвых. А живущии еще на земли есть. Егда же четвертая возгремит труба, в ней же глас божий: «востаните от гроб, мертвии, явите дела своя судии всех и богу», тогда во мгновении ока вси живущии изменятся, а мертвии оживут. Да слыши, Златоуст глаголет: «тамо узрим прах возметающ, всюду человецы воставают, дивен позор будет». И егда вси востанут, обымут их ангельския силы.

Тогда вся стихия разорят: небо, яко свиток свиется, солнце и луна, и звезды спадающе с небес, якоже смоковница отмещет листвие от себе, тако то звезды полетят на землю. Тогда от престола господня река огненная потечет, поядающи тварь от востока до запада, и вся изгорит. И будет небо ново и земля нова, бела, яко хартия. То же псалмопевец рече: «и обновиши лице земли» *. Тогда же ангелы поженут вся человеки во огнь негасимый. Ох, люте мне! Праведницы просветятся, а грешницы помрачатся, праведницы восхищени будут на сретение господне на облацех по воздуху, а грешницы, увы, яко огорелыя главни, валяются низу. Златоуст рече: «тогда бо плоть человеча легка будет и восперенна, добрымы делы носима, яко может ездить и по воздуху». Егда бо с небесе Христос, бог наш, приидет и сядет на престоле славы своея, и соберутся

пред ним вси языцы, и разлучит их, яко овца от козлищ, понеже тьмы тьмами силы небесные предстояху ему и тысяща тысящами служаху ему. Ристаху же ангелы собирающе и поставляху праведныя одесную его, а грешныя отреваху ошуюю. И речет господь праведным: «приидите, благословении, наследуйте уготованное вам царствие небесное». Возрев же ярым оком на грешныя и речет: «отъидите от мене, проклятии, во огнь вечный со дьяволы». И идут сии в муку вечную, праведницы же в живот вечный *, еже есть взем судия святые своя и приведет их к богу и отцу и речет: «се отче, приношение мое, се есть плоды моя. Приими их, да будут едино с нами, яко же и мы». *Тогда возвеселится господь о делех своих* *.

Псалом: «Презираяй на землю творя ю трястися, прикасаяся горам — воздымятся» *. Толк: Егда на Синайстей горе с Моисеом беседоваше, тогда страшно бе видимое, понеже гора горяше огнем, и облак, и сумрак, и буря, и трубныя звуки, и гласы шумящи глаголанны. Моисей бо рече: «пристрашен и трепетен есмь, господи» *. Виждь, «прикасаяся горам — и воздымятся».

Воспою господеви в животе моем, пою богу моему, дондеже есмь. Да насладится ему беседа моя, аз же возвеселюся о господе *. А плуты те,— ну их к черту! И людьми их не зову. По писанию: «скончаются грешницы от земли и беззаконницы, яко не быти им» *. Вот ладно каково. *Благослови, душе моя, господа* *. Аминь, аминь, аминь.

ПОСЛАНИЕ ВСЕМ «ИЩУЩИМ ЖИВОТА ВЕЧНАГО»

Господи Исусе Христе, сыне божий, помилуй нас.

Всем святым и а[постольския] церкви от господа бога и спаса нашего Исуса Христа слава и честь и нетление ищущим живота вечнаго. А иже по рвению противляю-

щимся убо истинне, повинующим же ся неправде псам — никонияном — ярость и гнев, и скорбь, и теснота на всяку душу человека никониянина, творящаго злое, архиерею же прежде и рядному. Глаголют бо безумнии человецы, утесняюще свою душу: «не на нас-де взыщет бог законное дело и веру; нам-де что? Предали патриарси и митрополиты со архиепископы и епископы, мы-де и творим так».

О неразумныя души беззакония! Ни ли слышал еси апостола Павла: «сила божия есть всякому верующему, июдеови же прежде и еллину от веры в веру, якоже есть писано. Праведный же ет веры жив будет» *.

Зри: праведный от веры жив будет, а не от человеческаго предания.

И еще чтый да разумеет того же апостола рекша: «открывается гнев божий с небесе на всяко нечестие и неправду человеческую, содержащих истинну в неправде, зане разумное божие яве есть в них, бог бо явил есть им».

Вот апостол глаголет: «бог бо явил есть им» *.

Шлюся на твою совесть, зане разумное божие яве есть в тебе, бог бо явил, есть в тебе. С тем же Павлом глаголю: «невидимая бо его от создания твореньми помышляема видима суть, и присносущная же сила его и божество, во еже быти им безответным. Зане разумеша бога не яко бога, прославиша или благодариша, но осуетишася помышленьми своими, и омрачися неразумное их сердце» *.

Читай внятно: «и омрачися неразумное их сердце, во еже быти им безответным».

И еще ли шарпаешися, неразумне омраченное сердце, глаголя: «не на тебе взыщется твоя погибель, но на великих»? А патриарси со мною, протопопом, на сонмище ратовавшеся *, рекоша: «не на нас взыщется, но на царе! Он изволил изменить старыя книги!» А царь говорит: «не я, так власти изволили!» Воистинну омрачися неразумное их сердце, во еже быти им безответным. Осуетишася помышленьми своими друг на друга, а все на бога омраченными сердцы, зане разумное божие яве есть в них. Все знают, яко погибают, но мраковидным духом ослепоша в сопротивии всяцем, зане разумное божие яве есть в них, бог

бо явил есть им. Невидимая бо его от создания мира твореньми помышляема, видима суть. Аз им говаривал: «безответны вы, никонияне, пред господем богом. Солнце, и луна, и звезды, и самое небо кругом впосолонь вертится, а вы, святя святая церкви, около ея ходите противу солнца и всея твари *. Тако же крестят дети около купели, тако же и браки венчая, против солнца же кружаете, а не впосолонь ходите по преданию». И оне отвещают: «нам-де велят так». И разумеют, яко зло деют, но тьмою покрыты, по апостолу: «измениша славу божию в подобие образа тленна человека» *, сиречь царя паче бога убоялися, «иже премениша истинну божию во лжу» *. Бабоблуды, блядьи дети! Да что, братия моя любезная, светы, вем, яко молвите: «батько-де неискусно глаголет». Хорошо, искусно, искусно! От дел звание приемлют. Послушай-ко апостола тово, о таких же баб[о]бл[удах] глаголет. Зачало 81: «И якоже не искусиша бога имети в разуме, сего ради предаст их бог в неискусем ум творити неподобная, исполненных всякия неправды, блужения, лукавства, лихоимания, злобы, исполнены зависти, убийства, рвения, льсти, злонравия и прочая, непримирительны и нелюбовны, яко таковая творящии достойни смерти суть. И не точию сами творят, но и волю деют творящим» *.

Да так то и есть, святый апостоле Павле, не одны токмо погибают сами, но и иным простым людям волю деют. На нас-де положено, мы-де знаем! На то-де бог вещь сделал, несть греха. Какову-де бабу захотел, такову-де и вали под себя. Да что расмехнулся! Так-де оне учат, еретицы, собаки, да так и творят. Сами блудят и иным повелевает. По апостолу, исполненны блужения и всякия неправды. А как в них злонравие то! Ино и в собаке той лихой нет столько, и в змее той, ползящей гадине, и рысь та лютая человеколюбнее их, и аспид-от милостивее их. Кому же они подобны, знаешь ли? А то, брат, тово уж не знаешь! Дияволу подобни. Он человекоубийца бе искони и во истинне не стоит, яко отец лжи. Исперва оболга человеку бога, а потом богу человека. Как же, аль не ведаешь? Сем. я тебе возьму за руку и поведу на то место, идеже бысть

се. Стани прямо востока и зри к Едему, возведи очи свои в рай и виждь глаголы лестны дияволи ко Адаму. Рече бо: «вкусите от древа, от него же вам бог заповеда. Аще вкусите, будите яко бози, разумеюще добро и зло. Бог бо завистлив есть, сего ради заповеда. Не хощет вас быти, яков сам бе» *. Вот собака, яко Никон, блядей сын, солгал! Обманул царя Алексея, треми персты креститися понудил: «троица-де бог наш, тремя персты и знаменимся». Он, бедной, послушав, да дьявола и посадил на лоб. Слово в слово, яко и в раи при дьяволе и при Адаме. Восхоте Адам быти бог, простре руце ко древу, и сея ради снеди изведе из рая враг Адама. Тако и Никон лишил Алексея трех ради перстов жизни сея, понеже царскую и архиерейскую власть на ся восприял, да мочью и силою вечную нашу правду, старое православие, истребил. Яко бог века сего, взимаяся гордостию, но Соловецкой монастырь сломил гордую державу его. В которой день монастырь истнил, о тех днях в той день и сам исчез *. Восхотел бог быти, и не бысть. Потерял, яко Адам рай, тако и он жизнь сию. О сем до зде. Взыдем на первый глагол.

Како оболга дьявол к богу человека, чти во Иове. Егда приидоша ангели пред господем поклонитися, прииде же и диявол, не местом, но вопрошением. И рече господь к дияволу: «внят ли на раба моего Иова, яко несть такова в поднебесном: праведен, благочестив и непорочен. Еще же держится и незлобия». И отвеща диявол: «не туне чтет тя, обложил еси ему внутренняя и внешняя. Повели ми, да коснуся, аще не в лице благословит тя. Кожа за кожю и вся даст человек, елика име, за душу свою» *. Ох, собака, блядь, клеветник! Что и никонияня же, блядьи дети! Умыслиша Аввакума беднова и прочих повсюду мучити: «ужо-де и не хотя, волю нашу сотворят, как в землю закопаем их!» А бояроня с сестрами умерла о Христе *, а не покорилась дьяволенкам и не предала благоверия. Так же и над Иовом тем и дияволов-от умысл был. К богу рече: «не туне-де чтет тя. Богатства-де и детей, и всякия благодати довольно ему даде. Дай-ко-де мне над ним поиграть. Ужжо-де и не будет хуже ево, и бранить-де

станит тебя. В лице тя благословит, просто рещи, проклекленет». Вот как диявол-от на человека тово лжет.

Слово в слово и никонияня таковы же. Отдал бог Иова тово во искушение дияволу тому, да и приказал: «вся сия тебе Иовлева предаю, токмо душу ево соблюди» *. Возился над ним дьявол-от, что чорт, а душе той коснутися не смел, понеже бог с небесе сам зрех победы Иовлевы. Радуется в те поры владыка-свет, как терпением, благодаря, Иов плотной побеждает бесплотнаго дьявола.

Так ж то и ныне бывает, братия. Егда терпим Христа ради и завета его, так же радуется бог. А идеже бог, тамо и ангели вси, и праведнии тут же со владыкою зрят победы или побеждения. Читали ли в житии Андрея Юродиваго? * Егда с черным Велиаром брався, а белоризцы позороваху. Как учал Андрея вертеть хохлата-ет чорт, так белоризцы те миленькия испужалися, жаль им Андрея тово. Как справился Андрей и брякнул чернова о камень лбом, так белоризцем радость велия и веселие. Так то и ныне: победа бывает — невидимо нам радость небесная, а то много радости в той час, егда кто мучится за Христа. Простите, к слову пришло. Однако уж говорить, от своих вас не подобает скрывать.

Как стригли меня на Москве *, тому уже годов с тринатцеть есть, а в то время без меня в сылке на Мезени Ияков Сытник был. В кой день меня ругали в соборной той церкви, а он-де на Мезени в той же день и час в клети молитвовал. Жена ево мне сказывала, как меня сюды в Пустоозерье, везли, «бежит-де мой Ияков из клети в ызбу, а сам кричит мне: «Оринушка! Оринушка! Батька Аввакума на Москве ругают, а он с ними кричит. Я видял топере в клети. Небо отверзлося, и ангели прилетают над него и от него на небо, радующеся». А сам-де он, батюшко, изменился весь, зыблется, тужит и плачет по тебе, охая». Так, конечно, мне жена ево сказывала. Ево уж тут в то время не было.

Да что же еще с вами стану говорить? Чаю, утрудилася ваша мысль, коснящи в вышних. Ну, и мы ум наш сведем с небесе и поговорим мало о земных. Много ли вас на я̆

славном, избранных божиих, и церкви и попы есть ли християнския, и несть ли гонения правоверию, возвестите ми. Или восплачю или возрадуюся. Господа ради мужайтеся, утвержайтеся. Живите, поминающи день востанный, не яко не мудрии, но яко премудрии.

ПОСЛАНИЕ ИГУМЕНУ СЕРГИЮ С «ОТЦЫ И БРАТИЕЙ»

Новому игумну, старому моему чаду Сергию отцу [1] радоваться о уповании вечных благ.

Припомяни, чадо, и о мне в день радостный. Аз есмь заматоревый во днех злых, хощу с тобою совсельник быти в пазухе Авраамове. Аще бог благоволит и пречистая богородица поспешит, негли, препоясався о Христе, переползем темнозрачный сей век к тихому оному и безмолвному пристанищу. И что тогда речем, Сергий мой, егда узрим нашего света лицем к лицу никониянам неприступнаго Христа, отца нашего и строителя?

Сергий! Слушай-ко, сказывай людям тем: сидит он на огнезрачном престоле одесную отца, о нас промышляет и нам приказывает: не пецыте-де ся вы ни о чем, токмо о проповеди прилежите, а то-де у меня вам всево много напасено.

Скажу вам, раби Христовы, слушайте [2].

На что, петь, Иосиф Волоцкий * с писанием ратуется? Не ладно он о сошествии пишет во ад, бытто смерть и дьявол снесли душу Христову во ад.

А пророцы и богословцы вси не так, но глаголют, со славою во ад бысть поход. Помнишь, в слове Епифаниеве *

---

[1] В рукописи эти слова зачеркнуты и над ними написано: Братия, отцы.

[2] Эта строка написана в рукописи по стертой киноварной строке, из которой можно разобрать только одно слово: Сергий.

пишет: предшествует же ему архангели Михаил и Гавриил и прочия силы ангельския глаголюще: «возьмите врата, князи, ваша» * и прочая. Евсевий Самосадский * такоже: «идуще пред спасителем силы вопияху: «возьмите врата, князи, ваша». Да и все церковны книги учат: не дьявол душу Христову во ад снес, но сам по восстании из гроба плотию боголепною с душею сниде во ад божески, и расторг богчеловек чрево адово.

И много о том неколи говорить. Одно молыть: свято-ет бы насилу сам написал ли бы так. Полно, вор некто такой жо в книгу ту ево внес, что и Федька отступник * в тетратках подметных чтучи. Сего дни ли воруют? Во-ся, петь, Климантовы те книги * и повыше Иосифа тово, не исказили ль? Или и Григория Низкова * правила? [1] Во всех церковных книгах пишет, яко Христос плотию одушевленною во аде бысть и о сем слава ему, Христу, богу нашему. Мы так и веруем, как церковные книги учат.

А в письмяных тех всячину найдешь. Не буди нам с вами по своему смышлению спасение свое содевать, но по преданию святых и богоносных отец. Дай, господи, ум наш и сердце в согласии со святым писанием, так и добро, а привал-от пустой, яко нужно слово, не отмещу ли?

А что отец Исидор вопрошает мя кое о чом, мочно веть и самим вам рассудить с господем. А я кто? — умерый пес, и как могу выше вашего священнаго собору разуметь? Ты говоришь, огненный во мне ум. И я сопротив молыл (прости!): «облазнился,— реку,— ты, чернец, и в кале тинне помышляешь сокровенну быти злату и сребру. Не ведется, мол, тово, еже драгое камение полагати в говенной заход, тако и в мой греховной арган непристойно внити благодатному огненному уму. Разве по созданию данному ми разуму *отчасти разумеваем и отчасти пророчествуем* *.

И ты, игуменушко, не ковыряй впредь таких речей. Которая тебе прибыль? Наводишь душе моей тщету. Но всяко дыхание да хвалит господа и пречистую богородицу, а я — ничево, человек, равен роду, живущему в тинах кал-

---

[1] В рукописи далее зачеркнуто: сам же молышь.

ных, их же лягушками зовут. Погубил в себе властный сан и рассудительну силу, без рассуду земных прилежю и, *яко свиния от рожец, наполняю чрево свое* *. Аще не умилосердится господь, при смерти стою и во адова сокровища гляжю. Аще не господь помогл бы ми, вмале вселилася бы во ад душа моя. Обо мне пророк рече: «далече от грешных спасение» *, и еще: «яко погна враг душю мою и смирил есть в земли живот мой, посадил мя есть в темных, и уны во мне дух мой» *. Еле-еле отдыхаю от похотей, задавляющих мя. Моли бога о мне и всем заповеждь. И Настасья, хотящая быти ц[арица], пускай молится о мне. Смешница она, Сергий, хочет некрещоных крестить!

Я говорю: вото, реку, какую хлопоту затевает! Их же весь мир трепещет, а девая хощет, яко Июдифь *, победу сотворить. Материн большо у нея ум-от. Я ея маленьку помню, у тетушки той в одном месте обедывали. Бог ея благословит за великова и честнова жениха!

Девушка красная, княжна Анастасьюшка Петровна, без матушки сиротинка миленькая, и Евдокеюшка, миленькие светы мои! Ох мне грешнику!

Егда ум мой похватит мать вашу и тетку, увы, не могу в горести дохнуть,— таковы оне мне! Лутче бы не дышал, как я их отпустил, а сам остался здесь! Увы, чада моя возлюбленная! *Забвенна буди десница моя, прильпни язык мой гортани моему, аще не помяну вас! О дщи Вавилоня окаянная! Блажен, иже воздаст тебе воздаяние твое, еже воздала еси им! Блажен, иже имет и разбиет младенца твоя о камень!* * Ну, добро много плакать, да перестать же будет.

Слушайте-тко, Евдокея и Настасьюшка, где вы ни будете, а живите так, как мать и тетка жили: две сестрицы здесь неразлучно жили и в будущий век купно пошли, без правильца не жили, канонцы всегда сами говорили на правиле и всяко... [1] Зело покойница перед смертию тою докучала мне о них, горько сокрушаючись,— и о грехах и тех

---

[1] Далее четыре строчки зачеркнуты, можно разобрать лишь отдельные слова: он... пускай сказывает... чернец, не покидай их, отрасли моей... поливай их слезами...

кается и о них кучится. Рукою своею наморала на обе стороны столбец, а другая так же и третьяя. Да долго столпцы те были у меня: почту да поплачю, да в щелку запехаю. Да бес-собака изгубил их у меня. Ну, да добро! Не дорожи он мне тем. Я и без столпцов живу. Небось, не разлучить ему меня с ними! Христос с нами в век века уставися.

Анисиму Фокину мир и благословение. А что ты, Онисимушко, меня о попах тех спрашиваешь, а то я им велел смиритися. Оба добрыя люди, да шалуют без пути. У Григорья в грамотке почти.

Ходи со Стефаном и с Козьмою *, бог благословит! Стефан ко мне преж сего писывал кое о чем, и я ему о Христе и прощение послал; и Козьма доброй человек, я в ево церкве и детей духовных своих причащал, со мною он говаривал. Он обедню поет в олтаре, а я на крылосе у него певал.

А для чева Исидор младенцов не причащает, которых Дмитрей * крестит? Я приказал ему крестить, сын мне он духовной.

Стефан-батько, которые младенцы те от еретиков тех крещены, и ты розыскивай: буде отрицание было от сатоны и в три погружения крещон, и ты токмо молитвы и недоконченная над ними соверши, а буде же не было отрицания, и ты и совершенно крести.

А что Исидор-от еретик крещенных не причащает, то он правду творит. А о умерших — надобе о них бога молить и их поминать. Глупо робя было, не знало правды и кривды. Аже кто велик умрет, о таковом рассудить: буде и по-новому крещон, а пред смертию каялся о неверии своем, таковаго принимать; аще ли так умре, и он часть волчья, нет ему до Христа дела, нашего бога.

Ну, Онисим, прости! Бог тебя благословит! Моли бога о мне.

А что вы [1] выпись из Псалтыри прислали, псалма 9: «сиру ты буди помощник» *, и прочая, и толк-от Афа-

[1] Далее выскоблено два слова.

насиев прав *, а на Григорья това Амиритскаго * солгал некто вор, именем ево безделицу утвержает, яко и Федор отступник. Статное ли дело душю божию дьяволам обладати? Смерть и телом не обладала, нежели душею. Сам господь нас научает, рече: «никто же душю мою возьмет от мене, но сам полагаю ю о себе, область имам ноложити ю и паки область имам прияти ю» *. Да умирая, рече: «отче, в руце твои предаю дух мой» *,— а не ко дьяволам во ад. Во ад со славою иде, восстав от гроба телом и душею божески. Все богословцы так научают: ад, рече, огорчися, человека зря обожена,— а не нагую душю. Писывал преже сего о том в книгах тех письмяных, надобе разуметь. Иван эксарх * пишет: еретики-де и Григория Нисскаго правила развратили многия, их-де и чести не подобает. А и Климентовы книги, помнишь в Кормчей * напечатано, не велено их чести, развращены от еретик. Так то и тут, сицевой же Федор или никониян, жалеют ли оне книг тех? Что взбрело на ум, то и творят. Во Псалтырях тех толковых есть всячина, толковщиков тех много. Полно о том.

Какой то будет бог, что душю свою от разбойников отнять не смог?

ПОСЛАНИЕ БОРИСУ И «ПРОЧИМ РАБАМ БОГА ВЫШНЯГО»

Древо жизни и бессмертия, древо разума, древо трилюбезно, нетле[нно] и неизнуряемо, крест трисоставный, честное древо: троица бо носит трисоставныя образ [1].

За молитв святых отец наших, господи Исусе Христе, сыне божий, помилуй нас.

---

[1] Эта фраза написана под изображением старообрядческого креста.

Чадо Борисе, бог простит тя в сий век и в будущий и да неосужденна тя предстати сподобит на страшнем суде Христос, бог наш, сый благословен во веки, аминь.

Вопросил мя еси о пении церковном и о келейном правиле.

Да веси, брате, устав во церкви от святых отец со святым духом устроен. Кто мы? — хощем быть разумнее Параклита, прелагаем по своему чину! Как напечатано, так и творить подобает. Не прелагаем пределы, иже отцы положиша. А ты мне возвестил еси странно: среди заутрени у вас бывает самочиние, а не по преданию бывают поклоны. Правду те глаголют, которые поют рядом заутреню и до отпусту не рассекая, или церковным чином или вервицы молитвами исполняя. А поклоны между вечерни и заутрени.

Нощию правило келейное отцы узаконоположиша, кто сколько может: или поклонов 300, или 600, или 1000, с ними ж и Исусовы молитвы: или 6 сот и седьмое богородице, или вдвое или втрое, как кто хощет и может. А церковнаго правила пения отнюдь не поколебати.

Хощеши ли слушати, как у меня бывало? Внимай жо, я тебе стану вякать. Да не сам собою изволил, но от отец искусных навыче.

Егда вечерню с павечернею отпою, после ужины правило начну: павечерницу и 4 канон Исусу и акафист с кондаки и искосы: «Воду прошед» и «Ангелу», и тропари канонов и молитвы, таж «Достойно», «Трисвятое» и «Нескверную», и еще «Трисвятое» и «Даждь нам», и рядом «Боже вечный», и все молитвы спальныя и отпуст, и «Ослаби, остави» вместо прощения, и «Ненавидящих»; таж 50 поклон за живыя и за мертвыя. Благословлю да и роспущу черемош. Паки начинаю начало правилу поклонному: «боже, очисти мя» и молитвы; и проговоря «Верую» и огонь погасим; да и я, и жена, и иные охотники ну же пред Христом кланятца в потемках тех: я 300 поклон, 600 молитв Исусовых да сто богородице, а жена 200 поклон, да 400 молитв, понеже робятка у нее пищат[1].

---

[1] Далее шесть с четвертью строк зачеркнуто.

Довершим правило, прощение проговоря, да и спать взвалюсь,— один я спал. Когда обедню пою, тогда опасно сплю: сам добуду огня да книгу чту.

Егда время приспеет заутрени, не спрашиваю пономаря, сам пошел благовестить. Пономарь прибежит, отдав колокол, пошед в церковь и начну полуношницу. Докамест сходятся крылошаня, а я и проговорю в те поры. Прощаются,— ино бог простит, а которой дурует, тот на чепь добро пожаловать: не роздувай уса тово у меня.

Таже завтреня на всяк день с кажением по чину и чтение 4 статьи, а в воскресной день 6 статей по данной мне благодати толкую, чтучи. В рядовыя дни заутреня, 4 часа, а в полиос 5 часов, а в воскресенье всенощное 10 часов. После завтрени причастное правило час говорю сам, а церковное пение сам же, и чту и пою единогласно и на-речь пою, против печати слово в слово: крюки те в переводах тех мне не дороги и ненайки те песянныя не надобе ж. И отпев обедню, час поучение чту. И после обеда 2 часа усну и, встав, книги до вечерни чту, сидя один.

А обедню, прости, плачючи служу, всякую речь в молитвах разумно говорил, а иную молитву и дважды проговорю, не спешил из церкви бежать,— после всех волокусь. И болящих маслом соборовал — единогласно же пел, и мертвых погребал — единогласно ж пел, и келейное и церковное все единогласно ж правило было у меня, и в пути едучи и пеш идучи — единогласно все. Да не собою я затеял так.

Видев в писании, со отцы трудилися так: епископ Павел Коломенский, Данил протопоп Костромский, священномученик же Михайло, священномученик Гавриил, священномученик же архимарит Тихон Печерский, архимарит Суздальский Иосиф за Волгою, в пустыни с сим пением и скончался так, протопоп Конон Нижегороцкий; Логин, протопоп Муромский мученик и поборник велий, Марфа, игумения на Везниках, на-речь и единогласно пение бысть у нея.

Не по Игнатьеву жила: странным и мимоходящим ноги умывала сама и со Анною леженкою добре скончашася.

И Андреян, архимарит Троицкой, добро же житие проходил, а пел единогласно ж.

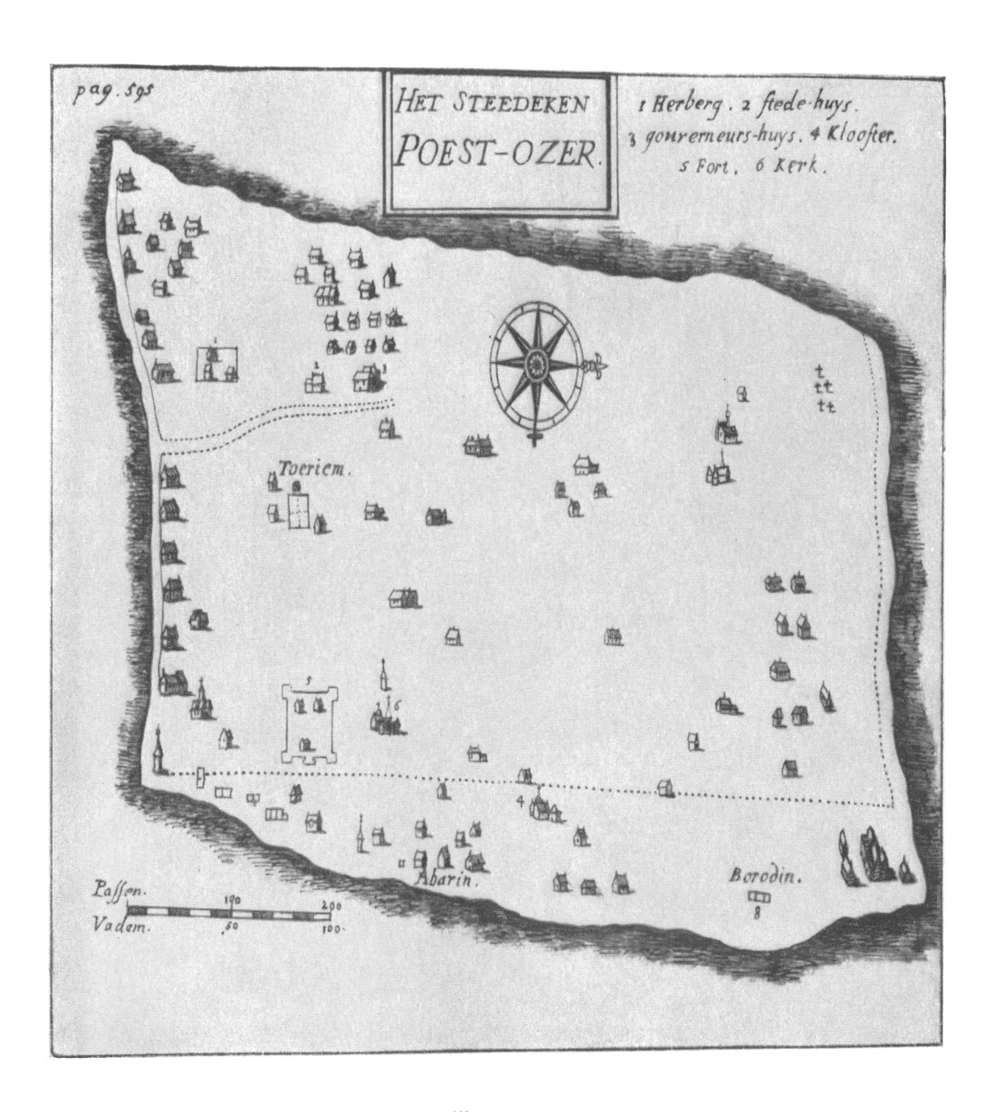
Да и много бысть добрых людей, все блажиша и хвалиша пение единогласное и наречное. Многие с перевода ветхаго, по нем же аз певал, списывали, а я и без перевода, богу помогающу, по печати пою, да и крюков тех не изгублю, ненайки лише не пою. А как один молюсь, так и не говорю: един бог знает, как делаю, нельзя сказать.

Ну, Борис, полно ли ковырять тово? Али еще слушать хошь? А то как в правду ту молисся, зажмурь глаза те, да ум-от сквозь воздух и твердь и ефир отпусти к надеже тому и престолу его, а сам ударься о землю, да лежи и не вставай плачючи: ужжо ум-от Христа тово притащит с неба тово, как оскорбишь гораздо сердце то. А то влагодящее сердце, — какому пришествию духа быть?

Да еще к тому: Игнатей бывшей братью-де драз[нит] нароком и по печати говорит: «преславенная денесе». Ох! ох! Не глаголю беснуется, но помрачение ума. Кому то досадит, мещущи выспрь камение? Себе; ему на главу оный камень с высоты падет. Добро, братие, совет и любовь, а иде же поперечина, тамо не подобает и ходить и тлить душа своя. Аще бы чья и немощь в чом, ино бы тож не так, но прощением и покорением, да всяко бы не оставил бог за молитв брацких смиреннаго. А то бесом сделается чернец: и играет, ругаяся страшным и неизреченным таинством. Увы! Что бысть при Евфимии Вели[ком] Климатию? Чтый, ругаяйся, да разумеет сие.

Ну, Борисушко и прочии раби бога вышняго! Простите меня в слове и в деле и помышлении, а вас бог простит и благословит! Целую всех о господе бозе моем.

А поп-от, Борис, суматоха, мне кажется; да служил по-новому и, остригшися, отрекся мира и священства и паки тоже творит: все ни та, ни ся. О новослужении том бы каялся, а не стригся бы. Волен бог, да вы: буде каялся о службе той, и вы по нужде малые потребы исполняйте им, молитвы и прочая, а причащатца не подобает ему, обеден служить только. Прости и молися о мне.



СНИМОК С ИЗОБРАЖЕНИЯ ПУСТОЗЕРСКА XVII в.

Отцу Досифею мир и благословение. Спаси бог тебе за добронравие твое. Пад, подстилаю главу свою и благословения прошу: моли бога о мне, грешнем. А твою любовь да помянет Господь бог во царствии своем всегда и ныне, и присно, и во веки веком.

Досифей, а Досифей! Поворчи, брате, на Олену ту старицу: за что она Ксенью ту бедную, Анисьину сестру, изгоняет? Досифей! А за что, петь, ея и с мужем тем розводит, коли оне молитвилися? Апостол велит посягати младым вдовам, нежели разжижатися.

Елена-дурка! На что ты ея в приказах тех и в монастырях тех озлобляла и робеночка-де маленько не уморила?

Меланья! Слушай-ко ты, и я со духом твоим, смири бесчинницу ту, на что она над крестьяны играет? Ну как бы робенка тово уморили, так убийство стало, а убийце 7 лет епетимии.

Ну, Оленушка-сестрица, вот тебе от нас с Меланьею пирожок, кушай на здоровье: седьмь лет держи епетимию, 3 годы не сообщайся с верными, 2 лета плачь с припадающими, в притворе стоя, 2 лета в церкви да пребудеши без причащения, свещи и просвиры да не приемлет священник во олтарь от руку твоею, ею же убийство сотвори; чрез день кроме суботы и недели сухо да яж, по тысяще на всяк день метания твори пред господем, на всяк день в вечер 3 поклона, к келье окормительницы Меланьи пришед, до земли, сице глаголя: «прости мя, мати моя! Се аз, окаянная, жену с мужем разлучила и убийство сотвори! Увы мне, дщери Каинове и Ламехове!» И возвратяся в келию свою сице рцы: «боже, за молитв святыя Меланьи, матери моея, отпусти ми согрешения моя!»

Ну, чадо, тружайся да и о мне, грешнем, бога моли. И отец Епифаний молитвами помогает ти.

Слушай-ко, игумен Сергий! Иди во обитель Меланьи матери и прочти сие, писанное со духом святым, на соборе Елене при всех, да разумеют сестры, яко короста на ней, да же не ошелудивеют от нея и удаляются ея. А ты, Меланья, не яко врага ея имей, но яко искреннюю. И все сестры спомогайте ей молитвами.

Друг мой миленькой Еленушка! Поплачь-ко ты хорошенько пред богородицею-светом, так она скоренько очистит тебя. Да веть-су и я не выдам тебя: ты там плачь, а я здесь! Дружне дело, как мне покинуть тебя? Хотя умереть, а не хочю отстать.

Елена, а Елена! С сестрами теми не сообщайся, понеже оне чисты и святы. А со мною водися, понеже я сам шелудив, не боюся твоей коросты, и своей много у меня! Пришли мне малины. Я стану есть,— понеже я оглашенной, ты оглашенная,— друг на друга не дивим: оба мы равны. Видала ли ты? — земские ярышки друг друга не осужают. Тако и мы. Помни же, что говорю,— не обленись поработати господеви. Аще ли просто положишь, бо̀льшую беду на себя наведешь: без руки будешь, и без ноги, и без глаз, и глуха и острупленна, яко Елисей. Я ли затеваю? Да не будет. Но тако глаголет дух святый со Христом ко апостолом, яко *его же, аще свяжете на земли, будет связан на небеси, а его же разрешите, той разрешен* *. Да по данней мне власти от Исус Христа се возлагаю ти бремя на плеща души твоея: *достоин бо делатель мзды своея* *.

Прости. Тебе несть благословения, дондеже очистишися. Аминь.

Ксенья бедная Гавриловна! Взыщи мужа тово своего и живи с ним, коли ты молитвилася с ним, а затем — как знаешь: воля тебе о Христе. Пожалуйте, раби бога вышняго, не покидайте ея, яко Марию Магдалыню *, прибегшую ко Исусу, или оную, ея же приведоша к нему и хотящу побити камением. Исус же возбрани и рече: «аще не имат кто греха, верзи камень на ню преже всех» *. Стали созиратися: ано шелудивы все! Тако и здесь: всяк разумей немощь свою, не созирайте чюжих грехов, но своих.

Да еще тебе, игумен Сергий, приказываю: порозыщи и нам о имени господни возвести, кто от духовных биет Евдокею Ивановну словесы нелепыми, лютейши камения. Со слезами мне говорит: «пущи-де никониян, батюшко, духовныя наветуют ми, и стражю-де от них понос и уко-

ризну, насилу отдыхаю в бедах». На что, петь, так мучат сестру свою неправильне, забывше апостола, еже рече: «братие, аще человек впадет в некое согрешение, вы, духовнии, исправляйте таковаго духом кротости. Блюдый себе, да не и ты искушен будеши, друг другу тяготы носите» *. А еже только не согрешила сестра, а наветуют бесчинующе, и сего обычая ни во языцех обрести возможно где. Чюдно! Как та верным нам, а хуже неверных живем, взимающеся друг на друга своего!

Родион! Слыхал ли ты в правилех: «разлучивый мужа и жену — проклят»? Хочешь ли я тебе сию игрушку в душу посажю? Да хотя мы и в дальнем расстоянии, да *слово божие живо и действенно проходит до членов же и мозгов и до самыя души* *. Да не таково мне на тебя, что на Елену.

Добро, друже, бог тебя простит. Прощайся пред Оксиньею Гариловною и Ефремову книгу * отдай ей; тогда и от меня совершенно бог простит.

Аще ли ни, не уйдет то и впредь. Не имать власти таковыя над вами и патриарх, якож аз о Христе кровию своею помазую душа ваша и слезами помываю. Никто ж от еретик восхитит вас, православных християн, от руки моея; хощю неповинных представити вас в день просвещенный праведному судии. Да и бывало тако во время: Христос бдящу ми, и вселил вас всех во утробу мою. И царю Алексею говорено о том. Простись же с нею, да не отлучайте ея от мужа тово; аще хощет, пускай с ним живет.

Сергий! Возвести впредь о сем, каково к прощению тщание будет у них. Аще и Елена поищет со усердием прощения да ослабится тогда от епитимии и от худости моея благословение получит. Жаль мне ея гораздо; воздыхая, сице творю. Полно о том.

А еже изволившу духу святому вложити во ум отцу Досифею с челобитными по жребию стужати царю о исправлении веры, и кто аз силен возбранити воли божии, еже не быть тако? Да будет, да будет! Господь благословит тя и с Максимом от высоты святыя своея и от пре-

стола славы царствия своего! Тружайтеся господа ради, *ходяще в премудрости ко внешним* *. И мое имя по Христе обносите пред человеки; или кого величаите, или еретиков потязаите — се аз с вами есмь до скончания нашего века. Якож отец Досифей, и вы, церковная чада, дасте ударити душа ваша духу святому. Се и мы с Епифанием — старцом хощем быти причастницы части вашея, да общее воскресение улучим о Христе Исусе. Да будет, да будет! И будет тщание ваше усердно, и господь славы посреде нас, по словеси Христову: «идеже два или трие собрани о имени моем, ту есмь посреде их» *.

ПИСЬМО К «ОТЦАМ ПОМОРСКИМ»

Отцам в Поморие пишет.

Четвероконечная колесница огненнаго течения, ревнители Илиины, нравы подобящеся Крестителю, правыми стопами последовасте Христу: Саватие и Евфимий, Тимофей со Авксентием, молите бога о нас, грешных!

Вы постигосте верси горам, а мы получихом верси бедам; вы взыдосте на бестрастие, а мы погрязохом во глубине страстей; вы со ангелы беседовасте, а мы по человеку правшеся, яко с бесы; вы зряще к небеси, а мы влекущеся долу.

Но надеющеся на ваши отеческия молитвы, дерзаем со еретики братися до смерти по матери нашей, святей божией церкви. *Аще бог по нас, кто на ны!* * Со Христом и большому волку, хохлатой той собаке, глаза вырву, нежели щенятам. Молитеся только вы о нас, крепко и неослабно, господа ради, отцы святии. Мне веть неколи плакать: всегда играю со человеки, таже со страстьми и похотьми бьюся, окаянный. Ведаете и сами: *беседы злы тлят обычаи благи* *. В нощи что пособеру, а в день рас-

сыплю,— волен бог, да и вы со мною. Бью челом вам не всклонно, не презирайте бедную мою, злосмрадную душю; молитеся, молитеся о грешнем Аввакуме протопопе.

Старец Епифаний, мир дав, благословения вашего отеческаго просит.

Еще же коленам вашим касаюся: поминайте в молитвах жену мою бедную и дети и о всем домишку молите Христа моего и содетеля всех бога, да *приимете* от него себе *славы неувядаемый венец* *. Паки, паки миром господу помолимся, господи помилуй!

Ну, простите, полно говорить. Вы молчите, но и я с вами престану говорить. Мир вам и благословение.

Пришлите мне гостинец какой-нибудь: или лошку, или ставец, или ино что. Али у самих нечево нет, бедные батюшки мои? Ну, терпите Христа ради! Ладно так! Я веть богат: рыбы и молока много у меня Христовою благодатию и пречистыя богородицы милостию и всех святых молитвами. Аминь.

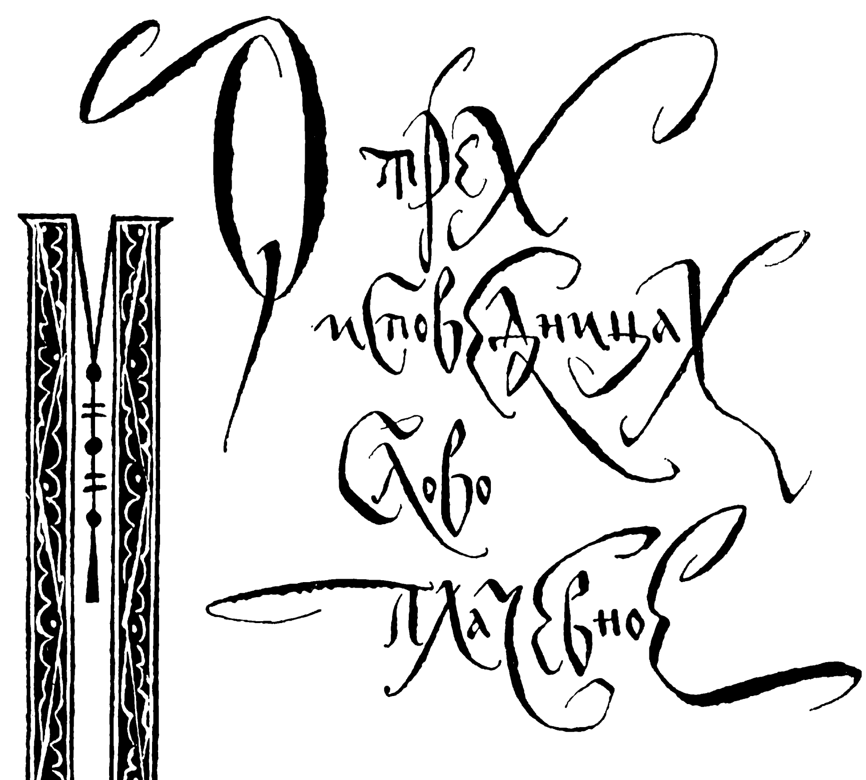
ПИСЬМО К «ОТЦУ И БРАТУ, ДРУГУ И СОВЕТНИКУ»

ПИСЬМО УВЕЩАТЕЛЬНОЕ ОТСТУПИВШЕМУ ОТ ПРАВОСЛАВИЯ И ОБРАТИВШУСЯ И ИЩУЩА ПОКАЯНИЯ

Господи Исусе Христа, сыне божий, помилуй нас.

О Христе нашему отцу, и брату присному, и другу, и советнику, воину Исусову, страдальцу Христову, проповеднику благочестия, поборнику православия, любезному и прелюбезному сердешному нашему другу и отцу, имя рек, радоватися. Да веси, о вселюбезне, яко не о том скорбим, еже напал на тя сатана со слугами своими; но о том радуемся, яко имя рек толикая претерпе от врагов божиих,

еже и всяк слух ужасает. За што претерпел, што своровал, не ведаешь ли? За што Павла в Листре и Ликаонии, жиды-богоубийцы наустиша народы и побиша Павла камением, влечаху вне града, мнеша его умерша *, за то и нашего,— оле радости с горьким плачем раствореныя! — имя река, побиша. О друже наш любезный! Целуем главу твою, целуем перси твоя, целуем руки и ноги! Прииди-тко сюды, приклони-тко ся к нам, дай-ко главу ту страдальческую. Обымем тя, облобызаем тя, облием тя плачем, омыем тя слезами, напад на выю твою, возглаголем сице от болезни: уд ты наш, брат ты наш, едино есмы тело! Похищен бысть сатаною, пленен бысть варвары, отведен бысть в чюжую землю и тамо многая озлобления много претерпе от врагов благочестия; ныне же мы паки тя видим во свое отечество возвратившася! О, слава тебе, господи! Срадуйтеся с нами все духовное братство, яко друг наш и брат обретеся жив и не удавлен от еретиков. А што, друже, скорбишь о пагубном их причастии — што ж делать! Худо сделано, не мужественно. Да што говорить! Вси мы человецы немощни, без помощи праху подобни. И Христос рек: «дух бодр, плоть же немощна» *. А они, враги злы, ревнители отца своего сатаны, поспешны на пагубу нашу. Петрот и камень наречен, да и тот поползнулся *. Только слышали мы в малом твоем писанийцы,— ищешь покаяния, скорбишь, болезнуешь и их, сказываешь, возненавидел, яко змию. О сем радуемся, о сем веселимся, приемлем тя, лобзаем тя, любим тя, приобщаемся тебе, сплетаемся тебе присно, связуемся тебе вечно! Брат и уд ты наш! Хто свой уд ненавидит? Брата тя присна присно имехом и имеем, и имети хощем, всегда и ныне, и присно, и во веки веком. Аминь.



Месяца ноября во вторый день сказание отчасти доблести, и мужестве, и изящном страдании, терпении свидетельство благоверныя княгини Феодосии Прокофье[в]ны Морозовы и преподобномученицы, нареченныя во инокинях схимницы Феодоры.

О трех исповедницах слово плачевное.

В лето...[1] быша три исподведницы, жены — болярони: глебовская жена Ивановича Морозова Феодосья Прокопьев-

---

[1] В рукописи далее почти две строчки выскоблены; с трудом можно прочесть во второй строке: отступника христианскаго.

на, во инокинях Феодора-схимница, и сестра ей бе, нарицаемая княгиня Урусова, Евдокея Прокопьевна, с ними же дворянская жена Акинфея Ивановича Данилова Мария Герасимовна. Беша бо Феодосья и Евдокея дщери мне духовныя, иместа бо от юности житие воздержное и на всяк день пение церковное и келейное правило. Прилежаше бо Феодосья и книжному чтению и черплюще глубину разума от источника словес евангельских и апостальских. Бысть же жена веселообразная и любовная.

Многими дньми со мною беседующе и рассуждающе о душевном спасении. От уст бо ея аз, грешный протопоп, яко меда насыщашеся. Глаголаше бо благообразная ко мне словеса утешительная, ношаше бо на себе тайно под ризами власяницу белых власов вязеную, безрукавую, да же не познают человецы внешнии. И, таящеся, глаголюще: «не люблю я, батюшко, егда кто осмотрит на мне. Уразумела-де на мне сноха моя, Анна Ильична *, борисовская жена Ивановича Морозова. И аз-де, батюшко, ту воласяницу искинула, да потаемне тое сделала. Благослови-де до смерти носить. Вдова-де я молодая после мужа своего, государя, осталася, пускай-де тело свое умучю постом, и жаждею и прочим оскорблением. И в девках-де, батюшко, любила богу молитися, кольми же во вдовах подобает прилежати о души, вещи бессмертней, вся-де века сег[о] суета тленна и временна, преходит бо мир сей и слава его. Едина-де мне печаль: сын Иван Глебович молод бе, токмо лет в четырнатцеть; аще бы ево женила, тогда бы и, вся презрев, в тихое пристанище уклонилася». О свет моя, чево искала, то и получила от Христа!

Бысть же в дому ея имения на двесте тысящ или на полтретьи, и християнства за нею осмь тысящей, рабов и рабыней сто не одно, близость под царицею — в четвертых бояронях. Печаше бо ся о домовном рассуждении и о християнском исправлении, мало сна приимаше и на правило упражняшеся, прилежаше бо в нощи коленному преклонению. И слезы в молитве, яко струи, исхождаху изо очей ея. Пред очима человеческима ляжет почивати на перинах мяхких под покрывалы драгоценными, тайно

же снидет на рогозиницу и, мало уснув, по обычаю исправляше правило. В банях бо тело свое не парила, токмо месячную нужду омываше водою теплою. Ризы же ношаше в доми с заплатами и вшами исполненны, и пряслице прилежаше, нитки делая. Бывало, сижю с нею и книгу чту, а она прядет и слушает, или отписки девицы пред нею чтут, а она прядет и приказывает, как девице грамота в вотчину писать. И нитки — свои труды — ночью по улицам побредет, да нищим дает. А иное рубах нашьет и делит. А иное денег мешок возьмет и роздаст сама, ходя по кресцам, треть бо имения своего нищим отдая. Подробну же добродетели ея недостанет ми лето повествовати, сосуд избранный видеша очи мои.

Бысть же в Петров день пожар великий в Москве, и приближающься огнь ко двору ея; аз бо замедлив в дому Анны Петровны Милославские *, добра же ко мне покойница была. Егда бо приидох к Феодосье в дом, и двое нас, отшед, тайно молебствовали, быша бо слезы от очию ея, яко река, воздыхание бо утробы ея, яко пучина морская колебашеся, глас же тонкий изо уст ея гортанный исхождаше, яко ангельский: «увы! — глаголаше,— боже, милостив буди мне, грешнице!» И поразится о мост каменной, яко изверг некий, плакавше. Чюдно бе видимое: отвратило пламя огненное от дому ея, усрамився молитвы ея сокрушенныя. Обыде и пожже вся окрест дому ея, а за молитв ея и прочих не вредило тут. Аз же тому бысть самовидец сам, и паче слуха видения: моя молитва при ней, яко дым, ея же изо уст, яко пламя, восхождаше на небо.

Еще же она, блаженная вдова, имела пред враты своими нища клосна и расслабленна. Устроили ему келейцу, и верная ея Анна Амосова покоила его, яко матери чадо свое, и гнойные его ризы измываху, и облачаху в понявы мяхкие. Сама же по вся нощи от него благословение приемлюще, рабыня же не отлучашеся от нищаго по вся времена.

Егда же рассвирепела буря никонияиская и сослали меня паки с Москвы на Мезень * во отоки акиянския, она же, Феодосья, прилежаше о благочестии и бравшеся с еретики мужественне, собираше бо други моя тайно в келью

к преждереченному нищему Феодоту Стефанову и писавше выписки на ересь никонияңскую, готовляше бо, ожидающе собора праваго. И уразумевше бо сродники ея Ртищевы, и наустиша холопей ея воровским умыслом, и оклевещут ю ко царю. Царь же, лаская ея, присылал к ней ближних своих Иякима * архимарита, патреарха нынешняго, развращая ея от правоверия. Она же глагола мужественно: «аще-де и умру, не предам благоверия! Издетска бо обыкла почитать сына божия и богородицу, и слагаю персты по преданию святых отец и книги держю старыя, нововводная же ваши вся отмещу и проклинаю вся! Аще-де вера наша старая неправа суть, но яко же есть права и истинна, яко солнце на поднебесной блещашеся. Скажите ц[арю] А[лексею]: «почто-де отец твой, царь Михайло так веровал, яко же и мы? Аще я достойна озлоблению,— извергни тело отцово из гроба и передай его, проклявше, псом на снедь. Я-де и тогда не послушаю». Посланницы же возвратишася вспять и поведавше царю, яже от нея слышавше. Он же повеле ей с двора не съезжать и отнял лутчие вотчины — две тысящи християн. А холопи в приказе клевещут на ню, яко блудит и робят родит, и со осужденным Аввакумом водится. Он-де ея научил противитися царю.

Потом приехал в дом к ней сродник ея, Феодор Ртищев, шиш антихристов, и, лаская, глаголаше: «сестрица, потешь царя тово и перекрестися тремя перстами, а втайне, как хощешь, так и твори. И тогда отдаст царь холопей и вотчины твоя». Она же смалодушничала, обещалася трема персты перекреститися. Царь же на радостях повеле ей вся отдать. Она же по приятии трех перст разболевся болезнию и дни с три бысть вне ума и расслабленна. Та же образумяся, прокляла паки ересь никонияңскую и перекрестилась истинным святым сложением, и оздравела, и паки утвердилася крепче и перваго.

Та же паки меня с Мезени взяли, протопопа Аввакума. Аз же, приехав, отай с нею две нощи сидел, несытно говорили, како пostражем за истинну, и аще и смерть приимем — друг друга не выдадим. Потом пришел я в цер-

ковь соборную и ста пред митрополитом Павликом, показуяся, яко самовольне на муку приидох. Феодосья же о мне моляшеся, да даст ми ся слово ко отверзению устом моим. Аз же за молитв ея пылко говорю, яко дивитися и ужасатися врагом божиим и нашим наветникам.

И так и сяк, сослали меня в Боровеск, в Пафнутьев монастырь. Она же за мною прислала ми потребная. И, держав мя десять недель, паки возвратили в Москву. Она же со мною не видалась, но приказывала: «ведаю-де я, хотят тебя стричь и проклинать. Обличай-де их с дерзновением. На соборище том-де я буду и сама». И я таки, бедной, за молитв ея столько напел, сколько было надобе. Потом сослали на Угрешу меня за крепостию велиею. Она же и туде потребная присылаше ми. Потом перевезли паки в Пафнутьев монастырь. Она же потребная присылаше ми и грамотки. Потом паки мя в Москву ввезли. Она же, яко Фекла Павла ищущи, — увы мне, окаянному! — и обрете мя, притече во юзилище ко мне, и по многим времянам беседовахом. И иных с собою привождаше, утвержая на подвиги. И всех их исповедал во юзилище: ея и Евдокею, и Иванушка, и Анну, и Неонилу, и Феодора, и святаго комкания сподобил их. Она же в пять недель мало не всегда жила у меня, словом божиим укрепляяся. Иногда и обедали с Евдокеею со мною во юзилище, утешая меня, яко изверга.

Егда же я взят бысть палестинскими, и переселиша мя на горы Воробьевы с Лазарем и со старцем Епифанием, и бысть крепко там, и невозможно видеться. Она же умыслила чином, по-боярскому в коретах ездила, бытто смотрит пустыни Никоновы, и, назад поедучи, заехала на Воробьевы ко мне и, будучи против избы, где меня держат, из кореты кричит, едучи: «благослови, благослови!» А сама бытто смеется, а слезы текут. Потом же так и сяк, ввезли мя паки в Москву на подворье Никольское. Она же по много прихождаше ко вратом двора того и стерегущим воином моляшеся, насилу обрела такова сотника, яко пустил на двор ея. Она же, прибежав к окну моему, благодарит Христа, яко сподобил бог видетися, и денег мне

на братью дала. Да паки, ко вратом приходя, плакивала. Да и только видания.

Потом меня в Пустоозерье свезли, и писанием возвещахуся. Она же после меня бродила по юзилищам, идеже мучатся мученики. Потом тайно и постриглась, видевше, яко зверь ища конца ея.

Егда же время приспе, женскую немощь отложше, мужескую мудрость восприемше, и на муки пошла, Христа ради мучитися. Зверь бо, яко лукавый лис, восхитил ю из дому и предал за приставство воинству, бесчестя и волоча на чепях, яко льва окована. И сестру ея Евдокею и княги[н]ю так же, мучиша обеих на чепях без милосердия. К ним же последи присовокупиша и Марию Герасимовну, и бысть троица святая, непорочная.

По смотрению же божию скоро преставися Феодосьин сын единородный, Иван Глебович, и вся вотчины и домовная быша в разграблении. Она же вся, яко уметы, вменила ради сына божия. У Евдокеи же княгини преставися дочь во время ея мучения. И еще трое деточек осталося со отцем своим, с князь Петром Урусовым. Писала из своея темницы в темницу ко мне, зело о них печаловаше, еже бы во православии скончалися. Токмо воздыхает и охает: «ох, батюшко, ох, свет мой! Помолись о детушках моих, ничтоже мя так, якоже дети, крушат. Помолися, свет! Помолися, батюшко!» Да тож, да тож одно говорит — целой столбец, и другая целой же столбец, и третья тако же. Ковыряли руками своими последнее покаяние, и рукава прислали рабам своим от чепей с ошейников железом истертые, а с Марьины шеи полотенцо железное же. Аз же, яко дар освящен, восприях и облобызах, кадилом кадя, яко драго сокровище, покропляя слезами горькими.

Егда же оне быша в Москве, тогда и на соборище водили их. Говорит мне: «в сей рубахе была, батюшко, на соборе я, и по многом прении последним запечатала: «вседе вы еретики, власти, от перваго и до последняго! Разделите между собою глаголы моя!» Тако же и Евдокея и Мария, не яко жены, но яко мужие, обличиша безбожнаго июдеянина. И быша все три на пытке пытаны, и руки ло-

маны, Мария же и по хрепту биена бысть немилостиво. И приступи к ним, вопрошая, верной Ларион, Иванов сын: «еще ли веруете во Христа распятаго, и како персты слагаете, покажите ми!» Оне же единеми усты все трое исповедаху: «за отческое готовы умрети! Аще и умрем, не предадим благоверия! Отъята буди рука наша, да вечно ликовствует, такоже и нога, да по царствии веселится, аще же и глава, да венцы вечными увяземся, аще и все тело огню предашь, и мы хлеб сладок святей троицы испечемся». Та же свезоша их в Боровеск на мое отечество, на место мученное, иде же святии мучатся, и устроиша...[1]

...звезда утренняя, зело рано воссияющая! Увы, увы, чада моя прелюбезная! Увы, други моя сердечная! Кто подобен вам на сем свете, разве в будущем святии ангели! Увы, светы мои, кому уподоблю вас? Подобни есте магниту каменю, влекущу к естеству своему всяко железное. Тако же и вы своим страданием влекуще всяку душу железную в древнее православие. Иссуше трава, и цвет ея отпаде, глагол же господень пребывает во веки. Увы мне, увы мне, печаль и радость моя осажденная, три каменя в небо церковное и на поднебесной блещашеся! Аще телеса ваша и обесчещена, но душа ваша в лоне Авраама, и Исаака, и Иякова.

Увы мне, осиротевшему! Оставиша мя чада зверям на снедение! Молите милостиваго бога, да и меня не лишит части избранных своих! Увы, детоньки, скончавшияся в преисподних земли! Яко Давид вопию о Сауле царе: горы Гельвульския, пролиявшия кровь любимых моих, да не снидет на вас дождь, ниже излиется роса небесная, ниже воспоет на вас птица воздушная, яко пожерли телеса моих возлюбленных! Увы, светы мои, зерна пшеничная, зашедшия под землю, яко в весну прозябшия, на воскресение светло усрящу вас! Кто даст главе моей воду и источник слез, да плачю другов моих?

Увы, увы, чада моя! Никтоже смеет испросити у никониян безбожных телеса ваша блаженная, бездушна, мертва,

[1] Здесь, очевидно, утрачена часть текста.

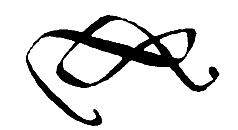
уязвенна, поношеньми стреляема, паче же в рогожи оберченна! * Увы, увы, птенцы мои, вижю ваша уста безгласна! Целую вы, к себе приложивши, плачющи и облобызающи! Не терплю, чада, бездушных вас видети, очи ваши угаснувшии в дольних земли, их же прежде зрях, яко красны добротою сияюща, ныне же очи ваши смежены, и устне недвижимы.

Оле, чюдо! о преславное! Ужаснися небо, и да подвижатся основания земли! Се убо три юницы непорочныя в мертвых вменяются, и в бесчестном худом гробе полагаются, им же весь мир не точен бысть. Соберитеся, рустии сынове, соберитеся девы и матери, рыдайте горце и плачите со мною вкупе другов моих соборным плачем и воскликнем ко господу: «милостив буди нам, господи! Прими от нас отшедших к тебе сих души раб своих, пожерших телеса их псами колитвенными! Милостив буди нам, господи! Упокой душа их в недрех Авраама, и Исаака, и Иякова! И учини духи их, иде же присещает свет лица твоего! Видя виждь, владыко, смерти их нужныя и напрасныя и безгодныя! Воздаждь врагом нашим по делом их и по лукавству начинания их! С пророком вопию: воздаждь воздаяние их им, разориши их, и не созиждеши их! Благословен буди, господи, во веки, аминь».

Приложение

ЖИТИЕ ПРОТОПОПА АВВАКУМА

(Прянишниковский список)



Собрано вкратце из жития святаго священномученика Аввакума протопопа, пострадавшего за святую православную християнскую веру, принуждением отца его духовнаго, инока Епифания Соловецкаго, да незабвению предано будет дело божие; и сего ради написася сие на славу Христу, сыну божию и богу истинному, и богородице и святым его. Аминь.

Начало книги сея бытия. Всесвятая троице, боже и содетелю всего мира! поспеши и направи сердце мое начати с разумом и кончати делы благими, их же ныне хощу глаголати аз недостойный; разумея же свое невежество, припадая, молю ти ся и еже от тебе помощи прося: господи, управи ум мой и утверди сердце мое не о глаголании устен служати си, но о разуме глаголемых веселитися и приготовитися на творение добрых дел, яже учюся и глаголю, да добрыми делы просвещен, на судищи десныя ти страны причастник буду со всеми избранными твоими. И ныне, владыко, благослови, да воздохнув от сердца, и

языком возглаголю пиша сице: Дионисия Ареопагита о божественных именех, что есть богу присносущные имены истинные, еже есть близостные, и что виновные, сиречь похвальные. Сия суть сущия: сый, свет, истинна, живот; только четыре свойственных, а виновных много; сия суть: господь, вседержитель, непостижим, неприступен, трисиянен, триипостасен, царь славы, непостоянен, огнь, дух, бог, и прочая потому разумевай.

Того же Дионисия о истинне: се бо отвержение истины испадение есть; истинна бо сущее есть; аще бо истинна сущее есть, истинны испадение сущаго отвержение есть; от сущаго же бог испасти не может, и еже не быти несть.

Мы же речем: потеряли новолюбцы существо божие испадением от истиннаго господа, святаго и животворящаго духа. По Дионисию: коли уже истинны испали, тут и сущаго отверглись. Бог же от существа своего испасти не может, и еже богу не быть, несть того в нем: присносущен истинный бог наш. Лучше бы им в символе веры не глаголати господа, виновнаго имени, а нежели истиннаго отсекати, в нем же существо божие содержится. Мы же, правовернии, обоя имена исповедуем: и в духа святаго, господа, истиннаго и животворящаго, света нашего, веруем, со отцем и с сыном поклоняемаго, за него же стражем и умираем, помощию его владычнею. Тешит нас той же Дионисий, в книге ево сице пишет: сей убо есть истинный християнин, зане истинною разумев Христа, и тем благоразумие стяжав, иступив убо себе, не сый в мирском их нраве и прелести, себя же весь трезвящася и изменена всякаго прелестнаго неверия, не токмо даже до смерти бедствующе истинны ради, но и неведением скончевающеся всегда, разумом же живущи, и християне суть свидетельствуемы. Сей Дионисий научен вере Христове от Павла апостола, живый во Афинех, прежде, даже не приити в веру Христову, хитрость имый ищитати беги небесныя; егда же верова Христови, вся сия вмених быти, яко уметы. К Тимофею пишет в книге своей, глаголя сице: «дитя, али не разумеешь, яко вся сия внешняя блядь ничтоже суть, но токмо прелесть и тля и пагуба? аз проидох

делом, и ничтоже обретох, токмо тщету». Чтый да разумеет.

Ищитати беги небесныя любят погибающия, понеже любви истинныя не прияша, воеже спастися им; и сего ради послет им бог действо льсти, воеже веровати им лжи, да суд приимут не веровавшии истинне, но благоволиша о неправде. Чти Апостол, зачало 275.

Сей Дионисий, еще не прииде в веру Христову, со учеником своим во время распятия господня быв в солнечнем граде, и видев: солнце во тму преложися и луна в кровь, звезды в полудне на небеси явилися черным видом. Он же ко ученику своему глагола: «или кончина веку прииде, или бог слово плотию стражет»; понеже не по обычаю тварь виде изменену: и сего ради в недоумении бысть. Той же Дионисий пишет о солнечнем знамении, когда затмится: есть на небеси пять звезд заблудных, еже именуются луны. Сии луны бог положил не в пределех, яко же и прочии звезды, но обтекают по всему небу, знамение творя или во гнев, или в милость по обычаю текуще. Егда заблудная звезда еже есть луна, подтечет от запада под солнце и закроет свет солнечный, и то затмение за гнев божий к людям бывает. Егда же от востока луна подтекает, и то по обычаю шествие творяше закрывает солнце.

А в нашей Русии бысть знамение, солнце затмилось в 162-м году накануне мора за месяц или меньши. Плыл Волгою рекою архиепископ Симеон Сибирской, и в полудне тьма бысть, перед Петровым днем недели за две; часа с три у берега плачючи стояли; солнце померче, от запада луна подтекала. По Дионисию являя бог гнев свой к людем: в то время Никон отступник веру казил и законы церковныя, и сего ради бог излиял фиял гнева ярости своея на Русскую землю; зело мор велик был, неколи еще забыть, вси помним. Паки потом, минув годов с четырнатцать, вдругорядь солнцу затмение было; в Петров пост, в пяток, в час шестый солнце померче, луна от запада же подтекала, гнев божий являя: протопопа Аввакума, беднова горемыку, в то время с протчими остригли в соборной

церкви власти и на Угреше в темницу, проклинав, бросили. Верный же разумеет, что делается в земли нашей за нестроение церковное. Говорить о том полно; в день века познано будет всеми; потерпим до тех мест.

Той же Дионисий пишет о знамении солнца, како бысть при Исусе Наввине во Израили. Егда Исус, секий иноплеменники и бысть солнце противу Гаваона, еже есть на полднях, ста Исус крестообразно, сиречь распростре руце свои, и ста солнечное течение дондеже враги погуби. Возвратилося солнце к востоку, сиречь назад отбежало, и паки потече, и бысть во дни том и в нощи тритцать четыре часа, понеже в десятый час назад отбежало, так в сутках десять часов прибыло. И при Езекии царе и бысть знамение: оттече солнце вспять во вторыйнадесять час дня, и бысть во дни и в нощи тритцать шесть часов. Чти книгу Дионисиеву, там пространно уразумеешь[1].

Он же Дионисий пишет о небесных силах, росписует возвещая, како хвалу приносят богу, разделяяся девять чинов на три троицы: престоли, херувими и серафими, освящение от бога приемля, сице восклицают: благословена слава от места господня! И чрез их преходит освящение на вторую троицу, еже есть господства, начала, власти; сия троица, славословя бога, восклицают: аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя! По алфавиту, аль отцу, иль сыну, уйя святому духу. Григорий Низский толкует: аллилуйя — хвала богу; а Василий Великий пишет: аллилуйя — ангельская речь, человечески рещи — слава тебе, боже! До Василия пояху в церкви ангельския речи: аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя! Егда же Василий бысть, и повеле петь две ангельския речи, а третию, человеческую, сице: аллилуйя, аллилуйя, слава тебе, боже! У святых согласно, у Дионисия и у Василия; трижды воспевающе, со ангелы славим бога, а не четырежды, по римской бляди; мерско богу четверичное воспевание сицевое: аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя, слава тебе, боже! Буди проклят сице поюще.

---

[1] В рукописи первоначально вместо этого слова было написано: узриши.

Паки на первое возвратимся. Третия троица — силы, архангелы, ангели, чрез среднюю троицу освящение приемля, поют: свят, свят, свят господь Саваоф, исполнь небо и земля славы его! Зри: тричисленно и то воспевание. Пространно пречистая богородица протолковала о аллилуйи, явилась Василию, ученику Евфросина Псковскаго. Велика во аллилуйи хвала богу, а от зломудрствующих досада велика,— по-римски троицу святую четверицу глаголют, духу и от сына исхождение являют; зло и проклято се мудрование богом и святыми. Правоверных же избави боже сего начинания злаго, о Христе Исусе, господе нашем. Ему же слава ныне и присно и во веки веком. Аминь.

Афанасий Великий рече: иже хощет спастися, прежде всех подобает ему держати кафолическая вера, ея же аще кто целы и непорочны не соблюдает, кроме всякаго недоумения, во веки погибнет. Вера же кафолическая сия есть, да единаго бога в троице и троицу во единице почитаем, ниже сливающе составы, ниже разделяюще существо; ин бо есть состав отеч, ин — сыновень, ин — святаго духа; но отчее и сыновнее, и святаго духа едино божество, равна слава, соприсносущно величество; яков отец, таков сын, таков и дух святый; вечен отец, вечен сын, вечен и дух святый; не создан отец, не создан сын, не создан и дух святый; бог отец, бог сын, бог и дух святый не три несозданнии, но един несозданный, не три бози, но един бог. Подобне: вседержитель отец, вседержитель сын, вседержитель и дух святый. Равне: непостижим отец, непостижим сын, непостижим и дух святый. Не три вседержители, но един вседержитель; един непостижим. И в сей святей троице ничтоже первое или последнее, ничтоже более или менее, но целы три составы и соприсносущны суть себе и равны. Особно бо есть отцу нерождение, сыну же рождение, а духу святому исхождение: обще же им божество и царство.

Нужно бо есть побеседовати и о вочеловечении бога слова к вашему спасению. За благость щедрот излия себе от отеческих недр сын — слово божие в деву чисту богоотроковицу, егда время наставало, и воплотився от духа

свята и Марии девы вочеловечився, нас ради пострадал, и воскресе, в третий день, и на небо вознесеся и седе одесную величествия на высоких, и хощет паки приитти судити и воздати комуждо по делом его. Его же царствию несть конца. И сие смотрение в бозе бысть прежде, даже не создатися Адаму, прежде, даже не вообразитися. Рече отец сынови: сотворим человека по образу нашему и по подобию. И отвеща другий: сотворим, отче, и преступит бо. И паки рече: о, единородный мой! о, свете мой! о, сыне и слове! о, сияние славы моея! аще промышляеши созданием своим, подобает ти облещися в тлимаго человека, подобает ти по земли ходити, апостолы восприяти, пострадати и вся совершити. Отвеща другий: буди, отче, воля твоя! И посем создася Адам, и прочая. Аще хощеши пространно разумети, чти Маргарит: Слово о вочеловечении; тамо обрящеши. Аз кратко помянул, смотрение показуя. Сице всяк веруяй в онь не постыдится, а не веруя осужден будет и во веки погибнет, по вышереченному Афонасию. Сице аз, протопоп Аввакум, верую, сице исповедую, с сим живу и умираю.

Рождение же мое в нижегородских пределах, за Кудьмою рекою, в селе Григорове. Отец мой бысть священник именем Петр, мати же моя Мария. Отец мой жизнь жил слабую, прилежаше пития хмельнаго, мати же моя постница и молитвенница бысть, соблюдала среду и пяток, и понедельник и зело была верна к богу, во иноцех инока Марфа, и всегда учаше мя страху божию. Аз же, некогда видев у соседа скотину умершу, и той нощи восставше пред образом, плакався довольно о душе своей, поминая смерть, яко и мне умереть: и с тех мест обыкох по вся нощи молитися. От отца остался мал. Мати же изволила меня женить семнатцати лет, жену мне привела четырнатцати лет *. Прежде женитвы в нощь воставах и молих бога, дабы дал мне жену помощницу ко спасению. Она же, пришед за меня, сказала мне: тако же творила. И оттоле помалу начахом простиратися, в нощи воставати на молитву оба нас в тайне, о гресех своих бога молити. Два года был дияконом. Егда же стал в попы, преселился во иное

село — Лопатища. И воспомянух день смертный, престал от виннаго пития и начах книги почитати и люди учити к пути спасения. Сам же простираяся паче на молитву днем и нощию. Слышавше же окрестныя люди мною проповедуемо слово божие, мнози приходяще послушати. Духовных детей учинилося сот до седьми и больши.

И некая девица прииде ко мне исповедати своя согрешения, исполненна блудных дел. Аз же, слышавше от нея, сатаниным наветом разгоревся блудным помыслом, падох на налой руками и мыслих, что сотворю, како бы избыти огня в себе паляща: и слепил три свещи, зажег, и положих руки своя на огнь и сожже; и оттоле угасло во мне блудное распаление. В нощи же той из церкви прииде в дом свой, зело скорбен. Время же яко к полунощи, и плакався пред образом господним, яко и очи опухли, и моляся прилежно, да же отлучит мя бог от детей духовных: понеже бремя тяжко, не могу носити. И утрудихся от поклонов, падох на землю на лицы своем, рыдаше горце, и забыхся. И видех корабль, пловущ Волгою рекою, зело украшен разными пестротами — красно, бело, и сине, и черно, и пепелесо,— его же ум человеч не вместит красоты его и доброты. И един юноша на нем красен, светел, и велелепен, на корме сидя правит, бежит ко мне из-за Волги, яко пожрети мя хощет. Аз же вопросих: «кому корабль сей устроен?» Он же отвещал: «твой корабль, тебе плавати на нем, с женою и детьми, коли докучаешь!» И я вострепетах и оттоле очютихся. Паки начах кланятися и глаголах: «чему я, окаянный, годен, таковый красный корабль мне устроен». И седши рассужаю: что се видимое? и что будет плавание? не вем!

И се по мале времени, и по писанному, *объяша мя болезни смертныя, беды адовы обретоша мя: скорбь и болезнь обретох* *. Отселе стану сказывать верхи своим бедам. *А о всех недостанет ми лета повествовати* *, колико случилося в 22 лета от буих человек * — да не постави им, господи, во грех. В том же селе начальной человек отнял у вдовицы дочь, вдовица же, плакавшися мне о том деле, стужаше. И я у него просил в честь, он же не отдал. И я

у него отнял сильно за божиею помощию. Он же опосле напал на меня, и я лежал часа с три без памяти. Потом изгнал меня из двора и имение мое отнял. Аз же все вмених, *яко уметы, да Христа приобрящу* *. Не дал мне и хлеба на дорогу.

В то же время родился сын мой Прокофей, которой седит с матерью в земли закопан: аз же взял клюшку, а мать некрещенова младенца, побрели, амо же бог наставит, и на пути крестили, яко же каженика Филипп древле. Егда же аз прибрел к Москве, к духовнику Стефану протопопу, и Неронову Ивану, они же обо мне царю известиша, и с тех мест почал государь меня знать. Отцы же с грамотою паки послали на старое место и велели мне жить в том же дворе разореном; а имения не осталось ничтоже.

И паки ин сильник нападе на мя и отгрыз, бьючи, зубами мои руки, и после стрелял по мне из пищали, и божиею волиею на полке порох пыхнул, а пищаль не стрелила. И всяко от него бог меня избавил. Он же навадил иному сильному боярину, Василью Петровичю Шереметеву, за то, что я розбил игру бесовскую: скоморохи и бубны и медведи. И за сие он меня, пловучи в Ка́зань на воеводство, взял перед себя в судно, и много стязався, велел сына своего Матфея, бритую бороду, благословить. И я не благословил братобритца: так меня велел посадить в Волгу и, ругав много, отпустили, протолкавше. И бог меня избавил. Опосле со мною прощался у царя на сенях, и дети ево. И потом паки из двора меня изгнали. Аз же приволокся к Москве и, божиею волею, государь меня велел поставить в Юрьвец Повольской в протопопы. И по государеву указу велели духовныя патриарховы дела ведать, живучи у церкви. Аз же внимах о исправлении людском; людие же одержими пиянством зело и исполнени блудных дел и убийства. Аз же, окаянный, учих словом божиим, а не покаряющихся истинне и от блудных дел престати не хотящих воспящая смирением на дворе патриархове. Оне же рассвирепев на мя собравшеся, человек тысящи с полторы и больши, вытащили меня из патриарховы избы и били ослопьем и кинули замертво под избным углом. И по-

мале приехал воевода, оттащил меня в дом мой, поставил и сторожу,— аз же отдохнув. Людие же ко двору приступают и по граду молва велика, наипаче же попы и жены, которых унимал от блудни, вопят: «убить вора, блядина сына, да и тело собакам в ров кинем». Аз же отдохня, в третий день ночью, покиня жену и дети, ушел к Москве. Духовнику протопопу Стефану показался: и он на меня учинился печален: на што-де церковь соборную покинул? Опять мне другое горе! Царь пришел ночью к духовнику благословитися, меня увидал тут; опять кручина: на што-де город покинул? А жена и дети, и домочадцы, человек с дватцать, в Ерьевце остались,— неведомо живы, неведомо прибиты. Тут паки горе. И после того и жена моя с робяты приволоклась за мною же. А на Москве, на дворе у Ивана Неронова, жили полтора годы *. А сам при духовнике Стефане за духовную ево любовь держался. А на Пожаре * у церкви казанския от писания народ пользовал.

И во 160-м году изволением божиим преставися Иосиф патриарх *, и бысть на ево место избрание. И духовник Стефан протопоп моля бога и постяся седмицу с братиею — и аз с ними тут же — о патриархе, да же даст бог добраго пастыря ко спасению душ наших на место Иосифа патриарха. Потом мы с митрополитом Казанским Корнилием написав челобитную за руками, подали челобитну царю и царице о духовнике Стефане, чтобы ему быть в патриархах. Он же не восхоте сам, указал на Никона Новгородскаго митрополита, понеже он обольстил святую душу ево, являяся ему, яко ангел, а внутрь сый диявол. Протопоп же Стефан увеща царя и царицу да поставят Никона на Иосифово место. Царь же и послушал. И я, окаянный, о благочестивом патриархе к челобитной приписал свою руку. Ано врага выпросили и беду на свою шею. Тогда и я, при духовнике, в тех же полатах шатался, яко в бездне мнозе. Много о том потонку беседовать, едина рещи,— за что мя мучат тогда и днесь большо и до исхода души *. А Никон в то время послан был в Соловецкой монастырь по мощи святаго Филиппа митрополита. И царь пишет к нему писание навстречю: преосвещенному Ни-

кону, митрополиту Новгородскому и Великолуцкому и всея Руссии — радоватися и прочая. Егда же приехал к Москве и привез мощи Филиппа митрополита, и с нами яко лис: челом да здорово. Ведает, что быть ему в патриархах и чтобы помешка какова откуды не учинилась. И привез с собою из Соловецкаго монастыря ссыльнаго старца Арсенья Грека *. Сослан был при Иосифе патриархе по свидетельству иерусалимскаго патриарха Паисея. Егда был на Москве и поехал из Путимля, с дороги писал: остася-де на Москве чернец Арсеней Грек, и был-де он в трех землях и три царства смутил и трижды Христа отвергся. И вы-де его блюдитеся. И уведавше о нем, царь Алексей и Иосиф патриарх, яко Арсеней еретик лют есть и богоотметник, и сего ради повелеша его заточити в Соловецкой монастырь. И бывшу ему в Соловецком монастыри исповедался у отца духовнаго, благоговейнаго и искуснаго священноинока Мартирия. И по свидетельству отца духовнаго, такожде сказал во исповеди: трижды Христа и православныя веры отвержеся, учения ради философскаго. И сего еретика Арсения Никон привезши к Москве с собою из Соловецкаго монастыря, царю охвалил и стал ево у себя держать, яко подпазушную змию. Егда же учинился патриархом Никон, нападе на святую церковь, подобен оному зверю, его же Богослов видя восходящ от земля и имяше рога два *, подобна агнчим, и глаголаше, яко змий; и область перваго зверя всю творяше пред ним, и творяше землю и вся живущая на ней поклонитися первому зверю, иже из моря исходяща. Кожа его, яко кожа рысья; уста его, яко уста львова; ноги его, яко ноги медвежьи; зубы его, яко зубы железны; ногти его, яко медяны, раздирая церковныя законы и истневая и попирая вся догматы. И того невернаго раба и врага божия Арсения приставил к книжной справе на печатной двор. И почали книги казить и всякия плевелы еретическия в книги печатать. А нас, друзей своих, не стал и в крестовую пущать. А се первой яд отрыгнул.

Во 162-м году, в великий пост, прислал память к Казанской к Ивану Неронову протопопу. В памяти Никон

пишет: год и число. По преданию святых апостол и святых отец, не подобает метание в церкви на колену творити, но в пояс бы творили поклоны, еще же и тремя персты бы есте крестилися. А я в то время тут же у Казанской с Иваном Нероновым служил. Мы же с епископом Коломенским Павлом и с духовником Стефаном, и со Иваном Нероновым, и с костромским Даниилом протопопом, и с муромским протопопом Логином, сошедшеся, задумалися: видим, яко зима хощет быти, сердце озябло и ноги задрожали. Не умолчали ево беснованию. Неронов мне приказал церковь, а сам скрылся в Чюдов,— седмицу един в полатке молился. И тамо ему от образа глас бысть во время молитвы сице: «время приспе страдания! Подобает вам неослабно страдати!» Он же мне плачючи сказал: таже епископу Коломенскому Павлу, его же Никон напоследок огнем сжег: потом — Даниилу протопопу Костромскому, и всей братии сказал. Мы же с Даниилом, написав из книг выписки о сложении перстов и о поклонах, и подали государю: много писано было. Он же, не вем где, скрыл: мнит ми ся, Никону отдал. А ему о том не возбранил, видя матерь свою, святую церковь, от разбойника разоряему *. И не поможе, понеже льстец он; улови его в начале патриаршества и рукописание взя на него государя царя, да ни в чем ему не возбраняет: что начнет творити и не препинает хотения его.

После того вскоре, схватав Даниила в монастыре за Тверскими вороты, при царе остриг, и Логина остриг же и проклинал, Ивану запретил и скуфью снял, с епископа Павла пеструю мантию снял и в черную облек,— и разослал всех в сылки. Епископа велел сжечь, Данила в тюрьме земляной уморил в Астрахане, Логина на селе учинил землю орать,— тамо и скончался. А иных не пересказать, колико рабов Христовых перегубил.

Со мною у всенощнаго взял шездесят человек и в тюрьму посадил, а наутрее их проклинал; оне же мужествовав многия ему в глаза плевали. Он же тех безвестно изгубил, а меня бил по ногам четыре недели по вся дни без милости *, от перваго часа до девятаго. И блаженныя памяти

Стефан протопоп деньги ему за меня давал за откуп, и на всяк день, зря из ног моих полны голенища крови, плакал, но бесчеловечный он, волк, не умилился,— денег у него не взял. И возил, на чепи посадя на телегу, по пожару и по улицам града, растеня мои руки, яко распятова, волочили и потом кинули во Андроньев монастырь, в пустую полатку в земляную; и три дни в той темнице сидел не ядше. Во исходе третияго дне не вем — человек, не вем — ангел меня накормил в темнице, и рекл мне: «полно, довлеет ти ко укреплению». И не стало ево. Двери не отворялись, а ево не стало! Чюдно! только человек был. Бе бо человеку странно: заключена темница со всяцем утвержением, и блюстители стояще. А что же ангелу? ино везде не загорожено. Не вем,— бог весть тайну сию. На утро архимандрит с братьею пришли и вывели меня; журят меня, что патриарху не покорился; а я от писания ево браню. Посем большую чепь сняли и возложили поменьши. Отдали чернцу в келью под начал. И был в том монастыре четыре недели бием и на[д]ругаем по вся дни. Велели волочить в церковь. У церкви за волосы дерут, и под бока толкают, и за чепь торгают, и в глаза плюют. Бог их простит: не их то дело, но дияволе.

В то время после меня взяли Логина, протопопа Муромскаго: в соборной церкви, при царе, остриг во обедню. Во время переноса снял патриарх со главы у архидиякона Ефрема дискос и поставил с телом Христовым на престоле; а с чашею архимандрит Чюдовской Ферапонт вне олтаря, при дверех царских стоял. Увы рассечения тела Христова, пущи жидовскаго действа! Остригше, содрали с него однорядку и кафтан. Логин же разжегся ревностию божественнаго огня, Никона порицая, и чрез порог во олтарь ему плевал; распоясався, схватя с себя рубашку, в олтарь Никону в глаза бросил; и чюдно, растопорясь рубашка покрыла дискос на престоле с телом Христовым. А в то время и царица была в церкви. На Логина же возложили чепь в церкви и, потаща, били метлами и шелепами до Богоявленскаго монастыря, и тут кинули нагово в полатку, и стрельцов накрепко поставил. Ему же бог в ту нощь дал

новую шубу и шапку; и на утро Никону сказали: и он, россмеявся, говорит: «знаю-су я пустосвятов тех!» — и шапку у него отнял, а шубу ему оставил.

Посем паки меня водили из монастыря пешева на патриархов двор, и, стязався много со мною, и в соборной церкви стричь меня хотели, и держали на пороге долго в обедню. Государь сошел с места и приступил к патриарху, и упросил у него, кланяючися. Не стригше, отвели в приказ Сибирской.

Таже послали меня в Сибирь с женою и с детьми. И колико дорогою было нужды, того всего много говорить. Нужна мне та была дорога, пятнатцать недель везли до Тобольска телегами и водою и саньми. В Тобольске жил полтора годы, у церкви проповедая слово божие и ево Никонову обличая ересь. А как нас разослал с Москвы и внес в церковь сию нововводную ересь и не стерпе ярость господня, *излиял фиял гнева своего* * на царство московское за церковной раскол, да не узналися бедныя горюны. Говорил прежде мора Иван Неронов царю и прорицал три пагубы: мор, меч, разделение; то и сбылося во дни наша. Бысть мор в Москве и по градом, и по селом; людие же неразумни суть, стонуще и изгибающе, и умирающе безвестно, а ереси от церкви изринути не восхотеша, яко же и доныне держится. О, увы и горе! Блюдемся другаго фиала, того страшнее. О сем до зде.

Егда же услышал Никон мое обличение о нем в Тобольске, что браню от писания и укоряю ересь ево, и посем пришел указ от Никона в Тобольск, велено меня вести на Лену. В Тобольске же многие беды были: в воду нощию посадить хотели и с палками караулили не по одну нощь,— убить до смерти хотели. И то премину говорить,— *много везде беды,* по Павлу апостолу *.

Таже сел паки на карабль свой, еже и показан мне, что выше рекох,— поехал на Лену. А как приехал в Енисейск, другой указ пришел: велено меня вести в Дауры — тысящ с полтретьятцать, чаю, будет от Москвы. И отдали меня Афонасью Пашкову в полк. Он послан воеводою в ту страну, и грех ради моих, суров и бесчеловечен человек:

беспрестанно воинских людей, кои с ним посланы, жжет, и мучит, и бьет. И я много уговаривал ево, да и сам попал в руки ево. А с Москвы от Никона приказано ему меня мучить. И егда поехали из Енисейска на другое лето, повез меня он, Афонасей Пашков. Ох, тот Афонасей! мню, яко в то время был сын дияволь.

Егда же приехали на Шамской порог *, на Тунгуске реке, навстречю нам туто же приплыли иные люди, а с ними две вдовы лет по штидесят и боле, пловут пострищися в монастырь. А он Пашков захотел их замуж отдать и я стал разговаривать: «по правилом таковых не подобает замуж давати». Чем боло ему, меня послушав, вдов отпустить, а он, осердясь, меня вздумал учить. На другом Долгом пороге стал меня из дощеника выбивать: «худо-де дощеник для тебя идет! еретик-де ты! поди-де ты по горам, а с казаками не ходи!» О, горе стало! Горы высокия, дебри непроходимые; утес каменной, яко стена стоит, и поглядеть — заломя голову! В горах тех обретаются змии великии; в них же витают гуси и утицы — перие красное,— вороны черныя, галки серые; в тех же горах орлы и соколы, и кречеты, и курята индейския, и бабы, и лебеди, и иные многие дикие, многое множество птицы разные. На тех же горах гуляют звери многие дикие: козы и елени, и зубри, и лоси, и кабаны, и волки, и бораны дикие,— во очию нашею, а взять нельзя! На те горы выбивал меня Пашков, со зверьми и со змиями, и со птицами витать. И аз ему малое писанийце написал, сице начало: «Человече! убойся бога, седящаго на херувимех и призирающаго в бездны, его же трепещут небесныя силы, и небо, и земля, со человеки, и вся тварь, токмо ты презираешь и неудобство к нему показуешь»,— и прочая; тамо писано многонько; и послал к нему. А се бегут человек с пятьдесят: взяли дощаник мой и помчали к нему,— версты с три от него стоял. Привели дощаник; взяли меня палачи, и поставили пред него. Он же стоит и дрожит; шпагою подпершися. Начал мне говорить: «поп ли ты, или роспоп?» И я отвещал: «аз есмь Аввакум протопоп; что мне и тебе?» Он же рыкнул, яко дикий зверь, и ударил меня по щоке, и паки по другой, и еще

в голову, и драл за власы на дощенике многое время; и сбил меня с ног, ухватя чекан и ударил лежачева трижды по спине, и разболокши по той же спине семьдесят два удара кнутом палач бил. А я говорю: «господи, Исусе Христе, сыне божии, помогай мне!» Да то же, да то же беспрестанно говорю. Так ему горько, что не говорю: «пощади!» Ко всякому удару молитву говорю, а о средине той вскричал я: «полно бить тово!» Так он велел перестать. И я промолвил: «за что ты меня бьешь, ведаешь ли?» И он паки велел бить по бокам: егда спустили, я задрожал, да и упал. Аз же в то время без памяти был, яко к смерти. И потом, сковав руки и ноги, велел кинуть в дощаник во льяло на нощь. А в ту пору осень была, дождю льющу на меня. А мои непокровенны язвы кровавыя,— токмо одно кафтанишко кровавое, смешено с кровию и с грязью, на мне лежало. И не вем, како душа от тела не отлучися. Как били, не больно было с молитвою тою, а лежа, на ум взбрело: «за что ты, сыне божий, попустил на меня таково больно убить? Я вить за вдовы твои стал! Кто даст судию между мною и тобою? Когда воровал, и ты меня так не оскорблял, а ныне не вем, что согрешил!» Бутто доброй человек, другой фарисей, стал со владыкою судиться! Иов во язве говорил так; да он праведен был, непорочен, незлобив. А я, гнусное житие живя, на такая же дерзнул. Увы мне! Как дощаник тот в воду ту не погряз со мною? Стало у меня в те поры кости щемить и жилы тянуть, и сердце зашлось, да и умирать стал. Воды мне в рот плеснули, так вздохнул да покаялся пред владыкою; так и опять ништо не стало болеть.

Во утрии же — день, еже есть по кнуте, бросили меня в лотку скована и повезли впредь к Братцкому острожку и на пути, на реке, прилучилися пороги великие; на порогах же мне нужды великие были; сверху дождь и снег, а снизу вода в лотку брыжжет, а меня скована, битова держат непокровенна. А инде выволокут на брег. По каменью острому скована волокли: грусно спине, да душе добро: не пеняю уж в другорядь на Христа. На ум пришли речи, пророческия и апостольския; идучи говорю: «сыне, не пре-

немогай наказанием господним, ниже ослабей от него, обличаем. Его же любит господь, того наказует; бьет же всякаго сына, его же приемлет. Аще наказание терпите, яко сыном обретается вам бог. Аще ли без наказания приобщаетеся, ему, то выблятки, а не сы[но]ве есте». И сими речьми тешил беспрестанно себя. А инде паки в лотку бросят. И так-то везли до острожку три дни. О, горе мне, егда помяну те дни!

Таже привезли в Братцкой острог, кинули больнова в студеную башню. И сидел до Рожества Христова *, мерзнул на морозе семь недель. Только и одежды кровавое кафтанишко, да бог грел: в соломке лежал; да после шубенко дали, утомя гораздо. Гной по всему и вши, и мыши, и стужа, и ясти хочется. В щелку гляжу, а у Пашкова таво прягут да жарят и носят на блюдах, и пиют, и веселятся. А ко мне никто не заглянет, ничево не дадут — дураки! Я бы хотя блюдо то полизал или помоев тех испил,— льют на землю, а мне не дадут. Всяко бродит на уме том. В то время у меня, якоже и у Лазаря при вратех богатаго *. А пища мне была через день и через два. Аногда хлеба дадут одново, иногда ветчины без хлеба и без воды, иногда масла коровья моего же припасу. А запас мой весь ростащить велел и рухлишко все. А жена моя и дети засланы были в лес в пустое место, верст с дватцать. И оне там, бедные, мало не померли от глада, зацынжав *, и от всякой нужды и от студени, а иное с кручины. А я после седмих тех недель, что сидел в студеной башне, дватцать недель сидел в теплой тюрьме скован. Потом на иное место поехали судами паки впредь. Заставил меня тянуть лямкою и день и нощь. Тут уже я правила своего келейнаго отбыл. Горе мне были те дни. Сказывать не знаю как: в удавке и кус нужной насилу проглотишь. А утомяся гораздо, повалился на грязи уснуть; а выбойщики, прибежав, бьючи палками, к воеводскому дощанику гонят. А он бьет иных батожьем, иных кнутьем, и в то время многих прибил до смерти. И тово нужново ходу было три лета. А иные от водянова наводнения роспухли и мерли, и у меня на ногах от нужды водяныя расседалася кожа, и кровь течаше бес-

престанно. Брели весну и осень, по два лета. И всех моих отсюду пять лет езды было. Егда же приехали на Игрень озеро, и тут с робятишки к зиме ставил себе избенко, волочил на плечах своих нартою, сиречь на саласках, из лесу бревенье. От немилосердия воеводскаго люди пособить не смели, а наняться не велит же; еще же и нанять стало нечим. До Рождества избу ставил, а жена и робята малые мерзли на стуже. И от Рожества пожили в ызбе до Масленицы, и покиня избу, переволоклися за волок и там до лета жили под сосною. Есть стало нечево, не стал давать моего же припасу, потому что роздал весь служивым в разорение. Весною на плотах поплыли по Ингоде на низ: лес гнали городовой и хоромной. Есть стало нечево: люди стали мереть с голоду и от работныя водяныя бродни. Река мелкая, плоты тяжолые, приставы немилостивыя, палки большия, батоги суковатыя, кнуты острыя, пытки жестокия,— огонь да встряска, люди голодныя: лише станут бить — ано и умрет! Ох, времени тому! Не знаю, как ум у него отступился. Жены моей московская однорятка не изгнила,— по рускому рублев в полтретьятцать, а тамо ценили в шездесят рублев: и за ту однорятку дал мне четыре мешка ржи. И мы во велик день разговелись,— наварили немолотой ржи котел и Христос воскресе проговоря, со слезами смешав, тое каши наелись, поминающе грехи своя, яко недостойни суть словеснаго брашна. Да и тому ради, что бог прилучил однорятку. Писано: «избавление мужу свое ему богатство»*. И мы тою рожью мешая с травою год другой питалися. И много тех бед мелких сказывать; везде беды были. В ыном месте слепота на нас была целое лето,— такое место наехали. Егда же с волоку Иргеньскова поплыли, тамо обретохом вся красная и веселая: в дому плач, на пути плач, почали люди траву ясти и вербу, и с голоду начали мереть; а ино от воеводскаго озлобления. Приплыли Шилкою рекою на Нерчю реку и на той реке все люди померли с голоду,— осталось небольшое место. И ту реку не глаголю Нерчю, но юдоль плачевная. Умилен позор видети, стонание и рыдание людское и смерть от глада и нужды. Из куреня выду — мертвой, по

воду пойду — мертвой, по траву пойду — тамо и груда мертвых. И себе говорю: «Аввакум, приспе конец, приближися час». В то время сын у нас умер. И положа ево на песке говорим: «коли сами умрем?» И потом с песку унесло ево у нас водою, мы же за ним и руками махнули: не до нево было — и себя носить не сможем. И посем с достальными детьми, облекшесь наготою и умывшеся слезами, ходящи по холмам высоким и по острому камению боси, ищуще травы, потребны ко снедению. И корешки копающе ядохом, на борах же сосну скоблюще и кашю в том варили. И после волков съеденого зверя кто найдет кости в воде с травою варихом, чтобы прикуснее каша. Иные же по нужде ели и кобылятину и волков, и лисиц, и кал человечь из костей. Нас же от того бог избавил: помогали нашей нужде, жаловали воеводския жены втайне. И тем иное от смерти отбывали. Седмьдесят нас человек отъежжали вверх по реке кормиться, и там мало не все померли: осталось нас небольшое место. Назад я на плотине приплыл еле жив, не ядши ничево дней с пять. И приволокся ко своим, и жена моя бродила к воеводской жене; и она пожаловала, накормила меня, хотя от нас за себя к богу молитвы. Из коева дому злоба, из того и милость! О, великия жены те, Евдокия и Фекла, иже к нам милость неизочтенна, якоже ко Илии сарефтянынии или Елисею самантянынии * — обе добры. А сих же помышляю тех вышьши: Илия полчетверта лета, Елисей не в гладное время, а моей нужды седмь лет того гладу было. От них назидаем и от смерти избавляем. О сих до зде. Я же с детьми сам-третей отъехав промышлял траву и коренье и черемху. И жил на одном месте целое лето, и лишо к жене и к детем приехал, на мое место наши люди промышлять приехали. И на них нападоша варвары и всех иссекоша и побиша. Нас же бог от смерти избавил. Егда же по бору ходим тово, и смотрим, как застрелит иноземец. И со смертию борющеся на всяк день, в дом приидем,— воевода кнутьем бьет и огнем жжет и убивает до смерти. Меня всегда бранит и пытать хощет, не знаю чево для. В одну пору в струбе сжечь хотел и дрова припасли, и не вем, как бог избавил; велел

от себя оттащить палачам. Топтав и бьючи отволокли к жене и детям без скуфьи, волосы выдрав. Отовсюду нам было тесно, тово сказывать много: мучился, живучи с ним восимь лет. Пять недель мы с женою рекою брели по го[ло]му льду, убивающеся о лед, гладни и наги. Везли на нартах нужную пищу и робят малых. Я же с детьми зимами промышлял нужную рыбенко и на всяк день долбил пролубей по десятку. Лед же тамо толст намерзает, в человека вышиною. И от тое работы не могу раскорчитца и ныне, да уже так будет и до смерти. Егда же пришло время назад ехать, в ту весну воевода хотел меня пытать, паки кнутом бить и огнем жечь. Уразумел, что мне велено ехать к Москве, и он боло хотел меня сжечь до смерти. А другое ему досадно было сие дело: отпустил сына воевать Мунгальское царство и заставил волхвовать иноземца у моей избенки, борана давить и кричать. Он же иноземец волхвовал и сказал им: «удастся-де поход той». Мне же, окаянному, горько стало, что со дьяволом поежжают. Говорил им: «воистинну зло есть сие дело». Оставя бога и ко дияволу вопрошать идут. И молил с горя о том бога, еже бы на их не сбылось, и кричал с воплем ко господу: «послушай мене, боже! послушай мене, царю небесный, свет, послушай мене! да не возвратится вспять ни един от них, и гроб им там устроиши всем, приложи им зла, господи, приложи зла и погибель им наведи, да не сбудется пророчество диявольское». И воеводской сын Еремей прислал ко мне со слезами: «помолися-де, государь-батюшка, за меня грешнаго, в чем согрешил,— прости». И мне ево жаль стало сильно: друг мне тайной был и страдал за меня. И как меня отец ево бил кнутом, он стал отцу разговаривать, так за ним со шпагою погнался. А как на другом пороге на Падуне, тонул ево, Афонасьев, дощаник: сам на берегу, а бояроня в дощанике: бросило на камень; вода чрез ево льется, а в него нейдет. Чюдо, как то господь безумных тех учит! И Еремей стал ему говорить: «батюшко-государь, за грех бог наказует нас! напрасно протопопа тово кнутом тем избил, пора покаяться, государь!» Он же рыкнул на нево, что зверь, и Еремей отклонился к сосне и,

прижав руки, стал, а сам «господи помилуй» говорит. Пашков же, ухватя у малова колешчатую пищаль,— никогда не лжет,— возведчи курок, на сына спустил; осеклася пищаль; поправя порох, паки возвел, курок спустил; так же осеклась. Он же и в третий так же сотворил: она же и в третий осеклась. Он и бросил ея на землю. Малой, подняв, на сторону спустил: так и выстрелила! А дощаник единаче на камени лежит под водою. Потом сел Пашков на стул, шпагою подпершися, а сам задумался и плакать стал; плачючи говорит: «согрешил окаянной,— пролил кровь неповинную, напрасно бил протопопа; за то меня бог наказует!» Чюдно, чюдно! по писанному: яко косен бог во гнев, а скор во услышание покаяния ради; сам дощаник сплыл с камени, и стал против воды носом; потянули, и он избежал на тихое место. Тогда Пашков, призвав сына к себе, и промолвил ему: «прости, барте, Еремей,— правду ты говоришь!» Видишь-ли? не страдал ли Еремей меня ради, паче же бога ради.

Поехали на войну. Жаль мне стало Еремея: стал владыке докучать, чтобы ево пощадил. Ждали их с войны: не бывали на срок. А в те поры Пашков мёня и к себе не пускает. Во един же от дней учредил застенок и огонь росклал,— пытать хощет и палачей по меня начал посылать. А в то время сын ево из Мунгал приехал ранен, а прочих людей наших всех побили. Он же, Пашков, оставя застенок, к сыну своему пришел, яко пьяной с сердца. Еремей со отцем своим поклонясь, вся подробну росказал: как войско у него побили все без остатку, и как ево иноземец по пустым местам раненово от мунгальских людей увел, и как по каменным горам в лесу седмь недель блудил,— одну белку съел,— не ядши был, и как моим образом человек ему явился во сне и дорогу указал, в которую сторону итти, и выбрел на путь благословил ево, и он, вскоча, обрадовался и дорогу нашол. Он отцу росказывает, а я в то время пришел и поклонился им. Пашков, возвед очи свои на меня, воздохня говорит: «так то делаешь? людей тех столько погубил?» А Еремей мне говорит: «батюшко, пойди, государь, домой! молчи для Христа!» Я и пошел, ничево

не говоря,— Христом запечатлел уста моя Еремей. Увы, горе мне! Я им убийца, молил о том бога. Помолитеся, вернии, да отпустит ми ся в день судный. Он же, воевода, устыдеся и не жег меня, но токмо укорами облагал: «какой нам доброхот: намолил на нас беду!»

Десять лет он меня мучил, или я ево,— не знаю: бог разберет. Перемена ему пришла, и мне грамота пришла, а преже тово грамота пришла. И он от меня утаил, на Русь меня не отпустил, чаял меня прикончать. И злобящеся на меня, оставил в Даурской земли, а сам поехал в Рускую землю, умышлял во уме: «хотя-де он после меня и поедет, инь-де ево иноземцы убьют». Но божиим промыслом, на поезде с сердца дал мне с молоком корову, да овец, да коз стадо оставил. И жена моя корову доила с дочерью, а я с меньшим сыном, что мученик Мамант, козы доящe *, и накопили на дорогу сыров и насушили мяса коровья, и овечья, и козья. Он, Пашков, в дощаниках плыл с людьми и с ружьем. А я, спустя недель с десяток, тоею же рекою поплыли после ево *, набрав больных и старых и раненых, кои там негодны, человек с десяток, да я с женою и с детьми,— 17 нас человек, в лотку седше, уповая на Христа, и крест поставя на носу, поехал не бояся ничево. И осталися годом до Москвы. Нужен той поплав путь мне был: семнатцать человек у меня, нужные и хворые, бабы и робята. А плыл два лета посреде царств иноземцов * неверных, поминая писанное: «уповающаго же на господа милость обыдет» *. На иной реке, иноземцы судно наше с нами и к берегу притащили, мы чаяли нас истребят, а они нас и отпустили: богу так изволившу,— востенали есмы в то время к нему, свету. Еще же к тому, чрез море великие беды едучи видели. Полно тово говорить,— *недостанет ми повествовати лето.*

А как до того, до Байкалова моря доплыли, у моря руских людей наехали, рыбу промышляют, и надавали пищи, сколько мне надобно: плачют, на нас, миленькия, глядя. Смотря на нас, ухватя и с судном совсем далече на сухой берег несли. Помилуй их светов Христос! Промышляют соболей, живучи. Побыв у них, потащилися за море. Лотку

починя и парус скропав,— бабье сарафанишка и кое-что — пошли на море. Ано погода и окинула на море, и мы гребми перегреблись: не больно о том месте широко,— или со сто, или с восемьдесят верст. Чем к берегу пристали, востала буря ветренная, насилу и на берегу место обрели от волн. Около ево горы высокия, утесы каменныя и зело высоки,— дватцать тысящ верст и больши волочился, а не видел таких нигде. Наверху их полатки и повалыши, врата и столпы, ограда каменная и дворы,— все богоделанное без рук человеческих. Лук на них ростет и чеснок, и луковицы больши романовскова, и сладок добре. Там же растут и конопли богорасленныя, а во дворах — травы красны, и цветны и благовонны зело. Птиц много, гусей и лебедей,— по морю, яко снег, плавают. Рыбы в нем — осетры и таймени, стерледи и омули, и сиги, и прочих родов много. Вода пресная, а нерпы великия в нем и зайцы: во окияне море большом, живучи на Мезени, таких не видал. А рыбы зело в нем густо; осетры великия и таймени и жырны гораздо,— нельзя на сковороде жарить: жир все будет. А все то у Христа-то света наделано для человека, чтобы, упокояся, хвалу богу воздавал.

Таже в руские приплыли грады. В Енисейском зимовал, и потом к Москве приехал, зимовал в Тобольске. Едучи, по градом слово божие проповедал, обличая никонианство, римскую блядь, пестрообразную прелесть. Три годы из Даур ехал, а туды против воды пять лет волокся: на восток все ехал, промеж орд и жилищ иноземских.

И егда к Москве приехал, государь к руке поставил и слова милостивыя были: «здорово ли-де, протопоп, живешь? еще-де велел бог видаться!» И много кое-чево было. Велел поставить в Кремли на Новодевичье подворье, и в походы мимо двора моего ходя, кланяючися со мною, сам о здоровье спрашивал, благословляючись часто. И давали мне место, где бы я захотел, и в духовники звали, чтобы я с ними в прелестней вере соединился; аз же вся сия, Христа ради, *вменил, яко уметы*, смерть поминая, яко вся мимо идет. И мне, окаянному, много столько забыть благодеяния божия к себе.

Егда еще в Даурах я был, на рыбной промысл к детям по льду зимою по озеру бегу на базлуках: там снегу не живет, только морозы велики бывают, и льды толсты намерзают, — блиско человека толщины; а мне пить зело захотелося, итти не могу от жажды; среди озера стал; озеро верст с восмь, а воды добыть нельзя; взирая на небо, стал говорить: «господи, источивый воду из камени в пустыни жаждущим людем воду, тогда и днесь ты еси! напой меня, ими же веси судьбами!» О, горе мне! простите, господа ради! Не знаю, как молвить. Кто есмь аз? умерый пес! — Затрещал лед предо мною. И расступился чрез все озеро сюду и сюду, и паки снидеся: гора велика льду стала, а мне оставил бог пролубку маленьку, и я лег у нея и насытился. Радуюся и плачю, благодаря бога. Потом и пролубка содвинулась, и я, востав, поклонился господеви, паки побежал по льду, куды мне надобе, к детям.

На первое возвратимся. Видят оне, что я не соединяюся с ними: приказал государь уговаривать меня Родиону Стрешневу, чтобы я молчал. И я потешил ево: царь-то есть от бога учинен; маленько помолчал и паки заворчал; написав, ему подал, чтобы он старое благочестие взыскал и мать нашу, святую церковь, от ересей оборонил и на престол бы патриаршеский пастыря православнаго учинил вместо волка и отступника Никона, злодея. Царь же с того времени кручиноват стал, а власти, яко пестрыя козлы, расширяя хвосты, прыскать на меня стали. Хотел боло меня посадить у справы на печатной двор, и скаска была, и еретики навадили на меня паки царю, а то ево милость ко мне была велика; а се и в сылку захотели паки послать, понеже рабы Христовы многие приходили ко мне и уразумели истинну, не стали к прелестной их службе ходить. И мне от царя выговор был: «власти-де на тебя жалуются; церкви-де ты запустошил, поедь-де в сылку опять». Петр Михайлович Салтыков, с верху приходил и говорил боярин. Да и повезли паки с Москвы в Пустозерской острожек с женою и с детьми и с домочадцы. А я по городам людей божиих учил, а их обличал пестрообразных зверей. И бог остановил нас своим промыслом у окияна моря, на

Мезени; от Москвы 1700-сот верст будет. И жил тут полтора года, на море с детьми, промышлял рыбу, и кормился, благодаря бога; а иное добрые люди, светы, с голоду не уморили, божиим мановением.

И нынешняго, 174-го, году, в великой мясоед, взял меня пристав с Мезени к Москве* одново, и привезши отдал Павлу, Крутицкому митрополиту. Он же меня у себя на дворе, привлачая к своей прелестной вере, томил всяко пять дней; и козновав и стязався со мною, отвезли в Пафнутьев монастырь под начал и велел игумну на чепи мучить. Игумен же зело гораздо, переменяя чепи, 9 недель меня мучил, волоча в церковь на всяк день, говоря: «приобщися нам!» Аз же смеюся их безумию: оставили бога и возлюбили диявола, поют в церквах бесовския песни, не стало у них что у римлян ни поста, ни поклонов, ни крестнаго знамения, и правую веру нашу християнскую изгубя, возлюбили латынскую веру. И туды присылка была,— то же да то же говорят; «долго ли тебе нас мучить? соединись с нами!» Я отрицаюся, что от бесов, а они в глаза пущи лезут! Скаску им тут написал с большою укоризною и бранью и послал с Козьмою, дияконом ярославским, и с подьячим двора патриарша. Козьма тот,— не знаю коева духа, человек: въяве меня уговаривает, а втай подкрепляет, сице говоря: «протопоп! не отступай ты стараго благочестия; велик ты у Христа будешь человек, как до конца претерпишь: не гляди ты на нас, что погибаем!»

Таже, держав в Пафнутьеве десять недель, митрополит же меня из Пафнутьева монастыря, девяносто верст, одным днем велел примчать к Москве. И мало скачючи души не вытрясли; примчали еле жива. На утрии же в патриархии стязавшеся власти много со мною от писания: Иларион Рязанской и Павел Крутицкой, Питирим же, яко красная девка, нишкнет,— только вздыхает. Оне же не возмогоша стати противо премудрости и силы Христовы, но токмо укоряху. И лаяше меня Павел, и посылаше к чорту. И потом ввели меня в соборную церковь; на обедне по переносе остригли пред народом и прокляли; а я их проклинал. Волосы и бороду отрезали — вражьи

дети. Чему быть? волки то есть. Коли волк овцы жалеет? Оне бы и мясо-то мое съели. Да еще то, кажетца, царь ет вдруг не выдаст. А какое царь? Бог до времени снабдевает! Как будет время, так вдруг проглотят. Да буди же воля господня. Отслали на патриархов двор, посадили за решетку и тут держали два дни. И в полночь обвели в Тайнишные ворота Житным двором на Тресвяцкой мост. И тут от тайных дел Дементей Башмаков сказал мне: «молися-де богу и на государя надейся». И отдал меня полуголове со стрельцами. И повезли из Москвы к Николе, на Угрешу, в монастырь. Везли не дорогою, но болотами и грязью, чтобы люди не видали. Сами видят, что не добро делают, а отстать от дурна не хотят; да что на них и дивить! Писанное время пришло. Спаси их, господи. Не им было, а иным быть же́. По Евангелию: «нужда приити соблазном» *. А в другом евангелисте: «невозможно не приити соблазном» *. Видишь ли? Не мимошедшее дело, но нужно, богу сие надобно; токмо «горе тому, им же соблазн приходит» *. Того ради бог попущает соблазны, даже избрани будут, даже разжегутся, даже убелятся, даже искуснии явлени будут в вас по писанию. Выпросил у бога светлую Россию сатана, да же очервленит ю кровию мученическою. Добро ты, диявол, вздумал, и нам то любо — Христа ради пострадать, света нашего! Умрем же всяко.

И привезши на Угрешу, посадили в темную полатку; и голова со стрельцами стоит день и нощь пред дверьми. Аз же *пою богу моему, дондеже есмь* *. А впредь не вем, что бог изволит и им попустит. Пускай мою плоть истребят на уды и разбросают по холмам польским на потребление зверем земным и птицам небесным, да расклюют мя *. Еще же и пси да сокрушат мои кости и истребят мое сердце. Аще бог изволит, должен умереть за него, света, а не предадим благоверия. *Известих бо ся, яко ни смерть, ни живот, ни анггели, ни начала, ниже силы ни настоящая, ни грядущая, ни высота, ни глубина, ни ина тварь, кая возможе нас разлучити от любве божия* *. *Скорбь ли или теснота, или гонение, или глад, или беда, или меч разлучи[т] нас от любве Христовы?* * Еще на небо и ко Христу пошлет.

Держали меня у Николы, в монастыре, семнатцать недель. Тут мне божие присещение было. О, горе мне, не хощется говорити, но нужда влечет,— тогда нападе на мя печаль и зело отяготихся от кручины и размышлях в себе, что се бысть, яко древле и еретиков так не ругали, яко же меня ныне: волосы и бороду остригли, и прокляли, и в темнице затворили никонияне, пуще отца своего Никона надо мною бедным сотворили. И о том стужах божеству, да явит ми, не туне ли мое бедное страдание. И в полунощи, во всенощное, чтущу ми наизусть святое Евангелие утрешнее, над ледником на соломке стоя, в одной рубашке и без пояса, в день вознесения господня, и бысть в дусе весь, и ста близ мене по правую руку, анггел мой хранитель, улыскаяся ко мне, мил ми ся дея; мне же чтущу святое Евангелие не скоро, ко анггелу радость имущу, а се потом из облака госпожа богородица яви ми ся, потом и Христос с силами многими, и рече ми: «не бойся, аз есмь с тобою». Мне же к тому прочетшу к концу святое Евангелие и рекшу: «слава тебе, господи», и падшу на землю, и лежащу на мног час, и егда отъиде слава господня, востах и начах утреннюю кончати. Бысть же ми тогда радость неизреченная, ея же ныне не возможно исповедати *. И паки на первое возвратимся [1]. И царь приходил в монастырь: около темницы моея походил и, постонав, опять пошел из монастыря. Кажется, потому и жаль ему меня, да уш то воля божия так лежит. Как стригли, в то время велико нестроение вверху у них бысть с царицею, с покойницею: она за нас стояла в то время, миленькая; напоследок и от казни отговорила меня. Много о том говорить. Бог их простит. Я своего мучения на них не спрашиваю. Молитися мне о них, о живых и о мертвых надобно. Дьявол между нами рассечение положил; а они всегда добры до меня.

И паки привезли меня к Москве от Николы со Угреши, в нощи июля в 5 день, и приежжали три архимандрита

---

[1] В рукописи над словом «возвратимся» поставлены две кавычки и с двумя такими же значками на левом поле листа стоит слово «взыдем».

дважды уговаривати. И во 8 день приежжал в ночи Дементей Башмаков уговаривати же. И в 10 день, в ночи, приежжали Артемон * да архимандрит уговаривати же. Того же дни имали в Чюдов монастырь прельщати и уговаривать митрополит Крутицкой Павел, да архиепископ Рязанской Иларион. И в 11 день приежжал архимандрит Чюдовской Иоаким *. И августа в 22 и в 24 день Артемон был от царя с философом с Симеоном * чернцом, и зело было стязание много: разошлись, яко пьяни, не могли и поесть после крику. Старец мне говорил: «острота, острота телеснаго ума! да лихо упрямство; а се не умеет науки!» И я в то время плюнул, глаголя: «сердит я есмь на диявола, воюющаго в вас, понеже со дияволом исповедуеши едину веру и глаголеши, яко Христос царствует несовершенно, равно со дияволом и со еллины исповедуеши во своей вере». И говорил я ему: «ты ищешь в словопрении высокия науки, а я прошу у Христа моего поклонами и слезами: и мне *кое общение, яко свету со тьмою, или яко Христу с Велиаром?* * И ему стыдно стало, и против тово сквозь зубов молвил: «нам-де с тобою не сообщно». И Артемон, говоря много, учнет грозить смертью. И я говорил: *смерть мужю покой есть* *, и смерть грехом опона, не грози мне смертию; не боюсь телесныя смерти, но разве греховныя. И паки подпадет лестию. И пошед спросил: «что, стар, сказать государю?» И я ему: «скажи ему мир и спасение, и телесное здравие». А в 22 день один был, так говорил мягче, от царя со слезами, а иное приграживал. И я в те поры смеюся. И много тех было присылок *.

Блюдитеся, правовернии, злых делателей: * овчеобразные волки Симеон * и Епифаний *. Знаю я Епифана римлянина до мору, егда он приехал из Рима. Тогда же учению его приложишася руководством Федора Ртищева, и сестры ево Аннушки *. А Семенка чернец оттоле же выехал, от римского папежа, в одну весну со мною как я из Сибири выехал. И вместе я и он были у царевы руки, и видев он ко мне царевы приятные слова, прискочил ко мне и лизал меня. И я ему рек: «откуду ты, батюшка?» он же отвеща: «я, отеченька, из Киева». А я вижю, яко рим-

лянин. У Феодора Ртищева с ним от писания в полатке до тово щиталися,— вся блядет по уставу римскому. И года с полтретья минув после тово, приходил со Артемоном от царя во юзилище ко мне, на Никольской двор. Не мог со мною говорить: бог мне помогал ево посрамлять. И в беседах тех я ему говорил: «вижу, яко римлянин ты, и беседа твоя яве тя творит». Отвеща и рече: «вся земля божия и концы ея». Да и россмеялся. Я Артемону подъявил: «внимай, посланник, и зри,— враг бо есть святыя троицы». А им такия и надобе; заодно с Римом Москва захотела вражить на бога, таковых себе и накликала. Да я не лгу: новых жидов в Москве умножилося, научили своему рукоделию камедиею играть. А нас бог избавил от них и посрамил их от нашей худости. Да что с ним сделаешь. А пошед Артемон кланяется низенько и прощается умильно вправду.

А егда же мя на судище привлекут, вси судии трепещут и ужасаются, яко от мудрова человека. А я и аза не умею протолковать и свое имя забыл, токмо надеюсь лише крепко на света Христа. Да егда мя волокут, так в то время докучаю ему, богу моему: «надежда, не покинь! упование, не оставь!» А сам-таки молитву говорю. Как приведут пред них, так у меня загорится сердце-то,— не разбираю, патреарх ли или ин, понесу косить несеяный плевел посреде пшеницы растущ. Да и то в то время вспомню, что от юности в книгах читал. А с судища сошед и, забуду, что говорил. Опосле сказывают мне, и я лише смеюся пред ними и браню их от писания. И рек: «не боюся я дьявола и вас, боюся света Христа, он мне помощник на вас». Да уже мне иное вам и сказывать тово, кажитца, не хорошо, да нужа влечет. В крестовой Никон да я да Кокошилов дьяк, много говоря, и льстя ко мне. А у меня горит сердце-то на него, сердито крошу. И он Кокошилову говорит: «Иван, а Иван, худа гадина протопоп сей, а пострадать мне от него». И он ему супротив рек: «да и ты-де, государь, учини ему конец». И он паки: «нельзя, барте,— загорожено, бойся». Да и отпустил меня. В те поры я шапкою тряхнул: отрясаю, реку, прах, прилепший от ног моих. Да и пошел. Примись, реку, за меня, такой-сякой, идучи говорю. А что сделаешь,

нашу же братию многих погубил. Ну, простите мя, господа ради, и помолитеся о мне грешнем: вас теша, да себе скудость творю. Молитеся о недостатках моих. Жаль мне вас сильно! Стадо Христово — еретики умыслили погубить. Да помолимся токо миром богородице. Тот погибнет, которой тово хочет. Она, надежда наша, стадо свое избавит от волк, губящих е. На первое возвратимся.

Таже свезли меня паки в монастырь Пафнутьев и там, заперши в темную полатку, скована держали год без мала. И у келаря Никодима на велик день выпросился для праздника отдохнуть, чтобы велел, двери отворя, на пороге отдохнуть; и он, меня наругав, отказал жестоко как ему захотелося; и потом, в келью пришед, разболелся: маслом соборовали и причащали, и тогда-сегда дохнет. То было в понедельник светлыя недели. И против вторника в нощи прииде к нему муж во образе моем с кадилом, в ризах светлых блещащихся, покадил ево и, за руку взяв, воздвигнул, и бысть здрав. И притече ко мне с келейником ночью в темницу,— идучи говорит: «блаженна обитель, блаженна обитель и темница,— таковых в себе имеет страдальцов! блаженны и юзы!» И пал предо мною, ухватился за чепь, говорит: «прости, господа ради! согреших пред богом и пред тобою; оскорбил тебя,— и за сие наказал меня бог». И я говорю: «как наказал? повеждь ми». И он паки: «а ты-де сам, приходя и покадя меня, пожаловал, поднял,— что-де запираесься!» А келейник, тут же стоя, говорит: «я-де, батюшко-государь, тебя под руку вел из кельи, проводя и поклонился тебе». И я, то дело узнав, не велел ему сказывать никому. А на утро за трапезою всей братье сказал. Людие же бесстрашно и дерзновенно ко мне побрели, просяще благословения и молитвы от меня; а я их учю от писания и пользую словом божиим. В те времена и врази кои были, и те примирилися тут. Увы, горе мне! коли оставлю суетный сей век? Писано: «горе, ему же рекут добре вси человецы». Воистинну не знаю, как до краю дожывать: добрых дел нет, а прославил бог. То ведает он,— воля его.

Посем паки привезли мя к Москве из Пафнутьева подворья; многажды в Чюдов волоча, поставили пред вселен-

ских патриархов,— и наши все тут же, что лисы, седят,— много от писания с патриархами говорил; бог отверз грешные мои уста, посрамил их Христос! И последнее слово рекли ко мне: «что-де ты упрям? вся-де наша Палестина,— и серби, и албанасы, и волохи, и римляне, ляхи,— все-де тремя персты крестятся, один-де ты стоишь во своем упорстве и крестисься пятию персты! так-де не подобает! И я им отвещал о Христе Исусе: «вселенстии учителие! Рим давно упал и лежит невсклонно, и ляхи с ними же погибли до конца, враги быша християном. А и у вас православие пестро стало от насилия турскаго Махмета,— да и дивить на вас нельзя: немощни есте стали. И в[ы] приежжайте к нам учитца: у нас, благодатию божиею, самодержство до Никона отступника, все у благочестивых князей и царей было: и все православие чисто и непорочно, и церковь немятежна. Никон-волк со дьяволом предали тремя персты креститися; а первые наши пастыри, яко же сами пятью [1] персты и благословляли по преданию святых отец наших: Мелетия антиохийскаго и Феодорита Блаженнаго, Петра Дамаскина и Максима Грека. Еще же и московский бывый поместный собор при царе Иване Васильевиче так же слагати персты и креститися и благословляти повелевает, яко же и прежнии святии отцы, Мелетий и прочии, научиша. Тогда при царе Иване Васильевиче на соборе быша знаменоносцы: Гурий казанский и Варсонофий чюдотворцы, и Филипп соловецкий и инии от святых руских». И патриархи задумалися, а наши, что волчонки вскоча завыли и блевать на отцов своих стали: «глупы-де были и не смыслили наши святыя, неучоные люди были,— чему-де им верить? оне-де грамоте не умели». О, боже святый! како претерпе святых своих толикая досаждения? Мне, бедному, горько, а делать нечева стало. Побранил их, колько мог, и последнее слово рек: «чист есмь аз от крови вашея и прах прилепший от ног своих оттрясаю пред вами». По писанному: «лучше един творяй волю божию,

---

[1] В рукописи слово «двема» написано карандашом и новейшим почерком по выскобленному слову «пятью».

нежели тьмы беззаконных». Так на меня и пущи закрычали: «возьми, возьми, распни его,— всех нас обесчестил! Да толкать и бить меня стали; и патриархи сами на меня бросилися грудою, человек их с сорок, чаю, было! Ухватил дьяк Иван Уваров, да потащил. А я закричал: «постой,— не бейте». Так оне все отскочили. И я толмачю Денису архимандриту говорить стал: «говори патриархом: апостол Павел пишет: «таков нам подобаше архиерей, преподобен, незлобив» и прочая, а вы, убивше человека, как литоргисать станете?» Так оне сели. А я, отшед от них ко дверям, да на бок повалился, а сам говорю: «поседите вы, а я полежю». Так оне смеются: «дурак-де протопоп и патриархов не почитает». И я говорю: «мы уроди Христа ради! вы славни, мы же бесчестны! вы сильны! мы же немощни!» Потом паки ко мне пришли власти и про аллилуйя стали говорить со мною. И мне Христос подал: Дионисием Ареопагитом римскую ту блядь посрамил в них. И Евфимей, чюдовской келарь, молвил: «прав-де ты,— нечево-де нам больше тово говорить с тобою». И повели меня на чепь.

Потом полуголову царь прислал со стрельцами, и повезли меня на Воробьевы горы; тут же священника Лазаря романовскаго и старца Епифания, пустынника соловецкаго, остриженных и обруганных, Христа ради. И, держав нас на Воробьевых горах, перевели на Андроньевское подворье; таже в Савину слободку; потом к Николе паки на Угрешу: тут государь присылал ко мне голову Юрья Лутохина благословения ради, и кое о чем говорили.

Таже в Москву ввезли опять на Никольское подворье и взяли у нас о правоверии еще скаски. Потом ко мне комнатные люди, Артемон и Дементий, и говорили мне царевым глаголом: «протопоп, ведаю-де я твое чистое и непорочное житие и богоподражательное, прошу твоего благословения и с царицею и с чады,— помолися о нас!» Кланяючися, посланник говорит. И я по нем всегда плачю; жаль мне ево сильно и доныне. И паки он же: «пожалуй-де, послушай меня; соединись со вселенскими теми хотя не большим чем!» И я говорю: «аще и умрети ми, со отступниками не соединюся! Ты, реку, мой царь; а им какое

дело до тебя? Потеряли, реку, своего царя латыши, да сюды приехали и тебя проглотить!» И много тех присылок было. На страшном суде пред Христом тогда познано будет, потерпим до тех мест, хотя горько. Тайна царева добро есть таити, а дело божие проповедати преславно есть. Последнее слово рек: «где ты ни будешь, не забывай нас в молитвах своих!» Я ныне, грешной, елико могу, о нем молюся.

И паки, егда мы приведени быша пред владыки греческия и руские и сташа пред ними, темными властьми, противу сатанина полка, аз, протопоп Аввакум, и священник Лазарь и старец Епифаний, и вопрошени быша от их сонмища по единому: «отрицаете ли ся старых книг и прежняго своего благочестия и хощете ли служить по-новому и креститися тремя персты по новому исправлению?» Мы же пред ними по единому отвещаваху им единым гласом: «мы вашему отступлению, а не исправлению не покаряемся и прежняго благочестия отступити не хощем, и старых святых книг и догматов не оставляем, но за них и умрети хотим». И ина множайшая пред ними о вере глаголаша и коварную их лесть обличиша. И сего ради лишаеми бывают два: Лазарь — священнаго сана, Епифаний же — иноческаго образа; третий же — аз, Аввакум, прежде их за год ободран. Так же и отстризаются от них и царскому суду предани бывают *. А нас двоих: меня и Никифора, синбирскаго протопопа, ухватили скоро и помчали с Москвы в село Братовщино. И после нас скоро прискочил голова стрелецкой Василей Бухвастов со стрельцами, ухватили священника Лазаря и старца Епифания и помчали скоро-скоро и зело немилостивно и безбожно. И примчали на Болото и, посадя на плаху *, Лазарю и Епифанию повеле царь благословеныя их языки отрезати *, во 175-м году, августа в 27 день. Лазарю до вилок язык отрезаша и Епифанию такоже. И егда Лазарю язык вырезали, явися ему пророк божий Илия и повеле ему о истинне свидетельствовати, не бояся. Он же, выплюнув кровь изо рта, начат глаголати ясно и чисто и слово божие людем проповедати. Но прежде убо, егда провождаху их коегождо розными дорогами, у Лазаря, яко глаголют, рука десная вся от языка

обагрена кровию. Он же благословляше люди, егда ево везоша около Москвы в Калужские ворота, чрез реку, по Даниловскому мосту, по-за Симонову монастырю, и Спаса-Новаго монастыря и Андроникова по-за слободам, с дороги на дорогу перенимаяся, якоже кто есть не благо паче сотворит, укрываяся бегает. Доправився на Переславку, по Троицкой дороге в Братовщино всех направили, кроме Феодора, иже под церковию в Богоявленском вселен есть. Лазарь же, егда достиг меня, Аввакума, и братию, улыскаяся, сказывал нам свою победу и коварство их мучительское,— как их казнили и что им выговор был: были-де две плахи да два топора: и, посадя на скамьи, языки наши вырезали, но ничто же, рече, нас «отлучит от любве Христовы!» У Лазаря кровь единем временем вся и много истече; у Епифания же не по многу довольны дни капаше. Сего ради не ядше пребыша, молящеся, яко Епифаний не глаголет: плакахуся, богу тако изволышу. Аз же, грешный Аввакум, не сподобихся таковаго дара, но плакав над ними, перецеловал их кровавые уста, благодарив бога, яко сподобихся видети мученики в наша лета, и зело утешихся радостию велиею о неизглаголеннем даре, яко отцы и братия моя пострадали Христа ради и церкви ради. Хорошо так и добре запечатлели, со исповеданием кровию церковную истину! Благословен бог, изволивый тако! Ну, светы мои, молите о нас, а мы, елико можем, о вас. Посем от нас вам мир и благословение. И мученики вам, мир дав и благословение, челом бьют. Егда сию грамоту писал, в то время старец ко мне прислал, из ыныя избы, с радостию: «не кручинься-де и обо мне; и мне-де дала язык пресвятая богородица; говорю-де и аз благодатию божиею». И я, Аввакум, сбродил к нему, сам встащася. И егда в ызбу к нему иду, и он ясно возопил: «слава отцу и сыну и святому духу», и прочая,— тако ясно во услышание всем, якоже и прежде. Аз же возрадовахся, начен: «достойно» говорити; он же у меня перехватил со усердием великим, и тако кончали отпуст. И порадовахся. Поговоря кое-что, разыдохомся; сказывал мне, как проглаголах и как ево казнили. «Мыл-де я образ пречистыя богородицы и мыслию помыслил, чтобы

мне глаголати и дерзати о имени Исус Христове: она же мне отверзла уста и язык даде, и учал говорить ясно». А до того я у него был, он же мне ничто не мог промолвить: токмо запечатлел уста, сидел весь слезен. Кровию оба изошли, понеже и жилы вырезаны. О, великое божие милосердие! не вем, что рещи, но токмо: «господи помилуй!» и Дамаскину Иванну по трех днях рука приросла *, а новым мученикам Христовым — Лазарю в той же день язык бог даровал, а старцу во вторый день *. И от того времени добре паки начат глаголати Епифаний *.

Вы же, христолюбцы, судите, прошали мы суда праведнаго о церковных догматех, чтоб всем собраном быти расточенным со всех стран и судитися с еретиком Никоном. Или свитки написав или книгу старую и новую положив к которому святому в раку, пост людем заповедав, молити бога, да явит знамение и помилует люди и раздор утолит. Новолюбители новых книг сего не восхотеша сотворити, ослепи бо их злоба их. Или огнем искусити писание коихждо. Но ни сего помыслиша отнюдь суемудрении архиерее, боящеся своея их плотской мудрости нетвердой, паче же рещи бесовской. Но ругахуся окаяннии, глаголюще: «что род сей знамения просит, аще дастся ему знамение в последних летех сих». Се Христос дал есть знамение рабы своими, верным на подтвержение, неверным же вам на обличение. Не мало знамение,— до плоти языком вырезаном светло глаголати *. Слышите, возлюбленная чада церковная, преславное чюдо и восхвалите Христа бога, прославляющаго прославляющих его, нечестивых же отступников посрамляюща дерзость *.

И по трех днях повезоша нас в заточение в Пустоозерье и посадиша нас в темницах *. И я из Пустоозерья послал ко царю два послания: первое невелико, а другое больше. Говорил кое о чем ему многонько в послании. Сказал и богознамения некая, показанная мне в пустоозерской темнице. Во 177-м году, в великой пост, на первой недели, по обычаю моему, в понедельник хлеба не ядох, и во вторник, и в среду, и в четверток; в пяток же прежде часов начах келейное правило, псалмы Давыдовы пети, и прииде

на мя озноба зело люта, и на печи зубы мои розбило с дрожи. Мне же и лежа на печи, умом моим глаголющу псалмы, понеже от бога дана Псалтырь наизусть глаголати; и толико изнемог телом, яко отчаявшу ми ся живота моего, уже всех дней с десять не ядшу ми, и больши. И лежащу ми на одре моем и зазирающу себе, яко в таковыя великия дни правила не имею, но токмо по чоткам молитвы считаю, и божиим благоволением в ночи вторыя недели, против пятка, распространися язык мой и бысть велик зело, потом и зубы быша велики, а се и руки и ноги быша велики, посем весь широк стал и пространен, под небесем по всей земли распространился, а потом бог вместил в мя небо и землю и всю тварь. Мне же молитвы беспрестанно творящу и лествицу перебирающу в то время, и бысть того времени на полчаса и больши, и потом воставшу ми от одра моего легко и поклонившуся до земли господеви, и после посещения господня начах хлеб ясти в славу богу. Да не первому мне показано сице: чти книгу, аще хощеши, Палею: егда ангел великий Алтез древле восхитил Авраама выспрь, на высоту к небу, и показа ему от века сотворенная вся, богу тако извольшу *. И в книге Григория Беседовника * видение угодника божия Венедикта *, тако ему показано, яко под едину солнечную лучю всему миру собратися. Тако и он умныма очима виде, яко сошедшися весь мир пред очима его и превыше всего миру устройся: небо и земля предста вкупе. Но зрящаго душа расширися, свет внутрь души умных очесех бе, показася ему. Сие бывает в великих и совершенных по очищении душевнем, страстным же сия ум не может вместити. А и ныне, чаешь, изнемог бог? Несть, несть, той же бог тогда и ныне, и присно, и во веки веком *.

И по дву годех прислан к нам * в Пустоозерье полуголова Иван Елагин со стрельцами. И по три дни нудил нас всяко отрещися святыя веры Христовы старые и приступити к новой вере никониянской. И мы его не послушали *. И он взял у нас скаску; год и месяц, и паки: «мы святых отец предание держим неизменно, а Паисия патриарха с товарищи еретическое соборище проклинаем». И ино

говорено там многонько. Посем повели нас к плахе и посреде всего народа пустоозерскаго поставиша нас. И он повелел нам по наказу языки резати и руки сечь *. И прочет наказ, меня отвели, не казня, в темницу, а Лазарю священнику вырезали язык из горла; мало попошло крови, да и перестала. Он в то время паки и говорить стал без языка. Таже, положа правую руку на плаху, по запесье отсекли, и рука отсеченая, на земли лежа, сама сложила персты по преданию, и долго лежала так пред народы; исповедала, бедная, и по смерти знамение спасителево неизменно. Мне-су и самому сие чюдно: бездушная одушевленных обличает. Я на третий день во рте у Лазаря щупал рукою моею: гладко, а не болит. Дал бог,— языка нет, а говорит чисто. На Москве у него отрезали: и тогда осталось языка немного, а ныне вдругорядь резан весь без остатку, а говорил чисто два года, и по дву летех всемилостивый господь паки дал ему язык совершенной; вырос в три дни; третей уже от рода ево будет. Дивна дела господня и неизреченны судьбы владычни!

Потом взяли соловецкаго пустынника, старца Епифания, и язык вырезали весь же; у руки отсекли четыре перста. И сперва говорил гугниво. Посем молил пречистую богоматерь, и показаны ему оба языка, московской и здешней, на воздухе: он же, один взяв, положил в рот свой, и с тех мест стал говорить чисто и явно, а язык совершен обретеся во рте; третей уже от рода ево вырос. На Москве у него резали же с Лазарем священником вместе.

Посем взяли диякона Феодора: язык вырезали весь же, оставили кусочик небольшой в горле, накось резан; не милость показуя, но страх на них напал на бедных, руки задрожали; на той мере тогда и зажил; а после и опять со старой вырос, лише маленько тупенек, как и у прочии братии; а на Москве резан же у него язык был, яко же и у прочих; тогда говорил, и ныне говорит ясно и чисто по-прежнему, яко же и родился. У него же отсекли руку поперег ладони. И все, дал бог, здорово стало. Дивно дело божие:

мертвых живыми сделал. Нечево дивитца: бог — старой чюдотворец; иде же хощет, побеждается естества чин. Слава о всех ему, владыке.

Таже осыпали нас землею: струб в земле, и паки около земли другой струб, и паки около всех общая ограда за четырьми замками; стражие же стрежаху темницу. Да ладно, так хорошо! Я о том не тужу, запечатлен в живом аде плотно гораздо; ни очию возвести на небо возможно, едина скважня, сиречь окошко. В него пищу подают, что собаке; в него же и ветхая измещем; тут же и отдыхаем. Сперва зело тяжко от дыму было: иногда на земли валяяся удушиcься, насилу отдохнешь. А на полу том воды по колени,— все беда. От печали великия и туги неначаяхомся и живы быти, многажды и дух в телеси займется, яко мертв — насилу отдохнешь. А сежу наг, нет на мне ни рубашки, лише крест с гойтаном: * нельзя мне, в грязи той сидя, носить одежды. Пускай я наг о имени господни, яко Мелхиседек * древле в чащи леса или Иван Креститель в пещере, имея ризу от влас вельбуждь и пояс кожан о чреслех его, ядый траву с медом диким, донележе глаголу божий бысть ко Иванну, сыну Захариину, в пустыни. И проповедая в пустыни июдейстей, глаголя: «покайтеся и веруйте во Евангелие» *. И бысть страшен законопреступным, являяся, яко лев лисицам. Тако и здесь подобает быти в пещере сей ко отступникам о имени Исус Христове. Я уж не жалея, когда ел, когда не ел,— не спрашиваю и не тужу о том многажды. Иногда седмь дней, иногда десять, а иногда и сорок не ел, да бог помогает и молитвы святых отец и братии поспешествуют. От масленицы до Вербнаго воскресения не ел, да как стал хлеб-от есть, так меня мыть мучило недель с пять: умер было, да добро, нечево себя жалеть. Егда угодная богу не сотворя умру, так черви съедят же плоть мою грешную, а душа во ад пойдет. И будет в день судный во огни пламенне мучитися тело и душа по востании от гроба. Мертвии же живота не имут видети, еже есть грешницы. А аще сотворим богу угодная, пост, молитву, милостыню и любовь нелицемерную, слезы и покаяние с воздыханием, и иная сим подобная,— тогда

великая от бога получим о Христе Исусе. Яко наша тогда по восстании одушевленна плоть может ездити и по воздуху, яко воспренна, носитися во славе велицей и крепцей силе, паче солнца седмицею светлейши, и всегда со Христом лицем к лицу неразлучно. И мы обожение получивше сподобимся веселитися. Тогда бо изменит господь сие небо и землю, и будет небо ново и земля нова, и земленая вся обновятся. Еже есть рай,— будет вся земля та; инии праведницы в раю том учинит бог, а инии на небесех, а инии во свете неизреченне близ святыя троицы. А грешницы прогнани будут под землю во ад, а инии со дьяволом в тартар преглубокий, еже есть низу ада под твердию. Тамо зодии обходят, тамо планиты обтекают, и от того строится в тартаре лютая студень; тамо же и огнь негасимый будет, тамо еллинстии мучатся бози, тамо и беси и сам диявол осужден будет; тамо и наши отступники будут: Никон патриарх с товарищи *. А правоверный почивает неизменно на отеческих догматех, да с ними же и милость божию обрящет * в сем веце и в будущем.

Посем у всякаго правовернаго прощения прошу. Иное было, кажется, и не надобно говорить, да прочтох Деяния Апостольская и послания Павлова. Апостоли Павел и Варнава на соборе сказывали * же пред всеми, елико сотвори бог знамения и чюдеса во языцех с ними. Чти в Деяниих, зачало 36 и 42. И много там писано в Деяниих и в Послании их. Сами о себе сказывали, величая Христа и промысл его пречистый. Сказывай, не бойся, лише совесть крепко держи: не себе славу ища, говори, ко Христу и богородице. Простите же и молитеся о мне, а я о вас должен чтущих и послушающих сие. А мы того ради возвещаем о себе правоверным, за что нас отступники прокляли и осудили на смерть. Да ведомо будет всем верным человеком повсюду правда и неправда. Вы же, братия, назидающеся святою вашею верою, стойте крепко за святую церковь, и за отеческое предание умирайте, а благочестия не предавайте; в нем же родихомся духовным порождением *. Богу нашему слава ныне и присно, и во веки веком.

* * *

Егда же прииде время божиим изволением скончати им течение свое, во 189-м году послан бысть от царя Феодора посланник *. И повеле царь священномученика и многострадальнаго Аввакума протопопа и Лазаря священника, и соловецкаго инока Епифания, и Феодора диякона в срубе сжечь. Посланник же приехав в Пустоозерье по наказу всех четверых, посадя во един струб, сожег. И тако исповедницы Христовы скончаша течение свое страдальческое, добре совершиша: преидоша от земнаго времяннаго жития в небесная и некончаемая, месяца апреля в 1 день. А страдания было священномученика Аввакума протопопа лет тритцать и больши. Такоже и Лазаря священника и Епифания, инока соловецкаго, и Феодора диякона. Многия лета страдаша и кровию своею православную християнскую веру запечатлеша. И мнози от человек во уверение и в разум истинны приидоша и в вере православней утвердишася, а инии и за Христа пострадаша, на их взирающе.

Комментарии

Эта книга знакомит читателей с литературным наследием выдающегося русского писателя второй половины XVII в.— протопопа Аввакума. Кроме знаменитого автобиографического «Жития», в настоящем издании печатаются важнейшие сочинения различных жанров: челобитные, послания, письма, беседы, толкования. Впервые публикуются вновь найденные, до последнего времени неизвестные произведения Аввакума: «О трех исповедницах слово плачевное», Послание «чадом церковным» о дьяконе Федоре, «Совет святым отцем преподобным», Послание всем «ищущим живота вечнаго». Впервые полностью издается Прянишниковский список «Жития», содержащий много новых эпизодов по сравнению с известными ранее редакциями этого произведения, а также и Послание Симеону, Ксении Ивановне и Александре Григорьевне, упоминавшееся в научной литературе, но неизданное. В книгу включены письма Аввакума, обнаруженные в последние годы и опубликованные в мало доступных широким кругам читателей научных изданиях.

Сочинения Аввакума, сохранившиеся в автографах, заново выверены по оригиналам; дошедшие до нас только в копиях печатаются по наиболее авторитетным, в большинстве случаев вновь найденным спискам, еще не привлекавшимся для издания сочинений Аввакума. Этим определяется научная ценность настоящего издания сочинений протопопа Аввакума.

При подготовке текстов сочинений Аввакума к печати составители руководствовались принципами, выработанными советской текстологией для научно-популярных изданий памятников древней русской литературы.

При публикации текстов сохраняются особенности орфографии, характерные как для самого Аввакума, так и для орфографии XVII в. вообще, за следующими исключениями: знаки, вышедшие из употребления, не воспроизводятся (ѣ, Ѳ и др., а также титлы); Ъ и Ь употребляются в соответствии с правилами современной орфографии (вм. *болше — больше*, вм. *сьезд — съезд*, вм. *Петровичь — Петрович* и т. д.); фонетические написания не соблюдаются в предлогах и приставках (вм. *ис дома — из дома*, вм. *х Казанской — к Казанской*, вм. *з братом — с братом*, вм. *зделал — сделал*, вм. *безпрестанно — беспрестанно* и т. д.). Явные описки исправляются. Под строкой оговариваются все исправления, меняющие смысл того или иного слова. Все интерполяции издателей, предположительные чтения дефектных мест взяты в квадратные скобки, слова Епифания — в угловые. Цитаты, приводимые Аввакумом, печатаются в кавычках, скрытые цитаты — курсивом. В комментарии цитаты поясняются точными указаниями на их источники в целях учета материала чтений и изучений Аввакума. Названия сочинений, отдельных их частей или отрывков, заключенные в квадратные скобки, принадлежат составителям.

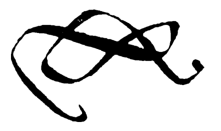
Принципы комментирования материала определяются необходимостью реального объяснения упоминаемых Аввакумом исторических фактов, событий, лиц, географических имен, а также обрядовых и догматических его высказываний, часто приобретших уже археологическую древность. Такие объяснения, как правило, даются лишь при первом упоминании того или иного факта или имени.

В конце книги помещены библиография и словарь трудных для понимания слов, куда включены отдельные непонятные современному

читателю древнерусские слова, слова, изменившие свое значение в современном русском языке, понятия и термины, вышедшие из употребления.

Текст «Жития» подготовлен к печати В. Е. Гусевым, комментарий к «Житию» составлен Н. К. Гудзием; статьи из «Книги бесед», «Книги толкований», «Книги обличений», а также статья «Списание и собрание о божестве и о твари и како созда бог человека» подготовлены к печати и прокомментированы А. С. Елеонской; тексты челобитных, посланий и писем подготовлены к печати и прокомментированы Н. С. Сарафановой. «Совет святым отцем преподобным», Послание «чадом церковным» о дьяконе Федоре, «О трех исповедницах слово плачевное» найдены и подготовлены к печати А. И. Мазуниным (последний памятник прокомментирован им же). Прянишниковский список «Жития» найден и публикуется В. И. Малышевым, комментарий написан Н. С. Сарафановой и В. И. Малышевым (источниковедческая часть). Словарь трудных для понимания слов составлен В. И. Кодуховым, библиография — Н. С. Сарафановой. Источники публикаций указываются в комментариях к отдельным сочинениям.

ЖИТИЕ ПРОТОПОПА АВВАКУМА



Текст «Жития» печатается по автографу (Собр. Дружинина, № 746 (бывш. № 790). Помимо основного текста (так называемой редакции А), в подстрочных сносках даются некоторые разночтения по двум другим редакциям «Жития», дошедшим до нас в позднейших списках — редакции Б (Собр. митр. Макария, № 56 (Аа 137) и редакции В (Собр. Дружинина, № 245 (бывш. № 291). Приводятся не все разночтения, а лишь такие, которые представляют литературный интерес. Исключаются как не принадлежащие Аввакуму находящиеся в автографе вступительные слова инока Епифания, написанные его рукой: «Аввакум протопоп понужен бысть житие свое написати иноком Епифанием,— понеж отец ему духовной инок,— да не забвению предано будет дело божие; и сего ради понужен бысть отцем духовным на славу Христу богу нашему. Аминь». Вместо них вводится краткое предисловие, принадлежащее самому Аввакуму и открывающее (по некоторым спискам — заключающее) третью редакцию (В) «Жития»: это предисловие, несомненно, мыслилось Аввакумом как

такое, которое приложимо в одинаковой степени ко всем его обработкам.

Тексты «Жития» и приводимых вариантов из других редакций заново сверены с соответствующими оригиналами. При сличении текстов «Жития», опубликованных в Памятниках, с рукописями выявилось, что это издание не дает точного воспроизведения подлинников. В публикации основного текста «Жития» обнаружено до двадцати пропусков отдельных слов и даже предложений, а также искажения, имеющие смысловое значение; кроме того, изданный текст содержит перестановки слов в предложениях, меняющие стиль писателя, неправильные написания имен (например, Феодор вместо Феодорит) и многочисленные неточности в воспроизведении характерных для Аввакума написаний: например, оттоле вместо «оттоля» (у Аввакума), граждане вместо «гражданя», хлеба вместо «хлепца» и т. д.

Значительно лучше в названном издании воспроизведен текст редакций Б и В, хотя и здесь встречаются отдельные пропуски и неточности, например: «бояры же» вместо «бояра те», «стал рыбу давать» вместо «стал рыбы давать», «со стыдом» вм. «со стыром» и т. п.

Поскольку текст «Жития», опубликованный в Памятниках, лег в основу последующих изданий «Жития», то, естественно, все эти пропуски, искажения и неточности оказались и в других изданиях.

Стр. 53. *...старца Епифания...* — Старец Епифаний был духовником Аввакума в пустозерской ссылке. Сосланный вместе с Аввакумом в 1667 г. в Пустозерск (ныне Ненецкий национальный округ, Архангельской области), он был сожжен там 14 апреля 1682 г., одновременно с Аввакумом и двумя другими основоположниками старообрядства — Лазарем и Федором.

«аще языки... ничто же есмь» — из 1-го Послания апостола Павла к коринфянам, XIII, 1.

Стр. 54. *Авва Дорофей* (ум. в 620 г.) — автор аскетических «Наставлений» своим ученикам, а также тридцати «Слов» о подвижничестве.

Стр. 55. *...возглаголю Дионисия Ареопагита... и еже не быти — несть.*— Именем Дионисия Ареопагита (по преданию — ученика апостола Павла и первого афинского епископа) обозначался автор четырех трактатов и десяти писем, пользовавшихся огромным авторитетом в богословской практике средневековой церкви, как западной, так и восточной. Лишь в новое время доказана мифичность личности Дионисия Ареопагита, и сочинения с его именем, носящие явные следы влияния неоплатонизма, с этих пор приписываются автору, жившему в конце V или в начале VI в. Они известны в нескольких старинных славянских и русских переводах с греческого. Здесь Аввакум имеет в виду трактат псевдо-Ареопагита «Об именах божиих», представляющий собой извлечение из сочинения неоплатоника V в. Прокла. Слово «виновные» в данном контексте означает «приличествующие», надлежащие. Слова: «еже не быти — несть» означают: «не существующее не существует».

Мы же... исповедаем... истиннаго и животворящаго...— Здесь Аввакум протестует против исключения в новоисправленных при Никоне книгах слова «истиннаго» в словах символа веры: «и в духа святаго, господа истиннаго, животворящаго».

...сей убо есть... суть свидетельствуемы.— Буквальный перевод этого места: «Такой человек есть действительно истинный христианин, так как, истиною уразумев Христа и тем достигнув богопознания, победив самого себя, он не причастен мирским соблазнам и сознает себя трезвым и свободным от всякого соблазнительного неверия, не только претерпевая лишения до самой смерти истины ради, но и умирая в неведении всего мирского, живя в разуме. И христиане об этом свидетельствуют».

...ищитати беги небесныя — то есть следить движение небесных светил.

К Тимофею пишет в книге своей...— Все сочинения, приписываемые Дионисию Ареопагиту, адресованы к Иоанну Богослову, а также к апостольским ученикам — Титу, Тимофею, Поликарпу и др.

Стр. 56. *(Чти Апостол, 275.)* — Аввакум здесь отсылает ко 2-му Посланию ап. Павла к фессалоникийцам, II, 10—12.

...в солнечном граде — в Иерусалиме.

...солнце затмилось в 162 году...— Речь идет о солнечном затмении 2 августа 1654 г. Цифра 162 сокращенно обозначает 7162 г. по

летосчислению от «сотворения мира». Для перевода старого летосчисления на современное нужно вычитать из даты от «сотворения мира» цифру 5508. Ниже Аввакум ошибочно приурочивает это затмение ко времени «недели за две до Петрова дня» (29 июня), то есть к середине июня.

...в то время Никон... зело мор велик был... — Начало реформаторской деятельности патриарха Никона (1605—1681), положившей основание расколу, относится к весне 1653 г. Опустошительная моровая язва (чума) свирепствовала в Москве и во многих других местах России во вторую половину 1654 г. 25 августа этого года, в связи с мором, произошло в Москве народное возмущение, направленное против Никона как реформатора.

Потом... тьма бысть... проклинав, бросили. — Второе солнечное затмение, упоминаемое Аввакумом, было не через четырнадцать, а через двенадцать лет, 22 июня 1666 г. За месяц с небольшим до этого Аввакум был расстрижен и вместе с попом Никитой и дьяконом Федором увезен в Никольский монастырь на Угрешу, близ Москвы.

Стр. 57. *Той же Дионисий пишет.. там пространно уразумеешь.* — О солнечном знамении у палестинского города Гаваона при Иисусе Навине, преемнике Моисея по управлению израильским народом, во время битвы его с пятью царями аморрейскими, рассказывается в Книге Иисуса Навина, X, 12—13. О знамении при царе иудейском Езекии говорится в Книге пророка Исаии, XXXVII, 7—8.

Он же Дионисий пишет о небесных силах... — в трактате «О небесной иерархии».

...сия троица... тричислено и сие воспевание. — Аввакум защищает дониконовскую формулу славословия: «аллилуйя, аллилуйя, слава тебе, боже!» — протестуя против нововведенного на соборе 1666—1667 гг.: «аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя, слава тебе, боже!» — на том основании, что «ангельская речь» «аллилуйя» на «человеческой речи» именно и значит «слава тебе, боже», и никоновское прибавление лишнего «аллилуйя» таким образом учетверяет славословие, долженствующее по традиции быть тройным.

Григорий Нисский (335—394) и его старший брат *Василий Великий* (329—378) — популярные в восточном христианстве «отцы» церкви.

Стр. 57—58. *Пространно пречистая богородица... в четверицу глаголют...*— Аввакум имеет здесь в виду житие Ефросина Псковского (ум. 1481), написанное в 1547 г. его учеником Василием, в иночестве Варлаамом. В споре о так называемой сугубой (двойной) и трегубой (тройной) «аллилуйя», возникшем среди псковского духовенства еще в начале XV в. и усилившемся к середине его, Ефросин энергично защищал устно и письменно «аллилуйя» сугубую, но и после его смерти спор не был решен окончательно. По словам Василия, тайна «аллилуйя» была ему открыта богородицей, явившейся к нему во сне и повелевшей «двоить» «аллилуйя». На основании этого сообщения Василия сугубая «аллилуйя» утверждена была Стоглавым собором 1551 г., который «трегубую» «аллилуйя» постановил считать «латынской ересью». На той же точке зрения стоял и известный писатель XVI в. Максим Грек.

Стр. 58. *...духу и от сына исхождение являют...*— указание на существенное отличие католического символа веры, утверждающего «исхождение» духа не только от отца, как утверждает православный символ веры, но и от сына («filioque»).

Афанасий Великий рече... божество и царство.— Изложение, с незначительными отступлениями, символа веры, ложно приписывавшегося Афанасию Великому (293—373), епископу Александрийскому, борцу с арианством.

...несть конца.— Формула, послужившая поводом к спору с никонианами, исправившими ее на основании греческих источников на «не будет конца».

Стр. 59. *«Маргарит» («Жемчужины»)* — собрание слов Иоанна Златоуста, число которых в различных рукописях неодинаково. На Руси в болгарском переводе «Маргарит» стал известен в XIV в. В 1595—1596 гг. он был напечатан в Остроге, а в 1641 г.— в Москве. Аввакум, лишь несколько перефразируя и сокращая, заимствует из входящего в «Маргарит» «Слова о вочеловечении».

Рождение же мое... Григорове.— Григорово — село ныне Больше-Мурашевского района, Горьковской области. Кудма — правый приток Волги.

Стр. 60. *Аз же от изгнания переселихся во ино место.*— Из Григорова, где Аввакум не поладил со своими односельчанами (причины неладов нам неизвестны), он переселился в село Лопатицы Нижегородского края, где и начал свое священнослужение.

Рукоположен во дьяконы... в протопопы православными епископы...— Следовательно, в дьяконы Аввакум рукоположен в 1642 г., в священники — в 1644 г., поставлен в протопопы — в 1652 г. С 1642 по 1652 г. Аввакум прожил в Лопатицах. Протопопом он был назначен в Юрьевец-Повольский, ныне город Ивановской области.

А егда в попах был... с полтретьяцеть.— Аввакум определяет количество лет своей проповеднической и учительной деятельности приблизительно цифрой двадцать пять («с полтретьяцеть»). Из тридцати лет своего священнослужения он выключает два года диаконства, когда он по самому своему положению и по молодости лет не мог еще иметь духовных детей, и, видимо, первые годы состояния в сане священника.

Стр. 61. *«объяша мя болезни... и болезнь обретох»* — из Псалтыри, CXIV, 3—4.

Сердитовал на меня... было досадно.— Обычный тогда протест против затягивания церковной службы, в результате перехода от привычного «многогласия» к «единогласию», вводившемуся по инициативе «ревнителей благочестия».

Стр. 62. *В то же время... в земле закопан.*— Речь идет о втором сыне Аввакума, которому в 1653 г. было пять лет (см. прим. к стр. 67-68). Следовательно, он родился в 1648 г. О том, что жена Аввакума и двое его сыновей, Иван и Прокопий, посажены в земляную тюрьму на Мезени, подробно речь идет в «Житии» ниже, на стр. 75.

...яко же Филипп каженика древле.— Аввакум имеет здесь в виду эпизод крещения в пути, у воды, апостолом Филиппом евнуха-эфиопа, рассказанный в Деяниях апостолов, VIII, 27—38.

...прибрел к Москве...— Аввакум в первый раз бежал из Лопатиц в Москву с только что родившимся сыном Прокопием, следовательно в 1648 г.

...к духовнику протопопу Стефану и к Неронову протопопу Иванну...— Стефан Вонифатьев (ум. 1656) — с 1645 или 1646 г. протопоп московского Благовещенского собора, царский духовник, глава кружка «ревнителей благочестия», влиятельнейшее лицо в церковных делах того времени; Иван Неронов (1591—1670) — с 1646 или 1647 г. протопоп московского Казанского собора, затем инок с именем Григория; в пору, о которой идет речь, после Вонифатьева — второй по степени влиятельности член кружка «ревнителей благочестия».

Прийдоша в село мое... отпустил в поле.— Борьба церкви и государства со скоморошьими потехами и «бесовскими игрищами», проходящая через всю историю старой Руси, особенно усилилась в середине XVII в. по почину кружка «ревнителей благочестия». В 1648 г. было издано специальное распоряжение царя, разосланное по городам воеводам и запрещавшее, под угрозой батогов и даже ссылки в окраинные города, всякие затеи скоморохов с домрами, гуслями, волынками, медвежьими плясками. К этому добавлялось: «а где объявятся домры, и сурны, и гудки, и гусли, и хари, и всякие чудесные бесовские сосуды, и те бы вынимать и, изломав, жечь».

...Василей Петрович Шереметев, пловучи Волгою в Казань...— Боярин В. П. Шереметев (ум. 1659) отправился из Москвы на воеводство в Казань в конце июля или в начале августа 1648 г. Таким образом, Аввакум, впервые бежавший в Москву в первой половине 1648 г., летом уже был снова в Лопатицах, где и произошла его встреча с Шереметевым.

...благословить сына... блудолюбный образ.— Мода брить бороду пришла на Русь с Запада в XVI в. Тогдашние церковные деятели, особенно митрополит Даниил, энергично боролись в своих проповедях с этим новшеством, по мотивам главным образом нравственного характера: бритье бороды тогда имело эротический привкус и стояло в связи с довольно распространенным пороком мужеложства. Ревнители старины, и в частности Аввакум, говоря о «блудолюбном образе» молодого Шереметева, исходил из тех же оснований, что и проповедники XVI в.

...у царя на сенях со мною прощались...— то есть просили прощения. В Московской Руси было в обычае приближенным царя собираться почти ежедневно в царских сенях.

...брату моему меньшому... дочь духовная была.— Речь идет о брате Аввакума, попе Евфимии Петрове.

Стр. 63. *Аще меня задушат... с Филиппом, митрополитом Московским...*— Филипп, митрополит Московский (1507—1560), по распоряжению Ивана Грозного был задушен Малютой Скуратовым.

...аще зарежут... с Захариею пророком...— Захария — один из двенадцати так называемых «малых» пророков, автор названной по его имени предпоследней пророческой книги Ветхого завета, по преданию убитый около 520 г. до н. э. за свою резкую обличительную проповедь.

...а буде в воду посадят... свободишь мя! — В житии Стефана Пермского (ум. 1396), написанном Епифанием Премудрым в начале XV в., в эпизоде прения Стефана с волхвом об истинной вере рассказывается о том, что для разрешения спора Стефан и волхв условились устроить испытание огнем и водой, но в последний момент волхв из страха отказался это сделать, и таким образом победа оказалась на стороне Стефана (ср. «Житие святого Стефана, епископа Пермского, написанное Епифанием Премудрым», изд. Археографической комиссии, СПб. 1897, стр. 50—55).

...господь... дает благодать — из Послания ап. Иакова, IV, 6.

Аз же сволокся к Москве... — Второе бегство Аввакума в Москву относится к 1652 г., не позднее начала мая, так как после этого он около двух месяцев прожил в Юрьевце-Повольском и вновь вернулся в Москву до перенесения Никоном мощей митрополита Филиппа (9 июля 1652 г.).

Стр. 63—64. *...к патриархову приказу... били батожьем и топтали...* — Дворцовый патриарший приказ ведал административными, финансовыми и судебными делами патриарших вотчин. Избиение толпой Аввакума, помимо желания расправиться с ним как со строгим блюстителем нравов, было вызвано, нужно думать, и тем, что Аввакум, видимо, строго взыскивал с населения налоги в патриаршую казну. Об этом избиении в Юрьевце, как и о некоторых дальнейших своих мытарствах, Аввакум говорит и в первой своей челобитной Алексею Михайловичу.

Стр. 64. *На Кострому прибежал... изгнали.* — В 1652 г. костромской протопоп Даниил вызвал против себя мятеж, очевидно за строгость, с которой он относился к своей пастве.

Посем Никон... Филиппа митрополита. — Перенесение Никоном из Соловков в столицу мощей митрополита Филиппа предпринято было с целью поднятия авторитета церковной власти, приниженной при Иване Грозном самым фактом расправы с Филиппом.

А прежде его приезду... чтоб ему быть в патриархах. — Челобитная эта, о которой Аввакум упоминает и в «Книге на крестоборную ересь», до нас не дошла. *За руками* — с собственноручной подписью.

...и пишет к нему послание навстречю... — Послание Алексея Михайловича с извещением о смерти патриарха Иосифа (15 апреля 1652 г.) было отправлено Никону, митрополиту Новгородскому, в мае 1652 г. Напечатано в «Актах Археографической экспедиции», т. IV, СПб. 1836, № 57, 11, стр. 76—77.

Царь его на патриаршество зовет, а он бытто не хочет... — Желая склонить Никона, занявшего позицию упорного отказа от патриаршества, царь упрашивал его на коленях о согласии, после чего Никон уступил, выговорив, однако, себе беспрекословное послушание со стороны царя и бояр.

...а со Анною по ночам укладывают... — Речь идет об Анне Михайловне Ртищевой, по мужу Вельяминовой, сестре Федора Большого Михайловича Ртищева, «второй верховой боярыне», горячей стороннице реформы Никона. О последнем в толковании 44 псалма Аввакум говорит: «Ум отнял у милова (то есть царя), у нунешнева, как близ ево был. Я веть тогда тут был, все ведаю. Всему тому сваха Анна Ртищева со дьяволом».

Стр. 65. *Егда поставили патриархом...* — Никон поставлен в патриархи 25 июля 1652 г.

...не стал и в крестовую пускать. — Крестовая — зала для приемов и заседаний в патриаршем дворе.

...в пост великой прислал... «трема персты бы есте крестились». — В «памяти», посланной Никоном накануне великого поста в 1653 г. сначала протопопу Казанского собора Неронову, а затем и в другие места, речь шла об уменьшении числа земных поклонов (с семнадцати до четырех) во время покаянной молитвы Ефрема Сирина и о замене двуперстия троеперстием. В этих же строках Аввакум указывает на то, что его прочили протопопом в собор Спаса-на-Бору в Кремле, на место, освободившееся после смерти протопопа Силы.

...в Чюдов... — в Чудов монастырь в Кремле.

...от образа глас бысть... — Об этом «гласе» от образа Спаса Неронов говорит в письме к Стефану Вонифатьеву из Вологды от 13 июля 1654 г. (Материалы, I, стр. 99—100).

...коломенскому епископу Павлу... в новгороцких пределех... — Епископ Коломенский Павел (ум. 1656), друг Неронова, сразу же стал во враждебные отношения к реформам Никона. Это был единственный архиерей, до смерти остававшийся в лагере старообрядцев. После собора 1654 г. он был лишен епископской кафедры и отправлен в заточение. По одним сведениям, он после продолжительных мучений был убит по приказу Никона в Хутынском монастыре, в Новгородском уезде, по другим — сожжен в срубе в Новгороде.

Мы же с Данилом... Никону отдал. — Эти выписки до нас не дошли.

...в монастыре за Тверскими вороты... — то есть в Страстном монастыре, на б. Страстной (ныне Пушкинской) площади в Москве.

...темниковского Даниила... у Спаса на Новом. — Темников — ныне город в Мордовской АССР. Спас-на-Новом — б. Новоспасский монастырь в Москве.

Таже протопопа Неронова... в Кольской острог. — Первое столкновение Неронова с Никоном произошло, как об этом пишет сам Неронов, из-за заступничества Неронова за муромского протопопа Логгина. В июле 1553 г. Неронов был осужден в ссылку в Спасов Каменный монастырь на Кубенском озере (ныне в Вологодской обл.), а затем — в укрепленный город Колу на Кольском (или Лапландском) полуострове.

А напоследок... да так и умер. — Обессиленный в борьбе с противниками, Неронов в 1667 г. обратился к царю, патриархам и всему собору (1666—1667) с посланием, в котором он, «яко блудный сын», уподобившийся «скотам несмысленным», каялся в своем непокорстве, просил прощения и впредь обещал новопечатным исправленным книгам не прекословить ни словом, ни делом, ни помышлением (Материалы, I, стр. 240—243). Умер Неронов в сане архимандрита, с именем Григория, 2 января 1670 г. и похоронен в паперти соборной церкви московского Данилова монастыря. Сочувственное отношение Аввакума к Неронову, несмотря на отречение последнего от старой веры, объясняется, видимо, дружескими чувствами, которые всегда питал Неронов к Аввакуму.

...всяк мняйся... не падет — из 1-го Послания ап. Павла к коринфянам, X, 12.

Стр. 66. *...аще возможно... избранныя* — из Евангелия от Матфея, XXIV, 24.

Таже меня взяли... до Андроньева монастыря... — Краткое сообщение Аввакума об этом факте дополняется и проясняется из письма священника Казанского собора Ивана Данилова к Ивану Неронову от 29 сентября 1653 г. Как только состоялось постановление Никона о ссылке покровителя Аввакума, Неронова, с Аввакумом перестали церемониться. У него, замещавшего Неронова в Казанском соборе во время его отлучек, в тот же день, когда Неронов был приговорен к ссылке — 13 августа 1653 г., на всенощной было отнято «первенство». Аввакум не уступил, отказался служить и ушел из церкви. Проводив затем отправлявшегося в ссылку Неронова, Аввакум,

вернувшись в Москву, не стал служить в Казанском соборе, а служил полуночницу в церкви Аверкия в Замоскворечье. Но и там не поладив, он служит всенощную во дворе Неронова, на сеновале («в сушиле»), переманив туда и прихожан из Казанского собора, причем иные из приверженцев Аввакума прямо говорили: «В некоторое время и конюшня-де иные церкви лучше». Казанский причт, особенно Данилов, «не стерпев», донес об этом Никону. В результате — арест Аввакума и богомольцев, бывших в сушиле (Материалы, I, стр. 28—31). О том же сообщает и сам Аввакум в письме к Неронову от 14 сентября 1653 г. (см. там же, стр. 21—22). Очень показательно, что в своем «Житии» Аввакум о сушиле не упоминает, ограничиваясь лишь указанием, что он взят «от всенощного»: с точки зрения церковно-канонической, демонстративная служба на сеновале, сопровождавшаяся отвлечением молящихся от храмов, была своего рода знаком отделения от церкви. Суровая расправа с провинившимся протопопом и его единомышленниками объяснялась, помимо указанного поступка, еще и тем, что он вместе с костромским протопопом Даниилом был автором челобитной, которую подал от имени «братии» Алексею Михайловичу по поводу ареста и ссылки Неронова. В этой челобитной, до нас не дошедшей, были допущены по адресу Никона, судя по письму Аввакума к Неронову, резкие выражения (ср. Материалы, I, 23—24, 31).

Андроньев (Спасов) монастырь — в Москве.

...не знаю — на восток, не знаю — на запад.— По старорусскому обычаю молиться нужно было на восток.

...в соборной церкви... остриг в обедню — то есть в Успенском соборе расстриг в обедню, лишил сана.

Стр. 66—67. *Во время переноса... пущи жидовскаго действа!* — Возмущение Аввакума вызвано было, очевидно, тем, что ввиду возбуждения, царившего в храме, архимандрит с чашей у алтаря во время так называемого «великого входа» задержался дольше обычного. Называя находившиеся на дискосе части просфоры «телом Христовым», Аввакум утверждает тем самым факт «пресуществления даров» во время так называемой проскомидии, что ему и ставилось в вину как ересь.

Стр. 67. *Таже в Никитин день ход со кресты...*— Никитин день — 15 сентября. В этот день совершался крестный ход из Успенского собора в Никитский монастырь.

...отдали дьяку Третьяку Башмаку... мне делал добро.— Младший дьяк Сибирского приказа Третьяк Васильев Башмаков вскоре выступил

с челобитной против справщиков церковных книг и ушел в монахи, приняв имя Савватия.

Стр. 67—68. *....послали меня в Сибирь... до Тобольска...* — Дело Аввакума велось очень быстро, и он отправлен был из Москвы в Сибирь, видимо, числа 17 сентября 1653 г. или близко к этому. У Аввакума, как он показал на допросе в Сибирском приказе 15 сентября, было четверо детей: три сына — Иван (девяти лет), Прокопий (пяти лет) и Корнилий (восьми дней) и одна дочь — Агриппина (восьми лет). Младшего сына, Корнилия, протопопица Настасья родила, следовательно, в Москве около 7 сентября. В черновом отпуске указной грамоты Симеону, архиепископу Тобольскому, в числе отправляемых с Аввакумом указывалась и его племянница Марина. (Ср. Никольский, стр. 159—160.)

Стр. 68. *...три тысящи верст... половину пути.* — В то время существовали две дороги в Сибирь: одна — южная, через Казань, большей частью водой, пригодная в летнее время, и другая — северная, через Вологду, зимняя, преимущественно сухопутная. Аввакум с семьей шел второй дорогой. В черновом отпуске проезжей грамоты намечены следующие пункты, через которые должен был следовать Аввакум в Тобольск: Переяславль-Залесский, Ярославль, Вологда, Тотьма, Устюг Великий, Соль-Вычегодская, Кайгород, Соль-Камская, Верхотурье, Туринский острог, Тюмень (см. Никольский, стр. 143).

Архиепископ в Тобольске к месту устроил меня. — Речь идет об архиепископе Тобольском и Сибирском Симеоне, который принял Аввакума, определив его протопопом тобольской Вознесенской церкви. Прибыл Аввакум в Тобольск, если полагаться на его указание, что он был тринадцать недель в пути, в конце декабря 1653 г.

...пять слов государевых сказывали на меня... — «Слово и дело государево» — формула, сопровождавшая донос на кого-либо с обвинением в государственном преступлении, отмененная в 1762 г. Екатериною II при вступлении ее на престол.

...архиепископля двора дьяк Иван Струна... побегоша вспять. — Вскоре после 24 января 1654 г. архиепископ Симеон уехал почти на целый год в Москву, будучи вызван туда на собор, созванный Никоном против старообрядцев. На время своего отсутствия дела епархии он поручил приказному Григорию Черткову и дьяку Ивану Струне. Заместители архиепископа, особенно Струна, сильно злоупотребляли своим положением, и Симеон по своем возвращении в Тобольск в де-

кабре 1654 г. нашел, что в казенной, житейной и других службах епархиального Софийского дома «воровства и кражи объявилося много». В духовных судных делах Струна «правых винил, а виновных оправливал для своей бездельной корысти». За месяц до возвращения Симеона у Аввакума произошло столкновение со Струной, о котором он рассказывает здесь, из-за дьячка Антона, преследовавшегося Струной, видимо, по какому-либо судному церковному делу (ср. Никольский, стр. 144—145, 165—166).

...к воеводе...— «Большим» воеводой в Тобольске с 31 мая 1652 г. по 17 февраля 1656 г. был князь Василий Иванович Хилков (1614—1677).

...меня стриг...— Аввакум был расстрижен 13 мая 1666 г.

Стр. 68—69. *Потом приехал архиепископ... и мое дело тут же помянул.*— Во второй своей челобитной, поданной в Сибирский приказ в 1659 г., архиепископ Симеон сообщал, что Ивану Струне «подали челобитную жена на мужа, а дочь на отца, что тот мужик дочь свою насильствовал. И он, вор, сделал по неправде. Мужика оправдал, а жену ево и дочь велел бить без пощады и отдал ему, мужику, головою без всякия крепости». По приезде Симеона (14 декабря 1654 г.) дочь била ему челом на отца. Мужик с дочерью был на очной ставке и дал на себя повинную. За это «пребеззаконное» дело Струна посажен был архиепископом в хлебню и взят на цепь. В челобитной, поданной царю в 1656 г., Струна жаловался на то, что Симеон его «в чепи и железах мучил многое время» и притом «по челобитной ссыльного протопопа Аввакума» (Никольский, стр. 146, 162, 166). Упоминание Струной челобитья Аввакума объясняет слова последнего: «и мое дело тут же помянул».

Стр. 69. *Он же, Струна... «слово и дело государево» на меня.*— В своей челобитной царю Струна, со слов «памяти» из Патриарша приказа в Сибирский, «не претерпля ево, архиепископли муки, в чепи и в железах пришел в съезжую избу и бил челом государю, а стольнику и воеводам, князю Василию Ивановичу Хилкову с товарищи, про тово протопоповы Аввакумовы неистовы слова извещал» (Никольский, стр. 162). Эти «неистовы слова», о которых мы ближе ничего не знаем, видимо и послужили Струне материалом для того «слова и дела государева» на Аввакума, о которых упоминает последний. Но кроме того, судя по отписке тобольских воевод в Сибирский приказ, относящейся ко времени между 1 сентября и 31 декабря 1655 г.,

Струна «на того протопопа Аввакума извещал, что он, Аввакум, ходит с посохом, а посох-де с яблоки вызолочен, а на рогах оправлено серебром...», то есть завел посох не по сану.

Воеводы отдали ево... за пристав.— Иван Струна, как явствует из челобитных архиепископа Симеона, сказал «слово и дело государево и патриаршее» не только на Аввакума, но и на него, архиепископа. А так как политический доносчик в Московском государстве пользовался особым покровительством во время производства следствия по его доносу и отдавался под охрану властей, то и Струна отдан был под начало, «за пристав», Петру Бекетову, энергичному «землепроходцу», открывателю новых земель в Сибири, присоединявшихся к Московскому царству (ср. Никольский, стр. 148, 165—166).

Посем указ пришел... и укоряю ересь Никонову.— Как видно из отписки тобольских воевод в Сибирский приказ, ими получен был за подписью царя Алексея Михайловича указ о ссылке Аввакума на Лену, в Якутский острог. В Тобольске Аввакум, таким образом, пробыл с лишком полтора года.

Говорил тогда... меч, разделение...— Аввакум имеет в виду, очевидно, первое послание Неронова к царю Алексею Михайловичу из Спасо-Каменного монастыря от 6 ноября 1653 г., в котором, однако, Неронов, разумея предстоящую войну с Польшей, писал лишь следующее: «аще бо сия брань не уставлена будет и церквам мир не предан будет, крепости не будет имети быти хотящая брань, но за премногое прогневание владыки нашего бога велия погибель и тщета будет» (Материалы, I, стр. 38).

Таже сел... поехал на Лену.— Аввакум отправился из Тобольска по направлению на Лену в Петров день, 29 июня 1655 г., как об этом он сам говорит в «Житии».

...в Енисейской...— то есть в Енисейский острог.

...велено в Дауры вести — дватцеть тысящ и больши будет от Москвы.— Даурия — старинное название местности, находящейся на восток от озера Байкала и составлявшей часть Забайкальской области. Аввакум сильно преувеличил расстояние Даурии от Москвы; на самом деле оно не превышает пяти с половиной тысяч верст.

И отдали меня Афонасью Пашкову.. и мучит, и бьет.— Афанасий Филиппович Пашков (ум. 1664), во время прибытия в Енисейск Аввакума бывший енисейским воеводой, в августе 1655 г. получил приказание отправиться во главе отряда в несколько сот человек стрельцов

и казаков в Даурию. Задачей экспедиции Пашкова было покорение земель, лежащих на Амуре, и установление там правильной администрации. Человек предприимчивый, смелый и энергичный, опытный администратор, Пашков вместе с тем отличался жестокостью в обращении с подначальными людьми, довольно, впрочем, обычной у сибирских администраторов, особенно во время походов, когда приходилось усиленными карательными мерами удерживать в повиновении, в обстановке всяческих лишений, плохо дисциплинированное войско. О жестокостях Пашкова по отношению к духовенству доносил, между прочим, архиепископ Симеон, называвший его «великим озорником». (Подробнее об этом см. А. К. Бороздин, «Протопоп Аввакум», изд. 2-е, СПб. 1900, стр. 69—71, и приложение, стр. 117.)

Стр. 70. *Егда поехали из Енисейска...*— Пашков во главе своего отряда выступил из Енисейска весной 1656 г.

...в большой Тунгуске реке...— Большая, или Верхняя Тунгуска (или Нижняя Ангара) — приток реки Енисея, вытекающий из озера Байкала.

...простоволоса ходя.— По старорусским религиозным представлениям, считалось грехом появление женщины при посторонних с непокрытой головой.

Шаманский, Долгий — пороги на реке Ангаре.

И аз ему малое писанейце написал... и послал к нему.— Текст письма Аввакума к Пашкову до нас не дошел.

Стр. 71. *Аще Иев и говорил так...*— Аввакум имеет в виду ропот Иова на бога за обрушившиеся на него бедствия, о чем идет речь в библейской Книге Иова.

...яко многими скорбьми... царство небесное...— из Деяний апостолов, XIV, 22.

Стр. 71—72. *...Падуну... в щепы изломает...* — Ангара «шириною с версту» — несколько ниже Падунского порога, в районе которого ширина реки доходит до 2—3 верст.

Стр. 72. *«сыне, не пренемогай... а не сынове есте»* — из Послания ап. Павла к евреям, XII, 5—8.

...Брацкой острог...— Братский острог основан в 1631 г. на реке Ангаре у порога Падуна; в 1654 г. перенесен к месту впадения реки Оки в Ангару. От острога сохранились две башни; одна из них, в которой, по преданию, был заключен Аввакум, в настоящее время перевезена в с. Коломенское под Москвой.

...сидел до Филипова поста...— Так называемый Филиппов пост начинается за сорок дней до праздника рождества, то есть 14 ноября.

...яко Лазаря во гною у вратех богатаго...— Сравнение взято из евангельской притчи (Лука, XVI, 19—31) о богатом и Лазаре.

Стр. 73. *Хилок* — левый приток реки Селенги, впадающей в Байкал.

Иргень — озеро к востоку от Байкала.

Стр. 74. *...что Авраам у дуба мамврийска.*— В Книге Бытия, XIII, 18, говорится о том, что Авраам, расставшись с Лотом, поселился у дубравы Мамре.

Ингода — река в системе Амура, вместе с рекой Оноком составляющая Шилку.

У протопопицы моей однарятка... рублев в полтретьяцеть...— Упоминание об однорядке протопопицы, которая была приобретена в Москве за двадцать пять рублей, указывает на то, что, будучи в Москве, Аввакум жил в немалом достатке: двадцать пять рублей по тогдашнему времени представляли собой очень большую сумму (лошадь стоила полтора рубля); годовая плата — на хозяйском содержании — работника-мужчины была пять рублей, а женщины — два с полтиной. (См. Никольский, стр. 138.)

Нерча — приток реки Шилки.

И у меня два сына маленьких умерли в нуждах тех...— При отправке Аввакума в Сибирь у него было, как сказано выше, три сына — Иван, Прокопий и только что родившийся Корнилий. Иван и Прокопий далее упоминаются как живые,— следовательно, умер Корнилий и еще один, очевидно родившийся уже в Сибири.

Стр. 75. *Кто даст... источник слез* — из Книги пророка Иеремии, IX, 1.

...бедная моя, на Мезени... закопаны сидят.— О ссылке Аввакума с семьей в Мезень см. в «Докладах и сообщениях филологического института ЛГУ», Л. 1951, № 3. О рождении следующих за Аграфеной дочерей Аввакум в «Житии» ничего не говорит.

«не начный блажен, но скончавай» — перефразировка слов Евангелия от Матфея, XXIV, 13.

...яко ничто же успевает, но паче молва бывает...— из Евангелия от Матфея, XXVII, 24.

Стр. 76. *Древле благодать действоваше... Валааме... человеческим гласом.*— В Книге Чисел (XXII) говорится о том, что прорицатель Ва-

лаам, будучи приглашен царем моавитским Валаком проклясть израильтян, угрожавших его владениям, отправился на ослице к моавитянам. По дороге ослица, которой трижды был прегражден ангелом путь, трижды сворачивала с дороги, за что Валаам бил ее, пока она человеческим голосом не стала жаловаться Валааму на побои и пока ангел сам своими укорами не остановил Валаама. По повелению господа Валаам, вместо того чтобы проклясть израильтян, благословил их. Сообщаемое Аввакумом о греческих святых Юлиане и Сисинии не находит себе соответствия в известных нам памятниках, связанных с именами этих лиц.

Бог идеже хощет, побеждается естества чин — из 3 стихири на Благовещение.

Чти житие Феодора Едесскаго... мертваго воскресила.— В житии Федора Едесского рассказывается, что, в ответ на попытку жены некоего князя соблазнить Федора, он «исповедал свою христианскую веру», за что был замучен.

Кормчая — собрание законоположений, относящихся к церковному праву, действовавшему в практике русской православной церкви.

Стр. 76—77. *Аще священника... богу помолись.*— Так как приверженцы старой веры игнорировали никонианское духовенство, то Аввакум дает здесь наставление своим единомышленникам, как им причащаться самим, на случай, если они не найдут священника-старообрядца. Рекомендуемая Аввакумом молитва — обычная церковная молитва перед причастием, произносимая священником и повторяемая причащающимся.

Стр. 77. *На Москве с бояронею в Вознесенском монастыре вселились* — то есть поселились со снохой воеводы Пашкова, боярыней Евдокией Кирилловной, в женском Вознесенском монастыре (в Кремле).

Таже с Нерчи реки паки назад возвратилися к Русе.— Построив на Нерче острог, Пашков 25 мая 1662 г. выехал на Иргень-озеро, а оттуда направился в Москву.

Стр. 78. *У бояроni* — то есть у снохи Пашкова, Евдокии Кирилловны.

Стр. 80. *...в Мунгальское царство...*— в Монголию.

«господи, хощеши ли... во ину весь» — из Евангелия от Луки, IX, 54—56.

Стр. 82. *«...Аще живем... господеви умираем»* — из Послания ап. Павла к римлянам, XIV, 8.

Десеть лет он меня мучил... — Если считать со времени прибытия Аввакума в Енисейск (1655), где в то время воеводой был Пашков, и до отъезда Пашкова в Москву (1662), Аввакум был в его власти не десять, а семь лет. Очевидно, здесь Аввакум круглой цифрой определяет время своей сибирской ссылки, длившейся в общей сложности одиннадцать лет. О гонениях Пашкова Аввакум рассказывает также в памятной записке и в первой челобитной царю Алексею Михайловичу. О том же речь идет и в челобитной архиепископа Симеона (А. К. Бороздин, «Протопоп Аввакум», изд. 2-е, СПб. 1900, стр. 74).

Стр. 83. *А я, месяц спустя... поехали...* — Так как Пашков выехал из Нерчинского острога 25 мая 1662 г., то, следовательно, Аввакум начал путешествие из Сибири в Москву приблизительно в последних числах июня того же года или на несколько недель позже, если здесь имеется в виду отъезд не из Нерчинского острога, а с Иргеня.

«внутрь убо страх, а вне убо боязнь... уже бо-де не надеяхомся... и избавляет» — из 2-го Послания ап. Павла к коринфянам, VII, 5, и I, 8, 10.

«яко аще не бы господь... пожерли быша нас» — из Псалтыри CXXIII, 2.

Стр. 84. *...яко Раав блудная... спрятал ево...* — В главе II Книги Иисуса Навина рассказывается о том, как блудница Раав на кровле своего дома скрыла от преследования иерихонского царя двух юношей, посланных Иисусом Навином в Иерихон на разведку.

«любите враги ваша и благотворите» — из Евангелия от Матфея, V, 44.

Стр. 85. *...запрещение то отступническое...* — Аввакум так называет постановление собора 1667 г., запрещавшее священнику самому крестить, исповедовать и причащать своих детей.

Петр (ум. 1326), *Алексей* (1300—1373), *Иона* (ум. 1461), *Филипп* (1507—1569) — митрополиты Московские, признанные церковью святыми.

Стр. 86. *Погода окинула на море, и мы гребми перегреблись...* — то есть на море приключилась непогода, и мы гребли изо всех сил.

...больши романовскаго... — Речь идет, вероятно, о сорте лука и чеснока, разводившегося в городе Романове-Борисоглебском (ныне город Тутаев, Ярославской области).

А человек... яко сень, преходят... — Ср. Псалтырь, CXIII, 4.

Стр. 87. *«привязался еси... не ищи жены»* — из 1-го Послания ап. Павла к коринфянам, VII, 27.

Таже приехал к Москве. Три годы ехал из Даур...— Аввакум приехал в Москву весной 1664 г., так что в действительности путешествие продолжалось около двух лет.

Стр. 88. *Иван Богданович Камынин* (ум. 1682) — с 22 января 1659 по 16 сентября 1662 г. воевода в Верхотурье (город Пермской области).

Об участливом отношении к нему Камынина вспоминает Аввакум в «Житии» (ред. Б), в связи со своим заключением в Пафнутьевом монастыре.

К Федору Ртищеву зашел...— Ртищев Федор Большой Михайлович (1626—1673) — государственный и общественный деятель, приближенный царя Алексея Михайловича, образованнейший человек своего времени, основавший школу, в которой ученые монахи, вызванные из Киева, «обучали языкам славянскому и греческому, наукам словесным до риторики и философии». Принадлежа к кружку «ревнителей благочестия» и будучи близок на первых порах с Никоном, Ртищев в то время, отличаясь терпимостью, добротой характера и широтой воззрений, был чужд враждебности к старообрядцам, в частности к Аввакуму. В своем доме он устраивал диспуты, на которых давал возможность свободно высказываться представителям двух враждебных лагерей, не выказывая лично явного предпочтения ни одной из спорящих сторон.

Стр. 89. *А се мне в Тобольске... благодеяния забыть?* — Рассказанное здесь относится ко времени пребывания Аввакума в Тобольске, при обратном его путешествии в Москву в начале 1664 г. Царевнины именины, упоминаемые здесь,— видимо, именины царевны Татьяны Алексеевны, 12 января.

Стр. 90. *...на обычном месте...*— то есть на положенном для молитвы месте.

Стр. 91. *...и сколько друзей первых на Руси заедем...*— то есть и сколько прежних друзей на Руси встретим.

Стр. 92. *...приказал государь... чтоб я молчал.*— Родион Матвеевич Стрешнев (ум. 1667),— в то время окольничий, заведующий Сибирским приказом. На него, так как он пользовался общим уважением и обладал репутацией беспристрастного и справедливого человека, царь Алексей Михайлович возлагал роль посредника в своих распрях и столкновениях как с Никоном, так и с Аввакумом. Как видно из дальнейшего, Стрешнев, наряду с другими лицами, принимавшими участие в судьбе Аввакума, оказал последнему материальную помощь.

А се посулили мне... книги править... — Симеонов день — 1 сентября. Вряд ли перспективы Аввакума на получение места книжного справщика были реальны ввиду явно враждебного его отношения к тогдашней практике исправления богослужебных книг.

Лукьян духовник — протопоп Лукьян Кириллов, царский духовник с 1657 по 1666 г.

У света моей... в дому был.— Боярыня Феодосья Прокофьевна Морозова, в то время вдова одного из первых бояр при царе Алексее Михайловиче — Глеба Ивановича Морозова, и княгиня Евдокия Прокофьевна Урусова, жена также приближенного к царю — кравчего князя Петра Семеновича Урусова,— родные сестры, рожденные Соковнины, родственницы Ф. М. Ртищева и свойственницы царя и царицы, ярые приверженницы «раскола» и последовательницы Аввакума. Ни убеждения, ни преследования и мучения, ни тягчайший тюремный режим не сломили волю сестер. Они умерли, заключенные в Боровской (ныне Калужской области) земляной тюрьме (Урусова — 11 сентября 1675 г., Морозова — 2 ноября того же года). Боярыня Анна Петровна Милославская, рожденная княжна Пожарская (ум. 1669) — родственница царицы Марии Ильиничны, рожденной Милославской.

...паки заворчал... злодея и еретика.— Имеется в виду первая челобитная Аввакума царю Алексею Михайловичу, написанная, видимо, вскоре по возвращении Аввакума из Сибири в Москву (см. стр. 185).

...с Феодором юродивым... повеся на висилицу.— Федор юродивый, с которым Аввакум впервые встретился, как он далее об этом говорит в «Житии» (стр. 99), в Великом Устюге, на пути из Сибири в Москву, и который стал после этого его духовным сыном, вместе с другим приверженцем Аввакума, Лукой Лаврентьевичем, был удавлен на Мезени в марте 1670 г.

Стр. 93. *...Павел архимарит* — архимандрит Чудовского монастыря Павел (ум. 1675), ученый монах, группировавший вокруг себя киевских ученых, призванных в Москву для исправления славянского перевода Библии. 22 августа 1664 г. Павел был возведен в сан митрополита Крутицкого. Упоминаемое Аввакумом событие происходило, таким образом, до этой даты.

...понеже раби Христовы... службе ходить.— Аввакум служил в эту пору в Софийской церкви в Замоскворечье.

Сказывал... Салтыков — боярин Петр Михайлович Салтыков (ум. 1690), крупный административный деятель, в ту пору начальник

Малороссийского приказа, принимавший деятельное участие в церковных делах, глава следственной комиссии по делу патриарха Никона.

Да и повезли на Мезень.— Аввакум сослан был в новую ссылку 29 августа 1664 г. Его сослали в Пустозерск, но с дороги, из Холмогор, Аввакум послал царю челобитную (см. стр. 193), полученную 21 ноября 1664 г. В ней он просил, ввиду трудности дальнейшего пути, оставить его в Холмогорах или где-нибудь в другом месте. В результате этой просьбы местом ссылки Аввакума была назначена Мезень (ныне город Архангельской области), слобода близ устья реки Мезени, впадающей в Северное Ледовитое море.

...и детьми...— У Аввакума в ту пору было шестеро детей: три сына — Иван, Прокопий и Афанасий, и три дочери — Агриппина, Акилина и Ксения.

Полтора года... к Москве взяли...— Аввакум был привезен в Москву 1 марта 1666 г. *Пафнутьев монастырь* — близ города Боровска, б. Калужской губернии, в 90 верстах от Москвы.

Стр. 94. *Сказку им тут... написал...*— «Сказка» эта (то есть письмо) до нас не дошла.

Козьма та... уговаривает...— Дьякон Козьма уговаривал Аввакума в первый раз 12 сентября 1666 г., во второй раз — 30 января 1667 г., то есть уже после того, как Аввакум, просидев семнадцать недель в Никольском монастыре на Угреше, вторично был отправлен в Пафнутьев монастырь.

...стязався власти со мною...— С Аввакумом состязались церковные власти на соборе, заседания которого начались в феврале 1666 г.

...и стригли по переносе меня и дьякона Феодора...— Расстрижение Аввакума и дьякона Федора в Успенском соборе после так называемого «великого входа», то есть перенесения даров, происходило 13 мая 1666 г. Дьякон Благовещенского собора в Москве Федор Иванов — один из виднейших деятелей раннего старообрядства. От него дошел до нас ряд посланий и полемических сочинений. На соборе 1666 г. он держался очень агрессивно, результатом чего и были его расстрижение и отлучение от церкви 13 мая того же года. Далее следовали — заключение Федора в Никольский монастырь на Угреше, его временное, видимо неискреннее, раскаяние, новый допрос, перевод в Покровский монастырь, «что на убогих», новые увещания, бегство из монастыря, заключение, вероятно, в Троице-Сергиеву лавру, затем в москов-

ский Богоявленский монастырь, опять увещания и оставление собором 1667 г. в силе приговора над ним собора предыдущего, с преданием его «градскому суду». 25 февраля 1668 г. Федору урезали язык и отправили в заключение в Пустозерск, куда он прибыл 20 апреля и где встретился с Аввакумом, с которым у него впоследствии начались раздоры на почве несогласий в догматических вопросах.

...повезли нас ночью на Угрешу к Николе в монастырь.— Аввакума, Федора и суздальского попа Никиту отправили в Никольский монастырь на Угреше (в 15 верстах от Москвы) 15 мая 1666 г., Никиту арестовали после Федора, и 10 мая 1666 г. он был «сана обнажен и проклят». По словам дьякона Федора, узников везли «мимо Коломенскова, не веси куды, странным путем, по берегу реки Москвы да по болотам, чтобы никто не видал знакомой, куды посадят» (см. Материалы, V, стр. 422).

Стр. 95. *Не им было, а быть же было иным* — то есть если бы не они это сделали, то сделали бы другие.

«нужда соблазнам приити» — из Евангелия от Луки, XVII, 1.

«невозможно соблазнам... приходит соблазн» — из Евангелия от Матфея, XVIII, 7.

Держали меня у Николы... семнатцеть недель.— Аввакум сидел в Никольском монастыре на Угреше до 5 сентября, после чего был переведен в Пафнутьев монастырь.

Тут мне... тамо обращеши.— См. пятую челобитную царю Алексею Михайловичу, посланную в 1669 г. из Пустозерска (стр. 199).

...велико нестроение... отпросила меня.— Царица Мария Ильинишна (1625—1669), первая жена Алексея Михайловича, была из рода бояр Милославских. Милославские были горячими приверженцами Аввакума; их родственники Морозовы покровительствовали ему.

И Воротынской... приезжал...— Князь Иван Алексеевич Воротынский (ум. 1679) — с 1664 г. боярин и дворецкий царя Алексея Михайловича.

Князь Ивана... батожьем били...— Речь идет о князе Иване Ивановиче Хованском (ум. 1701), приверженце старообрядства. В 1664 г. он был стольником.

...как Исаию сожгли.— Исаия — дворовый человек боярина Петра Салтыкова.

А бояроню ту... и ея мучат...— Единственный сын Морозовой, стольник Иван Глебович Морозов, умер в 1671 или 1672 г. Разлучен-

ный с матерью, сын с горя заболел. Царь прислал к нему лекарей, но, по словам составителя жития Морозовой, «они так его улечили, что в малых днях к гробу предаша». Со смертью молодого Морозова действительно дом Морозовых был разорен: все почти движимое и недвижимое имущество их было разделено боярами или распродано. Мучили Морозову сначала в московском Печерском монастыре, а затем, после смерти патриарха Питирима (19 апреля 1673 г.) — в Боровске.

Стр. 96. *Спальное крыльцо* — крыльцо перед царским теремом, около которого находилась команда царской стражи. *Тайнишные водяные ворота* — потайные ворота из Кремля к Москве-реке.

Дементий Минич Башмаков — дьяк приказа тайных дел, позднее, при царе Федоре,— печатник.

«не надейтеся... несть спасения» — из Псалтыри, CXIV, 3.

...а оне, бедные... в Москву взяли опять...— Федора и Никиту перевезли с Угреши в Москву 26 августа 1666 г.

Стр. 96—97. *Посем свезли... без мала.*— Аввакум на этот раз пробыл в Пафнутьевом монастыре с 5 сентября 1666 до 30 апреля 1667 г. Говоря о своем пребывании здесь в течение «года без мала», Аввакум ведет счет, очевидно, со времени первоначального заточения своего в Пафнутьев монастырь — 9 марта 1666 г. На этот раз отсылка его в Пафнутьев монастырь сопровождалась данным игумену монастыря Парфению строгим наказом: «посадить Аввакума в тюрьму и... ево беречь накрепко с великим опасением, чтоб он с тюрьмы не ушел и дурна никакова б над собою не учинил, и чернил и бумаги ему не давать, и никого к нему пускати не велеть, а корму давать как и прочим колодником» (Материалы, I, 372).

Стр. 97. *...табаку испил... творят.*— Митрополит Газский Паисий Лигарид, приехавший в Москву 12 февраля 1662 г., сразу же сумевший завоевать себе выдающееся положение в церковных делах и внушить к себе доверие царя, был человек от природы умный и образованный; он был типичным авантюристом, жадным до денег и почестей, не пренебрегавшим самыми неблаговидными средствами для достижения всяческих жизненных благ. Для своего обогащения он занимался торговлей, спекуляцией и даже не брезговал присвоением чужой собственности. Операции Лигарида с таким запретным на Москве зельем, как табак, весьма для него показательны.

...на велик день...— то есть на Пасху.

Стр. 98. *«горе... вси человецы»* — из Евангелия от Луки, VI, 26.

Тут же приезжал... удавленой мой...— Тайное посещение Аввакума в заключении его сыновьями, Иваном и Прокопием (на этот раз вместе с юродивым Федором, позже, в марте 1670 г., повешенным в Мезени), было вторичным. В первый раз сыновья Аввакума вместе с его племянником Макаром Козьминым тайно навещали его в Никольском-на-Угреше монастыре 7 июля 1666 г., за что все трое подверглись аресту и допросам (Материалы, I, стр. 359—370).

...у архиепископа на дворе... антихристову таинству.— Об Иларионе, епископе Рязанском, см. прим. к стр. 112.

Стр. 100. *Хорош был и Афонасьюшко...*— Афанасий, в иночестве Авраамий, был преданным учеником Аввакума и одним из видных деятелей раннего старообрядства. Ему принадлежит ряд сочинений. В 1670 г. за хранение и распространение противониконианских писаний и за переписку с Аввакумом он был арестован, расстрижен и, видимо весной 1672 г., сожжен в Москве на Болоте.

Стр. 101. *...и, волоча многажды... вселенских патриархов...*— Аввакума приводили в Чудов монастырь 3 и 11 мая 1667 г. Там его уговаривали архимандриты — чудовский Иоаким и спасский (из Ярославля) Сергий. 17 июня его «поставили» перед патриархами, заседавшими на церковном соборе,— Макарием Антиохийским, Паисием Александрийским и Иосафом Вторым Московским.

Последнее слово... «...так де не подобает!» — Вряд ли патриархи в защиту троеперстия могли подкреплять его ссылкой на католиков-римлян, к благочестию которых одинаково недоверчиво относились и никониане и старообрядцы. Тут, очевидно, мы имеем дело с передержкой со стороны Аввакума. Здесь и ниже о крестном знамении старообрядцев говорится как о пятиперстии, что, однако, не расходилось с двоеперстием, так как при двоеперстном знамении крест возлагался молящимся всеми пятью пальцами, тогда как у никониан лишь тремя — большим, указательным и средним, в то время как безымянный и мизинец оставались прижатыми к руке.

Рим давно упал... и церковь немятежна.— В этих строках — типичное выражение того национального самомнения, которое еще с начала XVI в. нашло себе выражение в представлении о Москве как о третьем Риме, наиболее определенно впервые сформулированном старцем Филофеем в его послании к Василию III в 1516 г. *...от насилия турскаго Магмета* — со времени завоевания турецким султаном Магометом Константинополя в 1453 г.

...по преданию святых отец... Максима Грека.— Мелетий, епископ Антиохийский (ум. 381), приобрел себе большой авторитет у старообрядцев тем, что при вступлении на антиохийскую кафедру, как говорится об этом в сказании о нем, вошедшем в русские Прологи с XIV в., он при произнесении речи якобы сначала показал три перста, а потом, два согнув, оставил один. (Видимо, этот жест, если он и был сделан Мелетием, означал единство божества при троичности лиц.) *Феодорит киринейский* (Кирский; 386—457), крупнейший церковный писатель V в., известен главным образом как борец с ересью монофизитов. В середине XV в., когда рядом с обычным двуперстием на Руси стало распространяться и троеперстие, возникло на русской почве подложное, так называемое «Феодоритово слово», в котором от лица Феодорита защищалось двуперстие. *Петр Дамаскин* — ученый монах, живший во второй половине XII в. в Дамаске. В его сочинениях старообрядцы находили подтверждение правильности двуперстия. *Максим Грек* (1480—1556) — ученый монах, прибывший на Русь в 1518 г. для перевода на славянский язык греческих богослужебных книг и для исправления книг славянских и поплатившийся заточением за критическое отношение к текстам исправлявшихся им книг и за обличение отрицательных явлений в русской церковной и общественной жизни. В своем слове «Како подобает знаменоватися крестным знамением» Максим Грек действительно признавал двуперстие, но, видимо, как разъясняет академик Е. Голубинский, считал его равноправным с троеперстием.

Еще же и московский поместный... собор... и прочии научиша.— Московский поместный собор 1551 г., так называемый «Стоглавый», в главе 31, трактующей о крестном знамении, постановил считать единственно правильным двуперстие.

Стр. 101—102. *«...при царе Иване... от святых русских».— Гурий* (ок. 1500—1563) — во время Стоглавого собора епископ Смоленский и Брянский, впоследствии архиепископ Казанский. *Варсонофий* (1495—1576) — во время Стоглавого собора архимандрит казанского Спасопреображенского монастыря, впоследствии епископ Тверской, умерший на покое в Казани. Оба канонизованы в 1595 г. *Филипп* — во время Стоглавого собора игумен Соловецкого монастыря, впоследствии известный митрополит Московский. Все трое названы «знаменосцами» потому, что у них, как у схимников, на мантии и на клобуке были вышиты знаки (знамения) креста.

Стр. 102. *«лутче един... тьмы беззаконных!»* — из Книги премудрости Иисуса, сына Сирахова, XVI, 3.

...человек их с сорок, чаю, было... — Сорок было, конечно, не патриархов, а членов собора.

Ухватил... Уаров... — Дьяк Иван Уарович Калитин был доверенным человеком и другом Никона.

...толмачю-архимариту... — переводчику, состоявшему при греческих патриархах, архимандриту Дионисию. Грек Дионисий, архимандрит афонского Иверского монастыря, прибыл в Москву в качестве настоятеля московского Никольского греческого монастыря в 1655 г. и затем принимал участие в исправлении богослужебных книг. Как человек, хорошо знавший русский язык и хорошо осведомленный в тогдашних русских церковных делах, он был советником патриархов в вопросах, касавшихся старообрядства.

«таков нам... незлобив»... — из Послания ап. Павла к евреям, VII, 26.

...мы уроди... мы же немощни! — из 1-го Послания ап. Павла к коринфянам, IV, 10.

...повезли меня на Воробьевы горы... — Аввакум вместе с попом Лазарем и иноком Епифанием отвезен был на Воробьевы горы (в окрестностях Москвы) в июне 1667 г., непосредственно после его состязания с патриархами. На Воробьевых горах находился тогда построенный Ф. М. Ртищевым в 1648 г. Андреевский монастырь, в котором были поселены киевские ученые, прибывшие в Москву для исправления книг. Сюда присланы были 26 июня для увещания непокорных расколоучителей дьяк Конюшенного приказа Т. С. Марков и старец Григорий Неронов, тогда уже раскаявшийся и примирившийся с никонианами.

...тут же священника Лазоря и инока Епифания старца... — Священник г. Романова-Борисоглебска (ныне гор. Тутаев Ярославской области) Лазарь, принадлежавший в свое время к кружку «ревнителей благочестия», был одним из видных деятелей раннего старообрядства. За оппозицию к Никону он одновременно с Аввакумом в 1653 г. был сослан в Тобольск, откуда затем его велено было перевести «за неистовое прекословие» в Пустозерск. Из Пустозерска Лазарь в 1666 г. был затребован в Москву на церковный собор для суда над ним и 31 августа того же года выехал из Пустозерска. В ноябре

1666 г. он был допрошен на соборе, а 17 июля 1667 г. предан анафеме. Сожжен в Пустозерске 14 апреля 1682 г. Инок Епифаний пришел в Москву из Соловков на суд церковного собора в 1666 г.

Стр. 102—103. *...Анны и Каиафы...*— Анна и Каиафа — иудейские первосвященники, по словам Евангелия, судившие Христа.

Стр. 103—104. *Потом с Воробьевых гор «...в молитвах своих!»* — События, кратко и иногда с нарушением хронологической последовательности рассказанные Аввакумом в этих двух абзацах, развертывались следующим образом. 30 июня Аввакум, Лазарь и Епифаний были отвезены на Андреевское подворье (в Москве), куда приезжал к Аввакуму Д. М. Башмаков. Отсюда узников перевезли в Саввину слободку близ Москвы, а затем в Никольский-на-Угреше монастырь. В ночь с 4 на 5 июля Аввакум был отправлен назад в Москву, на Никольское подворье, где его уговаривали три архимандрита — владимирского Рождественского монастыря Филарет, новгородского Хутынского — Иосиф и ярославского Спасского — Сергий. 8 июля к Аввакуму «по цареву велению» для новых уговоров приезжал Д. М. Башмаков. 10 июля с той же целью приезжали друг и приближенный Алексея Михайловича Артамон Сергеевич Матвеев (1625—1682), в то время состоявший при восточных патриархах, заседавших на церковном соборе, и архимандрит Чудовский Иоаким, и в тот же день Аввакума брали в Чудов монастырь для уговоров митрополит Павел Крутицкий и архиепископ Иларион Рязанский. 11 июля Аввакума вновь уговаривал архимандрит Иоаким. 17 июля состоялся над «расколоучителями» приговор церковного собора, осудившего их и предавшего анафеме. 20 июля Аввакум, Лазарь, Епифаний, дьякон Федор и симбирский протопоп Никифор отправлены были в Никольский монастырь на Угрешу; 22 июля к Аввакуму приезжал стрелецкий голова Юрий Петрович Лутохин. После этого в июле же Аввакума, Лазаря и Епифания вновь перевезли в Москву на Никольское подворье. Здесь 5 августа всех троих вторично допрашивали архимандриты Филарет, Иосиф и Сергий и взяли у них «сказки о правоверии». (Вопросы, предложенные архимандритами Аввакуму, и ответы на них Аввакума см. в Материалах, II, стр. 21—23.) 22 и 24 августа к Аввакуму приходили Артамон Матвеев и известный ученый киевский монах Симеон Полоцкий, «и зело было стязание много: разошлись яко пьяни» (см. Материалы, II, стр. 21—26, 32—34; V, стр. 115, 117, 118).

Стр. 103. *...клабуки те рогатые... носят.*— Позднейший монашеский клобук, верхняя часть которого, камилавка, представляет собой род высокого ставца — расширенного кверху цилиндра с обрезанными полями — вошел в употребление со времени Никона. Дониконияновская камилавка, сохраненная старообрядческим духовенством и теперь,— круглая маленькая шапочка, скуфейка. Никоновский клобук Аввакум называет «рогатым», очевидно, потому, что, значительно возвышаясь над головой, он напоминал собой рога.

Я после ево написал послание и... к царю послал...— Это послание Аввакума до нас не дошло.

Стр. 104. *Таже, братию казня, а меня не казня, сослали...*— Указ о ссылке в Пустозерск Аввакума, Никифора, Лазаря и Епифания был подписан 26 августа 1667 г. На следующий день Лазаря и Епифания «казнили» на Болоте (в Замоскворечье), урезав им языки. Сосланные прибыли в Пустозерск 12 декабря 1667 г.

Стр. 104—105. *...сынов моих... прибрели...*— «Порушная запись» с сыновей Аввакума Ивана и Прокопия была взята 20 сентября 1666 г. «Прибрели» они из Москвы на Мезень летом 1669 г.

И я из Пустозерья послал к царю... чтый да разумеет.— Аввакум имеет здесь в виду четвертую и пятую свои челобитные Алексею Михайловичу (см. стр. 194, 195).

Стр. 105. *Еще же от меня... о догматех церковных.*— Речь идет о сочинении дьякона Федора «Сказание о церковных догматех» (напечатано в Материалах, VI, стр. 269—298 и 315—334), посланном около 1 сентября 1669 г. через некоего мезенца Поликарпа.

Еще же и от Лазаря... царю и патриарху.— Лазарь написал «сказки» царю и патриарху и подал о них челобитную 20 февраля 1668 г. (см. Материалы, IV, стр. 223—284, и Барсков, стр. 53—67).

...вопросил его Пилат...— Пилатом Аввакум называет стрелецкого полуголову Ивана Елагина, упоминаемого ниже под своим собственным именем. Присвоение Елагину ставшего нарицательным имени «Пилат» объясняется тем, что своей жестокостью Елагин ассоциировался у Аввакума с Пилатом, предавшим Христа на казнь.

Некогда и друг... прощен бысть.— Речь идет об отречении от Христа апостола Петра, рассказанном в Евангелии.

...и, исшед вон, плакася горько — из Евангелия от Матфея, XXVI, 75.

Стр. 106. *...с доброю дружиною...* — то есть с Федором юродивым и Лукой Лаврентьевичем.

Посем той же полуголова... — Стрелецкий полуголова Иван Елагин приехал в Пустозерск весной 1670 г. 14 апреля того же года состоялась «казнь» Лазаря, Епифания и Федора.

Стр. 108. *...стражие же пред дверьми стрежаху темницы* — из Деяний апостолов, XII, 6.

...поем... песни песням... в силе своей. — Здесь Аввакум перефразирует первые два стиха IV главы Песни песней Соломона, в которой, однако, Соломон воспевает не мать свою Вирсавию, а возлюбленную Суламифь.

«шедше в мир... осужден будет» — из Евангелия от Марка, XVI, 15—16.

«не может древо... плод добр творити» — из Евангелия от Матфея, VII, 18.

Стр. 109. *...крест... переменить...* — Здесь имеется в виду замена восьмиконечного креста четырехконечным.

...и около купели... против солнца же водят... — Во всех этих случаях до никоновской реформы в русской церкви практиковался обычай ходить «посолонь», то есть по течению солнца.

...«печатай, Арсен...» — Арсений Грек, справщик церковных книг при Никоне, приехал в Москву в 1649 г. вместе с иерусалимским патриархом Паисием. В глазах консервативно настроенных москвичей он был человеком весьма подозрительным, так как, будучи выучеником иезуитской коллегии в Риме, приняв, хотя и вынужденно, на время магометанство, затем став униатом, не внушал к себе доверия прежде всего по своим моральным качествам. Вскоре же по прибытии в Москву он за «еретичество» был сослан в Соловки, но в 1652 г. освобожден и сделан Никоном справщиком и переводчиком богослужебных и канонических книг. В 1662 г. Арсений вновь сослан был в Соловки, пробыв там на этот раз четыре года. Участие Арсения в книжных исправлениях само по себе было достаточным поводом для того, чтобы в глазах противников Никона скомпрометировать его реформаторскую деятельность.

Стр. 110. *«аще и невежда словом, но не разумом»* — из 2-го Послания ап. Павла к коринфянам, XI, 6.

...книгою святаго Ефрема Сирина... — Ефрем Сирин — один из виднейших «отцов» церкви IV в. Слова и поучения его, особенно собран-

ные в книге «Паренесис», известны были на Руси с XIII—XIV вв. Мрачная философия Ефрема Сирина, проникнутая мыслями о тщете жизни и торжестве смерти, пришлась особенно по времени в пору гонений на приверженцев старой веры, а слово его об антихристе оказалось злободневным в связи с толками о пришествии антихриста как раз в это время.

«призри на мя и помилуй мя!» — из Псалтыри, CXVIII, 132.

Стр. 111. *...«аз ти о имени господни... бог призирает»...*— выдержка из молитвы Василия Великого «над обуреваемыми нечистым духом и над крещающимися».

Стр. 112. *Сундовик* — правый приток Волги.

...к другу своему Илариону... мучитель стал христианской.— Иларион с 1649 по 1656 г. был игуменом макарьевского Желтоводского монастыря. Пробыв затем недолго архимандритом нижегородского Печерского монастыря, он в 1657 г. стал архиепископом Рязанским, а с 13 июня 1669 г.— митрополитом. Был суровым противником и гонителем старообрядцев. Умер 6 июня 1673 г. Судя по тому, что Аввакум говорит здесь о нем как еще о живом, можно полагать, «Житие» написано было до середины 1673 г. О том, что Иларион за четыре года до смерти был возведен в сан митрополита, Аввакум мог не знать.

Стр. 113. *И как рыбою покормлю «...меня ослабил!»* — Рыба считалась символом Христа.

Стр. 114. Полный текст так называемой «Исусовой молитвы», вошедшей в обращение на Руси с XV в. и перешедшей сюда от афонских «исихастов» (безмолвников), таков: «Господи Исусе Христе, сыне божий, помилуй мя грешнаго».

Стр. 115. *«...да не имать со мною части во царствии небеснем!»* — перефразировка слов Христа, сказанных апостолу Петру во время омовения ног перед «тайной вечерей» (Евангелие от Иоанна, XIII, 8).

...во время переноса и досадил мне.— По старорусским демонологическим преставлениям, дьявол делал обычно последнюю попытку овладеть своими жертвами во время одного из центральных моментов литургии — переноса «даров» с жертвенника на престол.

Стр. 116. *«О всепетую»* — заключительный «икос» акафиста богородице.

Стр. 120. *...пять тысящ пятьсот лет во аде был осужден.*— Аввакум исчисляет время от библейской даты сотворения мира до рождества Христова в 5500 лет. Эту цифру старообрядцы отстаивали против цифры 5508, принятой никонианами. (Ср. Материалы, IV, стр. 194.)

Стр. 121. *Шакша* — пресноводное озеро в Забайкалье, вблизи озера Иргеня.

Стр. 122. *Царевна Ирина Михайловна* (1627—1679) — старшая дочь царя Михаила Федоровича, сестра царя Алексея Михайловича.

Стр. 121. *...повелеваю ти, напиши и ты рабу тому Христову...*— Старец Епифаний повеление Аввакума исполнил и написал свое «Житие». Текст см. Барсков, стр. 229—262.

Стр. 121—122. *...елика сотвори... дела своя* — из Деяний апостолов XV, 4; XIX, 17—18.

ИЗ «КНИГИ БЕСЕД»

«Книга бесед» создавалась Аввакумом в период пустозерской ссылки, с 1669 по 1675 г. Она включает ряд самых различных произведений: наряду с беседами здесь находятся письма и послания Аввакума к разным лицам, и поэтому лишь формально может рассматриваться как единое произведение, как это было предложено П. С. Смирновым в предисловии к изданию произведений Аввакума 1927 г. (Памятники, кн. I, вып. 1, АН СССР, Л. 1927).

Основное содержание сборника составляют десять бесед: 1. О первых противниках церковных преобразований; 2. Об образе креста Христова; 3. Об иноческом чине; 4. Об иконном писании; 5. О внешней мудрости; 6. О днях поста и мясоястия; 7. О старолюбцах и новолюбцах; 8. Об Аврааме; 9. Толкования на 87—88 зачала послания к римлянам и 23 зачала Евангелия от Иоанна; 10. Беседа о наятых делателях.

Эти беседы, по мере их написания, Аввакум отправлял вместе с сопроводительными письмами своим единомышленникам — «всем горемыкам миленьким на всем лице земном», «старице Мелании с сестрами и подначальною Анисьею», «тричисленной единице» (то есть Морозовой, Урусовой и Даниловой). Автографов «Книги бесед» не

сохранилось, но списков много, что свидетельствует о большой популярности «бесед» в старообрядческой среде — некоторые из списков относятся к XIX в. Количество бесед в различных рукописных сборниках неодинаково, имеются расхождения и в последовательности бесед и небольшие разночтения в тексте. В полном объеме «Книга бесед» ни в одной рукописи не представлена.

«Книга бесед» печатается по списку XVIII в. (Собр. Богданова, шифр Q 1059). В скобки взяты названия, которые не встречаются в рукописях, а предложены публикаторами Н. Субботиным (Материалы, I) и П. С. Смирновым.

[ВВЕДЕНИЕ]

Печатается с сокращениями.

Стр. 123. *Книгу святую собрал от святого писания... на крестоборную ересь...* — По обычаю публицистов того времени, например митрополита Даниила, Максима Грека, Аввакум указывает на несамостоятельный характер своего творчества и на цели, которыми было вызвано появление произведения.

Свое сочинение Аввакум называет книгой «на крестоборную ересь», так как в одной из бесед обвиняет никониан в отвержении истинной формы креста.

...человека грешна... и бесславна... — традиционное самоуничижение, которым обычно сопровождал автор свою автохарактеристику.

...пасяхся со свиниями... — Имеется в виду евангельская притча о блудном сыне, который во время своих скитаний, обнищав, ел вместе со свиньями. Евангелие от Луки, XV.

Стр. 124. *Человек бысть Иов...* — В библейской Книге Иова рассказывается: чтобы испытать веру Иова, бог подвергает его всевозможным несчастьям; сначала Иов ропщет на бога, но затем смиряется. Вскоре он был снова возвышен и награжден.

Моисей — древнееврейский пророк; по библейскому преданию, основатель иудейской религии; как человек особенно благочестивый, был предназначен богом вывести евреев из египетского рабства и отвести их в землю Ханаанскую, «кипящую млеком и медом».

...молитвою постави на небе текущее солнце... — Иисус Навин — ученик Моисея, после смерти его приводит евреев в Ханаанскую землю. В книге Иисуса Навина (X, 12—14) рассказывается, что во

время битвы израильтян с ратью аморрейского царя около города Гаваона Иисус обратился к богу с молитвой остановить солнце и луну, чтобы закончить битву в течение дня, и молитва его сбылась.

«обретох Давыда, сына Иессеева, мужа по сердцу моему»...— Слова апостола Павла, обращенные к израильтянам на сонмище. Из Деяний апостолов, XIII, 22.

...устыдешася лютые звери...— Пророк Даниил, которому приписывался дар прорицания и угадывания снов, был советчиком царей Навуходоносора, Валтасара, Дария и Кира. По рассказу Библии, будучи оклеветан языческими жрецами, он по приказу Кира был брошен в ров к семи некормленным львам, которые не тронули его.

...его же принесе ангел... к Даниилу.— В Библии рассказывается, что бог приказал пророку Аввакуму отнести брошенному в ров Даниилу обед. Так как Аввакум находился далеко от Вавилона, места заключения Даниила,— ангел поднял Аввакума за волосы и перенес его в ров.

...я и сам сижу в рове... сам пят...— Аввакум был привезен в Пустозерск в декабре 1667 г. Об условиях, в которых он находился в земляной тюрьме, очень образно рассказано в Прянишниковском списке «Жития» (см. стр. 341) и в некоторых письмах.

Соузниками Аввакума были поп Лазарь, инок Епифаний, дьякон Федор и Киприян.

...в настоящее время.— Судя по дальнейшим словам Аввакума: «А Соловецкий монастырь в осаде семь лет от никониян сидит»,— первая беседа Аввакума, которая является непосредственным продолжением введения, была написана в 1675 г. (осада Соловецкого монастыря началась осенью 1668 г.), до 7 июля 1675 г.— дня казни Киприяна, который упоминается здесь как живой.

Увы, увы, мне!.. из чрева матере моея — неточная цитата из Книги Иова, III, 1—3.

Понеже антихрист прииде ко вратом двора...— По предсказаниям Кирилловой книги, пришествие антихриста на Русь должно было произойти в 1666 г., поэтому многие старообрядцы вначале склонны были считать антихристом Никона. Но церковный собор 1666 г., судивший раскольников, сместил с патриаршего престола и Никона, и его стали рассматривать лишь как «предтечу» антихриста, царство которого должно наступить в недалеком будущем. Этой точки зрения придерживался и Аввакум.

БЕСЕДА ПЕРВАЯ

Повесть о страдавших в России
за древлецерковная благочестная предания

Заглавие взято из другого списка «Книги бесед» (XVIII в., Собр. Дружинина, № 39, л. 181). Печатается с небольшими сокращениями.

Стр. 124. *В лета 7160-го году... в чернецах Никон...*— Никон наречен был в патриархи 25 июля 7160 (1652) г.

Стр. 125. *...на Иосифово место.*— Предшественник Никона, патриарх Иосиф, умер 15 апреля 1652 г.

И я, окаянной... приписал свою руку.— Выставляя кандидатуру Никона как своего единомышленника, «ревнители благочестия» рассчитывали играть при нем видную роль в делах церкви.

...повелеваяй трема персты креститися... почали обличать еретика...— Открытое столкновение между кружком «ревнителей благочестия» и Никоном произошло сразу же после его распоряжения о поклонах и троеперстии, которое он разослал по всем московским церквам весной 1653 г. Это распоряжение казалось Аввакуму и его единомышленникам тем более кощунственным, что двуперстие было закреплено Стоглавым собором (1551).

...рассеяны быша... при Стефане апостоли — из Деяний апостолов, XI, 19. Своих соратников Аввакум сравнивает с апостолами, которые после смерти «первомученика» Стефана, обвиненного в «глаголах хульных» на Моисея и бога и избитого за это камнями, разошлись по разным странам и там проповедовали «слово божие».

...Даниила... в земляной тюрьме заморил...— Даниил был расстрижен и сослан в Астрахань в августе 1653 г., вскоре после того, как он вместе с Аввакумом подал царю челобитную, в которой просил за Неронова.

...Логина... сослал, тут и скончался в мор...— О расстрижении Логгина очень образно рассказал Аввакум в своем письме Ивану Неронову от 14 сентября 1653 г., то есть в то время, когда происходили эти события.

...со мною 60 человек у всенощнова взял...— В более ранних произведениях Аввакум указывает меньшую цифру. В том же письме к Ивану Неронову, например, он говорит, что «человек с сорок» с ним взяли; Иван Данилов, священник Казанского собора, где служил и Аввакум, в письме к тому же Неронову указывает и более точную цифру — 33.

Возможно, Аввакум забыл подробности дела, происходившего двадцать лет тому назад, но не исключено также, что он умышленно указал большее число своих слушателей, чтобы подчеркнуть как свою популярность, так и жестокость Никона.

...в Даурскую землю сослал... яко непогребеново мертвеца.— Аввакум был сослан в Сибирь в сентябре 1653 г., вернулся в Москву весной 1664 г., то есть был в ссылке около одиннадцати лет.

Стр. 125—126. *Егда же выехал на Русь, на старые чепи и беды попал.*— В связи с возвращением из ссылки у Аввакума появились надежды на то, что старая вера снова восторжествует. Однако, приехав в Москву, он сразу понял, что эти ожидания напрасны, так как исправление богослужебных порядков в это время распространилось на весь чин церковной службы и было утверждено церковными определениями 1654 и 1656 гг.

Стр. 126. *Жена моя... в земли же сидит.*— Жена и дети Аввакума были сосланы на Мезень 29 декабря 1664 г. и прожили там около тридцати лет в Окладниковой слободке, пока не были освобождены по просьбе опального вельможи князя Василия Голицына и не переехали в Москву, где, как показал на допросе в 1720 г. сын Аввакума Иван, они жили сначала в Елохове, а потом купили свой двор в Троицком приходе.

И старец Соловецкия пустыни... говорит также.— Как видно из «Жития» Аввакума, в Москве языки были «резаны легко», так что «осталось немного», и подвергнутые казни Епифаний и Лазарь могли говорить. Это обстоятельство явилось причиной возникновения легенды о «чудесном исцелении» обоих, причем, очевидно, дело не обошлось без заимствования чудес из житий византийских богословов и философов Иоанна Дамаскина (конец VII в.— ок. 754) и Максима Исповедника (582—662).

Вторичное урезание языков было произведено 14 апреля 1670 г.; кроме того, тогда же Епифанию отсекли на руке четыре пальца, а Федору отсекли руку «поперег ладони».

Киприян — московский юродивый, через которого Аввакум подал Алексею Михайловичу 21 ноября 1664 г. челобитную (см. стр. 413). Был казнен в Пустозерске 7 июля 1675 г.

А Соловецкой монастырь в осаде 7 лет от никониян сидит.— Еще в 1657 г. монахи Соловецкого монастыря отказались принять новые богослужебные книги и обряды, объявив их «латинской прелестью», а

через несколько лет — в 1668 г.— заявили о своем открытом неподчинении правительству. Начавшись движением в защиту «старой церкви», Соловецкое восстание вылилось в активное выступление против государственной власти. Его основной движущей силой были монастырские трудники — крестьяне и посадские люди, которых было много на Соловецких островах, так как монастырь организовал в своих владениях ряд крупных предприятий (соляные варницы, кожевенные избы, слюдяные разработки, поташные заводы, рыбные ловли).

Среди монахов находилось много опальных людей, для которых отдаленный монастырь, расположенный на островах Белого моря, явился местом ссылки. Окрестное население активно поддерживало восставших, стекаясь под защиту крепких стен монастыря и помогая его обитателям припасами. Упорное сопротивление восставших было сломлено через восемь лет, 27 января 1676 г., в результате предательства монаха-перебежчика, открывшего потайной ход в монастырь.

На Мезени... двух человек удавили...— В конце 1669 г. были повешены два преданнейших ученика Аввакума — юродивый Федор и двадцатипятилетний Лука Лаврентьевич.

В Нижнем человека сожгли... тысяща тысящими положено под меч...— В этом перечне никоновых мучительств, очевидно, много преувеличений. Кажется странным, что были казнены второстепенные представители раскола, люди совсем неизвестные, а главные его деятели только отправлены в ссылку.

А иные ревнители... сожигахуся огнем своею волею.— Первые случаи самосожжения относятся к 1665 и 1666 гг. Но особенно распространилась практика «огненного крещения» после разгрома крестьянской войны под предводительством С. Т. Разина, когда крестьяне, не имея возможности активно сопротивляться притеснениям со стороны помещиков и правительства, бежали на восток, юг и юго-восток государства, уходили в леса и пустыни, морили себя голодной смертью и, наконец, сжигали себя в срубах.

Так, массовые самосожжения имели, например, место около Нижнего Новгорода в 1671 и 1672 гг. после карательной экспедиции князя Ю. А. Долгорукова (ум. 1682), отряды которого пролили море крестьянской крови.

Об этом самосожжении Аввакум неоднократно вспоминает (например, в письме к Симеону, см. стр. 234) и одобряет его.

Стр. 126—127. *Мы же еще в море, плаваем пучиною* — образ, идущий от Евангелия.

Стр. 127. *Душе моя, душе моя, восстани... вся исполняяй* — молитва, читаемая на пятой неделе великого поста.

...Феодосья Прокопьевна Морозова... в землю живы закопаны... — Морозова, Урусова и жена стрелецкого полковника Данилова были сосланы в Боровск в 1673 г. Когда Аввакум писал о них в Беседе первой, они доживали последние месяцы своей жизни: Урусова умерла 11 сентября 1675 г., Морозова — 2 ноября, Мария Данилова — 1 декабря того же года. В Житии боярыни Морозовой утверждается, очевидно не без оснований, как показывают близкие даты смерти узниц, что их уморили голодом: питание вначале было самое скудное, а с Петрова дня (то есть с 29 июня) им вообще под страхом смертной казни запрещено было передавать какую-либо еду.

Осмь тысящ хрестиян имела... — О богатстве Морозовой упоминает не только Аввакум, но и другие раскольники в своих письмах. Утверждение Аввакума не является преувеличением, так как и Соковнины, из рода которых происходила боярыня Морозова, были очень состоятельны, Морозовы же принадлежали к числу самых богатых людей русского государства.

...дети малы... разориться не хощется... — Говоря о суетности мирских интересов, Аввакум явно отталкивается от евангельской притчи о званых на брак (Евангелие от Луки, XIV, 16—21), которая толкуется так: за мирскими делами люди забывают о своем долге перед богом.

ИЗ БЕСЕДЫ ВТОРОЙ

[*Об образе Креста Христова*]

В рукописях эта беседа является непосредственным продолжением первой и, очевидно, была написана в то же время, хотя и не содержит точных указаний на время создания.

Стр. 128. *«приидет к тебе слава Ливанова... ногу моею прославлю»* — из Книги пророка Исайи, LX, 13.

...хрест трисоставный... четвероконечный римский крыж почитают... — В числе разногласий между старообрядцами и никонианами были разногласия и о форме креста. Опираясь на церковное предание,

старообрядцы отдавали предпочтение «восьмиконечному» кресту, на котором якобы был распят Христос. Они не соглашались с никонианами, которые признавали четырехконечный крест равным с восьмиконечным, и объявили первый «латинским крыжом» (крыж — крест, польск.).

...Василий Великий рече: «не прелагай пределы, яже положиша отцы!» — Василий Кесарийский, или Великий (329—379),— епископ Кесарии Каппадокийской, один из так называемых «отцов» церкви, сыгравший крупную роль в процессе оформления христианства в религию господствующего класса и создании института монашества. Его требование не изменять правил, введенных отцами, чрезвычайно импонирует Аввакуму, который неоднократно повторяет его в своих сочинениях.

Стр. 128—129. *...научением сатаны,— говорят: Соломону-де царю бес... в лежащих и не свидетельствованых.*— Для того, чтобы обличить никониан и доказать превосходство восьмиконечного креста над четырехконечным, Аввакум вспоминает события ветхозаветной истории, используя в качестве источника наряду с канонической Библией апокрифические сказания о крестном древе.

К рассказу Аввакума можно провести ряд параллелей из следующих апокрифов: «О винограде и како растяше»; «Севирияна епископа Авасильского о древе спасенного креста, где обретеся и како бысть»; «Сказания Григория Богослова о кресте честном и о двух крестах разбойничьих»; «Исповедания Евы»; «Слова о Адаме и Евге от зачала и свершения»; «Слова о древе крестном» (см. Ложные и отреченные книги, собранные А. Н. Пыпиным в изд. Г. Кушелева-Безбородко. Памятники старинной русской литературы, вып. 3, СПб. 1862).

Стр. 129. *И при царе... обоготвориша... чюдотворная была...*— Царь Езекия (4 Книга царств, XVIII, 4), по характеристике Библии,— добродетельный царь, разрушивший всех идолов, в том числе и медного змея Моисея, почитавшегося евреями. В книге «Исход» рассказывается, что когда Моисей вел своих соплеменников через Синайскую пустыню, они возроптали на трудности и за это были наказаны появлением множества ядовитых змей. Спастись от них можно было, лишь посмотрев на изваяние большого медного змея, который был сделан Моисеем по повелению свыше.

...повеле Пилат титла положить.— На кресте, над головой Христа, была сделана издевательская надпись на греческом, еврейском и

латинском языках: «Это царь иудейский» (Евангелие от Матфея, XXVII, и в других Евангелиях).

Пространно о том Епифаний Кипрский благовестит... — Епифаний Кипрский (род. первая треть IV в. — 403) — финикиец, епископ на острове Кипре, автор многочисленных богословских произведений, из которых трактат «О двадцати двух пророках Ветхого завета и трех Нового завета и о двенадцати апостолах и семидесяти учениках Христовых» интересен множеством устных легенд.

Стр. 129—130. *А без возглавия — тот не Христов крест... верхней конец креста, по прошению его.* — Эти сведения Аввакум заимствует из апокрифических «Деяний апостолов Петра и Павла». Когда по приказу Нерона распинали Петра, он сказал: «Господь мой Иисус Христос с небес на землю пришел и просто на кресте пригвоздился, меня же зовет с земли на небо, поэтому распните главу мою к земли, а к небу направьте ноги мои, так как не достоин быть на кресте, как был господь мой» (см. Библиографические материалы, собранные А. Н. Поповым (XV—XIX), М. 1889, стр. 18).

Стр. 130. *...мудрование... киевских униат...* — Говоря о киевских униатах, Аввакум имеет в виду Брестскую унию 1596 г., которая должна была привести местную православную церковь в подчинение римскому папе.

На Руси к Брестской унии относились резко отрицательно.

БЕСЕДА ТРЕТЬЯ

[*Об иноческом чине*]

По мнению А. К. Бороздина (см. его «Протопоп Аввакум», изд. 2-е, СПб. 1900, стр. 198), сочинение «*Об иноческом чине*», то есть Беседу 3-ю, следует датировать 1672 г. Печатается с небольшими сокращениями.

Стр. 131. *...клобуки рогатыя...* — Некоторые современники Аввакума были склонны объяснять введение на Руси высоких клобуков (принятых у остальных вселенских патриархов) тем, что этот фасон очень нравился Никону. (См. воспоминания архидиакона Павла Алеппского, одного из спутников антиохийского патриарха Макария, в книге: Н. Ф. Каптерев, Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Троице-Сергиевская лавра, 1909, стр. 200—202.)

«Клобуцы рогатые» были тем более скомпрометированы в глазах Аввакума, что они обличаются в ряде полемических сочинений

против латинян (например, в рассказе о Петре гугнивом; рассказ этот встречается в Палее, в Кирилловой книге и в четьях минеях Макария, то есть в источниках, хорошо известных Аввакуму).

Бысть в Риме... на престоле в папах баба еретица.— Подробности о папессе Иоанне также заимствованы из распространенных издавна обличительных рассказов о латинянах.

Евгений — Евгений IV, папа римский в 1431—1447 гг., инициатор созыва Флорентийского собора.

Фелик — Феликс V, папа в 1439—1449 гг., ведший борьбу за папский престол с Евгением IV.

...во Флоренце граде собор...— На Ферраро-Флорентийском соборе в июле 1439 г. была заключена уния между католической и православной церквами при условии главенства папского престола.

В конце XIV — начале XV в. Византийское государство переживало глубокий упадок, вызванный феодальными междоусобицами и борьбой за престол. С востока Византии постоянно грозила опасность в лице турок,— уже в XIV в. Византия потеряла значительную часть своих территорий. Чтобы получить помощь от Запада, византийское правительство согласилось на церковную унию.

Флорентийская уния никакой реальной пользы Византийской империи не принесла, она нужна была лишь папству для укрепления его положения.

Стр. 132. *Марко Ефесский* — Марк, митрополит Ефесский (ум. 1450), защитник православия на Флорентийском соборе, отказавшийся подписать акт о соединении церквей.

Тому времени 282 года, как бысть Фларенский собор.— А. К. Бороздин считает, что при переписке сочинений Аввакума была сделана ошибка от смешения славянских цифр 30 и 80, и следует читать: 232 года.

Иван Калуян — византийский император Иоанн VI Палеолог (1425—1448).

Цареградский Иосиф — Иосиф II, патриарх Константинопольский, умер в Италии в 1439 г.

А митрополит наш московский... Его же князь... предал под начал...— В заседаниях Ферраро-Флорентийского собора участвовал московский митрополит Исидор, грек по национальности, который принял унию и был возведен в сан кардинала. Однако после первой же службы, совершенной в Успенском соборе в Москве, он был объяв-

лен «латинским прелестником и еретиком», заключен, по распоряжению великого князя Василия Васильевича, в Чудов монастырь и затем осужден собором епископов.

Сведения, сообщаемые Аввакумом, очень близки по содержанию к «Инока Симеона суждальца повести, како римский папа Евгений состави осмый собор со своими единомышленниками», известной по списку Хронографа русской редакции XVII в. (на «летописцы латынские» и «летописцы русские» ссылается и Аввакум).

И наш старец... преподобный Сергий Радонежский...— В сказании «О презвитере и о мужех, бывших в латынских странах», записанном в Троице-Сергиевом монастыре около 1441—1443 гг. со слов Симеона-суждальца, рассказывается, как Симеон бежал от Исидора из Венеции, убедившись в еретичестве последнего, сбился с пути и был выведен на правильную дорогу святым Сергием Радонежским. Этот рассказ вошел в Хронограф.

«Инока Симеона суждальца повесть» и сказание «О презвитере и о мужех, бывших в латынских странах» — см. в книге: А. Н. Попов, Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян, М. 1875, стр. 344—359.

Стр. 133. *...Констянтина царя, предал бог... царство греческое с ним.*— С завоеванием турками Константинополя в 1453 г. Византийская империя прекратила свое существование.

А на Русь было напряг в мимошедшем году.— Трудно сказать, какое именно столкновение русских с турками имел в виду Аввакум.

«Безумне, в сию нощь... будет?» — из Евангелия от Луки, XII, 20.

Почти себе пророка Софония 3 главу...— Аввакум, вероятно, имел в виду слово св. Ефрема (Пролог, от 8-го марта) — «Яко не подобает черноризцу много риз имети».

Стр. 134. *Василий Великий иноку повелевает...*— В «Поучении святого Василия како подобает человеку быти» рекомендуется: «...мало глаголати, а более разумевати, не дерзу быти словом, ни пререкати в речех, не скоро в смех впадати, очи долу имети, а душе горе...» (см. в книге: Памятники древнерусской церковно-учительной литературы, вып. 3, СПб. 1897, стр. 20).

Иван Предтеча — Иоанн Креститель, или Предтеча (предшественник),— мифическое лицо в христианской религии.

БЕСЕДА ЧЕТВЕРТАЯ
[*Об иконном писании*]

Создана не раньше 1673 и не позже 1675 г., так как здесь говорится о сосланных в Боровск Морозовой, Урусовой и Даниловой, умерших в 1675 г., как о живых. Печатается с небольшими сокращениями.

Стр. 135. *...письма неподобнаго изуграфы.*— В живописи с середины XVII в. намечается стремление к реализму. Это новое направление связано с именем мастера Оружейной палаты, крупнейшего художника того времени Симона Федоровича Ушакова (1626—1686). Ушаков и его единомышленники требовали от искусства красоты и верности природе. В «Слове к люботщателем иконного писания» Ушаков говорит, это живопись, как зеркало, должна отражать жизнь. Реалистическое направление в искусстве защищает и «изуграф» Иосиф Владимиров в «Послании» к Симону Ушакову: «Где таково указание изобрели несмысленные любопрители, которые одною формою, смугло и темновидно, святых лица писать повелевают? Весь ли род человеческий воедино обличье создан? Все ли святые смуглы и тощи были? Кто из благомыслящих не посмеется такому юродству, будто бы темноту и мрак паче света предпочитать следует?» («Очерки истории СССР в XVII веке», АН СССР, 1955, стр. 637.)

Аввакум в своих эстетических понятиях отставал на целый век и целиком следовал за постановлением Стоглавого собора (1551), предлагавшим «писати живописцем иконы с древних образов, как греческие живописцы писали и как писал Андрей Рублев и прочии пресловущии живописцы... а от своего замышления ничтоже претворяти» («Стоглав», Казань, 1862, стр. 165). Этот спор о живописи имеет значение для Аввакума и в моральном плане: истинный христианин должен отличаться «бледностью» и «сухостью плоти», изображение же «толстоты телесной» на иконах «фряжского письма» свидетельствует о еретичестве их авторов и оскорбляет чувства истинно верующих.

Пишут от чина меньшаго, а велиции власти соблаговоляют им...— Отношение правительства к деятельности Симона Ушакова и его последователей было двойственным. С одной стороны, оно действительно им покровительствовало,— так, под руководством Ушакова расписывался дворец в селе Коломенском, причем тематика росписей была в основном светской. Но за иконописью был установлен надзор, и в

царской грамоте от 1669 г. предписывалось писать иконы в соответствии с прежними традициями.

...пишут Спасов образ Еммануила..— Изображение Христа особенно привлекало Симона Ушакова. Известна его икона «Нерукотворный Спас», где лицо Христа под кистью художника приобрело «плотский», человеческий характер.

А все то... Никон, враг...— Аввакум был неправ, когда приписывал Никону введение «фряжской» манеры письма. К новому направлению в русской иконописи патриарх тоже относился резко отрицательно, как к нарушению греческого стиля изображения святых.

...в Жезле книге...— Имеется в виду «Жезл правления» — полемический трактат Симеона Полоцкого против раскольников, напечатанный в 1667 г. и посвященный автором царю Алексею Михайловичу.

Стр. 136. *А Николе Чюдотворцу имя немецкое...*— Николай Чудотворец — мифический христианский святой, культ которого сложился в V в. на основе культа Посейдона-Нептуна. По агиографической литературе, являлся архиепископом Мирликийским, одним из 318 отцов 1-го Вселенского (Никейского) собора (в 325 г.); на этом соборе он вел борьбу с арианской ересью.

Этот святой был чрезвычайно популярен как в Западной Европе, так и в России. У моряков он почитался как покровитель мореплавания, у крестьян — как покровитель земледелия.

В немцах немчин был Николай...— Николай Немчин или Николай Булев, «профессор медицины и астрономии», как называли его современники; приехав на Русь из Рима в 1490 или 1492 г., он начал вести активную пропаганду за соединение православной церкви с католической.

...при апостолех еретик был Николай...— еретик первых времен христианства, упоминаемый в VI гл. «Деяний апостолов», основатель ереси «николаитов».

«яко господь... под мраком соблюде» — из Соборного послания ап. Иуды, 1, 5—6.

Златоуст Иван и лутче нас был... так спрятали...— В житии Иоанна Златоуста рассказывается, что жена царя Аркадия Евдоксия отняла виноградник у вдовы некоего Феогноста. С бесстрашными обличениями против царицы выступил Иоанн Златоуст. Разгневанная Евдоксия приказала созвать собор епископов для суда над Иоанном, а затем отправила его в заточенье в «Куксы Арменские».

И Филипп митрополит на Москве.— Имеется в виду митрополит Филипп, живший при Иване IV и принявший участие в заговоре бояр против царя (сам Филипп происходил из знатного боярского рода Колычевых). В 1568 г. митрополит Филипп был низложен и сослан в Тверской Отрочь монастырь, а затем удавлен.

Стр. 137. *Не по што в Персы итти... бог дал дома Вавилон...*— Аввакум вспоминает библейский эпизод, рассказанный в Книге пророка Даниила (гл. III), как вавилонский царь Навуходоносор приказал своим подданным поклоняться золотому тельцу. Приказа царя ослушались три еврейских отрока-пленника — Анания, Азария и Мисаил — и были за это брошены в печь, но остались невредимыми благодаря молитве, с которой они обратились к богу.

...в Боровске пещь халдейская, идеже мучатся святии отроцы...— то есть земляная тюрьма, в которой заключены Морозова, Урусова и Данилова. *Халдеи* — название одного из народов, живших в Вавилонском царстве.

...претвори Новходоносора сопреди тельцом, а созади львом...— Навуходоносор за гордость был превращен в вола с львиной гривой и птичьими когтями (Книга пророка Даниила, IV).

...господь гордым противится, смиренным же дает благодать — из Соборного послания ап. Иакова, IV, 6.

...сложение перстов — малакса... то антихристова печать — то есть троеперстное знамение, названное здесь так по имени навплийского протопопа грека Николая Малакса, жившего в XVI в. Его учение о крестном знамении вошло в «Скрижаль», одобренную церковным собором 1656 г.

БЕСЕДА ПЯТАЯ

[*О внешней мудрости*]

Написана не позднее первой половины 1673 г., так как здесь упоминается как здравствующий рязанский архиепископ Иларион, умерший 6 июня 1673 г. Печатается с небольшими сокращениями.

Стр. 138. *Неврод* (Нимрод) — по библейскому преданию, основатель Вавилона, виновник вавилонского столпотворения, основоположник идолопоклонства (Книга Бытия, X).

Ермис — Гермес, один из древнейших богов Греции, покровитель путешественников и бог торговли.

...Артемида любодеица...— Артемида — богиня-покровительница животных и охоты; покровительница женского целомудрия и охранительница матери во время рождения ребенка (греч. миф.).

Аввакум, как это явствует из его сочинения «Списание и собрание о божестве и о твари...» (см. стр. 181), имеет в виду не Артемиду, а Афродиту, богиню любви и красоты.

...о них же Гронограф и вси кронники свидетельствуют...— Все эти сведения взяты Аввакумом из русского Хронографа, который возник в XV в. и пополнялся вплоть до первых десятилетий XVII в., а также из переводных византийских хроник типа «Еллинского и Римского летописца».

Платон (428—343 до н. э.), *Пифагор* (ок. 571 — ок. 497 до н. э.), *Аристотель* (384—344 до н. э.) — древнегреческие философы.

Диоген (ок. 404—323 до н. э.) — древнегреческий философ, представитель кинической школы, считавшей высшей нравственной задачей подавление страстей, сведение к минимуму всех потребностей.

Иппократ — Гиппократ (ок. 460—377 до н. э.) — врач древней Греции, один из основоположников античной медицины.

Галин — Гален Клавдий (ок. 130 — ок. 200) — римский врач, один из теоретиков античной медицины.

«поставлю престол мой... подобен вышнему» — неточная цитата из Книги пророка Исайи, XIV, 13—14.

Стр. 139. *Помните.. пред патриархами теми вселенскими...*— Заседание церковного собора, на котором вселенские патриархи судили Аввакума, состоялось 17 июля 1667 г.

...Иларион и Павел...— Иларион — архиепископ Рязанский, Павел — митрополит Крутицкий, главные деятели церковной реформы.

ИЗ БЕСЕДЫ ВОСЬМОЙ

[*Об Аврааме*]

Написана до 6 июня 1673 г.— даты смерти митрополита Илариона, который упоминается здесь как здравствующий.

Стр. 140—141. *Сей Мелхиседек сын царев... вместо пития росу лизаше...*— В основу рассказа Аввакума о Мелхиседеке положено апокрифическое «Слово Афанасия, архиепископа Александрьского о Мелхоседеце» (Ложные и отреченные книги русской старины, собр.

А. Н. Пыпиным, СПб. 1862, стр. 22; И. Я. Порфирьев — Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях, СПб. 1877, стр. 133).

По Библии (Книга Бытия, XIV, 18—20), Мелхиседек, царь Салимский, увидев Авраама, вынес хлеб и вино и благословил Авраама как «священник бога вышнего», хотя и не был поставлен священником.

Личность Мелхиседека была популярна у старообрядцев в связи с их учением о возможности приобщаться у лиц, не имевших официального духовного сана.

Стр. 141. *Друг мой Иларион...* — С Иларионом Аввакум познакомился еще в молодости, когда Иларион был игуменом Макарьевского монастыря, в Нижегородском крае. Во время церковных преобразований Иларион принял деятельное участие в борьбе с расколом.

На Павла митрополита что глядишь? Тот не живал духовно... — У Аввакума были основания ненавидеть Павла Крутицкого: по прибытии с Мезени опальный протопоп был отдан Павлу «на уговоры» и пробыл пять суток на его дворе в Крутицах, подвергаясь истязаниям. По наущению Крутицкого «мучал» затем Аввакума, «переменяя чепи», и игумен Пафнутьева монастыря.

Стр. 142. *...Исаию пророка пилою претерли...* — Исайя — первый из так называемых больших пророков. Происходил, по преданию, из царского рода, проповедовал в течение шестидесяти лет при библейских царях Озии, Езекии и Монасии и по приказанию последнего был замучен.

Иеремия — пророк, умерщвленный в Египте, куда он бежал после разрушения Иерусалима.

...Науфея камением побили... — Навуфей — израильтянин, который отказался продать или променять свой виноградник царю Ахаву, за что по приказанию Иезавели, жены царя, был побит камнями (3-я Книга царств, XXI).

...Захарии главу отрезали в церкве... — Пророк Захария был убит, как говорится в Евангелии (от Матфея, XXIII, 35), «между церковью и алтарем» за свою обличительную проповедь.

...и вы меня, стригше... браду отрезали... — См. прим. к стр. 94.

...Иякова, брата Иванова, мечем скончали. — В священной истории рассказывается, что брат Иоанна Богослова Иаков был казнен по приказанию Ирода.

Стр. 143. *«блажени плачущии, яко тии утешатся»* — из Евангелия от Матфея, V, 4.

«многими скорбьми подобает нам внити в царство небесное» — из Деяний апостолов, XIV, 22.

«претерпевый до конца, той спасен будет» — из Евангелия от Марка, XIII, 13.

Стр. 143—144. *Некогда мне печальну бывшу... Я плюнул на него, да и очутился...*— Сон Аввакума об антихристе навеян апокалипсическими представлениями.

ИЗ БЕСЕДЫ ДЕВЯТОЙ

[*Толкование на 87—88 зачало Послания к римлянам и 23 зачало Евангелия от Иоанна*]

Беседа написана в 1675 г., что можно видеть из слов Аввакума: «в скорбях от никониян двадесять два лета плаваю» (гонения на старообрядцев начались в 1653 г.).

Стр. 144. *«Неточию же, но и хвалимся... данным нам»* — из Послания ап. Павла к римлянам, V, 3—5.

...иногда наг, иногда гладен... и разлучений жены и детей.— Вольный пересказ отрывка из 2-го Послания ап. Павла к коринфянам, XI, 23—30.

«Кто изнемогает, и аз не изнемогаю... не разжизаюся?» — из 2-го послания ап. Павла к коринфянам, XI, 29.

Саул...— О Сауле, как сильном царе, победителе многих иноплеменников, рассказывается в 1-й Книге Царств, IX, 13, 14.

Стр. 144—145. *Егда Доик оклеветал... леввит со архиереи тысящи с две и больши убить.*— Имеется в виду эпизод из 1-й Книги Царств, главы XXI: когда Давид бежал от ненависти царя Саула, священник города Номвы Авимелех дал ему хлеб и оружие. Об этом донес Саулу Доик, старший пастух царских стад, и Саул приказал избить всех священников, которых считал сочувствующими Давиду.

Стр. 145. *...аз-от, который передвигнули... положен был.*— «Аз» — союз «а», опущенный никонианами в словах из символа веры — «рожденна, а не сотворенна», относящихся к Христу. (Один из пунктов разногласий между старообрядцами и представителями официальной церкви.)

Григорий Синаит — один из «отцов» церкви, родившийся в Малой Азии, в последней четверти XIII в. На горе Синае принял монашество, вел аскетический образ жизни, принадлежа к так называемой школе «безмолвников».

Аввакум приводит здесь один из канонов Григория Синаита.

Стр. 146. *Повесть писана в Духовном Цветнике.* — «Цветник» — название рукописных и старопечатных сборников, состоящих из мелких выписок, изречений, примеров, извлеченных из разных статей. Со второй половины XVII в. в старообрядческой среде появляются цветники полемического характера.

Стр. 147. *Спиридон Потемкин* — архимандрит Покровского монастыря, один из наиболее видных противников церковной реформы. Ему принадлежит сборник из девяти «слов», называемый «Книгою о правой вере» и излагающий учение об антихристе.

...*опреснок* — пресный хлеб, употребляемый иудеями во время их пасхи (см. Библию, Исход. XXIII, 15). Пресный хлеб употребляли во время церковной службы и католики.

ИЗ БЕСЕДЫ ДЕСЯТОЙ

Беседа о наятых делателях

«Беседа о наятых делателях» написана не позднее 1676 г., так как здесь упоминается как здравствующий царь Алексей Михайлович. С этим названием встречается в рукописях.

Стр. 147—148. *«Нищ же бе некто... не имут веры»* — из Евангелия от Луки, XVI, 20—31.

Притча о богатом и Лазаре пользовалась большой популярностью в поучительной литературе древней Руси.

ИЗ «КНИГИ ТОЛКОВАНИЙ»

«Книга толкований» является второй книгой по времени написания. Озаглавлена так одним из первых ее публикаторов П. С. Смирновым в соответствии с ее содержанием: она включает толкования Аввакума на псалмы, притчи и премудрости Соломона, книгу пророка Исайи

и поучение самого Аввакума «Что есть тайна христианская и как жити в вере Христове». Книга сопровождается «Обращением к Симеону и приветствием всем чтущим и послушающим». Адресат «Книги» — Семен Иванович Крашенинников (Симеон), в иночестве Сергий, земляк и один из любимых учеников Аввакума.

Книга была начата, вероятно, в 1673 г.: в первой ее части говорится как о живых о боровских узницах и о царе Алексее Михайловиче (умер 29 января 1676 г.), окончена же (судя по словам Аввакума, что со времени ссылки в Дауры прошло «двадесяте три лета и пол-лета и месяц») — в 1676 г.

«Книга толкований» печатается по единственному полному списку конца XVII — начала XVIII в. (Собр. Богданова, 0. 1. 339).

[ИЗ ТОЛКОВАНИЙ ПСАЛМОВ]

Стр. 149. *«Обновится, яко орлу, юность твоя»* — из Псалтыри, CII, 5.

Стр. 149—150. *Егда состареется орел... терние наших грехов.* — Это толкование очень близко к тексту Физиолога (см. А. Карнеев, Материалы и заметки по литературной истории Физиолога, 1890, стр. 196—197).

Стр. 150. *«бог наш огнь паядаяй есть»* — из Послания ап. Павла евреям, XII, 29.

«И измойся чистою водою естественною» — неточная цитата из Послания ап. Павла евреям, X, 22.

«Господь на небеси уготова... всеми обладает» — из Псалтыри, CII, 19.

...упился еси от жены любодеицы... из золотой чаши подливает. — Аввакум использует апокалипсический образ (Апокалипсис, XVII), где в виде жены, сидящей на «звере чревленом» и держащей в руке золотую чашу, «полну мерзости и скверн любодеяния ее», изображается символически греховный город Вавилон.

Упоила римское царство и польское... да и в Русь нашу приехала... — Аввакум здесь явно исходит из учения так называемой Кирилловой книги, согласно которому через 1000 лет после рождества Христова совершилось отпадение римской церкви в «латинство», через 600 лет Западная Русь отпала в унию, а через 60 лет той же судьбы должна была остерегаться Русь.

...во 160 году — то есть в 7160 г. или по нашему счету в 1652 г., когда Никон сделался патриархом.

«Слово законопреступно... не приложит воскреснути» — из Псалтыри, XL, 9.

Жиды лгаху... да распнет его... — По евангельскому преданию, понтийский игемон Пилат предложил народу отпустить на свободу, в соответствии с обычаем, одного из двух осужденных — Иисуса или разбойника Варраву. Архиереи, ненавидевшие Иисуса, подговорили жителей города кричать об освобождении Варравы, и Пилат приказал распять Иисуса, хотя сам был уверен в его невиновности.

...ругающеся глаголаху: «аще снидет со креста... веру имем ему!» — По Евангелию, когда Христос был пригвожден к кресту, проходившие мимо него говорили, издеваясь: если ты сын божий, то спаси себя.

Стр. 151. *...на кресте Христа... стрелец рогатиною пырнул.* — Имеется в виду эпизод, рассказанный в Евангелии от Иоанна, XIX, 34—35.

«Ибо человек мира моего... возвеличи на мя пяту» — из Псалтыри, XL, 10.

...Сие реченно о Июде предатели... вметаемая ношаше. — Иуда — один из двенадцати апостолов Христа, предавший его за 30 сребреников. В Евангелии от Иоанна (XII, 6) говорится, что он имел «ковчежец», куда складывал деньги, ибо «яко тать бе».

«Им же образом желает елень... душа моя к тебе, боже» — из Псалтыри, XL, 1, 2.

Елень... на вечную смерть устрояюща. — Ср. с Физиологом, где описание оленя, как и у Аввакума, отнесено к 41 псалму (А. Карнеев, Материалы и заметки по литературной истории Физиолога, стр. V—VI). Слова о том, что олень «питается мохом, и зиму и лето щиплет подле земли пищу свою» — в Физиологе отсутствуют. Эта подробность — результат личных наблюдений писателя над северным оленем.

...живыя воды... «...текущи в живот вечный». — Живая вода, которой поит окружающих Христос,— его учение. О встрече Христа с самарянкой, напоившей его, рассказано в Евангелии от Иоанна, IV, 7—14.

«Красотою твоею... десница твоя» — из Псалтыри, XLIV; 5.

Стр. 152. *Евсевий* — епископ Самосатский (IV в.).

«Помяну имя твое во всяком роде... в век века» — из Псалтыри, XLIV, 18.

Богородицу согнали со престола...— Имеется в виду икона богородицы, снятая с престола Никоном.

...перерезал... что Илья пророк... у тряпезы Иезавелины...— Илья пророк (3 Книга Царств, XVIII, 1—40) уничтожает 850 языческих пророков, поклонявшихся Ваалу, в ответ на убийство по приказанию царицы Иезавели пророков «бога единого» (Саваофа).

Образ грозного и жестокого пророка Ильи, решительного в средствах борьбы с врагами, чрезвычайно импонирует Аввакуму, который неоднократно уподобляет себя пророкам, в том числе и пророку Илье (см. челобитную царю Федору Алексеевичу, стр. 206).

Стр. 152—153. *...держаще учение Валаамово... любы творити* — из Апокалипсиса, II, 14.

О прорицателе Валааме и моавитском царе Валаке рассказывается также в Книге Числ, XVIII — XXIII.

Стр. 153. *...новой Валаам...*— Аввакум имеет в виду Никона, лишенного церковным собором 1666 г. патриаршего сана и сосланного в белозерский Ферапонтов монастырь.

...повесил бы его на высокое древо... род Израилев искоренити.— Советник царя Артаксеркса Аман, злобствуя на израильтянина Мардохея, которого отличал царь, решил клеветой погубить весь израильский род, якобы сопротивлявшийся распоряжениям царя, и в первую очередь Мардохея. Но на дереве, которое Аман приготовил для Мардохея, царь приказал повесить самого клеветника (Книга Есфирь, I — VII).

...царь Иван Васильевич — Грозный.

...антихрист, зачнется от блуда... летает к женам...— Рассказ Аввакума о приходе антихриста представляет собой соединение апокалипсического предсказания (Апокалипсис, XX) с народными легендами и сказками о происхождении змеевичей. Этот мотив отражен в известной повести XV в. о Петре и Февронии.

...слово в слово как Никон... что прилично блуду.— Трудно сказать, насколько факты, приведенные Аввакумом, соответствовали действительности,— в других материалах они не находят подтверждения. Изображение патриарха здесь имеет явно полемический оттенок. Оно положило начало обличительным раскольничьим рассказам о Никоне конца XVII — начала XVIII в.,— например, таким, как «Житие инока Корнилия», где Никон представлен как «больший брат» и «друг» бесов, которому они поклоняются; как «Сказание о Никоне пат-

риархе» и повесть «О Никоне волхве, бывшем патриархе московском», где Никон теряет человеческие черты и превращается в какое-то сверхъестественное существо, «пестрого и страшного змия».

Стр. 154. *И веков тех... ересь содержит.*— До исправления церковных книг была принята неверная грамматически, возникшая в результате искажений при переписывании форма — во веки веком,— ее и защищает Аввакум.

«Кириллова книга» была составлена в 1644 г. протопопом Черниговского московского собора Михаилом Роговым из полемических сочинений южнорусских писателей: Стефана Зизания (XVI в.), Захария Копыстенского (ум. 1627), Василия, священника Острожского. Была направлена против «латинства» и содержала «учение» о приходе антихриста.

...якоже Иезекииль пророк... «...неправда в нем» — неточная цитата из Книги пророка Иезекииля, XXVIII, 16.

А во Отечниках написано...— Отечники или патерики — сборники рассказов о разных случаях из жизни христианских подвижников, были не лишены занимательности и пользовались популярностью у читателей.

Стр. 155. *Во Апокалипсисе писано: «аще кто в пленение ведет... убиенну быти».*— Ср. Апокалипсис, XIII, 10.

Манасии пятьдесят лет терпел, да дождался.— По рассказу 4-й Книги Царств Библии (гл. XXI) и 2-й Книги Паралипоменон (гл. XXXIII), Манасия «сотворил лукавое перед господом», поклонялся идолам и пролил много неповинной крови, в частности, казнил обличителя, Исайю-пророка. В наказание за грехи попал в плен к ассирийскому царю, после чего покаялся.

Из Хронографа Аввакум заимствовал подробности о том, что «персы» хотели изжарить Манасию в медном котле, но ангел спас его.

...Ионе Ростовскому... с палестинскими седит...— Ростовский митрополит Иона (1607—1690) принимал участие в церковном соборе 1666—1667 гг., на котором присутствовали вселенские патриархи.

Стр. 156. *А о Павле... мерско и говорить...*— О жестокости Павла Крутицкого по отношению к старообрядцам говорит и современник Аввакума, инок Авраамий, в «Книге, глаголемой челобитной» (Материалы, VII, стр. 267).

...пророк Давыд не солгал, рекше: «браздами и уздою... неприближающихся к тебе» — из Псалтыри, XXXI, 9.

Стр. 157. *Не гляди на Озию... дерзнувшаго святая покадити...* — Во 2-й книге Паралипоменон, XXVI, 16—20, сказано, что царь Озия, в результате многочисленных побед над врагами, возгордился и решил сам покадить в храме, то есть присвоить себе права священников. В наказание за это бог наслал на него проказу.

...зри на богоотца... и пророка Давыда... престати от пагубы людцкой. — Царь Давид разгневал бога намерением сосчитать все население Израиля и Иудеи. Бог наказывает его тем, что в его земле «от утра до часа обеденного» царит смерть. Видя гибель людей, Давид просит покарать его самого (2-я Книга Царств, XXIV, 7).

...прибегни, яко блудница... — Некая грешная жена, каясь в своих проступках, омыла ноги Христа своими слезами, и он отпустил ей грехи, так как она «возлюбила много» (Евангелие от Луки, VII, 38).

...возопи, яко хананея... — Хананейская жена обратилась с просьбой к Христу исцелить ее бесноватую дочь, что он и сделал (Евангелие от Матфея, XV, 22—28).

...припади, яко мытарь... — Аввакум имеет в виду евангельскую притчу (от Луки, XVIII, 10—14): два человека, фарисей и мытарь, вошли в церковь. Фарисей молился, гордясь своими заслугами перед богом, мытарь же сокрушался о своей греховности, бия себя в грудь. По словам Христа, второй был более угоден богу, чем первый.

...яко разбойник, возопи... — Один из двух разбойников, распятых вместе с Христом, обратился к нему со словами: «Помяни меня, господи, когда будешь в царствии своем»,— на что услышал ответ: «Завтра же со мной будешь в раю» (Евангелие от Луки, XXIII, 42—44).

...зане яко трава... скоро отпадут — из Псалтыри, XXXVI, 2.

...яко о Феофиле иконоборце Мефодий. — Мефодий, патриарх Константинопольский (842—846) выступал против византийского императора Феофила, царствовавшего в 829—842 гг., сторонника иконоборцев.

Стр. 158. *Пострижена ты... Феодора...* — Боярыня Феодосья Прокофьевна Морозова тайно постриглась в монахини в декабре 1671 г., вскоре после того как овдовела.

Воззри на царя Давыда... «...смертному осуждению». — Аввакум близко пересказывает гл. XI—XII 2-й Книги Царств.

И глагола ему Нафан... за беззаконие посещи. — Этого эпизода нет ни в Библии, ни в Хронографе. Вполне возможно, что авторство его принадлежит самому Аввакуму, который очень вольно обращался с текстом священного писания.

Стр. 159. *...предал нам и грамоту... и братом его.*— Константин (в монашестве Кирилл) и брат его Мефодий — греческие миссионеры, проповедовавшие в IX в. христианство в Моравии. Изобрели славянскую азбуку и перевели на славянский язык ряд богослужебных книг.

«Да еще бы и ангельски говорили... барабаны ваши» — из 1-го Послания ап. Павла к коринфянам, XIII, 1.

«Любы не превозносится... вся любит».— из 1-го Послания ап. Павла к коринфянам, XIII, 4—7.

Стр. 160. *На шестом соборе бысть... отца своего еретика...*— Константин IV Погонат («Бородатый» — византийский император; 668—685), при котором на VI Вселенском соборе (680—681) было осуждено так называемое монофелитство, признававшееся отцом Константина IV — Константом I. (Монофелитство — учение о том, что Христос имеет две природы — божественную и человеческую, но единую волю).

...понеже суд бывает без милости несотворшим милости — из Послания ап. Иакова, XI, 13.

Стр. 160—161. *Взри на неввитян... «...притекоша ко мне».*— Аввакум очень близко к тексту пересказывает содержание библейской книги пророка Ионы, пересказывает своими словами и с собственными комментариями, внося детали из русского быта.

Стр. 162. *И в лето, в неже умре Озия царь... И нача паки пророчествовати.*— Близкий к тексту пересказ VI главы Книги пророка Исайи.

[ИЗ ТОЛКОВАНИЯ НА КНИГИ ПРИТЧЕЙ И ПРЕМУДРОСТИ СОЛОМОНА]

Стр. 163. *Июдейская вся возлюбили... казни неблагодарнии прияша...*— В Синайской пустыне, куда Моисей привел евреев из Египта по пути в обетованную землю, они возроптали на трудности и говорили, что лучше бы им оставаться в рабстве, но досыта есть. За это они были наказаны нашествием змей (Книга Числ, XXI, 5—7).

...Исус Наввин, чад их обрезав...— Об обрезании, которое совершил в пустыне Иисус Навин, рассказано в Книге Иисуса Навина, V, 4—5.

Стр. 164. *«Падут грады... потекут жесточае»* — из Книги Премудрости Соломона, V, 22.

«Седина же есть мудрость... нескверное» — из Книги Премудрости Соломона, IV, 9.

«Рачение бо злое губит добрая... ум незлобив» — из Книги Премудрости Соломона, IV, 12.

[ИЗ ТОЛКОВАНИЯ НА КНИГУ ПРОРОКА ИСАЙИ]

Стр. 165. *«И ту будет вселение птицам... стеблие»* — вольный пересказ слов пророка Исайи из его Книги, XXXV, 7.

Сирин бо есть птица краснопеснивая... красно и сладко пение... — Описание птицы Сирин взято из Физиолога. (См. А. Карнеев, Материалы и заметки по литературной истории Физиолога, 1890, стр. 244 и 13).

...писано во Алфавите... — Алексикон, Алфавит или Азбуковник — древнерусская энциклопедия, заключающая сведения о различных предметах и исторических лицах. Сведения естественнонаучного характера, приводимые Аввакумом, попали в Азбуковник, на который он ссылается, из Физиолога — сборника статей, большей частью фантастических, о животных, камнях и деревьях.

...егда хождаше в пустыни Исус... и рыбою их накормил... — В Евангелии (от Матфея, гл. XIV, от Марка — гл. VI, от Иоанна — гл. VI) рассказывается, что Иисус в пустыне, где он учил народ, сотворил чудо и накормил великое множество людей пятью хлебами и двумя рыбами.

Стр. 166. *Претерпевый до конца, той спасен будет* — из Евангелия от Марка, XIII, 13.

«И тамо будет путь чист... и не заблудят» — неточная цитата из Книги пророка Исайи, XXXV, 8.

«Почто цените сребро не в хлебы... во благих душа ваша» — из книги пророка Исайи, LV, 2.

Стр. 166—167. *Развратився Израиль тогда... и кольца сребряные.* — Вся эта выдержка представляет собой вольный пересказ слов пророка Исайи (Книга пророка Исайи, II, 7).

Стр. 167. *«Горы бо и холми изменятся... не оскудеет»* — неточная цитата из Книги пророка Исайи, LV, 12—13.

...не прах ли был Илинарх-от... — Имеется в виду открытие мощей соловецкого угодника, игумена Иринарха.

Стр. 168. *...пение в Соловках церковное... в осаде сидят седмь годов...* — См. прим. к стр. 126.

«ЧТО ЕСТЬ ТАЙНА ХРИСТИАНСКАЯ И КАК ЖИТИ В ВЕРЕ ХРИСТОВЕ»

Отрывки из поучения Аввакума, входящего в его «Книгу толкований». Название взято из рукописи, по которой печатается настоящий текст.

Стр. 169. *...яко Иосиф Прекрасный... Египта, державы своея.*— Иосиф, проданный своими братьями-завистниками в Египет в рабство, стал первым человеком при дворе фараона и отплатил братьям добром за зло, наградив их богатством. В гл. XLVI Книги Бытия рассказывается о трогательной встрече Иосифа и его отца Иакова, когда Иосиф публично плакал на шее своего отца.

...яко Соломан царь Вирсавию...— Когда Вирсавия пришла с просьбой к своему сыну, царю Соломону, он почтительно встал ей навстречу, поклонился и поставил справа от своего престола престол для нее (3 Книга Царств, II, 19).

Стр. 170. *...о вдовице и о сиром попекись... обидимаго заступи...*— Ср. Книгу пророка Исайи, I, 17.

Эти слова многократно повторяются в различных древнерусских словах и поучениях, в частности в «Поучении чадом» Владимира Мономаха. Аввакум тут следует общей традиции.

Стр. 171. *Скрыся под древо со Еввою Адам...*— Этот эпизод взят из III гл. Книги Бытия.

...кудри бедной расчесывает... сапоги сафьянныя.— Обличая модников и модниц, Аввакум обращался к традиционной теме публицистической литературы. Отталкиваясь в какой-то мере от Книги пророка Исайи (III, 16, 19), где обличаются «дщери Сиона», красующиеся «помизанием очным», «ступанием ног», нарядными «ризами», он следовал, главным образом, за такими публицистами, как митрополит Даниил и Иоанн Вишенский, давшими замечательные сатирические портреты щеголей своего времени.

...египтяныня, Петерфийна жена...— Жена царедворца фараона Пентефрия, соблазнявшая Иосифа (см. Книгу Бытия, XXXIX, 7).

Диалида — Далила — блудница. Узнав, что сила полюбившего ее библейского богатыря Самсона заключается в волосах, она остригла его и выдала филистимлянам, которые его ослепили (Книга судей Израилевых, XVI).

Стр. 172. *Не подобает скрывати данного нам таланта... во огни негасимом.*— Аввакум имеет в виду евангельскую притчу (от Матфея, XXV, 14—30) о рабе, который получил от своего господина один талант (талант — денежная единица); вместо того чтобы пустить его в оборот, закопал в землю, не принеся таким образом прибыли своему хозяину.

Стр. 173. *Я, окаянный, в Сибири...*— Аввакум вспоминает о событиях 1654—1655 гг., когда он жил в Тобольске и служил в Вознесенской церкви протопопом.

Стр. 174. ...*«хочешь ли вина и пива?»* — Наказание, которому подвергает Аввакум «любодейцу», очень напоминает меры, предпринятые героиней «Повести о целомудренной вдове»; убедив искателя ее руки несколько дней не есть, она потом предложила ему на выбор «трапезу или одр», на что он отвечал: «ниже помысла имам, что есть жена от одержащего мя глада».

ИЗ «КНИГИ ОБЛИЧЕНИЙ ИЛИ ЕВАНГЕЛИЯ ВЕЧНОГО»

«Книга» эта — полемическое произведение Аввакума, созданное в период пустозерской ссылки и направленное против дьякона Федора, одного из «соузников» автора.

Споры, которые начались вскоре после «казни» 14 апреля 1670 г., велись по догматическим вопросам (о святой троице, о сошествии Христа в ад, о непорочном зачатии и т. д.) и носили чрезвычайно острый характер, причем Аввакум в этом споре особой принципиальностью не отличался: с помощью стрельцов он выкрал у дьякона Федора сочинение, посвященное этим вопросам, и уничтожил его, оставив лишь несколько листков, которые послал в Москву.

Федор писал: «Что се, господи, будет? Тамо на Москве клятвы вси власти налагают на мя за старую веру и на прочих верных, и зде у нас между собою клятвы, и свои друзи мене проклинают за несогласие с ними в вере же, во многих догматех, больши и никониянских».

«Книга обличений» была написана, очевидно, в 1679 г.— на это указывают слова Аввакума: «а с тобою уж десять лет мучуся, а не могу бесов тех отогнать». Адресована непосредственно Федору и отличается чрезвычайно ругательным тоном.

«Книга» сохранилась в единственном списке XVIII в., по которому и печатается (собр. Н. М. Михайловского, № 173.— Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина).

Сочинение в рукописи заглавия не имеет. Печатается с названием, которое присвоено произведению первым его публикатором П. С. Смирновым.

Стр. 175. *...нелепо мудрствуешь о образе святыя троицы.*— Аввакум отрицал единосущность троицы и, с точки зрения православия, впадал в ересь. Он утверждал, что в троице три существа, «три царя небесные», каждому «особое седение»; вместе с тем он отделял Иисуса Христа от третьего члена троицы, или «четверил» троицу, как говорил дьякон Федор.

Аввакум и Лазарь обвиняли Федора в «единобожии», говорили, что он прячет «существа в существо».

Стр. 176. *...бешенный, Феодором же звали...*— юродивый Федор, с которым Аввакум познакомился в Устюге во время возвращения из сибирской ссылки в Москву. Федор вместе с Аввакумом отправился в Москву и стал одним из ревностнейших его приверженцев.

Стр. 177. *...по благовещению радишася Сиф... царица небесная...*— Все названные библейские герои рождались при необычных обстоятельствах: по горячей мольбе бесплодных родителей или по «благовещению» свыше: Сиф, например, рождается на свет по просьбе Адама дать ему сына вместо Авеля, убитого Каином; престарелым Аврааму и Сарре ангел сообщает о том, что у них родится сын; божественным промыслом определено и рождение Иоанна Предтечи.

Егда родила бога-человека...— Характеристика Христа-младенца близка к изображению его в апокрифическом «Сказании Афродитиана» (Н. С. Тихонравов, Памятники отреченной русской литературы, СПб. 1863, стр. 4).

...Ария, собаку...— Арий — священник, «еретик» конца III — начала IV в., учение которого, так называемое «арианство», было осуждено на Никейском соборе (325). Отрицал «извечное существование Христа», рассматривая его лишь как «первое творение бога-отца».

Сведения об Арии, против которого якобы выступал Никола Чудотворец, Аввакум почерпнул из сказаний о жизни Николы, где рассказывается, как «святой» «заушил» еретика.

...не знаешь... вопроси бабы поселянки... — Ср. с высказываниями Савонаролы, что всякая старуха больше знает о вере, чем Платон. Взгляды Савонаролы излагает Максим Грек в «Повести страшной и достопамятной о совершенном иноческом житии».

ИЗ СТАТЬИ «СПИСАНИЕ И СОБРАНИЕ О БОЖЕСТВЕ И О ТВАРИ И КАКО СОЗДА БОГ ЧЕЛОВЕКА»

Этой статьей начинается сборник истолковательных сочинений Аввакума, объединенных первым публикатором П. С. Смирновым общим заглавием как «Сочинения богословские». Статья известна в автографе, который находится в одной рукописной книге с автографом «Жития», и в ряде списков. В автографе заглавия нет, но оно имеется во всех известных списках произведения. Как показывает полный текст этого заголовка, первый список сочинения был, очевидно, сделан в Пустозерске старцем Епифанием и им же озаглавлен с согласия самого автора: «Списание и собрание о божестве и о твари и како созда бог человека. Труды грешнаго протопопа Аввакума от бытии и пророк и святаго Евангелия. Надписал инок грешный Епифаний по его благословению на славу Христу богу. Аминь».

Статья была написана в Пустозерске в 1672 г.: Аввакум говорит, что «от Христа до сих мест» протекло 1680 лет, а так как по раскольничьему счету от «сотворения мира» до «рождества Христова» прошло 5500 лет, то дата Аввакума соответствует 1672 году.

Печатается по автографу (Собр. Дружинина, № 746, л. 309—320).

Стр. 179. *«искони сотвори бог небо и землю».* — Этими словами начинается Библия, Книга Бытия.

Гранограф толкует... — При толковании Книги Бытия Аввакум в качестве главных источников использует Толковый Хронограф и Палею (Палея — книга, в которой, как и в Библии, излагается священная история, но с добавлением легендарных подробностей. Официальной церковью включалась в число запретных книг).

Землю взял от воды... пена — лехкое дело... — Аввакум опровергает здесь апокрифический памятник — «Беседу трех святителей», где

сказано, что солнце сотворено от ризы господней, месяц — от духа господня, земля — от пены морской.

Стр. 180. *«яко небеса убо исперва... божиим словом»* — из 2-го Послания апостола Петра, III, 5.

«земля же бе невидима и неукрашенна» — из Книги Бытия, 1, 2.

«и разлучи бог между водою... и бысть» — из Книги Бытия, 1, 7—8.

...*«пропиная небо... превыспренняя своя»* — из Псалма Давида CIII, 2—3.

...*«и тьма верху безны... верху воды»* — из Книги Бытия, 1, 1, 2.

...*«да будет свет... день един»* — из Книги Бытия, 1, 3—5.

«седмижды днем... правды твоея» — из Псалтыри, CXVIII, 164.

Стр. 181. ...*звезду сотворил, ей же имя Аррис...*— Названия звезд взяты Аввакумом из апокрифа. Ср., например, с апокрифическим произведением под названием «Громник дванадесяти месяцам собрано Ираклием царем от звездозакония»: «О небеси. Седмь небес имеют великих семь звезд: Крон, Зевс, Арис, Солнце, Афродит, Ермис, Луна» (Ложные и отреченные книги, собр. А. Н. Пыпиным, СПб. 1862, стр. 156). Непосредственным источником Аввакума были в данном случае также толковый Хронограф или Палея.

И положил солнце... область нощи — из Книги Бытия, 1, 16.

И повеле господь... творящая плод — из Книги Бытия, 1, 11.

И израстиша былия прекрасная, травы цветныя разными процветении...— Ср. с изображением природы в Палее толковой, по списку, сделанному в г. Коломне в 1406 г. (Труд учеников Н. С. Тихонравова, М. 1892, стр. 9).

Стр. 182. ...*всю тварь... сотворил словом, а человека боголепными руками.*— Этих сведений в Библии нет. По мнению А. К. Бороздина, они заимствованы Аввакумом из «Слова о вочеловечении» Иоанна Златоуста. Но возможно, что и здесь источником был апокриф — например, «От книг Еноха праведного, преже потопа» (см. Ложные и отреченные книги, собр. А. Н. Пыпиным, вып. 3, СПб. 1862, стр. 15).

...*по Филону...*— Филон (ок. 20 г. до н. э.— 50 н. э.) — греческий богослов и философ.

...*иныи глаголют три годы...*— В апокрифическом памятнике «Беседа трех святителей» сообщается, что Адам пробыл в раю три часа, с шестого часа до девятого. Правда, к этому произведению Аввакум относится без доверия и даже опровергает его, как сказано выше.

...инии шесть часов... — Об этом говорится в одном из списков апокрифического сказания «Како сотвори бог Адама» (см. В. Мочульский, Следы народной Библии в славянской и древнерусской письменности, Одесса, 1893, стр. 80).

Вниде во змию, лучшаго зверя... — Характеристика змия и сам рассказ об искушении Евы созданы под влиянием апокрифического произведения «Исповедание Еввы». Подробность о том, что у нее «крылья были», возникла под влиянием живописных изображений змиев и народных поэтических представлений.

Стр. 183. *«и вкусиста Адам и Евва...»* — и дальше — вольный пересказ библейской легенды, Книги Бытия, III, 6.

ЧЕЛОБИТНЫЕ, ПИСЬМА, ПОСЛАНИЯ

ЧЕЛОБИТНЫЕ ЦАРЮ АЛЕКСЕЮ МИХАЙЛОВИЧУ

Из сочинений Аввакума и других старообрядцев известно о десяти челобитных протопопа к царю Алексею Михайловичу, из которых до нас дошло только шесть. Не сохранились две ранние челобитные Аввакума (1653), написанные им совместно с костромским протопопом Даниилом (одна — после присылки патриархом Никоном «памяти» Ивану Неронову — см. прим. к стр. 65, — «из книг выписки и сложении перст и о поклонех»; другая — по поводу ссылки Ивана Неронова, см. письмо протопопа Аввакума к Ивану Неронову в Спасокаменный монастырь — Материалы, I, стр. 23—24). Не сохранилась и челобитная, послужившая непосредственным поводом для ссылки Аввакума на Мезень — «моленейце» «о духовных властях», как он сам ее называет (см. Памятники, стлб. 751), или «роспись о том, хто в какие владыки годитца» (как значится в описи бумаг, отобранных у игумена Феоктиста при аресте (см. Материалы, I, стр. 335—336, 189). Не дошло до нас послание Аввакума, которое он написал царю в июне 1667 г., находясь в Андреевском монастыре на Воробьевых горах в Москве (см. «Житие», стр. 103).

До 1951 г. были известны лишь пять челобитных Аввакума (см. Памятники, стлб. 723—766), в 1951 г. В. И. Малышев опубликовал еще одну челобитную, написанную Аввакумом в мезенской

ссылке в январе 1669 г. (см. Доклады и сообщения Филологического института ЛГУ, вып. 3, 1951, стр. 261).

Печатаем четыре челобитных Аввакума Алексею Михайловичу — первую, третью, четвертуя и пятую, следуя в их обозначении за Памятниками.

Первая челобитная

Первая челобитная была написана Аввакумом в Москве вскоре после возвращения из сибирской ссылки весной 1664 г. Аввакум приехал в Москву не позднее середины мая 1664 г.[1].

Челобитная известна в трех редакциях; печатаем первую редакцию, сохранившуюся в автографе (Синодальное собрание, № 1121 б).

Стр. 186. *Златаустый пишет на Послание к ефесеом...*— Иоанн Златоуст (ок. 345—407) — один из учителей христианской церкви. Сборники поучений с его «словами» были очень распространены в древней Руси. Здесь Аввакум имеет в виду одну из бесед Иоанна Златоуста, посвященную толкованию Послания апостола Павла к ефесянам.

Летом, в Преображениев день...— Праздник Преображения — 6 августа. Во 2 и 3 редакциях челобитной указан год, в который совершилось «чудо»,— 171 (1663 г. по современному летосчислению).

...звезда на дискосе.. преступала...— то есть на дискосе сдвинулась «звезда» — особое приспособление, состоящее из двух изогнутых пластинок, предназначенное для поддержания покрова над «святыми дарами».

...по приказу архиепископлю.— В 1663 г. архиепископом в Тобольске был Симеон.

---

[1] Аввакум, рассказывая в «Житии» о своем пребывании в Тобольске на обратном пути в Москву зимой 1663—1664 г., упоминает о боярине Иване Андреевиче Хилкове. Иван Андреевич Хилков Большой был воеводой в Тобольске с 3 февраля 1659 по 19 февраля 1664 г. (См. А. П. Барсуков, Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия, СПб. 1902, стр. 239, 585). Следовательно, Аввакум выехал из Тобольска до 19 февраля. Путь Аввакума от Тобольска до Москвы мог продолжаться 13 недель и даже меньше: это же расстояние из Москвы до Тобольска в 1653 г. он ехал «недель с тринатцеть» по зимним и осенним дорогам.

Таким образом, Аввакум должен был приехать в Москву не позднее середины мая (если он выехал из Тобольска незадолго перед 19 февраля).

...яко неистинна глаголют... во исповедании своея веры.— Одно из никоновских исправлений богослужебных книг заключалось в опущении слова «истинный» в символе веры и замене фразы «его же царствию несть конца» фразой «его же царствию не будет конца». Аввакум обвиняет здесь никониан в «бесчестии» бога и отказе признать Христа «царем небесным».

...моровое поветрие...— Имеется в виду эпидемия чумы 1654—1655 гг.

...агарянской меч... беспрестани...— Очевидно, Аввакум имеет в виду войны, которые вела Россия, начиная с 1654 г.: 1654—1667 гг.— война с Польшей, союзниками которой выступали крымские татары, 1654—1656 гг.— война со Швецией.

...при протопопе Стефане...— См. прим. к стр. 62.

...Христа... невоскресша.— В новых служебниках не упоминалось о воскресении Христа.

Стр. 187. *...яко умеmы, да Христа моего приобрящу* — из Послания ап. Павла к филиппийцам, III, 8.

А Никон меня... мучил недели с три по вся дни...— См. прим. к стр. 315.

...не буду... реку — из 2-го Послания ап. Павла к коринфянам, XII, 6.

Стр. 188. *...яко древняя серафтяныни.*— См. прим. к стр. 322.

Стр. 189. *...чашею вина нерастворенна.*— Ср. Псалтырь, LXXIV, 9.

...отступника Иулияна...— Римский император Юлиан (331—363) восстановил в Риме язычество; рассказ о нем содержится в Хронографе.

Феофил — александрийский патриарх (ум. 414), противник Иоанна Златоуста.

...смерть мужу покой есть...— Ср. Книгу Иова, III, 23.

...яко Арий древнему Констянтину...— Арий — см. прим. к стр. 177; Константин Великий, римский император (285—337), утвердил христианство как государственную религию; на Никейском соборе (325) добился осуждения Ария, но затем выступал за смягчение постановлений, направленных против ариан. О том, как Арий «пленити хотя царя», сообщает Хронограф.

Христа он, Никон, не исповедует... «духу лукавому молимся».— Аввакум перечисляет все «ереси», внесенные Никоном в символ веры, богослужебные книги и обряды.

Стр. 190. *Фармос* (Формоз) — римский папа (891—896); после смерти был обвинен в узурпации папского престола, предан духовному суду и проклят. Источником сведений для Аввакума служили Хронограф, «Повесть о белом клобуке» и «Книга о вере».

ЗАПИСКА О ЖЕСТОКОСТЯХ ВОЕВОДЫ ПАШКОВА, ПРИЛОЖЕННАЯ К ПЕРВОЙ ЧЕЛОБИТНОЙ АЛЕКСЕЮ МИХАЙЛОВИЧУ

«Записка» дошла до нас в автографе в том же столбце Синодального собрания (№ 1121 б), что и первая челобитная, и является ее непосредственным продолжением. Записка писалась в одно время с челобитной и вместе с ней была подана царю.

Печатается по автографу.

Стр. 191. *Пашков.*— См. прим. к стр. 69.

В 169...— в 1661 г. по современному летосчислению.

Стр. 192. *...не достанет ми повествовати лето.*— Ср. Послание ап. Павла к евреям, XI, 32.

Стр. 193. *Софья Алексеевна* — дочь царя Алексея Михайловича, родилась в 1657 г.

Третья челобитная

Сосланный 29 августа 1664 г. в Пустозерск, Аввакум «с великою нуждею доволокся до Колмогор» и отсюда послал челобитную царю, прося оставить его в Холмогорах.

В Памятниках (стлб. 754), воспроизведена приписка к челобитной, в настоящее время в оригинале не поддающаяся прочтению: «Сию челобитную подал великому государю Киприян, Христа ради уродивый, во 173 году, ноября в 21 день».

Написана она незадолго до этой даты — в конце октября — ноябре 1664 г.

Печатается по автографу (Синодальное собрание, № 1120).

Четвертая челобитная

Челобитная написана Аввакумом в «темнице пустозерской» в 1668 — начале 1669 г., не позднее марта — апреля, так как царица Марья Ильинична, которой Аввакум посылает благословение в этой челобитной, умерла 3 марта 1669 г.

Судя по тому, что Аввакум в челобитной отвечает Алексею Михайловичу на приказ «памятовати» о нем, переданный через Дементия Башмакова еще до отъезда Аввакума из Москвы в июле — августе 1667 г., можно думать, что эта первая челобитная из Пустозерска была послана вскоре по приезде (Аввакум приехал в Пустозерск 12 декабря 1667 г.).

Челобитная сохранилась в единственном списке XVII в. (Собр. Гос. архива, № 11), по которому и печатается.

Стр. 194. *...рабу господню... ко всем* — из 2-го Послания ап. Павла к Тимофею, II, 24.

...синбирской протопоп... отъиде... — Симбирский протопоп Никифор был сослан в Пустозерск вместе с Аввакумом, Лазарем и Епифанием; умер около 1668 г.

Стр. 195. *...с Москвы отпустить двух сынов· моих...* — Взрослые сыновья Аввакума, Иван и Прокопий, вместе с ним были привезены в Москву 1 марта 1666 г. с Мезени и затем, когда Аввакум был сослан в Пустозерск, оставались в Москве «на поруках» («мучились годы с три») до весны — лета 1669 г.

Пятая челобитная

Эта последняя челобитная Аввакума Алексею Михайловичу написана в 1669 г., что явствует из указания самого Аввакума: «...нынешня 177 году», до 1 сентября. По свидетельству дьякона Федора, список с нее был послан к семье протопопа на Мезень незадолго до 1 сентября 1669 г., еще до того, как челобитная была отправлена к царю (Барсков, стр. 68, 70).

Печатается по автографу (Собр. Гос. архива, № 23).

Стр. 196, *«Честь царева суд любит»* — из Псалтыри, XCVIII, 4.

Жезл. — См. прим. к стр. 135.

Стр. 197. *«егда приидет... на земли?»* — Ср. Евангелие от Луки, XVIII, 8.

Арсений Суханов (ум. 1668) — келарь Троице-Сергиева монастыря. По поручению Алексея Михайловича ездил на Афон, в Грецию, Египет, Иерусалим, чтобы изучить вопрос об отступлении русского богослужения от греческого.

Стр. 198. *...во Истории о белом клабуце...* — *«Повесть о Новгородском белом клобуке»* — публицистический памятник XV в., пользовался большой популярностью у старообрядцев; основная идея его — идея величия и духовного преимущества Руси перед Римом и Византией.

Стр. 199. *И увидех на брюхе твоем язву зело велику...* — Видение Аввакума, возможно, имеет своим источником «Повесть о Новгородском белом клобуке», где также рассказывается о язвах, поразивших царя Константина за его неверие в Христа.

...присылал ко мне Юрья Лутохина... — См. «Житие», стр. 103.

Стр. 200. *Нынешня 177 году... на первой неделе...* — Первая неделя великого поста в 1669 г. была с 22 по 28 февраля.

...прежде часов... — Часы — краткие богослужения, соответствующие первому, третьему, шестому и девятому часу дня.

Стр. 201. *...ангел... восхитил Авраама выспрь...* — В апокрифическом «Откровении Авраама», вошедшем в Палею, рассказывается о том, как ангел Альтез «восхитил» Авраама на небо и показал ему всю вселенную.

ПИСЬМО К ЦАРЕВНЕ ИРИНЕ МИХАЙЛОВНЕ РОМАНОВОЙ

Царевна Ирина Михайловна (1627—1679), старшая из дочерей царя Михаила Федоровича, пользовавшаяся большим влиянием в царской семье, весьма сочувственно относилась к старообрядцам и протопопу Аввакуму. О ее помощи Аввакум вспоминает в «Житии»: «Царевна Ирина Михайлова ризы мне с Москвы и всю службу в Тоболеск прислала» (см. стр. 122).

Это письмо написано Аввакумом, вероятно, уже после собора 1667 г. и до февраля 1679 г. (дата смерти Ирины Михайловны). Из текста письма можно понять, что намерения Аввакума бороться с «Салтаном-царем» вызваны были тем, что «та же собака («варвар... турской») заглядывает и в нашу бедную Росию». Возможно, что эти мотивы письма Аввакума были вызваны слухами о предстоящей войне с Турцией (1676—1681), особенно усилившимися после 30 сентября 1672 г.— после захвата турками пограничного Каменца-Подольского, когда Россия начала деятельно готовиться к обороне. Царь в письме не назван по имени, но ряд деталей в тексте позволяет думать, что Аввакум имеет в виду Алексея Михайловича. Если следовать за этими предположениями, то хронологические рамки письма сужаются: ок-

тябрь 1672 — начало 1676 г. (Алексей Михайлович умер 29 января 1676 г.).

Письмо печатается по списку конца XVII — нач. XVIII в. (Ярославский обл. музей, № 862 (1205), лл. 63—69) с исправлением по списку XVIII в. (Печорское собр., № 37, лл. 4—5 об.— Архив Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР).

Стр. 202. *...иссек римскою властью... род еврейский...* — Аввакум имеет в виду уничтожение римлянами Иудеи как самостоятельного государства (падение Иерусалима— 70 г.), факт хорошо известный на Руси по рассказам Хронографа и по «Истории иудейской войны» еврейского историка Иосифа Флавия (около 37 — около 95).

Флоренский собор — Флорентийский собор 1439 г., провозгласивший унию римской и греко-восточной церквей. Ортодоксальное русское православие, не принявшее унию, считало греков (ее участников) «отступниками».

Мануилович — Иоанн VI Палеолог, византийский император (1425—1448), сын императора Эммануила II, принимал деятельное участие во Флорентийском соборе.

Тому лет с двести семьдесят с лишком... взял Царьград... — Аввакум приводит эту цифру ошибочно, со времени взятия турками Царьграда (Константинополя), столицы Византийской империи (в 1453 г.) до времени написания этого письма прошло около 230 лет.

Бахмет турской — турецкий султан Магомет II (1430—1481), взявший Константинополь.

Константин XII (по другому счету XI) Палеолог, брат Иоанна VI — последний византийский император (1449—1453), погибший при падении Константинополя.

Стр. 203. *...се жених грядет... стретение его* — из Евангелия от Матфея, XXV, 6.

«зрех... служаху ему».— Ср. Книгу пророка Даниила, VII, 9—10.

«не на лук... не спасет мене» — из Псалтыри, XLIII, 7.

«несть наша брань... под небесным» — из Послания ап. Павла к ефесянам, VI, 12.

«сего ради... стати» — из Послания ап. Павла к ефесянам, VI, 13.

«станете... угасити»— из Послания ап. Павла к ефесянам, VI, 14—16.

Стр. 204. *«коня и всадники... в Чермном мори»* — см. 2-ю Книгу Моисееву, Исход, XV, 1—4.

Иякав Никейский — Иаков Низибийский (ум. 350), святой, отец церкви, епископ римского города Низибии (на границе с Персией). Источником для сведений Аввакума о нем и его чуде был Пролог (память 13 января).

В молитвах их напечатано... «...лукавый». — См. прим. к стр. 261.

...партесное пение — хоровое пение, разделенное на голоса, партии. Аввакум был сторонником единогласия в церковной службе.

...яко Давыд на Голияда. — Аввакум имеет в виду библейский рассказ о победе царя Давида над великаном Голиафом (1 Книга Царств, XVII).

...яко Мадиям... яко гной земный. — Ср. Псалтырь, LXXXII, 10—11.

ЧЕЛОБИТНАЯ ЦАРЮ ФЕДОРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

Челобитная написана, очевидно, в начале 1676 г., вскоре после вступления на престол Федора Алексеевича (30 января 1676 г.), выражает надежды Аввакума на изменение отношения нового царя к старообрядцам.

Печатается по списку конца XVIII в. (ф. 98, № 1885, лл. 201—204 об.), публикуемому впервые.

Стр. 205. *Не смею нарещися богомолец твой...* — Ср. Евангелие от Луки, XV, 21.

...яко некий изверг... — Ср. 1-е Послание ап. Павла к коринфянам, XV, 8.

...милостив буди ми, господи. — Ср. Евангелие от Луки, XVIII, 13.

...серафинисса, жена еллинска... — В Евангелии от Марка (VII, 26) рассказывается о том, как «жена еллинска», «сирофиникисса родом» (язычница сирофиникиянка) просила Христа об исцелении ее дочери.

...пси... господий своих — из Евангелия от Матфея, XV, 27; ср. Евангелие от Марка, VII, 28.

...помазан елеом радости... — Ср. Послание ап. Павла к евреям, 1, 9.

Проклят день... буди тьма... — Ср. Книгу Иова, III, 3—4.

Помилуй мя, сыне Давыдов — из Евангелия от Матфея, XV, 22.

Услыши моление мое... льстивых! — Ср. Псалтырь, XVI, 1.

Стр. 206. *...что Илия пророк, всех перепластал во един час.* — См. прим. к стр. 152.

Князь Юрий Алексеевич Долгорукий (ум. 1682) — опекун царя Федора Алексеевича, известен своими победами в войне с Польшей; участвовал в подавлении восстания С. Т. Разина. С 1676 г.— начальник Стрелецкого приказа.

Бог судит между мною и царем Алексеем... за свою правду.— Признание царя грешником, достойным адских мук,— одно из самых смелых мест челобитных Аввакума.

Иноземцы... предали турку...— Аввакум имеет здесь в виду широко распространенную в древнерусской литературе историю разгрома Византии турками в 1453 г., ее гибели за «безверие».

Константин XII Палеолог.— См. прим. к стр. 202.

Иоаким (1620—1690) — русский патриарх с 1674 г.

...с Павлом и Ларионом.— См. прим. к стр. 139.

Стр. 206—207. *...яко чаша... не искидашася* — из Псалтыри, LXXIV, 9.

Стр. 207. *«...испиют... грешнии земля»* — из Псалтыри, LXXIV, 9.

«имеяй уши слышати, да слышит!» — из Евангелия от Матфея, XIII, 9.

ПИСЬМА К БОЯРЫНЕ Ф. П. МОРОЗОВОЙ

Феодосья Прокофьевна Морозова (см. прим. к стр. 92) поддерживала постоянную связь с Аввакумом, своим «духовным отцом», обращалась к нему за нравственной поддержкой и практическими советами. Письма ее Аввакуму и его семье см. в книге: Я. Л. Барсков, Памятники первых лет русского старообрядчества, СПб. 1912, и в книге: Аввакум. Житие. Челобитные к царю. Переписка с боярыней Морозовой. Париж, 1951.

Печатаем два письма Аввакума, написанных им Ф. П. Морозовой из Пустозерска в то время, когда она находилась еще на свободе.

1

Письмо сохранилось в автографе (Собр. Гос. архива, № 20), на обороте письма Морозовой Аввакуму, в котором она просила его помолиться, чтобы бог «подал» ее сыну «супружницу на спасение». Письмо Аввакума является ответом и на предыдущие письма Морозовой, где она жаловалась на Федора-юродивого (см. прим. к стр. 94)

и сыновей Аввакума, которые «у нево перенели высокоумья великое на себя», и просила «запретить», «чтобы им с ним не знатца» (Б а р с к о в, стр. 38—39). Известно, что сыновья Аввакума были в Москве до начала лета 1669 г. Датируется письмо 1669 г.

Печатается по автографу.

Стр. 207. *Прежде сих грамоток...* — Речь идет о письмах Морозовой, полученных Аввакумом.

Писал тебе преж сего... — Сохранилось еще два отрывка из писем Аввакума Морозовой по этому же поводу (см. Б а р с к о в, стр. 33—35, 39—40).

Стр. 208. *...яко и Епифания Евдоксия.* — Аввакум напоминает эпизод из истории византийской церкви: императрице Евдоксии (ум. 404) в ее борьбе против Иоанна Златоуста удалось привлечь на свою сторону Епифания Кипрского.

...поганую вашу любовь разорвала... — Неясно, чьи и какие взаимоотношения имеет в виду Аввакум.

...выколи глазища... что и Мастридия. — Аввакум имеет в виду Житие «преподобной» Мастридии (Пролог, память 24 ноября), выколовшей себе глаза, чтобы избавиться от любовных соблазнов.

Не кручинься на Марковну... — Жена Аввакума Настасья Марковна, очевидно, не вникала в ссору Морозовой и Федора.

Написано после 14 апреля 1670 г. (в конце письма Аввакум называет себя «живым мертвецом», а это могло быть после 14 апреля 1670 г., когда Аввакум был посажен в Пустозерске в земляную тюрьму) и до 16 ноября 1671 г. (до взятия Морозовой под стражу).

Печатается по списку нач. XIX в. (Собр. митр. Макария, № 58, лл. 67 об.— 70).

Стр. 208. *Господь грядет... спасти.* — Ср. 9 песнь канона в «неделю мясопустную».

Стр. 209. *«егда поносят вам... на небесех»* — из Евангелия от Матфея, V, 11—12.

...егда молишися... двери своя — из Евангелия от Матфея, VI, 6.

«господи, согрешила... Несмь достойна... наемниц твоих!» — Ср. Евангелие от Луки, XV, 18—19.

ПИСЬМО К БОЯРЫНЕ Ф. П. МОРОЗОВОЙ, КНЯГИНЕ Е. П. УРУСОВОЙ И М. Г. ДАНИЛОВОЙ

«Боярыня с сестрами», которым было отправлено это письмо,— Ф. П. Морозова, постригшаяся в монахини под именем Феодоры, родная сестра ее княгиня Евдокия Прокофьевна Урусова (см. прим. к стр. 92), и находившаяся вместе с ними в заключении жена стрелецкого полковника Акинфия Ивановича Данилова — Мария Герасимовна Данилова.

Возможно, что Морозова, Урусова и Данилова находились уже в Боровской тюрьме, куда они были сосланы после 19 апреля 1673 г., так как Аввакум посылает благословение «Устине-старице с побратимом», которые, как известно из «Жития боярыни Морозовой», находились в Боровской тюрьме в заключении вместе с Морозовой. Вероятная дата написания письма — первая половина 1673 г., так как оно было написано под непосредственным впечатлением от писем Ф. П. Морозовой, сокрушавшейся о смерти своего сына (1672).

Печатается по списку конца XVIII в. (Музейн. собр., № 2582, лл. 123—129), публикуемому впервые.

Стр. 210. *«благословен еси.. во веки вся».*— Ср. Книгу пророка Даниила, III, 26, 28, 52.

Василий Великий (329—378), его друг и сподвижник *Григорий Богослов* (328—390), *Иоанн Златоуст* (ок. 347—407) — так называемые «отцы» и учители восточнохристианской церкви.

Афанасий Александрийский (293—373) — епископ Александрии, прославившийся в истории церкви борьбой с арианством.

Стр. 211. *...Федор дьякон...*— См. прим. к стр. 94 и на стр. 406.

В книге моей написано и послано к вам...— Аввакум имеет здесь в виду свою восьмую беседу из «Книги бесед», где он, не называя противника по имени, полемизировал с «некоторыми гадами» (очевидно, с тем же дьяконом Федором) по ряду догматических вопросов.

Стр. 212. *...да послет беса и умучит его... с мачехою.*— См. 1-е Послание ап. Павла к коринфянам, V, 1—5.

...что... о Иване том больно сокрушаешься? — Аввакум утешает Морозову, горюющую о смерти сына и о том, что никониане ли-

шили его «божьей благодати» — перед смертью причастили «по-новому».

Стр. 213. *Григорей о Трояне... помолился, ино отдали.*— Житие Григория Двоеслова рассказывает о том, как он вымолил у Христа прощение императору Трояну, преследовавшему христиан.

«Преподобномученица» Феодосия Цареградская (VIII в.) — святая христианской церкви, монахиня знатного происхождения, пострадала за свое бесстрашное сопротивление иконоборцам (Пролог, память 29 мая).

...батюшко...— князь П. С. Урусов, с которым Е. П. Урусову развели после заключения ее в тюрьму.

Стр. 214. *Меланья* (она же Александра Григорьевна) — инокиня-старообрядка, возглавляла в доме Морозовой своеобразный женский монастырь. После своего пострижения в монахини Морозова была у нее «под началом». После ареста Морозовой Меланье удалось скрыться и организовать в Москве новую обитель.

ПИСЬМО К БОЯРЫНЕ Ф. П. МОРОЗОВОЙ И КНЯГИНЕ Е. П. УРУСОВОЙ

Письмо датируется концом 1674 г. на основании указания самого Аввакума: «...20 лет и единое лето мучат мя». Морозова и Урусова в это время находились в Боровской тюрьме.

Печатается по списку конца XVIII в. (ф. 98, № 1885, лл. 174—178), публикуемому впервые.

Стр. 215. *Скоро да предварят ны... спасителю наш!* — из Псалтыри, LXXVIII, 8—9.

Енох, Илия.— Библейский патриарх Енох и пророк Илия прославились своей святостью (см. прим. к стр. 238).

Стр. 216. *...жезл Ааронов прозябший...*— В подтверждение прав Аарона (старшего брата пророка Моисея) на священство, ореховый жезл его расцвел и принес плоды. (См. 4-ю Книгу Моисееву, Числа, XVII).

Борис Иванович Морозов (ок. 1590—1662) — брат мужа Ф. П. Морозовой, воспитатель царя Алексея Михайловича, один из богатейших людей того времени.

Стр. 217. *С Феодором... ликовствуют...*— См. прим. к стр. 92.

ПИСЬМА К СЕМЬЕ

До нас дошло четыре письма Аввакума своей семье на Мезень.

1

Письмо послано 30 мая 1666 г. из темницы Николо-Угрешского монастыря, куда Аввакум был заключен после расстрижения и предания проклятию на церковном соборе 13 мая 1666 г. В конце письма ошибочно указана дата — «Майя в 1 день» (Аввакум только 15 мая прибыл в монастырь). Как предполагает В. И. Малышев, переписчик спутал букву л, обозначавшую в древнерусском языке цифру 30 (30 мая), с буквой а, обозначавшей единицу. Это предположение подтверждается и другими данными, приурочивающими письмо к концу мая: праздник Вознесения, упоминаемый Аввакумом, в 1666 г. был 24 мая. Сыновья Аввакума Иван и Прокопий были еще на свободе (схвачены 7 июля 1666 г. за попытку проникнуть под окно его тюрьмы).

Печатается по списку конца XVIII в. (Собр. Н. П. Вострякова, № 1009, лл. 112 об.— 114.— Гос. ист. музей).

Стр. 218. *В Пафнотьеве монастыре...* — См. прим. к стр. 93.

У Николы на Угреше... — См. прим. к стр. 94.

...мизинцу моему — то есть младшему сыну Аввакума Афанасию.

Молитва бо Петра из темницы избави... — См. Деяния апостолов, XII, 4—9.

...молитва Иону из чрева китова изведе... — См. Книгу пророка Ионы, II.

...молитва... отроков от огня свободи... — См. Книгу пророка Даниила, III, 20—50.

...Анна Самойла породи... — См. 1-ю Книгу Царства, I, 10—20.

Стр. 219. *В Вознесеньев день... радости многия исполнен бых.* — Об этом же видении Аввакум писал в пятой челобитной Алексею Михайловичу (см. стр. 201).

2

Иван и Прокопий «прибрели» на Мезень летом 1669 г. и там жили на свободе до марта 1670 г. Письмо написано не раньше лета 1669 и до марта 1670 г.

Печатается по автографу (Собр. Гос. архива, № 18).

Стр. 219. *...с братом и сестрами, с женою и дочерью...* — Брат Ивана и Прокопия — Афанасий; сестры — Агриппина, Акилина и Ксения; жена Ивана — Неонила, дочь — Мария.

старец — инок Епифаний.

бояроня — Ф. П. Морозова.

3

Письмо написано между 6 января и мартом 1670 г. (до казней на Мезени).

Печатается по автографу (Собр. Гос. архива, № 22).

Стр. 219. *Пришли с Машигиным ваши все посылки.* — Стрелец М. Машигин был отправлен в Москву с отпиской пустозерского воеводы И. Неелова осенью 1669 г. Вероятно, предыдущее письмо Аввакума семье (см. выше) было отправлено именно с ним, а на обратном пути в Пустозерск Машигин захватил «посылки» протопопу от семьи.

Огрофена — дочь Аввакума (Агриппина).

Стр. 220. *Послал ныне богоявленской воды боченку, а летом — августовы...* — Праздник Богоявления — 6 января, следовательно, письмо Аввакума написано после 6 января; августова вода — вода, освященная в день водосвятия 1 августа.

Маремьяна. — См. стр. 431.

«святит... о жене верней» — из 1-го Послания ап. Павла к коринфянам, VII, 14.

В Соловки те... хотя бы подъехал... — Проникнуть в Соловецкий монастырь в это время было уже трудно, так как с 1668 г. он был в осаде. См. прим. к стр. 126.

Тимофей, Иван Архипов, Стефан, Орина — личности их не установлены.

Федосья — Ф. П. Морозова.

4

Письмо, вероятно, написано в первые месяцы 1673 г., как это определяется на основании следующей фразы Аввакума: «И рубашку с себя скинул... уже три года будет». Известно, что он «рубашку скинул», попав в земляную тюрьму, то есть вскоре после 14 апреля 1670 г.

Печатается по списку нач. XIX в. (Собр. митр. Макария, № 58, лл. 162—166 об.).

Стр. 220. *Возлюбленнии... душю нашю* — из 1-го Соборного послания ап. Петра, II, 11.

...вся суета... суетие — из Книги Екклесиаста, 1, 2.

Стр. 221. *Увы, красный уныл... суета человеческая.*— Ср. стихиры Иоанна Дамаскина на погребение.

Имеющу пищу... довольни будем — из 1-го Послания ап. Павла к Тимофею, VI, 8.

«Аще и забудет мати... но аз не забуду» — из Книги пророка Исаии, XLIX, 15.

«Не пять ли птиц... есте вы» — из Евангелия от Матфея, X, 29—31; от Луки, XII, 6—7.

«небо и земля... прейти» — из Евангелия от Луки, XXI, 33.

«внуши, боже... моления моего» — из Псалтыри, LIV, 1.

«умякнуша словеса... суть стрелы» — из Псалтыри, LIV, 22.

«ты же, боже... студенец истления» — из Псалтыри, LIV, 24.

Стр. 222. *...зверь даурский* — воевода Афанасий Пашков.

...и в Енесейске Ржевскому...— Иван Иванович Ржевский (ум. 1678) — воевода в Енисейске с 1658 по 1663 г.

«и умертвят от вас... душа ваша» — из Евангелия от Луки, XXI, 16—19.

Стр. 223. *Григорий* — личность его не установлена.

Мария — дочь сына Аввакума — Ивана, *Акилина* (Окулина) — дочь Аввакума.

...на висилицу... не пошли...— См. стр. 105.

И Петр апостол... так сделал...— См. прим. к стр. 294.

ПИСЬМА К СИМЕОНУ

Любимый ученик Аввакума Симеон — Семен Иванович Крашенинников, нижегородец, посадский человек; в 1675 г. был пострижен в монахи и принял имя Сергия. Инок Сергий известен как сподвижник Никиты Добрынина, так называемого Пустосвята (казнен в 1682 г.), бывшего одним из руководителей стрелецкого восстания 1682 г., которое выдвинуло ряд старообрядческих лозунгов; им была написана челобитная от имени всех стрелецких полков и чернослободцев.

Известны три письма Аввакума Симеону, два из них (2-е и 3-е) были посланы вместе с «Книгой толкований».

1

Письмо написано не раньше 16 ноября 1671 г. и не позднее 11 сентября 1675 г.: в письме упоминается Морозова, которая «мучится с сестрами» (дата взятия Морозовой и Урусовой под стражу — 16 ноября 1671 г.; Урусова умерла 11 сентября 1675 г.). Возможно, что строки письма «да в лоб палкой, да на огонь жарить» вызваны дошедшим до Аввакума известием о пытках Морозовой, Урусовой и Даниловой, которым их подвергли до ссылки в Боровск (до 19 апреля 1673 г.).

Печатается по списку конца XVIII в. (ф. 98, № 1885, лл. 228—230 об.), публикуемому впервые.

Стр. 224. *...воевода тут приходит...*— До нас дошли сведения только об одном пустозерском воеводе — Иване Савиновиче Неелове, бывшем воеводой в Пустозерске с 14 ноября 1666 по январь 1672 г.

...три отроки... с богом.— См. Книгу пророка Даниила, III.

...его же положи... наследствова имя — из Послания ап. Павла к евреям, 1, 2—4.

благословен еси... во веки...— из Книги пророка Даниила, III, 26.

2

Письмо написано после отъезда из Москвы вселенских патриархов, участвовавших в церковном соборе 1667 г. (Макарий Антиохийский уехал 6 июня 1668 г., Паисий Александрийский — 4 июля 1669 г.), и до 1676 г., начала войны с Турцией. Фраза: «Чаю, подвигнет бог того же турка на отмщение кровей мученических» указывает, что письмо писалось в то время, когда ожидалась война с Турцией.

Печатается по списку конца XVII — нач. XVIII в. (Собр. Богданова, 0. I. 339, лл. 309 об.— 328).

Стр. 225. *Чадо богоприимче* — обращение к Симеону (в ряде списков — «Чадо богоприимче Симеоне»). «Богоприимцем» назывался евангельский Симеон, первосвященник Иерусалимского храма, принявший в своем доме Христа.

Распял... ево Измаил на кресте...— Сведения о распятии Паисия Александрийского неверны, но этот слух был весьма распространен в 70-х гг. Дьякон Федор в письме сыну Максиму также писал о том,

что султан приказал повесить вселенских патриархов (Материалы, VI, стр. 248—249).

«аще кто в пленение... убиенну быти» — из Апокалипсиса, XIII, 10.

Яко Теверий древле Пилата и Каиафу... — Сведения о смерти Понтия Пилата и первосвященника Каиафы, осудивших Христа на смерть, Аввакум не совсем точно почерпнул из апокрифического «Послания Пилата к Тиверию Кесарю».

Еще надеюся... Неглинна течет. — Тит Веспасиан (41—81) — римский император, разрушивший Иерусалим. «Новым Иерусалимом» назывался Воскресенский монастырь на р. Истре, отстроенный патриархом Никоном с большой пышностью; главный монастырский храм был точным подобием иерусалимского храма. «Пригородок» — Кремль.

любодеица — см. прим. к стр. 150; здесь — никонианская церковь.

...имущи чашу злату... любодеяния ея... — из Апокалипсиса, XVII, 4.

Стр. 225—226. *...малакса на чело поп наложит* — то есть помажет маслом по учению Николая Малаксы. См. прим. к стр. 137.

Стр. 226—227. *Достоин... своея* — из Евангелия от Матфея, X, 10.

Стр. 227. *«изведи из темницы... воздаси мне»* — из Псалтыри, CXLI, 8.

Егда посла бог-отец душу в телеси... — Аввакум утверждал, что Христос сходил в ад не только душою, но и телом. Это положение было признано еретическим не только господствующей церковью, но и старообрядцами.

Стр. 227—228. *...к тому уже не умрет... не обладает* — из Послания ап. Павла к римлянам, VI, 9.

Стр. 228. *...огнь... коегождо дела искусит... якоже огнем.* — Ср. 1-е Послание ап. Павла к коринфянам, III, 13—15.

Стр. 229. *Никола Чюдотворец... от Максимияна-мучителя.* — Об этом рассказывается в Житии Николая Чудотворца (Пролог, память 6 декабря); Максимиян — римский император Максимилиан (285—310), преследовавший христиан.

А мучитель ревет... матица огня. — Рассказ о наказании «Максимияна» воспринимается как скрытая угроза по адресу царя Алексея Михайловича, весьма недвусмысленная в силу определенных параллелей: «Где строение сел любимых?.. Где все затеи и заводы?..» Алексей Михайлович увлекался строительством дворцовых палат, охотой, различными светскими забавами, театром.

«славно бо прославися» — из 2-й книги Моисеевой, Исход, XV, 1.

...Макар Антиохийский забежал в Грузи... — Из Москвы патриарх возвращался в Антиохию через Грузию.

Стр. 230. *...сею книгою.* — Имеется в виду «Книга толкований» Аввакума, посланная им Симеону.

3

Письмо датируется февралем 1677 г., так как Аввакум указывает в нем, что со времени его ссылки в Сибирь (сентябрь 1653 г.) прошло «двадесяте три лета и пол-лета и месяц».

Печатается по списку конца XVII — нач. XVIII в. (Собр. Богданова, 0. 1. 339, лл. 296 об.— 309 об.).

Стр. 231. *Отрадние, чадо... житие бысть...* — *Лот* — библейский патриарх, жил в «нечестивых» городах Содоме и Гоморре. См. 1-ю Книгу Моисееву, Бытие, XVIII — XIX.

Беспрестанно ратуюся с попами пьяными... — Аввакум не преувеличивал, говоря о тех бесчинствах, которые происходили во время церковной службы. В одной из «записок» патриарха Иосафа в 1636 г., например, читаем: «...дети во время святыя службы в олтари бесчинствуют, и во время же святого пения ходят по церквам шпыни, с бестрашием, человек по десятку и больши, и от них в церквах великая смута и мятеж, и в церквах овогда бранятся, овогда и дерутся». О попах и дьяконах, упивающихся вином и дерзающих «неистрезвився служить божественную литургию», говорится в соборном ответе 1681 г. на вопросы царя Федора Алексеевича. Подтверждаются эти факты и многими другими документами (см. А. П. Щапов, Сочинения, т. 1, СПб. 1906, стр. 383—386).

Беседы апостольские — то есть Беседы Иоанна Златоуста на Деяния апостолов.

Стр. 232—233. *Честнаго отца сын... вся приобрете.* — Ср. Житие И. Златоуста. *Мелетий* (ум. 381) — антиохийский епископ, учитель Златоуста; *Флавиан* (ум. 404) — антиохийский епископ — ученик Златоуста; *Аркадий* (347—408) — византийский император, *Евдоксия* (ум. 404) — императрица.

Стр. 233. *...рыкнул Иркан в царице...* — Ирканом Аввакум называет, очевидно, александрийского патриарха Феофила (ум. 414), союзника императрицы в борьбе против Иоанна Златоуста; Иркан —

Гиркан II (79—40 гг. до н. э.) — первосвященник Иудеи; был известен Аввакуму по «Истории иудейской войны» Иосифа Флавия.

...собор на извержение Иванново! — то есть собор для лишения Иоанна Златоуста сана архиепископа.

Алексеюшко-то с Марьюшкой — царь Алексей Михайлович и царица Мария Ильинична.

...Куксы арменския... — город Кукуз в Армении, куда в 404 г. был сослан Златоуст; в *Команах* (на побережье Черного моря) Златоуст умер в 407 г.

...греки... патриархи кушают... — Греческая церковь находилась в полной зависимости от власти турецкого султана, это было для Аввакума лишним доводом неприемлемости обрядов, введенных Никоном по греческому образцу.

Стр. 233—234. *В Казани никонияня тридесять человек сожгли... сами во огнь дерзнувше...* — См. прим. к стр. 126. Одобрение, которое слышится в словах Аввакума, относится к самосожжению, как средству спасения из рук никониан. (См. А. К. Бороздин, «Протопоп Аввакум», изд. 2-е, СПб. 1900, стр. 311—314).

ПИСЬМО К ИГУМЕНУ ФЕОКТИСТУ

Феоктист — игумен Златоустовского монастыря, деятель раннего старообрядства. В 1666 г. был арестован в Вятке, где он скрывался от преследований «никониан». Умер до собора 1666 г.

Письмо было послано Аввакумом с Мезени, где он находился в ссылке с 29 декабря 1664 по февраль 1666 г. Судя по тому, что год приезда в Москву из сибирской ссылки (весна 1664 г.) Аввакум называет «прошлым годом», письмо написано в 1665 г., зимой (Аввакум просит прислать ответ «до весны»).

Печатается по единственному списку XVII в. (Синодальное собрание, № 1119).

Стр. 234. *«аще согрешают... прощайте их».* — Ср. Евангелие от Матфея, XVIII, 21—22.

...имущаго ревность божию не по разуму. — Ср. Послание ап. Павла к римлянам, X, 2.

Стр. 234—235. *Аще бог по нас... проповедует о нас* — из Послания ап. Павла к римлянам, VIII, 31, 33—34.

Стр. 235. *...наша брань... плоти* — из Послания ап. Павла к ефесянам, VI, 12.

«ходяй во тьме... грядет» — из Евангелия от Иоанна, XII, 35.

...в горькой Сион! — Сион — один из холмов, на которых был построен Иерусалим, Сионом назывался и сам иерусалимский храм. В иносказательном смысле означает церковь вообще; «горькой Сион» — никонианская, «неистинная», церковь.

Около Воскресенскова... — около Воскресенского монастыря; см. прим. к стр. 225.

...дщи Вавилоня, окаянная! — из Псалтыри, CXXXVI, 8.

Родион, Иван — московские священники, принявшие реформу Никона; начальник их Иларион — архиепископ Рязанский, один из главных деятелей церковной реформы.

...аще бы нам умолчать, камение возопиет — из Евангелия от Луки, XIX, 40.

«не бойся... дати царство» — из Евангелия от Луки, XII, 32.

А Ондрей Самойлов у меня на Колмогорах недели с четыре жил... — Андрей Самойлов — сторож московского Благовещенского собора, один из учеников и последователей Аввакума. При отъезде Аввакума из Москвы в ссылку на Мезень 29 августа 1664 г. А. Самойлов проводил его до Холмогор.

...Афонасья заставь. — Афанасий — известный расколоучитель инок Авраамий. См. прим. к стр. 100.

...про старцово житье мне не пиши... — Речь идет о бывшем протопопе собора Казанской божьей матери — Иване Неронове, в монашестве — старце Григории. См. прим. к стр. 65.

Стр. 236. *...в рогах ходят...* — «Рогами» Аввакум называет новую форму клобука, введенную Никоном. См. прим. к стр. 131.

Фетинья, Григорей — домочадцы Аввакума.

ПИСЬМО К АЛЕКСЕЮ КОПЫТОВСКОМУ

А. Копытовский, как об этом можно судить по письму, один из любимых учеников Аввакума, скрывавшийся долгое время от преследований властей. Дату написания письма точно определить невозможно; очевидно, оно было написано спустя несколько лет после собора 1667 г., поставившего старообрядцев вне закона.

До последнего времени письмо было известно в единственном списке. В настоящем издании оно печатается по вновь найденному списку конца XVIII — нач. XIX в. (ф. 17 (Собр. Е. В. Барсова), № 200, лл. 273 об.— 275.— Гос. библиотека СССР им. В. И. Ленина).

Стр. 236. *...расселинах каменных...*— Ср. Книгу пророка Исайи, II, 19.

Лукиян — личность его не установлена.

...несть сообщения свету со тьмою...— из 2-го Послания ап. Павла к коринфянам, VI, 14.

Стр. 237. *Растлил он... самого бог* — из 1-го Послания ап. Павла к коринфянам, III, 17.

...по непокаянному... сердцу — из Послания ап. Павла к римлянам, II, 5.

...изволися духу... и мне...— Ср. Деяния апостолов, XV, 28.

...предати тя... спасется — из 1-го Послания ап. Павла к коринфянам, V, 5.

...месть Каинова, и Исавова, и Саулова... яко содомлян...— С целью усилить мысль о неизбежности наказания богом нераскаявшегося в каком-то грехе Лукияна, Аввакум объединил в одной фразе несколько библейских сюжетов; *месть Каинова...*— Аввакум имеет в виду возмездие, постигшее братоубийцу Каина (см. 1-ю Книгу Моисееву, Бытие, IV); месть *Исавова...*— то есть месть Исава, преследовавшего своего брата Иакова, похитившего у него права первородства (см. 1-ю Книгу Моисееву, Бытие, XXV); месть *Саулова* — наказание, которое понес царь Саул, ослушавшийся бога; *содомляне* — жители города Содома, сожженного ангелами за нечестие его жителей (см. 1-ю Книгу Моисееву, Бытие, XVIII—XX).

...не наемник я... за овцы — ср. Евангелие от Иоанна, X, 11—12.

Максим — см. прим. к стр. 239.

ПИСЬМО К АФАНАСИЮ

Афанасий — мирское имя инока Авраамия (см. прим. к стр. 100). Написано письмо в пустозерский период жизни Аввакума — очевидно, до весны 1670 г., так как Аввакум мог посылать благословение от имени всех пустозерских узников до 14 апреля 1670 г. (вскоре после

«казни» 14 апреля начались разногласия и ссоры Аввакума с дьяконом Федором).

Письмо печатается по единственному списку XVII в. (Гос. публ. библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, О. XVII, 37, лл. 33—35 об.).

Стр. 238. *А Борис Афонасьевич еще ли троицу ту страха ради не принял?* — Личность боярина Бориса Афанасьевича не установлена. Троица — здесь означает троеперстие.

А Хованской князь Иван Большой... — князь Иван Иванович Хованский. См. прим. к стр. 95.

Антиох Египетский — Антиох IV Епифан (176—164 до н. э.), «нечестивый» царь Сирии, во время правления Иудеей ввел поклонение идолам и вакханалии. См. 1-ю Книгу Маккавейскую, I, 10; XVI, 20; 2-ю Книгу Маккавейскую, 1, V, IX.

...Илия и Енох не вкусили смерти плотски... постраждют... — Библейский патриарх Енох и пророк Илья были взяты на небо живыми (1-я Книга Моисеева, Бытие, V, 18—24; IV Книга Царств, II, 11). По предсказанию Апокалипсиса, перед концом света они вернутся на землю свидетельствовать против антихриста и будут им убиты (Апокалипсис, XI, 3—12).

ПИСЬМО К МАРЕМЬЯНЕ ФЕОДОРОВНЕ

Маремьяна Феодоровна, часто упоминаемая в письмах Аввакума, одна из его любимых «духовных дочерей». По-видимому, она была женой московского священника Дмитрия, который служил «у крестов» у кн. Анны Милославской. Дмитрий уклонился на некоторое время от старообрядчества, стал служить по новым книгам, и Маремьяна отказалась жить с ним (см. стр. 220). Очевидно, Дмитрий и прислал Аввакуму просфору, о которой идет речь в письме.

Письмо написано после марта 1670 г., так как «протопопица» была «посажена... в землю... с Иваном и Прокопием» в марте 1670 г.

Печатается по списку нач. XIX в. (Собр. Хлудова, № 257, лл. 135—139 об.), публикуемому впервые.

Стр. 239. *Козьма Стефан* — московские священники; *Максим* — очевидно, сын дьякона Федора, одного из пустозерских узников.

Без веры... угодити богу... — из Послания ап. Павла к евреям, XI, 6.

Стр. 240. *«Лучше бы не родился человек той»* — из Евангелия от Марка, XIV, 21.

«и печаль мою... господи!» — Ср. Псалтырь, CXLI, 3.

Стр. 241. *...что Исакия Печерскаго затомили.*— Рассказ о борьбе Исакия Печерского с бесами находится в Киево-Печерском патерике (древний сборник житий монахов Киево-Печерского монастыря).

Анна Амосовна — одна из «ближних» женщин боярыни Морозовой.

ПОСЛАНИЕ «ВЕРНЫМ»

Послание сохранилось в двух редакциях — сокращенной (1673) и распространенной (1678). Печатаем первую редакцию (датировка устанавливается на основании фразы послания: «...ныне и Соловки в осаде морят, пять лет не етчи»; Соловецкий монастырь был осажден в 1668 г.).

Печатается по списку XVIII в. (Собр. Дружинина, № 166 (202), лл. 207—210 об.).

Стр. 241. *...их же аз люблю воистинну...*— из 2-го Соборного послания Иоанна Богослова, I, 1.

...влающихся и скитающихся... в коварстве льщения — из Послания ап. Павла к ефесянам, IV, 14.

«не бойся... царство небесное» — из Евангелия от Луки, XII, 32.

Стр. 242. *Зде есть... святых...* — из Апокалипсиса, XIII, 10.

Лествичник Иоанн (умер ок. 606 г.) — игумен Синайской обители, автор «Лествицы райской» — руководства к иноческой жизни.

Не убоимся... убити — из Евангелия от Матфея, X, 28.

...убоимся вторыя смерти...— Ср. Апокалипсис, XX, 6.

Братия моя... руки секли...— Первая «казнь» Лазаря и Епифания с урезанием языков» состоялась 27 августа 1667 г. в Москве, вторая — 14 апреля 1670 г.; Лазарю, Епифанию и дьякону Федору «языки резали и руки секли».

Горе им... предашася! — Ср. Соборное послание Иуды, 1, 11.

Стр. 243. *...видя виждь озлобление людей сих...*— Ср. 2-ю Книгу Моисееву, Исход, III, 7.

Спаситеся... строптиваго сего...— из Деяний апостолов, II, 40.

И в моем дому двоих повесили... — В марте 1670 г. были повешены юродивый Федор и Лука Лаврентьевич, жившие с семьей протопопа на Мезени.

...не имам зде града.. взыскуем — из Послания ап. Павла к евреям, XIII, 14.

ПОСЛАНИЕ «ГОРЕМЫКАМ МИЛЕНЬКИМ»

Послание было отправлено в московскую старообрядческую общину, содержит ответы на многочисленные вопросы старообрядцев о «недоведомых вещех»: как исповедаться и причаститься без священника, как «почитати» сожженных за принадлежность к расколу и ряд других. Послание датируется 1675—1678 гг. Оно известно в четырех редакциях; в настоящем издании печатается редакция «А» (по обозначению их в Памятниках) по вновь найденному списку конца XVIII в. (ф. 98, № 1898, лл. 115—122).

Стр. 244. *«житие наше... есть»* — из Послания ап. Павла к филиппийцам, III, 20.

...Исаии сожженнаго...— См. прим. к стр. 95.

...оболкшеся... приемше... — из послания ап. Павла к ефесянам, VI, 14 и 17.

Стр. 245. *...взирающе на начальника... Исуса* — из Послания ап. Павла к евреям, XII, 2.

...да уклонится от зла... земля — из 1-го Соборного послания ап. Петра, III, 11—12.

Стр. 246. *...истинным запасом* — то есть святыми дарами, освященными старопоставленными священниками.

«Исповедайте... да исцелеете» — из Соборного послания ап. Иакова, V, 16.

Стр. 247. *Лев... в огонь посадил же такова вора.*— Лев (ум. ок. 780 г.), епископ Катанский. В Житии его (память 20 февраля) рассказывается о сожжении им неуловимого для светских властей волхва Илиодора.

Стр. 248. *отец Авраамий* — инок Авраамий. См. прим. к стр. 100.

...83, июля в 7 день, в среду — то есть 7 июля 1675 г.

Посылайте деньги мои к жене моей и детям...— Семья Аввакума в это время находилась на Мезени.

Стр. 249. *Инок Епифаний* — один из пустозерских «соузников» протопопа. См. прим. к стр. 53.

«СОВЕТ СВЯТЫМ ОТЦЕМ ПРЕПОДОБНЫМ»

Это послание, возможно, не имеет в виду определенных адресатов, а обращено ко всем старообрядцам, живущим замкнутыми общинами, в скитах, и содержит указания и советы Аввакума своей пастве относительно внутриобщинного уклада жизни (подобно письму «отцам святым и преподобным маткам»). Послание написано, очевидно, вскоре после смерти царя Алексея Михайловича (29 января 1676 г.) — в нем рассказывается о страшной кончине царя, по старообрядческой легенде, постигшей его за разрушение Соловецкого монастыря.— См. прим. к стр. 117.

Печатается впервые по списку конца XVII — первой четверти XVIII в. (Музейн. собр., № 3003, лл. 175—186 об.).

Стр. 249. *Лида, Ассарон.*— В Деяниях апостолов (IX, 32, 35, 38) упоминаются иудейские города Лидда и Ассарон, все жители которых приняли учение Христа.

...в горнем Сионе — то есть на небе. См. прим. к стр. 235.

...корабли, фарсийскаго исполнены злата...— См. 2 Книгу Паралипоменон, IX, 21.

Стр. 250. *Гаваон* — библейский город в Палестине, жители которого (гаваониты) хитростью добились пощады от Иисуса Навина и союза с ним во время войны Израиля с Ханааном (см. книгу Иисуса Навина, IX).

велиар — одно из наименований дьявола, встречающееся в Библии (см. 2-е Послание ап. Павла к коринфянам, VI, 15).

фараониты — слуги библейского египетского фараона, преследовавшего евреев (см. 2-ю Книгу Моисееву, Исход, I-XV); здесь — преследователи старообрядцев.

Стр. 251. *Вавилон*, как символ нечестия и развращенности, означает здесь «никонианский мир».

Прогневася брат на брата, на Авеля Каин...— См. 1-ю Книгу Моисееву, Бытие, IV, 1—15.

Стр. 253. *«глаголи ты... да оправдишись».*— Ср. Книгу пророка Исайи, XLIII, 9.

ПИСЬМО К «ОТЦАМ» СВЯТЫМ И «ПРЕПОДОБНЫМ МАТКАМ»

Адресаты письма не установлены; оно написано после января 1676 г., в царствование Федора Алексеевича.

Письмо сохранилось в единственном списке XVII в. (Гос. публ. библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, О. XVII, 37, лл. 29—30), по которому и печатается.

Стр. 256. *Всяк бо возносяяйся... вознесется* — из Евангелия от Луки, XIV, 11.

...смирил себе... всякаго имени — из Послания ап. Павла к филиппийцам, II, 8—9.

Стр. 257. *...взирающе на начальника... Исуса...* — из Послания ап. Павла к евреям, XII, 2.

ПОСЛАНИЕ «ЧАДОМ ЦЕРКОВНЫМ» О ДЬЯКОНЕ ФЕДОРЕ

Это послание является своеобразным сопроводительным письмом Аввакума при посылке «всем верным» его «Книги обличений», направленной против одного из пустозерских «соузников» протопопа, дьякона Федора. Ожесточенные споры виднейших расколоучителей по богословским вопросам, разгоревшиеся с новой силой в 1678—1679 гг., вызывали недоумение старообрядцев. Поэтому Аввакум обращается к «чадом церковным» с особым посланием, рассказывая в нем о «мерзости» «Федьки-отщепенца» и о наказании, которое постигло его самого, когда он хотел помириться с Федором. В послании сообщается ряд неизвестных до сих пор подробностей о взаимоотношениях Аввакума, Федора и Епифания.

Написано послание одновременно с «Книгой обличений» — в 1679 г. («лет с десять целил ево»,— пишет Аввакум о дьяконе Федоре, разногласия с которым начались уже в 1670 г.).

Печатается впервые по списку конца XVII — первой четверти XVIII в. (Музейн. собр. № 3003, лл. 135—138).

Стр. 258. *...кто где узрит ево письма подметныя...*— Около 1678 г. дьякон Федор отправил в Москву «ко всем сродникам и по вере братиям» сочинение, излагающее его точку зрения на пустозерские споры. Очевидно, это сочинение и имеет в виду Аввакум.

Исперва о казни нарочито говорил... А рука... исперва была цела, а ныне измозгла.— О казни Федора см. прим. к стр. 126. В сочинениях Аввакума и других старообрядцев рассказывалось, что отсеченные руки пострадавших за «истинную веру» сами слагали двуперстное крестное знамение. Сообщая, что Федор онемел, а рука его «измозгла», Аввакум видит в этих фактах еще одно доказательство его «еретичества».

Стр. 259. «*...посылал еси ангелы... гневу своему*».— Ср. Псалтырь, LXXVII, 49—50.

Не как Пашков — ременной...— См. прим. к стр. 69.

ПОСЛАНИЕ СИМЕОНУ, КСЕНИИ ИВАНОВНЕ И АЛЕКСАНДРЕ ГРИГОРЬЕВНЕ

Это послание, известное уже в науке под названием «Послания к трем неизвестным» (Памятники, стр. LXXX — LXXXII), до сих пор не было опубликовано. Послание дефектно — отсутствует его начало, и поэтому имя первого адресата не названо. По содержанию послания можно предположить, что это Симеон, в иночестве игумен Сергий: он занимает видное положение в старообрядческой общине Москвы, хорошо осведомлен о жизни Аввакума, деятельности Ф. М. Ртищева и А. С. Матвеева в пользу никоновской реформы, находится в постоянном общении с Ксенией Ивановной, бывшей казначеей в доме Ф. П. Морозовой, и Александрой Григорьевной — инокиней Меланьей (см. прим. к стр. 214).

Послание, помимо рассказа о «бедах» «нынешнего времени» и «лживых» учителях, содержит толкование 103 псалма «о мирстем бытии». Датируется 1678—1679 гг.

Послание сохранилось в единственном списке начала XVIII в. (Собр. Н. М. Михайловского, Q, 173, лл. 1—21 об.— Гос. публ. библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина).

Стр. 260. *...царица Марья* — Марья Ильинична (1625—1669), первая жена царя Алексея Михайловича.

Анна Веньяминовна — Анна Михайловна Вельяминова, родная сестра Ф. М. Ртищева и троюродная сестра Ф. П. Морозовой, горячая поклонница Никона и его реформы. О Ф. М. Ртищеве см. прим. к стр. 88.

Артамон — Артамон Сергеевич Матвеев (1625—1682), ближний боярин царя Алексея Михайловича, государственный деятель.

Стр. 261. *Во крещении... «...дух лукавый... помыслом наводяй».*— Старообрядцы обвиняли никониан в том, что, изменив расстановку слов в крещенской молитве, никониане молятся теперь «духу лукавому», то есть сатане, называя его «господом».

Иоанн Дамаскин (конец VII в.— ок. 754) — византийский богослов и философ, автор многих богословских сочинений и церковных песнопений.

«и прият Иосиф жену... первенца» — из Евангелия от Матфея, I, 25.

...всех бы еретиков... яко Илия, ножем переколол... при Ахаве.— См. прим. к стр. 152.

Ариева ересь — см. прим. к стр. 177.

Стр. 262. *«благослови, душе моя, господа»* — из Псалтыри, CIII, 1.

Стр. 263. *Давид* — полулегендарный древнееврейский царь (конец XI — нач. X в. до н. э.), автор псалмов.

«господи... еси зело» — из Псалтыри, CIII, 1.

«Исповедание... яко ризою» — из Псалтыри, CIII, 1—2.

Стр. 264. *...якоже жених от чертога* — из Псалтыри, XVIII, 6.

«Пропиная небо... на крилу ветреню» — из Псалтыри, CIII, 2—3.

«полагаяй облаки... огнь палящ» — из Псалтыри, CIII, 3—4.

Стр. 264—265. *«и се сын человеч... царство его не престанет»* — из Книги пророка Даниила, VII, 13—14.

Стр. 265. *«Основаяй землю... одеяние ея»* — из Псалтыри, CIII, 5—6.

Патрикий, епископ Прусский (ок. 100 г.) — святой восточнохристианской церкви.

«На горах станут воды... устрашатся» — из Псалтыри, CIII, 6—7.

Стр. 266. *«восходят горы... покрыти землю»* — из Псалтыри, CIII, 8—9.

«Посылая источники... дадят глас» — из Псалтыри, CIII, 10—12.

Алфавит — см. прим. к стр. 165.

«Напояя горы... сердце человеку» — из Псалтыри, CIII, 13—15.

Стр. 267. *«умастити лице... укрепит»* — из Псалтыри, CIII, 15.

«Насытятся древа... обладает ими» — из Псалтыри, CIII, 16—17. Рассказы о еродии читаются в Азбуковнике и Физиологе.

«Горы высокия... заяцем» — из Псалтыри, CIII, 18.

Стр. 268. *«Сотворил еси... зверие дубравнии»* — из Псалтыри, CIII, 19—20.

«Скимни рыкающе... лягут» — из Псалтыри, CIII, 21—22.

Скимен глаголется молодой львичищ...— Источником рассказа Аввакума о «естестве львовом» является Физиолог.

Стр. 269. *«Изыдет человек... сотворил еси»* — из Псалтыри, CIII, 23—24.

Им же образом желает елень... и пропадает весь.— Источником рассказа Аввакума является Физиолог.

Стр. 270. *...обновится... юность твоя* — из Псалтыри, CII, 5.

Орел... егда состареется... юн вместо ветха.— Источником рассказа Аввакума является Физиолог.

...яко стерчин родителя своего... от иных птиц сопостатных.— Источником рассказа о стерхах — птицах является Физиолог.

Лот и *Ной* — библейские патриархи; о «поругании» Ною и Лоту от вина рассказывается в 1-й Книге Моисеевой, Бытие, IX, 21—24, и XIX, 33—35.

Стр. 271. *Самсон* — библейский герой, прославился богатырской силой и подвигами в борьбе с филистимлянами. Рассказ о Самсоне читается не в Книге Бытия, как указывает Аввакум, а в Книге Судей, XV, 4—15; XVI, 3.

Дионис — бог вина и виноделия у древних греков.

Финикс.— Легендарный рассказ о птице-фениксе содержится в Физиологе.

«Исполнися земля твари твоея» — из Псалтыри, CIII, 24.

Стр. 272. *Их же родов несведомое множество есть...*— Следующий далее рассказ Аввакума о птицах, зверях, насекомых, китах, рыбах восходит к Шестодневу Иоанна, экзарха болгарского.

«Се море... преплавают» — из Псалтыри, CIII, 25—26.

Острей... каркин.— Рассказ о них также восходит к Шестодневу.

Стр. 273. *...рыба многоножица...*— Сказание о многоножице есть в Азбуковнике, Физиологе, Шестодневе; источником для рассказа Аввакума был Шестоднев.

Корабли бо по морю преплавают... отинуде превозят.— В толковании стиха 26 Аввакум пользуется Толковой псалтырью Феодорита Кирского.

«Змий... ругатися ему» — из Псалтыри, CIII, 26.

...отъяты быша и нозе и крыле... дьявола прокля.— См. 1-ю Книгу Моисееву, Бытие, III, 14—24.

«Всяк к тебе... возмутятся» — из Псалтыри, CIII, 27—29.

Стр. 274. *Разовщина* — крестьянская война (1667—1671) под руководством С. Т. Разина.

Коломенская пагуба — московское восстание посадских людей 1662 г.

...мор, война — см. прим. к стр. 186.

«Отъимеши духи их... лице земли» — из Псалтыри, CIII, 29—30.

Стр. 274—275. *«вси убо не успнем... животом»* — из Послания ап. Павла к коринфянам XV, 51—54.

Стр. 275. *«и обновиши лице земли»* — из Псалтыри, CIII, 30.

Стр. 276. *И речет господь... в живот вечный...* — Ср. Евангелие от Матфея, XXV, 34, 41, 46.

Тогда возвеселится... своих — из Псалтыри, CIII, 31.

«Презираяй на землю... воздымятся» — из Псалтыри, CIII, 32.

Егда на Синайстей горе... «...господи». — Ср. 2-ю Книгу Моисееву, Исход, XIX, 16—19.

Воспою... о господе — из Псалтыри, CIII, 33—34.

«скончаются... не быти им» — из Псалтыри, CIII, 35.

Благослови... господа — из Псалтыри, CIII, 35.

ПОСЛАНИЕ ВСЕМ «ИЩУЩИМ ЖИВОТА ВЕЧНАГО»

Послание публикуется впервые по единственному списку XVIII в. (ф. 242 (собр. Г. М. Прянишникова), № 61, лл. 66—71 об.— Гос. библиотека СССР им. В. И. Ленина).

Авторство Аввакума устанавливается на основании особенностей стиля послания, его содержания и прямых указаний в тексте: «Патриарси со мною, протопопом, на сонмище ратовавшеся, рекоша», «Как стригли меня на Москве ...как меня сюды, в Пустозерье, везли... Ияков... кричит: «Батька Аввакума на Москве ругают...»

Написано послание в Пустозерске, в 1679 г. (со времени расстрижения Аввакума 13 мая 1666 г. прошло с тринатцеть лет»).

Основная цель послания — обличение никониан «во лжи», доказательство ответственности перед богом в своих религиозных убеждениях каждого верующего «архиерея» и «рядного».

Стр. 277. *«сила божия есть всякому верующему... жив будет»* — из Послания ап. Павла к римлянам, 1, 16—17.

«открывается гнев божий... явил есть им» — из Послания ап. Павла к римлянам, 1, 18—19.

«невидимая бо... их сердце» — из Послания ап. Павла к римлянам, 1, 20—21.

...патриарси со мною... на сонмище ратовавшеся.— О своих спорах со вселенскими патриархами (Макарием Антиохийским и Паисием Александрийским) на церковном соборе 1667 г. Аввакум рассказывает в «Житии» (стр. 101—102).

Стр. 278. *«...небо ...впосолонь вертится, а вы... ходите противу солнца и всея твари».*— Здесь Аввакум приводит свои доводы в пользу хождения в церкви «посолонь» (по солнцу).

«изменища славу божию... человека» — из Послания ап. Павла к римлянам, I, 23.

«иже пременища истинну... во лжу» — из Послания ап. Павла к римлянам, 1, 25.

«И якоже не искусиша... деют творящим» — из Послания ап. Павла к римлянам, 1, 28—32.

Стр. 279. *«вкусите от древа... яков сам бе».*— Ср. 1-ю Книгу Моисееву, Бытие, III, 1—5.

В которой день монастырь истнил... в той день и сам исчез.— Соловецкий монастырь был взят царскими войсками 22 января 1676 г. Царь Алексей Михайлович умер через неделю — 29 января 1676 г. В этом старообрядцы видели особое проявление божьей справедливости (наказание царя последовало немедленно вслед за разрушением оплота старой веры) и широко использовали это совпадение для своей пропаганды.

Егда приидоша ангели... «...за душу свою».— Ср. Книгу Иова, 1, 6—11; II, 4.

...бояроня с сестрами умерла о Христе...— Ф. П. Морозова умерла 2 ноября 1675 г., Е. П. Урусова — 11 сентября 1675 г., М. Г. Данилова — 1 декабря 1675 г.

Стр. 280. *«вся сия тебе... душу ево соблюди»* — из Книги Иова, II, 6; III, 12.

Андрей Юродивый (ум. ок. 940) — святой восточнохристианской церкви. В его житии (Великие четьи минеи, память 2 октября) рассказывается о его сне, в котором он боролся с черным «ефиопом» — «тысящником... легеона сатанина» и победил его на радость «белоризцем» — ангелам.

Как стригли меня на Москве...— Аввакум был расстрижен и проклят 13 мая 1666 г.

ПОСЛАНИЕ ИГУМЕНУ СЕРГИЮ С «ОТЦЫ И БРАТИЕЙ»

Кроме игумена Сергия (в миру Симеона, см. стр. 424—425) адресатами являются дочери Е. П. Урусовой, Анисим Фокин и священник Стефан, московские старообрядцы.

Послание написано после 1675 г. (после пострижения Симеона в монахи и смерти Ф. П. Морозовой и Е. П. Урусовой).

Неясно, что значит буква «ц» при имени Анастасии Урусовой: «Настасья, хотящая быти ц». Аввакум пишет далее: «Бог ея благословит за великаго и честнаго жениха». П. С. Смирнов выдвигает правдоподобное предположение, что «ц» — начальная буква слова «царица», и, следовательно, послание написано в 1680 или 1681 г., так как до июля 1680 г. царь Федор Алексеевич не был женат, а после июля 1681 г. овдовел (Памятники, стлб. LVI).

Печатается по списку XVII в. (Собр. Хлудова, № 149 (доп. каталог), лл. 81 об.— 86 об.).

Стр. 281. *Иосиф Волоцкий* (1439—1515) — игумен волоколамского Успенского монастыря, представитель воинствующих церковников, публицист, церковный писатель. Аввакум высказывает здесь свое несогласие с Иосифом Волоцким, стоявшим на ортодоксальной точке зрения, по вопросу о сошествии Христа в ад (см. прим. к стр. 227).

...в слове Епифаниеве...— Имеется в виду апокрифическое «Слово в святую и великую субботу» Епифания Кипрского (367—403).

Стр. 282. *«возьмите врата, князи, ваша»* — из Псалтыри, XXIII, 9.

Евсевий Самосадский...— Аввакум ссылается на апокриф «Слово... о вшествии Иоанна Предтечи во ад». В Московском Сборнике 1647 г. автором его назван Евсевий Самосатский; правильно — Евсевий Александрийский.

Федька отступник — см. прим. к стр. 94 и на стр. 406.

...Климантовы... книги...— «Правила святых апостолов» и «Постановления апостольские» — два важнейших канонических памятника раннего христианства, приписываемые св. Клименту (I в.), сподвижнику ап. Петра и Павла.

...Григория Низкова...— Григорий (ок. 331 — ок. 394) — епископ Нисский, церковный деятель и писатель, противник арианства.

...отчасти... пророчествуем...— из 1-го Послания ап. Павла к коринфянам, XIII, 9.

Стр. 283. *...яко свиния... чрево свое* — из Евангелия от Луки, XV, 16.

«далече от грешных спасение» — из Псалтыри, CXVIII, 155.

«яко погна... дух мой» — из Псалтыри, CXLII, 3—4.

Июдифь — библейская героиня; спасла Иудею от порабощения, убив вавилонского полководца Олоферна (Книга Иудифь, VII—VIII).

Забвенна буди... о камень! — из Псалтыри, CXXXVI, 5—6, 8—9.

Стр. 284. *Стефан, Козьма* — московские священники, старообрядцы.

Дмитрей — см. стр. 431.

«сиру ты буди помощник»... — из Псалтыри, IX, 35.

Стр. 284—285. *...и толк-от Афанасиев прав...* — Аввакум имеет в виду Толковую Псалтырь, приписываемую Афанасию Александрийскому.

Стр. 285. *Григорий,* епископ Омиритский (ум. 560) — святой восточно-христианской церкви.

«никто же душю мою... прияти ю» — из Евангелия от Иоанна, X, 18.

«отче!.. предаю дух мой» — из Евангелия от Луки, XXIII, 46.

Иоанн, экзарх болгарский (X в.) — церковный писатель, автор широко известного на Руси Шестоднева (распространенное в христианской литературе толкование библейского рассказа о сотворении мира в шесть дней).

Кормчая — см. прим. к стр. 76.

ПОСЛАНИЕ БОРИСУ И «ПРОЧИМ РАБАМ БОГА ВЫШНЯГО»

Послание направлено в московскую старообрядческую общину. Помимо вопроса о церковном пении и келейном правиле, Аввакум как «духовный отец» разбирает сложные взаимоотношения своей паствы.

Елена Хрущова, уставщица московского Вознесенского монастыря, разлучила с мужем Ксению Гавриловну, молодую вдову, вновь вышедшую замуж, и чуть не «уморила» ее ребенка. Аввакум, строго осуждая Елену и Родиона (вероятно, племянника Акинфия Данилова), поддерживавшего ее, вовлекает многих членов общины в обсуждение проступка Елены. Среди адресатов послания — игумен Досифей, бывший игумен Беседного Никольского монастыря близ Тихвина (1662—1670), пользовавшийся большим авторитетом среди старообрядцев (им был произведен обряд пострижения Ф. П. Морозовой); мать Меланья (см. прим. к стр. 214), игумен Сергий.

Послание датируется предположительно 1681 г., так как Аввакум благословил в нем Досифея на составление челобитных «о исправле-

нии веры», которые были написаны и использовались старообрядцами в 1682 г. во время стрелецкого восстания и старообрядческих волнений в Москве.

Печатается по списку XVII в. (Собр. Хлудова, № 149 (доп. каталог), лл. 69—75).

Стр. 290. *...его же, аще свяжете... той разрешен.*— Ср. Евангелие от Матфея, XVI, 19.

...достоин бо делатель мзды своея — из Евангелия от Матфея, X, 10.

...яко Марию Магдалыню...— См. Евангелие от Луки, VII, 37—50; VIII, 2.

«аще не имат... преже всех» — из Евангелия от Иоанна, VIII, 7.

Стр. 291. *«братие, аще человек... тяготы носите»* — из Послания ап. Павла к галатам, VI, 1—2.

...слово божие... до самыя души — из Послания ап. Павла к евреям, IV, 12.

...Ефремову книгу...— книга Ефрема Сирина, см. прим. к стр. 110.

Стр. 292. *...ходяще в премудрости ко внешним* — из Послания ап. Павла к колоссянам, IV, 5.

«идеже два... посреде их» — из Евангелия от Матфея, XVIII, 20.

ПИСЬМО К «ОТЦАМ ПОМОРСКИМ»

Личности адресатов — Саватия, Евфимия, Тимофея и Авксентия не установлены. Из письма явствует, что они уважаемые в старообрядчестве «отцы», ревностные поборники «старого благочестия», жившие, вероятно, в одной из обителей на берегу Белого моря. Время написания письма не установлено.

Печатается по списку конца XVIII — нач. XIX в. (ф. 17 (собр. Е В. Барсова), № 200, лл. 210 об.— 212.— Гос. библиотека СССР им. В. И. Ленина), публикуемому впервые.

Стр. 292. *Аще бог по нас, кто на ны!* — из Послания ап. Павла к римлянам, VIII, 31.

...беседы злы тлят обычаи благи — из 1-го Послания ап. Павла к коринфянам, XV, 33.

Стр. 293. *...приимете... венец* — из 1-го Соборного Послания ап. Петра, V, 4.

ПИСЬМО К «ОТЦУ И БРАТУ, ДРУГУ И СОВЕТНИКУ»

Письмо не имеет определенного адресата и, очевидно, предназначалось как приветствие всем тем, кто временно уклонился от старообрядчества и теперь вновь возвращается к нему. Время написания его не установлено.

Печатается по списку нач. XIX в. (Собр. Хлудова, № 257, лл. 282 об.— 284 об.), публикуемому впервые.

Стр. 294. *За што Павла в Листре... мнеша его умерша...*— Во время одного из своих посещений города Листры в Ликаонии (провинция Иудеи) ап. Павел был побит камнями (Деяния апостолов XIV, 19; 2-е Послание ап. Павла Тимофею, III, 11).

«дух бодр, плоть же немощна» — из Евангелия от Матфея, XXVI, 41.

Петр-от и камень наречен, да и тот поползнулся.— Аввакум имеет в виду отречение ап. Петра от Христа, о котором рассказывается в Евангелии от Иоанна, XIII, 37—38, и от Матфея, XXVI, 69—75. (Петр — по-гречески камень.)

О ТРЕХ ИСПОВЕДНИЦАХ СЛОВО ПЛАЧЕВНОЕ

«Слово плачевное» посвящено памяти умерших в 1675 г. в Боровской земляной тюрьме боярыни Феодосии Морозовой, княгини Евдокии Урусовой, «жены дворянской» Марии Даниловой и написано, очевидно, в первой половине 1676 г. под непосредственным впечатлением известия о их смерти.

«Слово плачевное» имеется в единственном списке в сборнике конца XVII — нач. XVIII в. (Музейн. собр., № 3003, лл. 121—134). Последовательность текста была нарушена, очевидно, при переплете; порядок его удалось восстановить, за исключением нескольких или, может быть, одного утраченного листа.

«Плач» Аввакума — соединение народного причитания с ламентациями библейских пророков — оказал несомненное влияние на надгробные плачи старообрядческих писателей XVIII в. (братья Денисовы и др.).

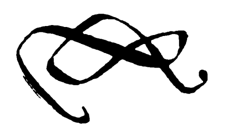
Стр. 296. *...сноха моя Анна Ильична...* — Анна Ильинична Милославская (ум. 1667), сестра царицы Марии.

Стр. 297. *...замедлив в дому Анны Петровны Милославские...* — А. П. Милославская (ум. ок. 1669), ближняя боярыня царицы.

...сослали меня паки с Москвы на Мезень... — См. прим. к стр. 93.

Стр. 298. *...Иякым* — чудовский архимандрит, патриарх с 1674 года.

Стр. 301—302. *Никтоже смеет испросити у никониян безбожных телеса ваша блаженная... паче же в рогожи оберченна!* — Аввакум получил, очевидно, подробное известие о последних днях жизни и обстоятельствах смерти боровских «исповедниц»: как известно по «Житию боярыни Морозовой», тело ее и ранее умершей сестры Евдокии было «обвито вместо других паволок рогозицею» и по повелению царя «внутрь острога в землю» закопано.



ПРИЛОЖЕНИЕ

ЖИТИЕ ПРОТОПОПА АВВАКУМА
Прянишниковский список

В 1949 г. В. И. Малышев обнаружил в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина, в собрании Г. М. Прянишникова рукописный сборник (№ 61), первого десятилетия XIX в., содержащий сочинения протопопа Аввакума; некоторые из них еще неизвестны исследователям. Наиболее значительное произведение — «Житие» Аввакума, занимающее бо́льшую часть сборника (лл. 1—52 об.).

Прянишниковский список «Жития» — своеобразная переработка не дошедшей до нас редакции, сделанная, очевидно, в XVIII в. Переработка «Жития» заключалась в сокращении его и использовании ряда сочинений Аввакума и первых старообрядческих писате-

лей — Епифания, Авраамия, дьякона Федора. В «Житие» по списку Прянишникова включены большие отрывки из первой и пятой челобитных Аввакума Алексею Михайловичу, из его записок «О заточении и сношениях с Лазарем и Епифанием после первой их казни», «О последних увещеваниях Аввакума», из «Жития» инока Епифания и «Христианоопасного щита веры» инока Авраамия, отрывки из «Сказания об Аввакуме, Лазаре, и Епифании» и «Сказания о церковных догматах и обличение на еретиков и отступников» дьякона Федора Иванова и др. Использованы здесь также «Книга бесед» Аввакума, «Книга толкований и нравоучений», «послание стаду верных». Но основной частью Прянишниковского списка являются тексты из неизвестной нам редакции «Жития», содержащие новые эпизоды из жизни Аввакума, его рассказы о спорах с Симеоном Полоцким и Епифанием Славинецким, о разговоре с патриархом Никоном и дьяком Кокошиловым, о пребывании в Братском остроге и др.

Составитель этой компиляции очень бережно подошел к тексту Аввакума, он не допустил ни одной стилистической переделки. Его работа свелась, в основном, к осторожному соединению отрывков из различных сочинений. Собственно «от составителя» идут только заглавие Жития: «Собрано вкратце из жития святого священномученика Аввакума протопопа...» и заключение, повествующее о казни пустозерских узников. Сообщая ряд новых фактов из жизни Аввакума, дополняя отдельные эпизоды, рассказанные в других редакциях, список Прянишникова сохранил все особенности языка и стиля Аввакума.

Дополнение основного текста «Жития» отрывками из сочинений Аввакума и первых старообрядческих писателей преследовало определенную цель — сообщить читателям возможно большее число подробностей из жизни Аввакума и его соузников». Так, из Послания «верным» составитель выбирает фразу о внешнем виде Аввакума в темнице: «А сежу наг, нет на мне ни рубашки, лише крест с гойтаном»; из «Сказания» дьякона Федора — рассказ о соборе 1667 г., дополняющий картину борьбы вождей старообрядчества с «темными властьми», нарисованную в «Житии» Аввакума; многочисленные отрывки из «Записок» Аввакума уточняют представления читателей о состоянии казненных «урезанием языка» Лазаря и Епифания. О видении Аввакума в Николо-Угрешском монастыре в редакциях А, Б и В говорится кратко: «Тут мне божие присещение бысть»,— и дальше читатель отсылается

к пятой челобитной: «Чти в цареве послании, тамо обрящеши». Составитель Прянишниковского списка включает в текст подробный рассказ и этой челобитной о видении Аввакумом своего ангела-хранителя.

Сознательный отбор материала, который так или иначе может дополнить повествование «Жития» об Аввакуме и его сподвижниках (а не механическое соединение частей различных сочинений), свидетельствует о том, что составителя интересовал главным образом биографическо-исторический, а не богословский аспект Жития.

Наиболее яркие отрывки из этого списка Жития, содержащие новые сведения об Аввакуме, были частично опубликованы В. И. Малышевым в Трудах отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР, т. VIII, М.—Л. 1951, стр. 385—388, и т. IX, М.—Л. 1953, стр. 392—394. Однако Прянишниковский список так богат фактами, неизвестными ранее эпизодами, рассказанными самим Аввакумом, что первая полная его публикация представит несомненный научный интерес. Ценность Прянишниковского списка определяется еще и тем, что он знакомит исследователей с недошедшей редакцией Жития.

Текст Прянишниковского списка публикуется по правилам, принятым при издании основного текста Жития.

Комментариями снабжены только те места Прянишниковского списка, которые являются новыми по сравнению с текстами редакций А, Б и В.

Стр. 310. *Мати же изволила меня женить семнатцати лет, жену мне привела четырнатцати лет.*— Эти данные позволяют установить время женитьбы Аввакума и год рождения жены его Анастасии Марковны: женился Аввакум в 1638 г. (наиболее вероятная дата его рождения — 1621 г.); Анастасия Марковна родилась в 1624 г.

Стр. 311. *...объяша мя болезни... обретох* — из Псалтыри, CXIV, 3.

Отселе стану сказывать верхи своим бедам... колико случилося в 22 лета от буих человек...— Как явствует из контекста, Аввакум ведет здесь счет времени от начала «своих бед» в Лопатицах. Изгнание Аввакума из села «начальным человеком» произошло в 1648 г. (см. прим. к стр. 60). Таким образом, эти строки писались Аввакумом не позже 1670 г.

А о всех недостанет ми лета повествовати...— Ср. Послание ап. Павла к евреям, XI, 32.

Стр. 312. *...яко уметы, да Христа приобрящу* — из Послания ап. Павла к филиппийцам, III, 8.

Стр. 313. *А на Москве, на дворе у Ивана Неронова, жили полтора годы.*— Аввакум жил в доме Ивана Неронова с конца июня — начала июля 1652 г. до взятия под стражу в ночь на 21 августа 1653 г.

А на Пожаре...— Пожар — древнее название Красной Площади, существовавшее до второй половины XVII в.

И во 160-м году... преставися Иосиф патриарх...— Иосиф был патриархом московским с 1642 по 1652 г. Его деятельность была направлена на упорядочение церковной службы: он уничтожил «многогласие» и ввел «единогласие», во время его патриаршества были предприняты попытки исправления русских богослужебных книг и наметился перелом в отношении к киевским и западнорусским ученым: в Москве печатаются их сочинения, киевские монахи приглашаются в Москву в качестве учителей и переводчиков. Умер патриарх Иосиф 15 апреля 1652 г.

...святую душу ево... исхода души — текст из «Книги бесед» Аввакума (см. стр. 124—125).

Стр. 314. *И привез с собою из Соловецкаго монастыря ссыльнаго старца Арсенья Грека.*— См. прим. к стр. 109.

...подобен... зверю, его же Богослов видя восходящ от земля и имяше рога два...— Здесь имеется в виду Откровение Иоанна Богослова, XIII, 11—12, 2. Текст этот читается в «Книге бесед» Аввакума (см. Памятники, стлб. 320).

Стр. 315. *...не возбранил... разоряему* — цитата из сочинения дьякона Федора Иванова «Сказание о церковных догматах и обличение на еретиков и отступников» (Материалы, VI, стр. 293).

...а меня бил... без милости...— Здесь этот эпизод избиения Аввакума по приказу Никона приурочен к августу — сентябрю 1653 г., когда начались преследования Аввакума за его противодействие никоновской реформе (Аввакум был взят под стражу в ночь на 21 августа 1653 г.). Об этом факте рассказывается и в первой челобитной Аввакума Алексею Михайловичу (во всех трех редакциях), но без указания времени, причем редакции Б и В сообщают, что Аввакум был бит «на правеже». В. К. Никольский полагал, что это наказание постигло

Аввакума в 1652 г. за недоимку налогов в патриаршую казну (Никольский, стр. 137).

Стр. 317. *...излиял фиял гнева своего...* — Ср. Апокалипсис, XVI, 1—2.

...много везде беды, по Павлу апостолу. — Ср. 1-е Послание ап. Павла к коринфянам, XV, 30.

Стр. 318. *Шамской порог* — Шаманский порог (см. прим. к стр. 70).

Стр. 320. *И сидел до Рожества Христова...* — Это сообщение о времени пребывания Аввакума в «студеной башне» Братского острога противоречит указанию автографа: «И сидел до Филипова поста...» (ср. «Житие», стр. 72). Рождество — 25 декабря. Филиппов пост начинается 14 ноября и продолжается до рождества.

...якоже и у Лазаря при вратех богатаго. — В Евангелии от Луки, XVI, 19—21, рассказывается о нищем Лазаре, который в струпьях лежал у ворот богатого и тщетно хотел напитаться хотя бы крошками с его стола.

...зацынжав — то есть заболев цингой.

Стр. 321. *«избавление мужу свое ему богатство»* — из Книги Притчей Соломоновых, XIII, 8.

Стр. 322. *...якоже ко Илии сарефтяныни или Елисею самантяныни...* — В Библии рассказывается о том, как вдова из Сарепты во время сильного голода поделилась с Ильей-пророком последним запасом пищи (см. 3-ю Книгу Царств, XVII, 10—15), а женщина из Сомана предоставила кров и пищу пророку Елисею (см. 4-ю Книгу Царств, IV, 8—10).

Стр. 325. *...а я... что мученик Мамант, козы дояще...* — Мученик Мамант (кесарийский), умер в 275 году. Пролог (память 2 сентября) рассказывает, что Мамант «живяше в убожестве, питаемый млеком зверей», «дояше диких коз».

А я, спустя недель с десяток, тоею же рекою поплыли после ево... — В автографе Аввакум указывает иной срок своего отъезда из Даурии: «А я, месяц спустя после ево (Пашкова.— *Н. С.*) ...поехали» (см. «Житие», стр. 83).

А плыл два лета посреде царств иноземцов... — Аввакум плыл лето 1662 и 1663 г.

«уповающаго же на господа милость обыдет» — из Псалтыри, XXXI, 10.

Стр. 328. *И нынешняго, 174-го, году, в великой мясоед, взял меня пристав с Мезени к Москве...* — Аввакум был привезен в Москву 1 марта 1666 г. «Великой мясоед» — это, очевидно, мясоед (то есть период времени между двумя постами) между рождеством (25 декабря) и «сыропустной» неделей, которая в 1666 г. началась 19 февраля. Таким образом, Аввакум выехал с Мезени после 25 декабря и не позже 19 февраля. Аввакум называет 174-й (то есть 1666 г.) «нынешним», следовательно, этот отрывок был написан им в 1666 г. до 1 сентября (до начала нового, 175 года).

Стр. 329. *«нужда приити соблазном»* — из Евангелия от Матфея, XVIII, 7.

«невозможно не приити соблазном» — из Евангелия от Луки, XVII, 1.

«горе тому, им же соблазн приходит» — из Евангелия от Матфея, XVIII, 7.

...пою богу моему, дондеже есмь — из Псалтыри, CIII, 33.

Пускай мою плоть... расклюют мя. — Ср. пятую челобитную Алексею Михайловичу (см. стр. 198).

Известих бо ся, яко ни смерть, ни живот... возможе нас разлучити от любве божия — из Послания ап. Павла к римлянам, VIII, 38—39.

Скорбь ли... от любве Христовы. — Ср. Послание ап. Павла к римлянам, VIII, 35.

Стр. 330. *О, горе мне... исповедати* — текст из пятой челобитной Алексею Михайловичу (см. стр. 201).

Стр. 330—331. *И паки привезли... было присылок* — текст Записки Аввакума «О последних увещаниях» (см. Памятники, стлб. 703—705).

Стр. 331. *Артемон* — ближний боярин царя Артамон Сергеевич Матвеев.

...архимандрит Чюдовской Иоаким — будущий патриарх Иоаким.

Симеон — Симеон Полоцкий.

...кое общение... или яко Христу с Велиаром? — Ср. 2-е Послание ап. Павла к коринфянам, VI, 15. *Велиар* — одно из наименований дьявола.

...смерть мужю покой есть — из Книги Иова, III, 23.

Блюдитеся... злых делателей — из Послания ап. Павла к филиппийцам, III, 2.

Симеон — Симеон Полоцкий (Самуил Емельянович Петровский-Ситнианович, 1629—1680), выдающийся русский писатель XVII в., сыграл значительную роль в развитии силлабической поэзии и драматургии. Велико значение Симеона Полоцкого в развитии русского просвещения, он выступал сторонником светского школьного образования, составил проект организации Славяно-латинской академии, способствовал развитию книгопечатания. Симеон Полоцкий родился и жил в г. Полоцке, учился в Киево-Могилянской коллегии, был горячим сторонником воссоединения Украины и Белоруссии с Россией. В 1664 г. навсегда переселился в Москву, стал учителем в царской семье, руководил работой «верхней» типографии. Активно боролся за утверждение никоновской реформы, в 1667 г. выпустил полемический трактат против старообрядцев — «Жезл правления».

Епифаний — Епифаний Славинецкий, ученый киевский монах; приехал в Москву в 1649 г. по приглашению царя Алексея Михайловича; занимался переводами с греческого сочинений «отцов» церкви, был назначен справщиком типографии в Чудовом монастыре. Широкое гуманитарно-богословское образование Епифания делало его одним из выдающихся людей своего времени. Был сторонником «греческого», церковного по своему характеру, направления в развитии русского просвещения, горячо поддерживал реформу Никона.

Федор Ртищев — см. прим. к стр. 88, *сестра его Аннушка* — см. прим. к стр. 64.

Стр. 336. *И паки, егда мы... суду предани бывают* — текст из сочинения дьякона Федора Иванова «Сказание об Аввакуме, Лазаре и Епифании» (см. Материалы, VI, стр. 45).

...меня и Никифора... на плаху — текст из «Жития» инока Епифания (см. Барсков, стр. 250).

...Лазарю... отрезати — текст из «Сказания об Аввакуме, Лазаре и Епифании» дьякона Федора (см. Материалы, VI, стр. 46).

Стр. 338. *...и Дамаскину Иванну по трех днях рука приросла...* — Житие Иоанна Дамаскина (Пролог, память 4 февраля) сообщает, что за его писания против императора-иконоборца Льва Исавра, которые были, «аки стрелы изощренны», у Иоанна была отсечена правая рука и повешена «на торжищи». Возвращенная Иоанну через три дня по его мольбе рука чудесным образом приросла обратно к туловищу.

...Лазарю в той же день язык... а старцу во вторый день — текст Записки Аввакума «О заточениях и расстрижении Аввакума и о сношениях его с Лазарем и Епифанием после первой их казни» (см. Памятники, стлб. 710—712).

И от того времени... Епифаний — текст из «Сказания об Аввакуме, Лазаре и Епифании» дьякона Федора (см. Материалы, VI, стр. 48).

Вы же, христолюбцы... светло глаголати — текст из «Христианоопасного щита веры» инока Авраамия (см. Материалы, VII, стр. 217—218).

Слышите... дерзость — текст из «Сказания об Аввакуме, Лазаре и Епифании» дьякона Федора (см. Материалы, VI, стр. 48).

И по трех днях... в темницах — текст из «Жития» инока Епифания (см. Барсков, стр. 251).

Стр. 338—339. *Во 177-м году... тако извольшу* — текст из пятой челобитной Аввакума Алексею Михайловичу (см. стр. 200—201).

Стр. 339. *...в книге Григория Беседовника...* — Имеется в виду «Беседовик Григория, папы римского, о житии отцев в Италии обретающихся» — сборник житий святых западнохристианской церкви.

...видение угодника божия Венедикта... — «Преподобный» Венедикт прославился своим аскетизмом. Пролог (память 14 марта) рассказывает, что когда Венедикт хотел «преставитися», «два монаха видеста во сне путь на небо восходящ и постлан ризами многоценными, и свещы многи возжженны».

А и ныне... веком — текст из пятой челобитной Алексею Михайловичу (см. стр. 201).

И по дву годех... к нам — текст из «Жития» инока Епифания (см. Барсков, стр. 251).

...со стрельцами... не послушали — текст из «Жития» инока Епифания (см. Барсков, стр. 251).

Стр. 340. *...посреде всего народа... руки сечь* — текст из «Жития» инока Епифания (см. Барсков, стр. 251).

Стр. 341. *Да ладно, так хорошо... крест с гойтаном...* — Ср. с текстом Послания Аввакума «верным» (см. стр. 242).

...я наг... яко Мелхиседек... — См. прим. к стр. 140—141.

...Иван Креститель... «...веруйте во Евангелие». — Ср. Евангелие от Марка, I, 4—15.

Стр. 342. *Тогда бо изменит господь... Никон патриарх с товарищи.*— Ср. «Списание и собрание о божестве и о твари и како бог созда человека» (см. Памятники, стлб. 665).

А правоверный... обрящет — текст из Послания Аввакума «верным» (ред. 1678 г.— см. Памятники, стлб. 815).

Апостоли Павел и Варнава на соборе сказывали... — О проповедях Павла и Варнавы сообщают Деяния апостолов, в гл. XIII—XV.

Вы же, братия... духовным порождением — текст из «Книги бесед» Аввакума (см. Памятники, стлб. 359).

Стр. 343. *...во 189-м году послан бысть от царя Феодора посланник.*— Царский указ повелевал казнить пустозерских узников «за великия на царский дом хулы». 14 апреля 1682 г. Аввакум, Лазарь, Епифаний и Федор были сожжены.

Абие — тотчас, сразу.

Авва — отец (духовный).

Агарянский — турецкий, мусульманский.

Агнец — частица просвиры, в момент литургии претворяющаяся якобы в тело Иисуса Христа.

Аер — воздух.

Аз — я; начало, первое.

Акафист — вид хвалебного церковного песнопения.

Албанасы — албанцы.

Алгимей, алгмей — мучитель, смутьян.

Аллилуйя — хвалебный возглас в богослужении (от древнееврейского выражения, обозначавшего: Восхваляйте господа).

Аманат — заложник, пленник; см. ясырь.

Амо — куда, см. камо.

Ано — а, ан.

Арган — орган — организм, часть его; см. уд.

Афедрон — задний проход.

Аще — если; разве, ли.

Б

Баба — пеликан.

Базлук — подкова с шипами, которую рыбаки подвязывают к подошве для ходьбы по гладкому льду.

Байник — говорун, пустослов.

Барте, борте — частица при обращении с разным значением: пожалуйста, пусть.

Батог, батожье — бич, хлыст, хворостина; см. шелеп.

Бачка — батюшка, отец.

Белец — живущий в монастыре, но не постриженный еще в монашество.

Бердыш — широкий топор с закругленным в виде полумесяца лезвием на длинном топорище.

Берный — бренный, тленный; см. тлимый.

Бесстудие — бесстыдство.

Беть — бревно, которое кладется поперек дощаника для скрепления бортов.

Блазненно, блазновато — стыдно.

Блазнить — искушать, вводить в сомнение, соблазнять.

Блудня — отпадение от истинной веры; прелюбодейство, блуд.

Блюстися — соблюдать, остерегаться.

Блядка — любодеица, блудница.

Блядословить — проповедовать ересь, обман.

Блядь — ложь; лживая, дьявольская вера; см. воровство, прелесть.

Бо — ведь, же, ибо.

Болезненный — участливый; трудный, тяжелый.

Боло — ведь.

Большо — знать, может быть, кажется.

Братися — бороться, сражаться.

Брашно — пища, еда.

Бродня — ходьба туда и сюда.
Брусить — бормотать.
Брыластый — толстогубый; имеющий большие, отвислые губы.

Велелепный — великолепный, роскошный.
Велелепота — великолепие.
Вервица — ременные четки; см. лествица.
Веременница — любовница.
Верста — сверстница; возраст.
Вертоград — сад.
Верх (мн. число верси) — вершина.
Вершие — древесные побеги, плоды.
Веси — знаешь.
Весный — известный.
Весь — деревня.
Вздивиять, вздивиячиться — сделать(ся) диким, одержимым, бесноватым.
Взнак — ничком, навзничь.
Взыскать — найти, возвратить.
Витать — пребывать где-либо, проживать, обитать.
Влагодить — падать, замирать.
Влающийся — колеблющийся, сомневающийся.
В мале — вскоре; см. по мале; в небольшом количестве.
Вменить — принять.
Внегда — когда; см. егда.
Во еже — чтобы; см. да же.
Возглавие — подушка.
Возгря — сопля.
Воздýх — покрывало на сосудах с причастием, сокроментом
Волокита — скитание, мытарство.
Волохи — влахи, румыны.
Волоченыки — ручные сани, нарты; салазки.
Вонми — внимай, слушай.
Воровать — мошенничать, плутовать, обманывать.
Воровство — ложь, ересь, распространение лживой веры; см. блядь, прелесть.

Восперенна — парящая в воздухе; см. превыспренний.
Во-ся, во-то — вот.
Впосолонь — по солнцу, с востока на запад.
Вседелельный — совершенный.
Втай — тайно.
Выспрь — вверх, ввысь к небу.
Вякать — рассказывать, беседовать, болтать.
Вящше — больше.

лавотяжец — головная повязка.
Глагол — слово, речь.
Гобзование — изобилие.
Годе — можно, угодно; годно — нужно.
Гойтан — гайтан; шнурок, на котором носят тельный крест.
Голка — мятеж, шум, паника.
Гон — мера расстояния.
Гордоус, гордоусец — гордец.
Горняя — вышнее, небесное; нагорное.
Гранограф — хронограф, хроника.
Гребь — весло.
Грезнь — гроздь ягод, виноградная кисть.
Гривенка — мера веса.
Грубый — невежественный.
Грядет — идет; грясти — идти.
Гузно — зад.

а, да же — союз-частица, вводящий побудительное и целевое предложение: чтобы, дабы, пусть; см. еже бы, во еже.
Дебело — грубо.
Дежем — движимый, поднимаемый.
Держава — поддержка.
Десный — правый, истинный, достойный.
Деять(ся) — делать(ся).
Дивий — дикий.
Дивить — удивляться.

Дидаскальство — наставничество.

Дискос — блюдце на подставке, на которое кладется вынутый из просвиры агнец.

Довлеть — быть достаточным; см. удовляться.

Дозде — до сих пор; доныне.

Докучать — усиленно просить; домогаться.

Дондеже, дондеж — до тех пор, пока.

Донележе — до тех пор, пока не.

Досталь — совсем.

Достальной — остальной.

Дощеник — большая плоскодонная лодка с палубой.

Дряхловати — печалиться, скорбеть.

Дух — испарение.

Егда, еда, внегда — когда; если.

Единако, единаче — также, еще, по-прежнему.

Еже — что; который; см. иже; как, если; еже есть — то есть, сиречь; еже бы — чтобы; см. во еже; будто.

Ез — плетень поперек реки, рыболовная застава; см. запор

Елико — если, сколько.

Елма — так как; см. понеже, зане.

Еродий -- цапля.

Женитва — брак, супружество.

Живот — жизнь; животный мир.

Животный — жизненный.

Жупел — горящая сера.

Завод — затея; дело, предприятие.

Зазор — стыд, смущение, срам.

Зазреть — осудить.

Залавок — подводный обрыв, уступ в реке.

Заматоревый — постарелый, состарившийся.

Замгнуть — задремать.

Замотай — мот, кутила.

Зане — так как; потому что; см. понеже; поскольку.
Заплутай — плут, см. ловыга.
Запор — плетень поперек реки для ловли рыбы; см. ез.
Засека — заповедный лес.
Зде — здесь, на этом месте; на этом свете.
Зелияница — овощное блюдо, растительная пища.
Зепь — карман, пазуха.
Зодейщик, зодийшик, зодийщик — звездочет, астролог.
Зодий — каждый из двенадцати знаков зодиака.

Иде — где.
Иже — который, кто; см. еже.
Избыть — избавиться, спастись.
Изверг — отверженный.
Извет — отговорка, предлог.
Изврат — извращение; см. прелесть.
Изгоня — немилость, опала, гонения.
Изженут, ижденут — изгонят, выгонят.
Измозгнуть — сгнить.
Изубрь — изюбр, крупный восточносибирский олень, марал.
Изуграф — иконописец.
Изящный — выдающийся, несравненный, лучший.
Инде — в иное время, иногда; в другом месте.
Ино — да, а; то; так; иное.
Инова — иногда; см. инде, овогда.
Ипостась — одно из лиц христианской троицы (бог-отец, бог-сын и бог — дух святой).
Исполнь — полный, наполненный.
Истнить — разрушить.

Кажение — окуривание ладаном.
Каженик — евнух, скопец.
Казить — коверкать, портить, искажать.
Камо — куда; см. амо.
Канун — канон, церковное песнопение; см. правило.

К а р б а с — большая плоскодонная перевозная лодка.
К а р к и н — рак (животное).
К а ф и з м а — каждый из двенадцати отделов псалтыри.
К е л а р ь — монах, заведующий хозяйством монастыря.
К е л е й н о е п р а в и л о — частная (не церковная) молитва.
К и р е л е и с о н — господи, помилуй *(греч.)*.
К л е в р е т — приспешник, соучастник.
К л о с н ы й — увечный, хромой.
К л у с и т ь — вести себя шутом, паясничать.
К о б ь — колдовство, волхвование.
К о в ы р я т ь — делать что-либо неумело; писать, говорить неумело.
К о е г о ж д о — каждого.
К о к о ш — курица-наседка.
К о л и т в е н н ы й — убойный.
К о л ь м и — особенно, тем более.
К о м у ж д о — каждому, всем.
К о н д а к — вид хвалебного церковного песнопения.
К о н о б — котел.
К о с н е т ь, коснить — медлить, мешкать.
К о с н ы й — медлительный, медленный.
К о с т е л ь н и к — приверженец костела, католической церкви.
К о т ы г а — рубаха, риза.
К р а г у й — ястреб.
К р а й — конец.
К р е с т ц ы — перекрестки, распутья.
К р е с т ь я н е — христиане.
К р и н — лилия, цветок.
К р ы ж — четырехугольный крест (римский).
К р ы л о с — клирос, место для певчих в церкви на возвышении перед иконостасом.
К р ы л о ш а н е — поющие на клиросе.
К р ю к — нотный знак в старинном безлинейном церковном письме.
К с т а е — кстати.
К у р е н ь — шалаш, землянка; см. хижа.
К у т ь я — здесь: каша из пшеницы.

Лагодить — потворствовать, подлаживаться.

Лайно — кал.

Ластовица — ласточка.

Левит — священнослужитель у древних евреев.

Лепый — красивый, хороший.

Лествица — четки с кистью кожаных лепестков, см. верница.

Лесть — соблазн, обман, ересь; см. прелесть.

Лизать — целовать.

Ликовствовать — праздновать, торжествовать, ликовать.

Литоргисать — совершать литургию, обедню, главное церковное богослужение.

Ловыга — плут; см. заплутай.

Логофетство — математика.

Лубье — кора, закрывающая окно в жилище.

Любы — любовь.

Льяло — место на дне дощаника, где скопляется и откуда вычерпывается вода.

Маковица — купол церкви.

Малакия — разврат.

Малакса — печать маслом на лоб; см. прим. к стр. 137.

Мало не — чуть не.

Манатья, мантия — монашеская длинная одежда в виде плаща.

Маслица — оливковое дерево.

Матица огня — огненная геенна, ад, тартар.

Медведь — залежалый товар.

Место — пора, время; до тех мест, покамест, докамест — до тех пор, пока; с тех мест — с тех пор.

Метание — земной поклон.

Мирсина — вечнозеленое кустарниковое растение, похожее на мирт.

Мнит ми ся — думается, представляется; хочется.

Мотыло — помет, кал.

Мочно — возможно, можно.

Мыт — понос.

Мытарь — мученик, страдалец; сборщик податей (мыта) в Иудее; притеснитель.

Мытоимец — мздоимец.

Набрушиться — наткнуться, напороться.

Навадник — клеветник, наветник.

Наздать — созидать, создавать.

Належать — наступать.

Напрасный — внезапный.

Нарок — намерение, зарок.

Невостягновенно — безудержно.

Невсклонно — не разгибаясь.

Негли, некли — может быть, пусть.

Нежд — сукровица, гной из раны.

Неизворотно — несподручно, неудобно.

Неключимый — недостойный, негодный.

Необратный — непреоборимый.

Неразместный — несоединимый; см. несместный.

Нерпа — тюлень.

Несместный — несоединимый, несмешанный.

Неясыть пустынная — мифическая птица; см. сирин, финикс; баба.

Ниже, ниж — ни, ни даже.

Ничать — склоняться.

Нужа — насилие, принуждение.

Нýжник (мн. число нужницы) — тот, кто прилагает усилия, добивается трудом, преодолевает нужду.

Нужный — трудный, тягостный, мучительный.

Обáвить — сообщить, объявить.

Обаче — однако, напротив.

Область — власть.

Обращение — возвращение, исправление.

Объюхатися — нанюхаться.

Ов, овый — этот.

Овогда — иногда.
Оглаголати — обвинить.
Оглагольник — обвинитель.
Однорядка — однобортная долгополая верхняя одежда без воротника.
Озобать — съесть.
Окротить (наст. вр. окрочу) — укротить, смирить.
Оле — междометие «о!».
Омуль — рыба из семейства лососей.
Онамо — там.
Он же — тот же.
Онагр — дикий осел; лошадь.
Опасно — осторожно, осмотрительно.
Опона — покров, завеса.
Опреснок — пресный хлеб.
Опрянуться — приодеться.
Ослопье — колья, дубины, палки; см. батог.
Острей — устрица, раковина.
Отай — тайно, см. втай.
Отгребаться — воздерживаться, остерегаться.
Отнележе — откуда, с каких пор; с тех пор.
Отнюду — откуда.
Оток — край.
Отпуст — молитва по окончании богослужения.
Отрадить — утешить.
Отщетиться — претерпеть, повредиться.
Очютиться — очнуться.
Ошиб — хвост.

Паки — опять, снова, еще.
Палестина — христианская церковь.
Память — записка, предписание.
Папарты — крылья.
Партесное пение — церковное многоголосое пение.
Патрахель, петрахиль — епитрахиль, часть облачения священника в виде длинной полосы ткани, надеваемой на шею и свешивающейся спереди.

Паче — более, тем более, лучше.

Пепелесый — пепельного цвета.

Перенос — большой выход во время литургии, перенесение причастия (хлеба и вина) с жертвенника на престол.

Перси — грудь.

Петь — частица с разным значением, чаще — вот; лишь.

Плесна — стопа, ступня.

Плижуще — ползающие, пресмыкающиеся.

Плищь — шум, смятение.

Плюскать — болтать, суесловить.

Повалуша — летняя, холодная спальня.

Повапленный — разукрашенный.

Подружие — супруга, жена.

Под спудом — в заточении, в темнице.

Пожар — пожарище, погорелое место.

Позорище — картина, вид, зрелище.

Полма — пополам, на две части.

Полтретья — два с половиной.

Полтретьятцеть — двадцать пять.

Польский — земной, бренный.

По мале — вскоре; см. в мале, таже.

Поне — хотя, только.

Понеже, понеж — так как; поскольку; см. зане.

Понос — оскорбление, срам, позор.

Понява — нижняя рубашка.

Поползнуться — соблазниться.

Порода — рай.

Посем — потом, затем; см. таже, по мале.

Поспешествовать — помогать, пользовать.

Потонку — подробно, детально.

Потребник — требник; книга, содержащая в себе молитвы религиозных служб.

Правило — богослужение, молитва.

Превыспренний — возвышенный, поднебесный; см. выспрь, горняя.

Предстательство — заступничество.

Прежде даже — прежде чем.

Презорство — высокомерное пренебрежение.

Преизлиха, попреизлиха — чрезвычайно, весьма.
Прелагатай — лазутчик, шиш, соглядатай.
Прелестная вера — ересь.
Прелесть — обман, заблуждение, соблазн, ересь.
Препретаться — убеждать, побеждать в споре.
Пререковать — возражать, прекословить.
Претить — запрещать, заказывать.
Приклякивать — преклоняться; припадать, обращаться с молитвой.
Присещение — посещение, попечение, забота.
Присно — всегда, вечно.
Прозябающая — растительность.
Прозябнуть — прорасти, дать всходы.
Прокуда — колдовство, грех.
Просвира, просфира — белый круглый хлеб из крутого теста.
Протори — расходы, издержки.
Пружаться — напрягаться; становиться гордым.
Прузи — саранча.
Пря — спор, прения; см. стыр.
Прягать — жарить в масле.
Пырскать — брызгать слюной, блевать, нападать.
Пыщить — пучить, надувать.
Пяток — пятница.

Рабичищо, рабыня — служанка, прислуга; см. сенная.
Разболочь — раздеть.
Разве — кроме.
Развратиться — отклониться от истинного пути.
Растесать — рассечь.
Ратоваться — состязаться, спорить.
Рафленый — утонченный, изысканный (о блюдах, например: рафленая кура).
Рели — перекладина.
Ретиться — состязаться.
Ристать — бегать, носиться.

Рогозница — постель; подстилка, сплетенная из мочал.
Родостама — розовая вода.
Роженье — колья, прутья.
Рожцы — стручки.
Романея — виноградное вино высокого качества.
Роспоп — распоп — расстриженный поп; поп-расстрига, лишенный сана.
Ротиться — клясться.
Рцы — говори.
Рында — телохранитель.
Рычаг — ухват.

Свариться — ссориться.
Свешник — светильник.
Святба — святость.
Святиться — славиться, быть почитаемым.
Седмица — неделя.
Селаха — рыба из семейства карповых.
Селитба — жилище, жилье.
Сем, сем-ка — ну, ну-ка, давай.
Сенная (девка) — служанка; см. рабичищо.
Сикер — хмельной напиток, бражка.
Сиповщик — дудочник, свирельщик.
Сирин — мифическая птица; см. финикс, неясыть.
Сице — так.
Сказка — показание, и объяснение.
Скимен — львенок.
Складеньки — складная икона.
Сколец, сколка — раковина.
Скутаться — скрыться.
Скуфья — остроконечная мягкая шапка черного или фиолетового цвета.
Сличный — подобный, равный.
Служебник — церковная книга, содержащая тексты, по которым совершается богослужение.
Смотрение — предначертание, промысл.
Смущаться — беспокоиться, бояться.

Снискание — изыскание, сочинение.
Собство — свойство, сущность.
Совсельник — тот, кто поселился с другим в одном месте.
Сокромент — причастие (вино и хлеб).
Сорокоуст — плата за молитву в церкви об умершем в течение сорока дней после смерти.
Сошка — подставка.
Ставец — деревянная точеная миска.
Старица — монахиня.
Стень — тень, призрак.
Стерх — белый аист.
Стихер, стихера — вид хвалебного церковного песнопения.
Студенец — родник, колодец.
Студень — холод, стужа, мороз.
Студный — постыдный, позорный.
Стужать — усиленно просить; см. докучать.
Стыр — спор; см. пря.
Су — частица при обращении.
Сугубый — двойной.
Суторщина — вздор.
Сый — существующий, сущий; вечно сущий.

Таже — потом, после; см. посем, по мале.
Таймень — рыба из семейства лососевых.
Татьба — воровство, кража.
Тля — тлен, все бренное.
Тлимый — бренный, подверженный тлению.
То, того, тому, тех, тем — выделительная часть, употребляющаяся после выделяемого слова.
Тогда-сегда — вот-вот, иногда.
Той же — он же.
Томный — утомленный, усталый.
Торгати — бить, биться.
Точен — подобен, равен.
Точию — только, лишь.
Тощно — скоро, поспешно.
Третицею — трижды.

Тружаться — заботиться, мучиться.
Туга — горе, кручина, печаль.
Тутнание — звучание, шум.
Тщиться — стараться, усердствовать.

Убо — же, ведь, в таком случае.
Убрус — платок.
Уд — часть тела (рука, палец и т. п.); см. арган.
Удовляться — довольствоваться, удовлетворяться; см. довлеть.
Удоль — юдоль плачевная, мир горя и забот; см. волокита.
Уже, ужа — веревка.
Улыскаться — улыбаться.
Умерый — умерший, дохлый.
Уметы — помет, грязь.
Уньший — лучший.
Уряжение — устройство, сооружение; сбруя.
Усмарь — сапожник.
Устав — церковный порядок, правила.
Уставить — остановить.
Устне — губы.
Утрудить — утомить.
Ухари — маски (скоморошьи).

Ферязь — верхняя комнатная одежда без воротника и перехвата, с длинными суживающимися рукавами.
Фиал, фиял — чаша, кубок.
Фигура — послание, написанное высоким слогом.
Финикс — мифическая птица; см. сирин.
Фок — тюлень.
Фусточка — платок.

Хартия — бумага.
Хижа — лачуга, шалаш; см. курень.
Ходатайственный — посредствующий.

Чекан — топорик с молоточком на длинной (аршинной) рукоятке.

Чермный — темно-красный, багряный.

Чин — установленный порядок; одежда.

Шарпаться — скрести, ныть.

Шелеп, шелепуга — плеть, кнут; см. батог.

Шептун — знахарь, колдун.

Шиш — лазутчик, соглядатай.

Шпынский — шутовской, скоморошний.

Шурмовать — суетиться.

Шулнятка — живот, чрево.

Ю — ее.

Юзилище — темница, тюрьма.

Юзы — узы, оковы, цепи.

Ябедник — доносчик, клеветник, сутяга; см. навадник.

Язя — болезнь, язва.

Ярыжка — низший служитель приказа.

Ясырь — пленники.

ОСНОВНЫЕ ИЗДАНИЯ ТЕКСТОВ АВВАКУМА

Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, изд. Д. Е. Кожанчикова, СПб. 1862.

Материалы для истории раскола за первое время его существования. Под редакцией Н. И. Субботина, т. I, М. 1875; т. V, 1879; т. VIII, 1887.

Барсков Я. Л., Памятники первых лет русского старообрядчества, вып. 1, СПб. 1912.

Сочинения бывшего юрьевецкого протопопа Аввакума Петрова. Изд. братства св. Петра митрополита, М. 1916.

Памятники истории старообрядчества XVII в., кн. 1, в. 1. Русская историческая библиотека, т. 39, Л. 1927.

Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. Редакция, вступительная статья и комментарий Н. К. Гудзия. Academia, [М.] [1934].

Малышев В. И., Три неизвестных сочинения протопопа Аввакума и новые документы о нем. Доклады и сообщения Филологического института Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова, вып. 3, 1951, стр. 255—266.

Малышев В. И., Два неизвестных письма протопопа Аввакума. Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР, т. XIV, М.— Л. 1958, стр. 413—420.

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА ОБ АВВАКУМЕ

Щапов А. П., Русский раскол старообрядства, рассматриваемый в связи с внутренним состоянием русской церкви и гражданственности в XVII веке и в первой половине XVIII. Казань, 1859. См. Сочинения, т. I, СПб. 1906.

Мякотин В. А., Протопоп Аввакум. Его жизнь и деятельность. Биографический очерк, СПб. 1893; изд. 4-е, Пг. 1917.

Смирнов П. С., Внутренние вопросы в расколе в XVII в., СПб. 1898.

Бороздин А. К., Протопоп Аввакум. Очерк из истории умственной жизни русского общества в XVII в., изд. 2, СПб. 1900.

Каптерев Н. Ф., Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович, тт. I—II. Сергиев Посад, 1909, 1912.

Ключевский В. О., Западное влияние и церковный раскол в России в XVII в.— Очерки и речи, М. 1913.

Смирнов С., Древнерусский духовник, М. 1914, гл. VII.

Плеханов Г. В., История русской общественной мысли, т. II, М. 1919, гл. XI—XII.

Виноградов В. В., О задачах стилистики. Наблюдения над стилем «Жития протопопа Аввакума». Русская речь, сборник статей под редакцией Л. В. Щербы (Труды Фонетического института практического изучения языков, в. 1), Пгр. 1923, стр. 195—293.

Черных П. Я., Очерки по истории и диалектологии северно-великорусского наречия. «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное» как памятник северно-великорусской речи XVII столетия, I—II, Иркутск, 1927.

Никольский В. К., Сибирская ссылка протопопа Аввакума Ученые записки Института истории (РАНИОН), т. II, М. 1927, стр. 137—167.

Гудзий Н. К., Протопоп Аввакум как писатель и как культурно-историческое явление. В кн.: «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное» и другие его сочинения, Academia, М. 1934, стр. 7—59.

Pascal Pierre, Avvakum et les débuts du raskol. La crise religieuse an XVII-e siècle en Russie. Paris, 1938.

Черных. П. Я., Говор села Григорова Лысковского района Горьковской области (к вопросу о севернорусской основе языка протопопа Аввакума). Ученые записки Ярославского государственного педагогического института, в. IV, Русское языкознание, Ярославль, 1944, стр. 77—92.

Комарович В. Л. и Лихачев Д. С., Протопоп Аввакум. В кн.: История русской литературы, т. II, ч. 2, изд. АН СССР, М.— Л. 1948, стр. 302—322.

Малышев В. И., Заметка о рукописных списках «Жития» протопопа Аввакума (материалы для библиографии). Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР, т. VIII, М.— Л. 1951, стр. 379—397.

Малышев В. И., Русские писатели о «Житии» протопопа Аввакума. Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР, т. VIII, М.—Л. 1951, стр. 388—391; т. IX, 1953, стр. 404. См. также т. X, 1954, стр. 443—444.

Анкудинова Л. Е., Социально-политическая сущность религиозно-общественного движения в русском государстве третьей четверти XVII в. (автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук), Л. 1951, стр. 8—12.

Малышев В. И., Неизвестные и малоизвестные материалы о протопопе Аввакуме. Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР, т. IX, М.— Л. 1953, стр. 387—404.

Малышев В. И., Библиография сочинений протопопа Аввакума и литературы о нем 1917—1953 годов. Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР, т. X, М.—Л. 1954, стр. 435—446.

Zenkovsky S. A. The old believer Avvakum: his role in Russian literature.— Jndiana Slavic Studies, v. 1. Jndiana University, Bloomington, Jndiana, 1956, pp. 1—51.

Sorensen Hans Chr., Die stilistische Verwendung kirchenslavischer Sprachelemente in der Autobiographie Avvakums.— Scando Slavica, 1957, v. III, p. 154—175.

Гусев В. Е., Заметки о стиле «Жития» протопопа Аввакума. Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР, т. XIII, М.— Л. 1957, стр. 273—281.

Малышев В. И., Сочинения протопопа Аввакума в собрании Института русской литературы АН СССР (Пушкинского дома).— Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР, т. XIII, М.— Л. 1957, стр. 581—590.

Виноградов В. В., К изучению стиля протопопа Аввакума, принципов его словоупотребления. Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР, т. XIV, М.—Л. 1958, стр. 371—379.

Гусев В. Е., «Житие» протопопа Аввакума — произведение демократической литературы XVII в. (Постановка вопроса). Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР, т. XIV, М.— Л. 1958, стр. 380—384.

Робинсон А. Н., Аввакум и Епифаний (К истории общения двух писателей). Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР, т. XIV, М.—Л. 1958, стр. 391—403.

Сарафанова Н. С., Идея равенства людей в сочинениях протопопа Аввакума. Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР, т. XIV, М.—Л. 1958, стр. 385—390.

Мазунин А. И., Три стихотворных переложения «Жития» протопопа Аввакума. Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР, т. XIV, М.—Л. 1958, стр. 408—412.

Jakubowski W., Polscy przyjaciele protopopa Awwakuma (Referat przedstawiony na zebraniu dnia 18. IV. 1958 w Warszawie).— Sprawozdań z prac naukowych wydziatu nauk spolecznych, 1958, zeszyt 6, Komitet slowianoznawstwa s. 61—68.

Робинсон А. Н., О художественных принципах автобиографического повествования у Аввакума и Епифания. Славянская филология, сборник статей к IV Международному съезду славистов, II. Изд. АН СССР, М. 1958, стр. 245—272.

Малышев В. И., Две заметки о протопопе Аввакуме — в кн. «Из истории русских литературных отношений XVIII—XX вв.», М.—Л. 1959, стр. 344—352.

ПЕРЕВОДЫ «ЖИТИЯ»

The life of the Archpriest Avvakum by Himself. Translated from the Seventeenth Century Russian by Jane Harrison and Hope Mirrlees, with a Preface by Prince D. S. Mirsky. London, 1924.

Das Leben des Protopopen Awwakum von ihm selbst niedergeschrieben. Übersetzung aus dem Altrussischen nebst Einleitung und kommentar von Rudoif Jagoditsch. Berlin, 1930.

La vie de l'archiprêtre Avvakum, écrite par lui — même. Traduite du vieux russe avec une introduction et des notes par Pierre Pascal. Paris, 1938.

Protopop Avvakum. Hayatim. Hihal Yalaza Taluy tarafindan dilimize çervilmistir. Jstanbul, 1946 (на турецком языке).

The Life of Archipriest Avvakum by Himself.— в изд. «A Tresury of Russian Spirituality». Complied and edied by G. P. Fedotov, London, 1950, стр. 137—181 (перевод Елены Извольской).

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОБРАБОТКИ «ЖИТИЯ»

Мордовцев Д. Л., Великий раскол, историческая повесть, М. 1881.

Мережковский Д. С., Протопоп Аввакум, поэма. Собрание стихов, М. 1904.

Волошин М., Протопоп Аввакум, поэма. Сборник стихотворений «Демоны глухонемые», Харьков, 1919.

Амфитеатров А., Семик, пролог к историческому представлению «Протопоп Аввакум». Альманах «Сполохи», Берлин, 1921, № 2, стр. 4—10; 1922, № 3, стр. 10—17.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ В СНОСКАХ И КОММЕНТАРИИ

ф. 98 — фонд 98. (Собр. Е. Е. Егорова) — Отд. рукописей Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина. № 1366 — список XVIII в.; № 1885 — список конца XVIII в.; № 1898 — список XVIII—XIX вв.

ф. 203 — фонд 203 (Собр. Общества истории и древностей российских) — Отд. рукописей Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина. п. 188, ед. 12 — список новейшего письма.

ф. 212 — фонд 212 (Собр. Олонецкой семинарии) — Отд. рукописей Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина. № 54 — список XVIII в.

ф. 236 — фонд 236 (Собр. А. Н. Попова) — Отд. рукописей Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина. № 2548 — список новейшего письма.

Музейн. собр. — Музейное собрание.— Отд. рукописей Гос. исторического музея. № 2582 — список конца XVIII в.; № 3003 — список конца XVII — нач. XVIII в.

Синодальное собрание — Синодальное собрание свитков.— Отд. рукописей Гос. исторического музея.

Собр. Богданова — Собрание П. Д. Богданова.— Отд. рукописей Гос. публ. библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Собр. Гос. архива — Собрание Гос. архива, VII, Б. 14 — Центральный государственный архив древних актов.

Собр. Дружинина — Собрание В. Г. Дружинина.— Отд. рукописей Библиотеки АН СССР. № 467 — список XVIII в.

Собр. митр. Макария — Собрание митрополита Макария.— Отд. рукописей Гос. публ. библиотеки АН УССР, Киев.

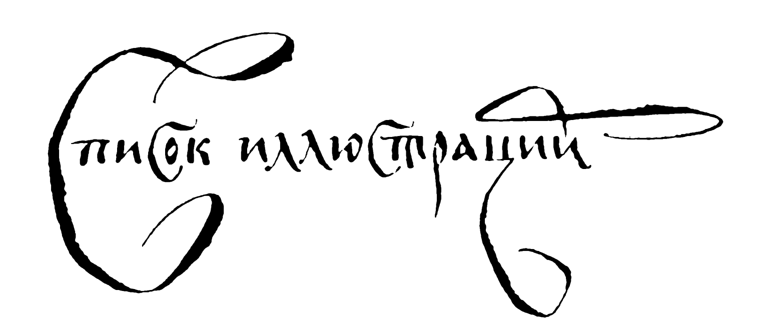
Собр. Хлудова — Собрание А. И. Хлудова.— Отд. рукописей Гос. исторического музея. № 257 — список нач. XIX в.

Барсков — Я. Л. Барсков, «Памятники первых лет русского старообрядчества». Летопись занятий Археографической комиссии, т. XXIV, СПб. 1912, и отдельное издание.

Материалы — Материалы для истории раскола за первое время его существования. Под редакцией Н. И. Субботина, тт. I—IX, М. 1875—1890.

Никольский — В. К. Никольский, «Сибирская ссылка Аввакума». Ученые записки Института истории (РАНИОН), т. II, М. 1927.

Памятники — Памятники истории старообрядчества XVII века. Кн. I, вып. I. Русская историческая библиотека, т. 39, Л. 1927.


Список иллюстраций

ИЗ «КНИГИ ТОЛКОВАНИЙ»

ЧЕЛОБИТНЫЕ, ПИСЬМА, ПОСЛАНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ

ЖИТИЕ ПРОТОПОПА АВВАКУМА

Редактор М. Гордон

Оформление книги художника
С. ТЕЛИНГАТЕРА
Художеств. редактор И. Жихарев
Технический редактор В. Гриненко
Корректоры М. Доценко и А. Чернявская

Сдано в набор 21/V 1959 г.
Подписано к печати 31/X 1959 г.
Бумага 70×92 1/16 — 30 печ. л. = 35,1 усл. печ. л. 25,96 уч.-изд. л. + 5 вклеек = 26,71 л.
Тираж 30 000. Цена 11 р. 50 к. Заказ № 3147.
Гослитиздат
Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19

Первая Образцовая типография имени
А. А. Жданова
Московского городского совнархоза
Москва, Ж-54, Валовая, 28

ОПЕЧАТКИ

Стр.	*Строка*	*Напечатано*	*Следует читать*
25	7 св.	им	ум
44	11 св.	Монаха	Мономаха
82	2 сн.	рекации	редакции
219	14 сн.	пусем	писем
391	12 св.	это	что
435	1 св.	«отцам» святым	«отцам святым»

Житие протопопа Аввакума